Medium Aevum

И.А. Краснова

Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари

Mediae
Valia

Irina Krasnova

The Florentine society in the second half of the XIIIth–XIVth centuries:

the nobility and common people, "good" merchants and knights

Center for humanitarian initiatives
Moscow – Saint-Petersburg
2018

И.А. Краснова

Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2018

УДК 94(100-87)(09)
ББК 63.3(0)4
К78

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

д.и.н., проф. МГУ Л.М. Брагина,
к.и.н., с.н.с. Института истории Санкт-Петербургского отделения РАН
Н.Б. Срединская,
с.н.с. ИВИ РАН И.В. Дубровский

Краснова И.А.
К78 Флорентийское общество во второй половине XIII—XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари / И.А. Краснова. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 494 с. — (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-872-5

В книге исследуется процесс трансформации социальных отношений в коммунальном обществе Флоренции XIII—XIV вв. и выделяется особый его аспект — урбанизация древних родов феодальной знати, переселявшихся во Флоренцию (XI—XII) и адаптировавшихся к новому образу жизни. Возвышение пополанских слоев, добившихся в XIII в. организации по территориально-административному принципу (1250 г.), а затем по корпоративно-цеховому (1282), стало причиной социальной борьбы между знатью и народом, приведшей к победе пополанов и утверждению антимагнатского законодательства — «Установлений справедливости» (1293 г.), что позволило народу оказаться на вершине социальной иерархии. Однако развитие основного противоречия флорентийского общества сопровождалось явлениями социального синтеза. Представители урбанизированной знати были вынуждены вступать в старшие цехи, создавать торгово-банковские компании, объединяясь с пополанами, чтобы получить доступ к управлению городом. Представители народа, стремясь возвыситься, становились кавалерами, обзаводились в городе палаццо и башнями, а в контадо — земельными владениями, воспринимали рыцарские ритуалы и формы праздничной культуры. В сфере ментальных установок происходил синтез ценностей куртуазной культуры и противостоящего им нравственно-этического комплекса «доброго купца».

Книга адресована историкам, политологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, в интересы которого входит история и общественная жизни Италии XIII—XIV вв.

ISBN 978-5-98712-872-5

© Краснова И.А., 2018
© Гладков А.К., составление серии, 2018
© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2018

Оглавление

Введение 7
§ 1. Дискуссия об основном социальном противоречии коммунального общества Флоренции XIII—XIV вв. 7
§ 2. Терминология источников 15

Часть I. Знать без народа: процессы урбанизации
Глава I. Между замками и городом 27
§ 1. Мифы о происхождении древнейшей знати Флоренции 27
§ 2. Знатные фамилии Флоренции в XI—XII вв.: сословные признаки 43
§ 3. Урбанизация нобильских родов 47
Глава II. Знать внутри городских стен 55
§ 1. Город башен 55
§ 2. Ротации фамилий флорентийской знати 64
§ 3. Культурные рефлексии о знатности рода и благородстве личности во второй половине XIII в. 73
Глава III. Пример социальной самоидентификации представителей рода Кастильонкьо 81
§ 1. Критерии знатности городских нобилей в восприятии Лапо да Кастильонкьо и Винченцо Боргини 81
§ 2. Лапо да Кастильонкьо об истоках своего рода 91
§ 3. Опыт переживания трансформации социального статуса в семье Кастильонкьо 96
Глава IV. Городское общество и рыцари 113
§ 1. Историографические версии и терминология 113
§ 2. Ценности мироощущения *milites* в анонимной хронике XIII в. 120
§ 3. Достоинства и пороки рыцарей в восприятии горожан XIV—XV в. 130
§ 4. Значение рыцарских ритуалов в городском обществе Флоренции 137

Часть II. Пополаны и нобили: противостояние или конвергенция?
Глава I. Формирование основного социального противоречия в XIII—начале XIV в. 153
§ 1. От складывания предпосылок *Primo Popolo* до кульминации открытого противостояния (1293 г.) 153

§ 2. Окончательная победа народа: «Установления справедливости» ... 170
§ 3. Социальный компромисс и межпартийный антагонизм на рубеже XIII—XIV вв. ... 179
Глава II. Место грандов в коммунальном обществе в конце XIII—первой половине XIV в. ... 189
§ 1. Экономические связи нобилей и пополанов. ... 189
§ 2. «Мастера войны» ... 196
§ 3. Гранды как «люди власти» ... 207
Глава III. Враги, мятежники против коммуны и маргиналы из знатных родов ... 213
§ 1. «Проклятые Убальдини»: образ врага ... 213
§ 2. Два городских нобиля из рода Донати: разные образы восприятия ... 230
§ 3. «Очень знатный, но очень бедный»: казус Джованни ди Филиппо Кавальканти ... 245
Глава IV. Пополаны на вершине социальной иерархии ... 267
§ 1. Сопротивление попыткам отмены «Установлений справедливости» ... 267
§ 2. Сосуществование пополанов и грандов в середине—второй половине XIV в. ... 281
§ 3. Город-коммуна и консортерии нобилей ... 296
§ 4. Самоидентификация с пополанским сообществом: казус Донато Веллути ... 320
Глава V. Критерии социального возвышения в городе ... 331
§ 1. «Новые граждане» Флоренции ... 331
§ 2. Время обитания и освоение пространства внутри городских стен ... 356
§ 3. Горожане как собственники земли: пространство за пределами городских стен ... 369
Глава VI. Практики социально-культурного синтеза: стремление пополанов к знатности ... 385
§ 1. Ценности торгово-ремесленной среды: этос «доброго купца» ... 385
§ 2. Атрибуты знатности и рыцарских достоинств как символы социальной эскалации пополанства ... 400
Глава VII. Выдающиеся граждане в коммунальном социуме ... 407
§ 1. За что ценили дипломатов во Флоренции? ... 407
§ 2. Граждане Флоренции у монарших престолов: Никколо дельи Аччайуоли и Филиппо Сколари ... 416

Заключение ... 441
Библиография ... 448
Указатель имен ... 463
Summary ... 486

Введение

§ 1. Дискуссия об основном социальном противоречии коммунального общества Флоренции XIII—XIV вв.

С конца XVIII в. противоречие между магнатами и пополанами стало объектом преимущественного исследования при изучении основ коммунального общества Флоренции. В те годы, как и в XIX в., преобладала историографическая парадигма, исходящая из убежденности в том, что Флоренция являлась образцовой «моделью» пополанской средневековой демократии, основанной на главенстве торгово-ремесленных корпораций над представителями старого правящего класса, т.е. магнатами. В первой половине XX в. концепция об абсолютном антагонизме между народом и знатью в городе на Арно начала подвергаться пересмотру, затронувшему важные вопросы коммунальной истории Флоренции, на которые до сих пор в исторической литературе единой точки зрения не существует. По мнению современного итальянского историка П. Гвальтьери, эти вопросы представляли «очень сложный узел с настолько же запутанной проблематикой, относящейся к развитию и утверждению пополанства, существенный политический успех которого, как и известный факт дискриминации и относительной политической маргинализации старого правящего слоя, приобрел для Флоренции почти абсолютный характер и значение»[1].

Начало дискуссии положили Гаэтано Сальвемини и русский историк-эмигрант Николай Оттокар. В центре их исследований стоял «вопрос о магнатах» как фундаментальная проблема не только истории Флоренции, но и всех городов-коммун Италии XIII—XIV вв. Труды Гаэтано Сальвемини и Николая Оттокара, разделенные по времени дистанцией около 25 лет, обозначили последующие историографические

[1] *Gualtieri P.* Il Comune di Firenze tra due e trecento. Partecipazione politica e assetto istituzionale. Firenze, 2009. P. 70. Суть историографических дебатов см.: *Maire-Vigeur J.-C.* Il problema storiografico: Firenze come modello (e mito) di regime popolare // Magnati e popolani nell'Italia comunale. Atti del qiundicesimo Convegno di studi, Pistoia, 15—18 maggio 1995. Pistoia, 1997.

дебаты, способствуя поляризации позиций при попытках решения проблемы противостояния между магнатами и пополанами.

На рубеже XIX—XX в. Гаэтано Сальвемини, который специально занимался рассматриваемыми сюжетами, утверждал наличие в обществе Флоренции острой борьбы между двумя основными сословиями и придавал исключительно большое значение «Установлениям справедливости» 1293 г.; они, по его мнению, стали причиной дальнейшего расцвета коммуны и не дали ей выродиться в мелкий бург под управлением земельных собственников. Г. Сальвемини, разделяя в некоторой степени марксистские позиции, видел в этом противостоянии классовую борьбу между сословием сельских рантье-магнатов и слоем торгово-ремесленных производителей — пополанов[2]. Концепция Сальвемини имела многих последователей в первой половине—середине XX в.: ее придерживались такие известные историки, как Р. Каджезе, Н. Родолико, Р. Давидсон, Ф. Каталано и другие[3].

Н. Оттокар, на воззрения которого существенно повлияли враждебное неприятие революции 1917 г. в России и ненависть к большевистскому режиму, признавал различия между грандами и пополанами внутри Флоренции, отрицая вместе с тем политическую борьбу между ними — «это спорная концепция, не подтвержденная действительностью»[4]. Ученый рассматривал вопрос в общественно-политической плоскости, интерпретируя антагонизм как противостояние правящих олигархий, социально и экономически преобладающих в городе. Отмечая, что в 1282—1293 гг. не произошло существенных изменений в составе правящей элиты, Оттокар осуждал принципы Сальвемини, Давидсона и следующих за ними историков, исходящие, как он полагал, из предвзятой концепции классовой борьбы между нобилями и плебсом: «Политические упования пополанства расцениваются ими, как факт всегда актуальный и всегда идентичный. Идея о том, что интересы общества могли в определенных реальных условиях воспринимать другие формы политической организации, считается антиисторической, потому что она нарушает <...> воображаемые отношения, неизменяемые и вечные, между "классами" флорентийско-

---

[2] *Salvemini G.* La dignità cavallersca nel Comune di Firenze e altri scritti / A cura di E. Sestan. Milano, 1972.

[3] *Salvemini G.* Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Torino, 1974. P. 48—49; *Catalano F.* Stato e società nei secoli, pagine di critica storica. Messina;Firenze, 1967. Vol. I. L'età medievale. P. 228—229; *Caggese R.* Firenze dalla decadenza di Roma al Risorgimento d' Italia. Firenze, 1911. Vol. II. Dal priorato di Dante alla caduta della repubblica.

[4] *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Torino, 1962. P. 90—97. Он заявлял, что пополаны в лучшем случае выступали только против некоторых крайних проявлений амбиций магнатов.

го общества»[5]. Сам он утверждал следующий вывод: «Предположение, что в политической жизни Флоренции доминировал в те годы (80-е гг. XIII в. — *И.А.*) контраст между двумя оппозиционными партиями — магнатами и пополанами, и что пополанская партия находила свое выражение в ремесленном Приорате, противоречит реальности. Правящие элементы ремесленного мира <...> и высшие магнатские слои Флоренции объединялись слишком тесно внешнеполитической необходимостью, старыми политическими и партийными связями, многочисленными персональными и экономическими отношениями». По мнению Оттокара, они не являлись «носителями вечной "пополанской программы" и представителями <...> социального класса, непосредственно противостоящего магнатскому слою. Социальные контрасты между магнатами и пополанами не представляли доминирующего мотива флорентийской истóрии этого периода»[6].

Им также высказывались ценные и не утратившие актуальности наблюдения: флорентийские магнаты были тесно связаны с торговлей, банковским делом и другими видами предпринимательства[7]; пополанские фамилии в XIII в. входили в состав правящей элиты и различные властные структуры, включая и посты в руководстве гибеллинской и гвельфской партиями[8].

Последователи Н. Оттокара, в частности, Д. Пампалони, были склонны утверждать преобладание симбиоза между народом и бывшими выходцами из старой феодальной знати. Пампалони полагал, что «не было никаких особых различий между грандами и пополанами, кроме тех, которые мы сами придумали <...> обе группы составляли единый комплекс, а говорить о постоянной борьбе или антагонизме между ними — явное заблуждение, далекое от истины»[9]. Американский исследователь Н. Рубинстейн также не разделял концепции Сальвемини о

---

[5] Ibid. P. 49—52. Русский историк полностью отказывал в достоверности одному из основных источников, откуда черпали сведения ученые конца XIX—начала XX в. — «Хронике» Джованни Виллани, во всяком случае в том, что касалось явлений второй половины XIII в., считая, что Виллани просто автоматически перенес в эти описания современные ему институты (Ibid. P. 58). Серджо Раведжи на основе архивных документов подтвердил достоверность данных Виллани относительно состава гвельфской и гибеллинской знати середины XIII в. См.: *Raveggi S.* Il regime ghibellino // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978. P. 29—30.

[6] *Ottokar N.* Il Comune. P. 121.

[7] Это заключение Н. Оттокара подтверждается данными С. Раведжи и М. Тараси: *Raveggi S.* Op. cit. P. 37—39, 53; *Tarassi M.* Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso. P. 103—106, 110, 113, 116—117.

[8] *Ottokar N.* Il Comune. P. 53—54, 59—62.

[9] *Pampaloni D.* Tornaquinci, poi Tornabuoni fino ai primi de Cinquecento // Archivio Storico Italiano. 1963. Vol. CXXVI. P. 343.

классовой борьбе между народом и властью, которую он называл «бесплотной гипотезой»[10].

Подобный подход отличал труды известных историков XX в. А. Тененти и Р. Романо, заявлявших о «симбиозе между буржуазным и феодальным сословиями», а также Ж. Ле Гоффа и Р. Мандру, приходящих к заключению о «сцеплении торговой буржуазии с феодальной знатью», «интеграции между двумя этими группами, которая в Италии была сильнее, чем где бы то ни было»[11]. Указанные исследователи склонялись к тому, что городское общество Флоренции вряд ли можно считать сословным в обычном понимании этого слова применительно к Позднему Средневековью. Жак Ле Гофф полагал, что к концу XIV в. во Флоренции менялось само понятие «знатность»: главным его критерием становилось не происхождение из старого феодального рода и рыцарское достоинство, а скорее социально-политический статус в городе и количество предков, занимающих высшие должности.

С последней трети XX в. в историографии наметилась явная тенденция отказа от полярности позиций историков XIX—первой половины XX в. как следствие попыток более глубокого изучения на основе архивных документов внутренней динамики социально-экономических и политических процессов внутри феодальной по своему происхождению знати, стоящей у истоков коммунальной ассоциации, или позднее переселившейся в город[12]. Исследование взаимодействий магнатов и пополанов в рамках городского пространства, на уровне разных форм сотрудничества и вражды, выливающейся в кровавые вендетты, позволяет более обоснованно показать не только проявления противостояния между двумя основными слоями флорентийского общества, но и пути его преодоления.

Отправным пунктом представляется появление коллективной монографии (1978 г.) «Гибеллины, гвельфы и жирный народ: носители политической власти во Флоренции», авторами которой стали представители школы Элио Конти, каждому из которых был поручен определенный аспект исследования социальной истории Флоренции XIII в. Во всех

[10] *Rubinstein N.* La lotta contro i magnati a Firenze. La prima legge sul "sodamento" e la pace del Cardinalo Latino // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1935. Vol. II. № 2. P. 171.

[11] *Romano R., Tenenti A.* Il Rinascimento e la Riforma (1378—1598). Torino, 1972. P. 117—118; *Le Goff J.* Marchands et banquiers du Moyen Âge. P., 1972. P. 43—46; *Mandrou R.* Introduction a la France moderne (1500—1640). P., 1961. P. 151.

[12] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). L' espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze, 2010. P. 359—361; *Maire Vigueur J.-C.* Flussi, circuiti e profile // I podestà dell' Italia comunale / A cura di J.-C. Maire Vigueur. Roma, 2000. Parte I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec.—metà XIV sec.).

разделах книги прослеживается тенденция не отклонять ту или иную точку зрения, но подвергать их взвешенному и критическому анализу на основе вводимых в оборот архивных документов. Отдавая должное суждениям Н. Оттокара, авторы обоснованно заявляли, что далеко не всегда они подтверждались документально, прежде всего, по той причине, что многие аутентичные источники не сохранились[13], а также указывали на недостаточность его аргументов и неточность датировок[14]. Так, Даниэла Медичи соглашалась с Н. Оттокаром в том, что магнатские фамилии сохраняли свою жизнеспособность вплоть до 1293 г., опираясь на политический престиж и такую мощную структуру, как партия гвельфов. Однако она не принимала в полной мере позиции Н. Оттокара в отношении неизменности состава Приората с 1282 по 1292 гг. Нобили были представлены в Советах и занимали самые почетные должности, исполняли важнейшие дипломатические миссии, осуществляли полководческие функции, но в меньшей степени состояли в Приорате цехов, который становился все более значимым исполнительным и распорядительным органом: с 1282 по 1292 гг. всего 13 % членов Приората являлись грандами. Очень важным представляется наблюдение Д. Медичи, что в Приорате гранды участвовали «не как носители фамилий знати», но как «члены старших цехов, т.е. выступали не столько представителями того социального слоя, к которому принадлежали, но скорее торгово-ремесленных кругов»[15]. Согласно исследованиям Медичи, с 1282 по 1293 гг. существенно уменьшилось представительство фамилий древней нобильской аристократии, составивших в Приорате всего лишь около 4 % (Адимари, Торнаквинчи, Виздомини и несколько членов консортерий Росси, Пацци, Пильи, Абати)[16]. Признавая многие выводы Н. Оттокара, Д. Медичи, однако, указывала на «туманность суждений о правящем классе Флоренции», «неопределенность контуров, отчего трудно определить мысль историка, но легко исказить ее», на

[13] «Для познания участий фамильных групп и масштабных персонажей в общественной жизни Флоренции середины—второй половины XIII в. невозможно делать заключения иначе как в дедуктивной или гипотетической форме <...> из-за нехватки сохранившихся источников» // *Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 27.

[14] См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 99.

[15] *Medici D.* I primi dieci anni del priorato // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978. P. 199—200. Приблизительно такие же данные приводил и Н. Оттокар. См.: *Ottokar N.* Op. cit. P. 17, 96. См. также: *Becker M.A.* Study in Political Failure: The Florentine Magnates (1280—1343) // Medieval Studies. 1965. Vol. 27. № 1. P. 250—258. М. Беккер утверждал, что с 1289 по 1292 гг. Приорат находился под сильным влиянием грандов-видных функционеров гвельфской партии, имеющих большой авторитет в военной и дипломатической сферах. См.: Ibid. P. 263—264.

[16] *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 201—202.

противоречивость тезисов, из которых непонятно, сводился ли правящий слой к узкой олигархической элите или был представлен широкими социальными стратами. Она решительно не согласна с заключением о том, что с 1267 вплоть до 1293 г. правящий слой не претерпел никаких изменений: «русский историк забальзамировал правящий класс как монополию группы фамилий», используя, по ее мнению, далеко не весь комплекс необходимых источников. Ею было показано не только ослабление могущества слоя грандов в связи с образованием Приората и высылкой из Флоренции почти всех представителей родов гибеллинской знати (1267 г.), но и усиление торгово-ремесленных слоев во властных структурах, особенно Приорате и Коллегии 14-и. Исследуемые архивные документы подвели Д. Медичи также и к несогласию с мнением Г. Сальвемини о всеопределяющей роли социальных контрастов, которые не являлись абсолютным и постоянно действующим фактором[17].

Массимо Тарасси был в большей степени солидарен с Оттокаром относительно быстрого стирания различий между новой, выдвинувшейся не ранее второй половины XIII в. из торгово-ростовщических слоев знатью, и богатыми пополанскими домами: «Оттокар был в сущности прав, когда заявлял, что Фрескобальди, Спини, Моцци, Барди, Черки, фигурирующие позже в списках магнатов, не отличались ни в чем от многих других крупных домов, всегда считающихся пополанскими: Аччайуоли, Каниджани, Фальконьери <...>. Некоторые из этих фамилий приобретали такие качества, которые позволяли им через 15—20 лет числиться в категории магнатов»[18]. Серджо Раведжи соглашался с Н. Оттокаром и в более глобальном заключении: обозначение «классы», употребляемое в отношении грандов и пополанов, он считал «механическим», противоречащим наличию интерклассовых политических фракций и межперсональных связей, к «которым лишь в минимальной степени можно приложить характеристики экономического характера»[19]. Современный исследователь Жан-Клод Мэр Вигер охарактеризовал указанную коллективную монографию как «огромный скачок вперед в нашем знании политической элиты Флоренции 1260—1300 гг.»[20].

Полемика о борьбе знати и народа Флоренции в XIII в. в настоящее время, после издания указанной монографии С. Раведжи, М. Тарасси,

---

[17] *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 223—225. Наряду с представителями таких видных домов, как Барди, Пульчи, Спини, Д. Медичи фиксирует приход к власти Аччайуоли, Бекануджи, Каниджани, Фальконьери, Альбицци, Ардингелли, Делла Ботте, Портинари, Рокки.

[18] *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 144.

[19] *Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 64.

[20] *Maire Vigueur J.-C.* Presentazione // *Diacciati S.* Popolani e magnati. Società e politica nella Firenze del Duecento. Spoleto, 2011. P. XII.

П. Паренти и Д. Медичи, обнаруживает некоторые признаки затухания в итальянской историографии. Эти тенденции связаны, во-первых, с серьезными исследованиями, охватывающими ранее малоизученные периоды флорентийской истории с конца XI до 1250 г., когда установилось первое народное правление (*Primo popolo*). Здесь имеется в виду монография Энрико Фаини, освещающая историю флорентийских нобилей от предкоммунального этапа (с последних десятилетий XI в.) до конца периода консульского правления (1211 г.)[21]. Одним из основных сюжетов Э. Фаини является модификация отношений между городом и сельской округой, представленной знатными и древними аристократическими фамилиями (Гвиди, Убальдини, Фиридольфи и др.), с начала указанного периода активно устремлявшимися в город. Прослеживается и начавшееся несколько позже движение в противоположном направлении, когда целый ряд знатных кланов (прежде всего, Убальдини), которые не смогли адаптироваться к процесам урбанизации, «отклеивается»[22] от города и возвращается назад, чтобы окончательно замкнуться в контадо Флоренции[23]. *Popolo* почти не оставил следов в наративных источниках и документах указанного периода, но Фаини приводит много косвенных данных, свидетельствующих об активной экспансии города в земли контадо, и о значительных потоках миграции во Флоренцию, вызвавших в 70-е гг. XII в. сроительство нового более широкого кольца городских стен.

Соцально-политическим процессам, протекающим в XIII в., и особенно динамике развития противоречия между народом и знатью, воспринимаемого уже как классическая тема, посвятили свои монографии Даниэла де Роза[24] и Сильвия Дьяччати[25]. С. Дьячатти довела свое исследование до конца XIII в., углубив и дополнив многие выводы своей предшественницы благодаря более широкому применению просопо-

[21] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). L' espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze, 2010.

[22] Термин (*fare scollamento*) принадлежит итальянскому историку Джулиано Пинто, выступившему в дискуссионной статье: *Cammarosano P., Pinto G., Zorzi A.* I primi secoli della storia di Firenze: a proposito dei volumi: Firenze nell' età romanica di E. Faini, Popolani e magnati di S. Diacciati, Il commune di Firenze tra Due e Trecento di P. Gualtieri // Annali di storia di Firenze. Firenze, 2011. Vol. 6. P. 222 (P. 221—242).

[23] Знатные фамилии, укоренившиеся в замках контадо и на своих феодах, стали объектом исследования Марии Элены Кортезе. См.: *Cortese M.E.* Castelli e città. L' incastellamento nelle aree preiurbane della Toscana (sec. X—XII) // Castelli. Storia e archeologia del potere nella Toscana medievale / A cura di R. Francovich e M. Ginatempo. Firenze, 2000. Vol. I.

[24] *De Rosa D.* Alle origini della repubblica fiorentina dai consoli al "Primo popolo" (1172—1260). Firenze, 1995.

[25] *Diacciati S.* Popolani e magnati. Società e politica nella Firenze del Duecento. Spoleto, 2011.

графического метода: 2/3 ее книги составляет, по мнению Ж.-К. Мэр Вигёра, «просопографическая мозаика»[26].

В обоих исследованиях, но особенно это заметно у С. Дьяччати, авторы придерживаются точки зрения Г. Сальвемини, продолжаемой затем П. Паренти и Д. Медичи. Дьяччати, рассматривая отношения между магнатами и пополанами на протяжении столетия и открыто присоединяясь к позиции Г. Сальвемини, интерпретирует их как социально-политическую борьбу между четко дифференцированными группами коммунального общества, которые она обозначает как *Milites* — рыцари, представители знатных родов, составляющие конное ополчение, и *Popolo* — народ, сплачивающийся по территориально-административному и профессионально-корпоративному принципам[27]. С. Дьяччати высказала и попыталась доказать интересную, хотя и спорную концепцию о специфике социально-этических ценностей, утверждаемых пополанством. Народ, по ее мнению, исповедовал идеологические постулаты, утверждающие принципы гражданского мира и порядка, общего блага, триумфа юстиции над правом силы, точного исполнения законов. В качестве идеологов выдвигались ученые юристы из пополанских слоев (Брунетто Латини) и проповедники (Ремиджо Джиролами)[28].

На рубеже XX и XXI вв. в зарубежной историографии, особенно итальянской, повысился интерес к проблемам социальной структуры городских сообществ Средневековья и, в частности, к тем трансформациям, которым подвергались слои знати внутри стен города[29]. Современные историки обнаруживают тенденцию сужать фокус видения

[26] *Maire Vigueur J.-C.* Presentazione. P. XVII.

[27] П. Каммарозано отмечал определенность воззрений С. Дьяччати по данному вопросу. См.: *Cammarosano P., Pinto G., Zorzi A.* I primi secoli della storia di Firenze. P. 228.

[28] *Diacciati S.* Popolani e magnati. Società e politica nella Firenze del Duecento. P. 177, 309—337, 399. А. Дзорци выражает определенную критику в отношении этой версии Дьяччати, утверждая, что данные ее тезисы «не аналитическое заключение, а скорее интерпретативный допуск». См.: *Cammarosano P., Pinto G., Zorzi A.* I primi secoli della storia di Firenze. P. 238.

[29] *Maire Vigueur J.-C.* Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell' Italia comunale. Bologna, 2004. Этому автору удалось аргументировать центральное место темы разделения общества на грандов и пополанов в плане политическом и социальном. См.: *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. Istituzioni e lotte politiche nel nascente stato territoriale fiorentino. Firenze, 2009. P. 126. В русле военной истории значимы труды Альдо А. Сеттиа (*Settia A.A.* De re militari. Pratica e teoria della Guerra medievale. Roma, 2008), а также Паоло Грилло (*Grillo P.* Cavalieri e popoli in armi. Le istituzioni militari nell'Italia medioevale. Roma;Bari, 2008; *Idem.* Cavalieri e fanti negli eserciti comunali italiani // Cavalieri e città / A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19—21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 121—136). См. также обобщающую вводную статью Ф. Кардини: *Cardini F.* Introduzione // Cavalieri e città. P. 5—25.

проблемы, разукрупняя ее на отдельные блоки, выделяя, к примеру, сюжет о городских рыцарях[30], или об институтах вендетты и файды в городском сообществе[31]. Они не отрицают политической дискриминации магнатов после 1293 г., но доказывают, что продолжалось их существование как идентифицируемой и определяемой особой социальной группы, имеющей явные отличия от пополанства[32]. Отдельной важной темой стал вопрос о значительном изменении «политической практики и образа действия власти правящей элиты» после принятия «Установлений справедливости»[33].

§ 2. Терминология источников

К сожалению, в распоряжении исследователей довольно мало аутентичных источников, на основе которых можно было бы всесторонне изучить проблемы генезиса знатных фамилий Флоренции[34]. На большие сложности, вызывающие путаницу с идентификацией фамилий флорентийских нобилей по названиям патронимий, указывал в свое время Н. Оттокар, опираясь на архивные документы второй половины XIII в. По словам историка, стремящегося применить просопографический метод исследования состава правящей элиты Флоренции в 70—80-е гг. XIII в., «многочисленные ошибки демонстрируют ясно, с какими трудностями сталкиваются попытки идентифицировать отдельных персонажей или реконструировать историю отдельных флорентийских фамилий»[35]. Согласно мнению современного ученого Э. Фаини: «Мы не можем точно реконструировать сагу об аристократии столь давней, ибо с трудом уз-

[30] *Cardini F.* L' acciar de' cavalieri. Studi sulla cavalleria nel mondo toscano e italico (secc. XII—XV). Firenze, 1997.

[31] *Zorzi A.* "Ius erat in armis". Faide e conflitti tra pratiche sociali e pratiche di governo // Origini dello stato. Processi di formazione statale in Italia fra Medioevo ed età moderna / A cura di G. Chittolini, A. Molho, P. Schiera. Bologna, 1994; *Zorzi A.* Politica e giustizia a Firenze al tempo degli ordinamenti antimagnatizi // Ordinamenti di Giustizia fiorentini. Studi in occasione del VII centenario / A cura di V. Arrighi. Firenze, 1995.

[32] *Artifoni E.* Tensioni sociali e istituzioni nel mondo comunale // La storia. I grandi problemi dal Medioevo all'età contemporanea / Dir. da N. Tranfaglia e M. Firpo. Torino, 1986. T. I—II Medioevo, 2 — Popoli e strutture politiche. P. 482; *Zorzi A.* Politica e giustizia. P. 109.

[33] *Najemy J.A.* The Dialogue of Power in Florentine Politics // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy. Athens and Rome, Florence and Venice / Ed. by A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Stuttgard, 1991. P. 280.

[34] О значительной скудости источников, в том числе официальных документов относительно XIII в., см.: *Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 23—24, 26—27.

[35] *Ottokar N.* Il Comune di Firenze. P. 68.

наем об именах тех, из кого она состояла; но еще менее мы можем сказать о низших стратах населения. Мы можем все же утверждать, что эти контрасты (между знатью и народом — *И.К.*) взрывались, следуя линиям надлома, которые уже пронизывали общество»[36].

Но даже в тех немногих источниках, которые сохранились, «используется лексика очень бедная и неопределенная для того, чтобы выделить внутренние группы граждан к началу XIII в.». Энрико Фаини указывал: даже термины *cives* и *commune* до 70-х гг. XII в. редко встречались на страницах ранних городских документов, хотя обозначение *cives* хорошо прослеживалось в документах папской канцелярии, отредактированных в среде, причастной к классической культуре. В этот же период в документах появляется концепт *Districtus* (*distretto*), обозначающий подчиненную городу территорию, как результат экспансии XII в. (подчинение Поньи, Эмполи (1182 г.), Мангоны и владений графов Альберти в 1184 г.)[37].

В ранних хрониках не обозначалась социальная дифференциация в обществе Флоренции до середины XIII в. Э. Фаини со всей несомненностью считал, что «город XII в. был местом менее конфликтным, чем дантовская Флоренция: борьба фракций еще не трансформировалась в гражданскую войну. Однако мы были бы наивны, если бы полностью поверили Сандзаноме[38] или современным ему анналистам (имеется в виду первая половина XIII в.) и вообразили бы город мирный, гомогенный, обретающийся в согласии»[39]. Сознание ранних хронистов и анналистов не фиксировало элементы социальных несогласий в обществе, занятое вселенским противостоянием пап и императоров Священной Римской империи, деяниями королей, архиепископов и других глав церкви.

Чаще всего хронисты, руководствуясь установкой локальной идентичности, пользовались термином *fiorentini*[40], не выделяя в нем каких-

[36] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 129.

[37] Ibid. P. 129—130, 133—134.

[38] Sanzanome iudicis. Gesta florentinorum ab anno 1125, ad annum 1231 / Avvert. di G. Milanesi // Cronache dei secoli XIII e XIV secoli. Firenze, 1876. Э. Фаини идентифицировал анонимного автора *Gesta Florentinorum* как Сандзаноме ди Манджатройя, судью и сына судьи, действующего во Флоренции на рубеже XII и XIII вв. Его аннотации, начатые с 70-х гг. XII в., доводятся до 1245 г. См.: *Faini E.* Il convito fiorentino del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino // Annali di storia Firenze. 2006. Vol. I. P. 128.

[39] *Faini E.* Firenze nell'età romanica. P. 127.

[40] Sanzanome iudicis. Gesta florentinorum. P. 136—137. В частности, этот термин *florentini* постоянно использовал Сандзаноме, рассказывая о начале экспансии Флоренции в контадо. Главной составляющей мифографии о происхождении Флоренции у Сандзаноме является повествование о фьезоланских войнах. Поэтому противопоставление *florentini — fesulani* выражает коммунальную идентичность на первых страницах *Gesta florentinorum* (Ibid. P. 127—128).

либо градаций. В первой половине—середине XIII в. в официальных документах на латинском языке фигурировали термины *Milites*[41], которым обозначались те, кто составлял конное войско, и *Popolo* в значении «народ», из его рядов в городское ополчение рекрутировались *Pedites* — пешие воины. В хрониках, написанных на вольгаре, синонимом *Milites* выступал термин *cavalieri* — рыцари[42]. Именно эти латинские определения используют современные историки Ж.-К. Мэр Вигёр и его ученица С. Дьяччати для выражения основного социального противоречия в коммунальном обществе первой половины—середины XIII в.[43].

Если речь шла о персоналиях, то указывались только представители знатных родов, к которым применялся термин *gentili uomini* (благородные люди), *nobili uomini* (знатные люди)[44].

Можно предположить, что ряд терминов, обозначающих представителей знатных фамилий, формируется во второй половине XIII в. вместе с осознанием складывающихся противоречий между народом и знатью, но и в этом случае терминология не отличалась точностью. С проблемой ее неопределенности столкнулись Г. Сальвемини и Н. Оттокар. Латинский термин «магнаты» к концу XIII в. представлялся русскому историку «анахронизмом», идея *nobile* казалась уже устаревшей в городской реальности XIII в., но с другой стороны, слой *magnate*, по его мнению, к этому времени еще не сложился как юридический концепт. «Нобилями» считались многих из тех, которых вскоре уже не причисляли к магнатам: Пеголотти, Джиролами, Делла Белла, Тринчавелли, Кьярмонтези, Джуньи, Импортуни, Альтовити, Бальдовинетти и другие. Чуть ниже Н. Оттокар добавлял: «Старые социальные различия на основе *nobiltà* или *milizia* кажутся уже явно превзойденными, но еще не сформировался широкий и промискуитетный

[41] Sanzanome iudicis. Gesta florentinorum. P. 138. Лишь в редких случаях, когда речь шла об организации флорентийского войска, Сандзаноме использовал термины *Milites* и *Milites pedites* — пешие войска, отделяя таким образом их от коннных воинов, т.е. рыцарей.

[42] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 82.

[43] *Diacciati S.* Popolo e regimi politici a Firenze nella prima metà de Duecento // Annali di storia di Firenze. 2006. Vol. I. P. 69—70.

[44] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII // Testi fiorentini del Dugento e dei primi del Trecento / Ed. A. Schiaffini. Firenze, 1954. P. 82—83. Именно эти термины использовал анонимный хронист в записи, относящейся к середине XI в., где он впервые упоминал о флорентийской знати. В ней рассказывалось о попытке императора Генриха II (судя по записи, где указано, что его отцом был Конрад, имелся в виду Генрих III Черный (1046—1056), совершивший два похода в Италию в 1046 и 1055 гг.) силой войти во Флоренцию (дата не указана). Флорентийское войско возглавлял «благородный муж» (*gentiluomo*) капитан Уголино дельи Уги, владетель Монтуги и основатель двух церквей во Флоренции и в Монтуги (См. также: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 15. С. 88—89), которого Аноним относил к *nobili uomini*.

слой, который будет в последующем различаться и обозначаться понятием "Магнаты"»[45]. Наблюдение русского историка иллюстрирует тезис о неопределенности и текучести терминов, относящихся к представителям знати, тогда как попытка разделить определения «нобили» и «магнаты» во времени кажется несколько искусственной, поскольку оба понятия использовались в равной степени в официальных документах и нарративах XIV в. Если обратиться тексту «Истории войны за Семифонте», видимо, составленному около 1350 г. из более ранних записей, хранящихся в семье Паче да Чертальдо, то автор, характеризуя землю Семифонте, отмечал «...имелось там много Палаццо для разных *Gentil uomini* и *Magnati...*», где оба термина, судя по контексту фразы явно выступали как синонимы, обозначающие синьориальную знать. Позже, указывая на подразделения флорентийского войска, этот же автор упоминал «рыцарей» (*cavalieri*), которых он противопоставлял пешим воинам (*fanti*), «знатных оруженосцев», которые «добровольно снаряжались, чтобы поучаствовать в этой войне», «нобилей контадо» (*nobili di contado*) — сельскую знать, «многих магнатов» (*magnati*)[46].

В конце XIII—XIV вв. для обозначения знатных людей в городском обществе употреблялось несколько понятий: «нобили»[47], «магнаты»[48] и «кавалеры» (рыцари). В преамбулах к официальным документам латинские термины *nobiles* и *magnates* использовали как синонимы[49]. Хронист Дино Компаньи, который довел свое повествование до 1316 г., применял для обозначения знати дефиниции: *grandi, magnati, gentiluomini, potentati*[50].Те же термины употреблял Джованни Виллани, называя «нобилями», «магнатами», «грандами», прежде всего, фамилии, уходящие

---

[45] *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 54, 58.

[46] *Pace da Certaldo.* Storia della Guerra di Semifonte / Ed R. A. Martini. Firenze, 1753. P. 30, 36.

[47] *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 54—56.

[48] *Salvemini G.* Magnati e popolani. P. 160—162. Г. Сальвемини полагал, что термин *magnas,* появившийся в статутах 1280 г., указывал на персон, принадлежащих к фамилиям *milites* и обозначающихся также термином *grandigia.* С этим соглашался его оппонент Н. Оттокар: концепт *magnate* (по крайней мере в юридическом значении) не был еще сформирован во время гвельфского переворота (1267 г.). Эти данные подтверждает современный исследователь А. Дзорци. Согласно его наблюдениям, термин «магнаты» впервые появился именно в связи с ревизией статутов 1280 г., вызванной установлением второго народного правления и утверждением нового законодательства, посредством которого «был запущен процесс магнатизации старых носителей городской власти» (*Zorzi A.* Politica e giustizia. P. 15, 27), положивший начало дискриминации грандов в юридической практике и «демонизации» их как политических противников, благодаря которым «новые купеческие и корпоративные группы» получали способ устранять их от участия в политике.

[49] См.: *Ottokar N.* Il Comune di Firenze. P. 132. По его мнению, термин *nobile* в латинских текстах представляет собой латинский перевод слова «гранд».

[50] Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi / Con pref. di I. Del Lungo. Milano, 1913. I, 11. P. 45—46.

корнями в эпоху конца XI—XII вв., когда коммуна начала вести борьбу против замков феодальных синьоров на территории своего контадо. Часть обитателей этих замков насильственно переселялась внутрь городских стен, их укрепления срывались, а сервы освобождались[51].

Обращаясь к отражению социально-политических реалий в обыденном сознании флорентийских граждан с конца XIII и на протяжении XIV—XV вв., даже при самом поверхностном рассмотрении нельзя не обратить внимание на то, что в нем значительное место занимали ментально-психологические установки, так или иначе связанные с осмыслением разделения городского общества на грандов и пополанов. Формы восприятия этого комплекса социальных противоречий, унаследованные от XIII в., хотя и сохраняли свою актуальность в XIV в., не развивались тем не менее равномерно, они то приобретали самостоятельное и первостепенное значение в политике города-государства и рефлексиях представителей социума, то сглаживались и отодвигались на второй план, скрываясь под оболочкой иных социальных антагонизмов[52].

* * *

Основная задача, которая здесь поставлена: рассмотреть флорентийское общество «изнутри», понаблюдать протекающие в нем социальные процессы глазами самих граждан. Насколько они осознавали антагонизм между знатью и народом, разделяющий их среду? В каких оценочных суждениях воспринимался нобилями процесс их урбанизации внутри городских стен? В каких формах поднимающиеся пополанские фамилии стремились «облагородить» истоки своего рода, доказать его знатность и древность во времени и пространстве? Наконец, каковы были практики реализации социально-культурного синтеза между нобилями и народом в этой среде?

Естественно, для ответа на указанные вопросы оказалось необходимым использование просопографического метода на основе, прежде всего, нарративных источников, содержащих оценки, высказывания о современниках, согражданах — родственниках и соседях, друзьях и врагах, — и о самих себе. Эти свидетельства позволяют воспроизвести

[51] *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции / Пер., ст. и прим. М.А. Юсима. М., 1997. V. 10, 11, 26, 27, 30, 31. 41, 42. С. 115—132. В XIII в. экспансия коммуны против владельцев феодальных замков, занявших гибеллинские позиции, продолжалась: Там же. VI. 63, 67, 68. С. 173—175.

[52] В большей степени аргументированным представляется вывод о том, что социальные контрасты не являлись постоянно действующим фактором в конце XIII—первой половине XIV в. См.: *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 224—225. Помимо Н. Оттокара мнение Сальвемини подвергал сомнению итальянский историк Э. Фьюми, считавший, что все случаи антагонизмов между грандами и пополанами определялись борьбой политических фракций. См.: *Fiumi E.* Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina // Archivio Storico Italiano. 1959. Vol. CXVII. P. 430.

не только социальные идентичности и попытки самоидентификаций горожан Флоренции в обществе, но также переживания, изменения социального статуса семьи или индивида в городе. К исследованию привлекаются различные группы нарративных источников: прежде всего, содержащие богатейший материал анналы и хроники второй половины XIII—начала XV в. В настоящее время наблюдается подъем интереса к этим насыщенным сведениями источникам, многими авторами высказываются заявления о достаточно высокой степени достоверности приводимой в них информации. Образцом суммарного исследования флорентийских хроник рассматриваемого периода является монография Франки Рагоне, в которой указанные нарративные тексты рассматриваются с точки зрения культурных практик письма. Имеются в виду техники компиляции; процессы поисков и отбора источников информации; производятся попытки определения круга чтения хронистов: выявляются методы цитирования и закономерности циркуляции предшествующих текстов в определенные временные периоды; определяются значение и специфика устной передачи знаний о людях и событиях на основе изучения сферы общения историка и реалий его индивидуального жизненного опыта, особенно если его имя известно; а также способы и пути формирования исторической памяти[53].

Еще одним важнейшим по значимости источником выступают семейные книги флорентийских граждан, которые, как правило, самими авторами никак не озаглавливались. Наименования, под которыми они известны, — *Ricordi, Ricordanze, I libri di famiglia, Croniche domestiche, I libri segreti, Diarii* — даны произвольно последующими издателями, комментаторами и исследователями в XVI—XVIII вв. Корпусы записей, условно называемые «семейными книгами», не являлись историческими хрониками, фиксирующими важные политические события, автобиографическими мемуарами или сборниками жизнеописаний выдающихся представителей рода, хотя могли включать в себя элементы всех этих жанров. Основной предпосылкой, побуждавшей горожан составлять историю своего рода, по мнению многих исследователей[54], являлся нотариально-купеческий способ восприятия мира. Записи оформлялись и пространство семейной хроники организовывалось таким образом, чтобы книга явилась документом, достойным доверия, поскольку она

[53] *Ragone F.* Giovanni Villani e i suoi continuatori. La scritta delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma, 1998. P. 8—36.

[54] См.: *Sapori A.* Divagazioni su tempo e spazio // Saggi di economia aziendale e sociale in memoria di Gino Zappa. Milano, 1961; *Le Goff J.* Au Moyen Âge: temps de l' Église et temps du marchand // Pour un autre Moyen Âge. Temps, travail, et culture en Occident. P., 1977. P. 46; *Branca V.* Introduzione // Mercanti scrittori: Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento / A cura di V. Branca. Milano, 1986.

могла фигурировать в качестве важного доказательства в судебных процессах. Признаками нотариальной карты являлись тяга к точности датировок, расположение записей в хронологическом порядке, тенденция к типичности и обрядовой протокольности регистрирующих документов. Схема составления, как правило, следующая: традиционный зачин или пролог, содержащий обращение к Господу с мольбой благословить труды автора и его род, ясное установление идентичности пишущего; затем генеалогия; родовые мемуары по годам или в хронологической последовательности; перечисление и описание детей, внуков и потомков; аббревиатура имени Христа.

Особое значение в историко-антропологических исследованиях придавалось семейным книгам как ценным источникам, позволяющим воспроизвести реалии повседневности городского социума и реконструировать менталитет его представителей — купцов, нотариусов и ремесленников, а также сферу семейно-брачных отношений и динамику демографических процессов[55]. О том, что интерес к этим памятникам не угас и в начале XXI в., свидетельствует создание особого научного центра — «Библиотеки информации о семейных архивах» (*BILF*) в 2002 г., а также широта современных дискуссий о времени и ареале их распространения, жанровой принадлежности, мотивации составления[56]. Уже доказано, что семейные книги, содержащие истории рода, не чисто тосканское явление[57], но все специалисты, касающиеся этой тематики или использующие указанные источники в прикладном значении, в первую очередь упоминают о тосканских, в частности, флорентийских книгах, которые стали создаваться со второй половины XIII в., раньше, чем в иных местах.

---

[55] См.: *Le Goff J.* Marchands et banquiers du Moyen Âge. P., 1972; *Bec Ch.* Les marchands écrivains. Affaires et humanisme à Florence (1375—1434). P., 1967; *Pandimiglio L.* Giovanni di Pagolo Morelli e la continuità familiare // Studi medievali. Spoleto. 1981. Vol. I; *Klapisch-Zuber C.* La Maison et le nom: stratégies et rituals dans l'Italie de la Renaissance. P., 1996; *Trexler R.* Public Life in Renaissance Florence. N.Y., 1980; *Fabbri L.* Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del'400. Firenze, 1991; *Ciappelli G.* I libri di famiglia di Firenze. Stato delle ricerche e iniziative in corso // *Mordenti R.* I libri di famiglia in Italia. Roma, 2001. Vol. II. Geografia e storia. P. 131—139. В отечественной историографии см.: *Гуревич А.Я.* Средневековый купец // Одиссей—1990. Личность и общество. М., 1990. С. 97—131; *Абрамсон М.Л.* Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М., 2005.

[56] См. дискуссионные статьи: *Mordenti R.* Les livres de famille en Italie // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. P., 2004. № 4; *Cazalé Bérard C., Klapisch-Zuber C.* Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens в тематической подборке "Écritures et mémoire familial" // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. P., 2004. № 4.

[57] См.: *Cicchetti A., Mordenti R.* La scrittura dei libri di famiglia // Letteratura italiana / A cura di A. Asor Rosa. Torino, 1984. Vol. III. Le forme del testo. T. II. La prosa. P. 1117—1159; *Bartoli Langeli A.* La scrittura del italiano. Bologna, 2000.

Кроме того, подвергаются анализу письма флорентийских граждан, жизнеописания выдающихся горожан, составленные в XIV—XVI вв., морально-этические и политические трактаты, инструкции и отчеты флорентийских послов, некоторые литературные источники, главным образом, произведения «литературы второго плана», написанные флорентийцами на народном языке и предназначенные часто для определенного круга читателей-сограждан — родственников, друзей, покровителей.

Предлагаемый вниманию читателей текст в известной степени является плодом отечественных исследований в области итальянистики, посвященных эпохе Позднего Средневековья и Возрождения. Оставив в стороне методологические подходы, следует в должной мере оценить пристальный интерес к социальной истории итальянских городов-коммун представителей ленинградской школы — М.А. Гуковского, В.И. Рутенбурга, Е.В. Бернадской, Н.Б. Срединской[58].

В изысканиях московских медиевистов интерес к рассматриваемым сюжетам возник в связи с определением специфики социальной среды, в которой развивалась культура итальянского Возрождения. В первую очередь необходимо указать на труды Л.М. Брагиной, Л.М. Баткина и Л.А. Котельниковой[59], в которых речь шла уже непосредственно о вопросах структуры городского общества Флоренции. Разработка темы социальных противоречий этого города во второй половине XV—XVI в. продолжалась в трудах А.Д. Роловой на основе хроник и семейных книг флорентийцев[60]. Отдельные важные аспекты социальной проблематики итальянских городов-коммун затрагивались и рассматривались в трудах Н.В. Ревякиной, С.П. Карпова, О.Ф. Кудрявце-

[58] *Гуковский М.А.* Итальянское Возрождение. Л., 1990; *Рутенбург В.И.* Народные движения в городах Италии XIV—начала XV в. М.;Л., 1958; *Бернадская Е.В.* К вопросу о социальных истоках Возрождения в локальных центрах Северной и Средней Италии // Культура Возрождения и Средние века. М., 1993; *Срединская Н.Б.* Истоки возвышения рода Сакрати в Ферраре (по актовым материалам XIII—XIV вв.) // Ренессансная Италия в России и Прибалтике / Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2016. С. 154—180.

[59] *Баткин Л.М.* Флорентийские гранды и поправки 6 июля к «Установлениям справедливости» // Средние века. М., 1961. Вып. 20. С. 75—97; *Он же.* Этюд о Джованни Морелли // Вопросы истории. М., 1962. № 12. С. 88—106; *Он же.* Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М., 1995; *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV вв. М., 1977; *Она же.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983; *Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в XIII—XV вв. М., 1987.

[60] *Ролова А.Д.* Флорентийские хроники и дневники второй половины XIV в. как исторический источник // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья. Л., 1979; *Она же.* Правящий слой Флоренции XV в.: нобилитет или ранняя буржуазия // Культура Возрождения и Средние века. М., 1993.

ва, М.А. Юсима, Н.И. Девятайкиной, Т.П. Гусаровой, Ю.П. Зарецкого, Н.А. Селунской[61]. Без опоры на прочные традиции отечественной итальянистики в изучении эпох Средневековья и Возрождения представленная работа не могла бы состояться.

Мне хотелось бы высказать слова глубокой благодарности моим дорогим учителям, открывшим для меня путь в науку: Соломону Моисеевичу Стаму, Александре Андреевне Кирилловой, Лидии Михайловне Брагиной.

Неоценимую помощь в моей работе оказали коллеги, друзья и наставники кафедры истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Л.М. Брагина, Н.А Хачатурян, С.П. Карпов, Т.П. Гусарова, В.М. Володарский.

Искренняя признательность обращена к коллегам из Института всеобщей истории РАН за неизменную поддержку моих научных изысканий и интерес к их результатам. От всей души благодарю уже ушедших — А.А. Сванидзе, О.И. Варьяш, и ныне здравствующих коллег — П.Ю. Уварова, М.В. Винокурову, Л.П. Репину, М.А. Юсима, С.К. Цатурову, И.В. Дубровского, А.К. Гладкова, М.С. Бобкову.

Невозможно не выразить огромной благодарности за многолетнее плодотворное сотрудничество Н.В. Ревякиной, Н.И. Девятайкиной, О.Ф. Кудрявцеву, Н.Б. Срединской, Ю.П. Зарецкому, Л.Н. Черновой.

[61] *Ревякина Н.В.* Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV—первой половины XV в. М., 1977. *Она же.* Гуманистическое воспитание в Италии XIV—XV вв. Иваново, 1983; *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв. Проблемы торговли. М., 1990; *Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И.* Представления о фортуне в Средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983; *Юсим М.А.* Джованни Виллани — первый историк Флоренции // *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции / Пер., ст. и прим. М.А. Юсима. М., 1997; *Он же.* Последовательность Макиавелли // *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002; *Он же.* Хроника гражданской смуты эпохи Данте // *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с итал., ст., прим. М.А. Юсима. М., 2015; *Девятайкина Н.И.* Круг интересов горожан по свидетельству Петрарки // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000 Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей; *Она же.* Латинский нарратив трактата Петрарки: источники, способы организации текста, авторское «Я» // *Петрарка Ф.* Диалоги на гендерные и эстетические темы (трактат «О средствах против превратностей судьбы, кн. 1). Саратов, 2008; *Гусарова Т.П.* Город и деревня в Италии на рубеже Позднего Средневековья. М., 1983; *Зарецкий Ю.П.* Автобиографии пополанов: флорентийцы XIV—XV вв. о себе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей; *Селунская Н.А.* Право, власть, свобода в «Папских землях» XIV—XV вв. Проблемы исследования социальной истории. М., 2003.

Благодарю коллектив кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета во главе с заведующим И.В. Крючковым за доброжелательное понимание моих научных проблем и помощь в их решении. Особенно признательна С.А. Польской, Е.П. Тельменко, В.В. Тимченко за дружеское участие и внимание к моей работе.

У меня не было бы возможности завершить этот труд без поддержки сотрудников Национальных центральных библиотек Флоренции и Рима, а также книгохранилища «Риккардиана» (Флоренция). Воздаю особую благодарность Марии Манелли и Халине Лоренс Антонанджели, сотрудницам зала Консультаций Флорентийской Национальной центральной библиотеки за предоставленные мне возможности доступа к книжным и рукописным фондам.

Важное значение имела научная стажировка в университете *La Sapienza* (Рим) весной 2015 г. Выражаю глубокую признательность Пино Скиррипа, Умберто Лонго, Мануэле Джанандреа за интерес к моим исследованиям и ценные рекомендации. За содействие в организации научной стажировки также хотела бы поблагодарить администрацию Северо-Кавказского федерального университета в лице ректора А.А. Левитской и директора Гуманитарного института А.М. Ерохина.

Выражаю сердечную благодарность моим дорогим подругам Н.С. Креленко и Н.А. Черкашиной за веру в мой труд и неиссякаемую душевную щедрость.

Часть I

Знать без народа: процессы урбанизации

Глава I

Между замками и городом

§ 1. Мифы о происхождении древнейшей знати Флоренции

Рассказы о происхождении древнейшей флорентийской знати являются составной частью мифографии о зарождении города, представляющей, по словам А. Бенвенути, «игру света, который змеится между реальностью и легендой в конструировании памяти»[1].

Объясняя предпочтение, которое при изучении легенд о происхождении знатных фамилий в этом труде отдается «Флорентийской истории» Рикордано Малиспини, надо отметить, что основную роль при выборе указанного источника сыграли два фактора: во-первых, значительный массив материала, приводимого Рикордано о древней знати Флоренции, и во-вторых, что более важно, попытка хрониста в начальных главах своего сочинения воссоздать последовательную, хотя и в достаточной степени мифическую, историю генезиса и первоначального развития древнейших нобильских фамилий города.

С именами флорентийских хронистов Малиспини — Рикордано, который довел повествование от основания Флоренции до начала 80-х гг. XIII в., и Джакотто, продолжившего труд своего дяди с 1282 по 1285 г., — связана неразрешенная окончательно до сих пор загадка раннего периода историописания коммуны Флоренции, а именно: как соотносятся во времени хроники Джованни Виллани и Рикордано Малиспини? Кто у кого заимствовал? Дебаты по этому вопросу начались со второй половины XIX в. Самые древние из сохранившихся рукописных копий хроники Малиспини восходили к рубежу XIV и XV вв.[2] Историко-биографические указания, данные самим Малиспини, лишены точных временных фиксаций. Имена Рикордано и Джакотто не идентифицируются с определенными представителями рода Малиспини согласно версии одного из издателей хроники Винченцо Фоллини, который скру-

[1] *Benvenuti A.* "Secondo che raccontano le storie": il mito delle origini cittadine nella Firenze comunale // Il senso della storia nella cultura medievale italiana (1100—1350). Pistoia, 1995. P. 205.

[2] *Mastroddi L.* Malispini, Ricordano // Dizionario Biografico degli Italiani. 2007. Vol. 68.

пулезно реконструировал генеалогические древо рода Малиспини[3]. В. Фоллини, библиотекарь Мальябеккианы и академик Круска, полагал, что имя «Рикордано» является трансформацией имени «Герардино» или «Гуардино», которое идентифицируется с историческим лицом (согласно предположениям Фоллини, даты его жизни 1220—ок.1286), имеющим брата Чеффо (уменьшительное от Франческо), который был отцом Джакотто Малиспини[4]. Имя Джакотто, напротив, часто встречалось в роду Малиспини. Судя по приводимым Фоллини документам, оно несколько раз упоминалось в 90-е гг. XIII—начале XIV в.[5], но, тем не менее, невозможно провести точную идентификацию персон по имени Джакотто Малиспини, дабы определенно ответить на вопрос, кто именно стал продолжателем «Флорентийской истории», начатой Рикордано. В. Фоллини был убежден в том, что «Флорентийская история» Малиспини предшествовала «Новой хронике» Джованни Виллани, который позаимствовал из нее многие главы.

Данную линию продолжил римский историк Раффаэлло Морген, сопоставляя творчество Данте Алигьери, Рикордано Малиспини и Джованни Виллани. Производя сравнение текстов «Божественной Комедии» и «Флорентийской хроники», Р. Морген убедительно доказывал, что именно у Р. Малиспини поэт черпал исторический материал, демонстрируя свой вывод описанием сцены похорон Манфреда, отмечая исторических персонажей, о которых Данте мог узнать только из «Флорентийской истории» Р. Малиспини, поскольку в «Новой хронике» Виллани о них не упоминалось[6]. Это давало Моргену основания утверждать, что Джованни Виллани производил заимствования из «Флорентийской истории» Малиспини, первичной по отношению к его собственному тексту. Ряд современных историков разделяет мнение о том, что «Флорентийская история» предшествовала хронике Джованни Виллани[7].

Сомнения в аутентичности «Флорентийской хроники» Малиспини появились уже во второй половине XVI в., но нашли свое обоснование в трудах немецких историков второй половины XIX в., утверждавших, что хроника являлась фальсификацией конца XIV в., созданной не ранее 1370 г., и компиляцией текста Виллани[8]. В Италии этой версии при-

---

[3] *Follini V.* Notizie della famiglia Malispini e de' due storici Ricordano e Giacotto Malispini. P. XXII—XXIII, XXXIII—XXXVI // Storia fiorentina di Ricordano Malispini col seguito di Giacotto Malispini della edificazione di Firenze sino al'anno 1286 / A cura di V. Follini. Firenze, 1816 (Roma, 1976).

[4] Ibid. P XXIV—XXVI.

[5] Ibid. P XXV—XXVI.

[6] *Morghen R.* Dante profeta: tra la storia e l'eterno. Milano, 1983. P. 28—35.

[7] *Cesari A.M.* Chronica de origine civitatis Florentie // Atti e memorie dell'Accademia Toscana di scienze e lettere La Colombaria. Serie XI. IV. Firenze, 1993. Vol. I. VIII. P. 185.

[8] *Scheffer-Boichorst P.* Die florentinische Geschichte der Malispini, eine Fälschung // Historische Zeitschrift. 1870. Bd. XXIV. P. 274—313.

держивался Витторио Лами[9]. Но, в отличие от немецких историков, Лами не считал текст Малиспини просто компиляцией, указывая на целый ряд различий, которые, по его мнению, являлись оригинальными вставками Рикордано Малиспини, в частности, это — автобиографические фрагменты и рассуждения о знатных фамилиях Флоренции, которые далее будут подвергнуты анализу.

Действительно, в текст «Флорентийской истории» вкрапливаются две автобиографические вставки, содержащие скудные сведения об авторе и его фамилии. Истоки своего рода Рикордано прослеживал в Древнем Риме, откуда его предки в очень отдаленные времена пришли во Флоренцию, где они поселились напротив домов Орманни возле церкви Санта Чечилия[10]. Римские корни Рикордано Малиспини по женской линии выводил от древнего римского рода Капочча, «знатных граждан Рима». От Фьорелло ди Лиелло дельи Капоччи автор «Флорентийской истории», якобы, получил «древние записи», которые тот «имел от своих предшественников». А составлены они были во время разрушения Фьезоле римлянами[11] неким предком Капоччи, «знаменитым мужем Марко Капоччи из Рима», «каковому очень нравилось писать о явлениях астрономии и им подобных, которые он сам наблюдал». Эти мемории уже во времена Карла Великого продолжил Африко, «другой знатнейший муж из рода Капоччи», найдя в своем доме первоначальные записи[12]. Далее автор признавался в том, что некоторое время он пребывал в Риме, в доме своих родственников, нашел там эти записки, а также другие хроники и воспоминания, и многое скопировал, а затем еще зафиксировал те события, очевидцем которых он являлся[13]. Фоллини считал эти сведения достоверными, полагая, что в Риме у родственников Рикордано находился в 1260—1266/67 гг., уйдя из Флоренции после победы гибеллинов при Монтеаперти.

Во второй автобиографической вставке Рикордано сообщал о том, что к имеющейся у него информации, добытой в доме Капоччи, он до-

---

[9] *Lami V.* Di un compendio inedito della Cronica di Giovanni Villani nelle sue relazioni con la storia fiorentina malispiniana // Archivio Storico Italiano. 1890. S. 5. Vol. V. P. 396—416. Уго Бальцани, современник Лами, ушел от освещения проблемы соотношения текстов Джованни Виллани и Рикордано Малиспини, сославшись на необходимость дополнительных и более глубоких сравнительных анализов, а также источниковедческих изысканий. См.: *Balzani U.* Le cronache italiane nel Medio Evo. Milano, 1909. P. 312.

[10] *Malispini R., Malispini G.* Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini / Pref. di F. Costèro. Milano, 1880. Cap. XL. P. 85—86. В хронике Виллани эти данные подтверждались автором. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С. 131; VIII. 1. С. 224; VIII. 39. С. 234.

[11] *Виллани Дж.* Новая хроника. I. 37. С. 30. Виллани полагал, что Фьезоле было разрушено при Юлии Цезаре в I в. до н. э..

[12] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XL. P. 85—86.

[13] Ibid. Cap. XLI—XLII. P. 86—88.

бавил сведения, обнаруженные в Бадии, древнейшем флорентийском аббатстве, а также в старых хрониках Флоренции[14].

Главная аргументация версии о первичности текста Дж. Виллани выдвинута К.Т. Дэвисом, который решительно поддержал выводы немецких историков второй половины XIX в.[15] Он утверждал, как и В. Лами, что главным источником Рикордано Малиспини являлся анонимный компендиум хроники Джованни Виллани, в котором последняя аннотация датируется 1336 г. В качестве второго доказательства Дэвиса выступал тезис о том, что вульгаризированные версии «Фьезоланской книги», заимствования из которой несомненно присутствуют в тексте Р. Малиспини, распространились лишь в начале XIV в. и, следовательно, не могли быть доступны автору, писавшему хронику в 70-е гг. XIII в. Лаура Мастродди считает аргументацию Дэвиса наиболее убедительной[16], но в вопросе о первенстве «Новой хроники» или «Флорентийской истории» до сих пор не поставлена точка[17]. Аргументация каждой из дискутирующих сторон представляется уязвимой в том или ином плане: прямых доказательств, на основе которых можно было бы сделать окончательный вывод, у историков пока не имеется.

При всех дискуссионных вопросах следует подчеркнуть, что большая часть подвергаемого в данном случае анализу материала «Флорентийской истории» Рикордано Малиспини, во-первых, отсутствует в «Новой хронике» Джованни Виллани[18]; во вторых, интересует нас с точки зрения восприятия и оценок хронистом флорентийской знати, а также определения места в ней своего рода. Повествование о знатных фамилиях Флоренции занимает большую часть хроники Р. Малиспини, посвященную ранней истории города до XI в., что существенно отличает «Флорентийскую историю» от «Новой хроники» Джованни Виллани.

Рикордано был явно движим двумя намерениями: во-первых, доказать, что истоки старинных знатных фамилий исходили от древних римлян и

---

[14] Ibid. Cap. CIII. P. 104.

[15] *Davis C.T.* The Malispine Question // Studi medievali. Serie 3. 1969. Vol. X. № III. P. 215—254.

[16] *Mastroddi L.* Malispini, Ricordano // Dizionario Biografico degli Italiani. 2007. Vol. 68.

[17] *Benvenuti A.* "Secondo che raccontano le storie". P. 210. А. Бенвенути, приведя различные мнения относительно соотношения текстов Р. Малиспини и Дж. Виллани, вынуждена констатировать, что «стратиграфия флорентийской исторической памяти, предшествующей Виллани, остается в значительной степени неопределенной». См.: *Ragone F.* Giovanni Villani e i suoi continuatori. La scritta delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma, 1998. P. 13—14. Франка Рагоне также заявляла о том, что «остаются открытыми многочисленные вопросы, начиная с того, насколько трудно решаемым является современное состояние текстуальной ситуации относительно соотношения трудов Данте Алигьери и Рикордано Малиспини».

[18] *Benvenuti A.* "Secondo che raccontano le storie". P. 217. Анна Бенвенути констатировала, что «Этимология основателей, которую приводил Виллани, — как и весь рассказ о древних событиях— соответствует истории Малиспини».

троянцев, во-вторых, прославить доблестные деяния древних родов, о большинстве которых Джованни Виллани заявлял, как о пришедших в упадок.

Появление фамилий древней флорентийской знати Р. Малиспини связывал с легендарным сыном Катилины Убертом Цезарем, «каковой был мужем мудрым, смелым, сильным, но очень рассудительным». От него произошел многочисленный и разветвленный род Уберти[19]. О влиятельности рода Уберти упоминал Аноним в XIII в. в связи с пожаром 1115 г. в одном из пригородов, которым, видимо, управляли Уберти (*reggevano la cittade*)[20]. К троянским истокам Малиспини относил род Ламберти, которые, хотя и не являлись приспешниками Уберта — легендарного прародителя флорентийской знати, по версии Рикордано, «пришли обитать во Флоренцию в давние времена и являлись потомками древнего царя из Трои, <...> и Уберт оказывал им великую честь, как наиболее могущественной фамилии самой древней крови, а один из его сыновей женился на женщине из рода Ламберти». Эти Ламберти, по сведениям Малиспини, были настолько знатны, что их хоронили верхом на коне, отлитом из металла, в силу их «безмерной доблести в великих делах»[21].

В «Флорентийской истории» отмечалось огромное значение фамилии Фиджованни (Фильи Джованни), «древнейших благородных римлян, богатых и могущественных», и их роль в восстановлении Флоренции после того как она была разрушена Аттилой, «бичом Божьим»: «Много удивительных деяний совершили они, чтобы заново отстроить Флоренцию». Ветвями этого рода, по мнению Рикордано, являлись Фигвинельди, Фиридольфи[22],

---

[19] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXV. P. 54

[20] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 94. Событие не имело точной датировки, но, судя по записи Джовании Виллани, речь шла именно о пожаре 1115 г., «насланном (как и пожар 1117 г.) за грехи секты эпикурейцев». См.: *Виллани Дж.* IV. 30. С. 103.

[21] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXII. P. 71. Джованни Виллани относил этот род к времени Оттона I (X век), когда «во Флоренции поселились некоторые его бароны», и среди них... «Ламберт, от которого произошли Ламберти, впрочем все это мы знаем только по слухам», затем он еще раз упоминал о том, что в квартале ворот Сан Бранкацио «помещалось весьма знатное и влиятельное семейство Ламберти, происходившее из Германии». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 1. С. 77; IV. 12. С. 86. Затем хронист отмечал изначальную принадлежность Ламберти в лице Моска Ламберти к гибеллинской знати, но также указывал, что они были предводителями гибеллинов в квартале Сан Бранкацио, став изгнанниками в 1258 г. (Там же. V. 38. С. 130; V. 39. С. 131; VI. 33. С. 153; VI. 65. С. 174). Виллани позиционировал представителей дома Ламберти не только как гибеллинов, но и как грандов, первыми поднявших оружие против народа в 1266 г. См.: Там же. VII. 14. С. 209.

[22] *Pieri P.* Cronaca di Paolino Pieri fiorentino delle cose d'Italia dall'anno 1080 fino all'anno 1305 / A cura di A.F. Adami. Roma, 1755. P. 9. «В 1182 г. взяли флорентийцы Монте Гроссоли, замок Фиридольфи, которые были главами Кьянти и охраняли подступы к Сиене, и удерживали его, пока он еще не стал их»; О том же: Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 108.

Каттани да Барберино и Феррантини[23]. От знатного римского барона Сесто, как полагал Рикордано, пошли Инфангати или Манджадори, «которые были знатны, могущественны и имели многочисленное потомство»[24]. Одновременно с Инфангати автор «Флорентийской истории» отмечал значение Филиппи, Альбериги и Арригуччи, «самых знатных и благородных людей, являвшихся патронами и защитниками епископата по их достоинству и величию»[25]. Затем Малиспини еще раз возвращался к перечислению древних знатных родов во вновь отстроенном городе[26].

В подтверждение славы древних семейств приводились их связи с венценосными владыками, появлявшимися во Флоренции. Прежде всего, он упоминал Карла Великого, который произвел в рыцари многих флорентийских нобилей: Отто де Фиджованни, Ансельмо Фигвинельди, Арнальдо Фифанти, Москардо Ламберти, Орманно Орманни, Скьятта дельи Уберти[27]. Переходя к событиям конца X в., времени императора Оттона III (980—1002), Малиспини еще раз обращается к реестру знатных фамилий, представителей которых маркиз Уго, наместник указанного императора во Флоренции, произвел в рыцари: Джандонати, «древний и благородный род», Конти да Гангаланди, «каковые начали в те времена становиться могущественными», Нерли, и Пульчи, и делла Белла, «также восходящие к величию»[28]. Эта

[23] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXIII. P. 72—73; XLIII. P. 95—96. Виллани писал о них, как о «нобилях флорентийского контадо, потомках старинных и благородных родов Флоренции», также отмечая их роль в восстановлении города, и указывал, что от них произошли многие нобили Муджелло, Вальдарно и самой Флоренции (см.: *Виллани Дж.* Новая хроника. III. 1. С. 69; IV. 10. С. 85—86), но в то же время он заявлял: «Теперь они причислены к пополанам и почти захирели». См.: Там же. IV. 10. С. 85—86.

[24] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXIV. P. 73. Виллани также относил этот род к первым насельникам города, обитавшим в квартале ворот Санта Мария (*Виллани Дж.* Новая хроника. III. 2. С. 71; IV. 13. С. 87). Они встали на сторону гибеллинов, в результате чего представители этой семьи, в частности, Манджа дельи Инфангати, были обезглавлены народом. См.: Там же. V. 39. С. 131; VI. 65. С. 174.

[25] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXIV. P. 73. Виллани писал о Филиппи: «Филиппи <...> сегодня никому не известные, в то время славились могуществом и влиянием, живя на Новом Рынке...» (*Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 13. С. 87). Об Альбериги: «В квартале ворот Сан Пьеро жили Альбериги <...>, построившие церковь Санта Мария Альбериги <...>, а теперь на ее месте ничего нет». См.: Там же. IV. 11. С. 86. Арригуччи жили в квартале Дуомо, стояли на стороне гвельфов, в конце XIII в. пошли за белыми и, видимо, большая их часть вынуждены были уйти из Флоренции. См.: Там же. IV. 10. С. 86; V. 39. С.131; VI. 33. С. 183; VI. 79. С. 186; VIII. 39. С. 234.

[26] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XLIV. P. 93—97.

[27] Ibid. Cap. LIII. P.146—147. Кроме них он также упоминал Тано дель Арка, Алепро и Гвидо де Галигаи, Федериго де Галли, Филиппо Альбериги, Уго дельи Уги, Моретто де Гречи, Тедальдо Тедальдини, Брунелло Филиппи, Апардино де Равиньяни, Бонаккорсо Виздомини, Лизео Лизеи, Гвидо де Пильи.

[28] Ibid. Cap. XLVIII. P. 124; *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 2. С. 77—78. Виллани, в отличие от Малиспини, не упоминал представителей знатных фамилий, ставших рыцарями.

ситуация повторялась затем в связи с пребыванием во Флоренции императора Генриха I, герцога Баварского (1002—1024), когда Малиспини снова приводил перечень нобилей, которые составили свиту этому венценосцу: первым он упоминал Бонагвиза из рода делла Пресса, «от которого и произошли Бонагвизи», затем других, «которые были уполномочены нашим городом Флоренцией составлять императору компанию и оказывать почести»[29]. У Виллани имеется соответствующая рубрика, ничем не отличающаяся по содержанию от аннотации во «Флорентийской истории», за исключением какого-либо упоминания о членах знатных родов в свите императора[30]. Наконец, Малиспини называл нобилей, которых произвел в рыцари Конрад II (1027—1039): Уберто дельи Уберти, Альберто Инфангати, Руджьери Донати, Раньери Тедальдини[31].

Но особенно Рикордано демонстрировал славу и могущество нобильских родов в очень пространной главе, специально посвященной фамилиям древней знати Флоренции и местам их обитания в городе[32]. Ее невозможно отождествить с соответствующими аннотациями Джованни Виллани[33], что не дает оснований предполагать заимствование как с одной, так и с другой стороны. По количественным показателям Малиспини приводил более 90 фамилий древней знати, тогда как Виллани называл около 55 старинных родов. Но самое главное: оба автора характеризовали дома флорентийских нобилей в разных регистрах тональности. Если Малиспини всячески подчеркивал древность их происхождения, знатность, благородство, могущество и влиятельность, то внимание Джованни Виллани часто сосредотачивалось на признаках упадка знатных семейств: Галли, Каппьярди, Филиппи, «сегодня никому не известные»; Гречи, которые «все перевелись»; Уги, «род которых теперь угас», Кателлини, «память о которых ныне стерлась»; Дель Арка, «род в наши дни угасший», Мильорелли, «впавшие в ничтожество», Фиджованни и Фигвинелли «причислены к популярам и почти захирели», Баруччи, «род которых уже пресекся»; Галигаи, Ардинги, Кьермонтези, «которые в наше время захирели»; Джуоки и Лизеи, «ставшие пополанами». Малиспини упоминал о вырождении знатных домов только в трех случаях: делла

[29] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XLIX. C. 127—128. Среди упомянутых: Черретино Виздомини, Ансальдо Лизеи, Чупо и Фьорито Уберти, Чоне Галигаи, Франко дель Арка, Терцо, Убальдо и Джованни Фиджованни, «именитый гражданин и благородный человек» Люстро ди мессер Ламберто Ламберти, Альдериго ди Луиджи Фифанти, Турно ди Чаньино Инфангати,

[30] *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 5. С. 81.

[31] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LVII. P.154;

[32] Ibid. Cap. LII. P. 136—146. *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 9. С. 85. Однако он не упоминал о производстве в рыцари и не называл никаких имен.

[33] *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 10—13. С. 85—87.

Пера, «которые сегодня угасли»; Феррантини, «которые сегодня пополаны и почти сошли на нет»; Баруччи, «которые сегодня все выродились»[34]. Демонстрация величия знатных домов у Малиспини явно преобладает над стремлением констатировать признаки их упадка.

Главную причину понижения статуса фамилий древней знати Малиспини видел в насилии коммуны, разрушавшей их владения. Он писал о том, что много замков и земель Фиджованни, Фигвинельди, Фиридольфи и Пацци да Вальдарно в Муджелло и Вальдарно были разрушены и разорены коммуной[35]. Она приказала срыть до основания знаменитый замок Монтебуони, владение Буондельмонти «к их великому ущербу»; а также уничтожению подверглись принадлежавший Ламберти замок Монте Гизо и другие их крепости вокруг Каленцано, как и замки и строения Уберти и Орманни, каковые «все были коммуной разрушены»[36]. Далее Рикордано заявлял о снесении замков Равиньяни в Муджелло и в Вальдисиеве, Кателлини — в Монте Морелло, Галли — в Мирансу, в том числе с уничтожением их главной крепости — «Холм Галли», когда их владениям пришел конец. По приказу коммуны укрепленные строения Гвиди, Феррантини, Галигаи, Бонагвизи и Аголанти в Сан Креши, Пратолини и Вальи — «все были сровнены с землей»[37]. Во Фьезоле уничтожили крепо-

---

[34] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LII. P. 136, 139.

[35] Ibid. Cap. LV. P. 149. Джованни Виллани сокрушался по поводу репрессий в отношении знатных родов в начале XIV в. Он писал: «В том числе у рода Пацци были отняты их владения и имущество, пожалованные их предкам в 1311 г., когда флорентийский народ 4-х из них произвел в рыцари и народные защитники. Это были 2 сына мессера Паччино и 2 сына его двоюродных братьев, которых наградили в память о мессере Паччино, погибшем на службе у народа, а при жизни возглавлявшим народ и защищавшим его со своими родственниками от грандов. Мы упоминали о его отце мессере Якопо дель Нера, павшем при Монтаперти, вожде и гонфалоньере народа, а также других его сородичах, совершивших немало подвигов ради коммуны и флорентийского народа в Колле ди Вальдельса». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 44. С. 434.

[36] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LV. P. 149. Джованни Виллани писал о разрушении замка Монтебуоно в 1135 г.: «...Около замка проходила дорога и владельцы собирали с проезжающих дань. Это вызывало недовольство флорентийцев <...> они выступили и захватили замок <...> по договору с хозяевами он должен был быть разрушен, а другие имения оставались за ними, причем сами они обязывались поселиться во Флоренции». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 36. С. 106. О том же писал анонимный хронист. См.: Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 97.

[37] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LV. P. 150. Виллани, датируя запись 1107 г., писал о том, как флорентийцы разгромили замок Прато, где обитали вассалы Гвиди, которые откупились от завоевателей и поселились на новом месте, назвав его Прато — так возникло будущее предместье Флоренции (См.: Там же. IV. 26. С. 100). Анонимный хронист указывал, что в 1146 г. флорентийское войско пыталось взять замок Гвиди Монте ди Кроче, но было решительно атаковано людьми Гвиди и потерпело поражение (Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 101). Виллани писал о том, как в 1147 г. воевали с графами Гвиди из-за

сти Капонсакки, Арригуччи, Раццанти. В Вальдиреббьяне —«невеликого значения» укрепления Лизеи, используемые «для расправ и войн», а также сооружения Малиспини и Инфангати в том же месте[38]. Но особенно пострадали Убальдини, «имевшие много вилл, замков и владений в Альпах между Болоньей и Флоренцией, в Сузинане и Романье, многие из которых <...> были куплены в те времена, когда там жил кардинал Оттавиано (ум. 1275); и там было собрано множество золота и ценных вещей»[39]. Не удалось сохранить свои владения также Рикасоли, Франчези, Скварчалупи, Донати, Тедальдини, Альбериги, Нерли, Тозинги, Виздомини[40].

Другой настрой в отношении разрушения владений, подчинения знати контадо Коммуне и контроля над наиболее воинственными и могущественными представителями древней знати, заметен в анонимной хронике XIII в. В одной из аннотаций (1192 г.) аноним был скорее убежден в правомерности ограничительной политики коммуны: «И в это время было принято постановление во Флоренции, что графы Гвиди, графы Альберти, графы Капрайя, графы да Чертальдо, Убальдини, Фильиджованни, Пацци и Убертини <...>, синьоры да Монтеманьо, дом Орманья (Орманни?) <...> и другие нобили, как горожане должны обитать 4 месяца в году в городе Флоренции. И долгое время это сохранялось к чести Коммуны»[41].

Центральной фигурой саги о древней знати у Рикордано Малиспини являлся доблестный римлянин Уберт Цезарь, лишь единожды упомянутый и Джованни Виллани, который, по всей видимости, склонялся к

того что их замки находились в непосредственной близости от города. В 1154 г. флорентийское войско снова подошло к Монтедикроче, захватило его. Замок был разрушен до основания, а имущество графов Гвиди продано флорентийскому епископству без всякого возмещения...владельцам. Затем в 1209 г. «...графы Гвиди, которые не могли долго защищать замок Монтемурло от пистойезцев, продали его коммуне Флоренции за 5000 флоринов». См.: Там же. IV. 37. С. 107; V. 31. С. 125; об этом же см.: Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P.114—115.

[38] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LV. P. 150. Затем Рикордано просто приводил список фамилий, владения которых также пострадали по распоряжениям коммуны: Джандонати, дель Арка, делла Саннелла, Пильи, Бостики, Филиппи, Гречи, Убриаки, да Квона, Волоньяно, Нерли, Конти да Гангаланди, Пульчи.

[39] Ibid. Cap. LV. P. 151. Виллани писал: флорентийцы в 1254 г. разбив Убальдини при Монтеаччинико, основали крепость Фиренцуолу, чтобы противостоять мятежам этого рода. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 47. С. 164; X. 202. С. 341.

[40] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LV. P. 151. Главное владение Скварчалупи, по мнению Виллани, — замок Мортеннана — был разрушен в первый раз по приказу коммуны в 1220 г., затем— уже окончательно в 1254 г. (*Виллани Дж.* Новая хроника. V. 42. С. 132; VI. 56. С. 169). Виллани указывал, что Франчези — род из Феггине. В 1252 г. флорентийцы захватили замок Феггине, где нашли себе пристанище гибеллины во главе с графом Гвидо Новелло, каковой замок «был разграблен, сожжен и разрушен». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 51. С. 166.

[41] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 110.

версии о недостоверности Уберта как исторического персонажа: «Есть кое-какие письменные известия о некоем Уберте Цезаре, названном в честь Юлия Цезаря, сыне Катилины, который после его смерти остался ребенком во Фьезоле <...> и потом он и его многочисленное потомство (13 сыновей и 4 дочери), как утверждают, долгое время управляли городом (Флоренцией), положив начало знатным домам и семействам, в частности, Уберти. Однако доказательств этому в подлинных хрониках мы не нашли»[42]. Можно утверждать, что Рикордано использовал единственный нарративный источник XIII в., наиболее подробно повествующий об Уберте Цезаре, — «Фьезоланскую книгу» анонимного автора. Из нее следует, что Уберт Цезарь был сыном Катилины, «человека мудрого и великой доблести», в 7 лет потерявшим отца, «вскормленным и воспитанным» во Фьезоле до 15 лет. По возвращении в Рим «ему была оказана всеми римлянами великая честь», что встревожило Юлия Цезаря, который видел его «безмерную дерзость», и император «льстиво и под видом просьбы» приказал ему «вернуться в молодую Флоренцию, чтобы исполнить предназначение величия, предопределенное отцовской кровью», «дабы господствовать над ней с 7-ю сотоварищами, избранными среди флорентийцев и фьезоланцев. Родоначальник Уберт имел от жены фьезоланки 16 детей, так что вся земля удерживалась его потомками, и он <...> создал свои войска из одних кавалеров». Значимость Уберта во Флоренции вызывала подозрения у Августа, который предпочел отдалить его под предлогом предоставления важных военных должностей, отправив Уберта в Германию с 7-ю старшими сыновьями, удержав у себя других 6-х как заложников. Антиградо из Германии дал сыну Уберта в жены свою дочь: и «тот породил род доброго сословия в Саксонии». И «хотя были многие, говорившие, что эти Уберти из Флоренции были рождены от Германского императора, но истина такова: император был порожден ими»[43]. «От этих Уберти произошли многие роды в Германии, но также они стали главами <...> Флоренции, где обитали в свое время с большой радостью»[44].

В описании личности и деяний Уберта тексты «Флорентийской хроники» Милиспини и «Фьезоланской книги» почти совпадают[45]. Но следует помнить, что эти два произведения созданы с противоположными целя-

---

[42] *Виллани Дж.* Новая хроника. I. 41. С. 33. Можно предполагать, что в этом случае Малиспини и Виллани пользовались данными более ранней хроники XIII в. — «Фьезоланской книги», см.: *Юсим М.А.* Приложения к книге первой, 83. P. 486.

[43] Чето (Оттон) Уберти, как утверждал автор «Фьезоланской книги», стал первым императором Германии.

[44] Il libro Fiesolano. Leggenda del buon secolo della lingua / Ed. per cura di G.T. Gargani. Firenze, 1855. Cap. XV. P. 22—24; *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXVI. P. 56—57.

[45] На сходство текстов указывала и А. Бенвенути. См.: *Benvenuti A.* "Secondo che raccontano le storie". P. 226—227.

ми. Аноним, составивший текст *Libro fiesolano*, старался доказать большую древность фьезолацев, происходящих от троянцев, по сравнению с римлянами: «Ибо истинная история такова, что они [Уберт и его потомство] были рождены от знатнейшего Катилины, короля римлян, а Катилина был рожден от знатнейших беглецов из Трои». Основной задачей автора «Фьезоланской книги» являлось прославление Фьезоле и доказательство его превосходства над Флоренцией, тогда как история Малиспини утверждала флорентийскую идентичность, и в содержании «Фьезоланской книги» его интересовала главным образом только фигура Уберта Цезаря и его потомства, о котором фьезоланский аноним почти ничего не сообщал.

Далее у Малиспини тема о происхождении знатных фамилий концентрировалась вокруг окружения Уберта, состоящего из выдающихся мужей, потомков древних римлян или троянцев. В Риме, по словам Малиспини, Уберт женился на «знатнейшей и благороднейшей даме», «дочери римского барона по имени Элизон», и тесть отправился с ним во Флоренцию, дав начало роду Элизеи (Лизеи)[46]. В этом случае Р. Малиспини расходится с данными «Фьезоланской книги» (там утверждается, что Уберт был женат на фьезоланке), не желая ни в чем отступать от утверждения римских корней флорентийской знати. Второй компаньон по имени Билионе, также женившийся на дочери Уберта, стал прародителем фамилии Равиньяни (Ровиньяни[47]), от которых произошел род графов Гвиди[48]. За Арко, сына третьего своего спутника, звавшегося Капроне,

[46] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXVIII P. 62—64. Виллани упоминал Лизеи как гибеллинский род сестьеры ворот Сан Пьеро (*Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С. 131; VI. 33. С.153), отмечая, однако, что «ныне они принадлежат к пополанам». См.: Там же. IV. 11. С. 85.

[47] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXI. P. 67—68. Равиньяни упоминались Джованни Виллани как «влиятельные нобили», живущие в квартале ворот Сан Пьеро. От них по женской линии — от дочери достойного мессера Беллинчоне Берти графини Гвальдрады — произошел весь род графов Гвиди (*Виллани Дж.* Новая хроника. III. 2. С. 70; IV. 1. С. 77; IV. 11. С. 86; V. 37. С. 129). Согласно данным Э. Фаини, Беллинчоне Берти, возможно, Беллинчоне ди Берта, являлся нобилем, обитавшем во Флоренции во второй половине XII в.в.; он, видимо, считался лицом влиятельным и уважаемым, поскольку в 1176 г. коммуна доверила ему вступить от ее имени во владение определенными землями, полученными от консула Сиены в результате договора между двумя городами. Этот же автор отмечал, что Беллинчони Берти дельи Равиньяни — род «происхождения для нас полностью неизвестного». Именно Беллинчоне Берти деи Равиньяни предоставил трех своих дочерей, чтобы можно было связать путем когнатских связей некоторые выдающиеся фамилии — Адимари и Донати — с графским родом Гвиди во имя союза с Гвидо Гверра Старшим (*Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 133; P. 336, n. 483). Видимо, Беллинчони были игнаны из Флоренции в начале XIV в. (1301 г.) как белые гвельфы. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 49. С. 241.

[48] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXI. P. 67—68. Виллани, по всей видимости, давал более достоверные сведения, заявляя, что Гвидо Гверра Старший являлся

выдал замуж Уберт свою третью дочь, и они произвели на свет род дель Арка[49]. От Галиано, еще одного компаньона Уберта, женатого на даме из рода императора Октавиана, и его сына Галлуса Гайо, сочетавшегося браком с дочерью Уберта, начались роды Галигаи (Галигари), Бонагвизи, Алепри и Чиприани[50]. Во второй биографической вставке Рикордано подтверждал, что сам он женился на дочери Бонагвиза де Бонагвизи из Флоренции, мать которой происходила из Виздомини. Он утверждал также свое родство с фамилией Орманни-Форабоски[51], «древнейшего и очень знатного рода», представители которого являлись прямыми потомками самого Уберта Цезаря, породившего большинство фамилий древней знати, но также доказывал, что род Бонагвизи происходил от императора Октавиана и Уберта Цезаря. От этого же корня, по мнению автора, берут начало еще два «славнейших рода» — Гульальфиери и Тебальдуччи. Итак, вырисовывается круг знатных фамилий, состоящих с домом Малиспини в тесном родстве, родословные которых автор «Флорентийской истории» ведет прямо от Уберта Цезаря, подтверждая, что в его собственных жилах течет кровь великого основателя многих родов флорентйской знати.

Пятый компаньон звался Уго, и от него пошла знатная фамилия Уги. Шестого соратника Уберта, в жилах которого текла кровь древних троянцев, звали Аринсакко, он дал начало знатному роду Капонсакки[52].

знатным германским бароном, потомком тех, что пришли с Оттоном I в Германию, и получили владения в Романье, а резиденция их находилась в Равенне, но вскоре народ Равенны восстал против их притеснений и перебил всех Гвиди. Тогда уцелел лишь маленький мальчик Гвидо, прозванный «Кровавым» из-за несчастья с его сородичами, который и стал отцом Гвидо Старшего, «достойного человека», которому «император пожаловал Казентино». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 37. С. 128—129. О Гвидо Старшем писал и анонимный хронист. «Затем, в 1212 г. (или 1213 г.) умер великий и достойный человек граф Гвидо Старший из графов Гвиди, человек мудрый и достойный всяческих похвал» // Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 117.

[49] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXI. P. 67—68 О дель Арка у Виллани сказано только: «Древний род дель Арка, в наши дни угасший». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 12. С. 86.

[50] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXI. P. 68—69. Джованни Виллани не упоминал о Галиане и Галлусе Гайо. Род Галигари он помещал в ряд тех фамилий которые «в наше время захирели» (*Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 11. С. 86), затем сообщал, что они принадлежали к гибеллинам сестьеры ворот Сан Пьеро, являлись сторонниками Уберти и были изгнаны в 1258 г. См.: Там же. V. 39. С. 131;VI. 33. С. 153; VI. 65. С. 174.

[51] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. CIII. P. 101, 104.

[52] Ibid. Cap. XXXI. P. 70. Виллани, не упоминая о прародителях Уго и Аринсакко, сообщал о фамилии Уги. «В квартале ворот Сан Бранкацио жил старинный род Уги, который построил церковь Санта Мария Уги; ему принадлежал весь холм Монтуги, но теперь этот род угас» // *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 12. С. 86.

Наконец, компаньоном Уберта был некий Аттиланте, за сына которого Уберт выдал свою дочь, и от этой четы произошли нобили Орманни, «сегодня называемые Форабоски»[53], автор добавлял таким образом еще один аргумент в миф о древности и знатности своей фамилии. Пространное описание Малиспини происхождения древних фамилий от Уберта Цезаря, думается, не имеет аналогов в нарративах XIII—XIV вв., что заставляет предположить: автор либо пользовался неким неизвестным и не дошедшим до нас источником, либо, что наиболее вероятно, эти пространные описания являются плодом его вымысла.

Аннотацию о расселении древней знати во Флоренции хронист Рикордано начинал с упоминания о нобильских родах Орманни-Форабоски и Малиспини, «моих консортов», которые обитали в квартале Сан Пьеро Скераджо[54]. Позже, в записях, относящихся к 90-м гг. XIII в., до 1300 г., Виллани снова несколько раз упоминал о Малиспини и Форабоски, враждовавших с родом Бостики[55].

Э. Фаини не называл Малиспини и Орманни-Форабоски в числе фамилий древней знати, оставившей какой-либо след в документах XI—начала

Род Капонсакки выглядел под пером Виллани более жизнеспособным: «Капонсакки, происходившие от фьезоланских грандов», обитали в квартале ворот Сан Пьеро (*Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 11. С. 86), являлись гибеллинами, и как таковые, были изгнаны в 1258 г. (Там же. V. 39. С. 131; VI. 65. С. 174). Уги упоминались в анонимной хронике, приписываемой Псевдо-Брунетто: Уголино дельи Уги возглавлял флорентийское войско, нанесшее поражение рыцарям императора Генриха III (1046—1056). Аноним полагал, что «эта победа была достигнута благодаря Капитану Уголино дельи Уги; «каковые благородные люди основали церковь Санта Мария дельи Уги во Флоренции и церковь Св. Мартина в Монтуги, где он устроил тюрьму для 27 знатных людей, захваченных во время указанной битвы, каковые затем выкупались за большие деньги». Неизвестный хронист также заявлял, что Уги враждовали с родом Бертельди, ведя «большую войну из-за одной женщины из рода Ламберти», к которой представители того и другого рода питали любовь, «что привело к тому, что каждый род истощил имущество и персон».

[53] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXI. P. 67—68.

[54] Ibid. Cap. LII. P. 136. Джованни Виллани заявлял, что Орманни обитали в квартале ворот Санта Мария (*Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 13. С. 87). Позже, приняв фамилию Форабоски, стали гвельфами и были изгнаны в 1260 г. (Там же. V. 39. С.131; VI. 79. С. 186). Далее Виллани вносил уточнение. «...Хотя впоследствии из-за злоупотреблений своих соседей Уберти они и другие семейства Форабоски переметнулись к гвельфам» // *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С. 131. Позднее, в рубрике, где речь шла об уходе гвельфов из Флоренции в сентябре 1260 г., Виллани причислял оба рода — Малиспини и Форабоски к ушедшим гвельфам. См. Там же. VI. 79. С. 186.

[55] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 1. С. 224; 39. С. 233—234. Он числил эту фамилию среди тех, кто примкнул к партии белых гвельфов, а Джованни Джакотти, молодого представителя этого дома, хронист называл среди юношей обеих партий, которые в 1300 г., под вечер майского праздника, устроили вооруженную стычку на площади Санта Тринита.

XIII в., что дает основания сомневаться в их древнем происхождении[56]. Но С. Раведжи указывал, что Орманни-Форабоски принадлежал замок Монтегуфоне в Вальдипезе, разрушенный флорентийцами в 1135 г., что, возможно, стало поводом для переселения синьоров Орманни во Флоренцию. Однако род Малиспини С. Раведжи помещал в ряд тех фамилий, кто, «являя вид древних крупных аристократов в городской среде, на самом деле по всем признакам был урбанизированными в двух или более поколениях»[57].

В приведенных фрагментах хроники заметно явное стремление к облагораживанию истоков своей фамилии, которую автор относил к самой древней римской знати, не снабжая читателей никакими датами или приблизительными указателями времени. Рикордано также подчеркивал свое родство с Галли[58] и Виздомини, действительно, знатными и древними фамилиями Флоренции, но при этом Малиспини и в полной мере выступал историком старинных нобильских фамилий.

Следует, однако, отметить, что самоидентификация хронистов Малиспини, являющихся в то же время и гражданами коммуны Флоренции, отнюдь не однозначна. Ощущение нераздельности с коммунальным социумом у Рикордано проявляется в описаниях событий, относящихся к середине XIII в., в которых хронист начал выделять основополагающее противоречие между грандами и пополанами[59], но в оценках этого антагонизма он далеко не всегда оказывался на стороне «собратьев по классу». В частности, повествуя об установлении первого народного правления (1250 г.), Рикордано только положительно характеризовал первые политические мероприятия *Primo Popolo*. В записи, относящейся скорее всего к 1252 г., он заявлял: «Были в то время флорентийцы едины благодаря доброму народу (пополанскому правлению — *per popolo buono*), и каждая персона вставала в войско на лошадях или пешей с доблестным и смелым духом»[60]. Интересно, что его

[56] Род Малиспини С. Раведжи помещал среди «фамилий высокого социально-политического статуса», выдвинувшихся в ряды знати после середины XIII в. Далее этот автор высказывал с достаточной вероятностью предположение о том, что Малиспини «были типичными представителями городского изначально торгового патрициата, как это видно по многим указаниям». См.: *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 613, n, 614, n.

[57] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 614, n. Один из представителей этого рода Раццанте Форабоски сделал в начале XIV в. блестящую карьеру чужеземного должностного лица (1319—1334). Его выбирали для правления в Кремону, несколько раз в Болонью, в Перуджу, в Тоди в 1325, в Губбио и в целый ряд поселений в контадо. См.: *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 642, n.

[58] *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 13. С. 87. Присчисляя Галли к сестьере Сан Пьеро Скераджо, Виллани относил их к ряду фамилий «сегодня никому не известных, но в те времена славящихся могуществом».

[59] *Malispini.* CIII. P. 101—104; CXXXVII. P. 132—133.

[60] Ibid. CXLVII, CXLIX. P. 141.

продолжатель Джакотто Малиспини точно также одобрял второе народное правление — Приорат цехов, возникший в 1282 г. Хронист писал о его последствиях: «В году от Христа 1283-м во Флоренции установилось прочное и счастливое состояние, много праздников и радости было заметно по всему городу, из разных мест собирались жонглеры и шуты; <...> но длилось указанное состояние лишь 1 год, а потом снова началось разделение между грандами и пополанами, между белыми и черными»[61]. Оба Малиспини стремились к единству и целостности того коммунального социума, к которому они принадлежали.

Мифы о происхождении знатных фамилий конструировали и в более позднее время. К проблемам генезиса флорентийской знати обращался историк XV в. Джованни Кавальканти, полностью убежденный в том, что является представителем древнего и знатнейшего рода. Темы критериев знатности занимали его сознание, что заметно в вышедших из под его пера хрониках. Для сравнения с концепцией Малиспини можно привести миф о генезисе знатных родов, который находим у Кавальканти. С Джованни Виллани историк XV в. явно полемизировал, относясь к своему прославленному предшественнику критически. С «Флорентийской историей» Малиспини он по всей вероятности не был знаком, и ни разу не упоминал ее в своих сочинениях. В отличие от Виллани и Малиспини представитель рода Кавальканти пытался соотнести приход новых генераций нобилей с глобальными историческими событиями, что позволило ему прийти к выводу — флорентийская знать образовалась путем синтеза римских и германских родов[62]. Нет оснований полагать, что в данном случае Кавальканти использовал хронику не являвшегося для него авторитетом Джованни Виллани в качестве источника, поскольку многие сведения не совпадают. В частности, фамилии, которые Кавальканти относил к римскому корню, по мнению Джованни Виллани, произошли от лангобардов[63]. Смена фамилий знати по данным Кавальканти впервые случилась в связи с приходом в Италию остготского вождя Теодориха: «Тогда многие достой-

[61] Ibid. CCXXXVII. P. 214.

[62] *Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale // *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 102—103. К древнейшим римским фамилиям, которые вели свое происхождение от ветеранов Суллы, Кавальканти относил Монте Карелли, Да Чертальдо, Брусколи, Санта Фьоре, Уберти, Гаи или Галигаи, Кастеллани, Торнаквинчи.

[63] Фамилии фьезоланской знати: Мангоне, Монтекарелли, Капрайя, Да Чертальдо, Санта Фьоре, которые Джованни Кавальканти считал потомками ветеранов Суллы, Джованни Виллани относил к «потомками лангобардов». Из всех относимых Кавальканти к римскому истоку фамилий, Виллани только одну считал имеющей отношение к древним римлянам — род Уберти. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. II. 21. С. 68; I. 41. С. 33.

нейшие люди римских фамилий из отвращения к варварам уехали из Флоренции, куда некоторые вернулись только после побед византийского полководца Велизария (отсюда и пошло прозвище клана Торнаквинчи — «возвращенцы»)». Кавальканти подчеркивал пассивность и вялость римских родов по сравнению с новой энергичной готской знатью[64]. Следующее поколение нобилей пришло в Италию вместе с Карлом Мартеллом, среди них, якобы, и Кавальканти. Четвертая группа нобилей обозначалась Кавальканти как «позже пришедшие во Флоренцию и стекающиеся из разных мест», к ним-то он и относил большинство наиболее влиятельных и известных в XIV—XV вв. фамилий: Буондельмонти, Виздомини, Барончелли, Каппони из Лукки, Альбицци из Ареццо, Барди из Анконы, Джанфильяцци, Фрескобальди. Помимо явного стремления наложить процесс генезиса флорентийской знати на искусственную историческую канву, дискурс Кавальканти, по всей вероятности, также не лишен тенденциозности и проявления личных амбиций представителя в прошлом очень значимого и влиятельного, но теперь приходящего в упадок рода, как об этом будет сказано далее[65].

Таким образом, можно выявить основные составляющие конструкции мифа о происхождении знати: концентрация рассеянных локальных сюжетов об основаниии Фьезоле и Флоренции в некую искусственную реальность; античные элементы, осуществляющие для настоящего функции авторитетности и престижа; память о действительных событиях и лицах, вплетаемая в ткань мифа; стремление возвысить и прославить собственный род.

[64] *Cavalcanti G.* Il Trattatto politico-morale. P. 103—105.

[65] Ibid. P. 104—108. К пришедшим с Карлом Маррtеллом Кавальканти относил Пагани, Убальдини, Скали, которые «долго сохраняли варварские обычаи». Кавальканти — представители гвельфской знати, которые уже в XII в. давали Флоренции консулов, особенно возвысились во второй половине XIII в., входя в узкий круг правящей элиты, являлись членами цеха Калимала к середине XIII в., владели лавками, боттегами, домами в городе, занимались торговлей, извлекали прибыли из арендных отношений и очень пострадали от гибеллинских конфискаций после 1260 г. После 1282 г. они хотя и не участвовали в приорате, но обладали достаточным политическим влиянием. В гвельфский период принимали очень активное участие в политической жизни, сохраняя свое значение и в конце XIII в. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 112—113. Джованни Виллани фамилию Кавальканти упоминал только в главах, относящихся к XIII в. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С.130—131; VI. 33. С. 152—154.

§ 2. Знатные фамилии Флоренции в XI—XII вв.: сословные признаки

Если из повествования Рикордано Малиспини отсеять все, что относится к конструированию мифа о происхождении флорентийской знати, то что окажется в «сухом остатке» относительной достоверности? Останутся названные им фамилии, существование большинства которых подтверждается другими хрониками, в частности, Джованни Виллани, и скудными данными немногих сохранившихся от XI—XII вв. документов. В главах, относящихся к XI—XII вв., Джованни Виллани упоминал 50—60 фамилий грандов, которые он относил к древнейшим семьям флорентийской знати, кратко комментируя направленность их эволюции. В современной историографии бытует точка зрения, что городская знать Флоренции сложилась к концу XII в. У истоков коммунальной ассоциации стояли нобили, разделенные на городскую аристократию, и знать контадо, в разной степени связанную с Флоренцией[66].

Для характеристики древней знати до конца XII в. необходимо обратиться к фундаментальной монографии современного итальянского историка Энрико Фаини, который по отношению к старым нобильским фамилиям употреблял термин «синьориальная знать». Основным ее экономическим признаком Фаини считал крупные и относительно компактные земельные комплексы в контадо Флоренции, исследованию которых он посвятил вторую главу своей книги. В качестве примера стоит избрать древнейший род «синьоров» Фиридольфи, поскольку некоторым его представителям в этой работе будет уделено особое внимание. Они владели значительной земельной собственностью в трех комитатах: флорентино-фьезоланском, сиенском и аретинском, причем их участки не были рассеяны, и хотя не всегда прилегали, находились не слишком далеко один от другого. Эти синьоры уже во второй половине XI в., как свидетельствовали сохранившиеся архивные документы, производили активные сделки с недвижимостью, продавая и скупая участки в зависимости от конкретных нужд[67]. В их землях находились родовые хорошо укрепленные замки, которые, возможно, со второй половины XII в. также стали объектами купли-продажи. В XII в. коммуна Флоренция вела военные действия против этих мощных замков в ее округе. В 1135 г. по ее распоряжению были разрушены замки Монтегуфоне[68] в Вальдипезе,

[66] *Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 64.

[67] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 51.

[68] Sanzanome iudicis. Gesta florentinorum. P. 128. Только этот неизвестный хронист свидетельствовал о нападении флорентийцев на Монте Гуфоне и разрушении его в 1135 г.

(владение Орманни — Форабоски), затем коммуна приказала сравнять с землей замок Монтебуони, резиденцию прародителей родов Буондельмонти, и Сколари, бывших вассалами епископа. Ламберти и Делла Тоза держали в Синьории крепости, над которыми осуществляли юрисдикцию вплоть до начала XIII в.[69] В конце XII в. случаи продажи замков и укрепленных домов Э. Фаини фиксировал у представителей рода Фиридольфи[70]. Этот род, как и другие, обладал варьирующимися объемами прав над теми, кто населял и обрабатывал их земли[71].

Если говорить о социальном профиле представителей древней знати, то прежде всего необходимо констатировать ее тесную связь с церковными структурами, в частности, с флорентийским епископатом и церковным землевладением[72]. Выходцы из нобильских родов владели землями, передаваемыми епископом или аббатами монастырей на правах *feudum* (феода) или бенефиция[73]. Уже начиная с рубежа X и XI вв. многие из знатных фамилий — Фигвинельди, Гвиди, Фиридольфи, Убальдини, Сколари, Буондельмонти, Виздомини, Тозинги — составляли вассальную клиентелу флорентийских епископов. Многие их этих вассалов (*fideles*) епископата могли мобилизовать многочисленное войско. Епископальная синьория к XIII в. выглядела как обширные владения, разделенные на два ядра: одно к северу по р. Арно, другое на юге Арно (Муджелло, центральная и Нижняя Вальдипеза)[74]. Фамилии Виздомини (возможно, название произошло от их титула — *vice-domini* — заместители, управляющие) и делла Тоза основали консортерию, которой в начале XI в. была дарована привилегия управления имуществом флорентийского епископата в тех случаях, когда престол оставался вакантным. Известно, что эти привилегии фамилии Виздомини и Тозинги сохраняли до второй половины XIV в. Симоне делла Тоза был упомянут среди покровителей епископата 14 мая 1323 г. в *Bullettone*, реги-

[69] *Cammarosano P.* Aspetti delle strutture familiari nelle città dell' Italia comunale: secoli XII—XIV // Famiglia e parentela nell' Italia medievale / A cura di G. Duby e J. Le Goff. Bologna, 1981. P. 110.

[70] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 57.

[71] Ibid. P. 28. Сохранилась судебная грамота, в которой некий Каччаторе «говорит, что в Перло он держит и имеет от Джеремии (Фиридольфи), который дал его нам — луг (*pratum*), и рубит деревья вплоть до горного хребта каждый день, когда захочет, <...> и земля, на которую он имеет данные ему синьором права (невозделанная и заросшая лесом), тянется вплоть до горного хребта». В грамоте подчеркивалось, что «он владел этим лугом, но не имел его в собственности». Судебный иск был подан аббатом близлежащего монастыря, который был недоволен тем, что сводился лес, защищавший монастырский скот от холода и зноя.

[72] *Cammarosano P.* Aspetti delle strutture familiari nelle cittá dell' Italia comunale. P. 110.

[73] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 167—169

[74] *Dameron G.W.* Episcopal Power and Florentine Society, 1000—1320. Cambridge;London, 1991. P. 135

стре, скопированном членами его консортерии, в котором содержалось описание епископального имущества и управленческих прерогатив Тозинги и Виздомини, церемониальных привилегий во время торжественных въездов во Флоренцию новых епископов и других прав, дарованных фамилиям, которые хранили заместительство. В 1325 г. вновь назначенный епископ Анджело Аччайуоли подтвердил за этими хранителями епископата право традиционных почетных обязанностей[75]. Кроме того, что они владели обширной недвижимостью и высоким социальным статусом, эти фамилии были облечены судебной властью на епископских землях. Такие же права с древности имели Капонсакки в отношении епископата Фьезоле. Тедальдини, видимо, происходя от кафедрального каноника, владели, пользовались и управляли значительным церковным имуществом[76].

Синьория епископа осуществлялась регулярно посылаемыми туда Подеста, которых епископат традиционно избирал из родов, имеющих наследственные права на эти территории, — сначала Виздомини и Тозинги, позже, в первой половине XIII в — Убальдини, что давало им право господствовать над преобладающей группой знати, составляющей вассальную клиентелу епископа[77]. Помимо вассальных уз представители знати с начала XII в. вступали с епископатом и монастырями в разного рода экономические отношения: известны грамоты кредита, залога, инвестиции средств под ту или иную хозяйственную деятельность церковной структуры. Сколари, Убриаки, Ламберти, Авогади, Гвиди, Адимари оказывались втянутыми в сложные цепочки взаимных поручительств, обязательств, займов в связи с монастырскими кредитами[78].

Одним из отличительных признаков синьориальной знати являлось наличие титула, полученного в XI—XII вв. К таким фамилиям, к примеру, относились Джандонати, о которых известно, что Донато, сын главы рода Джанни, был гастальдом у маркиза Туски Бонифаччо, и поэтому получил титул виконта Флоренции; к 1050 г. Адимари, согласно генеалогической реконструкции, предложенной Р. Давидсоном, являлись ветвью графского рода Альберти, тогда как Гангаланди, синьоры земель по левому берегу нижнего течения Арно, в 20-и км. от Флоренции, имели титул графов, который сохраняли в течение XIII в.

Наконец, имелся еще один признак, важный для обозначения социального статуса синьориальной знати: с XI в. (возможно, и раньше) были характерны локальные объединения, прежде всего, судебные ассамблеи (*placiti*), действовавшие еще в начале XII в. Из потребностей этих ассамблей Э. Фаини выводил то обстоятельство, что почти в каждой знатной

[75] *Bonanno C.* Della Tosa, Simone // Dizionario Biografico degli Italiani. 1989. Vol. 37.
[76] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 613 — 614.
[77] *Dameron G.W.* Episcopal Power and Florentine Society, 1000—1320. P. 98—101.
[78] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 203—205, 207—209.

фамилии имелись ученые знатоки права[79]. Убальдини, Фиридольфи, Джандонати, Ламберти, Виздомини, Уберти, Капонсакки были представлены на судебных ассамблеях тосканской знати во второй половине XI в.[80]

С 30-х гг. XI в. род Фиридольфи, как и многие другие фамилии, Э. Фаини относил к т.н. «кочующей знати», то есть курсирующей с разной степенью регулярности между своими замками и Флоренцией. Несколько позже, с конца XI в. такие перемещения стали совершать члены фамилий Убальдини, да Квона, Фигвинельди и некоторых других. Чаще всего поводом для пребывания в городе становилась почетная обязанность войти в свиту какого-либо могущественного феодального владетеля, направляющегося во Флоренцию. На рубеже XI—XII вв. становились заметны и другие потребности в посещении города: необходимость прибегнуть к нотариальным услугам при оформлении различных имущественных актов и ведения судебных тяжб[81].

Таким образом, отличительные признаки древней флорентийской знати следующие: владение обширными земельными комплексами и хорошо укрепленными замками, власть над лицами, населяющими их земли, в разной степени зависящими от фамилий синьориальной знати, наличие тесных отношений с церковными структурами, участие в судебных ассамблеях и появление во многих фамилиях ученых знатоков права, связи с традиционными структурами власти, представленными главами церкви, императорами и феодальными властителями (маркграфы Тосканские)[82], файды между родами и мирные соглашения (о них будет сказано далее), а также начавшееся в XI в. перемещение между городом и сельской округой, в которой реализовывались их синьориальные права.

Представляется обоснованным заключение Э. Фаини о том, что между XI и XII вв. происходит разрыв эволюции флорентийской знати: общество XI в. значительно отличается от общества XII в., с середины которого становятся заметны черты, отличающие городскую знать от синьориальной, городской социум от сельского. Главным фактором разрыва Фаини считал перемещения знатных родов, «снование между городом и сельской территорией аристократов-нобилей и судей». Вторую предпосылку историк видел в изменении управления Тосканской маркой, когда после смерти маркграфини Матильды (1115 г.) возросла автономия города и начала складываться коммуна[83].

---

[79] Ibid. P. 217—219.

[80] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 614.

[81] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 145—147, 151, 157.

[82] Выше шла речь, по данным хроник Р. Малиспини и Дж. Виллани, о том, что флорентийская знать находилась в свите венценосных владык, пребывающих в Тоскану, часто получая рыцарское звание из их рук.

[83] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 219.

§ 3. Урбанизация нобильских родов

Ключевым термином, использующимся Э. Фаини при исследовании процесса урбанизации древних фамилий, происходящих из дистретто, являлось определение «консульская знать», применявшееся чаще всего в отношении родов, постоянно обитающих внутри городских стен и составивших слой правящего патрициата во Флоренции, из которого до начала XIII в. избирались городские консулы. Этот же автор признавался в том, что «реконструировать социальную иерархию в городе очень трудно: даже язык документов антииерархичен». Поэтому, как он полагал, исследования не могут базироваться на систематической сети оценок, но скорее на осознании серии характеристик, при том, что они не относятся в данное время к каждой фамилии урбанизированной знати. Главным ее признаком он считал «постоянное присутствие в городском управлении». К этой группе Фаини причислял Донати, Адимари, Виздомини-Тозинги, Джандонати, Капонсакки, Уберти и, возможно,Тедальдини. При этом автор признавал наличие внутри городских стен фамилий древних и ранее влиятельных, которые играли скромную роль в коммунальной политике (Авогади, Джуоки), но некоторые из них оставили значительный след в документах (Джуньи, Маччи, Убриаки)[84]. Возникает предположение, что в этом случае имели место два разнонаправленных процесса. С одной стороны, «курсирование» синьориальных фамилий между городом и своими замками в округе могло иметь результатом оседание отдельных родов или их частей внутри городских стен. С другой, — могло происходить «анноблирование» богатых и многочисленных городских фамилий путем скупки крупных комплексов земли и замков за пределами стен Флоренции, получения рыцарского звания посредством службы в коммунальной коннице и социально-политического возвышения в городском социуме. Разумеется, это лишь схема, которую трудно наполнить конкретными аргументами вследствие очень небольшого объема сохранившихся от XII—XIII вв. сведений.

Консульское правление историк второй половины XIX в. П. Сантини, ссылаясь на сведения хрониста Сандзаноме, относил к 1125 г. (или около) и связывал со сложными внешнеполитическими событиями. После завоевания замка Монтекашоли (октябрь 1119 г.) и убийства флорентийцами нового маркиза Тосканы — событий, инициированных епископом Флоренции Гоффредо (1114—1142), — началась война против графов Фьезоле и графов Гвиди. Сантини считал эту войну (1120—1125) последним случаем, когда в одном войске объединились фамилии городской (Виздомини и Уберти) и сельской знати Флоренции (Убаль-

[84] *Faini E.* Firenze nell' età romanica (1000—1211). P. 220.

дини). Флорентийцы захватили Фьезоле в 1125 г. на третий год осады. Позже, в 30-е гг. альянс епископа с городом прервался[85]. Фаини оценивал рождение новой магистратуры — консулов, возможно, по совету и благословению епископа Гоффредо, как важный этап подъема на более высокий уровень городской автономии, достигнутой флорентийским обществом в первые десятилетия XII в.[86]

Имена наиболее ранних консулов неизвестны. Из 33 индивидов, занимавших консульские должности в промежутке между 1172 и 1176 гг., списки которых сохранились в архивах, Э. Фаини смог идентифицировать только 25 фамилий (75 % от имеющихся), относящихся к 19 линьяжам, из всех достигавших консулата. Двумя наиболее активными нобильскими фамилиями являлись Фифанти (1172 г., 1174 г.) и Джандонати (1172 г., 1173 г., 1176 г.), кроме того, они были очень часто представлены в коммунальных актах. Джандонати, видимо, оттеснили от власти Уберти, с которыми они боролись за превосходство в городе. Кроме них члены еще двух фамилий старой знати стали консулами: Капонсакки (1172 г., 1176 г.) и Гвиди (1174 г., 1176 г.). 5 из 25 фамилий (среди них Кавальканти, Импортуни и Торнаквинчи) возвысились, по мнению Фаини, только со второй половины XII в. Представители самых влиятельных в первой половине XII в. домов (Виздомини-Тозинги) не избирались в указанный период консулами. Э. Фаини полагал, что консульская группа этого периода казалась слишком широкой, составленной из представителей разных страт нобилей, которых невозможно объединить в какую-либо иерархическую систему, и текучей, доступной тем, кто выдвигался снизу. По его же наблюдениям, невозможно ограничить круг «консульской знати» только причастностью к высшему городскому магистрату: члены семейств Ламберти, Буондельмонти и делла Тоза, хотя и не достигли консульства, но оставили заметный след в документации как поручители, свидетели, доверенные лица коммуны, исполнявшие ее различные поручения. Неучастие представителей наиболее знатных линьяжей в консулате Э. Фаини объяснял еще «недостаточной репрезентативностью консульского института, не достигшего в тот период формальной завершенности[87].

Активное участие представителей самых древних и знатных фамилий в консулате, какового не наблюдалось в более ранний период, могло свидетельствовать о правомерности предположения Фаини о том, что консулат к концу XII в. стал наиболее авторитетным органом в коммунальном управлении.

---

[85] *Santini P.* Studi sull'antica costituzione del commune di Firenze. Contado e politica esteriore nel secolo XII // Archivio Storico Italiano. 1900. Vol. XXV. P. 25—86; Vol. XXVI. 1900. P. 1—80, Цит. P. 63—64.

[86] *Faini E.* Firenze nell' età romanica (1000—1211). P. 245.

[87] Ibid. P. 269, 332—333.

В эти же годы начинаются частые назначения городских нобилей на должности в подчиняемые коммуной замки и крепости в дистретто. Первое сообщение о таком назначении содержится в анонимной хронике и датировано 1080 г.: повествуя о покорении флорентийцами Прато, неизвестный автор сообщал: «Туда мессер Оддо Арриги дельи Амидеи был назначен кастеляном (комендантом) пожизненно»[88]. По мере подчинения земель контадо посты кастелянов предоставлялись, видимо, преимущественно представителям знатных родов: в Монтегроссоли в 1203 г. был назначен Уголино дельи Сколари, затем в 1204 г. — Джанни ди Бернардо Адимари. В 1204 г. Каталано, вероятно из Тозинги, был «отправлен кастеляном в Муджелло». Обязанности и юрисдикция кастелянов в конце XII—первой половине XIII в. были неопределенными и широкие посты еще не являлись постоянными, но вызванными военными задачами и необходимостью удерживать контроль над подвластными территориями[89].

Последняя треть XII—начало XIII в. — период формирования консульской знати — ознаменовалась борьбой за власть и влияние в городском обществе. Первая вспышка гражданской войны между знатными фамилиями, как следствие острых политических противоречий, пришлась на 1177—1180 гг. Это крупномасштабное гражданское противостояние попало в поле зрения авторов ранних исторических нарративов. Аноним (Псевдо Брунетто) писал: «И в этом (1177 г.) году начались во Флоренции великое несогласие и война между консулами Флоренции и домом Уберти, которая длилась 27 месяцев, ибо Уберти не подчинялись консулату, желая управлять сами. И в этом несогласии произошли городские сражения и великая гибель людей от грабежей и пожаров в городе Флоренции»[90]. Другой хронист Паолино Пьери подтверждал эти сведения очень краткой записью, датированной 1177 г.: «...Начались распри во Флоренции между Уберти и Консулами, которые управляли городом, и длились они более 2 лет»[91]. Виллани добавлял, что Уберти «вели войну вместе со своими сто-

[88] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 89. О том же: *Виллани Дж.* Новая хроника IV. 26. С. 100. Амидеи — знатный род, уходящий своими корнями в XI в., состоящий в родстве с Джандонати и Герардини. Во второй половине XII в. род имел большие владения в ближайшей к Флоренции сельской местности (*Faini E.* Firenze nell' etá romanica. P. 73, P. 250, n. 123). В это же время род, видимо, подвергся урбанизации. В период 1180 и 1192 гг. из 32 консулов Флоренции известны 18, принадлежащие к 12 знатным городским фамилиям, среди них — Амидеи, которые и ранее участвовали в консулате. См.: Ibid. P. 335, 342, 360.

[89] *Faini E.* Firenze nell' etá romanica. P. 331.

[90] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 104. У Джованни Виллани имеются указания, датированные 1177 г., о гражданской войне между флорентийскими консулами и Уберти. См.: *Виллани Д.* Новая хроника. V. 9. С. 115.

[91] *Pieri P.* Cronaca di Paolino Pieri fiorentino delle cose d'Italia dall'anno 1080 fino all'anno 305 / A cura di A.F. Adami. Roma, 1755. P. 8.

ронниками из числа грандов и пополанов...»[92]. Те же лаконичные сведения содержатся в «Анналах» Симоне делла Тоза: «И в это время (1177 г.) началась война между гражданами Флоренции, т.е. между людьми из дома Уберти с их последователями, и консулатом, который правил городом, и шла война 2 года. И 15 ноября упал Старый Мост во Флоренции...»[93]. Наиболее ранние анналы (Анналы II) отмечали, что в этой войне был разрушен мост Понте Веккьо, единственный тогда в городе (*Anno 1178: Cecidit pons*)[94]. Его реконструкции, желаемой консулами, имена коих неизвестны, жестоко противились Уберти, из-за агрессии которых рабочих принуждали отправляться к восстановлению моста, «словно бы идти в сражение». Фаини высказал догадку, что с целью контроля над мостом Уберти купили находящийся неподалеку от моста замок Альтафронте.

Социальная подоплека этой вспышки гражданской войны из-за скудости источников остается не до конца ясной. Р. Давидсон истолковывал ее как войну Уберти против всех, что наводит на мысль о стремлении к установлению единоличной власти[95]. А. Дзорци утверждал: конфликт втянул множество выходцев из разных социальных слоев, и в таком случае возникает предположение о некой глубинной перестройке, назревающей внутри городского общества[96]. Джованни Табакко предлагал заключение генерализующего характера: «Социальные столкновения <...> потрясали города и в более ранние времена, приобретая <...> тем более крупный масштаб, чем более многочисленным оказывалось там население, и с чем большей координацией от башни к башне развертывалась там гражданская война нобилей, и чем более они были многочисленны вкупе с рыцарями, наемными отрядами консортерий знати из крестьян синьориальных земель...»[97].

Э. Фаини в целом солидарен с оценкой А. Дзорци, указывая, что примирение Уберти и Джандонати, а также Джандонати и Фифанти, до этого соперничающих и враждующих, было вызвано необходимостью стабилизации положения знатных родов перед быстрыми изменениями, которые

---

[92] *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 9. С. 115.

[93] Annali di Simone della Tosa // Cronichette antiche di vari scrittori. Firenze, 1733. P. 129.

[94] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 194. Паолино Пьери сообщал, что мост сгорел при пожаре: «И 4 августа (1177 г.) вспыхнул во Флоренции страшный пожар, так что сгорел Старый Мост вплоть до Старого Рынка. В 1178 г. 27 ноября упал Старый Мост над Арно во Флоренции, и выгорела в этот же год большая часть города Флоренции в пожаре, который вспыхнул у Сан Миньято...». См.: *Pieri P.* Cronaca. P. 8.

[95] *Davidson R.* Storia di Firenze. 8 voll. Firenze, 1956—1968. Vol. I. P. 821—829.

[96] *Zorzi A.* I rettori. P. 486.

[97] *Tabacco G.* Egemonii sociali e strutture del potere nel medioevo italiano. Torino, 1979. P. 331.

итальянский исследователь назвал «урбанистическим поворотом конца XII в.». Именно тогда встал вопрос о расширении городских стен в связи с быстро растущим населением предместий, и произошло новое разделение города на 6 (сестьеры) частей вместо прежних 4-х картьер (по названиям городских ворот). Новое территориально-административное деление включило в себя как часть города и наполнившийся населениям новый район Ольтрарно. Тем более заслуживает внимания вывод Э. Фаини о том, что с новым территориальным делением города на сестьеры, произошел раздел сфер влияния между сообществом, возглавляемым Джандонати, которые главенствовали в Борго Санти Апостоли, и альянсом Уберти-Фифанти, наиболее влиятельным в Сан Пьеро Скераджо[98].

Дав убедительное объяснение примирению враждующих группировок знати и созданию новых сообществ башен в 1180 г., Фаини все же не интерпретировал суть конфликта 1177—1180 гг. и цели Уберти. Видимо, пока единственным приемлемым толкованием может быть только борьба альянсов нобильских фамилий за власть, влияние и контроль над приобретающими все большее значение коммунальными правящими структурами.

Анонимный хронист давал сведения об итогах гражданского противостояния: «Затем в 1180 г. Уберти захватили власть, консулами и правителями города Флоренции стали мессер Уберто дельи Уберти и мессер Ламберто Ламберти со своими компаньонами <...> Они достигли этого силой; но вышло так, что потом они начали управлять городом разумно и справедливо, сохраняя каждому его состояние, и именно городскими консулами было потом решено призвать Подеста из знатных и могущественных чужеземных лиц...»[99]. Хронист П. Пьери именно с Джандонати связывал недостатки консульского правления: «...Управляли как в деревне, без всякого порядка или статута, или доброго обычая»[100]. Пьери не был современником указанных событий, но, вероятно, опирался на чье-то устойчивое мнение.

Оценивая последствия затяжного конфликта, Фаини также указывал на ослабление политических позиций Гвиди, соперничающих с Уберти, которые в эти годы не участвовали ни в одном консулате. Э. Фаини считал, что в период 1180—1192 гг. группа консульской знати «отмечена более благоприятным положением Уберти-Фифанти, и менее благоприятным Джандонати, хотя они продолжали удерживать важное значение, <...> благодаря присутствию Джандонато, главы клана, близ императора Генриха VI в 1187 г.»[101].

---

[98] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 339—341.

[99] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 105.

[100] *Pieri P.* Cronica. P. 11.

[101] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 344—345.

О составе консулатов с 1180 по 1199 г., т.е. после лакуны, относящейся к 1176—1180 гг., когда имена консулов совсем не были известны, сообщается в анонимной хронике почти без всякого разрыва последовательности. Ее автор конструировал хронологию, следуя модели древнеримских историков, по именам консулов, являющихся в его понимании главными политическими лидерами, поэтому хроника содержит почти все имена консулов 80—90-х гг. XII в. Согласно этим сведениям, в 1180—1192 гг. упоминалось 32 консула, из которых 4 являлись представителями фамилии Уберти (Уберто дельи Уберти в 1180 г. и затем в 1194 г., Джанни дельи Уберти в 1183 г., Тиньозино дельи Уберти в 1189 г., Скьятта дельи Уберти в 1191 г.); 2 представителями рода Фифанти (Уголино деи Фифанти в 1186 г., Джанни деи Фифанти в 1191 г., и он же в 1192 г.). Членам фамилии Капонсакки также удалось дважды занять пост в указанный временной промежуток (1183 г., 1187 г.)[102]. Таким образом, ясно, что в консулатах превалировали Уберти-Фифанти, тогда как только дин из Джандонати входил в состав консулов юстиции[103].

Противостояния между могущественными кланами были тесно связаны с их внешнеполитической ориентацией. Группировке Уберти-Капонсакки, видимо, удавалось сохранять лидирующие позиции до 1197 г. Внешняя политика Флоренции в 80-е—первой половине 90-х гг. ориентировалась на союз с императорами, а лидером имперской фракции являлся Джерардо Капонсакки. Но с 1197 по 1200 г. Капонсакки и Уберти не фигурировали среди фамилий правящей группы, тогда как лидирующие позиции в 1197—1198 гг. заняла группировка Виздомини-Тозинги. Фаини убедительно объясняет это сменой внешнеполитической позиции города: Флоренция в 1197 г. вступила в антиимперскую лигу по той причине, что имперская власть, опиравшаяся на владетелей замков, препятствовала экспании коммуны в контадо[104]. Не удивительно, что изменение курса сразу же ознаменовалось захватом замка Монтегроссоли (1198 г.), сильной имперской крепости, занимающей стратегическую позицию на юго-восточных границах флорентийской территории. В этот

[102]Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 105, 108, 109, 110, 111.

[103]Оценки сведений Анонима XIII в. противоречивы. Пьетро Сантини оценивал их весьма позитивно (*Santini P.* Quesiti e ricerche di storiografia fiorentina. Firenze, 1903. P. 54—58). Но Е. Фаини отмечал значительные лакуны в списках консулов, упоминаемых хронистом, хотя и он не отрицал известной значимости приводимых Анонимом данных. В частности, список консулов 1180—1192 гг., который не отразился ни в каких документах, «если не вызывает полного доверия, то по крайней мере в целом верный». См.: *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 342, 344.

[104]*Diacciati S.* Popolo e regimi politici a Firenze nella prima metà de Duecento // Annali di storia di Firenze. 2006. Vol. I. P. 43; *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 355.

же год начались военные действия против синьории графов Альберти[105], что угрожало и территориальным интересам Уберти в Вальдельсе. В 1200 г., столкнувшись с упорным сопротивлением жителей Семифонте, коммуна Флоренция решила пойти на соглашение с Альберти, чтобы разорвать их союз с Семифонте[106], что в очередной раз предоставило шансы Уберти и Капонсакки[107], имена последних вновь вернулось в коммунальные документы после 3-летнего отсутствия. Ведение военных действий привело к новому сплочению *milites*, подрываемому противостоянием двух фракций — филоимперской и антиимперской[108].

Борьба знатных фамилий за консулат свидетельствовала о том, что он в конце XII в. усилился и трансформировался из магистратуры с ограниченными функциями в верховную коллегию, куда устремлялись наиболее влиятельные кланы. Вместе с тем в городском социуме росла имущественная дифференциация в рядах консульской знати и усиливалось напряжение внутри группы ее домов. Завоевание контадо обуславливало высокий престиж знатных *milites* и способствовало тому, что в их руках сосредотачивались главные функции управления в дистретто: юстиция, фискальные права, военные прерогативы[109].

Возможно, в 80—90-е гг. XII в. проявились первые зародыши противоречий между народом, организованным в цехи, и знатью. В 1193 г. впервые был избран Подеста из флорентийцев (Джерардо Капонсакки), который опирался на 7 *rectores*, избранных от цехов, в чем Сильвия Дьяччати усматривает первые политические притязания пополанства. Проведя просопографический анализ некоторых из этих ректоров, исследовательница приходит к выводу, что они являлись представителями старших цехов, занимали должности консулов богатейшего тогда цеха торговцев Калимала, вступали в сделки, где фигурировали крупные суммы (до 500 лир). Несмотря на то, что следы присутствия пополанов в политической жизни города отмечаются по некоторым до-

[105]Storia della Guerra di Semifonte scritta da messer Pace da Certaldo. P. 5—8. Графы Альберти являлись вассалами германских императоров. Первую привилегию, предоставляющую им синьорию над многими крепостями и землями, они получили от императора Фридриха I Барбароссы. Пьеро да Чертальдо, сын Паче, приводил текст Привилегии (P. 5—8), любезно предоставленный его отцу для копирования «образованным и мудрым мужем Джованни Виллани в то время, когда мы вместе сидели на должности приоров в Приорате 1316 г.» (P. 8).

[106]*Pace da Certaldo.* Storia della Guerra di Semifonte. P. 1—4. Паче да Чертальдо, выходец из рода, издревле обитающего в Семифонте, оставил около 1350 г. подобие подробной хроники об этой войне на основе записей, доставшихся ему от отца и изустно передаваемой памяти.

[107]*Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 355.

[108]*Diacciati S.* Popolo e regimi politici a Firenze nella prima metà de Duecento // Annali di storia di Firenze. 2006. Vol. I. P. 43—44.

[109]*Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 361.

кументам с конца XII в., С. Дьяччати считает их участие в публичной жизни коммуны малозначащим и дискретным до конца 20—30-х гг. XIII в.[110] Первые два десятилетия после 1204 г. и покорения Семифонте храктеризовались Сильвией Дьяччати как период относительной социально-политической и экономической стабильности, когда ряды *milites* отличались сплоченностью, что позволяло им обеспечивать гражданское согласие, но в то же время исключать немногих пополанов — представителей цехов — из Совета коммуны и других правящих институтов, делая исключение лишь для членов цеха судей и нотариев, в профессиональной компетенции которых знатные фа́милии испытывали большую нужду для исполнения функций управления. Пополаны, видимо, не проявляли особой активности в реализации социально-политических амбиций, поглощенные использованием возможностей для успешной торговли, кредитной детельности и предпринимательства, открывшимися в связи с возобновлением экспансии в контадо[111].

Основными признаками урбанизированной знати, согласно определению Энрико Фаини, являлись самоидентификация с *societas militum* и владение укрепленными башнями; привилегии доступа к некоторым источникам дохода: во Флоренции — к дорожным пошлинам с чужеземцев, что смягчало имущественное расслоение внутри слоя знати; синьориальные права на находящиеся в собственности земельные владения за пределами города, которые имели в XIII в. тенденцию к расширению по территории радиусом до 50 км. от городских стен; участие в структуре высшей власти — коллегии консулов, управляющей коммуной с конца XI до начала XIII в., куда избиралась только представители знати[112]. Общей чертой между сеньориальной и консульской знатью оставалось владение недвижимым имуществом в городе и в контадо, и преобладание до середины XIII в. в их рядах тех, которые являлись преимущественно рантье, живущими на доходы от недвижимости[113].

---

[110] *Diacciati S.* Popolo e regimi politici a Firenze nella prima metà de Duecento // Annali di storia di Firenze. 2006. Vol. I. P. 40—42.

[111] Ibid. P. 44—47.

[112] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 359. К таким же выводам пришли: *Cammarosano P.* Il ricambio e l' evoluzione dei cetti dirigenti nel corso del XIII secolo // Magnati e popolani. Atti del quindicesimo convegno di studi del Centro italiano di studi di storia e d'arte. Pistoia, 1997. P. 17—40; *Artifoni E.* L' estinzione dei quadri consolari e l' emergere dell' regime podesteriale // Storia di Torino / A cura di G. Sergi. Torino, 1997. Vol. I. Dalla preistoria al comunale medieval; *Capitani O.* Città e comuni // Storia d'Italia / Dir. da G .Galasso. Torino, 1981. Vol. IV. P. 1—57. Овидио Капитани исследовал институциональный аспект: «Старый правящий слой, обозначаемый скорее как орган управления» (См.: Capitani O. Op. cit. P. 37).

[113] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 615.

Глава II

Знать внутри городских стен

§ 1. Город башен

Процесс урбанизации знати маркировался появлением в городском пространстве башен, которые принадлежали нобильским фамилиям. По мнению Э. Фаини, до 1150 г. городские башни редко упоминались в частной документации: всего 10 аттестаций[1].

Рикордано Малиспини в большей степени, нежели иные хроницисты, в частности, Джованни Виллани, акцентировал внимание на таком атрибуте фамилий знати, как владение башнями внутри городских стен. Вот его запись, датируемая серединой XIII в., когда возникло Первое народное правление (*Primo popolo*): «В городе <...> имелось великое множество башен, многие из них в длину превышали 120 локтей...»[2]. Э. Фаини указывал, что «их высота должна была выражать масштаб родовой консортерии, ее экономическое могущество и влияние»[3]. Рикордано связывал владение башнями с определенным социальным слоем: «Указанные башни почти все или большая их часть принадлежали нобилям Флоренции, и лишь немногие им не принадлежали»[4]. Далее хронист Малиспини давал вполне конкретные указания на фамилии знати: «...Дом нобилей Уберти имел много башен; ими владели Орманни вокруг церкви Сан Пьеро Скераджо; вокруг Сан Ромоло и церкви Сан-

[1] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 190. Первый акт, в котором фигурировала городская башня, согласно сведениям Фаини, был датирован 1127 г. Двое супругов передавали свою башню (как гарантию в случае, если в должный срок ими не будет уплачена взятая в долг сумма) Тозе, супруге Давиццо деи Виздомини, носительнице имени от своей фамильной группы, Тозинги. Среди свидетелей фигурировали представители знатных семейств Капонсакки и Адимари (Ibid. P. 190—191). Акт 1127 г., с точки зрения Фаини, являлся аномальным, поскольку получателем башни являлась женщина, что нетипично для обменов такими воинскими структурами. Но упоминание это относится к первой половине века, т.е. до того, как женщины были исключены из конструкций фамильной идентичности.

[2] *Malispini R., Malispini G.* Storia fiorentina. CXXXVII. P. 132. О том же упоминал Джованни Виллани: VI. 39. C. 159.

[3] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 201.

[4] *Malispini R., Malispini G.* Storia fiorentina. CXXXVII. P. 132.

та Чечилия[5] <...> имели башни Малиспини, Инфангати, Тебальдуччи <...>; у Ворот Санта Мария владели башнями Каппьярди, Фифанти, Гвиди, Галли, Джиролами, Амидеи, Сколари <...>; близ борго Санто Апостоло — Палермини, Скали, Филиппи». В одном из пригородов «их имели Гречи <...>, Буондельмонти. В Сан Ромео находились башни Баньези и да Квона <...>; у ворот Сан Пьеро их имели Донати, Тедальдини, Джуокки, Виздомини, Альбериги <...>. В Сан Мартино они принадлежали Рацканти, Джуньи и делла Белла. Вокруг Старого Рынка владельцами башен являлись Тозинги, Убальдини, Арригуччи, Капонсакки, Нерли, Веккьетти. Вокруг Санта Мария Маджоре обладали башнями Барруччи и Амиери <...>; Уги принадлежала башня у Санта Мария дельи Уги; у Красных Ворот — Форези, Мональди, Солданьери. Около Нового Рынка стояли башни Джандонати, Бостики и Дель Арка. Вокруг Ор Сан Микеле — Абати, Галигаи, Бонагвизи <...> Саккетти (не столь древний род — *И.К.*) владели более низкими башнями по улице, что вела к Сан Аполлинарио. У ворот Дуомо имели башни Фильиджованни, Фиридольфи, Фильигвинельди <...>, а у Торнаквинчи они находились возле Старого Рынка <...>, как и у Альи...»[6].

Но незнатные фамилии, обосновываясь в городе, также владели башнями, судя по сведениям автора «Домашней хроники» Донато Веллути. Он сообщал, что его предки переселились во Флоренцию из того самого Семифонте (Симифонте) ди Вальдельса, захваченного и разрушенного коммуной Флоренцией в 1202 г. (самый ранний документ, свидетельствующий о предках, из находящихся в руках Веллути, датировался 1244 г.). Обосновавшись в городе, они (члены семьи Веллути) держались вместе, и у них имелась крепостная башня, которая находилась на улице «Сторона четырех Павлинов»[7]. Со второй половины XIII в. башнями все больше стали обзаводиться фамилии, не принадлежащие к старой знати. Н. Оттокар, опираясь на архивные изыскания, утверждал, что, например, в сестьере Сан Пьеро Скераджо после победы гвельфов преобладали могущественные представители делового мира Флоренции: Пульчи, Магалотти, Манчини, Бучелли, Перуцци, Мильорати-Доминичи, Ма-

[5] Faini E. Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 192. Фаини для гораздо более раннего периода указывал, что в 1137 г. ректор церкви Санта Чечилия предоставил в аренду отдельно стоящий дом «близ аббатства» группе персон, между которыми находились представители родов Уберти и Саккетти. Они должны были соорудить башню на доле земли, взятой в аренду, и в этой постройке священник должен был иметь свою квоту. Все они обязывались уважать *pactum* и *convenientia*. Речь идет, очевидно, о сообществе башен, подобном тем, которые были известны для конца этого столетия.

[6] *Malispini R., Malispini G.* Storia fiorentina. CXXXVII. P. 132—133.

[7] *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e 1370 / A cura di I Del Lungo, C. Volpi. Firenze, 1914. P. 6.

ньери, Раффакани, Черки, Римбертини, Бакерелли и дель Джудиче (Альберти). Он утверждал, что эти фамилии представляли «настоящий городской патрициат» и владели крупными палаццо, башнями, а также значительными земельными комплексами в контадо[8]. Они роднились с грандами, строили и скупали башни и укрепленные палаццо.

Думается, что для знати и фамилий, которые стремились играть значительную роль в городе, башня являлась символом самоутверждения и в более поздний период. Симоне делла Тоза отмечал в своих «Анналах», как в августе 1332 г.: «я, Симоне, приказал возвести и увенчать зубцами нашу башню "Колонната" и дом на стороне Канала»[9].

Рикордано Малиспини, перечисливший почти все фамилии знати, которые указывал и Джованни Виллани, называл группы башен, концентрирующихся по приходам, видимо, вокруг патрональных церквей: «Все означенные башни имели высоту в 120 локтей (70 м.), и много башен именовались башнями соседств, ибо из-за гражданских войн их строили поблизости друг от друга»[10]. Утверждение Р. Малиспини о «башнях соседств» подтверждается исследованиями Э. Фаини, который отмечал, что такого рода объединения (*societates turrium*) были характерны именно для городской, а не сельской, знати[11]. Слово «сообщество» (*societas*) впервые появилось в 1165 г. для обозначения в документах как раз объединения башен. Но более всего документальных источников, в которых упоминаются башни и создаваемые на их основе сообщества, относится к 1179—1180 гг., что дало основания исследователю считать этот период решающим в процессе складывания таких альянсов внутри города. Фаини видел цель объединений в *societas turris* в том, чтобы защищать наиболее значительные части городского имущества членов сообщества, чем определялась территориальная близость тех, кто в них вступал. Башни фамилий Уберти и Саккетти находились рядом с домами своих основателей[12].

Определенные сведения о сообществах башен содержатся в хронике представителя знатного рода Нери Стринати, начатой в 1312 г. в Падуе, где Нери вместе с семьей, как гибеллин, пребывал в изгнании уже 10 лет[13]. Он упоминал, что его предок Чаберонто, будучи старшим в роду, «построил нашу башню, которая звалась "Чаберонта" по

[8] *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 81—82.
[9] *Della Tosa S.* Annali. P. 165.
[10] *Malispini R., Malispini G.* Storia fiorentina. CXXXVII. P. 132—133.
[11] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 217.
[12] Ibid. P. 193. 198, 201.
[13] *Strinati N.* Cronicchetta di Neri di Alfieri di Strinato di Ramingo degli Strinati // Storia della Guerra di Semifonte scritta da mess. Pace da Certaldo e cronicchetta di Neri degli Strinati. Firenze, 1753. P. 97.

его имени» (видимо, в первой половине XII в.). Эта башня, по всей вероятности, до конца XIII в. являлась неразделенной собственностью; автор указывал, что ему и его прямым потомкам принадлежит в ней 1/6 часть. Таким образом, для знатных фамилий имущественные интересы по правам сонаследования составляли неотъемлемую часть владения башнями, причем отнюдь не только родовыми. Из-за башни, принадлежавшей семье Торнаквинчи, к которой вплотную примыкало древнее палаццо Стринати на Старом Рынке, разрушенное по причине ветхости, видимо, в начале 70-х гг. XIII в., возникла тяжба с могущественными тогда Торнаквинчи. По всей вероятности, спор начался из-за участка земли, на котором располагалось строение «из бревен» Стринати, «стоящее на камне, каковой несколько выступал наружу от стены башни Торнаквинчи. Во Флоренции постоянно возникали конфликты такого рода из-за тесноты пространства внутри городских стен. Долго длящаяся тяжба осложнялась тем, что Торнаквинчи «тогда были синьорами, а мы все находились в изгнании (Стринати были изгнаны вместе с белыми гвельфами в 1302 г.)» В итоге, как следует из текста хроники, Стринати все же удалось доказать, что этим местом они владеют уже 120 лет[14]. По поводу еще одной башни можно предположить, что когда-то существовало сообщество башен Стринати-Маработтини (известно, что «Даванцато ди Виллануццо, предок автора хроники, взял в жены женщину, которая была в близком родстве с мессером Убальдино Маработтини»), а она, вероятно, унаследовала часть башни, принадлежавшей ее отцу или другому близкому родственнику. Эту башню различные лица, в том числе представители домов Стринати и Маработтини, но также и другие, покупали затем по частям, о чем свидетельствовал весьма запутанный фрагмент о нескольких собственниках башни, и о том, кто из них владеет 1/3, а кто 1/6 частью указанной башни. Предки автора хроники около 1266 г. купили 1/6 части башни у Арригуччи[15]. Со временем союзы башен распадались, а права владения осложнялись сделками купли-продажи первоначальными совладельцами и их потомками частей башни разным лицам. Соседства или сообщества башен создавались, как утверждал Э. Фаини, для защиты прав совместной или сопредельной собственности.

Впрочем, Э. Фаини утверждал, что наличие сообществ башен в городе обуславливалось более политическими, нежели имущественными интересами, в частности, сонаследием — мотивом, преобладающим у сельских синьоров[16]. Он документально подтверждал, что они являлись в то

[14] *Strinati N.* Cronicchetta. P. 99, 103, 106.
[15] Ibid. P. 109, 111.
[16] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 217.

же время ассоциациями военнной взаимопомощи. В частности, во второй половине XII в. Инфангати вошли в сообщество башен вместе с Капонсакки, Нерли, Абати, Тедальдини и другими менее могущественными фамилиями. Все они являлись домами древней знати и впоследствии придерживались гибеллинской ориентации[17]. Военные функции сообществ башен попали в поле зрения историка Жана-Клода Мэр Вигера, который выявлял их стратегическое значение, утверждая, что они становились центрами сосредоточения городских *milites*, играющих первостепенную роль в городском ополчении до распространения института кондотты[18].

Военно-политическое значение башен выявлялось в первой, зафиксированной хронистами гражданской войне во Флоренции (1177—1180), о которой уже шла речь ранее. Ее с полным основанием можно считать войной башен. Помимо анонимной хроники XIII в., это отмечали хронисты Джованни Виллани и Симоне делла Тоза. Первый писал: все граждане, «разделившиеся на партии и засевшие в башнях <...>, на собранные ими деньги заново укрепляли башни, и они назывались башнями компаний...»[19]. Симоне делла Тоза: «И в этот же год сражались башни Флоренции одних горожан с другими»[20]. Таким образом, Виллани и делла Тоза прямо указывали на ведущую роль сообществ башен в гражданском противостоянии. Главное стратегическое значение в этом случае имела башня Капо ди Понте у входа на мост Понте Веккьо, поскольку она давала возможность перекрыть единственный проход, ведущий к югу и гарантирующий контакты с наиболее плодоносными и удобно контролируемыми флорентийскими территориями[21]. Приведенный Фаини акт, положивший конец этой гражданской войне (6 июля 1180 г.), представлял формально договор о продаже: Скьятта, глава фамилии Уберти, продавал 1/4 часть замка Альтафронте главе рода Джандонати, с которым он соперничал. Автор обоснованно предположил, что, возможно, Джандонати и его союзники представляли «институциональную» партию конфликта, т.е. «консулов, которые были правителями и вождями коммуны». В пакте упоминались еще 2 башни неподалеку от Понте Веккьо, по улице, называемой Калимала[22]. В том же 1180 г. Джандонати заключили еще один договор о сообществе с фамилиями Фифанти — Капонсакки, который имел преимущественно военное значение[23]. Таким об-

[17] *Faini E.* Il convito fiorentino del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino // Annali di storia Firenze. 2006. Vol. I. P. 23.

[18] *Maire Vigueur J.-C.* Cavalieri e cittadini. P. 297—309.

[19] *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 9. С. 115.

[20] Annali di Simone della Tosa // Cronichette antiche di vari scrittori. Firenze, 1733. P. 129.

[21] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 193.

[22] *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 9. С. 115; *Faini E.* Firenze nell' età romanica (1000—1211). P. 195.

[23] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 195—197.

разом можно утверждать, что сообщество башен являлось социальной группой, стремившейся продвинуться на более высокий уровень городской политики и, фактически, главенствовать в ней.

Башни в любом случае представляли проблему для общественного порядка города еще до 1250 г., поэтому официальные властные структуры пытались поставить пределы их высоте, масштабам и количеству приспособлений для ведения войны. Фаини указывал на документ от 1209 г., в котором сообщалось о постановлении, которое ограничивало количество «военных машин» и запрещающим дальнейшее возведение башен[24].

Теме не менее эти бастионы могущества знати продолжали играть значительную роль в XIII в. Повествуя о событиях 1239 г., когда был снова нарушен мир между гвельфскими кланами, предводительствуемыми Буондельмонти, и гибеллинами, возглавляемыми Уберти, Аноним так передавал эпизоды возобновившейся гражданской войны: «Разбитые гибеллины вернулись во Флоренцию, и началась гражданская война, укрепления башен и палаццо весь день штурмовались манганеллами и трабокками (метательные приспособления. — *И.А.*), там гибли многие люди»[25]. Джованни Виллани, описывая противостояния между гвельфами и гибеллинами в 1248 г., провоцируемые вмешательством императора Фридриха II, опиравшегося на клан Уберти, позиционировал их как войну башен, упоминая о роли Тараканьей башни рода Солданьери, на которую опирались гибеллины. В событиях 1266 г., когда снова произошли вооруженные столкновения между гвельфами и гибеллинами, согласно рассказу хрониста, фигурировала башня Джиролами, укрепленная баррикадами, на которую опирались гвельфы и народ[26]. Паолино Пьери замечал, что башню Рондинелли подожгли в 1303 г. во время столкновений черных и белых гвельфов[27].

С середины XIII в. (сначала в борьбе гвельфов и гибеллинов, затем пополанского сообщества против грандов) стали производиться массовые разрушения башен и палаццо изгнанных или вынужденных уйти из Флоренции семей, потерпевших поражение. Победившие гибеллины в 50-е гг. XIII в. снесли около 36 укреплений гвельфов, в том числе и высокие башни[28]. Тот же Виллани, рассказывая о событиях 1258 г., когда были изгнаны гибеллины во главе с Уберти, сообщал: «Многочисленные дома и башни гибеллинов были разобраны и из их камней сложили городскую стену за Сан Джорджо Ольтрарно». Вернувшиеся во Флоренцию в 1260 г. гибелли-

[24] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 198—199.
[25] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 120.
[26] *Виллани Дж.* Новая хроника. VII. 14. С. 209.
[27] *Pieri P.* Cronica. P. 77.
[28] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 78. С. 152—154.

ны «разрушили многие дворы и башни гвельфов»[29]. Аноним указывал на эти явления после 1260 г., когда воцарились гибеллины: «И тогда гибеллины разрушили башни и палаццо гвельфов, и совершили другие дела, достаточно низкие и гадкие, насилуя женщин и девушек к великому позору»[30]. Малиспини и Виллани подробно описывали картину разрушения «высоких и красивых» (до 130 локтей) башен и укрепленных палаццо гвельфов. В то же самое время, с первой победой пополанов и установлением порядка *Primo popolo* (1250 г.) народ начал наступление на башни как оплот военно-политического могущества знати в городе. Виллани писал: «Когда народ стал управлять государством, то для упрочения его власти решено было укоротить высоту имеющихся во Флоренции башен до 50 локтей (29 м.), что и было выполнено»[31], чтобы ни одна частная башня не могла возвышаться над башней нового палаццо народа, отстроенного в то десятилетие (палаццо Барджелло). Усечение консортериальных башен означало символическое утверждение публичной власти над частными прерогативами и юрисдикцией семей-консортерий, в то же самое время оно ограничивало эффективность войны на улицах. Народное правление 1250 г. использовало материал разрушенных башен, чтобы расширить городские стены к югу от Арно. В то же время оно руководило устройством широких и прямых улиц, которые вели к центру города и способствовали скорости движения городской милиции для подавления беспорядков. Лучшим примером являлась улица Маджо (*Maggio*) в Ольтрарно, которая шла от южных ворот через мост Санта Тринита, обеспечивая быстрый доступ к городскому центру, где крупные фамилии имели собственные укрепленные кварталы[32].

Стринати, обращаясь к проблемам владения башнями на рубеже XIII—XIV вв. (автор ссылался на карту, составленную в 1272 г., которая позднее сгорела), упоминал о ветхости башни Торнаквинчи, а в случае с башней Стринати-Маработтини[33], речь скорее шла лишь о ее фундаменте: время и гражданские противостояния не щадили строения. Акцентируя вмешательство воли божественного Провидения на стороне гвельфов, Виллани отмечал, что Погостовая башня (120 локтей), которую гибеллины хотели обрушить на собор Сан Джованни, особенно почитаемый гвельфами, «по милости Божьей и чудесному заступничеству блаженного Иоанна <...> совершенно явственно отклонилась при

[29] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 65. С. 174; 79. С. 186.

[30] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 129.

[31] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. С. 159; *Malispini R.* Cronica fiorentina. Cap. CXXXVII. P. 132. Малиспини добавлял, что из камней снесенных башен потом выкладывались городские стены за Арно.

[32] О башнях Флоренции и видоизменении городского пространства см.: *Sznura F.* L' espansioneurbana di Firenze nel Ducento. Firenze, 1975. P. 122—123.

[33] *Strinati N.* Cronicchetta. P. 106, 109.

падении и миновала святой храм...»[34]. Но, если подобные чудеса и совершались, то, скорее, по чистой случайности. «Хроника» Нери Стринати содержала сведения о репрессивных мерах, которые обрушились на их гибеллинский род «в 1268 г. или около этого времени» (В 1267 г. в город вернулись победившие гвельфы, тогда как Стринати сохраняли верность гибеллинизму). По коммунальному постановлению «была разрушена наша башня (вероятно, "Чаберонта")». Это прискорбное событие стоило семье Стринати немалых расходов: «И мы согласились уничтожить ее на наши издержки, потому что хотели ее обрушить прямо над нашими домами на Старом Рынке, и это разрушение ради того, чтобы башня упала в нужную сторону, стоило нам 140 либбров (лир)»[35]. Примечательно, что флорентийский Аноним, возобновивший свое повествование с 1285 г., касаясь гражданских неурядиц или борьбы кланов, уже не упоминал о башнях. Повествуя о столкновениях между грандами и пополанами в 1295 г., он сообщал о заграждениях, воздвигаемых возле палаццо или по улицам города: «Строили загородки и метали стрелы»[36]. Баррикады возводились всегда, но башни, по всей вероятности, переставали играть в городе главенствующую военно-политическую роль.

Со второй половины XIII в. по мере того как пополаны овладевали высотами власти, основной проблемой городского строительства становились общественные здания для новых иноземных должностных лиц и выборных коллегий, что убедительно иллюстрирует подборка документов, опубликованных Гвидо Пампалони. В 1255 г., после установления Первого народного правления (*Primo popolo*), было принято решение о приобретении коммуной у старинного аббатства участка городской земли для завершения строительства Палаццо Капитана народа, Подеста и Барджелло, начатого еще в 1251 г. на месте снесенных башен семейства Босколи[37]. Затем коммуна заботилась о ремонте этих

[34] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 33. С. 154. «Погостовая», потому что у ее подножия в соборе Сан Джованни хоронили «всех достойных граждан». Малиспини также выделял этот эпизод. «...Явственно видели, как она замедлила свое падение и повернулась так, чтобы упасть правее на площадь...» // *Malispini R.* Cronica. CXXXII. P. 127.

[35] *Strinati N.* Cronicchetta. P. 112.

[36] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 143—144. То же самое наблюдаем в аннотации Джованни Виллани, посвященной тем же событиям (*Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 8. С. 227—228). Рассказывая о последующей вспышке гражданской войны между грандами и пополанами, Виллани упоминал только заграждения и баррикады. См.: Там же. VIII. 12. С. 228—229.

[37] Capitoli 29, CLXXXXVII v (1255 luglio 31) // *Pampaloni G.* Firenze al tempo di Dante. Roma. 1973. P. 20—23. 11. «Чтобы укрепить <...> порядок первого народовластия <...>, начали строить дворец с башней <...> из обтесанных камней <...> за Аббатством на площади Св. Аполлинария» // *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 39. С. 159.

сооружений, о чем свидетельствовали решения Совета коммуны от 1291—1292 гг.[38] Блок документов — постановлений Совета коммуны после 1282 г. — относится к строительству Палаццо Синьории, «резиденции для пребывания Приоров». Сначала коммуна арендовала частные дома под помещение для Приората[39]. Но в 1294 г. было принято решение о сооружении нового палаццо, специально предназначенного для работы Приората и названного затем «Палаццо Веккьо»[40]. Джованни Виллани сообщал, что основанием для строительства башни палаццо Приоров послужил фундамент «башни Форабоски высотой в 50 локтей, под названием Коровья башня»[41]. До этого коммуне приходилось арендовать помещения у граждан для хранения архивов Приората[42]. В 1297 г. коммуна постановила о необходимости строить тюрьмы, поскольку до этого часто возникала необходимость арендовать частные дома для содержания преступников и пленников, захваченных в сражениях[43]. Данные места заключения будут потом названы «Стинке».

---

[38] Provvisioni Registri 3, c. 9 (1291 aprile 6) // *Pampaloni G.* Firenze al tempo di Dante. 12. P. 24 —25. Речь шла о заказе мастеру каменных дел Фолько ди Бонвертьери починить кровлю Палаццо Подеста, в котором обычно собирались Советы коммуны; Provvisioni Registri 3, c. 38 v. (1291 novembre 27) // Ibid. 20. P. 34—35. Говорилось о работах по изготовлению колокола для башни палаццо Капитана народа; Provvisioni Registri 3, c. 60 (1292 maggio 26) // Ibid. 21. P. 35. Говорилось о перестройках, чтобы приспособить Палаццо Капитана народа под судебный трибунал; Provvisioni Registri 3, c. 100 (1292 г. agosto 8) // Ibid. 13. P. 25—26. Речь шла об уплате живописцу Фино ди Тедальдо за росписи, произведенные в палаццо Подеста. Provvisioni Registri 6 c. 115 (1296 settembre 14) // Ibid. 14. P. 26—27. Речь шла о возведении, точнее, реконструкции ворот во дворце Подеста, удобных для входа и выхода.

[39] Одним постановлением коммуна арендовала два частных дома. См.: Provvisioni Registri 2. c. 66 (1290 febbraio 22) // *Pampaloni G.* Firenze al tempo di Dante. 15. P. 27—28. У некоего Пела ди Доменико коммуна арендовала дом, как и у Герардино де' Черки для обитания Приоров. Джованни Виллани писал, что «приоры помещались в доме белых Черки <...>, но это местопребывание казалось им ненадежным» из-за обострившихся противоречий между черными и белыми гвельфами. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 26. С. 231.

[40] Provvisioni Registri 4, c. 45 (1294 luglio 22) // *Pampaloni G.* Firenze al tempo di Dante. 17. P. 29. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 26. С. 231. Хронист отмечал, что в 1298 г. был заложен фундамент Палаццо приоров в том месте, где когда-то располагались дома мятежного гибеллинского рода Уберти, а также была выстроена башня.

[41] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 26. С. 231.

[42] Provvisioni Registri 3, c. 60 (1292 maggio 24) // *Pampaloni G.* Firenze al tempo di Dante. 31. P. 49—50. В документе шла речь об уплате башмачнику Наччо за аренду его боттеги на улице Ваккеречча, предназначенной для хранения книг и актов Приората.

[43] В 1290 г. коммуна приняла два постановления об аренде домов под содержание пленных, захваченных в битве при Кампальдино (1289 г., против гибеллинского Ареццо) у 15 граждан: Provvisioni Registri (1290 febbraio 20) // *Pampaloni G.*

До 1250 г. обзаведение укрепленной башней являлось необходимым в силу обострения антагонизмов внутри городского социума: к постоянному противостоянию отдельных кланов добавились усилившиеся социальные противоречия между грандами и пополанами, а также партийные распри между гвельфами и гибеллинами. Башни, в которых располагались вооруженные отряды фамилий, служили опорой во время часто случающихся вооруженных столкновений на улицах города, являясь в то же время и предпосылкой возрастания социальной напряженности. Но «Установления справедливости» 1293 г., знаменовавшие окончательную победу пополанства, предоставляли коммунальным властям право до основания разрушить башни, укрепленные палаццо, или любые резиденции, если их владельцы попирали законы или совершали насилия над пополанами.

Так город башен, знаменующих господство урбанизированной консульской знати, превращался в город частных палаццо и общественных дворцов-резиденций для республиканских коллегий и избранных должностных лиц, осуществляющих управление коммуной Флоренцией.

§ 2. Ротации фамилий флорентийской знати

Городские практики, связанные с содержанием понятия «знатность», убеждают в текучести и условности этого определения. Уже упоминаемый Гаэтано Сальвемини отмечал важную специфическую черту, отличающую знать внутри коммунального сообщества, ссылаясь на мнение, высказанное задолго до принятия «Установлений справедливости» хронистом Оттоном Фрейзингенским (1114—1158): флорентийской знати в меньшей степени был присущ такой отличительный признак германских знатных родов как благородство от рождения. Из-за неотчетливой выраженности этого атрибута расплывчатость значения «знатность», по мнению Сальвемини, ощущалась самими горожанами уже в XIII в. В это время, особенно к концу века, стали терять определенность критерии, по которым то или иное лицо можно было отнести к сословию грандов города и контадо. Когда в 1286 г. возникла необходимость составить каталог домов грандов, в который, в конце концов, вошло 140 фамилий, нотариусы и юристы, рабо-

Firenze al tempo di Dante. 23. P. 37—41; Provvisioni Registri (1290 aprile 11) // Ibid. 24. P. 41—42. Решение о строительстве коммунальных карцеров: Provvisioni Registri (1297 marzo 13) // Ibid. 25. P. 42; Provvisioni Registri (1299 novembre 7) // Ibid. 26. P. 43—45. В последнем постановлении речь шла о том, что эти сооружения должны быть построены на земле, принадлежашей Уберти, рядом с Гибеллинскими воротами внутри второго круга городских стен.

тающие над этим списком, испытывали немалые трудности в определении признаков, позволяющих отличить грандов от пополанов.

Они сформулировали два основных принципа, но лишь один из них можно было считать относительно надежным в силу его традиционности — наличие рыцарского звания, принадлежности к *Militia*. Однако следует и в этом случае учитывать, что рыцарские шпоры уже имелись тогда и у представителей ряда пополанских домов. Второй признак был полностью субъективным — «молва» (*fama*), т.е. общественное мнение, которое могло быть различным в отношении одних и тех же фамилий. Думается, что в понятие «молва» включалась попытка установления нового атрибута знатности — «достоинства» личности, определяемого оценкой в социуме ее качеств и поступков.

Вопрос о том, кого можно считать грандом, а кого нельзя, оставался весьма запутанным и для флорентийских юристов XIV в., среди которых постоянно шли дебаты о том, могут ли рыцари пользоваться привилегиями воинского сословия, если они занимаются торговлей и ручным ремеслом. Что выше — честь кавалера или честь ученого доктора, если в рыцари можно произвести 10 или более человек за один день, а ученым трудно стать и за 1000 лет? Что является главным показателем знатности, богатство или добрые нравы?[44] Очень скоро вышеупомянутый список грандов, закрепляющий их обязанности в обществе, подвергся ревизии. Уже в 1292 г. в него были внесены первые изменения, которые затем регулярно повторялись: одни фамилии вычеркивались, другие вписывались[45], что являлось следствием контроля коммунального государства над социальной структурой общества.

В XVI в. с подобными затруднениями столкнулся Винченцо Боргини, составляя свой трактат о флорентийской знати. Он также относил фамилии первых поколений знати к самым древним поселенцам города и контадо[46]. Следуя затем во многом за Джованни Виллани, он

---

[44] *Salvemini G.* La dignitá cavalleresca. P. 131—134. Франко Саккетти любил сопоставлять простолюдинов с самыми знатными синьорами, чтобы подчеркнуть достоинство первых, их мудрость и доблесть, утверждая: простой крестьянин по благородству сердца может быть сравним с королем Филиппом V Валуа. См.: *Саккетти Ф.* Новеллы / Пер. В.Ф. Шишмарева. Л., 1962. Нов. 195. В уста мессера Инаморато он вкладывал такие слова: «Там сословие или пустословие, как хотите, а только, что касается рождения, то родились мы на свет на один лад» (Нов. 143).

[45] Об этих изменениях списка грандов см.: *Salvemini G.* La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze. P. 25, 138—139; *Catalano F.* Stato e società nei secoli. Vol. I. P. 230—231; *Guidi G.* Il governo della città-Republica di Firenze del primo quattrocento. Firenze, 1981. T. II. Gli istituti "Di Dentro", che componevano il governo di Firenze nel 1415. P. 122.

[46] «Гранды были во Флоренции первыми гражданами и, как патриции в Риме, держали в руках правление и почести...» // *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. P. 69—70.

отмечал смену поколений нобилей в XIII в.: «Пополанские фамилии Барди, Кавальканти, Торнаквинчи, Пацци, Джанфильяцци, Фрескобальди, Герардини, Брунеллески и многие другие, равные им, а также еще более низкие — Черки и Моцци — не только сделались грандами, но стали ведущими главами у грандов». Боргини указывал на невозможность точного определения социального статуса к концу XIII в. у большинства родов, считающихся знатными в XV—XVI вв.: Черретани, Альтовити, Каниджани, Аччайуоли, Альбицци, Магалотти, Минербетти, Перуцци, Содерини, Строцци, Питти, Корбинелли, Мариньолли, Каппони, Бальдовинетти, Ридольфи, Альберти, Медичи, Карнесекки, Гвиччардини, Ручеллаи и многих других. Пытаясь составить генеалогии некоторых фамилий, например, Валори, Винченцо Боргини столкнулся с большими трудностями при определении родового имени и идентификации рода по его гербу из-за отсутствия соответствующих источников и ненадежности опоры на традиционное мнение[47].

Из комментариев Джованни Виллани выясняется, что к тому времени, когда он писал свою «Новую хронику», часть старых фамилий пришла в полный упадок, выродилась или обратилась в пополанство[48]. Лишь некоторые из этих домов сохранили политическое влияние до середины XIV в.: Виздомини, часть Донати, Уберти, Саккетти — «очень древнее семейство»[49], Буондельмонти[50] и Адимари — «на сегодняшний день это самый знатный род во Флоренции, но в то время они не принадлежали к наиболее древним». В. Боргини, который реестры Малиспини подкреплял доводами Данте, указывал, что во время жизни великого поэта Адимари только начинали свое возвышение, «придя из

[47] *Borghini V.* Storia. P. 75—76; 103—111.

[48] *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 10; IV. 13; IV.11; IV. 12.

[49] *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 118—119. Относительно древности рода Саккетти — вопрос спорный. Э. Фаини не относил его к древним фамилиям, полагая, что возвышение клана началось только с XII в. Этот род владел домами и дворцами в городе, с начала XIII в. его члены активно участвовали в политической жизни, являясь членами цеха Калимала, занимали одно из руководящих мест в партии гвельфов. Род стал клониться к упадку после 1280 г.

[50] *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 110. Буондельмонти — древняя фамилия флорентийских грандов, феодальный род. Они утвердились в городе около 1135 г., будучи, согласно Дж. Виллани, «старинным и знатным родом контадо, владевшим замками». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 39. С. 106. Уже с XII в. они участвовали в консулате коммуны. Их межклановая борьба с Амидеи, по мнению Виллани, привела к расколу общества на гвельфов и гибеллинов. Их богатства базировались преимущественно на земельной собственности и сделках по купле-продаже земли. Буондельмонти занимали традиционно господствующее положение в партии гвельфов, но не участвовали в приоратах, что свидетельствовало о том, что они не были вписаны в цехи.

мелких людей <...> а Донати пренебрегали родством с ними»[51]. Таким образом, более поздние хронисты указывали, что, судя по всему, уже с XII в. флорентийские нобили не являлись однородным по происхождению социальным слоем, включая фамилии, не относящиеся к наиболее древней синьориальной знати. Данные Виллани и Малиспини свидетельствовали о социальной динамике внутри сословия флорентийских нобилей в XI—XIV вв.: старые фамилии приходили в упадок и вырождались, новые поколения знати, «ранее малозначительные выходцы из купечества», возвышались и утверждались[52]. Как следует интерпретировать эти аннотации флорентийских хроник?

Согласно сведениям С. Дьяччати, к концу XII в., наряду со старинными нобильскими родами консульской знати — Буондельмонти, Капонсакки, Делла Тоза, Джандонати, Джанфильяцци, Гвиди, Уберти, Убриаки, Виздомини, в число нобилей интегрировались в XII в. Скали, Маниери, Пульчи, Гвальтеротти путем вступления в ряды конного войска и получения рыцарского звания[53]. Что касается достижения статуса нобилей незнатными фамилиями, то в этом случае для второй половины XII в. следует привести два примера, ставшие классическими. Историк Серджо Раведжи выделял в этой связи род Торнаквинчи, который Р. Малиспини и Дж. Виллани не относили к древней знати: «Затем пришли Торнаквинчи и Кавальканти низкого происхождения, бывшие купцами, как и Черки, но быстро начали они с недавнего времени возвышаться»[54].

Энрико Фаини, соглашаясь с данными С. Раведжи, полагал, что одними из первых документов, в которых фигурировали Торнаквинчи, были контракт между монастырями Сан Панкрацио и Пассиньяно (1175 г.), в котором участвовал Торнаквинчо ди Бондо, и акт о продаже земель епископом Флоренции с целью погашения долга (600 лир) представителям фамилий Виздомини и Торнаквинчи, датированный августом 1193 г. Документ доказывает, что на рубеже XII—XIII вв. члены этой

[51] «Нахальный род, который свирепеет / Вслед беглецу, а чуть ему поднесть / Кулак или кошель, — ягненком блеет / Уже тогда все выше начал лезть; / И огорчался Убертин Донато, / Что с ними вздумал породниться тесть» // *Данте Алигьери.* Божественная Комедия. Рай. XVI, 115—119.

[52] Это утверждение удостоверяется современными историческими исследованиями. Многие примеры социальной динамики относятся к периоду середины—второй половины XIII в. Например, в число знатных семейств начали входить новые люди — Моцци и Спини. В то же самое время нобильские дома, не сумевшие через посредство участия в старших цеховых корпорациях адаптироваться в коммунальной среде (Форабоски, Сици), испытывали полный упадок. См.: *Medici D.* I primi dieci anni. P. 225.

[53] *Diacciati S.* Popolani e magnati. Società e politica nella Firenze del Duecento. P. 287—288.

[54] *Malispini R., Malispini G.* Storia fiorentina. CIV. P. 105. Малиспини не фиксировал даже приблизительно времени, когда это произошло.

фамилии были втянуты «в сложную цепь экономических интересов», являясь одновременно заимодавцами и кредиторами, а также активно устанавливали отношения дружбы и соседства с наиболее знатными и видными фамилиями. Исследователь считал, что Торнаквинчи, как и Кавальканти, «кажутся возвысившимися только со второй половины XII в., возможно, благодаря удачной кредитной активности»[55]. Также и Пампалони отмечал: Торнаквинчи обнаруживали среди своих членов «призвание более предпринимательское, чем рыцарское». Члены этой фамилии обитали в сестьере Сан Панкрацио, владея компактной площадью и привилегией, данной императором Оттоном IV (1209—1215), в соответствии с которой имели право строить плотины на Арно, чтобы использовать гидравлическую силу потока в нижней части города, прилегающей к их владениям[56]. По мнению исследователя Массимо Тарасси, феодальное происхождение этого рода неясно.

Но уже в XII в. они считались знатными и входили в состав правящей олигархии — консульско-нобильской знати: в 1176 г. пост консула города занимал *Tornaquincius* (видимо, упомянутый уже Торнаквинчо), от которого собственно и пошел род[57]. Фаини подчеркивал, что среди консульской знати Торнаквинчи находились на среднем уровне: в документах констатируется только один консулат Торнаквинчо. Его сыновья Якопо и Альберто упоминались потом (1208 г.) в документах монастыря Сан Панкрацио. Кроме того, на рубеже XII—XIII вв. они были связаны с фамилиями, имеющими второстепенное значение в политической жизни города — Астанколли и Даль Мула[58]. Позже их потомки почти непрерывно участвовали в политической жизни Флоренции XIII—XIV вв., являясь в то же время патронами монастыря Санта Мария Новелла. В первой половине XIII в. их могущество и влияние усилились. В этот период члены семьи являлись линьяжем *milites*, занимали видное положение в руководстве гвельфской партии и традиционно были связаны с цехом судей и нотариусов[59]. В 30—40-е гг. XIII в. в зоне Сан Панкрацио, в непосредственой близости от города в сторону Прато, и в Борго Сан Проколо стало концентрироваться ядро их земельных владений. Таким образом, возвышение рода Торнаквинчи до участия в коллегии консулов вряд ли началось ранее 70-х гг. XII в.

---

[55] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 105, 268, 350.

[56] *Pampaloni G.* Tornaquinci, poi Tornabuoni, fino ai primi del Cinquecento // Archivio Storico Italiano. 1968. Vol. 126.

[57] *Faini E.* Uomini e famiglie nella Firenze consolare // http//www.storia di Firenze.org, 2009. P. 38.

[58] Ibid. P. 38—39.

[59] Ibid. P. 38; *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 111. В 1393 г. единая фамилия распалась по политическим мотивам. Симоне Торнаквинчи подал в Синьорию петицию о переходе своей ветви фамилии в пополанство и принял имя Торнабуони.

Относительно фамилии Кавальканти не прекращается многовековой спор о ее истоках: произошли они от владельцев замков и феодов или от купеческого корня. Современная версия, выраженная Э. Фаини, утверждает, что изначальное возвышение рода было обусловлено торговоростовщической деятельностью: отсутствуют документы, относящиеся к земельной собственности Кавальканти вплоть до 30-х гг. XIII в. 1236 г. датирован первый документ о переходе в собственность этой фамилии двух не выкупленных из залога под ссуду участков земли неподалеку от Римских ворот. Во второй половине XII в. (1173 г.) идентифицируется место городских резиденций членов фамилии в сестьерах Сан Пьеро Скераджо и Борго ди Санти Апостоли. К 1236 г. они уже владели башнями и домами на Новом Рынке. Еще раньше возникли их тесные связи со старинным и знатным родом Донати (1165 г.), имеются также упоминания об их связях со знатными кланами Абати и Росси Якоппи (1176 г.)[60]. Фамилия Кавальканти дала двух консулов от рыцарей в 1208 и 1219 гг., но также торговых консулов в 1192, 1203, 1218, 1219, 1220 и 1228 гг. Таким образом, в первой четверти XIII в. члены этой фамилии уже занимали должности в главном консулате, в войске, являлись консулами от купцов[61]. Торговые консулы, избираемые от знатных фамилий, означали, что представители этих семей — члены старших цехов. Вместе с тем члены рода Кавальканти стремились вести образ жизни *Cavalieri*, знатных воинов. Известно, что в войне за Семифонте участвовал Альдобрандино Кавальканти со своей «маснадой»[62]. Его трижды отправляли послом к жителям Семифонте, поскольку он умел «красиво и кратко говорить», но первые две миссии оказались неуспешными: жители Семифонте погнали посланца коммуны от ворот копьями, и только в третий раз согласились его выслушать[63]. Наличие «маснады» и участие в военных действиях свидетельствуют о приверженности представителей дома Кавальканти к образу жизни воинской знати, несмотря на то, что отсутствие титула «Мессер» перед именем означает, скорее всего, отсутствие рыцарского достоинства.

Согласно наблюдениям Сильвии Дьяччати, лишь немногим пополанским фамилиям в первой половине XIII в. удалось подняться до

[60] *Faini E.* Uomini e famiglie nella Firenze consolare. P. 18—19. В 1213 г. Ильдебрандино Кавальканти был свидетелем и поручителем важного для семьи Донати акта милосердия. Винчигверра Донати завещал значительное дарение церкви во имя спасения души своего безвременно ушедшего сына.

[61] *Tabacco G.* Nobili e cavalieri a Bologna e a Firenze fra XII e XIII secolo // Studi medievali. 1976. Vol. III. № 17. P. 41—79; *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 273.

[62] Отряд, состоящий из консортов и зависимых людей знатного синьора.

[63] *Pace da Certaldo.* Storia della Guerra di Semifonte. P. 36, 39.

участия в консулате и приблизиться к знати: на рубеже XII—XIII вв. — Мональди, в первые десятилетия XIII в. — Кьермонтези[64] и Спини, несколько позже — отчасти род Альи. Их социально-политическое возвышение произошло по тем же параметрам: богатство, накопленное благодаря торгово-ростовщической деятельности; принадлежность к корпорациям Калимала (Мональди, Кьермонтези) и цеху судей и нотариев (Спини)[65]. Относительно фамилий Барди и Перуцци Виллани испытывал еще большее сомнение в древности их корней. Таким образом, при всех попытках перечисления самых «старинных благородных фамилий» Флоренции появляется указание на процесс ротации знатных семейств.

Целым рядом документов С. Дьяччати подтвердила правоту утверждений Джованни Виллани и Рикордано Малиспини о том, что на смену переживающим упадок семейным кланам в XIII в. приходили новые фамилии знати, о которых в «Новой хронике» упоминалось только применительно к событиям середины XIII в. В связи с разделением городского общества на гвельфов и гибеллинов отмечалось, что Росси[66], Барди, Моцци, Кавальканти, Черки — «не столь уж древние роды»[67]. К периоду

---

[64] *Faini E.* Uomini e famiglie nella Firenze consolare. P. 19. Впервые в 1180 г. встречается имя Кьермонтезе ди Ринальдино, как свидетеля примирения фамилий Уберти и Донати, его сын Франческо был консулом купцов. Фамилия обитала в сестьере Сан Пьер Скераджо, администрации которой подчинялась зона Риполи. С 1185 г. появляются сведения о концентрации земельной собственности представителями этой фамилии в приходе Риполи и близ Кампи. Собственником владений выступал Джиральдо, брат Франческо. Имеются документы о ростовщических сделках членов этой фамилии, которым придавался вид благочестивого милосердия — например, помощи церквям прихода Риполи, которые на самом деле были обременены долгами семье Кьермонтези.

[65] *Diacciati S.* Popolo e regimi politici a Firenze nella prima metà de Duecento // Annali di storia di Firenze. I, 2006. P. 43—44.

[66] *Faini E.* Uomini e famiglie nella Firenze consolare. P. 35—36. Согласно версии Э. Фаини, Росси-Якоппи являлись более древним и знатным родом, хотя их имя начинает появляться в документах с 60—70-х гг. XII в. Но в целом ряде документов, по мнению Фаини, имеются свидетельства о том, что их резиденция в Ольтрарно была основана задолго до XIII в. Он отмечал также их давние связи с монатырем Санта Феличита, близ которого они уже имели комплекс земельной собственности. Кроме того, прослеживаются с XII в. их прочные связи со знатнейшими фамилиями, с которыми они держали совместный патронат над церковью Сан Лоренцо в Коллине, и Фифанти. Фаини высказывает гипотезу о том, что род Росси-Якоппи являлся ответвлением от фамилии Буондельмонти.

[67] К ним хронист Виллани также относил Росси — «род не столь уж древний, но начинавший входить в силу» (*Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39), Фрескобальди, Барди и Моцци (Там же. VI. 79. С. 186; VIII. 1. С. 224) — «в ту пору малозначительные» (Там же. V. 39); Черки, «начавшие возвышаться, несмотря на свое купеческое происхождение» (Там же. V. 39). Серджо Раведжи высоко оценивал степень достоверности данных Джованни Виллани относительно тех фамилий

после 1260 г. Дьяччати добавила к вышеперечисленным лишь несколько фамилий грандов-гвельфов: Альтовити, Бальдовинетти, Бордони, Гиберти и некоторые другие. Р. Малиспини также свидетельствовал об этих новых фамилиях, входящих в круг знати: «Теперь необходимо, чтобы я, Рикордано, упомянул о тех фамилиях, которые в мое время начали становиться грандами <...> Начнем с сестьеры Ольтрарно, потому что в раннее время там обитали люди дурных условий и низкого происхождения, но в мое время стали туда приходить могущественные семейства: Моцци, Барди, Якопи, называемые Росси, Фрескобальди, которые все пришли недавно и были купцами незнатного происхождения». Таким образом, к новой гвельфской знати, поднявшейся во второй половине XIII в., можно отнести фамилии Спини, Моцци, Барди, Фрескобальди, имевшие некоторые общие контуры своего возвышения.

О доме Спини Джованни Виллани упоминал только в связи с событиями 1260 г.[68] Массимо Тарасси считал, что это фамилия представителей «новой плутократии» пополанского происхождения, которые уже к середине XIII в. владели палаццо и башнями в городе, приобрели рыцарское достоинство и доступ к высшим магистратурам, занимали высокое положение в партии гвельфов, а в официальных документах к их именам прибавляли титул *Dominus*. К 1250 г. Спини создали крупнейшую банковскую компанию, имевшую филиалы в Апулии, Англии и при папском дворе, а также финансировали гвельфскую партию[69].

По мнению Дьяччати, лишь 6 пополанских фамилий в XIII в. смогли возвыситься до ранга нобилей: в 30—40-е гг. — Амиери, Барди, Черки, Кози, и несколько позже — Фрескобальди и Моцци[70]. Барди, видимо, в первой половине XIII в. были ремесленниками и купцами: о них известно лишь, что их члены занимали посты консулов цеха Калимала в 1234 и 1237 гг. Возможно, свою торговую компанию они создали еще в последние десятилетия XII в., а в следующем столетии она уже конкурировала с компанией Моцци-Спини. Их экономической экспансии покровительствовал Карл Анжуйский, который называл Гвидо ди Ак-

знати, которые перечислял хронист. Согласно немногим документальным источникам, сохранившимся от XIII в. и содержащим перечни фамилий участвующих в советах и списки изгнанников, подтверждается ведущая роль нобильских родов в политике города на Арно (*Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 29—30). Отметим также сведения Оттокара и Тарасси (*Ottokar N.* Il Comune. P. 38; *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 144). В частности, эти авторы делали акцент на том, что в XIII в. происходил процесс смены фамилий знати. На политическую арену выдвигались новые фамилии: Спини, Моцци, Барди, Фрескобальди, Черки, которые уже через 15—20 лет уверенно числились среди магнатских домов.

[68] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 79.

[69] *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 102—108

[70] *Diacciati S.* Popolani e magnati. Società e politica nella Firenze del Duecento. P. 286—297.

кольто деи Барди «нашим доверенным лицом», назначив его в 1268 г. Подеста в Прато[71]. Богатства и тесные связи с сильными мира сего позволяли членам этого рода вести полностью нобильский образ жизни и с начала XIV в. считаться одним из магнатских городских домов, «очень склонных к величию»[72]. Во всяком случае, в 1293 г. Барди, Спини и Моцци попали в проскрипционные списки как магнаты[73]. Д. Медичи писала о том, что в 80—90 гг. XIII в. первостепенную роль начинают играть фамилии банкиров Барди, Пульчи, Спини, которые уже считались магнатскими родами, во всем равными «по статусу, образу жизни, менталитету и мнению в народной молве» старым могущественным магнатам[74].

К новым фамилиям знати можно отнести род Фрескобальди, не оставивших следа о себе в первой половине XIII в. Их возвышение началось только с периода *Primo popolo* (1250 г.) после вступления в фило-анжуйскую партию гвельфов. Они входили в цех Калимала. Гвидо Фрескобальди был консулом в 1274 и 1281 гг. В короткое время они создали одну из самых больших фирм, ведя дела с папской курией, в королевстве Сицилия и в Англии, где стали первыми среди банкиров Эдуарда II до тех пор, пока не потерпели окончательный крах в 1310 г. Фрескобальди также являлись крупными финансистами партии гвельфов[75]. Они владели домами и палаццо в Ольтрарно близ моста Санта Тринита. Принадлежащий им дворец был избран резиденцией для приема Карла Анжуйского в 1273 г. и принца Карла Валуа в 1301 г.[76]

В последние годы XIII в. начали возвышаться фамилии пополанов-банкиров, которых в следующем столетии часто считали знатными: Альтовити, Джиролами, Аччайуоли, Альбицци, Каниджани, Строцци[77]. В этой связи было бы небезинтересно обратить внимание на краткую аннотацию Бонаккорсо Питти, тем более если учесть, что флорентийцы, которые писали домашние хроники, редко проявляли специальный интерес к вопросам о происхождении знатных родов. В «Хронике» Питти, который был не лишен претензий на знатность происхождения, содержится краткий дискурс о знатных фамилиях. В их отборе этот купец и дипломат руководствовался собственными критериями. Древние поколения знати его не интересовали или были ему неизвестны. Он отнес к истинно знатным

---

[71] *Sapori A.* La crisi delle conpagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926.
[72] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 629.
[73] *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 102—108.
[74] *Medici D.* I primi dieci anni. P. 225.
[75] *Sapori A.* La compagnia dei Frescobaldi in Inghilterra. Firenze, 1947.
[76] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 56; IX. 49. Об их землях в контадо, сосредоточенных в Вальдипезе, см.: *Fiumi E.* Fioritura e decadenza. P. 129.
[77] *Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri // Ghibellini, guelfi e popolo grasso. P. 285, 295.

родам относительно новые поколения нобилей, статус знатности которых определился не позже второй половины XIII в. Этого активного функционера, озабоченного политической карьерой и стремящегося любой ценой к социальному возвышению, привлекали главным образом фамилии влиятельных и авторитетных граждан, продолжающих играть важную политическую роль в первой трети XV в., которые он в первую очередь и отнес к знатным домам, присовокупив к ним лишь некоторые кланы древних нобилей, оставившие наиболее глубокий и яркий след в истории Флоренции — в частности, Буондельмонти и Донати[78].

Параметры социальной эскалации новых родов знати обнаруживают общие черты. Они опирались в большей степени не на замки и синьориальные владения за пределами города, которые для них скорее являлись фактором вторичным. Отправным пунктом их возвышения становилось накопление богатств за счет торгово-банковской деятельности своих семейных компаний; членство в старших цехах, прежде всего, в корпорации Калимала, тесная связь с партией гвельфов, в которой они считались очень авторитетными, что позволяло оказывать влияние на городскую политику; использование покровительства пап, Анжуйских суверенов и королевского двора Франции.

§ 3. Культурные рефлексии о знатности рода и благородстве личности во второй половине XIII в.

Процессы урбанизации многих родов синьориальной знати и стремление пополанов к повышению социального статуса, постепенное превращение города башен в коммунальный центр с относительно широкой системой народовластия, ускорение динамики эскалации в обществе одних фамилий и упадка других, имеющих знатное происхождение и древние корни, не могли не получить отражения в духовной сфере Флоренции. Во второй половине XIII в., первой половине XIV в. и далее в городской культуре заметен интерес к высказываниям о соотношении знатности рода, личной доблести и достоинства разных сословий общества. Пожалуй, ключевую роль в культурном восприятии совершающихся социальных процессов играли термины *gentilezza* и *gentiluomini*. Рассуждения о сопоставлении благородства личности и

[78] *Питти Б.* Хроника / Пер. с ит. З.В. Гуковской. Под ред. М.А. Гуковского, В.И. Рутенбурга. Л., 1972. С. 139. К родам древней знати он относил Росси, Барди, Форабоски, Герардини, Пульчи, Дельи Альби, Буондельмонти, Торнаквинчи, Кавальканти, Кавиччули, Донати, половина из которых таковыми не являлись.

знатности от рождения встречаются у авторов, произведения которых на итальянском языке, т.е. воспринимаемые широким кругом читателей, относились к различным жанрам: у моралистов схоластического толка (Боно Джамбони, род. около 1244—ум. после 1292), у юристов (Брунетто Латини, 1220—1294, Бартоло Сассоферрато, 1313/1314—1357), хронистов (Дино Компаньи[79], 1255—1324), наконец, у поэтов «нового сладостного стиля» — Данте Алигьери и Чекко д'Асколи. В первой половине XIV в. указанный сюжет использовался поэтами «второго ряда» («малая флорентийская лирика XIV в.») — эпигонами тематики и жестов стильновистов[80]. Все они, согласно античным образцам, начиная с древнегреческих авторов, но прежде всего следуя высказываниям Цицерона, имели в виду классический набор таких добродетелей, как «Благоразумие» (*Prudentia*), «Справедливость» (*Giustizia*), «Мужество» (*Fortezza*), «Умеренность» (*Temperanza*)[81].

Кто бы ни писал позже о знатности, обязательно ссылались на «Божественную Комедию» и (реже) «Пир» Данте Алигьери, в которых поэт рассуждал о соотношениях категорий «знатность» и «достоинство», приравниваемое им к «благородству, которое не закладывается от природы», о несовместимости «благородства» с «богатством» («Богатство благородству не причина, а подлая личина»), о том, что «благородство» и «знатность» не исчерпываются изящными нравами, но «их следует выводить из добродетельных поступков»[82]. Темы «знатности» и «благородства» затрагивались многими стильновистами, современниками Данте.

В частности, им посвятил отдельную часть в своем поэтическом трактате *Acerba* Чекко д' Асколи (Франческо Стабили ди Симеоне, *Ancarano*, 1269—Флоренция, 1327 г.). Его поэму некоторые современные исследователи считают своего рода дополнением дантовского «Пира»[83].

---

[79] *Compagni D.* Amor mi sforza e mi sprona valere // Rimatori del Trecento / A cura di G. Corsi. Torino, 1969.

[80] *Ambrogio G.R.* Nota biografica culturale // *Frescobaldi Matteo di Dino*. Rime / Ed. critica a cura di G.R. Ambrogio. Firenze, 1996. P. 26. К таким поэтам Д.Р. Амброджо относил Сеннуччо дель Бене, Якопо Чекки, Фацио дельи Уберти, Гвидо Новелло да Полента, но также представителей фамилии Фрескобальди— Дино ди Ламбертуччо и его сына Маттео ди Дино.

[81] *Giamboni B.* Il trattato di virtù e di vizi // *Giamboni B.* Il libro de' vizî e delle virtudi e il trattato di virtù e di vizi / Ed. C. Segre. Torino, 1968. P. 123—156.

[82] *Данте.* Пир // *Он же.* Малые произведения / Изд. И.Н. Голенищев-Кутузов. Отв. редакторы М.П. Алексеев, И.Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968. Трактат IV. Канцона III.

[83] *Partini A.M., Nestler V.* Cecco d'Ascoli poeta occultista medievale. Roma, 2006. P. 135. Эти авторы доказывали свое несогласие с давно устоявшейся концепцией о том, что Чекко д' Асколи «завидовал» славе Данте и поэтому ненавидел великого поэта и отвергал его суждения в области моральной философии. См.: *Carducci G.* Delle rime e della varia fortuna di Dante / Ed. M. Pelaez. Bologna, 1913.

В произведении Чекко, как и у Данте, «Благородство» (*Gentilezza, Nobiltà*), «Добродетель» (*Virtu*) и «Любовь» (*Amor*) составляли единое целое. Чекко также полагал, что благородство не зависит от богатства и древности рода, но есть лишь форма доблести, которая исходит от небес[84] к персоне, предназначенной ее получить[85]. Данте и Чекко понимали под «знатностью» особую тягу отдельной души к совершенству, которой наделяет ее Господь, и только этим, по их мнению, определялась знатность. Флорентийский поэт и Асколанец полагали, что «знатность» — исходящее от небес качество — позволяет вести жизнь, в которой все силы служат красоте и истине, но это выявляется только в поступках индивида[86].

Речи о знатности рода и благородстве оставались актуальными для флорентийцев и в XIV—XV столетиях, уже утратив остроту социального контекста конца XIII в., но оставаясь важным риторическим элементом политической культуры республики. К середине XIV в. вопрос об унаследованном от знатных предков достоинстве от рождения становился менее актуальным. Дискурс о благородстве, включающий основные добродетели, теперь часто использовался в качестве поучения, обращенного к выборным правителям города, быстро меняющимся вместе с чередующимися политическими режимами.

Например, это заметно в поэзии Маттео ди Дино Фрескобальди (1297—1348), о котором известно очень мало, поскольку он не участвовал в политической жизни коммуны. Беглую характеристику дал ему Донато Веллути, как своему дальнему родственнику: «Маттео ди Дино был среднего роста, большой игрок, часто наряжался в прекраснейшие одежды, иной раз нелепо одевался. Умер от чумы 1348 г. в возрасте 40 лет или более. Оставил бастарду, каковая состояла прислугой у Никколо, а затем ушла от него...»[87]. Веллути не одобрял образ жизни

---

[84] «Скажу, что благородство нам дарует / Лишь Бог. И тот ликует, / Дары приняв, кто низость превозмог. / Но семена бросает Божество / Лишь в гармоническое существо» // *Данте.* Пир. Трактат IV. Канцона III. "Che nel soggetto disposto s'aspetta / Quando il ciel fa di qualitati l' ormà" // *Cecco d' Ascoli.* L' Acerba / A cura di A. Crespi. Cap. XII, 14.

[85] «Иной же благородство утверждает / Не в добром поведенье, /А только в прадедов приобретенье — / В нем благородства нет!» // *Данте.* Пир. "Gentil di sangue figliuol d' uomo tengo. / Gentile d' anima é figliuol di Deo..." // *Cecco d' Ascoli.* L' Acerba / A cura di A. Crespi. Cap . XII, 85.

[86] "Dunque lo cielo con quieta luce / Dispone a gentilezza creatura..." // Ibid. Cap . XII, 20; "...Gentile creatura, / che per volere all' opera s' adduce" // Ibid. Cap. XII, 100; "Si come a luce si cognosce I Sole, /él' uomo quanto mostra e virtú cole".

[87] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 93—94. Имя Маттео ди Дино Фрескобальди встречалось в двух нотариальных актах весной 1316 г. и в 1334 г в связи со штрафом за незаконное ношение оружия. Вооружался он из-за кровной вражды фамилий Фрескобальди и Бостики, о которой писал Д. Веллути (*Velluti D.* La

Маттео, как и манеры поведения всех расточителей, кто не занимался торговлей и предпринимательством. Схоластическая поэзия Маттео не чужда была политической тематике. В частности, в Балладе XVI он наставлял «новых правителей» Флоренции в «похвальном» руководстве коммуной, «если без обмана они будут следовать тому, что обозначено в этой балладе <...>, и жить в страхе Божьем»[88]. «Матерью всех добродетелей» поэт выставлял *Discrezione* (Скромность), затем следовали «ее 4 благородные дочери»: *Prudenza* (Благоразумие или Мудрость), которая «должна стать вашим вожаком (*vostra guida*)», ибо «своими тремя глазами управляет она тремя временами (прошлое, настоящее, будущее)» (*con tre occhi tre ttempi governa*[89]). Далее следовала *Giustizia* (Справедливость), «всякому гарантирующая его права, имеющая вечное стремление карать любое преступление (*a cciascuno el suo diritto/ rende, ch' è volontà perpetuale / per lei si punisce ogni delitto*). *Temperanza* (Умеренность), каковая «избегает всякого излишества и держит человечество в узде меры» (*la qual fugge ogni troppo, / che ttiene i mmano el fren della misura*). Наконец, *Fortezza* (Мужество) «всякого делает уверенным и свободным, не падающим духом в опасности и не бегущим от невзгод, поскольку ценится ею благородство» (*che ll'uon fa sicuro e ffranco, / si che no smaga nell' avversitate / e nel periglio non si trova manco/ perché s'acosta a magnanimitate*)[90]. Здесь не шла речь о благородстве крови, но дважды в балладе упоминались «новые флорентийцы»[91]. По мнению современных исследователей, это произведение было написано в 1343 г. после изгнания герцога Афинского, когда с сентября к власти пришло правительство «смешанных людей» и установился режим с преобладанием «тощего» народа в коммунальных структурах, к которым и обращена баллада Маттео ди Дино Фрескобальди.

В XV в. историк Джованни Кавальканти вкладывал подобные рассуждения в уста флорентийских магистратов. Например, он писал о том, что на заседании Совета коммуны 1433 г. член этой коллегии Федериго Малавольти заявил: «Синьоры! Нет никакой разницы между плебеем и благородным ни в способе рождения, ни в способе смерти, а только в образе жизни, ибо благородный человек ненавидит позор, а

cronica domestica. P. 89, 94, 99), в 1342 г. его имя фигурировало в акте о примирении враждующих сторон, его завещание датировано 1348 г., и в том же году он умер. См.: *Ambrogio G.R.* Nota biografica eculturale. P. 23—25.

[88] *Frescobaldi Matteo di Dino.* Ballata del detto (XVI) // *Frescobaldi Matteo di Dino.* Rime. P. 88—90

[89] Метафора навеяна образами «Божественной Комедии» Данте («А слева четверо вели свой пляс, / Одеты в пурпур, повинуясь ладу / Одной из них, имевшей третий глаз» // Чистилище. XXIX. 130—132).

[90] *Frescobaldi Matteo di Dino.* Ballata del detto (XVI). v. 10—40. P. 88—89.

[91] *Ambrogio G.R.* Nota biografica e culturale. P. 25.

плебей, может быть, тоже ненавидит, но не осознает этого. Добрые нравы моих предков, от которых я происхожу, сделали меня благородным, за мной не водилось недостойных дел, и, чтобы не потерять доброго их наследия, я не прислушивался к дурным советам <...> Я не хочу потерять своего имени, поскольку оно благородно, и никогда не совершу предательства и других предосудительных поступков»[92]. Все рассуждения такого рода в публичных речах флорентийских политиков XV в. являлись скорее формой репрезентации, за которой часто скрывались эгоистические соображения собственной выгоды и далеко идущий расчет, но показательно, что для политической культуры городского социума республики такие риторические фигуры оставались характерными.

Известным откликом на происходящие в городском обществе социальные процессы, как кажется, можно считать поэму хрониста Дино Компаньи (1255—1260—26 февраля 1324) «О достоинстве»: в ней он «образцово резюмировал чаяния целого поколения интеллектуалов, к которому принадлежал и Данте»[93]. Дино Компаньи в своей канцоне «Амур побуждает меня...»[94] характеризовал основные сословия, обладающие достоинством, которые включали «людей благородных и добродетельных по обычаю». Доблесть каждого сословия в понимании Компаньи состояла в совершенном исполнении обязанностей, налагаемых его местом в обществе.

На первом месте находились императоры, если они «защищают нашу веру и церковь, поддерживают мир и устанавливают справедливый закон, и обязываются со всеми своими силами готовиться в крестовый поход». Далее следовали короли с их комплексом доблестей: «Стараются завоевывать и удерживать земли, щедро вознаграждает того, кто служит им в деле войны; справедливы ко всем своим подданным; содержат богатый двор, людей принимают гостеприимно, и их куртуазия не знает изъяна, если они прозорливы и справедливы в карах, предоставляют добрые полномочия своим викариям, но и умеют предохраняться от их обманов, и не впадают в заблуждение, отклоняя

[92] *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine / A cura di C.F. Polidori. Firenze, 1838. T. I. P. 524—526. Если верить Кавальканти, то, используя именно такую риторику, Федериго Малавольти, состоящий в партии противников Медичи, отказывался выполнить поручение своих сообщников — тайно задушить ночью Козимо Медичи, брошенного в Стинке. Для исполнения этой миссии Малавольти специально назначили комендантом Стинке.

[93] Одно из названий поэмы Дино Компаньи. См.: *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. М., 1977. С. 48.

[94] *Compagni D.* Amor mi sforza e mi sprona valere // Rimatori del Trecento / A cura di G. Corsi. Torino, 1969. P. 629—637. Комментарии и анализ указанного произведения см.: Il Trecento. Dalla ctisi dell' etá comunale all' umanesimo / Ed. C. Muschetta, A. Tartaro. Bari, 1972. Vol. II. T. 2. Cap. VIII, § 86. P. 370—377.

искренний совет». У баронов свой набор добродетелей: верность своему синьору, довольствование по обычаю землей и рентами, какие они имеют, наличие доброй свиты, разумной и соблюдающей обычай, богато одетой, прекрасно скачущей верхом, чтобы участвовать в турнире; щедрость, проявляемая при роскошном дворе, демонстрация храбрости «на свободной войне», справедливость в уплате долгов[95].

Затем следовал слой правителей (*rettore*), которые неукоснительно исполняли собственные обязанности, строго следовали законам и духу правосудия, искореняли зло. Кроме того, они должны были содержать вооруженных людей, добрых легистов и нотариев при своем дворе, день и ночь осуществлять правосудие, никого не прощая за дары, быть к друзьям и врагам беспристрастными, дороже всего ценя честь. Также им непременно нужно пройти испытание, т.е. иметь ученую степень и состоять в корпорации[96].

Свои обязанности, составляющие его достоинство, имеет и рыцарь, который должен отдавать свой меч служению правому делу; защищать вдов и сирот; оставаться доблестным, разумным, и всегда преисполненным куртуазии, направляя свой нрав к постоянству, защищая правого и наказывая злодея, в его обязанности также входила готовность сражаться со всякой таинственной силой; содержать лошадей и солдат, одевая их красиво и щедро одаривая[97].

Автор раскрывал затем сферу доблестей легистов, добивающихся доброй славы. Для этого им необходимо научиться судить правильно, говорить красиво, выявляя заблуждения и определяя вопросы; честно и смело излагать доводы, усердно, быстро и хорошо судить, предусмотрительно и разумно приводить доказательства, использовать законы праведные, умело применяя, а не пересматривая их, иметь при себе «Кодекс», «Дигесты» и другие книги. Автор не забывает и о нотариях, желающих снискать благую славу и обрести честно заслуженную репутацию. Для этого они должны ясно составлять акты и красиво писать, регистрируя документы; хорошо знать грамматику, уметь считать и ловко составлять контракты, уважая мнение доброго легиста; быть проницательными, мудрыми и находчивыми; уметь компилировать акты на добром вольгаре, никогда противозаконно не изменяя записи[98].

Наконец, достоинства медика заключались в следующем: он должен честно выполнять свою работу, ласково говорить с больным и не лгать, быть умудренным в медицинском познании так, чтобы представлять устройство тела, делать различные операции на практике, имея позна-

[95] *Compagni D.* Amor mi sforza e mi sprona valere. 15—50; *Брагина Л.М.* Ук. соч. С. 48.
[96] *Compagni D.* Amor mi sforza e mi sprona valere. 55—60.
[97] Ibid. 65—85.
[98] Ibid. 90—100.

ния в теории, неустанно учиться и читать Гиппократа, Галена, Авиценну и других мудрецов[99].

Далее Компаньи раскрывал, в чем заключается добродетель купца. Ее составляющими он считал привычку всегда действовать по закону, быть очень предусмотрительным, доставлять то, чего недостает, обладать прекрасными манерами, соответствующими его честной профессии; по меньшей цене покупать и с выгодой продавать, посещать церковь и подавать Господу, сбывать товар без лишних слов ради наращивания цены, писать правильно, но ростовщичества избегать пуще всего[100]. Ремесленные профессии представлены ювелиром. Желающий доброй славы ювелир должен быть знатоком золота, серебра, камней, и их цены по принятому курсу. Надлежит ему искусно работать, применяя соответствующие формы и лигатуры (сплавы), не золотить и не серебрить медь с целью обмана, уметь хорошо рисовать и резать по камню (гравировать), красиво вставлять камень в перстень; не выдавать стекло за дорогой жемчуг, потому что достоинство его ремесла не заключается только в молотке[101].

Канцона, называемая также *Pregio*, не имеет точной датировки, но, по мнению комментаторов, «накладывается на коммунальную реальность». Представленная автором картина социального устройства мира отмечена урбанизмом: в ней присутствуют монархи, бароны и рыцари, но видное место занимают люди «городских профессий» — купцы, иноземные правители, под которыми, скорее всего, имеются в виду Подеста и Капитаны народа, легисты, нотарии, медики и ремесленники. В основу его иерархии положен не столько сословный, сколько профессиональный принцип. В этой градации выборные правители стоят наравне с баронами, а правоведы — впереди рыцарей. Дино всячески подчеркивал, что истинное благородство и достоинство «не достается по наследству, ни по древности рода», а приобретается лишь честным исполнением долга, к которому обязывает положение в обществе или профессия. Вместе с тем его картина выглядит традиционной, не выходя за рамки предписаний церкви, высказываемых устами проповедников и теологов. Этико-политическая проблематика Компаньи была направлена на утверждение ценностей, символизирующих гвельфизм: защита церкви и необходимость Крестового похода. В канцоне прокламировались идеи купеческого здравомыслия и рационального сознания[102].

---

[99] Ibid. 115—125.

[100] *Compagni D.* Amor mi sforza e mi sprona valere. 130—140; *Брагина Л.М.* Ук. соч. С. 49.

[101] Ibid. P. 145—155.

[102] Il Trecento. Cap. VIII, § 86. P. 377.

Можно ли утверждать, что указанные дискурсы, столь актуальные особенно во второй половине XIII в., отвечали на вызовы определенных социально-политических процессов, протекавших в коммунальном обществе? Если обратиться к немногим нарративным источникам, дошедшим до нас от первой половины XIII в., то может сложиться впечатление, что пополанов не существовало. Единственными действующими лицами, фигурирующими в городских хрониках и анналах до середины столетия, выступали нобили, владеющие замками и землями за пределами городских стен, укрепленными палаццо и башнями внутри их. Они управляли городом, возглавляли ополчение, составляли рыцарскую часть городского войска. Эти данные коррелируют с информацией, передаваемой немногочисленными и фрагментарными документальными источниками, в которых только с 30-х гг. начинают иногда упоминаться пополаны. Но в то же время шли процессы урбанизации многих знатных родов, обосновавшихся в городе, и выделялись фамилии новой городской знати, за которыми начинал просматриваться рост экономического могущества цехов, предопределивший стремление пополанов к повышению социально-политического статуса посредством участия в коммунальном правлении.

Думается, есть основания предположить, что рассуждения о сравнении знатности от рождения и личной доблести явились своего рода ответом на духовные и культурные запросы, рождающиеся в ходе постепенного превращения города башен в коммунальный центр с относительно широкой системой народовластия, сравнительно быстрой эскалацией в обществе пополанских фамилий и упадком семей, имеющих знатное происхождение и древние корни.

Глава III

Пример социальной самоидентификации представителей рода Кастильонкьо

§ 1. Критерии знатности городских нобилей в восприятии Лапо да Кастильонкьо и Винченцо Боргини

Умы флорентийцев на протяжении 300 с лишним лет занимал вопрос о генезисе и эволюции знатных родов, что доказывает не угасающий интерес к рассматриваемому в данном случае типу социальных отношений[1]. Представители последующих после Данте и Дино Компаньи поколений оставили подобия теоретических трактатов, в которых они пытались исследовать сами понятия «знатность» и «знать».

Письмо-трактат Лапо да Кастильонкьо (1316—1381), флорентийского политика, происходящего из знатного рода, образованного юриста и влиятельного функционера партии гвельфов, было написано предположительно в 70-е гг. XIV в. в виде наставления старшему сыну Бернардо[2]. «Эпистола» Кастильонкьо — пространное сочинение, включающее сразу несколько жанров: в первой и второй частях содержится подобие трактата о знатности, являющегося сложной компиляцией трудов Данте Алигьери, особенно трактата «Пир», и «Комментариев на Дигесты» выдающегося правоведа Бартоло да Сассоферрато, в чем автор открыто признавался: «Прославленный Доктор, Мессер Бартоло да Сассоферрато в Дигестах на Закон, который начинается *Si ut proponęs*, в рубрике о достоинстве очень упорядоченно эту материю изложил»[3].

---

[1] Помимо хроник Джованни Виллани и Рикордано Малиспини, который посвящал этому вопросу немало страниц, надо отметить «Политико-моральный трактат» Джованни Кавальканти, составленный около 60-х гг. XV в.. См.: *Giovanni Cavalcanti.* Il Trattato politico-morale // *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973; *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. Pisa, 1974.

[2] Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccelentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753 (далее: Epistola).

[3] Ibid. P. 10.

Третья часть по сути содержания и организации текста больше походила на семейную книгу, в которой приводилась история рода Да Квона и Кастильонкьо. Затем следовало повествование о вражде между гвельфами и гибеллинами, в значительной мере представляющее компиляцию «Хроники» Джованни Виллани.

В «Эпистоле» Лапо да Кастильонкьо содержится некоторый элемент терминологического анализа. Наставляя сына, Лапо заявлял о своих целях: «Информировать тебя о происхождении Нобилей или Плебеев; и сообщить о количестве Грандов и Пополанов в городе Флоренции». Законовед употреблял две пары терминов, обозначающих основные социальные слои города: в первом случае использовались латинизированные названия («нобили» и «плебеи»), чаще применяемые в официальных документах и трактатах; во втором — обиходные дефиниции итальянского языка («гранды» и «пополаны»). Относительно понятия «магнаты» Лапо отмечал, что оно является не столь употребимым, как «нобили», и распространено главным образом во Флоренции. Он также отождествлял знатность и благородство»: «Знатность, <...> каковую на нашем *volgare* мы называем "благородство" (*gentilezza*)»[4].

Ссылаясь на первую книгу «Этики» и пятую книгу «Политики» Аристотеля, а также и на высказывания Бартоло да Сассоферрато, флорентийский легист выделял три категории знатности. Во-первых, «знатность теологическая и сверхприродная», о которой Лапо да Кастильонкьо, в отличие от Данте и Чекко д' Асколи, рассуждал не слишком охотно: «Эту знатность мы оставим Теологам». Вторая — знатность натуральная или «прирожденная», данная от происхождения. Третья — знатность политическая и гражданская»[5]. Обращаясь к опыту разных городов, в частности, помимо Флоренции, Перуджи и Венеции, Лапо констатировал, что знатность или достоинство могут проистекать от статутов и обычаев города. Воля городского сообщества имеет непосредственное отношение к определению знатности: «Она может достоинство и происхождение, если решения побуждаемы общим разумом, не принимать [во внимание] как знатность <...> Городские статуты регулируют и умеряют дерзость знатных, а народ, видя их многие привилегии, подавляет иных, отстраняя нобилей от должностей, высылая лиц высокого положения из городов»[6]. Юрист, постоянно действующий в городской среде, толковал понятие о знатности в неразрывной зависимости от коллективной воли граждан и законов коммунального общества.

[4] Ibid. P. 1—2, 29.
[5] Ibid. P. 18—19, 26—27.
[6] Ibid. P. 24.

«История флорентийской знати» бенедиктинца Винченцо Боргини (1515—1580) была составлена во второй половине XVI в., предположительно, в 1576 г., воплотив исследовательские и просветительские намерения флорентийского историка, филолога, эрудита[7]. Современные авторы отмечают критический метод Боргини в стремлении освободить историю от мифологических элементов, метод, основанный на изучении документов и чтении кодексов, а также критике современных ему сочинений, конструирующих миф о Флоренции, хотя в то же время Винченцо призывал историков раскрывать в мифе истинные следы истории[8]. Боргини как историк сетовал на скудость данных: «Нет сведений, которые говорили бы ясно...кто обитал около 1000 или 1100 года», «невозможно догадаться, кто в каком статусе находился...», и несколько ниже: «...у нас найдется столь мало упоминаний о древних фамилиях, и даже о самых лучших из них <...>, как если бы древние писатели стремились погасить всякий луч, который мог бы нам осветить происходящие у нас события»[9].

Главная цель Боргини в упомянутом труде — изучение, выражаясь современным языком, социально-политической дифференциации флорентийского общества и истории отдельных знатных фамилий, поэтому в основной части его сочинение наполнено конкретно-историческим контекстом, в котором флорентийские граждане оттесняли на задний план выдающихся деятелей античной истории. Два сходных по жанру, но различных по целям и отчасти по форме и содержанию произведения Кастильонкьо и Боргини, заключавшие попытку исследования знати во Флоренции, разделены почти двумя сотнями лет. Оба автора ссылались на античных мыслителей и примеры[10], позаимствованные из древнеримской истории, а также на высказывания Данте Алигье-

[7] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. Pisa, 1974.

[8] В настоящее время заметен значительный интерес к его творчеству. В 2001—2002 гг. был составлен новый каталог его трудов и предпринято их дополненное издание. См.: *D'Alessandro A.* Vincenzio Borghini tra filologia e invenzione // Archivio Storico Italiano. 2003. Vol. 595. P. 143—144. О Боргини см. также: *Степанова Л.Г.* Боргини // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1.

[9] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. P. 73—75, 77—78.

[10] Лапо да Кастильонкьо упоминал книгу Макробия «Сон Сципиона», 6-ю книгу «Энеиды» Вергилия, «Инвективу против Марка Туллия Цицерона» Саллюстия, труды Сенеки, стихи Горация Флакка, «О государстве» Платона (*Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 2, 4, 5, 6, 7). Винченцо Боргини цитировал Лактанция и Сенеку — Note 11, P. 46; Тита Ливия — Note 29, P. 64; 87—88; Цицерона — P. 88—89, давал краткий анализ социальной дифференциации в Древнем Риме для последующего сравнения с Флоренцией — P. 66—67, 73 — в качестве примеров приводил Сципиона, Сульпиция, Брута, Луция Силлу. См.: *Borghini V.* Storia della nobiltà. Note 9, P. 45; P. 73—74, P. 104.

ри, величайшего для них авторитета[11]. Винченцо Боргини указывал на три группы противоречий на рубеже XIII—XIV вв., из которых две — гвельфы и гибеллины, белые гвельфы и черные гвельфы были «явлениями, показывающими скорее фракции, нежели кровь», тогда как третий антагонизм гранды/пополаны «показывал более кровь, нежели фракции». И далее: «Гвельфы состояли из грандов и из пополанов, равно как белые и черные, но в иных противоречиях гранды и пополаны выступали сами по себе по крови и знатности». Этот автор стремился определить важное для него понятие «знатность», используя термин *nobiltà*, отмечая, как и Кастильонкьо, что термин «nobile» позаимствован из латинского языка, как и «благородство» (*gentilezza*). Используемая терминология в применении к городскому социуму и у этих авторов отличалась широтой толкования и раплывчатостью. Винченцо Боргини указывал, что при определении понятия «знатность» во Флоренции трудностей возникает больше, чем при попытке понять различия между патрициями и плебеями в Римской республике. Тем не менее, он как историк стремился несколько искусственно обосновать правомерность постепенного изменения смысла в понятии «знатность». Более того, Винченцо подчеркивал, ссылаясь на Рикордано Малиспини, которого считал наиболее ранним автором, что в 1260 г., когда были изгнаны гвельфы, многие из этих домов обозначались пополанскими, хотя достигли высокого положения еще до создания Приората в 1282 г., составляя, таким образом, по мнению Боргини, «пополанскую знать» (*nobiltà popolare*), к которой лучше применять термин не «гранды», а «нобили» (*nobili*), более общий и обтекаемый, менее нагруженный смыслом, подразумевающим социальное разделение и противостояние[12]. Понятие «Гранды», по его мнению, использовалось, главным образом, пока речь шла о противостоянии грандов и пополанов, а по мере того, как это противоречие теряло свою актуальность в

[11] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 11—12. Лапо заявлял: «...Данте, поэт на вольгаре из Флоренции, прославленный в памяти и в рассказах, каковой об этой материи, т.е. о знатности, сочинил моральную канцону на вольгаре...» // *Данте.* Пир. Трактат IV. Канцона III. В. Боргини, также часто цитировал великого поэта. См.: *Borghini V.* Storia della nobiltà. Nota 16. P. 49—50, он приводил цитаты из Божественной Комедии и Пира Данте (Чистилище. XXXIII. 97; *Данте.* Пир. IV. 3). «Великий поэт (Данте — *И.К.*) и не в меньшей степени философ, прекрасный сочинитель канцон» // *Borghini V.* Op. cit. Nota 26. P. 65—66. Он также ссылался на Декамерон Боккаччо (VI, 6). Лапо да Кастильонкьо, кроме того, высоко ценил авторитет Ф. Петрарки. «Франческо Петрарка, сиятельный Поэт, говорил в одной эпистоле, каковая предназначалась мне, и каковое высказывание в возрасте, более нежном, чем твой, запало мне в ум...» // *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 31. Он также ссылался на *Trionfo della Castità* Франческо Петрарки. См.: Ibid. P. 9.

[12] Ibid. P. 1—2, 43—44, 65, 85.

городском обществе, более правильно стало использовать второй термин — *Gentigluomo* («благородный человек»)[13].

Итак, Лапо да Кастильонкьо и Винченцо Боргини выделяли как основные категории понятия «знатность», прежде всего, происхождение и личную доблесть, соотношение которых, как и у их предшественников, являлось для них объектом особого внимания.

Лапо да Кастильонкьо начал свое письмо с рассуждения о том, что родиться плебеем — более полезно, чем грандом: «...Начиная, скажу, что было бы более полезно родиться Плебеем, чем Нобилем, и это покажу я прежде на моральных доводах и демонстрациях, а затем уж на ясных и достоверных примерах»[14]. Далее он приводил аргументы с морально-философской точки зрения. Безнравственный образ жизни и «каждая совершенная ошибка» будут скорее прощены плебею, не имевшему «древних предков и домашних наставников», которого нельзя упрекнуть в дегенерации. Избрание добродетельного пути «тем более светло, чем из большей темноты выходят». И в этом выборе «ничем тебе не помогут ни родственники, ни деды, ни прадеды, ни советчики, ни учителя: только поступая хорошо, ты обретешь добрую репутацию <...> и будешь прославлен, назван отцом и основателем своего рода». Далее правовед разбирал случаи, когда «плебею дается возможность приобрести новую славу, самому стать нобилем и предоставить знатность потомкам, не отбирая ее у других»: «Намного лучше самому основать знатность, нежели получить ее уже основанной другими». Эту сентенцию Лапо да Кастильонкьо заключал следующим выводом: «Отсюда следует, что, если я, рожденный плебеем, обрел доблесть, став знатным <...>, то такая знатность более достойна хвалы, чем, если бы я нашел ее основанной другими, <...> получается поэтому, что лучше родиться доблестным плебеем, чем доблестным нобилем»[15].

Множество примеров античных царей и властителей низкого происхождения иллюстрировали заключение автора: «Разве не заблуждение — поддаваться беспокойству из-за низкого происхождения, каковое вовсе не лишает ни надежды на царствование, ни обладания собственными успехами? Любой корень темен и жалок, но разве, тем

[13] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. P. 45, 50—51, 53, 67—68, 70—71, 75—76, 87, 89—90. Само понятие «доблесть», ссылаясь на римских авторов, он отождествлял с активной гражданской позицией в республике и участием в управлении, и отводил ему более значительное место, нежели происхождению: «Многие, отличающиеся доблестью без всяких иных атрибутов (происхождение, род, публичные почести, богатство, давность обладания титулом, рыцарские шпоры, богоугодные дела — строительство фамильных капелл), могут быть абсолютно уверены в том, что они принадлежат к знати».

[14] Ibid. P. 4. Со ссылкой на Саллюстия.

[15] Ibid. P. 4—5.

не менее, ветви не пышны и цветущи? И кто же доискивается, от какого корня исходит продолжающий его плод, каков бы ни был корень? <...> Благородство обычаев и незапятнанность жизни ни единым пятном спасают даже от памяти о низком происхождении <...> Поэтому, сын мой, следи не за тем, чтобы быть нобилем, а за тем, чтобы тебе не скорбеть из-за своей низкой и подлой души». Для Лапо да Кастильонкьо несомненно превосходство личного благородства и доблести над знатностью происхождения. Именно текучая динамика взаимных переходов состояний знати и народа, чаще толкуемая в терминах «нобили-плебеи», представляла большой интерес для Лапо да Кастильонкьо, которого волновал вопрос о том, при каких условиях плебеи могут стать нобилями, а знатные, деградируя, утратить свой статус: «Очень большое число происходящих из грубых плебеев становились знатными и известными благодаря своим доблестям более, чем рожденные от нобилей или имеющие знатное происхождение»[16].

Для В. Боргини высокое происхождение также являлась одной из главных составляющих знатности, но не исчерпывающей ее содержания: «Следует различать, что знатность обладает двумя свойствами. Одно, которое как бы тело, — кровь, т.е. род, — которое очень долго длится в почестях и степени знатности, но знатность содержит также честь (духовную составляющую), оценку и некое оказываемое ей почтение...»[17]. Именно доблесть (*virtu*) считал Боргини «самым подобающим и главнейшим признаком знатности, ибо многие, имеющие его при отсутствии всяких иных, могут быть абсолютно уверены в том, что они принадлежат к знати»[18].

Атрибуты знатности у Кастильонкьо и Боргини дополнялись признаками, о которых в меньшей степени заявляли Данте и стильновисты. Не уделяя значительного места рассуждениям о проявлениях воли Небес, предрасполагающих людские души к восприятию «Благородства» и «Вирту», которые пронизывали «Пир» Данте и поэму Чекко д' Асколи, оба автора щедро вносили в дефиниции «знатность» коррективы, рождаемые запросами городского социума. Они вкладывали, опираясь на античные источники, в это определение важнейший для них смысл — степень участия гражданина в публичной жизни. Для Лапо да Кастильонкьо нет сомнений в том, что «возведение в достоинство Приората делает Нобилем, как не делает этого собственное происхождение...». Важнейшей частью знатности Лапо полагал «достоинство» (*degnità*), имея в виду определенный комплекс личных качеств, полу-

[16] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 6, 8.
[17] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. Nota 14. P. 48—49.
[18] Ibid. Nota 17. P. 50.

чивших общественное признание: «Достоинство и есть знатность, потому что всегда делает человека отличным от плебея»[19]. Возвращаясь от доблести древних римлян к современной ему действительности, Лапо да Кастильонкьо был убежден в актуальности этой проблемы: «Если <...> некий крестьянин становится доблестным человеком (*valente uomo*), он таким образом приобретает знатность, не делаясь при этом нобилем, потому что его крестьянскую грубость невозможно полностью очистить, но его сыновья и внуки становятся нобилями, поскольку каждодневно мы видим крестьян, которые достигают какой-либо степени гражданства, также как сын и внук, родившиеся от плебея, ставшего доблестным человеком». Реалии флорентийского общества, в котором действовали «Установления справедливости», влияющие на колебания статусности, занимали сознание юриста Лапо: «...В городах, которые управляются народом, те, кто зовутся нобилями, менее признаны, как это показывают налагаемые на них наказания, из которых ясно, что нобиль карается сильнее, чем незнатный. Это проявляется также и в допуске ко многим должностям, из которого нобили исключены. И поэтому ясно, что они не могут называться нобилями по той причине, что они признаны не более народа, а даже менее. И согласно этому <...> дефиниция знатности не относится к ним»[20]. Лапо, как и затем Боргини, отмечал неопределенность и ненадежность статуса нобилей в итальянских городах, проявляя при этом коммунальную, а не сословную идентичность: «...Нобили <...> из наделения должностями некоторыми способами устраняются: и дело обстоит так, что для них это представляется злом, но, тем не менее, это ведет ко благу и устраивает городское сообщество, потому что народ, видя их многие привилегии, к которым они предназначены, подавляет иных, отстраняя их от должностей согласно порядку правосудия. И это мы видим относительно частных персон, которые по причине своего высокого положения удаляются из городов...». Эта подвижность статусов в городском обществе вынуждает автора констатировать неопределенность самой дефиниции: «...Города по своим законам устанавливают, что никто не является нобилями просто, т.е. изначально <...>, и теперь само поня-

[19] «"Достоинство" подразумевало добрую молву о человеке; а также обозначало должность (сан), которая имеет приложение к достоинству и соединяется с ним, как, например, должность Епископа, Священника, Кавалера, Доктора или Канцлера; иной раз "достоинство" используется для обозначения некоторых качеств, по которым данная персона может отличаться от плебеев; прежде всего, "благородство сравнительно с вульгарностью". Есть также именное «достоинство», и оно разделяется на многие степени, и видится в званиях "многоуважаемый" (*illustre*), "почтенный" (*spettabile*), "светлейший" (*clarissimo*)...» // *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 10—11.

[20] Ibid. P. 15, 26.

тие «знатность» становится бесформенным...». Но городские статуты точно также наделяют пополана высоким статусом: «Знатность состоит в признании за кем-то обладания (*tribuire*) достоинством; поэтому тот пополан, который имеет должность по достоинству или по знатности, обладает юрисдикцией, и тогда этого без сомнения достаточно, чтобы можно было утверждать его знатным <...>, как то законами подтверждается»[21].

Такому же плану следовали рассуждения В. Боргини. Замечая, снова со ссылкой на авторитет Данте, что определение *cittadinanza* (гражданство) являлось общим для всех, Боргини еще раз подтверждал собственный вывод: состояние знатности во Флоренции определялось не столько происхождением, сколько доступом к общественному управлению и политическим влиянием в коммуне: «Действия *virtu* как составляющей части *nobiltà* проявляются в республике и общественных делах, в управлении ради общего блага; и от нее рождается, ею поддерживается и прирастает знатность...»[22]. Участие в публичных делах эрудит XVI в. считал одновременно и предпосылкой и основным атрибутом знатности: «Главный исток знатности <...> есть публичные почести, относящиеся к правлению и общественной деятельности в магистратах, посольствах, коллегиях». По его мнению, именно так добились знатности фамилии Фрескобальди, Барди, Буондельмонти. Он относил к категории знатных фамилии явно пополанского происхождения: Черретани, Антинори, Магалотти, Медичи, их знатность не вызывала у него никакого сомнения, потому что «природа правления создает постепенно знать <...> знатность есть величие рода, но самым лучшим способом она выражается в общественном управлении». Он утверждал, что и сервы могут добиться знатности только через участие в общественных делах и публичных почестях[23].

При попытке сравнивать два произведения, можно отметить некоторое структурное сходство: в первой части того и другого текста содержатся общетеоретические рассуждения о знатности и рыцарском достоинстве, далее следуют своеобразные исследования конкретного материала. Авторы отражали в своем изложении разные культурные эпохи, хотя в равной степени признавали высочайшими авторитетами античных мыслителей и великого Данте, но Лапо да Кастильонкьо в большей мере обращался к текстам Св. Писания и выдающихся тео-

[21] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P 26 —28.

[22] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. Nota 8. P, 45, 49. Он приводил известные строфы: «И кровь, чей цвет от примеси Феггине, / И Кампи, и Чертальдо помутнел, / Была чиста в любом простолюдине».

[23] Ibid. Nota 16. P. 49; Nota 29. P. 64. Рассуждения касались различий между магистратами в разных городах: например, в отличие от Рима, во Флоренции наиболее важным магистратом, по мнению Боргини, являлась партия гвельфов.

логов[24]. Труд Винченцо Боргини почти не содержал ссылок на Писание и церковные авторитеты, но, помимо Данте, в нем также упоминались такие светские писатели, как Джованни Боккаччо и Франко Саккетти[25]. Лапо да Кастильонкьо, будучи ученым юристом, черпал доводы, помимо «Дигест» Юстиниана и комментариев Бартоло да Сассоферрато, в сборниках городских законодательств[26], которые он сравнивал, приводя правовые казусы и процедуры, в то время как Боргини выступал преимущественно как историк, прибегая к соответствующим источникам, главным образом, к хронике Джованни Виллани и тем историческим нарративам, которые считал наиболее ранними. Он ссылался на хронику Рикордано Малиспини, книгу *Priorista* и «Список поручителей», составленный по инициативе кардинала Латино в 1280 г.[27]. Его труд не отмечен схоластическими рассуждениями, на которых строились первая и вторая часть «Эпистолы» Лапо да Кастильонкьо. Оба произведения различались по содержанию. Если Лапо обращался к противоречию между грандами и пополанами, которое он на античный манер определял как противостояние нобилей и плебеев, то для Боргини оно явно отодвигалось на второй план. В его книге в большей степени видна уже устоявшаяся четкость представлений о знатности. Волнующие Лапо да Кастильонкьо бесконечные колебания между знатностью и плебейством, статусами грандов и пополанов, в значительной мере уже утратили актуальность для Винченцо Боргини. В его сознании полностью определилась значимость временного рубежа в конце XIII в., когда возник Приорат и были приняты «Установления справедливости». Именно тогда изменился смысл понятия «гранды», приобретая негативный оттенок. Этот термин стал подразумевать не только знатность, древность рода, высокое положение в городе, но также силу, попирающую коммунальные законы, и стремление безгранично властвовать над другими, что эрудит иллюстрировал ссылками на «Хронику» Джованни Виллани, на примеры социальных трансформаций, когда гранды становились пополанами по решению коммунальных структур[28].

---

[24] *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 9. Здесь он ссылается на Псалмы Давида, Евангелия от Матфея, Луки, Марка. (P. 11). Кастильонкьо обращался к истории Адама, Каина и Авеля (Книга бытия. IV). (P. 14); Экклезиаста; Иова (P. 16—18); Послания апостола Павла к Коринфянам (P. 17, 22); Левита (P. 19); Он ссылался на авторитет Фомы Аквинского и Бонавентуры (P. 13, 18); на высказывания Кардинала Остии и папы Иннокентия III (P. 19—20, 28).

[25] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. О Боккаччо (Note 12. P. 48; 27. P. 60, 65—66); ссылался на письма и новеллы «Декамерона» IX, 10; VII, 9; VIII, 9, на Саккетти (Nota 25. P. 58).

[26] *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 21—29.

[27] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. Note 27. P. 59—60; P. 67, 89.

[28] Ibid. P. 90.

Неопределенность используемых для обозначения «знатности» дефиниций указывала на влияние города, жизнь в котором формировала новые ценности сознания, связанные с высокой степенью социальной мобильности городской среды. Внутри стен Флоренции со времени образования коммуны шел постоянный процесс социальной «переплавки» основных слоев населения. Трудно отрицать противоречия между знатью и народом, т.е. грандами и пополанами, в которых убеждает городское законодательство, но умы флорентийцев, безусловно, тревожила граница между сословиями. Ее неопределенность, как следствие социально-культурного синтеза, отражалась в рефлексиях обыденного сознания, в культурно-идеологических стереотипах и представлениях, складывающихся в городском социуме. Можно полагать, что со второй половины XIII в. создались предпосылки для изменения критериев, выражающих основное разделение общества — на грандов и пополанов[29]. Вряд ли в данном случае можно указать более определенный временной рубеж, поскольку речь идет о процессе длительной протяженности, протекающим, подобно движению маятника, в колебательном ритме.

Само понятие «знатность» со второй половины XIII в. стало наполняться иным содержанием: наряду с критериями, преимущественно характеризующими сословие грандов — рыцарское звание, выполнение воинских обязанностей, древнее происхождение от знатных предков, владение землями и замками, наличие многочисленной свиты-консортерии, состоящей из родичей и вассалов, вырабатывались новые: длительность срока обитания в городе, частота пребывания на государственных постах и политическая активность членов рода, влиятельность в коммунальном обществе. Эти проблемы, как показано выше, в достаточной мере занимали умы флорентийского общества, начиная с конца XIII в.

Рефлексии разных авторов свидетельствуют, что флорентийская знать не представляла узкого замкнутого сословия, но включала довольно широкий круг фамилий, подверженный социальной динамике, а также влиянию экономических процессов и политических перемен.

[29] Николай Оттокар полагал, что это произошло уже в конце XIII в., когда понятие «магнат» включало лишь потестарное могущество и наличие автономной военной силы, учитывая уже свершившийся к этому времени упадок многих древних феодальных кланов знати. См.: *Ottokar N.* Il Comune di Firenze. Torino, 1962. P. 146.

§ 2. Лапо да Кастильонкьо об истоках своего рода

О происхождении своей фамилии Лапо писал в части «Эпистолы», посвященной истокам рода Да Квона, к которому относилась ветвь Кастильонкьо. В третьей части «Эпистолы» автор подчеркнул принадлежность к этой фамилии, объясняя свои намерения таким образом: «... Проинформировать тебя о персонах наших предков, и о грандах, от которых мы произошли, начиная с Мессера Руджери Старшего да Квона, и о многом, о чем <...> не нашлось ни упоминаний, ни записей, потому что не было в обычае в те времена делать пространные и непрерывные воспоминания; и потому имеется много граждан, которые не могут дать своим сыновьям сведения о прошлом их прародителей. И если я, отец, тебе, сыну, до моей смерти не предоставлю этих найденных мной сведений, то ты и не будешь этого знать. Не должно удивляться тому, что ослабевает память о мелких событиях, поскольку она исчезает и о великих <...> согласно тому, о чем писал известнейший флорентийский поэт Франческо Петрарка в своей книге "О средствах против той и другой фортуны", т.е. процветаний и бедствий»[30].

Энрико Фаини упоминал Да Квона среди 34 флорентийских домов, имя которых хотя бы один раз возникало в документах до 1211 г. Имя Да Квона встречается в постановлении 1073 г., где речь шла о некоем Гвидо, затем в нотариальном свидетельстве 1213 г.: в этом году Оттавиано ди Оттавиано да Квона признал, что получил заем от Раньери ди Ренуччо Донусдеи на сумму в 50 лир. Фаини указывал: среди наиболее древних случаев господства над территорией, отягченной долгами, отмечалось, что граф Гвидо IV деи Гвиди в августе 1099 г. оказался должником как по отношению к Бадии Розано, так и по отношению к сыновьям Тортоведи да Квона, вассальными связями объединенными с графами Гвиди[31].

Заявив о необходимости увековечивания памяти рода, Лапо да Кастильонкьо не оставляет сомнений в древности и знатности своей фамилии. Достоверность сведений о фамилии Да Квона, разделившейся в начале XIII в. на две враждующие ветви Кастильонкьо и Волоньяно, подтверждается не только «древними документами, хранящимися в сундуках» автора, но также данными хронистов и современными ис-

[30] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 52.

[31] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). Firenze, 2010. P. 138, 152, 159, 204; *Cortese M.E.* Nella sfera dei Guidi: I 'da Quona' ed altri gruppi familiari aristocratici della bassa Val di Sieve tra XI e XII // *Sznura F.* Antica posessione con belli costumi. Due giornate di studio su Lapo da Castiglionchio il Vecchio (Firenze—Pontassieve, 2—4 ottobre 2003). Con la nuova edizione dell'Epistola al figlio Bernardo. Firenze, 2005.

следованиями[32]. У Рикордано Малиспини содержится определенная информация о разделении рода Да Квона: «Из сестьеры Сан Пьетро Скераджо происходили нобили, которые являлись гвельфами <...> Да Квона, консортами тех, что из Волоньяно». Чуть позже среди гибеллинов этой сестьеры хронист называл «тех из Волоньяно»[33]. Очевидно, что в этом случае имелись в виду разные ветви одной фамилии, которые уже в первой половине XIII в. приобрели противоположную партийную ориентацию. Чуть позже Р. Малиспини уточнял ранее сказанное: «Да Квона являлись знатнейшими людьми из контадо. Волоньяно и Кастильонкьо происходили от одного старинного корня и герба»[34]. Из-за трех названий членов одной фамилии постоянно происходила некоторая путаница в исторических нарративах хроник. Например, Джованни Виллани упоминал о Да Квона — внутри городских стен — как о грандах.

Под рубрикой «О благородных семействах и домах, примкнувших к гвельфам и гибеллинам во Флоренции», он указывал: «Да Квона [из картьеры Сан Пьеро Скераджо] — родственники тех, которые в Волоньяно являлись гибеллинским родом», отмечая затем, что они переметнулись к гвельфам, а после поражения при Монтаперти (1260) ушли из Флоренции. Под «Да Квона из Сан Скераджо» явно имелись в виду Кастильонкьо, которые к середине XIII в. уже выделились в отдельную ветвь рода. Повествуя о событиях сентября 1343 г., Джованни Виллани еще раз упомянул представителей рода Да Квона среди «знатных семейств из города и контадо, внесенных в число пополанов», но также включил эту фамилию в ряд имен нобилей контадо, после перечисления которых отмечалось: «И многие другие выродившиеся семейства контадо, которые уже сами пахали свои земли»[35].

---

[32] Об этой фамилии имеются сведения в хрониках: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 8. С. 83—84; V. 39. С. 131; XII. 23. С. 426; *Malispini R., Malispini G.* Storia fiorentina / A cura di F. Costèro. Milano, 1880. Cap. C. 99; Cap. CII. P. 104. См. специальные исследования: *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 138, 152, 159, 204; *Cortese M.E.* Castelli e città: incastellamento nelle aree preiurbane nella Toscana (sec. X—XII) // Castelli. Storia e archeologia del potere nella Toscana medievale / A cura di R. Francovich e M. Ginatempo. Firenze, 2000. Vol. I. P. 205—237; *Cortese M.E.* Una potenza in ascesa. Formazione, geografia e struttura dei domini guidinghi in territorio fiorentino (secoli X—XII) // La lunga storia di una stirpe comitale. I conti Guidi tra Romagna e Toscana. Atti del convegno di studi organizzato dai Comuni di Modigliana e Poppi / A cura di G. Cherubini, G. Pinto, P. Pirillo (Modigliana—Poppi, 28—31 agosto 2003). Firenze, 2009. P. 246—266.

[33] *Malispini R.* Cronica. Cap. C. 99. Джованни Виллани не давал каких-либо определенных сведений о разделении фамилии Да Квона, упоминая о живущих в Ольтрарно гибеллинах Да Квона, родственниках тех, что в Волоньяно. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С. 131.

[34] *Malispini R.* Cronica. Cap. CII. P.104.

[35] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P 48.

Лапо да Кастильонкьо, древность рода которого представлялась бесспорной и подтверждалась документами и данными хронистов, никогда не упускал случая привести дополнительные аргументы давности фамильных истоков. С этой целью в «Эпистоле» приводится вставка, содержащая рассказ автора о пире у Андреа ди Филиппо де Барди[36], якобы, собравшего «городскую знать Флоренции» в своем замке де Мориано. Автор, который по его утверждению присутствовал на этом пиру, явно старался доказать, что Андреа де Барди из пополанского рода заслуживал всяческого доверия: «На самом деле указанный Андреа был в то время грандом и влиятельнейшим человеком в государстве, всегда очень почитаемым <...>, и сам он очень уважал нашу фамилию и поддерживал тесную дружбу со мной и с моими братьями, от каковой возникло потом родство, заключенное нами с этой фамилией»[37]. В уста Андреа де Барди автор вложил речь о своем роде: «...Не видел я еще ни одной фамилии со столь древними признаками знатности, какие я усматриваю в фамилиях Волоньяно — грандов и Гибеллинов, и Кастильонкьо — пополанов и Гвельфов, разделившихся уже очень долгое время тому назад, хотя издавна были они одной фамилией, происходящей от одной крови, как это случилось также с Буондельмонти и Сколари». В речи постоянно сопоставлялось прошлое и настоящее фамилии Кастильонкьо. Представитель рода Барди заявлял, что Кастильонкью «еще сохраняли» свое влияние в окрестностях давно разрушенного замка да Квона: «Бывая там много раз, я нашел, что не имеют они там сегодня владений, хотя <...> были они очень любимы древними обитателями той страны; и продолжается еще там их влияние, и они имеют в этой земле много вассалов и зависимых». И чуть позже этот прием снова повторялся: «Да Квона воистину нобили и могущественные люди, и род их древний, <...> а переехав затем в город, они стали грандами, <...> имеющими репутации древних и благородных мужей еще и теперь»[38]. Частью рода да Квона, утвердившейся в городе, как раз и являлись Кастильонкьо, в отличие от Волоньяно, постоянно обитавших в своих замках. Эта речь уважаемого гражданина, реальная или вымышленная, еще раз подтверждала древность рода Кастильонкьо как владетельных синьоров, являясь дополнительным доказательством знатности фамилии Кастильонкьо.

---

[36] Невозможно было проверить, достоверно ли повествование об этом пире.

[37] *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 52. Далее следовали сведения о браке «нашей сестры по имени Тесса» с одним из Барди, «от какового она имела многих детей», «одной нашей племянницы Филиппы с Гвальтеротто, прозванном Тотто ди Филиппо де Барди, братом указанного Андреа», от «какового имеет двух сыновей и двух дочерей».

[38] *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 51.

Между ветвями рода Да Квона не было единства и согласия из-за передела земельных владений. Возможно, камнем преткновения стала полуразрушенная башня у моста Понт-Ассиеве. Каждая ветвь стремилась доказать, что именно сохранившаяся часть издавна придлежала им, а развалины — другой части рода. Принявшие сторону гибеллинов Волоньяно утверждали, что являющуюся собственностью Кастильонкьо часть укрепления разрушили, когда изгоняли их как гвельфов (1260), тогда как представители противоположной стороны заявляли, что ее разрушили, изгоняя Волоньяно как гибеллинов (1267). Следуя сведениям переписки членов семьи Кастильонкьо и данным хронистов, можно утверждать, что в 1204 г.[39], когда род Да Квона окончательно распался, представители одной из его ветвей решили произвести обмен. Замок Кастильонкьо, до этого принадлежащий клану Рикасоли, передавался сыновьям и братьям Трибальдо да Квона вместе с гражданской, криминальной и смешанной юрисдикцией, господством над людьми и персонами, зависимыми, вышеуказанными вассалами и «над всем им принадлежащим — <...> жилищами, землями, виноградниками, домами, имуществом движимым и недвижимым, каковое они имеют или держат <...> от нас; со всеми службами, рентами, долгами и податями». Все это имущество было оценено в 40000 пизанских лир, и на эту сумму сыновьями Трибальдо да Квона передавались членам рода Рикасоли, с которыми они вершили обмен, владения Фаилла и Фаэлла[40].

К имущественным тяжбам добавились партийные разногласия[41]. В 1267 г. коммуна поднялась против Волоньяно из-за их нра-

[39] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 49—50. Сам автор, проявляя юридический подход, утверждал, что «дело давнее и невозможно выявить истину», кроме того, что «указанная башня <...> была разрушена по приказу Коммуны Флоренции». Относительно даты 1204 г. он заявлял: «Эта дата 1204 год, в третью нону Октября восьмого дня» — стояла на «древней карте», содержащей текст договора и «хранящейся в моем кассоне для древних карт». Автор перевел текст этого договора на *volgare* и «для постоянной памяти» скопировал его в «Эпистоле», «на случай, если потеряется старая карта». Здесь же указывались имена крестьян, описания их подере и имущества, состав натуральных рент, которыми они были обязаны новым синьорам. В договоре шла речь о тех, кто работал на земле: «колоны» (*coloni*) или «верные» (*fedeli*). См.: Ibid. P. 35.

[40] Ibid. P. 35—40.

[41] Ibid. P. 102—103. После 1260 г. между гибеллинами Волоньяно и гвельфами Кастильонкьо разгорелась настоящая война: военный отряд Волоньяно с имперскими вымпелами пошел на захват замка Кастильонкьо, где укрылись их родственники со своими сторонниками. Кастильонкьо пришлось ночью уйти со всеми их семьями, женщинами, детьми и слугами из замка, и они пошли сначала в женский монастырь Розано, где оставили маленьких детей и старых слуг, и отправились в Романью, в замок Портико, «где имели кое-какое родство».

вов, заключив договор с Кастильонкьо, и с большим войском подступила к Кастелло да Квона. Тогда один из Волоньяно сдал ворота замка осаждавшим гвельфам, крича: «Да здравствует Коммуна Флоренция!». Волоньяно «затем разошлись с Богом по другим своим владениям», «а люди из Кастильонкьо там остались и всегда пользовались расположением у Коммуны, сохранив все владения <...>»[42]. Субъективные оценки внутриродовой вражды четко прослеживаются в характеристиках Лапо, нацеленных на дегуманизацию кровных врагов: «Волоньяно были очень зловредными и яростными. Из-за своего могущества и злобности они начали творить дела насильственные, тиранические, темные и непристойные по всей земле; и много раз подавлялись в походах, предпринимаемых Коммуной Флоренцией, каковая тогда не была столь могущественной, как теперь». Кастильонкьо являлись людьми «более мягкими и скромными, и не замеченными в вышеназванных делах; и они также были очень недовольны своими родичами, и из-за чего между ними возникало множество тяжб, стычек, кровавых столкновений, тяжелой ненависти и обид».

Фамилии да Квона подчинялись, по сведениям автора, 2000 зависимых и вассалов, на которых они распространяли права синьориальной юрисдикции, поскольку имели в числе феодальных владений «много крепостей и сел, среди которых находились три хорошо укрепленных замка». Они обладали определенными правами над несколькими приходскими церквями[43]. В частности, Да Квона являлись патронами «красивого и богатого аббатства» — Санто Бартоломео ди Риполе, относящегося к ордену Валломброзы, в двух милях от Флоренции — и «этот патронат длится вплоть до сегодняшнего дня»[44]. Из-за патроната над церковью Кастелло ди Волоньяно произошел разрыв между Кастильонкьо и Волоньяно. Впрочем, Лапо, ссылаясь на длительность времени и отсутствие «тех, кто помнил бы», не смог что-либо определенное сообщить о причинах ссоры, кроме того, что «из-за этого патроната родились великие скандалы, распри и тяжбы между указанной ветвью Волоньяно и нашей ветвью». Они завер-

[42] «И это ведется с такого времени, от коего не сохранилось никакой памяти, кроме непрерывной молвы, передающейся из одного времени в другое» // *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 34. 128—129.

[43] Ibid. P. 32—33, 51.

[44] Ibid. P. 32—33. Кроме этого, он называл также «патронат над Пьеве а Ремоло в Вальдисиеве, каковой сегодня утрачен», Пьеве ди Риньяно в Верхнем Вальдарно — «до сегодняшнего дня», церквями Сан Сальвестро в Марчано, в (приходе) Риньяно; церковью Сан Стефано в том же приходе; церквями Сан Бартоло в Мориано и Сан Лоренцо, Сан Проньяно в приходе Мирансу; церковью дель Кастелло.

шились судебным компромиссом. С полной определенностью Лапо позиционировал себя и своих предков как «синьоров да Квона», занимающих высокое положение и имеющих репутацию могущественных и самых знатных людей той земли: «У них было много персон и много кавалеров, их почитали и боялись по всей земле, вокруг этого замка и внутри обитали многие их вассалы и зависимые, над которыми они имели юрисдикцию гражданскую и уголовную, чистую и смешанную власть...»[45]. Среди других видов родовой недвижимости Лапо да Кастильонкьо перечислял два земельных владения в Верхнем Вальдарно — Фаиллу и Фаэллу — «с вассалами, зависимыми и юрисдикцией», кроме того, его предки «держали от Коммуны замок ди Волоньяно с крупными владениями, зависимыми, вассалами и юрисдикцией». Таким образом, Кастильонкьо показывает феодальные истоки своего рода, заключающиеся во владении замками, крепостными сооружениями и патронатами над многими церковными структурами и бенефициями.

Членам фамилии Кастильонкьо была свойственна идентичность феодальных синьоров, владеющих замком и землями, пользующихся церковными бенефициями, а также правами юрисдикции и господства над зависимыми и вассалами. Синьориальные права в сельской местности сохранялись, как и у многих родов, довольно длительное время после их переселения внутрь стен Флоренции.

§ 3. Опыт переживания трансформации социального статуса в семье Кастильонкьо

Анализ динамики социальных структур флорентийского общества вряд ли можно было бы считать полным без обращения к индивидуальным поведенческим практикам, комплексам ментальных установок и попыткам самоидентификации флорентийских граждан XIV–первой половины XV в. Опыт нобиля Лапо да Кастильонкьо уместен в двойном смысле: с одной стороны, как личное переживание своего

[45] «Людям из ветви Кастильонкьо не дозволялось входить в церковь Волоньяно, но в компенсацию настоятель этой Церкви каждый год в середине августа, ко дню Св. Марии, должен был посылать белого барана, живого и жирного, людям из Кастильонкьо в виде чинша (cento), что и сохраняется по сей день» // *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 32. И при выборах нового настоятеля люди из Волоньяно называли кандидатуры нескольких священников, из которых представители Кастильонкьо выбирали одного, «и так по сей день соблюдается».

места в социальной стратификации, а с другой, — как «маркер» процесса урбанизации феодального рода внутри городских стен. Кроме того, в данном случае возникает редкая возможность услышать именно нобиля, уже прочно вросшего корнями в городскую среду, но в то же время не оторвавшегося от истоков древнего и знатного феодального рода.

Его сын Бернардо испытывал гордость тем, что его предки и в городе не унизились до торгово-ремесленной деятельности: «Указанные наши предки явились обитать во Флоренцию уже в очень отдаленные времена, как было сказано, но не опустились до занятий ремеслом и торговлей, более пользуясь от своих охотничьих и птицеловных угодий в контадо, и придерживаясь собственных обычаев и высокого положения в городе вплоть до дней наших дедов». Возможно, Бернардо касался здесь того этапа, когда знатные переселенцы обитали между городом и сельской округой. Он успокаивал себя тем, что «мы не впали в такую бедность, которая бы не позволяла вести почтенный образ жизни, потому что у нас остался замок Кастильонкьо с древними владениями, его окружающими, патронаты над церквями, которые сдаются в аренду, и холм с указанной крепостью да Квона, который издревле сдан нам в аренду Коммуной Флоренцией»[46]. Таким образом, образ жизни феодальной знати имел ценность в глазах отца и сына да Кастильонкьо, и они ставили в заслугу своим предкам, что те сохраняли его внутри городских стен.

Но все же они были вынуждены признать неэффективность такого способа адаптации в городе: «Среди граждан в те времена они (предки Кастильонкьо) не получили столь значительной репутации <...>; и не обретя великой славы, не особо и заботились снискать ее в городе, пребывая со всем величием в контадо»[47]. В городе да Квона опирались на укрепленные башни. Рикордано Малиспини сообщал о том, что башня да Квона в Сан Ромео высотой в 120 локтей была укорочена до 50 локтей после 1250 г.[48] Видимо, главной причиной окончательной иммиграции части фамилии во Флоренцию стало уничтожение коммуной основного родового замка-резиденции, который был разрушен среди первых замков в контадо[49]. Все эти сведения, действительно, доказывают длительные перемещения между городом и контадо, свойственные кочующей знати.

Лапо да Кастильонкьо позиционировал себя гражданином коммуны, полноправным членом городского социума. В его саморепрезентации

[46] Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. P. 147.
[47] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 58.
[48] *Malispini R.* Cronica. Cap. CXXXVII. C. 132—133.
[49] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). Firenze, 2010. P. 138, 152, 159

можно выделить основные признаки урбанизации рода, во-первых, тенденцию к доказательству давнего срока обитания в городе представителей Да Квона, принявших затем фамилию Кастильонкьо, что занимало Лапо не менее, чем констатация древнего происхождения рода в контадо. Во-вторых, важнейшим атрибутом городской идентичности явилось утверждение рода в городском пространстве, о чем пойдет речь далее: концентрация фамилии в определенной части площади внутри городских стен, где обычно возводились башня и укрепленные палаццо.

Следующей составной частью коммунальной идентичности выступали брачные стратегии, нацеленные на повышение социального статуса посредством родства с более именитыми и влиятельными семьями города. Лапо да Кастильонкьо, воссоздавая фамильное древо, подчеркивал наличие родственных союзов с представителями знатных и древних родов: один из предков — Сколайо — женился на женщине из семейства Галли в ознаменование мира, которым завершилась вендетта. Кастильонкьо роднились с кланами Саккетти, Дельи Аббати, Пацци да Вальдарно, Форабоски, Росси, Тифи, Соммайя, Фрескобальди, Черки, Кавальканти — фамилиями старой и новой знати. Став городскими нобилями, члены этой семьи не пренебрегали и родством с членами авторитетных пополанских домов: Чурианни, Ковони, Бонагвизи, Дьетифечи. Сам Лапо да Кастильонкьо женился на дочери Бернардо ди Бенинказа Фольки, видного пополана из картьеры Сан Джованни, гвельфа и мудрого человека старинного происхождения, который участвовал в управлении городом, занимая все старшие должности, равно как братья его и консорты. Ради этого брака ему пришлось отказаться от церковного сана в приходе Мирансу, к которому он стремился после окончания университета и получения степени доктора. Он мотивировал этот шаг желанием «услужить нашей фамилии, которой недоставало влиятельных персон». Союз с Фольки открывал возможность породниться с Аверардо де Медичи, «наиболее добропорядочным человеком из дома Медичи в свое время, в честь какового получил имя Аверардо мой младший сын и твой брат». Сестер Лапо выдали замуж за членов пополанских домов Берлингьери и Бернотти, «один из которых был в то время богатым и уважаемым купцом в Борго Санто Апостоло и происходил из древней фамилии». И лишь одна из сестер вышла замуж за нобиля Дзаноби ди Мессер Якопо дельи Амиери, «знатного, красивого, умного и богатого *donzello*»[50]. Так подтверждаются данные хронистов о

[50] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 55—58. В частности, к новой знати принадлежали Кавальканти: «Альберто ди Лапо, мой брат, взял в жены дочь Бернардо ди Мессер Филиппо Кавальканти».

том, что члены древних и знатных фамилий грандов искали родственных союзов с богатыми и влиятельными пополанами, чтобы упрочить свое положение в коммунальном обществе.

Лапо да Кастильонкьо демонстрировал принадлежность своей ветви фамилии к гвельфской партии как признак коммунальной идентичности. В середине XIII в. представители двух ветвей разделившегося рода приняли активное участие в борьбе гвельфов и гибеллинов, оставив много следов в анналах и хрониках. Рикордано Малиспини и Симоне делла Тоза упоминали Филиппо да Квона среди вождей гибеллинов, закрывшихся в замке Санто Эллеро (1267 г.), допустив красноречивую оговорку: «Филиппо да Квона или да Волоньяно»[51]. В рассказах о сражениях между вернувшимися во Флоренцию в 1267 г. гвельфами и гибеллинами история партийного противостояния переплеталась с истоками внутриклановой вражды, суживаясь до персонального противостояния Сколайо да Кастильонкьо и мессера Филиппо да Волоньяно, «захваченного в указанном замке людьми Коммуны Флоренции и связанного». Лапо да Кастильонкьо приводил, скорее всего, воображаемый диалог: «Тогда этот мессер Филиппо да Волоньяно, бывший дерзким, агрессивным и надменным рыцарем, увидев Сколайо да Квона, сказал: "О, Сколайо, имеешь сегодня ты и твои консорты все, что захочешь". А Сколайо ответил: "Хотя вы имели все, что могли пожелать, всегда вы выступали против Коммуны Флоренции и много раз были за это наказаны, но не останавливались, а теперь вы и ваша фамилия будет препровождена умирать в тюрьму Коммуны Флоренции". Филиппо да Квона Волоньяно на это ответил: "Ты прав, ибо моя партия проиграла, но если ты и победил, ты все равно не будешь говорить так"»[52]. В тему внутриродовой вражды путем включения воображаемого диалога вплетался мотив осознания полного единства гвельфской фамилии Кастильонкьо с коммуной и городом Флоренцией.

Важнейшим атрибутом урбанизации знатных родов, обитавших во Флоренции, можно считать приобщение к новым профессиям, затребованным в городской среде, и как следствие, кардинальное изменение образа жизни. Основной причиной смены занятий представителей но-

[51] *Malispini R.* Cronica. Cap. CXCIV. P. 179; *Simone della Tosa.* Annali. P. 140. Сам Лапо да Кастильонкьо также писал об этом в «Эпистоле». «Те из дома Уберти, Фифанти, Сколари, Волоньяно и из многих других домов Гибеллинов-изгнанников из Флоренции и их последователей» // *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 129.

[52] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 129—130. Он отсылал сына к более ранним записям, сохраняющим память об этом эпизоде: «...Ты найдешь об этом упоминание (памятную запись), сделанное моим дедом Альбертуччо в одной из его книжечек, которую ты отыщешь в моем кассоне среди карт и старых книг, каковой стоит в моей комнате в Башне Кастильонкьо».

бильских семей являлась экономическая необходимость, ибо доходов от птицеловных угодий и истощившихся рент, поступаемых с земельных владений, явно не хватало не только для поддержания статуса знатного и влиятельного дома, но, видимо, и для обеспечения повседневного потребления[53]. Окончив факультет канонического права в Болонском университете и получив степень доктора, Лапо да Кастильонкьо с 1357 г. вплоть до своего изгнания в 1378 г. совмещал занятия юриспруденцией с преподаванием курса канонического права во Флорентийском *Studio*[54]. Его сын Бернардо воздавал должное высокой степени образованности и профессиональной компетенции своего отца во втором письме, являющимся ответом на послание Лапо: «Вы, опираясь на изначально небольшие познания, стали добрым грамматиком, наилучшим ритором, великим оратором, умеющим прекрасно говорить <...>, стали тонким логиком, и за 4 года достигли высшей степени доктората»[55]. Помимо того, что Лапо являлся законоведом, принимая активное участие в разработке коммунальных статутов, он обзавелся частной адвокатской практикой: «К этому добавляется еще постоянная и многотрудная забота о хлопотах ваших клиентов, которые доверяют вам защиту в тяжбах; в каковом занятии уже долгое время вы занимаете в нашем городе первое место, и стали столь знамениты, как никто другой в этом благородном городе. <...> Каковая должность Гражданским правом (*Leggi civili*) очень одобряется: ведь все адвокаты — кавалеры»[56]. В среде тосканской знати издавна было принято, чтобы кто-либо из сыновей становился правоведом для ведения местных судебных ассамблей (*placiti*), но, как известно, они не занимались частной адвокатской практикой ради заработка, который, судя по всему, предоставлял семье Лапо да Кастильонкьо основной и постоянный источник дохода. Отзывы современников позволяют предположить, что высокие оценки профессиональной деятельности отца не были продиктованы только сыновним почтением. О ней лестно отзывался в своих мемуарах Джованни Морелли: «Бернардо [дядя Джованни Морелли] был доволен [соседством с Кастильонкьо] и расположен к мессеру Лапо, всегда прося потом у него советов»[57].

---

[53] *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. P. 127. Л. Де Анджелис писала о том, что дом, который Лапо купил в 1378 г., поскольку разрослась его семья, за солидную сумму в 600 золотых флоринов, был приобретен по сути в долг. Двое его друзей и родственников поручились за Лапо; один внес 400 флоринов, а другой — 200. Это стало причиной полной потери дома для его сыновей, вернувшихся из изгнания.

[54] Ibid. P. 123.

[55] Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. P. 140.

[56] Risposta di messer Bernardo canonico fiorentino. P. 133; Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. P. 140—141.

[57] *Morelli G.* Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956. P. 133—134.

Сын высоко ценил заслуги отца в той сфере деятельности, которая приносила не столько постоянный доход, сколько почет. Речь идет о преподавании канонического права во Флорентийском университете: «Вы состоите на жаловании у Коммуны Флоренции много лет, а иной раз без всякого жалования в этом городе указанную науку Священных Декретов читаете 20 лет и более, за каковое время согласно Законам Имперским и Гражданским (*Civili*), вы стали Графом со всеми надлежащими привилегиями»[58]. Находясь в изгнании, Лапо несколько лет преподавал и держал кафедру канонического права в Падуанском университете, что, видимо, являлось тогда для него и его семьи основным источником существования[59].

Доказательством приоритетов профессиональной деятельности Лапо да Кастильонкьо является реестр, хранящийся в рукописном фонде библиотеки Лауренциана, — подобие каталога всего рукописного наследия семьи Кастильонкьо[60]— составленный в 1382 г. Бернардо и Паоло, сыновьями Лапо, которые вернулись из изгнания во Флоренцию после государственного переворота, устранившего правление младших цехов[61]. Наибольшее число манускриптов было непосредственно связано с профессиональной деятельностью Лапо да Кастильонкьо — декреталиста и преподавателя канонического права. В реестре упоминались сборники декреталий с комментариями («Глосса»), *Repertorii* — тематические или алфавитные указатели к правовым сборникам, но самое значительное место занимали трактаты юристов болонской школы права. В реестре перечислялись рукописи самого Лапо да Кастильонкьо, содержащие его примечания, ссылки, комментарии, возникающие в процессе штудирования текстов канонического права и подготовки лекций, репетиций и диспутов[62]. Наряду с античными текстами в рее-

[58] Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. P. 140.

[59] *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. P. 124.

[60] Libro memoriale de'figliuoli di messer Lapo da Castiglionchio (1382) / Ed. di F. Novati. Bergamo, 1893. (Далее: Libro memoriale.) Ради точного учета имущества братья Кастильонкьо собрали воедино все хозяйственные записи в бухгалтерских тетрадях. Эти сведения о кредитах и долгах составили первую часть описи. Вторая часть включала реестр из 56 номинаций книг и тетрадей, не относящихся к хозяйству. В ряде случаев упоминаемые рукописи трудно идентифицировать при отсутствии указания на их автора или содержание. См.: *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. P. 123—132.

[61] О реестре рукописей: *Краснова И.А.* Собрание рукописей флорентийской семьи Кастильонкьо во второй половине XIV в. // Собирательство и меценатство в эпоху Возрождения. М., 2015. С. 24—37.

[62] Libro memoriale. II, 1—13; 16—18; 21; 25; 31; 42; 44—45; 47—51; 53; В частности, были упомянуты «Книга советов мессера Лапо» (*Uno libro di consigli di messer Lapo*) из 266 карт, заполненных его рукой (19); добавления к Клементине (*Laditioni di messer Lapo sopra le Clementine*) (20); 3 книги многих ссылок (*libro*

стре приводились труды представителей культуры Раннего Возрождения: несколько манускриптов Ф. Петрарки[63]. Еще одним современником, к которому флорентийский юрист относился с особым почтением, являлся Никколо дельи Аччайуоли (1310—1365), выдающийся флорентиец, канцлер Неаполитанского королевства при королеве Джованне I[64]. Бернардо да Кастильонкьо обещал переплести письмо Аччайуоли вместе с «Эпистолой» своего отца и при копировании сделать перед титулом (заглавием) надпись киноварью. Дорогостоящая киноварь свидетельствовала о том, что Бернардо намеревался создать книгу «для роскоши» — так называлась особая практика копирования с использованием рисунков, цветных миниатюр и ценных материалов. Бернардо исполнил свое намерение, поскольку эта копия значилась в вышеуказанном реестре[65].

Собрание рукописных книг и переписка членов семьи Кастильонкьо примечательны как явление синтеза университетской и городской куль-

---

da più allegagioni) (23); «Падуанская» книга репетиций (*Uno libro chè à nome Padouano di repetitioni*) (24); 3 книги и многие раздельные тетради комментариев на декреталии (*Lettura di messer Lapo sopra le decretali*) (26, 27, 28, 30); тетрадь «Наставлений» (*Uno quaderno di Sermoni fatti per messer Làpo*) (40); начало незаконченного трактата Лапо на бумаге «О стиле Римской Курии» (*De stilo Romane Curie*) (37). Для работы требовались советы, цитаты, суждения различных авторов, содержащиеся в 6-и бумажных нескрепленных тетрадях и 1-й книге

[63] Libro memoriale. II. В реестре указаны: «Старое и новое искусство Туллия на пергаменте» (33); «Этика» и «Метафизика» Аристотеля (*Una Etica et una Metafisica d'Aristotele*) (39), соединенные в одном томе, один из трактатов Кассиодора (55) и «Христианская доктрина» Августина на пергаментных картах (57). Приводятся труды Ф. Петрарки: вторая часть «Писем о делах частной жизни» (36), снабженных примечаниями, сделанными рукой Лапо во время изгнания в Падуе в 1379 г.: этот текст хранится теперь в библиотеке Лауренциана. Указанная рукопись сопровождала Лапо до конца его дней, если верить памятным запискам его сыновей. В реестре также фигурировала книга на пергаменте «О средствах против превратностей судьбы» (*Uno libro in carta di pecora di Remediis ultriusque fortunae*) (38), но составители описи с сокрушением указывали на то, что книгу эту пришлось продать их согражданину Беттино Ковони ради погашения долгов по требованию должностных лиц, распоряжающихся имуществом изгнанных; это позволяет предположить, что трактат Петрарки пользовался спросом в среде образованных горожан. В перечне указаны 8 тетрадей на пергаментных картах, содержащие трактат «Об уединенной жизни» (*De vita solitaria*) «Инвективы против медиков» (*Invettive contra medicum*), «О невежестве своем собственном и многих других» (*De ignorantia sui et alterius*), «Покаянные псалмы» (*Salpmi penitentiales*) (31, 52, 61), а также трактат — письмо, адресованное Джованни Боккаччо (*De insigni obedientia et fide uxoris ad dominum Iohannes Boccaccium*) (41).

[64] Libro memoriale. II. 35; *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 8.

[65] *Castiglionchio B.* Risposta. P. 137. О копиях, которые изготавливались «для роскоши» см.: *Ciappelli G.* Libri e letture del XV secolo. Le "ricordanze" e la ricostruzione delle biblioneche private // Rinascimento. 1989. Vol. XXIX. P. 281.

тур, объединяющего схоластические традиции изучения канонического и цивильного права в трудах глоссаторов и постглоссаторов с глубоким интересом к произведениям и судьбе выдающихся флорентийцев Данте, Петрарки, Никколо дельи Аччайуоли, наконец, к городской хронике Джованни Виллани. Эти явления культурного синтеза выглядят пусть едва заметным, но, возможно, вполне определенным признаком будущих библиотек представителей ренессансной культуры, согласно их характеристике, данной итальянским литературоведом А. Петруччи[66].

Другие члены фамилии, как выясняется из письма сына Лапо, занимались торговлей: «Истинно и то, что некоторые из ваших братьев и консортов были купцами». Признавая это, Бернардо ди Лапо гордился тем, что представители его рода во Флоренции «не опустились до низких и бесчестных ремесел, но <...> всегда жили так, чтобы не заниматься никаким ремеслом». Но признаком урбанизации представляется исключение торговли из числа «низких ремесел»: «Быть купцом для нобиля почетно; не низко ездить в Англию и Францию, перевозить сукна и шерсть, как делают все старшие и лучшие люди города; и это занятие считается достойным и великим, и тот, кто этим занимается, очень в отечестве почитается»[67]. Профессиональная идентичность соответствовала запросам, предъявляемым обитанием внутри городских стен.

Еще одной важнейшей чертой урбанизации являлось участие в коммунальном управлении. В переписке членов семьи Кастильонкьо выделялся сюжет, свойственный всем семейным книгам флорентийских граждан: гордое повествование об участии в правящих структурах города. Лапо перечислял предков, занимавших высокие посты: мессер Руджери, Доктор, был одним из Приоров Флоренции от сестьеры Сан Пьеро Скераджо в апреле 1289 г.[68], что подтверждал и Дино Компаньи в своей хронике[69]. Автор «Эпистолы» гордился своим отцом, Лапо д'Альбертуччо, «каковой слыл человеком миролюбивым, доброй славы и благопристойного образа жизни, и был очень почитаем людьми за свои манеры поведения, и каковому нравилось обитать в городе». Он «был много раз Синьором Приором Флоренции, и пребывая на этой должности, скончался с великими почестями». Его сыновья также

[66] *Petrucci A.* Le bibioteche antiche // Letteratura italiana. Torino, 1983. T. II. Produzione e consume.

[67] Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. P. 148.

[68] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 59.

[69] *Compagni D.* Op. cit. I. 8. P. 40—41. Дино Компаньи, упоминая Якопо да Чертальдо, судью, Паньо Бордони, Дино ди Джованни, прозванного «Пекора», Бернардо ди мессера Манфреди Адимари, заявлял: «Мессер Руджьери да Квона, судья». В этот состав Приората был избран и сам Компаньи. Возможно, под именем Кондино в «Эпистоле» имелся в виду Дино Компаньи.

находились на постах Приоров, и особенно Руджьери ди мессер Лапо, «каковой много раз являлся Гонфалоньером справедливости и имел репутацию достойнейшего и справедливейшего мужа», как и «Альберто, мой брат, много раз пребывавший на этой и других должностях, и особенно на постах партии Гвельфов, каковые вся наша фамилия всегда занимала». Лапо счел нужным объяснить сыну, почему его самого не избирали в Приорат и в высшие властные коллегии. Его имя не попало в избирательные списки и сумы, поскольку во время их формирования он еще не сложил с себя сан каноника, оставаясь духовным лицом[70]. Но судя по письму сына и по тому, сколь часто имя Лапо да Кастильонкьо упоминалось в хрониках и семейных книгах современников, можно предположить о значительной роли, которую Лапо играл в публичной жизни коммуны. Бернардо сообщал о том, что в «тяжелых случаях Вы избирались в Советники и Секретари наших Великолепных Синьоров Приоров вместе с другими мудрыми и замечательными Гражданами этого города». В частности, он отметил — в 1370 г. отец был избран в коллегию по реформированию города, который страдал от разногласий и столкновений между Риччи и Альбицци: «Вы состояли в вышеуказанной коллегии, как уважаемый гражданин и Мудрый среди Мудрых»[71].

Бернардо ди Лапо позиционировал отца как видного политика, выполняющего важнейшие внешнеполитические миссии в компании с самыми влиятельными и авторитетными гражданами: «Сначала Вы были посланы к папе Урбану V в Авиньон вместе со знатным Кавалером Никколайо дельи Альберти и мудрым Карло дельи Строцци, в другой раз к Папе Урбану в город Витербо вместе с сиятельным Доктором мессером Алессандро дель Антелла...»[72]; затем в Геную вместе со знатным

[70] «Чтобы ты не впадал в изумление, видя, что я не возвысился до должности в Приорате, знай, что в те времена, когда делались списки и сумки, куда жребии помещались на многие годы, и откуда они вытягивались согласно обычаям города, я был клириком и приходским священником, поэтому не мог быть избран на мирские должности. После того как я оставил каноникат, женился, и мог бы там участвовать, я не имел ничего иного, кроме двух должностей низшего порядка, для которых были вновь сделаны списки и сумы, и я могу надеяться, что, если Господь позволит это при жизни, то также и эта должность (в Приорате) может добавиться» // *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 59.

[71] Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. P. 142, 144. Бернардо считал необходимым заметить особые привилегии отца: «И поскольку было установлено Коммуной, чтобы каждый из состоящих в этой коллегии мог носить оружие вместе с одним компаньоном или родственником, то Вам разрешили носить оружие с двумя компаньонами или родственниками»

[72] Libro memoriale de'figliuoli di messer Lapo da Castiglionchio. II, 25. Алессандро дель Антелла (ум. ок. 1378) был хорошо знаком Лапо да Кастильонкьо. Алессандро — выходец, как и Лапо, из нобильской фамилии преподавал во флорентийском,

Кавалером Франческо Ринуччини и мудрым Стольдо ди мессер Биндо дельи Альтовити; в Сиену вместе с нобилями и гражданами Никколо ди Гино Торнаквинчи, Филиппо ди мессер Аламанно Кавиччули, Джованни ди Луиджи де Моцци; в Лукку вместе с указанным Никколо ди Гино Торнаквинчи. Наконец, он упоминал важнейшее поручение коммуны — переговоры о мире с папой Григорием XI, противником войны с которым (1375—1378) выступал Лапо да Кастильонкьо, как глава гвельфской партии: «Вы загружены великими делами Республики, каковые сегодня происходят из-за горького и несчастного разногласия <...> между Святейшим Отцом и Господином мессером Грегорио, по божественному соизволению Папой XI, и Республикой Флоренцией, столь давней и особенно любимой дочерью Святой Церкви и ее пастырей»[73]. Об этом же посольстве и роли в нем Лапо писал анонимный современник[74].

Еще одну — последнюю — дипломатическую миссию мессера Лапо отразил в своем письме его племянник Франческо д' Альберто да Кастильонкьо, который находился с ним в Риме на исходе его жизни. Франческо сообщал о заключении соглашения между понтификом и герцогом Карло ди Дураццо, который стремился к неаполитанской короне. Герцог ди Дураццо являлся политическим союзником изгнанных из Флоренции вождей и функционеров гвельфской партии, которые были заинтересованы в его могуществе, возлагая надежды на возвращение в город с его помощью. Лапо да Кастильонкьо затрачивал значительные усилия ради заключения договора, результатом которого стала Апулийская корона на голове герцога Карло ди Дураццо[75].

падуанском и сиенском *Studio*, являлся известным дипломатом, неоднократно исполнявшим миссии при папском дворе в Авиньоне и Риме. В собрании рукописей Кастильонкьо имелась его «Книга вопросов об обменах и контрактах» (*Uno libro di molte questioni nella materia delle permutazioni et le contracte di messer Alesandro dall'Antella*).

[73] Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. 141. Лапо да Кастильонкьо находился в составе флорентийского посольства в Ананью, чтобы вести с Григорием XI переговоры о мире. Сын особенно подчеркивал: в этом посольстве состояли наиболее влиятельные граждане республики вместе «со знатным Кавалером Паццино дельи Строцци и светлейшим Доктором мессером Алессандро дель Антелла, и знатными гражданами Симоне ди Риньери Перуцци и Бенедетто дельи Альберти». См.: Risposta di messer Bernardo canonico fiorentino. P. 132.

[74] Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389 // Cronache dei secoli XIII e XIV. Firenze, 1876. P. 328—329, 339.

[75] Lettera mandata per messer Francesco da Castiglionchio ad Alberto suo padre sopra alla Coronazione del Re Carlo III Re di Cicilia, e di Gerusalem. P. 150—151. Племянник писал о хлопотах дяди: «Король Карло не захотел бы утвердить договор со своей стороны, если бы не мессер Лапо да Кастильонкьо, которому всегда персона упомянутого Карло, как и всякая другая персона, не могла не верить.

Современники идентифицировали Лапо да Кастильонкьо как главу гвельфской партии, видя на этом поприще его важнейшую общественную значимость. Оценки отличались полярностью в соответствии с партийно-политическими пристрастиями тех, кто их высказывал. Джованни Морелли повествовал о ситуации, когда его родственникам требовалось удостоверение о том, что еще в гибеллинском Ареццо до своего переселения во Флоренцию они всегда являлись истинными гвельфами. Они обратились к своему соседу Лапо да Кастильонкьо, «каковой обладал более великим духом, чем кто-либо другой», «воистину мессер Лапо был знаменитым мужем и великим гражданином, очень любимым Гвельфами». Он помог «возобновить и обнародовать наше членство в партии, чтобы дать нам основание для благоденствия»[76]. Политический противник засилья архигвельфов Маркьонне Стефани ди Бонайути резко осуждал главу гвельфской партии за то, что тот, находясь в Болонье, организовывал заговоры против режима 1378-1382 гг: «Мессер Лапо да Кастильокьо — мятежник против Коммуны Флоренции, который всегда, как на словах, так и в делах, выступал против Коммуны»[77].

Урбанизация, основанная на проживании нескольких поколений Кастильонкьо внутри городских стен, неизбежно меняла их представление о порядке социальной стратификации, о чем свидетельствует один из дидактических фрагментов «Эпистолы». Делясь с сыном жизненным опытом и наставляя его в необходимости тщательно сохранять семейные документы, Лапо привел своего рода *exempla*, повествующее об одном знаменательном случае, который произошел с ним в молодости, когда он учился в Болонском университете. Автор «Эпистолы» признавался сыну в своих претензиях на манеры поведения нобилей: «Будучи юнцом, я знал, что я знатного происхождения <...>, и держался соответственно <...>, в разговорах выказывал доблесть и знатность, <...>

И улажено было разногласие между упомянутыми персонами <...> Папой и королем, <...> ибо очень тяжким путем было достигнуто согласие между ними, но к великому облегчению и радости, каких никогда не испытывали до этого».

[76] Члены выборной комиссии.

[77] *Stefani M.* Cronaca. Rudr. 821. P. 347. В списке, приводимом Стефани, значились видные функционеры партии гвельфов — Бартоло Симинетти, Якопо Саккетти, Карло дельи Строцци, Пьеро дель Антелла, Чиприано Манджони, Бенги Буондельмонти, Андреа ди Сеньино Бальдези, Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци, Мазо дельи Альбицци и его внук Симоне ди Риньери Перуцци. Аноним, называемый *Squittinatore*, указывал, что некоторые из высланных, в частности, Лапо да Кастильонкьо с сыном, Андреа ди Сеньино, а позже Бенги Буондельмонти за самовольное нарушение границ изгнания были объявлены мятежниками с полной конфискацией имущества. См.: Diario dello Squittinatore // *Corazzini G.O.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887. P. 34—35.

стараясь поступать по обычаю нобилей»[78]. Случайно в компании молодых людей Лапо столкнулся с «одним юношей», дед и отец которого «разбогатели благодаря их ремеслу и торговле и были сделаны гражданами Флоренции». Из разговора Лапо понял, что этот молодой человек происходил из семьи бывших вилланов, зависимых от фамилии Да Квона. Юноше не понравилась, что Лапо чрезмерно гордился своим древним происхождением и знатностью, и он с гневом заявил ему: «Я и мои предки такие же нобили, как и ты, и прежде вас мы вышли из того места, откуда произошли твои предки и ты». В ответ Лапо возразил: «Ты говоришь истину, что вы прежде вышли из этого места, потому что мои предки купили его вместе с твоими праотцами, зависимыми и вассалами, как должен тебе показать публичный Договор (*Instrumento*), поэтому знай же, что не каждый исходящий от древнего рода есть нобиль, потому что таким не может быть издревле вассал, <...> ибо не бывает синьора без серва, как не бывает и серва без синьора»[79]. Тогда «указанный юноша, побагровевший от присутствия товарищей, стал настаивать на своем, почти прибегнув к оружию».

Трудно сказать, чем кончилась бы ссора, «но рассудил об этом Господь»: на следующий день юноша один пришел в комнату Лапо, держась «кротко и уважительно», выразил сожаления о своей запальчивости и попросил прощения, но при этом убедил Лапо доказать, действительно ли его предки являлись зависимыми прадедов Кастильонкьо, а в противном случае Лапо должен был «разуверить в этом компанию, каковую заставил тебе поверить и считать меня более низким...». Лапо тотчас же согласился пойти с ним вместе к друзьям, отвечая ему с равной кротостью и сдержанностью: «Ибо я всегда любил тебя как своего товарища», и «готов сказать приятелям все, что ты пожелаешь для своей чести». Юноша, однако, просил его «ради Господа» прежде разъяснить, на чем основаны его утверждения. Тогда Лапо нашел способ продемонстрировать «вышепроцитированный публичный договор». Молодые люди помирились, «и с этих пор он всегда держался со мной приветливо и уважительно, почитал меня как своего старшего, насколько это казалось ему уместным, когда он убедился в сервильных своих условиях, и мы потом всегда оставались друзьями». В конце данного примера Лапо кратко резюмировал, что «многие из наших старинных зависимых людей пребывают теперь в городе Флоренции даже на должностях Синьоров, сделавшись гражданами, ремесленниками и богачами, и занимая посты Синьоров Приоров...». Это суждение высказано, вероятно, не без некоторой досады и зависти, ибо Кастильонкьо

[78] *Lapo da Castiglionchio*. Epistola. P. 43.
[79] Ibid.

отнюдь не были богаты. При этом Лапо полагал, что его сыновья в городе не должны пренебрегать связями с потомками бывших зависимых и вассалов, которые многого добились и возвысились: «Когда <...> ты будешь общаться с ними, обрати внимание, что те из них, которые являются гвельфами, не могут забыть старую любовь и наиболее тесно с нашей фамилией связаны, и они более честные, преданные и твердые, нежели другие — гибеллины, которые чужды нам <...>, делают вид, что не помнят старые связи, но они по воле Господа еще не исчезли...»[80]. Сын внял совету отца, заявляя в ответном письме: «С нами остается старая дружба людей, происходящих из земель этих двух замков (Да Квона и Кастильонкьо), потому что мы следуем обычаям добрых граждан, которые занимают старшие должности в городе»; и наконец, «... наша фамилия считается всеми гражданами и селянами нобильской»[81]. Потомок знатных владетелей изъявлял готовность идти на компромисс и сохранить дружеские связи с бывшими вилланами, добившимися успеха в коммунальном обществе, не стремясь выпячивать превосходство своего нобильского происхождения.

Возможно, что в этих назиданиях кроется желание создать из бывших *contadini*, освобожденных коммуной и переселившихся во Флоренцию, подобия вассальных групп, примыкавших к консортерии патрона или являющихся ее частью. За недостатком документов этот процесс очень мало исследован. Но сомнительность такого утверждения очевидна относительно середины XIV в.: у богатых и полноправных граждан, пробившихся к высоким должностям, т.е. пользующимся авторитетом в коммунальном социуме, вряд ли могла возникнуть потребность в узах зависимости и служения потомкам бывших синьоров. Нобили, если хотели, должны были строить с ними отношения на условиях социальной толерантности и признания их равенства — принципов, которые стремился преподать сыну Лапо да Кастильонкьо.

Сын, судя по его ответу, усваивал уроки отца: «Я рассудил теперь по столь показательным доводам <...>, что более полезно родиться плебеем, нежели нобилем. Я знаю также, насколько <...> я устремляюсь к возможности возвышаться и делать себя нобилем в том, в чем я таковым не являюсь; но каким великим лекарством и целебным настоем стало Ваше письмо, побуждающее к очищению себя от надменности там, где обо мне будут судить, как о нобиле»[82].

Конец жизни Лапо да Кастильонкьо трагичен. Период преобладания возглавляемой им гвельфской партии (1358—1378) завершился в

[80] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 44—45.
[81] Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. P. 147.
[82] Risposta di messer Bernardo canonico fiorentino. P. 134.

мае 1378 г. реформами, предложенными Гонфалоньером справедливости Сальвестро де Медичи — противником засилья капитанов партии. Эти постановления стали одной из важных причин восстания чомпи, приведшего к складыванию режима младших цехов (1378—1382). Имя Лапо да Кастильонкьо стояло первым во всех репрессивных списках: в сентябре 1378 г. он был выслан в Падую, в январе 1380 г. приговорен к смертной казни как мятежник и предатель коммуны. Самовольно перебравшись из Падуи в Рим вслед за герцогом Карло ди Дураццо, он был обласкан при папском дворе[83]. За три недели до кончины Лапо да Кастильонкьо его возвели в ранг Римского Сенатора и Адвоката Консистории. Описывая последние недели жизни дяди в Риме, его племянник Франческо не преминул упомянуть, что «Святой Отец много раз присылал своих доверенных лиц навестить его и передавал ему необходимые напутствия, отчего мессер Лапо очень радовался»[84].

Этот успех омрачался расколом в клане Кастильонкьо, обусловленным политикой коммуны, назначившей большую награду за голову вождя фракции архигвельфов. Хронист Стефани, политический противник Кастильонкьо, не без удовольствия писал о том, как в 1380 г. Лапо чуть не отравили в Риме чесночной похлебкой его родственники, в доме одного из которых он обитал. Задержанный злоумышленник под пыткой раскаленным железом признал, что хотел получить вожделенную премию от флорентийской Синьории. Покушение не удалось, т.к. в последний момент один из участвующих в заговоре родичей предупредил Лапо[85].

Лапо да Кастильонкьо умер в Риме 27 июня 1381 г. от скоротечного заболевания, сопровождавшегося лихорадкой и болями в горле. Бывший с ним до конца племянник Франческо подробно описал его подлинно христианскую кончину с соответствующими обрядами и таинствами, осуществляемыми папой, «Святым Отцом»[86]. Но из письма

[83] Lettera mandata per messer Francesco da Castiglionchio ad Alberto suo padre. P. 150—151. Племянник Франческо сопровождал Лапо и находился с ним в Риме. Он писал в эпистоле к своему отцу, что понтифик в Зале Консистории и в присутствии Коллегии кардиналов первым призвал к себе мессера Лапо и рекомендовал его «королю Карло» как «прекрасного советчика, не допустившего разрыва между мной и тобой, но своим разумением все же приведшего нас к соглашению».

[84] Copia d'una lettera scritta in Roma per messer Francesco d' Alberto da Castiglionchio. P. 158, 162. Он писал, что Лапо помог также мессеру Альберто дельи Альбицци в устройстве его родича, каноника из Пармы, но не успел посодействовать своему сыну Бернардо в получении церковного бенефиция. Об этом эпизоде см.: *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze. P. 124.

[85] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 890. P. 387. О мучительном периоде изгнанничества см.: *Brucker G.* Florentine Politics. P. 366—370

[86] Copia d'una lettera scritta in Roma per messer Francesco d' Alberto da Castiglionchio. P. 160. Автор письма отмечал, что мессер Лапо уже больным продолжал ходить

Франческо выясняется, что в последние свои часы Лапо был занят не только заботами о спасении души: «После принятия Тела Христова составил он свое завещание», а также «написал небольшую Главу, которую начал *Ad aeternum rei memoriam*» (ее текст не сохранился). В ней он, по словам племянника, признавался, что «все содеянное им во Флоренции делалось с благой целью, без злобы в душе, для мирного и доброго состояния Народа и Коммуны Флоренции, а также Католической партии Гвельфов, к прославлению, высокому положению и чести Святой Матери Церкви; хотя и получилось так, что многие вещи делались против души его, и не мог он найти от них средство; и особенно в отношении младших Цехов; а многое делалось без его согласия, <...> и никогда он не совершал никакого мошенничества или симонии»[87]. Даже сама попытка самооправдания, если она имела место, свидетельствует о том, что в последние часы жизни Лапо да Кастильонкьо стремился выразить свою идентичность с коммунальным обществом родного города, возможно, осознавая, что его политика стала одной из причин восстания младших цехов и чомпи в 1378 г.

Наследникам Лапо, его сыновьям — Бернардо, который пережил отца всего на 3 года, и Паоло, вернувшимся во Флоренцию в 1382 г. — пришлось долго и мучительно собирать распроданное коммуной имущество и добиваться законных компенсаций, причитающихся им из казны[88]. О тяжбах, спорах, несправедливостях должностных лиц, обманах и мошенничествах бывших друзей и сторонников сыновья Лапо писали в *Libro di ricordanze*, в аннотациях с 1382 по 1384 г.[89]

Лапо да Кастильонкьо и его сыновья могут представлять вариант адаптации грандов в коммунальной среде. Они безусловно идентифицировали себя с древним нобильским родом, гордясь всеми атрибутами феодальных владетелей, память о которых старались сберечь, сохраняя и копируя старинные карты, фиксируя родословное древо

в Консисторию, и, как Сенатор — в Палаццо Капитолия, «очень много трудясь и занимаясь делами нашего Синьора Папы», пока, наконец, его племянник и ближайший друг мессер Альберто дельи Альбицци не обратились к медикам.

[87] Copia d'una lettera scritta in Roma per messer Francesco d' Alberto da Castiglionchio. P. 161—162.

[88] *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze. P. 130. Л. Де Анджелис писала, как они разбирались с другом их отца Герардо Кавальканти, приором Сан Фредиано во Флоренции, который присвоил все, что имел Лапо в Риме, якобы, за долги (на сумму 21 флорин 10 сольди золотом), вернув сыновьям «только кольцо с печатью и две книги: "Комментарии на новые Дигесты" Бартоло да Сассоферрато, и часть писем Петрарки, видимо, переплетенные вместе».

[89] Ibid. P. 125. Интересы кредиторов и заимодавцев, предъявляющих соответствующие документальные свидетельства, в первую очередь удовлетворялись из секвестрованных благ осужденного, оставшаяся доля собственности пускалась в оборот или продажу должностными лицами коммуны.

и вписывая героические деяния предков в компилятивную историю XIII—начала XIV в., представленную в «Эпистоле» Лапо да Кастильонкьо. Вместе с тем они в полной мере осознавали себя неотъемлемой частью города и коммунального социума. Избрав профессиональные занятия и образ жизни, подобающие горожанам, представители дома Кастильонкьо были далеки от этоса и установок военно-рыцарского менталитета.

Процесс урбанизации феодального рода выражался в двойственной социальной идентичности, свойственной его членам. Бернардо да Кастильонкьо, как и его отец, выражал ее: «Понял я, что <...> согласно статутам <...> и благодаря этому [письму Лапо да Кастильонкьо], что я в числе пополанов; и, тем не менее, <...> я — нобиль, потому что у меня не отнята знатность»[90]. Бернардо упирал на то, что Кастильонкьо — нобили по изначальным истокам рода, «таковыми мы всегда считались и назывались в городе и в контадо», а не по вторичным признакам, т.е. не по постановлениям коммунального законодательства, которое объявляло таковыми выдающихся людей: «...Знатность, которая утверждается согласно Св. Писанию и Гражданским Законам». В области индивидуальной самоидентификации сына заметна установка, привитая долгим процессом урбанизации и запросами коммунального общества: «...Я — нобиль и рожден от выдающихся отца и деда <...>, каковой [дед] был человеком великой доблести, но также мягким, законопослушным и особенно нужным своей Республике. В ней он был полностью признан, и много раз пребывал в числе Приоров и Синьоров Флоренции, <...> в ней и умер в великой чести и с молвой доброго человека <...>. Мы являемся нобилями согласно мнению Поэта Данте, который утверждал, что там, где доблесть, там и знатность»[91]. Бернардо ди Лапо, считая важнейшим признаком знатности происхождение, унаследованное от предков, вместе с тем придавал большее значение коммунальной идентичности: участию в управлении республикой и высокой репутации в городском социуме.

Отец и сын не без горечи осознавали, что род владетельных синьоров да Квона, звеньями которого они являлись, пришел к упадку. Косвенное свидетельство слабости их фамилии в контадо, содержится и в «Эпистоле» самого Лапо да Кастильонкьо: «...Чтобы тебя или других не удивляло, что наша фамилия низведена до низкого состояния, чи-

[90] Risposta di messer Bernardo canonico fiorentino. P. 135. Эта двойственность заметна и во втором его письме, но в нем преобладала мысль о том, что он знатный. «Мы нобили, потому что богатства, и древность, и рыцарство, и докторат, каковые вещи предполагаются добрыми обычаями, вы имеете <...> от самого нашего истока полученными» // Ibid. P. 140.

[91] Ibid. P. 147, 144.

тай флорентийского поэта Данте в XVI главе "Парадиза", которая начинается: "О, как мало в нас знатности по крови"»[92]. Рефлексию по поводу упадка былого синьориального могущества переживал и адресат «Эпистолы» — Бернардо ди Лапо. Он сомневался в том, не умаляется ли статус знатности от утраты некоторых важнейших качеств господства: «Видя, что потеряны многие права юрисдикции над зависимыми, вассалами, и владение имуществом <...>, слыша, что некоторые из нобилей стали купцами, я боюсь, что по каким-либо из этих причин указанная знатность придет к концу»[93].

Однако упадок прошлого процветания и могущества древнего феодального рода компенсировался успехами в урбанизации, адаптации к ценностям городского социума и возвышением представителей рода Кастильонкьо во Флоренции, пик которого пришелся на период деятельности Лапо и господства гвельфской партии. Не меньшей значимостью, чем древность их рода, для членов семьи Лапо да Кастильонкьо обладали признаки коммунальной идентичности: давность обитания рода внутри городских стен; фиксация всех следов пребывания их фамилии в городском пространстве, как почетных символов «старого» городского рода; увековечивание памяти об их высокой репутации в коммунальном обществе, о влиятельности и участии в управлении городом членов их семьи. Важным следствием воздействия городского социума стало восприятие ценностей коммунального равенства и общественной толерантности, способствующее изживанию тенденций к агрессии и насилию, свойственных знатным и могущественным консортериям.

[92] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 60 (далее следовало цитирование 6 строф «Божественной Комедии» Данте — Рай. XVI)

[93] Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre. P. 147.

Глава IV

Городское общество и рыцари

§ 1. Историографические версии и терминология

Выдающийся современный историк Ф. Кардини считал, что с конца XIX в. началось изучение итальянского рыцарства как специализированной военной силы не только в социально-институциональном аспекте. С этого же времени оно рассматривалось с позиций этоса, идеологии и культуры, например, как объект литературной продукции[1].

Следующий этап развития итальянской историографии, посвященной рыцарству, Кардини связывал с серединой XX в., когда стало заметным влияние концепций французских историков Жоржа Дюби и Жана Флори[2]. Стефано Гаспарри, выражая сходную точку зрения, решающее значение придавал исследованиям Жоржа Дюби, подчеркивавшего, что не может претендовать на глубину изучения итальянского городского рыцарства, поскольку его аргументы и заключения относились к периоду конца X—начала XII в., когда города еще не играли столь значительной роли в истории полуострова[3]. Основная заслуга Дюби, по мнению Гаспарри, состояла во включении воинского сословия городов Италии в общеевропейский контекст путем распространения термина *milites* на историю Италии. Отправной точкой для французского исследователя стал «Эдикт о бенефициях» (1037 г.) императора Конрада II, который замыкал древний слой вассалитета в наследственную касту[4].

В Италии к 70-м гг. XX в. проблемы истории городского рыцарства рассматривались, прежде всего, в ставшем классическим труде Гаэтано

[1] *Cardini F.* Introduzione // Cavalieri e città nella società italica medievale / A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegno internazionale di studi. Volterra, 19—21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 5.

[2] *Flori J.* Cavalieri e cavalleria nel medioevo. Torino, 1999.

[3] *Gasparri S.* I milites cittadini. Studi sulla cavalleria in Italia. Roma, 1992. P. 5. См. также: *Duby G.* La diffusion du titre chevalresque sur le versant méditerranées de la Chrétiené latine // La noblesse au Moyen Âge XI—XIV siècle (Essais à la memoire de Robert Boutruche). P., 1976. P. 47.

[4] *Duby G.* La diffusion du titre chevaleresque sur le versant méditerranées de la Chrétiené latine. P. 53.

Сальвемини, и в трех кратких очерках общего характера, два из которых были посвящены непосредственно флорентийскому рыцарству[5]. Ф. Кардини высоко оценивал степень достоверности труда Г. Сальвемини, но акцентировал факт, что тот не постиг всей глубины ценности изучаемой им проблемы[6]. Дж. Фазоли и Э. Кристиани, в целом, следовали концепции Сальвемини, которую можно считать классической. Сальвемини разделял по времени «предгородской» (феодальный) и коммунальный периоды. Для первого периода он рассматривал рыцарское достоинство как первую ступень феодальной иерархии, когда нобили, которые обязывались военной службой Коммуне, приносили в город рыцарские обычаи. Но при этом на втором этапе, по его мнению, внутри городских стен начиналась история «прогрессирующего упадка» рыцарства, оторвавшегося от изначальной среды и подвергнувшегося влиянию «богатеющей буржуазии мануфактур», вследствие которого рыцарство «демократизировалось» и «дегенерировало как аристократический институт». Следует отметить, что эти процессы Сальвемини относил к XIV в. При этом, однако, он признавал, что до конца XIII в., когда пополаны во Флоренции завоевали политическое преимущество, продолжался «аристократический» период городского рыцарства[7].

Одним из первых историков, который подверг пересмотру концепцию Сальвемини, стал Джованни Табакко, хотя он и следовал хронологическому подходу своего предшественника, разделяя «феодальный» и «коммунальный» периоды в истории городского рыцарства. Табакко пытался в историко-юридическом ракурсе осмыслить отношения между структурами военной рыцарской службы, коммунальными институтами и традиционными этическими ценностями рыцарства[8]. Жан-Клод Мэр Вигёр полагал, что «блестящие и стимулирующие мысль» статьи Джованни Табакко о городской знати в коммунальную эпоху должен учитывать каждый автор, занимающийся социальными структурами коммунальной Италии. Но при этом он отмечал «очень ограниченную документальную базу» и «узко аспектный подход» к проблеме[9].

Концепции Табакко следовал Ф. Кардини, изучая ареал Тосканы. Вопреки хронологической схеме Сальвемини, Кардини утверждал, что рыцарское достоинство являлось существенным элементом утвержде-

---

[5] *Fasoli G.* Lineamenti di una storia della cavalleria // Studi di storia medievale e moderna in onore di Ettore Rota / A cura di P. Vaccari e P.F. Palumbo. Roma, 1958. P. 89—93; *Cristiani E.* Sul valore politico del cavalierato nella Firenze dai secoli XIII e XIV // Studi Medievali. Ser. III. 1962. Vol. 3. P. 365—371.

[6] *Cardini F.* Introduzione // Cavalieri e città nella società italica medievale. P. 5.

[7] *Salvemini G.* La dignità cavalleresca. P. 107—111, 113—114, 116—118.

[8] *Tabacco G.* Nobili e cavalieri a Bologna e a Firenze tra XII e XIII secolo. P. 41—47.

[9] *Maire Vigueur J.-C.* Cavalieri e cittadini. P. 9.

ния нобильского сознания у части городской аристократии, долго сохраняя свой престиж, модели поведения и мировосприятия даже и после победы пополанства в конце XIII в. Франко Кардини выделял три признака коммунальной знати: владение укрепленными домами в городе, повторяющими типы загородных крепостей, практику вендетты и обладание рыцарским достоинством, но также он показывал, что знать внутри городских стен не составляла замкнутого сословия и утрачивала признак крови — происхождение от знатного и древнего рода[10]. Согласно Кардини, в XIII—XIV вв. одновременно сосуществовали две различные рыцарские парадигмы: с одной стороны, традиционные рыцари, кавалеры-аристократы, с другой, — новые богачи, «парвеню» с деньгами и властью. Рыцари, относящиеся к аристократическим слоям, позиционировали себя «заступниками бедных» и «покровителями вдов и сирот». Образ поведения новых рыцарей, напротив, следовал иной шкале ценностей. Репрезентация рыцарского достоинства являлась в этом случае «выражением тщательной и неукоснительной защиты знаков и привилегий, коррелирующей с доступом к власти». Если старое рыцарство культивировало мечту создания нового сообщества на базе традиционных идеалов сословия, то рыцарство, следующее второй парадигме, скорее стремилось к собственному преобладанию, если не к собственному самовластию, представляя себя в качестве слоя лиц, управляющих, стоящих у власти.

Отсюда, по мнению Ф. Кардини, в городах XIV в. — и особенно во Флоренции — утверждалась мода становиться вооруженным рыцарем, *milites* коммуны и *milites* Народа. Звание «народных рыцарей» означало возвышение к более престижной социальной категории и в то же время возможность уклониться от запретов «Установлений справедливости»[11]. Впрочем, в той же Флоренции XIV в. имел место конфликт между двумя различными формами рыцарства и рыцарского достоинства. С одной стороны, явно заметна магнатская традиция, носителями которой, по мнению Кардини, являлись Корсо Донати и Гвальтьери де Бриенн, герцог Афинский. Она «просачивалась вплоть до самых низших страт флорентийского пополанства, но даже и им рыцарь представлялся сущностью двух вещей: носитель власти и защитник бедных, согласно тому виду призвания, которое существовало с XI в.». С другой стороны, — «была видна явная и скрупулезная защита собственных отличий и привилегий, которые коррелировались с при-

[10] *Cardini F.* "Nobiltà" e cavalleria nei centri urbani: problemi e interpretazioni // Nobiltà e ceti dirigenti in Toscana nei secoli XI—XII: strutture e concetti. Firenze, 1982. P. 13—28.

[11] *Cardini F.* L'autunno del medioevo fiorentino. Un "umanesimo cavalleresco"? P. 513—528.

частностью к власти, и поэтому с превосходством», что, по мнению историка, находило воплощение в политике партии гвельфов, направленной к монополизации обычаев и церемоний рыцарства[12].

Стефано Гаспарри, поясняя методологические основы своего труда, писал о стремлении занять среднюю позицию между концептами немецкого историка Хагена Келлера о «феодальном рыцарстве» Италии и дефиницией Г. Сальвемини о «рыцарстве буржуазном»[13]. Основной объект исследования для С. Гаспарри — рыцарские ритуалы на рубеже XII—XIII вв., а главная цель — поиски ответа на вопрос: было ли итальянское рыцарство традиционным сословием, или же группой «рыцарства декорированного», проходящего в значительной степени формально через обряд посвящения? В центре внимания автора находились все ритуалы рыцарства: переодевание (убранство), праздники, турниры, куртуазные курии. Генеральная гипотеза труда Гаспарри заключается не в том, чтобы изучать формальные институты, но попытаться установить внутреннюю сущность комплекса рыцарской ритуальности, и на ее основе очертить границы аристократического слоя городской Италии, выявить его внутреннее самосознание, определяемое тенденцией позиционировать себя как настоящую знать. В отличие от Х. Келлера, Гаспарри лишь отчасти затрагивал области Восточной Ломбардии, но по сравнению с Сальвемини определял гораздо более широкое пространство исследования — районы Тосканы, Эмилии и Венето[14].

Ж.-К. Мэр Вигёр, как уже говорилось, дал четкое обозначение термина *milites* — те, кто служит в конном войске, — определял круг знатных семей, из которых они рекрутировались, внедрение рыцарских идеалов и практик в пополанскую среду антимагнатского периода. Он отмечал, что второму аспекту — фамилиям знати — медиевисты уделяли гораздо большее внимание, стремясь выявить отличия знатных фамилий от пополанства, и средства, обеспечивающие их превосходство в коммунальном обществе. К таковым Вигёр относил экономическое преобладание на основе владения недвижимостью более обширной, нежели у представителей пополанства; затем первенство политическое, которого они достигали во всех секторах общественной жизни, во всяком случае, вплоть до последних десятилетий XII в. Исследователь

[12] *Cardini F.* Introduzione // Cavalieri e città nella società italica medievale. P. 21.

[13] *Gasparri S.* I milites cittadini. Studi sulla cavalleria in Italia. P. 9—11; *Keller H.* Signori e vassalli nell'Italia delle città (secoli IX—XII). Torino, 1995. Ограниченность концепции Келлера, по мнению С. Гаспарри, состояла в том, что он исследовал преимущественно регионы Ломбардии и Пьемонта, где воинская знать в большей степени восприняла стереотипы, присущие германскому рыцарству, Сальвемини был сосредоточен на истории Тосканы, в частности, Флоренции.

[14] *Gasparri S.* I milites cittadini. Studi sulla cavalleria in Italia. P. 11—12.

стремился рассмотреть *milites* не только с точки зрения обрядности, но в ракурсе их основной профессиональной функции — мастерстве войны, реализуюшимся внутри коммунального мира посредством привилегий, отличающих их от остального народа, а также той меры ответственности, которую им приходилось брать на себя. «Войну я беру за исходную точку своего исследования» — заявлял историк[15].

Мэр Вигёр стремился сфокусировать внимание на малоизученных вопросах экономической выгодности воинской деятельности, ибо городские кавалеры Италии жили в условиях рыночной экономики. Он подчеркивал, что коммунальная милиция не являлась полностью элитой, но слоем, составленным из «различного достоинства фамилий», многие из которых обогащались, реинвестируя доходы от войны в активные экономические операции. Городские *milites* отдавали свое воинское искусство на службу коммун, которые в обмен признавали их существенные привилегии, прежде всего, фискальные, но также предоставляли им коммунальные блага в виде даров и вознаграждений различного вида. Как правило, объем коммунальных льгот гарантировал бедным рыцарям необходимые средства содержания лошадей для войны и позволял в течение первой половины XIII в. противостоять процессам социально-экономической дифференциации. Но с другой стороны, коммуны не давали им свободы в том, чтобы вершить войну подходящим для них способом, т.е. с приоритетной целью захвата себе добычи и трофеев. Помимо войны, как основной профессиональной деятельности, французский историк отражал участие кавалеров в политической борьбе внутри городов, а также раскрывал роль праздников, турниров и различных проявлений аристократического этоса. Особое внимание Мэр Вигёр обратил на систему ценностей представителей «военных линьяжей», в которой ненависть, страсть к разжиганию конфликтов и дух соперничества превалировали над какими-либо другими типами сознания, но в то же время он правомерно указывал и на механизмы авторегуляции, которые в некоторой степени гарантировали равновесие, во всяком случае, в продолжение всего консульского периода[16].

Наконец, Ж.-К. Мэр Вигёр рассматривал противоречия и черты кризиса коммунального рыцарства. Расслоение *milites*, с его точки зрения, происходило под воздействием столкновения двух типов экономик: с одной стороны, традиционные выгоды войны, с другой, — влияние рыночных отношений, развивающихся в богатых городах. Он отме-

[15] *Maire Vigueur J.-C.* Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell' Italia comunale. P. 16.

[16] Ibid. P. 18—19.

чал прогрессирующее замыкание рыцарства, находящегося на военной службе городов, все более стремящегося к исключительному использованию привилегий. В то же время быстрое обогащение коммунального общества способствовало увеличению числа незнатных, которые могли позволить себе сражаться верхом на коне, что размывало границы между знатными рыцарями и простолюдинами, провоцируя углубление противоречий внутри слоя *milites*[17]. Ф. Кардини видел значение трудов Ж.-К. Мэр Вигёра в том, что он санкционировал и аргументировал центральное место этой темы в плане политическом и социальном[18].

Институционально-профессиональные практики во взаимодействиях коммун и рыцарей стали основным объектом внимания П. Грилло, который изучал систему *cavallate*, организованную во Флоренции в годы войны против Фридриха II. Он доказал, что в нее широко включались те, которые были состоятельны настолько, чтобы содержать одну или две лошади для военной службы, а в то же время *milites* с дозволения коммуны разрешалось выставлять на поле боя другого сражающегося вместо себя. Эта практика стала регулярной в 1290 г., когда были установлены критерии пригодности, которые лица, замещающие городских рыцарей, должны были гарантировать. В 1324 г. было решено, что обязанность перепоручения службы в кавалерии можно заменить уплатой налога в 10 флоринов[19].

П. Грилло, исследуя роль *milites* в коммунальных войсках XIII в., опроверг точку зрения историка начала XX в. Пьеро Пьери, который констатировал полное преобладание рыцарской конницы в военных действиях этого столетия[20], утверждая, что в следующем веке имело место прогрессирующее вытеснение конного войска пехотой. Грилло, опираясь на исследования Ф. Кардини, отмечал, что уже в XIII в. «принципиальное военное достижение» итальянских коммун состояло не в устаревшем утверждении пехоты как «царицы войны», но в гармоническом сочетании различных сил — *pedites*, *milites*, *tiratori* — и в разумном использовании территории. Он утверждал, что в ходе XIII в. в коммунальной Италии война уже утратила характер кавалерийского наскока. Специфика военных действий на значительной части Апеннинского полуострова влекла ряд особенностей в организации войска. Одной из самых существенных Грилло считал тот факт, что «между кавалерами и солдатами было различие в статусе, но не существовало

[17] *Maire Vigueur J.-C.* Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell' Italia comunale. P. 20.

[18] *Cardini F.* Introduzione // Cavalieri e città nella società italica medievale. P. 5.

[19] *Grillo P.* Cavalieri e fanti negli eserciti comunali italiani. P. 133.

[20] *Pieri P.* L' evoluzione delle milizie comunale italiane // Scritti rari. Torino, 1966. P. 31–90.

никакого иерархического соотношения: они являлись в равной степени горожанами на службе у коммуны, за которую сражались. Они одинаково подчинялись распоряжениям представителей политической власти — сначала консулам, затем Подеста, каковые могли назначать им викариев или капитанов в качестве предводителей войска на полях сражений. Сражающиеся каждого рода войск были построены на основе территориальных порядков: *militia* на конях и пешие различных картьер могли действовать автономно с собственными знаменами и под собственными командами, или как части более широкого городского *exercitus generalis*, отдельно посылаемые в битву»[21].

Эти положения подтверждались аргументами современного специалиста по истории средневековых войн в Италии Альдо Сеттиа, отмечавшего, что роль пеших стрелков все более возрастала со второй половины XIII в. с распространением использования полевого арбалета, предназначенного, прежде всего, для осадных действий; характерной чертой тосканских войск было введение «щитников», снабженных широкими щитами (*palvesi*), которые должны были прикрывать стрелков в наиболее напряженные моменты. Стрелки в коммунальном ополчении обычно следовали впереди кавалерии. Обладатели ремесленных профессий были необходимы в осадных действиях[22]. Согласно оценке Ф. Кардини, труд А. Сеттиа в исследовании военного аспекта истории итальянской кавалерии не уступает вкладу Мэр Вигёра в изучение социально-политической истории рыцарства коммунальной Италии[23].

Кратко суммируя приведенную историографическую справку, стоит выделить новизну некоторых наиболее важных современных подходов. Прежде всего, заметно изменение вектора основной направленности изысканий. Внимание исследователей в большей степени фокусируется на явлениях социально-культурного синтеза рыцарства, пополанства и других слоев городского населения, процессах взаимовосприятия и трансформации образов жизни, ментальных установок, культурных ценностей, поведенческих и профессиональных практик в городской среде. На второй план оттесняется стремление к утверждению жестко очерченных рамок хронологической поэтапности и четкого разграничения социальных страт, конструирование безусловных иерархических моделей в коммунальных социумах XIII—XV вв., искажающих изменчивые реалии городской жизни. Схемы социальной стратификации и

[21] *Grillo P.* Cavalieri e fanti negli eserciti comunali italiani. P. 125.

[22] *Settia A.A.* I mezzi della Guerra. Balestre, pavese e lance lunghe: la specializzatione delle fanterie comunali nel secolo XIII // Pace e Guerra nel basso medioevo. Todi, 2004. P. 153—200

[23] *Cardini F.* Introduzione // Cavalieri e città nella società italica medievale. P. 5.

искусственно обозначенные временные границы препятствуют видению бесконечного множества альтернатив, развертывающихся в условиях относительной свободы и права выбора, реализуемых даже в низших слоях населения.

§ 2. Ценности мироощущения *milites* в анонимной хронике XIII в.

Исторический нарратив, рассматриваемый здесь, избран по двум причинам: во-первых, он считается наиболее ранней хроникой XIII в.: последняя аннотация датируется 1297 г., но недостает записей с 1249 по 1285 гг.[24] Наиболее важным является то обстоятельство, что в ней содержится относительно много разноплановых сведений о флорентийских и тосканских событиях XIII в. Эта хроника долго приписывалась Брунетто Латини — отсюда ее второе название «Хроника Псевдо-Брунетто». Анонимный автор не идентифицирован, жил на рубеже XIII и XIV вв. и составлял хронику, согласно вероятному (не оспариваемому) предположению Пасквале Виллари, около 80-х гг. XIII в.[25] Франка Рагоне анализировала анонимную хронику, как и хронику Паолино Пьери, в числе источников, которые использовал Джованни Виллани, применяя метод «адаптивной компиляции» для составления своей «Истории Флоренции»[26]. Три темы всплывают из авторских аннотаций, посвященных рыцарству: воинская доблесть или ее отсутствие, месть, реализующаяся в вендеттах, а также интерес к куртуазным нравам, редко выражающийся в городских хрониках.

В поле зрения исследователей анонимная хроника попадала потому, что в ней наиболее подробно передавалась череда событий, которые считались исходной предпосылкой разделения флорентийского общества, прежде всего, нобилей, на враждующие партии гвельфов и гибеллинов. В этой связи было бы интересно коснуться разных вариантов прочтения и понимания одного и того же фрагмента исторического нарратива, который содержит не только описание файды, положившей начало разделению на партии, но также и предшествующей ей стычки на пиру.

---

[24] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII // Testi fiorentini del Dugento e dei primi del Trecento / Ed. A. Schiaffini, Firenze, 1954.

[25] *Villari P.* Le origini di Firenze // I primi due secoli della storia di Firenze. Firenze, 1905 P. 41—44; См.: *Ragone F.* Giovanni Villani e i suoi continuatori P. 8, 11.

[26] *Ragone F.* Giovanni Villani e i suoi continuatori. P. 41—44.

В феврале 1215 г. состоялся пир в 6-и милях от Флоренции (в Кампи) по случаю производства в рыцари Маццинго Тегрими де Маццинги[27], который «пригласил всех благородных людей Флоренции». За столом некий шут — «придворный игрец» (*uno giucolare di corte*) «поднял нож (видимо, в шутку) на мессера Уберто дельи Инфангати, сидевшего рядом с мессером Буондельмонте ди Буондельмонти»: «как друзья, они ели мясо с одного блюда». Из-за слишком бурной реакции Уберто произошла его ссора с мессером Оддо Арриги (Одарриго) де Фифанти, «человеком достойным», который, видимо, укорил его. Ссора переросла в стычку: Оддо «грубо схватил вышеназванного мессера Уберто, тот поверг его за горло, а мессер Оддо Арриги бросил ему в лицо нож для резки мяса. Уберто «очень рассердился <...> и все собрание пришло в великое возбуждение». Но «когда подняли столы» по окончании пира, «мессер Буондельмонте ударил ножом мессера Оддо Арриги в плечо и сильно ранил его»[28]. Сам повод для пира, приглашение придворного шута, обычай, предписывающий двум рыцарям-товарищам есть с одного блюда, свидетельствуют о куртуазных практиках поведения. Импульсивность, взрывные эмоции, грубость и жестокость, которые легко сменяли куртуазное вежество, скорее присущи поведению варваров на пиру.

Буондельмонте представал в этой сцене персонажем самым агрессивным и неразумным: он ранил сотрапезника уже после окончания пира, когда гости расходились. Оддо Арриги, напротив, поступил, как было положено по обычаю объявления вендетты, которая считалась делом всего рода. Он призвал на совет «своих друзей и родичей, среди которых находились графы Гангаланди, Уберти, Ламберти и Амидеи», и они решили примириться с Буондельмонти. Буондельмонте, согласившийся на примирение, поклялся взять в жены дочь мессера Ламбертуччо дельи Амидеи, каковая приходилась племянницей Оддо Арриги. Но в дело вмешалась «мадонна Гвальдрада, супруга мессера Форезе ди Донати», которая тайно призвала Буондельмонте и предложила ему свою дочь, воздействуя, по версии Псевдо-Брунетти, не столько красотой девушки, сколько уязвляя его тщеславие и гордость утратой чести[29]: «Кавалер опозоренный, ты женишься из страха перед Уберти и Фифанти; оставь же ту, которую берешь, и возьми эту, мою дочь, и всегда будешь почитаемым рыцарем». Далее ано-

[27] Согласно данным Малиспини, древний и знатный род, имевший владения в контадо Флоренции и Болоньи: «Маццинги являлись древнейшими благородными мужами, имели такую знатность и величие, что получали каждый год по 1 ястребу и 2 <...> дани или ценза от коммуны Пистойи и стояли рядом с дель Форезе у Красных ворот». См.: *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap LII. P. 145.

[28] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 117—118.

[29] *Compagni D.* Cronica. I. 1. P. 31. Компаньи подчеркивал, что Буондельмонти пленился красотой девушки. Эту же деталь акцентировал и Джованни Виллани.

ним снова подчеркивал безрассудное поведение Буондельмонте: «И тотчас же он пожелал это сделать без всякого совета», т.е., не оповестив, согласно обычаю заключения брака, о своем решении родственников, консортов, друзей и союзников семьи, «покрыв позором женщину из рода Амидеи», а также и Оддо Арриги. Последний снова собрал совет своего клана, на котором ему предлагали побить оскорбителя палкой или ранить его в лицо (оба действия считалась позорными). Но Моска ди Ламберти[30], старейшина рода, сказал: «Если ты только ударишь или ранишь его, позаботься прежде выкопать себе могилу, где тебя похоронят; но дай ему так, чтобы отплатить равно той обиде, которую тебе причинили»[31].

Оценки поведения Буондельмонте различались у анонима XIII в. и Джованни Виллани[32]. Энрико Фаини критически оценивал сведения Джованни Виллани на основе сравнения нескольких более ранних анналов и хроник. Он пришел к выводу о несомненной достоверности события убийства Буондельмонте, но доказывал, что нарратив Джованни Виллани тенденциозен, поскольку он был составлен гвельфом уже в период полной победы гвельфской партии над гибеллинами. Виллани явно идеализировал «гвельфа» Буондельмонте, «столь прекрасного и изящного кавалера» — молодого рыцаря «в новой белой одежде и на белоснежном породистом скакуне»[33]. Возможно, причиной этой сублимации образа Буондельмонте явилась не только партийная принадлежность, но и личные отношения: Ф. Рагоне отмечала, что Буондельмонти были связаны с Бонаккорси, компаньонами Джованни Виллани, деловыми узами и вступали с ними в брачные союзы, более того, брат хрониста Маттео Виллани был женат на Лизе ди Монте Буондельмонти[34].

---

[30] *Данте.* Божественная Комедия. Ад, 28. 106—109. Данте поместил старейшину рода Ламберти в круг восьмой, девятый ров Ада, где терзались зачинщики раздоров. «И Моску вспомни в том числе, / Сказавшего: "Кто кончил, — дело справил" / Он злой посев принес родной земле» / "И смерть своим сокровным" — я добавил».

[31] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 118—119. Джованни Виллани передавал слова Моска поговоркой «Конец венчает дело». См.: *Виллани Дж.* 38. С. 130.

[32] *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 38—39. С. 129—131; VI. 39. С. 157—159, 42—43. С. 160—161, 51. С. 166, 57. С. 169, 63. С. 173, 65. С. 174—175, 78—79. С. 183—187; VII. 2. С. 199, 13—16. С. 207—212. *Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 29. С. Раведжи, хотя и высоко оценивал степень достоверности приводимых Виллани имен знати в партиях гвельфов и гибеллинов, а также его точность в хронологическом изложении событий, все же также считал эту версию легендарной.

[33] В роли фигуры ангелической интерпретировался Буондельмонте. Джованни Виллани относился с отеческим благоволением к рыцарю, который «погиб из-за коварства дьявола, не заслуживая смерти в этот день Пасхи». См.: *Faini E.* Il convito fiorentino del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino // Annali di storia Firenze. 2006. Vol. I. P. 108.

[34] *Ragone F.* Giovanni Villani e i suoi continuatori. P. 188, 231.

Как видно из этого описания, весьма благоразумно и сдержанно, строго следуя традиционной стратегии рода-консортерии, поступал как раз не будущий гвельф Буондельмонте, а один из будущих предводителей гибеллинов Оддо Арриги, и эта деталь у анонима оттеняет самонадеянность и нежелание считаться с традициями и обычаями, свойственные Буондельмонте. Эти качества, по мнению Э. Фаини, нельзя объяснить молодостью Буондельмонте: невозможно установить его возраст к моменту гибели, но нашлось документальное свидетельство, что к 1216 г. он уже 4 года был вдовцом, что говорит не в пользу столь уж юного возраста, а те, с кем он пировал, являлись зрелыми мужами, активно подвизающимися на политическом поприще Флоренции по 10—15 лет[35], да и сам Буондельмонте, если верить данным хроники П. Пьери, во второй половине 1214 г. занимал высший пост консула Флоренции вместе с мессером Моска Ламберти, что также отнюдь не свидетельствует о его юности и незрелости[36]. Доводы Э. Фаини, доказывающие тенденциозность описания этой файды у Джованни Виллани, представляются убедительными[37].

Иной вариант комментария фрагмента текста с описанием пира дал американский историк Дж. Нэйджеми, который пришел к выводу, что сцена пира у анонимного автора показана с позиций «пополанской критики» агрессивных и варварских нравов флорентийского рыцарства из старых знатных родов. Историк заявлял: «Мы не знаем, был ли автор хроники сторонником народа, но его видение события, уже тогда ставшего легендой, определенно испытало влияние пополанской критики в адрес социального поведения элиты. Ни один читатель хроники не может не отметить, что все значимые протагонисты эпизода принадлежали к фамилиям, которые впоследствии будут объявлены магнатскими»[38]. Далее он развивал этот тезис, указывая: «...Хронист расцвечивает их в антиаристократическом духе, в котором склонность грандов к насилию всплывает из их приверженности к куртуазным ритуалам, которыми было окружено рыцарство. Таким образом, рассказ выполняет функцию параболы изначального греха, который влек необходимость наказания элиты со стороны народа»[39].

---

[35] *Faini E.* Il convito fiorentino del 1216. P. 120—121.

[36] *Pieri P.* Cronica. P. 14. Правление Подеста (с 1207 г.) и консулов некоторое время чередовалось во Флоренции.

[37] Интересно, что Данте устами своего предка Каччагвиды также порицал Буондельмонте. «О, Буондельмонте, ты в недобрый час / Брак с ним отверг, приняв совет лукавый! / Тот был бы весел, кто скорбит сейчас, / Низринь тебя в глубь Эмы всемогущий, / Когда ты в город ехал в первый раз» // *Данте.* Божественная комедия. Рай. 16. 139—142.

[38] *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. Torino, 2014. P. 13.

[39] Ibid. P. 14.

Нам представляется, что если в рассматриваемом нарративе и имеется нота осуждения «нерыцарского» поведения на пиру, выражаемая термином *villanamente* (грубо, по-хамски), то в ней скорее содержится элемент порицания отступлений от куртуазных предписаний, но отсутствуют основания увидеть, что хронист действует с позиций «пополанской критики».

Трудно согласиться и с заявлением Нэйджеми, что автор, писавший в 80-е гг. XIII в., переносил на отношения между кланами начала столетия «политическую лексику», которую американский историк обозначает лишь двумя терминами: *consiglio* (совет), имея в виду ассамблею членов дружественных кланов, собравшуюся с целью объявить вендетту или заключить мир, и *trattatto* (договор) в случаях, когда речь шла о заключении брачных союзов.

На протяжении своего рассказа анонимный хронист скорее не употреблял термины, содержащие политический или идеологический смысл. В нем фигурировали «друзья» (*amici*), «родственники» (*parenti*), «примирение» (*pace*), «согласие» (*concordia*), «женитьба» (*togliere per molgle*), «позор» (*vituperio*), «месть» (*vendetta*). Эта терминология обычно сопутствовала описаниям файды между консортериями. Приводимые неизвестным хронистом детали свидетельствовали, что Одарриго Фифанти и его союзники мстили, не отступая от обычая: «И получилось среди них так решить, что вендетта должна осуществиться в этом месте, где собрались люди для обычая брачной клятвы. И в утро пасхального Воскресения, у подножия Марса, как входить на Старый Мост, мессер Буондельмонте проскакал на породистой лошади в одежде из зендяни и в плаще с праздничной гирляндой, тогда мессер Скьятта дельи Уберти забежал ему за спину и дал ему палицей по голове, и сбросил его с лошади на землю. И тут же мессер Оддо Арриги ножом перерезал ему вены и бросил его умирать. И это было сделано у дома Амидеи. Тогда поднялся великий шум, и он был помещен на носилки, а супруга (дочь Форезе Донати) стояла у носилок, держала его голову, прижимая к утробе, и рыдала; и по всей Флоренции таким образом пронесли его». Во-первых, имело место стремление к паритету между отмщением и нанесенным оскорблением, согласно совету Моска Ламберти, данному Одарриго. Наконец, акт мести вершился публично, что было обязательным условием вендетты: она состоялась «в том месте, где собрались люди» (*vendetta fosse fatta in quello loco dove la gente era raunata...*)[40].

Привлекая к анализу два более ранних текста[41], Э. Фаини обращал внимание на то, что там вообще не упоминалось о начале файды между Бу-

[40] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 119.

[41] *Faini E.* Il convito fiorentino del 1216. P. 126—128. Он привлекал самые ранние анналы на латыни: *Annales Florentini II*, охватывающий период с 1107 по 1247 гг., и *Gesta Florentinorum*. Сандзаноме «являлся в полном смысле этого слова чле-

ондельмонти и Фифанти-Ламберти-Амидеи в 1216 г., хотя нет оснований считать, что эти источники появились позже XIII в. Почему данный эпизод «не заметили» авторы, которые являлись непосредственными свидетелями события? Ответ, скорее всего, заключается в том, что родовые файды и вендетты были обычным явлением в условиях многообразия судебных и внесудебных форм, которое отличало итальянские города-коммуны[42].

Сохранение значения консортерий в городе предполагало укоренение обычаев и традиционных норм родового права. Более того, в морально-дидактических трактатах XIII в. имелись наставления в том, как следует выражать ненависть и вершить месть. В частности, можно привести труд Боно Джамбони[43], в котором он помещал месть (*vendetta*) в ряд естественных добродетелей, а не пороков: «На пути Вендетты приобретается истинная справедливость между врагами <...> Если один враг захочет оскорбить другого, тот, кого он пожелал оскорбить, может защищаться по велению природы (естественному праву) и оскорбить врага своего, и ему с ним разрешается поступить путем насилия или оскорбления. И когда тот защищается и объявляет Вендетту, это и есть то правосудие, которое один враг против другого может использовать; и используя его <...>, т.е. оскорбляя врага в свою защиту, он не имеет никакой вины, потому что Вендетта призывает на этот путь»[44]. Фаини приводил дидактический трактат Филиппо Чеффи *Dicerie da imparare a dire a huomini giovani et rozzi*, где автор XIII в. учил нормам практики мести: «как должно говорить и склонять друзей сделать вендетту» и «как должно им отвечать»[45]. Думается, что эти сведения о восприятии

ном аристократии, состоял в наиболее близких к Уберто дельи Инфангати отношениях, и через эту связь он не может быть отчужден от кровавых событий 1216 г.» // Ibid. P. 128.

[42] *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale [In corso di stampa in Pratiques sociales et politiques judiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Âge] (Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome, l'Université d'Avignon et des Pays-de-Vaucluse, l'Università degli studi di Firenze et l'Institut universitaire de France, Avignon, 29 novembre—1 décembre 2001) / A cura di J. Chiffoleau, C. Gauvard, A. Zorzi, Roma, 2007. P. 3.

[43] *Segre C.* Bono Giamboni e la cultura fiorentina del Duecento // *Giamboni B.* Il trattato di virtù e di vizi // *Giamboni B.* Il libro de' vizî e delle virtudi e il trattato di virtù e di vizi / Ed. C. Segre. Torino, 1968. P. XIII—XIV. Боно Джамбони более всего известен своими переводами многих произведений с латыни и французского на народный язык. Боно, как и его отец, происходил из флорентийской семьи Джамбони, видимо, имел юридическое образование, исполняя функции судьи при Подеста и другие должности с 1261 по 1292 гг. 9 раз.

[44] *Giamboni B.* Il trattato di virtù e di vizi // *Giamboni B.* Il libro de' vizî e delle virtudi e il trattato di virtù e di vizi / Ed. C. Segre. Torino, 1968. P. 135.

[45] «Синьоры, то, что сделано, нельзя вернуть назад, но следует подумать о том, как умалить оскорбление достойной вендеттой, находя утешение в надежде на ваш совет и вашу помощь. И поэтому, синьоры, я прошу вас, поскольку я вел с вами

вендетты в XIII—начале XIV в. окажутся полезными, учитывая неразделимость социальных и партийных противоречий с отношениями родовой вражды в городских коммунах.

Э. Фаини убедительно доказал на основе документальных актов, что представители враждующих фамилий после 1216 г. заседали в одних советах и коллегиях, выступали свидетелями и поручителями по одним и тем же делам, сообща владели имуществом, держали совместный патронат над церквями и монастырями, роднились, заключая брачные союзы, что не дает оснований утверждать разделение общества на партии или усматривать социальную подоплеку событий начала XIII в.[46] Современники «Пасхи на крови» либо не заметили указанного события, не видя в нем никакого иного смысла, кроме обычной вражды могущественных фамилий, либо описывали именно как начало традиционной родовой файды, вспыхнувшей из-за случайной ссоры на пиру.

Согласно версии Псевдо-Брунетто, файда «...длилась долгое время, затем Буондельмонти и Уберти заключили мир, скрепленный по обычаю новыми брачными союзами; и мессер Риньери Дзингани ди Буондельмонти отдал дочь в жены мессеру Нери Пикколино дельи Уберти, брату мессера Фаринаты; и это произошло в 1239 г.». Как часто случалось, примирение не положило конца разросшейся родовой вражде: «Так получилось, что Уберти, Ламберти, Капонсакки и Амидеи, графы да Гангаланди, Боголези и Фифанти пошли в Кампи на службу к Бертальди; и они были Буондельмонти и их последователями гвельфами предательски поражены и убиты; и мессера Якопо делла Скьятта Уберти убил Симоне Донати, а мессера Оддо Арриги де Фифанти прикончили другие знатные и благородные люди; и мессеру Гвидо де Галли был отсечен нос вместе со всей губой, так что расщелина рта теперь с каждой стороны доходила до самых ушей»[47]. Снова следует обратить внимание, что аноним выделял нерыцарское, «предательское» поведение Буондельмонте и следующих за ним гвельфов, возобновивших файду.

Анонимный хронист и далее отражал скорее типичную картину вендетты, нежели борьбы политических фракций. Кроме того, в дальнейших аннотациях заметно его пристрастие к описанию куртуазного поведения исторических персонажей. Выразительный кадр куртуазных отношений был подробно представлен в связи с возобновлением кровной вражды, сопровождаемым сюжетом отказа

общие дела в прошлом, чтобы вы были со мной теперь <...> От этого дела, как мне думается, прибудет удовлетворение и для вас, потому что оно сделает честь всем моим друзьям и родственникам» // *Ceffi F.* Dicerie da imparare a dire a huomini giovani et rozzi / A cura di L. Biondi. Torino, 1825. P. 73—74.

[46] *Faini E.* Il convito fiorentino del 1216. P. 116—120.

[47] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 119—120.

от брака, скреплявшего примирение сторон в 1239 г. Мессер Нери Пикколино из рода Уберти «отослал жену к отцу, говоря: "Я не хочу плодить поколения от предателей"». Далее следовал эпизод явно в духе куртуазно-рыцарской литературы. Вернувшуюся в свой линьяж женщину, «даму очень достойную, мудрую и красивую», ее отец Риньери Буондельмонти «против ее воли вновь выдал замуж за графа Панноккино Паннокьески». И «когда муж в своем доме захотел получить от нее удовольствие, как ему было должно, женщина заплакала и просила его о пощаде: "Благородный человек, я прошу тебя, взывая к твоей учтивости (*cortesia*): ты не должен принуждать меня, совершая насилие. Знай же, что ты обманываешься, я не могу быть твоей женой, ибо я супруга самого мудрого и лучшего кавалера в Италии, т.е. мессера Нери Пикколино дельи Уберти из Флоренции"». После этих речей граф Панноккино, «как воистину благородный и учтивый человек, отказался от наслаждения, но <...> с любовью предоставил ей утешение и советы, достойные и великие дары, а также сопровождающую свиту. И она стала монахиней, затворившись в монастыре Монтичелли Старом»[48]. Разумеется, трудно определить степень выдумки в этом эпизоде, но на мысль о литературной обработке текста наводят пространные монологические высказывания, вкладываемые в уста персонажей, обычно не употребляемые в нарративах других аннотаций этой хроники. Приведенные фрагменты раскрывают, на наш взгляд, склонность неизвестного хрониста к рыцарско-куртуазной культуре, хотя невозможно определить его причастность к направлению нового сладостного стиля. Куртуазные эпизоды еще больше оттеняются некоторыми элементами описания повседневности войн, которые вели между собой города Тосканы. Автор не щадит своих соотечественников, флорентийских граждан. В рассказе о войне Флоренции с Сиеной (1229—1235) автор между делом сообщал об одной из побед своей коммуны (1230 г.): «И не проявляли флорентийцы никакого милосердия; все, что могли, разрушали и предавали огню. Пленников, которых привели во Флоренцию, насчитывалось 1335 человек; и захвачены были многие красивые женщины из Сиены, и силой приведены во Флоренцию как наложницы тех, кто на них наживались»[49].

Но самое главное заключается в том, что вряд ли возможно анализировать один фрагмент, вырывая его из контекста всего произведения. Между тем доблестных героев анонимный автор ищет и находит сре-

[48] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 120.

[49] Ibid. P. 124. Виллани упоминал о событиях 1230 г., не приводя рассматриваемой детали. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 6. С. 136.

ди знатных рыцарей. Повествуя о приходе в Италию императора Генриха II (1040 г.), сына или зятя Конрада I[50], автор указывал, что Генрих II пошел на Флоренцию «и разбил лагерь у Епископата, но флорентийцы вышли ему навстречу с большим количеством народа и кавалеров и победили, обратив в бегство». Немногие из них были убиты, но многие раненые излечились целительной водой, стекающей с холма Фьезоле в бассейн, сделанный во времена римлян. Предводителем победоносного войска являлся Уголино дельи Уги из рода «благородных людей, основавших церковь Санта Мария дельи Уги во Флоренции и церковь Св. Мартина в Монтуги, где полководец потом устроил тюрьму для 27-и знатных людей, захваченных во время указанной битвы, каковые затем выкупились за большие деньги»[51]. Автора интересовали героические деяния фамилий древней знати: от рода Уги к тому времени, когда он составлял свою хронику, осталось в городе и его окрестностях лишь два топонима: ими основанная церковь Санта Мария дельи Уги и холм Монтуги в окрестностях Флоренции. Хронист указывал, что «благородный Уголино дельи Уги» вступил в вендетту с родом Бертельди, обосновавшимся в контадо Флоренции, которая вылилась в «большую войну с ранеными и убитыми из-за одной дамы из рода Ламберти, к которой Уголино и один из Бертельди питали любовь, каковая война привела к тому, что каждый род истощил имущество и потерял много персон»[52].

Еще одним героическим персонажем в хронике выступал представитель древнего рода Убертини, родившийся во Флоренции. Гибеллин Гульельмино Убертини, епископ Ареццо, «человек дерзкий и мастер войны», со своей маснадой он сумел захватить один замок у сиенцев, и они удерживали его 14 месяцев 19 дней, вынужденные есть мышей, крыс, глодать кожу и щепки; и собирали они росу из-за жажды, которой были томимы, и наконец, и пили свою же мочу»[53]. Автор явно подчеркивал мужество и стойкость епископа и его войска, хотя он воевал против Флоренции.

Наконец, знаменательна ремарка, которой автор подытоживал сражение при Кампальдино (1289 г.): в нем флорентицы одержали победу

[50] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 82—83. Аннотация о приходе Генриха в Тоскану и его столкновении с флорентийским войском не датирована. Об этом императоре см.: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 15. С. 88—89.

[51] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 82. Малиспини возводил род Уги к древним римлянам: они произошли от соратника легендарного Уберто, вместе с ним явившегося во Флоренцию (*Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. XXXI. P. 70; Cap LII. P. 138). Представитель этого рода Уго дельи Уги находился в свите нобилей сопровождавших Карла Великого. См.: Ibid. Cap LIII. P. 146—147. О фамилии Уги упоминал Дж. Виллани, перечисляя знатные роды, обитающие в Сан Панкрацио. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 12. С. 86.

[52] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 83.

[53] Ibid. P. 130.

над Ареццо и гибеллинскими силами Тосканы. Аноним отмечал, что у флорентийцев были убиты 2 знатных кавалера, один из них был мессер Биндо Баскьера делла Тоза. Но основное внимание автора приковано к вражеской стороне: «Со стороны аретинцев были убиты многие нобили, а также благородные и достойные люди, почти весь цвет лучших воинов Тосканы: это был мессер Гульельмино дельи Убертини, епископ Ареццо, мессер Гульельмино Пацци ди Пацци да Вальдарно, Нери Пикколино и Федериго ди мессер Фарината <...>, все три рыцаря из Уберти, Чанте ди Фифанти, два графа да Монтефельтро <...>, Данте дельи Абати <...> со многими другими знатными людьми. Таковых и за 100 лет до этого в Тоскане невозможно было бы найти в некоторое иное время. Их было 8000 кавалеров <...> и 12 из них являлись паладинами; и столь отважно они сражались, что так никогда не делали паладины Франции, но более 1250 из них были убиты». Оплакивая цвет тосканского рыцарства, павший при Кампальдино, благородству и героической самоотверженности идеальных кавалеров хронист противопоставлял подлость «Гвидо, графа Новелло, который находился на одном из холмов со знаменем и 300-ми кавалерами, и как только битва началась, должен был напасть на флорентийцев; но он, как трус и подлец, поскорее ушел и отправился восвояси»[54]. Позиция автора, в приведенных нарративах скорбящего по врагам Флоренции, противоречит коммунальной идентичности и «флорентинизму» горожанина, его одобрение и позитивные оценки явно направлены в адрес рыцарей — доблестных и отважных в сражении кавалеров, их куртуазной верности традициям и клятвам, их жертвенности и изысканности жестов, выражающих великодушие и благородство его героев.

В хронике анонима XIII в., помимо аннотаций, посвященных деяниям пап и императоров (биполярная модель социально-политического универсума явно доминирует в его сознании), значительное внимание отводилось представителям нобильско-рыцарской среды, культурно-этические ценности которых явно близки установкам автора. Трудно сказать, являлся ли он гибеллином, поскольку партийная идентичность не отразилась непосредственно в его хронике, тогда как она, например, явно выражена в «Хроникетте» его младшего современника Нери Стринати. Предводителям тосканских гибеллинов, павшим в битве при Кампальдино, он сочувствовал не столько как главам партии, сколько как доблестным воинам, цвету рыцарства Италии, противопоставляя им модель антирыцарского поведения предателя и труса Гвидо Новелло из рода графов Гвиди[55]. Личности пополанов почти не предстают со

[54] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 135.

[55] Виллани подробно повествовал о происхождении этого рода (*Виллани Дж.* Новая хроника. V. 37. С. 128—129); об исполнении Гвидо Новелло (ставленником короля Манфреда) обязанностей наместника Тосканы и Подеста Флоренции с

страниц этого произведения, за исключением, пожалуй, Джано делла Белла, который по сути также происходил из знатного нобильского рода.

Возвращаясь к оценкам Дж. Нэйджеми: «Описания XIII в. об образах поведения элиты проистекают более всего от хроник, симпатизирующих народу или законодательству, исходящему от народных режимов с репрессивными целями...»[56], следует уточнить, что в анализируемом произведении вряд ли возможно обнаружить позицию «пополанской критики» городских нобилей и кавалеров, весьма заметную в городской новеллистике XIV в.

§ 3. Достоинства и пороки рыцарей в восприятии горожан XIV—XV в.

В Италии XIII в. для обозначения представителя воинского сословия использовались, как правило, два синонимичных термина: латинский термин *miles* («человек войны» «воин»), как полагал Ф. Кардини, с конца X и в XI в. начал сочетаться с более специфической дефиницией *cavalliere* («конный воин», «рыцарь»). Термины, по мнению Кардини, различались по культурно-этическим коннотациям: обозначение *miles* предполагало только силу, ловкость и храбрость, тогда как морально-этическое наполнение термина *cavalliere* существенно расширялось и обогащалось такими рыцарскими ценностями, как достоинство, скромность, величие, щедрость[57]. В этой связи уместно привести заключение Ж.-К. Мэр Вигёра: «Термин *milites* в коммунальных источниках не имел того богатства значений, в которых он использовался в других областях западноевропейского Средневековья. Он служил почти исключительно для указания двух типов: прежде всего, в смысле чисто военном для обозначения кавалерии, т.е. тех, кто на полях сражений бились верхом на коне; во-вторых, в смысле более широком –

1260 (VI . 79. C. 186; 81—82, 84—85 C. 188—189, 190—191); Виллани осуждал Гвидо Новелло за то, что тот разорил своего брата Симоне и своего родственника Гвидо Гверра VI. 81. C. 188); за то, что он «опустошил все кладовые Флоренции, забрав оттуда замечательные арбалеты и другое военное снаряжение, которое он отправил в свой замок Поппи в Казентино» (VI. 85. C. 190—191); за то, что чрезмерно отяготил народ Флоренции налогами (VII. 13. C. 207), за то, что в 1266 г. приказал снова ввести дополнительный налог по 10 сольди со 100 и разогнал воспротивившуюся этому комиссию 36-и. См.: Там же. VII. 14. C. 209—210.

[56] *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. Torino, 2014. P. 17.

[57] *Cardini F.* Introduzione // Cavalieri e città nella società italica medievale. P. 6.

социальном — совокупность знатных фамилий, которые снабжали кавалерами коммунальные войска»[58].

Рыцарское звание, как уже говорилось, являлось одним из двух обязательных признаков, по которым определялась принадлежность к знатному роду в первой половине XIV в. Лапо да Кастильонкьо и Винченцо Боргини признавали рыцарский титул признаком знатности. Боргини заявлял: «Рыцарское достоинство по своей природе выступает важнейшей степенью знатности и надежным указателем на ее наличие, ничуть не сомнительным и не заключающим в себе никакой внутренней двусмысленности и темных мест». Однако из источников различного жанра высвечивается то ясное осознание, то смутное ощущение флорентийскими гражданами относительности и условности, связанной с рыцарским достоинством. Тот же Боргини констатировал новшества, отличающие этот критерий в его время: «В наш век, из-за нашествия варваров в Италию и разрушения истинной Римской империи, вводятся новые обычаи, новые мнения, новые правила и новые нравы <...> И они касаются рыцарства (*cavalleria, militia*)»[59].

Тема рыцарского достоинства в городском обществе привлекала внимание не только светских писателей и историков, но и представителей церкви. Весьма почитаемый во Флоренции XIII в. проповедник и известный интеллектуал конца XIII в. Ремиджо деи Джиролами в одной из проповедей, произнесенной в церкви Санта Мария Новелла, приором которой он являлся, осуждал морально-этический упадок рыцарства во Флоренции. Ремиджо осознавал неоднородность городского рыцарства. Он сравнивал 4 типа рыцарей: выходцы из аристократических фамилий, рыцари удачи (случая), т.е. купившие рыцарский титул за деньги, приобретшие его по протекции или получившие за особые заслуги перед коммуной; рыцари, преследуемые судьбой, т.е. неспособные поддерживать социальный уровень, к которому по рождению принадлежали; и наконец, святые, т.е. рыцари по Божьему соизволению, включенные в ряды небесного воинства. Доминиканец Джиролами, естественно, вечность небесного воинства предпочитал рыцарству светскому. Самое большое значение он придавал тому, чтобы не утрачивалось благородство этики рыцарского сословия[60]. Популярный про-

[58] *Maire Vigueur J.-C.* Cavalieri e cittadini. P. 16.

[59] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. P. 54, n. 23; P. 57, n. 25.

[60] *Salvemini G.* La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze ed altri scritti. Firenze, 1896. P. 27; Milano, 1972. P. 110—120; *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Torino, 1962. P. 90—97; *Catalano F.* Stato e società nei secoli. Messina;Firenze, 1967. P. 230—231. См. также: *Gagliardi I.* Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici // Cavalieri e città / A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19—21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 168.

поведник в своей градации зафиксировал различные типы рыцарей. Выходцы из знатных фамилий с рыцарскими шпорами соответствовали той категории Франко Кардини, к которой он относил «старых магнатов», носителей идеала «аристократического кавалера», прославляемого эпической и авантюрной литературой. Рыцари удачи соответствовали другой модели, которая подразумевала рыцарей из «новых богачей», среди них «парвеню» с деньгами и властью[61].

Действительно, рыцарское достоинство городской знати не получило во Флоренции значения категории, маркирующей принадлежность к определенной социальной страте, подобной слою вальвассоров в Милане, сплотившемуся в XII в. в борьбе против архиепископа и крупных синьоров — капитанов — за наследственные права владения своими ленами. Тем не менее, для нобильских фамилий рыцарство являлось наиболее естественным признаком. В начале XIV в. более всего рыцарей насчитывалось в фамилии Адимари — 16, за ними шли делла Тоза — 8, Росси и Кваль канти имели по 7 кавалеров в каждой фамилии; у Буондельмонти и Джандонати — по 6, у Торнаквинчи и Фрескобальди — по 5, у Черки и Пацци — по 4, у Скали и Абати — по 3, у Герардини, Пульчи, Барди и Моцци — по 2 в каждой фамилии, у Джанфильяцци, Альи, Виздомини, Нерли и Арригуччи — по 1 рыцарю[62].

В том случае, когда речь идет об урбанизированной знати, следует отметить существенное изменение ее образа жизни внутри городских стен. Рыцарское звание часто отрывалось от предназначения быть профессиональным воином и вести соответствующий образ жизни, особенно по мере того как городское ополчение утрачивало свое значение. Из-под пера современников выявляется значительная степень условности рыцарского достоинства как основного сословно-профессионального признака в городском обществе. Кастильонкьо в теоретической части своей «Эпистолы» отмечал: «...Ясно, что сегодня не служба в войске делает человека нобилем, но им становится тот, какового народ признает». По этой причине придворные рыцари, как считал автор, не могут считаться знатными, как и представители ордена Веселящихся братьев, если народ их таковыми не считает[63].

Рефлексию по поводу подлинного рыцарства выражал известный новеллист Франко Саккетти, составивший свой сборник новелл около 1392 г. В нем воспроизводились ситуации, в которых часто действовали реальные персонажи, современники писателя. В последнее время у специалистов по социальной истории заметно возобновление интереса

[61] *Cardini F.* L'autunno del medioevo fiorentino. Un "umanesimo cavalleresco"? // Mito e storia nella tradizione cavalleresca del Basso Medioevo. Spoleto, 2005. P. 522—525.
[62] *Raveggi S.I.* Rettori fiorentini. P. 633.
[63] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 25.

к новеллам Саккетти, сообщающим с учетом специфики жанра ценные сведения, характеризующие ментальные установки и социальные отношения в городском обществе. О новеллах Саккетти, как ценном источнике, упоминала и современная исследовательница Изабелла Гальярди, черпая из него аргументы при изучении символов и коннотаций рыцарских ритуалов и церемоний[64]. Жанр плутовской новеллы предписывал известную амбивалентность ситуаций, но содержание рассказов Ф. Саккетти отражало и противоречивость реалий городского социума. В сборнике Саккетти имеются новеллы о настоящих благородных рыцарях, например, о Ридольфо да Камерино, умеющего поставить на место зарвавшихся простолюдинов[65]. С другой стороны, в его сюжетах содержатся насмешки над пустым тщеславием кавалеров, происходящих из древних фамилий, а также над чрезмерной сложностью, пышностью и изощренностью их ритуалов. В первом случае можно привести в пример образ Кантино Кавальканти, «участника турниров и фехтовальщика, стоящего торжественно и гордо», но ставшего смешным и жалким, «когда к нему в штаны вдруг забралась мышь»[66]. В новелле о «молодом дворянине Адимари», «надменном и невежливом», поскольку, проезжая по городу, он так расставлял ноги в стороны, что занимал всю улицу, автор приписывал великому Данте слова собственного осуждения: «Он заслуживает большего наказания, ведь, как я полагаю, злоупотребление правом коммуны есть величайшее преступление»[67]. Уголотто дельи Альи «предпочитал постоянно говорить по-немецки, держал сокола», но был крайне суеверен и панически боялся смерти, из-за чего подвергался насмешкам и жестоким мистификациям, «пугавшим его по ночам до смерти»[68]. Некий из Пацци, «настоящий дворянин, превосходно знающий толк в охоте на птицу и всякую дичь, <...> в езде верхом», промышлял тем, что «давал деньги в рост»[69]. Издевку над обрядом посвящения в рыцари Ф. Саккетти вкладывал в уста некоего шута, «производящего в рыцари пьяницу, сидя на нем верхом»[70]. В этой ин-

[64] *Gagliardi I.* Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici. P. 173.

[65] *Саккетти Ф.* Новеллы. 90. Мораль Саккетти: «О, сколь следует хвалить синьора, если он <...> показывает великодушие и широту своего сердца, делающую его великим и возносящую его до звезд».

[66] Там же. 76.

[67] Там же. 114. По мнению Сакетти, «этого не мог простить весь род Адимари, <...> а это и стало главной причиной изгнания Данте из Флоренции, что явилось позором для его коммуны».

[68] Там же. 78.

[69] Там же. 128.

[70] Там же. 82. Последняя новелла стала предметом тщательного исследования в статье Изабеллы Гальярди, которая характеризовала ее как «наиболее горькую и жестокую пародию на церемонию производства в рыцари». Перед синьором

версии рыцарского обряда, возможно, проявлялась критическая рефлексия Саккетти по поводу отрыва рыцарского звания в городе от придворной культуры.

Ноты восхищения нравами старого подлинного рыцарства и ностальгия по прежним понятиям о его чести и достоинстве совмещалась в новеллах Саккетти с критикой обычаев и образа жизни «нового рыцарства», рожденного в условиях городского социума и тесно в него инкорпорированного, но неизбежно утрачивающего традиционные атрибуты рыцарского сословия. Эта ситуация отражала городскую реальность, поскольку в ней обладателями рыцарского титула становились выходцы из пополанских слоев населения, которых коммуна жаловала рыцарским достоинством за особые заслуги перед городом. Со второй половины XIII в. во Флоренции возрастала тенденция к возведению граждан в рыцарское достоинство. Джованни Виллани утверждал, что к 1340 г. в коммуне насчитывалось 1506 имен грандов и потентатов, 250 из которых были «народными рыцарями», но «немногие хотели делаться рыцарями, поскольку это умаляло их доступ к власти»[71]. Винченцо Боргини размышлял о том, насколько ясной была традиционная картина, когда военное искусство являлось прерогативой грандов, а пополаны не руководили войсками и редко становились рыцарями. «Но затем и пополаны стали доказывать, что они ценят и понимают военное искусство и, управляя во время войны, начали руководить войсками как предводители и полководцы, а не только участвовать как солдаты, и появились тогда "рыцари-пополаны". Но если в начале рыцарское достоинство жаловалось им за личные заслуги и доблесть, как заслуженная награда, то затем народ начал раздавать его согласно своим собственным страстям». Флорентийский эрудит констатировал не без сожаления: «Признаков знатности <...>, как и путей распознания ее <...> есть множество в случаях, когда она не унаследована от предков»[72].

Милана Бернабо Висконти и его двором шут совершал пародийный обряд, обмазывая пьяного слугу навозом, и говоря: «Ты сделал его рыцарем омоченным, я сделаю его рыцарем огаженным». См.: *Gagliardi I.* Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici. P. 175—176.

[71] *Виллани Дж.* Новая хроника. X. 93; *Borghini V.* Storia della nobiltà. P. 58—59. Винченцо Боргини приводил в пример историю договора между Флоренцией и Луккой по захвату Пистойи, в которую флорентийцы должны были послать Капитана народа, а луккезцы — Подеста. Флоренция назначила на этот пост «почтенного кавалера», а луккезцы — простого и «очень бедного» нотариуса, которого стыдились жители Пистойи, а они, «хотя и были подчинены, но все-таки очень склонны вспоминать свой древний дух», и, несмотря на договор, «отказались принять его», отдав тем самым все преимущества флорентийцам. О производстве в рыцарство таких пополанов см.: *Guidi G.* Il governo della città-Republica di Firenze. P. 124.

[72] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. P. 59, n. 27.

Имелась и еще одна ситуация, когда пополаны могли получить рыцарские шпоры, особенно заметная с середины XIV в. По мере роста территории флорентийского контадо распространялась практика производить в рыцари граждан в тех случаях, если они избирались комендантами, Капитанами народа и Подеста в подвластные коммуне города и селения контадо на 1 год, затем (с 1290 г.) на 6 месяцев. В этих случаях рыцарские шпоры навешивались в обязательном порядке, иногда даже и против желания горожан становиться кавалерами. В. Боргини отмечал эту тенденцию: «Пополаны стали призываться в правители (Подеста и Капитанами в селения и крепости)», «для придания веса именам и полномочиям их делали Судьями и Кавалерами», о чем «так прочувствованно сожалел Франко Сакетти в одной из своих новелл»[73]. Действительно, Саккетти обращал внимание на подобные случаи: «Как случилось, что один судья, чтобы ему можно было стать ректором, сделался кавалером? Настоящая наука пристала дворянину, без барыша, без сидения за пюпитром для подачи советов<...> Бывает и хуже, когда нотарии становятся дворянами и даже кое-чем повыше, и пенал превращается в золотые ножны<...> Хорошенькое рыцарское занятие! О, несчастное рыцарство, ты пошло ко дну!». В другой новелле он резко осуждал тех, кто «без коня и даже без осла <...> становятся синьорами, и даже, что еще более страшно, правят, не производя юстиции»[74].

И. Гальярди отмечала, что для Саккетти только рыцарство, неотрывное от занятий военным делом, являлось полностью легитимным, но автор новелл видел в городской среде разрыв между службой в кавалерии и знатностью. Снижение шкалы ценностей, которым сопровождался быстрый рост числа кавалеров, вызывало отвращение у Ф. Саккетти, поскольку влекло за собой полный упадок рыцарской этики. Тема девальвации ценностей рыцарского сословия звучала и в проповедях Ремиджо деи Джиролами[75].

Происходящий из знатного рода Франко Саккетти рефлексировал и по поводу смешанности признаков и неопределенности границ при попытках отличить знатных и незнатных, рыцарей и не-рыцарей. Писателя занимал сюжет о девальвации самих понятий «знатность» и «рыцарская честь», который апробировался в различных новеллах о «народных рыцарях», в качестве которых фигурировали те самые Подестà и коменданты, производимые коммуной в ранг кавалеров. Можно привести в пример некоего ремесленника-башмачника, который «ввиду своего намерения сделаться кастеляном (комендантом), тотчас от-

[73] *Borghini V.* Storia della nobiltà fiorentina. P. 57—59, n. 24—26.
[74] *Саккетти Ф.* Новеллы. 153, 79.
[75] *Gagliardi I.* Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici. P. 168.

правляется в мастерскую самого Джотто, чтобы заказать рыцарский герб»; бедного нобиля, «благородного только по общераспространенному неправильному словоупотреблению», который промышлял бродяжничеством и воровством в округе Флоренции; еще «одного рыцаря из флорентийских Барди, человека очень маленького роста, почти никогда не только не обращавшегося к оружию, но даже и не ездившего верхом», откупавшегося от поединков флоринами, хотя и заказавшего себе нашлемник с медведем[76]. В отдельных случаях для выражения дуализма в оценках городского рыцарства использовались жесты, в которых фигурировал шут Дольчибене, гистрион или буффон. Такой персонаж также мог исполнять обязанности коммунального герольда, и как таковой получал рыцарское достоинство от коммуны[77]. Рефлексия о подлинной знатности и рыцарской чести выражалась новеллистом относительно тех, кто купил рыцарство на доходы от ростовщичества или возведенных в соответствующее достоинство ремесленников и наемных рабочих: «Во Флоренции к стыду и позору дворянского звания, которое, как я вижу, низводится до конюшни и свинарника, был возведен в дворянство некий старый человек, страдавший подагрой, который ссужал постоянно деньги в рост и блистал богатством. Немного лет тому назад возводили в дворянство мастеров, ремесленников, даже булочников, и хуже того, чесальщиков шерсти, шерстобитов и жуликов-барышников. Из-за таких отвратительных дел дворянство можно назвать не *cavalleria*, а *cacaleria* <...> Какой-нибудь судья, чтобы стать Подестà, превращается в дворянина <...>, бывает и хуже, когда нотарии становятся дворянами <...>, и пенал превращается в золотые ножны <...> О, несчастное рыцарство, ты пошло ко дну! Если такое рыцарское звание имеет силу, то почему бы не сделать рыцарями быка, осла или какое-нибудь животное, которое обладает чувствами, хотя бы и неразумными»[78]. Несомненно, аллюзия по поводу производимых в рыцари булочников, чесальщиков шерсти и шерстобитов относилась к недавно пережитому автором восстанию чомпи и последующему режиму младших цехов (1378—1382).

Франко Саккетти, отражая реалии повседневной городской жизни, изобразил множество разнообразных вариантов типов рыцарей, которые несводимы к двум парадигмам, предложенным Франко Кардини. Рыцарство видоизменялось под влиянием коммунального общества. Но если взглянуть на рассматриваемое явление с обратной стороны, то

[76] *Саккетти Ф.* Новеллы. 63, 146, 150.

[77] *Salvemini G.* La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze ed altri scritti. P. 93—94

[78] *Саккетти Ф.* Новеллы. 153. Этой же теме посвящены новеллы 63, 64, 128. Об этих настроениях новеллиста писал Г. Сальвемини: *Salvemini G.* La dignitá cavalleresca. P. 118—125.

становится очевидным, что и городское общество коммуны отмечено многими чертами, позаимствованными из жизненного уклада, образа поведения и менталитета феодально-рыцарской среды, представленной во Флоренции сначала, прежде всего, семьями грандов, но затем все более неоднородной в социо-культурном плане.

§ 4. Значение рыцарских ритуалов в городском обществе Флоренции

Среди городских ритуалов одним из наиболее важных и популярных являлась процедура производства в рыцари, о которой уже упоминалось выше. Этот обряд по своему смысловому значению носил многоаспектный характер. В городском обществе он являлся, прежде всего, знаком чести и отличия за воинские доблести и особые заслуги перед коммуной. Лица, получившие рыцарское звание от коммуны, обладали особым статусом, который имел с течением времени тенденцию к повышению. В первые десятилетия XV в. кавалеры, наделенные рыцарским достоинством от коммуны, получали особые привилегии при избрании на должности как в республике, так и в гвельфской партии, хотя этими льготами не могли пользоваться те, кто посвящался в рыцари даже папой или императором за пределами флорентийской республики. В одном только 1429 г. коммуна произвела в рыцари представителей 150 фамилий, среди них: Альбицци, Гвиччардини, Ридольфи, Пацци (в очередной раз), Строцци, Питти и другие. Среди лиц, пожалованных этим званием, пребывали Джаноццо Манетти, Аньоло Аччайуоли, Лоренцо Ридольфи, Палла Строцци, Пьеро де Пацци, Веспасиано да Бистиччи[79].

Рассмотрим классический случай производства в рыцари гражданина коммуной за военные заслуги, который знаменателен также и тем, что описан достаточно подробно. Уже упоминаемый Якопо Сальвиати из пополанского рода особенно гордился своей карьерой полководца: под его началом находились 2500 конных и пеших солдат, с которыми он покорял в 1404 г. земли и замки Убертини и графов Баньо. Он с гордостью представлял собственные заслуги: «С помощью Господа и благодаря доблести нашей бригады, разорил все и преследовал этих Убертини и графов Баньо по дорогам их земель, так что ничего, кроме одной колокольни у них не осталось, и все это не без величайшей опасности для моей персоны, подобной которой мне никогда не приходи-

[79] *Salvemini G.* La dignità cavalleresca. P. 125.

лось испытывать»[80]. Нарратив Сальвиати, естественно, являлся саморепрезентацией, воплощавшей стремление представить себя в наиболее благоприятном свете. Так, он повествовал о своем бескорыстии: командуя войсками во время попыток захвата Пизы (в 1405 г. был назначен капитаном части войска, в 1406 г. повышен до чина Генерального капитана), он захватил две башни в ее контадо, в которых имелось «предостаточно добра», но поскольку «я ничего не желал, все вещи были отданы солдатам, а зерно я приказал оприходовать и передать Коммуне». В 1409—1410 гг. его назначили комиссаром флорентийского войска, выдвинутого против Неаполитанского короля Владислава[81].

В 1404 г. Коммуна приняла решение возвести Якопо Сальвиати в рыцарское достоинство. Тщеславный и всегда стремящийся выставить напоказ собственные воинские доблести, в этом случае весьма скромные, проявленные в деле включения в контадо Флоренции нескольких мелких замков и крепостей, отбитых у графов Баньо и Убертини, Якопо преподносил их как великий успех: «Синьоры хотели вознаградить меня за мои дела, надеясь на то, что мне будет это приятно, сделать меня Кавалером нашего народа, и, если я соглашусь стать рыцарем, предоставить мне на расходы, которые придется сделать, 600 зол. флор. Я ответил им, что я счастлив принять ту честь, каковую они мне предложили»[82]. Затем следовало подробное описание торжественной церемонии его встречи 12 октября всеми правителями города, Кавалерами и многими другими гражданами, сопровождавшими Якопо от Бадии Сан Сальви до площади Синьории. Автор всячески стремился усилить торжественность и пышность, отличающие обряд: «Поскольку это был акт из ряда вон выходящий и торжественный, и все происходило в воскресенье, и погода стояла ясная, везде было видно множество народа». Сальвиати подробно описывал великолепие процедуры посвящения: «Также была сделана большая ложа перед дворцом Синьории, в которой восседал Гонфалоньер справедливости — больной подагрой мессер Лотто ди Ванни Кастеллани», который «от имени Коммуны сделал меня Кавалером в присутствии мессера Кристофано Спини, мессера Томмазо Саккетти (каждый из них должен был надеть по шпоре) и сера Вивиано де Нери, нотария Риформанджоне, произнесшего речи в мою честь от имени Коммуны». Далее следовало описание самого обряда: облачение в «камзол из белого велюра с

[80] *Salviati J.* Cronica o Memorie di Jacopo Salviati dal 1398 al 1411 / Pubbl. da fr. Ildefonso di San Luigi // Delizie degli eruditi Toscani. Firenze, 1784. T. XVIII. P. 221.

[81] *Hurtubis P.* Une famille-temoin. Les Salviati. Città di Vaticano, 1985. P. 40. Успехи в военной карьере имел и его сын Аламанно ди Якопо, которого также назначали комиссаром войск в Лукке, но его обвиняли в злоупотреблениях и растрате средств из коммунальной казны. См.: Ibid. P. 43.

[82] *Salviati J.* Cronica o Memorie. P. 224.

алым бархатным крестом, т.е. гербом нашего народа», надевание шпор и водружение шлема, наконец, вручение шпаги и даров от Коммуны. По традиции таковыми являлись «богатый и красивый шлем, украшенный серебром с большой лилией из серебра же», «огромный вымпел с гербом народа», «конь, весь покрытый зендянью с гербом народа». Якопо не упустил случая отметить, что «указанный дар и составлял вышеназванные 600 флоринов, которые были мне презентованы»[83]. Обратим внимание на то, что Якопо не упоминал о церковных обрядах, которые либо не проводились, либо автор не счел возможным о них сообщить, хотя, судя по детальной последовательности действий, происходящих в течение одного дня, вернее первое предположение. В центре повествования — светский ритуал, происходивший на трибуне Палаццо Синьории[84].

В дальнейшей истории Флоренции значимость обряда производства в рыцари сохранялась, хотя и наполнялась иным смысловым содержанием, часто не связанным с воинской доблестью. Что стоило описание респектабельной, торжественной и мрачной процедуры производства в рыцари 12-летнего Франческо ди Маттео Кастеллани, которая состоялась в 1429 г. во время похорон его скоропостижно умершего отца Маттео ди Микеле Кастеллани: «В субботу утром 3 сентября 1429 г. ушел из жизни мессер Маттео, который был гонфалоньером компании, а 6 сентября утром состоялись его похороны, во время коих ему были оказаны великие почести. Тело положили в большой капелле Санта Кроче, у подножия большого алтаря, и Франческо, его сын, был препровожден к алтарю восемнадцатью родственниками из дома Кастеллани. Официальные лица постановили, чтобы за его спиной не тянулся траурный шлейф черного сукна, поэтому совлекли с него траур, затем специально избранные лица: мессер Лоренцо Ридольфи, мессер Палла ди Нофри дельи Строцци, мессер Джованни ди Луиджи Гвиччардини, из коих двое были посвящены в рыцари вместе с его отцом, нарядили его в новые зеленые одежды[85] и сделали рыцарем, хотя ему исполни-

[83] *Salviati J.* Cronica o Memorie. P. 225—226. В момент производства Якопо в рыцари действовало коммунальное законодательство, направленное на ограничение роскоши этого ритуала. Новый кавалер опоясывался шпагой, прикреплялись шпоры, но золотой венец на голове заменялся каким-либо позолоченым элементом на шлеме, о котором в данном случае автор не упоминает. См.: *Gagliardi I.* Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici. P. 172.

[84] *Salvemini G.* La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze ed altri scritti. P. 84; *Gagliardi I.* Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici. P. 172. И. Гальярди указывала, что центральное место в случаях таких производств занимала именно передача шпаги и шпор, осуществляемая на трибуне Палаццо Синьории.

[85] *Gagliardi I.* Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici. P. 169. Она отмечала, опираясь на текст новеллы Саккетти, что в большинстве случаев посвящаемого в рыцари облачали в зеленые и коричневые одежды.

лось только 12 лет. 2 октября в воскресенье утром мессер Франческо получил в Палаццо Синьории знамя народа и знамя партии гвельфов, и этим же утром проехал по Флоренции, сопровождаемый синьорами, кавалерами, горожанами верхом на лошадях вплоть до его дома, палаццо Кастеллани»[86]. Двенадцатилетний мальчик не имел никаких заслуг перед коммуной, но ритуал был проведен со всеми полагающимися атрибутами: торжественное переодевание, присутствие представителей Синьории, вручение знамен народа и партии гвельфов, многолюдная процессия, в которой участвовали знатные граждане, сопровождающая новоявленного кавалера в его палаццо. Смысловое значение ритуала, совершаемого перед гробом умершего гражданина, состояло не только в почтении его заслуг, но и в явном стремлении утвердить преемственность правящей элиты, к которой относились Ридольфи, Строцци, Гвиччардини и Кастеллани. Интересно, что, вероятно, по тем же самым соображениям в 1463 г. взрослый Франческо Кастеллани согласился принять участие в церемонии производства в рыцари Луки ди Бонаккорсо Питти, при которой присутствовали Подеста, Капитан народа, канцлер республики и миланский посол Никодемо Транкедини, хотя есть все основания полагать, что Франческо Кастеллани крайне отрицательно, как и многие представители флорентийской правящей элиты, относился к Луке Питти. Но посвящение в рыцари производили видные авторитетные граждане, входящие в круг формирующегося патрициата: Бернардо Джуньи, Карло Пандольфини, Пьетро де Пацци, и Франческо Кастеллани счел своим долгом участвовать в процедуре во имя демонстрации солидарности правящей группы, к которой он принадлежал[87]. Ритуал сопровождался праздничными формами поведения — зрелищами и играми, почерпнутыми из рыцарских обычаев: палио, джострами, турнирами, балами.

Обряд посвящения в рыцари также заключал в себе политический смысл, являясь символом победы пришедшей к власти очередной группировки, утверждающей таким способом могущество и правомочность нового режима при его установлении внутри коммунального города-государства. Классическим примером в этом отношении является процедура производства в рыцари 65-и человек, которую совершили восставшие чомпи 20 июля 1378 г.[88], не успев еще даже захватить палаццо

[86] *Cambi G.* Istorie di Giovanni Cambi, cittadino fiorentino / Pubbl. da fr. Ildefonso di San Luigi // Delizie degli eruditi toscani. Firenze, 1785. T. XX. P. 176—177.

[87] *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Trequattrocento. Firenze, 1995. P. 87—88.

[88] *Hurtubis P.* Salviati. P. 35. Этот автор указывал, что уже в сентябре большая часть произведенных в рыцари поспешили отказаться от предоставленных «тощим» народом шпор и, чтобы не возникало никаких сомнений в титулах, согласились

Синьории, в разгар сожжения домов капитанов гвельфской партии и тех самых людей, которым на площади они надевали золотые шпоры. Наряду с представителями «тощего» народа и наемных рабочих их предоставили очень знатным людям, например, Донато ди Якопо Аччайуоли, который являлся наследником обширных феодов в Греции и уже не в первый раз производился в рыцари. О том, что чомпи этим ритуалом стремились именно утвердить свою власть, а не поощрить наиболее угодных, свидетельствует тот факт, что к действу большая часть новоявленных рыцарей принуждалась насильно, по словам одного из хронистов, «их хватали в их домах и вели на площадь»[89]. Этот ритуал оказался одновременно и трагическим и курьезным, ибо не включал обрядов омовения и торжественного переоблачения как символов вступления в новую жизнь, ограничившись лишь надеванием золотых шпор, которые навешивались грязными и босоногими простолюдинами в лохмотьях. Они принуждали к производству в кавалеры даже своих заведомых врагов, например, только что свергнутого экс-Гонфалоньера справедливости Луиджи Гвиччардини, дома которого со всем скарбом они в этот день сожгли, оставив его семью без крыши над головой[90]. Этим публичным обрядом чомпи выражали свое господство над городом и обществом, свою правомочность распоряжаться отныне судьбами сограждан.

Хроники убеждают в том, что во время режима 1378—1382 гг. часто проводился этот обряд: в октябре 1378 г. только что пришедшая к власти новая Синьория, несмотря на тревожную атмосферу заговоров и постоянной угрозы переворота, экономический упадок и закрытые боттеги, решила устроить праздник «народных рыцарей», на котором

с тем, чтобы их вновь торжественно посвятили в рыцари уже не «нечесаные чомпи», а знатные кавалеры, одним из которых был Форезе Сальвиати.

[89] Diario Compagnano // *Corazzini O.P.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887. P. 98. Другой хронист, возможно, Аламанно Аччайуоли, подтверждал эти сведения. «...Произвели в рыцари около 64 человек или более, кого силой, кого из страха, кого добровольно, потому что, если кто-то не желал, ему грозили сожжением дома <...> они были приведены на площадь силой народа и все соглашались вступить в ряды милиции» // Cronaca di Alamanno Acciaioli (1378) / A casa di G. Scaramella // Rerum Italicarum Scriptores. T. XVIII. P. III. Il tumulto dei ciompi. Cronache e Memorie. Bologna, 1917. P. 25—26. Интересно, что сочувствующий восставшим и, видимо, один из них, опустил сведения о насильственном принуждении, подчеркивая факт, что в рыцари производили не чомпи, во всяком случае, не только они: «В воротах встал, чтобы сделать их народными рыцарями, граф из Германии мессер Аверардо...». См.: Diario dello Squittinatore. P. 21.

[90] *Stefani M.* Cronaca fiorentina. T. XXX. Rubr. 795. P. 321—324; Cronaca di Alamanno Acciaioli. P. 25—26. В этой хронике говорилось: «Удивительно было видеть, что тех, у кого сожгли дома, брали силой, и они, невзирая на свое дурное состояние, соглашались стать рыцарями. Трудно было поверить в это».

произвели в сан кавалеров еще 31 человек. Среди них значились имена наиболее могущественных и выдающихся семейств, как грандов, так и пополанов: Барди, Альберти, Альбицци, Сальвиати, Медичи, Маннелли, Скали, Ручаллаи, Строцци, Торнаквинчи, Перуцци, Кавальканти, Макиавелли и других[91]. В отличие от вышеописанного, этот ритуал уже отличался неторопливой торжественностью, строгим соблюдением всех деталей и подробностей процедуры, что придавало ему и особый смысл социального консенсуса — символизировать примирение знатнейших фамилий с народным режимом и тем самым продемонстрировать его крепость и устойчивость.

Обряд посвящения в рыцари являлся и важным фактором внешней политики. Во Флоренции имели обыкновение отличать подобным образом за верность и преданность коммуне капитанов наемных войск, представителей местной знати из контадо, соседних мелких феодалов, признающих юрисдикцию Флоренции[92].

В хронике Бартоломео ди Микеле дель Корацца отмечены случаи оказания почтения чужеземцам посредством их производства в рыцари: «В это утро, 28 октября 1406 г., был сделан кавалером на площади Синьории Пьеро Гаэтани, пизанец, и произвел его в рыцари мессер Ванни Кастеллани, который был Гонфалоньером справедливости. Коммуна поднесла ему красивый и богатый вымпел, а также щит с гербом народа Флоренции. Затем в то же самое утро ими был сделан кавалером синьор Кортоны Франческо Казали на помосте, который был построен на площади Льва. Тогда Пьеро Гаэтани пошел навстречу Синьору Кортоны в Санта Мария Новелла со всеми кавалерами Флоренции и кавалерами Пизы и большим числом граждан. Когда они подошли, Синьор Кортоны спешился и пошел к членам Синьории Флоренции, сидящим на трибуне, но поднявшимся с сидений. Гонфалоньер справедливости Ванни Кастеллани и указанный Синьор взошли на помост, предназначенный для этого; и там со всей торжественностью он должен был быть произведен в рыцари, и стал им; и гонфалоньер опоясал его золотым поясом с тесаком (*daga*), затем шпагой, которую вытянул наружу из ножен и вложил ее ему в руку, затем снял у него с головы оливковый

[91] Diario dello Squittinatore. P. 52—54. Этот анонимный автор описывал всю торжественность этой процедуры: вручение новоявленным кавалерам вымпелов народа и гербов, их клятву Гонфалоньеру справедливости, который целовал их в уста, принимая обеты и, наконец, пышный обед «народных рыцарей» вместе с синьорами за счет коммуны.

[92] Анонимный автор подробно описал, как весной 1388 г. во Флоренции торжественно посвятили в рыцари двух представителей рода Панчатики из Пистойи. См.: Diario di anonimo fiorentino (1382—1401) / A cura di A. Molho, F. Sznura // Alle bocche della piazza.Firenze, 1986. 30. P. 79—80.

венец из серебра и возложил ему на голову золотой. Мессер Кристофоро Спини и Мессер Никколо Гваскони навесили ему золотые шпоры. Затем он поднялся на коня и с той же компанией, которая их сопровождала, они пошли вместе приносить пожертвование, он и Пьеро Гаэтани, в Сан Джованни, а впереди них шли состязающиеся в турнире, в зеленых, белых и лазурных одеяниях, которых было 20; и достигнув Сан Джованни, рыцари спешились и пошли к алтарю делать подношения <...> И в тот же самый день указанный Синьор приказал объявить богатую джостру на площади Санта Мария Новелла. И 31 октября состязались на площади Санта Мария Новелла, и это была очень красивая джостра»[93]. Нетрудно заметить особую пышность и торжественность при проведении этого обряда: иноземцев венчали золотой короной.

Говоря о символическом значении обряда производства в рыцари флорентийской Синьорией, необходимо отметить преобладание коннотаций, выражающих коммунальную идентичность. Но не следует забывать о том, что флорентийцы часто получали рыцарское достоинство от пап, монархов и синьоров, правящих отдельными городами-государствами. Хотя звание «народного рыцаря» давало гражданам определенные преимущества, позволяя избежать большинства ограничений, введенных еще «Установлениями справедливости», многие из них весьма ценили титул, получаемый как знак отличия от иноземного короля или императора. Главным образом речь будет идти о флорентийских послах, исполняющих ответственные дипломатические миссии. В 1401 г. посол коммуны Флоренции Бонаккорсо Питти получил дворянский титул от императора Священной Римской империи Рупрехта Баварского, союз с которым был необходим коммуне на решающем этапе войны с Джан Галеаццо Висконти (1389—1402). Проявив недюжинную изобретательность, Бонаккорсо быстро достал и привез императору 50000 дукатов, необходимых на сбор войск. Рупрехт произвел Бонаккорсо, его братьев и потомков в дворянство, предоставив ему знак своего герба — золотого льва. Восторг по поводу этого отличия Питти воспел в сонете собственного сочинения[94].

Показательным примером в этом отношении являются высказывания, сосредоточившиеся вокруг фигуры выдающегося дипломата Пьеро де Пацци, решающим этапом в карьере которого стало участие в посольстве к французскому королю Людовику XI в 1461 г. Об этой миссии сохранился подробный отчет секретаря посольства Джованни ди Франческо

[93] Diario Fiorentino di Bartolomeo di Michele del Corazza / Ed. di G.O. Corazzini // Archivio Storico Italiano. Serie V. 1894. T. 14. P. 233—297.

[94] «И он дал привилегии нам, нас сочтя достойными званья / Благородных имперских дворян, нас и наших сынов, / И позднейших потомков, дабы эти знаки признанья / На гербе своем каждый носил бы во веки веков» // *Питти Б.* Хроника. С. 93—94.

ди Нери Чекки, в котором указано, что король Франции по достоинству оценил прекрасные и убедительные речи мессера Пьеро и в торжественной обстановке почтил его производством в рыцари[95]: за Пьеро де Пацци послали самых высокопоставленных лиц, король изволил посвятить его в рыцари в своих покоях (*in camera del re*)[96]. Судя по жизнеописанию, которое Веспасиано да Бистиччи посвятил Пьеро де Пацци, после этого новоявленного рыцаря неудержимо притягивали королевские дворы. Бистиччи писал, что он имел великую дружбу с герцогом Джованни Анжуйским, сын которого гостил у Пьеро де Пацци в доме и крестил его ребенка, тогда как Джованни Анжуйский нашел в лице мессера Пьеро «ловкого придворного, ибо тот обладал изысканнейшими манерами», позволявшими ему находиться среди первых лиц герцога[97].

Прочные дипломатические и личные связи флорентийских граждан с монархами постоянно использовались в интересах республики и оказывались очень полезными во внешней политике. Но вокруг самих посредников, в данном случае, Пьеро Пацци, во Флоренции складывалась противоречивая атмосфера подозрительности и недоверия. Сограждан, сознание которых было пронизано ценностями республиканского социума, настораживали аристократические замашки дипломатов, которыми Пьеро де Пацци изумил родной город, вернувшись из Франции[98], ведя образ жиз-

---

[95] *Cecchi G.* Il viaggio ambasciatori fiorentini al re di Francia nel MCCCCLXI descritto da Giovanni di Francesco di Neri Cecchi, loro cancelliere // Estrazione dall' Archivio Storico Italiano. Seria III. T. I. Parte 1. Firenze. 7—47. Секретарь писал: «6 января [1462] с именем Господа около 24 часов Его Величество король Франции произвел в кавалеры Пьеро де Пацци в королевском покое в присутствии всех наших послов и послов Венеции, герцога Миланского, синьора Сигизмунда (Сиджизмондо Малатеста), принца Таранто, брата короля Генриха Английского, легата папы...».

[96] Ibid. P. 26—27. Веспасиано да Бистиччи писал об этом эпизоде: «Король Людовик сделал его кавалером с великой торжественностью и почестями для него и отечества». См.: *Bisticci V.* Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. Vol. IV. P. 366.

[97] *Bisticci V.* Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi. P. 369—371. Биограф указывал: «Этот флорентиец оказал герцогу неоценимую услугу, склонив Козимо Медичи ссудить ему 20000 флоринов».

[98] Пацци — древний и очень знатный род. В XIII в. — консорты Герардини и Донати, с частью которых основали торговую компанию, вписавшись в цех Камбио, а также в Калимала. Играли видную роль в партии гвельфов, принимали активное участие в первых приоратах, как члены влиятельных старших цехов. См.: *Compagni D.* Cronica. I. 3. Во второй половине XIII в. Пацци играли весьма значительную роль в политике. Джованни Виллани относил этот род к грандам, но к XVв. большинство членов этой фамилии уже давно перешли в пополанство и занимались во Флоренции торгово-банковскими делами. В XIV в. они несколько раз переходили из пополанства в сословие грандов и обратно, в зависимости от колебаний законодательства против грандов. О древнем происхождении фамилии Пацци см.: *Salvemini G.* La dignità cavallersca. P. 110—118.

ни знатного синьора, приглашая к обеду по 8—10 человек представителей лучших семей города, по два раза в день меняя богатейшие одежды, как и все его домочадцы и свита. «Он как бы породнился со всей Флоренцией» — замечал биограф. При этом Веспасиано да Бистиччи осуждал излишнюю помпезность, нерациональную расточительность и тщеславие Пьеро де Пацци, хотя и восхищался величием (*grandezza*) своего согражданина[99]. Эта двойственность восприятия была свойственна сознанию других горожан. В частности, в одном из писем вдова Алессандра Мачинги деи Строцци описывала своему сыну торжественное возвращение посольства Пьеро Пацци. Ее рассказ исполнен не столько восхищением роскошью и аристократическими претензиями мессера Пьеро, сколько насмешками и некоторым сарказмом в его адрес, а об одном из людей его свиты она язвительно замечала, что «от гордости он раздувался как пузырь», когда его за успешное выполнение миссии Синьория посвящала в рыцари[100].

Знаки отличия, полученные от венценосных персон за пределами родного города, становились предметом особой гордости и могли побудить вести образ жизни рыцаря и придворного, неоднозначно воспринимаемый городским обществом.

Образы рыцарской культуры плотно вплетались в ткань повседневной городской жизни, составляя ее неотъемлемую часть. Город-коммуна отличался насыщенной постоянным политическим напряжением атмосферой. Средоточием общественной жизни являлась площадь Синьории, где пребывал народ, ожидая известий о результатах голосования за новые постановления и законы, о проскрипционных списках, перечнях имен осужденных и высланных, объявленных мятежниками или, наоборот, получивших помилование. Граждане собирались, чтобы услышать и обсудить сведения о ходе войн, которые вела республика, о результатах переговоров после возвращения в город послов, об успехах или неудачах в процессе включения в доминион Флоренции новых городов, земель и крепостей. Общественные настроения выражались *cantarini* — певцами-сказителями, которые публично декламировали свои рифмованные произведения на возвышении в какой-либо из церквей.

Ф. Кардини исследовал сборник песен декламаторов, относящихся к рубежу XIV и XV вв.[101] Он выявил базовый цикл, который, видимо,

[99] *Bisticci V.* Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi. P. 364—371.

[100] Lettera in Napoli 17/XII 1463 // *Macinghi Strozzi A.* Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli / A cura di C. Guasti. Firenze, 1880. Vol. 1. P. 259—260.

[101] *Cardini F.* Concetto di cavalleria e mentalità cavalleresca nei romanzi e nei cantari fiorentini // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 157. Основным объектом исследования Ф. Кардини стал сборник, изданный в XIX в.: *Raina P.* Il Cantare dei Cantari e il Serventese del Maestro di tutte l'arti // Zeitschrift fur romanische Philologie. 1871. Bd. II.

должен был знать каждый выступающий. Составляющие его вирши фиксировали сакральную историю Нового Завета, и профанную историю, посвященную событиям основания Фьезоле и Флоренции, их соперничеству, вплоть до всстановления разрушенной Аттилой Флоренции Карлом Великим. Но многие стансы воспевали героические деяния рыцарей, являясь стихотворным переложением широко известных циклов о Роланде, Тристане, рыцарях Круглого Стола, которые были популярны в городской среде. Вероятно, каждый чтец должен был быстро реагировать на запросы публики, которая, устав от сакральной истории, могла потребовать романтики куртуазных отношений или эпических повествований о воинских подвигах и героической смерти рыцарей. Намек на смену тем по желанию слушателей содержится в одной из песен: «Но если здесь есть некий влюбленный, / молодой или старый, или кавалер чужеземный, / каковой желает услышать красивую речь / о Ланселоте и мессере Тристане, / то мы сделаем так, чтобы он был доволен; / и я начну мало-помалу / о деяниях Круглого Стола, / от деяния к деянию с разумением веселым». Кардини оценивал функции искусства *cantarini* в коммунальном социуме двояким образом: как род «гражданской педагогики», выполнявшей функцию воспитания «в патриотическо-городском духе», одной из неотъемлемых составляющих которой являлись сюжеты, позаимствованные из рыцаркой культуры. Кроме того, он заявлял о функции управления «коллективной памятью», утверждая, что декламаторы рядили в рыцарские одежды библейских героев, греков, римлян, троянцев для «украшения традиции»[102].

Эти же тенденции можно проследить в формах праздничного поведения флорентийцев, одной из которых являлись рыцарские джостры, если судить по анонимным *Diario* и хроникам, которые погружали читателей в атмосферу публичных шествий, массовых сцен и празднеств, а в них явно обнаруживались ментальные установки и образы рыцарской культуры.

Во время войны с папским престолом (1375—1378) противостояние понтифику выражалось в публичных ритуалах, в которых акцентуализировались образы, формирующие концепт «свободы» не только Флоренции, но и всей Тосканы. Преобладающая в этой идее коммунальная идентичность заявляла о себе в формах, позаимствованных из рыцарской культуры. Автор анонимного дневника повествовал: «Сегодня, 21 ноября 1376 г., была провозглашена во Флоренции, во имя Господа, джостра в честь одной девушки, которую звали "Мадонна Свобода": 7 декабря этого года на площади Санта Кроче состоится джостра,

[102] *Cardini F.* Concetto di cavalleria e mentalitá cavalleresca nei romanzi e nei cantari fiorentini. P. 159—160.

в которой, согласно обычаю, будут состязаться за ее любовь. Победители, как мне сказали, <...> получат красивое копье и гирлянду Мадонны Свободы в честь Народа, города Флоренции и Партии Гвельфов»[103]. Рыцарские символы и жесты, обозначающие морально-политическое превосходство Флоренции, приобретали особую значимость в коммунальном обществе. Аноним, автор *Diario*, для демонстрации своей позиции включил в повествование дневника стансы, исполняемые одним из «кантарини» на злободневную политическую тему. Вирши воспроизводились по памяти, поэтому, естественно, не могли быть свободны от несоответствий и произвольных толкований, но они выражали бродившие в обществе чаяния и настроения, в частности, там также прославлялось служение «прекрасной деве Свободе»[104].

В ноябре 1384 г. во Флоренции с великим размахом праздновали взятие Ареццо. После объявления о событии, которое громко зачитал несколько раз канцлер Колюччо Салютати, зазвонили колокола во всех церквях и началась джостра. Молодые люди из знатных и именитых семейств грандов и пополанов образовали три многочисленных отряда, которым предстояло сразиться между собой. Во главе одного отряда, «одетого в желтые драпы с переливчатым солнцем на груди», стоял юный Ринальдо ди Мазо дельи Альбицци. Второй отряд «в одеяниях из желтых и красных драпов» возглавил Микеле ди Ванни Кастеллани, предводителями третьего отряда, «разодетого в бледно-голубые драпы», стали юноши из семейства Альберти. «Они бились и ломали копья до вечера, когда весь город озарила пышная иллюминация». Только после того как флорентийцы натешили души играми и джострами была устроена грандиозная религиозная процессия[105]. Нетрудно заметить,

---

[103] Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389. P. 325.

[104] *Ugolini P.* La politica fiorentina di Cosimo de' Medici // Un' altra Firenze. L' epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze, 1971. P. 356, 471. Пьеро Уголини считал, что содержание и значение топосов о свободе приобретало новые грани, выходя за тесные границы города-государства и устремляясь к общетосканским и общеитальянским масштабам. Эти умонастроения трансформировались в новые идеи политической идеологии. Маурицио Адриани исследовал эти идеи в творчестве Колюччо Салютати. См.: *Adriani M.* Cultura proto-quattrocentesca fiorentina // Un' altra Firenze. L' epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze, 1971. Американский историк Д.С. Петерсон, исследователь войны Флоренции с папским престолом, видел значение этих событий на примере ранних писем Салютати: «Это был триумф идеи тосканской и итальянской свободы <...> Впервые идея свободы выступила за рамки коммунального флорентинизма, обретая общетосканское, даже всеитальянское значение». См.: *Peterson D.S.* The War of the Eight saints in Florentine Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence / Ed. by W.J. Connell. Berkeley;Los Angeles;London, 2002. P. 178, 189.

[105] Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). P. 54—56, 61—62, 79—80, 135—139. В 1386 г. такой праздник провели в честь коронации нового короля неаполитан-

что описываемая джостра, составляя неотъемлемую часть празднества в честь победы, выражавшего общекоммунальное гражданское единство, в то же время содержала в себе и элемент семейно-родовой идентичности.

Вскоре, 9 февраля 1386 г., было устроено новое торжество в честь возвращения во Флоренцию ранее украденной священной реликвии – головы Св. Донато д' Ареццо, и вступления на престол нового короля Венгрии, союзника города на Арно. Три отряда знатных юношей на этот раз представляли сводное турнирное войско партии гвельфов, составленное по просьбе ее капитанов, куда объединились бригады фамилий Альбицци, Дель Паладжо и Кастеллани. Описание начала праздничных игр очень сходно с предыдущим, посвященным победе коммуны над Ареццо. Анонимный автор указывал, что отряд, представляющий род Альберти, был вполне достоин участия в празднестве: «Состоял из 13 человек прекрасных наездников, наряженных в белый драп, с изображениями золотых коронок впереди и сзади, в белых шапочках с серыми перьями на голове, на конях, покрытых попонами. Все были очень красивыми и молодыми, прекрасно обеспеченными всем необходимым для состязаний». На следующий день, 10 февраля, отряды сменили одеяния и попоны лошадей, «облачившись в пурпурный драп, расшитый большими белыми лилиями с густой листвой, изображенными также на их вымпелах и покрывалах». Но в этот день отряд Альберти не принял участия в состязаниях, поскольку, как очень лаконично и не совсем ясно комментировал аноним, «желание людей бригады Альберти надеть платье с их гербами не было поддержано»[106]. Трудно сказать, являлось ли неучастие в продолжении торжества волеизъявлением клана Альберти в знак протеста против ущемления фамильной чести, или же им запретили состязание городские власти. Однако в этом описании следует обратить внимание на изначальный элемент изоляции, связанный с участием членов дома Альберти в джострах. Случайно ли, что им противостоял сводный отряд, представляющий совокупность именитых гвельфских семей, а также из-

ского королевства Карла Венгерского. Одна из бригад, участвующих в джострах, была создана на средства гвельфской партии и выступала в ее честь. Еще одно описание рыцарских игр относится к 1392 г., когда устроили отдельные поединки, в которых победил один немецкий капрал. Этот же аноним описывал турниры, продолжающиеся по 10 дней подряд.

[106] Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). XXI. P. 61—63. Интересны сведения Л.Б. Альберти о рыцарских турнирах. Он вспоминал, сколь притягательными являлись для него рыцарские забавы в молодости, поэтому он очень страдал оттого, что старшие не позволяли ему в них участвовать. «Наша семья Альберти всегда могла гордиться своей молодежью, которая в обращении с оружием на поле брани могла показать себя намного лучше, чем самые могущественные дома во Флоренции» // *Альберти Л.Б.* Книги о семье. Пер. М.А. Юсима. М., 2008. С. 149—150.

вестных и могущественных кланов, входящих в состав правящей элиты? Почему Альберти захотели непременно выступать под гербами своего дома? Эти вопросы возникают по вполне определенной причине.

Дело в том, что над домом Альберти, являющимися основными политическими соперниками Альбицци, сгущались тучи по мере того как группировка сторонников Альбицци усиливалась. Противостояние завершилось в 1387 г., когда сторонники Альбицци добились отстранения от власти избранного законным порядком Гонфалоньера справедливости Филиппо Магалотти под формальным предлогом несоответствия возрастному цензу: ему было всего 25 лет вместо положенных 30. Но флорентийские хронисты указывали подлинную причину: Магалотти являлся консортом и зятем Бенедетто дельи Альберти, одного из лидеров клана. Новым Гонфалоньером справедливости был избран Бардо Манчини, ставленник Альбицци и Каппони — враждебных Альберти семейств. Возглавляемая Манчини Синьория приняла решение об осуждении и лишении политических прав «всего дома Альберти и их потомков пожизненно». Но этим расправа с семьей не ограничилась. В мае 1378 г. Синьория приняла решение о высылке Бенедетто и Чиприано дельи Альберти на 2 года, через день продлили срок ссылки до 5 лет. Вместе с ними пострадали Ковони, Бенини, Дини, Дель Бене, Скали, некоторые из Росси, некоторые из Адимари, Ринуччини и Маннелли, как союзники Альберти[107]. Возможно, модификации праздничного ритуала в феврале 1376 г. отразили политическую ситуацию, возникшую как следствие борьбы между кланами-консортериями и сужения правящей элиты. Видимо, именно эта политизированность турниров, отражавших злободневные проблемы и противоречия общества, наложила отпечаток на негативное отношение старших родственников семьи Альберти к участию их юношей в рыцарских состязаниях: «Невозможно было слушать, как они всем скопом набрасывались на меня и внушали, что турниры — опасная игра, не приносящая никому пользы, вводящая в расходы; она создает <...> больше завистников, чем друзей, <...> вызывает ссоры <...> Они приводили еще примеры , как много людей погибло в этих состязаниях и сколько остались на всю жизнь беспомощными калеками»[108]. Но такого рода сентенции могли быть продиктованы и принципами здравомыслия и прагматизма, свойственными купцам и деловым людям города.

[107]См.: Diario dello Squittinatore. P. 88—90; Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). XXIII—XXIV. P. 65—70. Анонимный автор указывал, что в составе этой Балии были весьма именитые граждане: Филиппо Корсини, Томмазо Содерини, Ванни ди Микеле Кастеллани, Стольдо Альтовити, Джованни де Риччи. Они сразу же запретили Альберти держать вооруженную охрану в домах и собираться вместе.

[108]*Альберти Л.Б.* Книги о семье. С. 150.

По описаниям автора анонимного дневника можно убедиться в том, что турниры, джостры и палио служили средством ослабления социальной напряженности в городском обществе. После расправы с Альберти и другими именитыми фамилиями Синьория приняла решение уменьшить представительство младших цехов в своем составе до двух человек. Решения были приурочены к празднованию дня Св. Троицы (26 мая), который отметили не только торжественной мессой и религиозными процессиями со священными реликвиями, но и джострой, продолжавшейся с 9 по 15 июня, в ней принимали участие молодые люди из влиятельных и знатных домов Флоренции, а также иноземцы: богатую награду от Синьории получил английский рыцарь, признанный победителем[109].

Таким образом, городское общество заимствовало формы праздничного поведения из арсенала рыцарской культуры. Но эти ритуалы и церемонии обретали новые смыслы под воздействием социально-политических ситуаций в государстве-коммуне. Демонстрация воинской доблести являлась не единственной и не всегда главной целью этих публичных состязаний. Не менее важным становилось выражение семейно-клановых идентичностей. Инкорпорированность рыцарских игр в общую целостность праздничного действа, состоящего из множества типов репрезентаций, включая выставку наиболее престижных изделий цехов, шествие повозок (*Carro*) с символическими изображениями из дерева или живыми картинами, театрализованные представления, разыгрываемые перед трибуной Синьории, означала слияние семейно-родовых индивидуальностей с гражданским сообществом[110]. Рыцарские ритуалы, как и другие праздничные церемонии, испытывали и выражали изменения политической конъюнктуры, адаптируясь к запросам городского социума.

[109] Diario di anonimo fiorentino. XXVII. P. 73—74.

[110] *Ventrone P.* La festa di San Giovanni: costruzione di un' identità civica fra rituale e spettacolo// Annali di storia di Firenze. Firenze, 2007. Vol. II. P. 49—51.

Часть II

Пополаны и нобили: противостояние или конвергенция?

Глава I

Формирование основного социального противоречия в XIII—начале XIV в.

§ 1. От складывания предпосылок *Primo Popolo* до кульминации открытого противостояния (1293)

Историки XX в. оценивают «Первое народное правление» (1250 г.) различным образом. Если Николай Оттокар называл его «крайним режимом» и уподоблял Октябрьскому перевороту 1917 г., то другие исследователи склонны отмечать его позитивное значение: С. Бертелли утверждал, что это был период «решающей ломки древней консульско-нобилитарной касты». С ним солидарен и Дж. Брукер, подчеркивая прогрессивность *Primo popolo* по сравнению с правлением консульской знати: «Магнаты не обладали полнотой политических прав, поскольку продемонстрировали в ряде случаев, что, как группа, они неспособны управлять в качестве ответственных функционеров республиканского режима»[1]. Различным образом оцениваются и последствия реформы 1250 г.: так, Патриция Паренти не склонна придавать ей столь радикального значения, поскольку она никогда не воплощалась на практике полностью: «Оно [законодательство 1250 г.] <...> предусматривало тяжелейшие санкции, и в короткий срок могло бы привести магнатские дома к полному крушению, если бы было воплощено в жизнь полностью, <...> но внутри класса магнатов

[1] *Ottokar N.* Il Comune di Firenze. P. 13, 32; *Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-città medievale. Firenze, 1978. P. 70—71; *Brucker G.A.* Florentine Politics and Society. P. 70. Оценка Бертелли сходна с мнением немецкого историка А. Дорена (*Doren A.* Le Arti fiorentine. Firenze, 1940. T. I. P. 22); У Джованни Виллани и в период борьбы гвельфов и гибеллинов (1250—1282) грандам отводилась ведущая роль, особенно таким ярким личностям, как воспетый Данте Фарината дельи Уберти и Теггьяйо дельи Адимари. Первый рельефный образ «свободного пополана», сыгравшего значительную роль в политике Флоренции, появляется только в записи, датируемой второй половиной XIII в. За честность и неподкупность хронист восхвалял Альдобрандино Оттобони. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 62, 65, 74, 75, 77, 81. С. 172, 174—175, 178—183, 187—188; VII. 79. С. 216—217;

должна была еще оставаться значительная сила и упорная способность к сопротивлению»[2]. Напротив, А Дзорци представлял *primo popolo* как «фундамент нового порядка, установленного народом, способствующий созданию и консолидации Приората в 1282 г.»[3]

До конца XIII в. фамилии знати обладали реальным могуществом, сохраняя, а некоторые даже до второй половины XIV в., «компании башен» в городе, крепости в контадо, прерогативы клановой юрисдикции, внутриродовые финансовые функции, а также владея «средствами и инструментами войны». По мнению Даниэлы Де Роза, «до 1250 г. коммуна оставалась в руках крупных фамилий земельных собственников, тесно связанных с местами своего первоначального обитания в контадо, которые в то же время основывали кавалерию в коммунальном войске»[4].

К этим традиционным признакам лидерства феодальной знати добавлялись новые, являющиеся следствием адаптации к условиям городского сообщества. Ряд нобильских фамилий занимали не просто лидирующее положение в старших и наиболее авторитетных корпорациях Калимала, Камбио, цех судей и нотариусов, но и были там весьма влиятельны благодаря ранее накопленным значительным капиталам. Даже в Приоратах и коммунальных Советах второй половины XIII в. многие из них заседали не как представители сословия знати, нобильских консортерий и рыцарской ассоциации, но как члены старших цехов, в которых поколениями занимали консульские должности, осуществляя «кооптацию из мира цеховых ремесленников в правящие структуры»[5]. Кроме того, представители аристократии крови удерживали прочные позиции в партии гвельфов, которые даже усилились со второй половины XIII в., когда «правление партии гвельфов состояло из кавалеров и по большей части грандов»[6]. Это позволяло партийным структурам не только охранять свою автономию от коммунальных институтов, и, в конечном счете, от государства, но даже и противостоять ему. Многие из них удерживали влиятельные позиции в своих сестьерах, сохраняли часть мест в Совете Коммуны и в коллегиях, которые не обладали

---

[2] *Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri. P. 311, 313.

[3] *Zorzi A.* Politica e giustizia. P. 130.

[4] *De Rosa D.* Alle origini della Repubblica fiorentina. Dai consoli al "primo popolo" (1172—1260). Firenze, 1995. P. 9—31.

[5] Эту точку зрения отстаивает М. Беккер: *Becker M.B.* A Study in Political Failure. P. 250—252, 257—258. Он был убежден, что придя таким образом к власти, эти магнаты отстаивали не столько сословные интересы, сколько персональные позиции в старших цехах.

[6] *Stefani M.* Cronaca fiorentina Marchionne di Coppo Stefani / A cura di N. Rodolico. Città di Castello, 1903—1913. T. XXX. P. 72. О ведущей роли грандов в партии гвельфов см.: *Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri P. 311—313.

первостепенной важностью. Гранды являлись неотъемлемой и важной частью государственного «тела коммуны», поскольку долгое время они выполняли основные потестарные функции: только из фамилий грандов избирались консулы — лица, возглавлявшие выборное правление Флоренции в XII—первой половине XIII в.[7] Но, как уже говорилось выше, ряды *militia* не являлись гомогенной группой, разделяясь по социально-экономическим позициям и поведенческим практикам. Значительную роль продолжала играть консульская аристократия, более всего стремящаяся удержать свои привилегии: Уберти, Виздомини, Делла Тоза, Капонсакки, но имелись и менее влиятельные фамилии: Саккетти, Тринчавелли, Да Мошано, в которых находились представители, вливающиеся в народное движение[8].

Нобили сохраняли преобладающее значение в сфере политической, но и сами адаптировались к выборному и коллегиальному правлению города-коммуны[9]. Нельзя забывать о «республиканизме» урбанизированных флорентийских грандов, уже несколько веков обитающих в городском социуме и ставших частью созданного при их прямом участии государства-коммуны. Тем не менее, после учреждения первого народного правления (1250 г.) «для защиты от насилий и злоупотреблений, чинимых гибеллинами», и окончательной победы гвельфов во Флоренции (1267 г.), окрепшее пополанское сообщество коммуны начало решительную борьбу против господства грандов в управлении городом[10].

---

[7] *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 9, 22, 23a, 26, 30, 32, 34, 37, 39. С. 115, 122—123, 125—129. 130—131; VI. 33, 35. С. 152—153, 155—156. Говоря о разделении флорентийского общества на гвельфов и гибеллинов в 1215 г., Виллани перечислял только семейства грандов, как и в последующих главах, посвященных противостоянию двух партий. Яркие личности, проявляющие самостоятельную волю и властные амбиции до 1250 г. — это исключительно выходцы из древнейших родов нобилей: семейство Уберти, развязавшее во Флоренции гражданскую войну в 1177 г., Гвиди в лице графа Гвидо Старшего, его сыновья и среди них граф Гвидо Новелло, Буондельмонте деи Буондельмонти. О могуществе консортерий грандов, см.: *Heers J.* Consorterie familiari alla fine del Medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979. P. 313.

[8] *Diacciati S.* Popolo e regimi politici a Firenze nella prima metà de Duecento // Annali di storia di Firenze. 2006. Vol. I. P. 69—70.

[9] *Dati G.* Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405 / A cura di L. Pratesi. Norcia, 1904. P. 120. Флорентиец Григорио Дати писал в начале XV в. в своей «Истории Флоренции», позиционируя коммуну как преемницу моральных добродетелей республиканского Рима: «Древние флорентийцы, которые были грандами, стремились стать синьорами и императорами, но большая их часть испытывали ненависть к любому подчинению и не хотели идти под тирана, как Рим пошел под Цезаря, сделав его слишком могущественным».

[10] Первое народное правление по данным Дж. Виллани образовалось в 1250 г. Тогда были учреждены такие должности, как Капитан народа и 12 старейшин. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника VI. 39. С. 157—159.

В рассматриваемых здесь нарративах термин *popolo* («народ») почти не встречается при характеристике событий до начала XIII в. В хронике флорентийского анонима этот термин был впервые упомянут в аннотации, относящейся к 1125 г., но не в связи с обозначением социального расслоения в городе, а при характеристике городского ополчения, собранного для захвата Фьезоле: «В этом году флорентийцы, имея с древности великую вражду с городом Фьезоле и его гражданами, подошли к нему в ночное время с народом и кавалерами...»[11]. Только после описания событий, случившихся в 1232 г., этот хронист единожды упомянул термины «народ» и «коммуна» вместе, т.е. как нечто единое целое. Первый «пополан», персонифицированный в анонимной хронике, — Джано делла Белла, — принадлежал на самом деле к роду грандов[12]. Паолино Пьери, повествующий в аннотациях, относящихся к флорентийской истории до 1250 г., исключительно о войнах и захватах крепостей в контадо, называл имена консулов, а затем подеста, но впервые упомянул термин *popolo* в связи с событиями 1250 г., которые он характеризовал весьма лаконично[13]. Виллани очень редко упоминал пополанские фамилии до этой же даты, но и со второй половины XIII в., когда в его хронике роль пополанов значительно усилилась, гранды оставались для этого хрониста на первых ролях и выступали в первых рядах, пополаны же выглядели статистами, «следующими за ними»[14].

---

[11] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 97. Второй раз он употребил те же термины и в том же значении, сообщая о флорентийском войске, которое пошло на Сиену в 1232 г. См.: Ibid. P. 125.

[12] Ibid. P. 138.

[13] *Pieri P.* Cronaca. P. 25. «В 1250 г., в январские календы <...> впервые учредил флорентийский народ Примо Пополо, и пришел туда капитаном мессер Уберти Орланди Росси из Лукки, и вступил в Синьорию 19 октября 1250 г.». Вторая реплика, в которой встречался термин «народ»», относилась уже к 1251 г.: «7 января народ вернул гвельфов во Флоренцию по заключению мира, и те возвратились» (Ibid. P. 26); а затем запись датируется 1252 г.: «В этом году гибеллины, остающиеся вне, вернулись во Флоренцию по милости Народа и заключили с ними мир (Ibid. P. 27).

[14] По мнению Серджо Раведжи, есть все основания доверять данным Джованни Виллани, даже учитывая то обстоятельство, что некоторые представители очень знатных родов почти не принимали участия в коммунальных советах середины XIII в. Как полагал Раведжи, они были настолько влиятельны, что не удостаивали коммунальные советы своим присутствием, не желая смешиваться там с пополанами и новыми людьми (*Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 33). Эти заключения подтверждает другой исследователь Массимо Тарасси, указывая на превалирующее положение магнатов-гвельфов во второй половине XIII в., до 1282 г., в различных коммунальных советах. Он указывал на особенно важное место Буондельмонти, Торнаквинчи, Кавальканти, Делла Тоза и их консортов Виздомини, Адимари, Росси, Саккетти, Герардини, Пацци. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo.

Немногочисленные сведения из сохранившихся документов XIII в., проанализированные Д. де Роза и С. Дьяччати, в целом коррелируют с данными хронистов. Только к 20—30-м гг. XIII в. относятся факты, доказывающие участие пополанов в коммунальных Советах: «25 лет, которые во Флоренции предшествовали *Primo popolo*, были насыщены событиями и изменениями в управлении городом, в частности, регистрируется значительный и постоянный рост престижа крупных купцов в политической жизни, которые часто подвизались в роли заимодавцев и банкиров, а также тех, кто были вписаны в цехи». Первое упоминание в документах об участии народа в делах управления, видимо, относится к 1220 и 1224 г., когда была созвана экстраординарная сессия Генерального совета коммуны для обсуждения фискальных реформ, которая обвинила в некомпетентности управляющих общественными финансами. В 1224 г. участвовали в Совете коммуны консулы цехов Калимала, Камбио и Лана и представители от конфедерации младших цехов, а также 20 граждан, выбранных от каждой сестьеры. Расширенный состав Совета избрал Комиссию для проверки действий всех должностных лиц фиска и казны за 20 предшествующих лет[15]. С 1229 г. часто упоминались Консулы цеха судей и нотариусов, утвержденного в 1212 г. Уже это наиболее раннее упоминание о представительстве народа в коммунальных органах власти свидетельствовало о двух направлениях его консолидации: по цеховому признаку и территориально-административному.

Но более интенсивной роль пополанов в коммунальной политике становится с 1234 г.: флорентийский аноним именно в аннотациях, относящихся к 30-м гг., впервые использовал терминологическую конфигурацию «народ и Коммуна»[16]. С середины 30-х гг. стабилизируется число приоров цехов, участвующих в советах: по одному от сестьеры — всего 6, и становятся известны некоторые их имена. С 1234 г. в документальных источниках и нарративах появились сведения о представляю-

---

P. 111—113. Д. Медичи утверждает, что и в 80—90 гг. XIII в. крупные нобильские фамилии являлись значительной составляющей частью правящего класса. Подробнее см.: *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 199—200.

[15] *De Rosa D.* Alle origini della repubblica fiorentina dai consoli al "Primo popolo". P.100—101, 123; *Diacciati S.* Popolo e regimi politici. P. 49—50. Неизвестно, существовала ли тогда единая конфедерация младших цехов. Вероятно, она возникла в 1192 г. (*Najemy J.M.* Storia di Firenze. P. 76). Итальянский историк Д. Де Верготтини считал, что народ тогда был организован не по цеховому, а по территориальному принципу, на основе *Societates pedites* — отрядов нешего ополчения (*De Vergottini G.* Arti e Popolo nella prima metà del secolo XIII. Milano, 1943. P. 86—94).

[16] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 126. В аннотации, датированной 1235 г., говорилось о том, что «мятежные графы Россо и Умберто <...> предались коммуне и Народу Флоренции». См. также: *Pieri P.* Cronica. P. 25. Он писал «В этом году впервые сделал флорентийский народ *Primo Popolo*...».

щих загадку для исследователей *Capitudini artium* — уполномоченных цехов. Д. Де Роза полагает, что в их числе находились только представители ремесленных корпораций, исключая членов торговых ассоциаций и объединений *milites*[17]. Одновременно, по ее мнению, Совет коммуны приобретал форму политического института: было установлено определенное число его членов — 90, по 15 от сестьеры (около 1236 г.), а также сложилась периодичность сменяемости состава — 1 раз в 4 месяца. О бессистемности пополанского представительства в политических структурах, видимо, вплоть до 1250 г., свидетельствовала неупорядоченность участия коллегий от народа: к одним заседаниям могли привлекаться те или иные корпорации, которые по неясным причинам исключались из других. Хаотичность их представительства доказывает относительную слабость и аморфность профессиональных ассоциаций. Однако выглядит правомерным предположение Д. Де Роза, что во Флоренции, в отличие от Пистойи, не имелось сведений о контрастах между *milites* и *pedites*, но ясно вырисовывался конфликт между двумя партиями гвельфов и гибеллинов, составленными из разных социальных слоев. Из этой ситуации «наиболее скромные представители торговцев и ремесленников могли извлекать некоторую выгоду ради получения большего представительства и участия в политических делах города»[18]. Хроники свидетельствуют, что в этот период противоречие между нобилями и пополанами тесно сплеталось с межпартийной борьбой. Джованни Виллани в качестве непосредственной предпосылки к реформам 1250 г. указывал недовольство народа правлением гибеллинов и их предводителей Уберти, усилившееся после поражения флорентийских

[17] *De Rosa D.* Alle origini della repubblica fiorentina dai consoli al "Primo popolo" (1172—1260). P. 124—125, 127; *Diacciati S.* Popolo e regimi politici. P. 52. Судя по документам, участвовали в Советах очень богатые представители старших цехов, прежде всего, Калимала, из фамилий Буонафеде, Бекканужи, Делла Качча. Уже в первой половине XIII в. члены этих семей занимали должности в цеховой администрации. Де Роза отмечала дискуссию о значении термина *Capitudini artium*, заявляя, что полной ясности нет до сих пор, включать ли в это понятие только специальных представителей группы хорошо структурированных цехов, особо выделяемых коммуной, или уполномоченных всех старших цехов.

[18] Ibid. P. 127—129. Она указывала, что из заседаний 1 августа и 12 сентября 1236 г., разбирающих споры между Вольтеррой и Сан Джиминьяно, были исключены консулы от Пор Санта Мария и Лана, тогда как там участвовали главы судей и нотариусов, Калималы и Камбио, возможно, включеннные в число уполномоченных, находясь в этот момент в лиге с ремесленными организациями. Но в совете июля 1237 г., посвященного тем же вопросам, участвовали вместе с уполномоченными цехов только консулы корпорации судей и нотариусов, а также цеха Камбио. Непонятно, что могло обусловить исключение консулов других сообществ, возможно, свою роль сыграло соперничество между банкирами Камбио и купцами Калимала.

гибеллинов под Фильини (Верхнее Вальдарно) в сентябре этого года, после чего толпы вышли на площадь, требуя создания народного правления[19]. С. Дьяччати указывала, что смутное время после 1236 г. было отмечено обострением борьбы гвельфов и гибеллинов, усилившимся противоречием между *Militia* и народом, поддержавшим флорентийского епископа, выступающего за ограничение привилегий капитула кафедрального собора, которые контролировались рыцарями, пытавшимися также не допускать народ к управлению. Эта ситуация привела к изгнанию Подеста из Генуи и призванию вместо него Орландо Росси из Пармы, представителя дома, стоящего на стороне пополанства[20]. При нем усилилось участие народа в управлении коммуной, в контроле над ее расходами и теми привилегими, которыми пользовались рыцари, что сразу обострило противоречия между *Milites* и *Popolo*, а в советы стали привлекаться «добавленные» из народа[21].

Финансы коммуны являлись тем сектором, где противоречие интересов *Popolo* и *Milites* особенно давало о себе знать. Рыцари имели привилегию требовать возмещения из коммунальной казны потерь, которые они несли в военных кампаниях, часто злоупотребляя этим правом; кроме того, они бесконтрольно присваивали некоторые части городского пространства[22].

В следующем — 1237 — году политический маятник качнулся в другую сторону с приходом в качестве Подеста Рубаконте да Манделла из Милана, занимающего позиции, враждебные пополанству. Знатные фамилии добились продления полномочий Рубаконте на 1238 г., но он был изгнан из-за успехов императора Фридриха II, несмотря на то, что, по мнению Джованни Виллани, принес большую пользу городу[23].

В 1238 г. в городе установилось гибеллинское правление, поддерживаемое пополанами. С. Дьяччати в качестве одной из причин указывала позицию многих богатых представителей старших цехов, предоставивших императору Фридриху II очень крупные займы и более всего опасавшихся не получить то, что им причиталось. По ее наблюдниям, в Совете 1244 г. при Подеста Бернардо де Росси (сын Орландо), сторонике народа, состояли 3 капитана от пополанов, а в совете Коммуны 1245 г. преобладали пополаны, представители от всех цехов, судя по профес-

[19] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 38. С. 157; 39. С. 157—158.

[20] *Pieri P.* Cronica. P. 20. Пьери одобрял этого Подеста: «Правил достойно...».

[21] *Diacciati S.* Popolo e regimi politici. P. 53—54.

[22] Ibid. P. 71—72.

[23] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 26. С. 150. Виллани писал о том, что при его содействии был построен новый мост через Арно, названный в его честь «Рубаконте», были вымощены все улицы, «Флоренция стала чище, красивее, благоустроеннее».

сиональной принадлежности, указанной в списках: в том числе, кузнец, содержатель таверны, ювелир, красильщик[24]. Возможно, еще одна причина того, что народ поддержал императора, заключалась в стремлении отстоять автономию коммунальной юрисдикции от вмешательства церковных структур. Во второй половине 30-х гг. XIII в. в городе боролись с ересями, что привело в 1239 г. к учреждению инквизиционного трибунала во главе с доминиканцем Пьетро да Верона, который обвинил в ереси двух пополанов, братьев Гвибелли. Они обратились за защитой к Подеста Паче Пезамигола из Бергамо, и он признал обвинение несправедливым. Тогда трибунал в свою очередь осудил ректора в потворстве еретикам, но судя по документам и по тому, что Подеста Пезамигола полностью отбыл срок своих полномочий во Флоренции, церковное постановление не было исполнено. С. Дьяччатти высказала предположение о том, что борьба с еретиками одновременно имела цель исключения пополанов из правящих структур, но инквизиторы потерпели поражение. В итоге, по ее мнению, в городе родилась «новая политическая ересь», горячо поддерживаемая народом. «Никакие органы церковной курии не должны вмешиваться в гражданские дела» — максима, приравниваемая идеологами официальной церкви к гибеллинизму[25].

В 1246 г. борьба между гвельфами и гибеллинами обострилась из-за желания императора окончательно подчинить город, причем большинство пополанов поддерживало Фридриха II и было согласно с его правом назначить в качестве Подеста своего сына Фридриха Антиохийского, он же являлся и генеральным викарием Тосканы. Возможно, богатые купцы и ростовщики старших цехов надеялись извлечь прибыль из нового статуса Флоренции, ставшей региональным имперским центром. Многие рассчитывали на оживление активов благодаря возобновлению мирных отношений и торговых договоров с Пизой, верной союзницей императора. Но их упованиям не суждено было воплотиться в жизнь: город теперь был лишен права администрации над контадо, отданного имперским должностным лицам, а также прав юрисдикции и налогообложения подвластных ему земель, что стало причиной быстрого сближения гвельфов и *Popolo* в период правления Фридриха Антиохийского[26], тем более налоги на содержание имперских войск росли, а проигранные ими сражения не давали никакой гарантии на улучшение ситуации в городе.

Интересна в этом отношении позиция Джованни Виллани, гвельфа и пополана, который обвинял в случившемся, во-первых, самого им-

[24] *Diacciati S.* Popolo e regimi politici. P. 56—58.
[25] Ibid. P. 59—60.
[26] Ibid. P. 61—63. С. Дьяччати в этом случае опирается на данные Виллани: *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 33. С. 152—154.

ператора, «который посеял ядовитые семена раздоров между партиями...», во-вторых, «часто враждовавших меж собой нобилей», тогда как «народ и коммуна Флоренции сохранили единство ради блага, почета и прочности республики», не упоминая о том, что большая часть народа приняла и долгое время держала сторону императора и гибеллинов[27]. Возможно, в этом случае уже сработал полностью сложившийся к середине XIV в. «стереотип гвельф и пополан», посредством которого выражалась основная оценка идентичности гражданина с коммунальным обществом. Здесь уместно было бы привести точку зрения С. Дьяччати о партийной ориентации народа. Она считает, что позиция *Popolo* изначально являлась нейтральной в отношении партийного противостояния и долго таковой оставалась. Симпатии к той или иной фракции могли вызревать в среде пополанства, но они не перевешивали интересов политической борьбы, ради которых народ стремился извлекать пользу из межпартийного противостояния[28].

По мнению С Дьяччати, в первой половине XIII в. пополанское движение прогрессировало, но не равномерно и однолинейно. Перед пополанами открывались две главные перспективы социального возвышения: обогащение и принадлежность к одному из пяти старших цехов. Речь шла, прежде всего, о Калимала и Камбио, несколько позже. выделились корпорации «У ворот Санта Мария (будущий цех *Seta*)» и Лана, но наиболее надежную политическую карьеру обеспечивала принадлежность к цеху судей и нотариев. Случаев возвышения отдельных пополанов было немного, главным образом оно носило корпоративные формы — через посредство цеховых консулов и ректоров. Представители младших цехов, как говорилось ранее, впервые участвовали в коммунальном Совете в 1224 г., затем отсутствовали в течение 20 лет, но не оставались на месте, делая шаги вперед, о чем свидетельствовало их участие в коммунальном Совете 1245 г. Высшие слои пополанства и в XIII в. были достаточно открыты для низших страт, объединенных в младшие цехи, расширяя таким образом социальную опору в достижении власти. Противоречие между грандами и пополанами в первой половине XIII в. во Флоренции в отличие от других коммун развивалось сравнительно мирно, поэтому, возможно, вытеснялось из сознания хронистов бурными перипетиями межпартийной борьбы. В городе на Арно тогда не возникло двух систем политических институтов, созданных знатью и народом, знаменующих как бы две коммуны в одной. С. Дьячатти правомерно предполагала, что основное социальное противоречие несколько сглаживалось высокой степенью урбанизации флорентийских нобилей,

[27] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 33. С. 152.
[28] *Diacciati S.* Popolo e regimi politici a Firenze nella prima metà de Duecento. P. 69.

их заинтересованностью в развитии торговли и кредитных операций, в которые они были основательно втянуты, часто являясь членами старших корпораций, прежде всего, цеха судей и нотариев и Калимала[29].

По мнению Дьяччати, особую роль в продвижении народа к управлению коммуной сыграли юристы и нотарии пополанского происхождения, о чем свидетельствовали их имена, в которых в лучшем случае фигурировали лишь названия мест, откуда они или их отцы приходили во Флоренцию[30]. Именно они, как считала Дьяччати, формировали идеологическое обоснование пополанской коммуны: утверждали примат законов и постановлений коммунальных органов власти над обычаями консортерий и правом силы, осуществляемым многочисленными вооруженными свитами и отрядами нобилей.

Ситуация, однако, изменилась в 1250 г., когда народ сделал решительный рывок вперед. Сама реформа (20 октября 1250 г.), называемая *Primo popolo*, предусматривала образование новых политических институтов: Капитана народа (*Capitano del Popolo*)[31] вместе с состоящей при нем коллегией 12 анцианов (старейшин)[32], по 2 от каждой сестьеры, и Совета

---

[29] *Diacciati S.* Popolo e regimi politici. P. 64—68, 72—73.

[30] *Diacciati S.* Popolani e magnati. P. 177. Интересно, что данные Дьяччати соответствуют сведениям, приводимым Деметрио Марци относительно второй половины XIII—первой половины XIV в. Он показал, что нотариями, состоящими на должностях в Синьории, являлись выходцы из простонародья: Якопо да Поджибонси, Бонсиньоре Гвецци, Антонио Гвецци, его сын (нотарии Риформаджоне, Антонио ослеп и впал в жалкую нищету, и просил Синьорию о помощи, как и Фолько, его сын, оказавшийся в долговой тюрьме и просивший подаяния, которому Синьория предоставила 300 лир при условии, что 3 года он будет безвозмездно исполнять обязанности коадъютора при нотарии Роформаджоне). Потом были названы Гвидо Каппони из Модены, Якопо из Сан Джиминьяно, некий Грациоло, затем упомянуты сер Паренцо делла Анчиза и сер Петракко, его сын (дед и отец Франческо Петрарки), затем несколько членов семьи Бальдовини, выходцев из Баньо, местечка в Тосканской Романье — Уберто, его сын Келло (наиболее продвинувшийся в карьере, дотигнув высшего поста Канцлера-Ритора, являлся доверенным лицом Брунетто Латини, почитался, как опытный и честнейший нотарий), Альбиццо, Даванцато, Угуччо, Чоне, всего более десятка имен из этой фамилии нотариев (*Marzi D.* La Cancelleria della repubblica fiorentina. Rocca di San Casciano, 1910. P. 49—60). О сере Петракко писал Дино Компаньи именно как о нотарии Риформаджоне, упоминая его в числе высланных белых гвельфов (*Compagni D.* Cronica. II. 25). О сере Келло Бальдовини упоминал Донато Веллути, поскольку именно «рукой сера Келло Уберти Бальдовини, канцлера коммуны», была составлена и заверена в 1295 г. карта мирного договора между Веллути и Маннелли, завершившего по инициативе коммуны длительную вендетту. См.: *Velluti D.* La cronica domestica. P. 15, 18.

[31] Впервые Капитан народа был избран в 1244 г. Но, видимо, постоянным институтом, возглавляющим систему организации народа, выбираемым извне, стал только с 1250 г. См.: *Najemy J.M.* Storia di Firenze. P. 78.

[32] *De Rosa D.* Alle origini della Repubblica fiorentina. P. 140—145, 173—176. Они избирались на 6 месяцев, являясь скорее всего главами военных компаний и

Капитана народа (с 80-х гг. XIII в. «Совет Народа»). Совет Капитана народа сначала состоял из 24 ординарных членов, к которым добавлялись 100 человек: главы гонфалонов, ректоры их компаний и консулы цехов[33]. Главная функция Капитана народа, чужеземного должностного лица, состояла в том, чтобы предводительствовать городским ополчением, организованным по территориально-административному принципу; если возникала угроза нарушения мира и подрыва интересов народа, он мог звонить в колокол и поднимать вооруженные отряды по гонфалонам, позже он приобрел также права уголовной юрисдикции. Как и Подеста, Капитан народа не мог принимать никаких важных решений без опоры на Совет Капитана народа, в котором он председательствовал. Капитан народа и Совет народа просуществовали в почти неизменном виде до второй половины XV в. Совет народа представлял не все коммунальное общество, но лишь его пополанскую часть, поэтому система власти, состоящая из Капитана народа и Совета народа, куда не допускались гранды, стала называться в XIII в. «Малой коммуной».

Второй важнейшей инновацией стала реорганизация городского пространства в интересах пополанства. Были основаны двадцать гонфалонов — вооруженных компаний по округам, на которые подразделялись сестьеры, и во главе каждой стоял гонфалоньер и четыре ректора, избираемые внутри компании на 1 год. В компанию народа входили мужчины данного гонфалона с 15 до 60 лет, исключая рыцарей. Каждая компания имела собственное знамя, каковое являлось символом идентичности и солидарности соседств. Значимость этих символов была столь велика, что те административные подразделения, которые они представляли, стали именоваться по изображениям на знаменах. По тому же типу было реорганизовано контадо, в котором по 96 округам формировались компании милиции со своими главами. Их главными функциями являлись сохранение мира и безопасности против фракций элит, которые сражались, возводя баррикады и осаждая внутренние кварталы и крепости в контадо. Территориально-административные реформы 1250 г. положили начало процессу формирования системы компаний народа, завершившемуся в 90-е гг. XIII в.[34]

Разумеется, созданная в 1250 г. новая территориально-политическая система была еще несовершенной и в условиях усиливающейся борьбы партий не могла обрести стабильность. Но ее главным последствием,

---

цехов. Анцианы руководили текущими делами управления и были облечены широкими судебными, финансовыми и административными полномочиями, но не имели законодательной инициативы.

[33] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 39. С. 158—159. Позже был сформирован еще один новый орган: Креденца (совет доверия или тайный совет), формируемый путем избрания по 6 человек от каждой сестьеры.

[34] Там же. VII. 13. С. 207—208; 14. С. 209.

судя по дальнейшим событиям, явилось важное обстоятельство: народ стал реально вершить многие первостепенные дела. Во-первых, им было установлено новое коммунальное законодательство и созданы органы управления, получившие очень устойчивый характер в обществе. Конституционная инициатива пополанов проявлялась и после 1250 г. В 1266 г., когда Подеста Флоренции на 6 месяцев были избраны два Веселящихся брата, снова «воспрянул народ Флоренции, и избрал 36 Добрых мужей для управления, так их назвали. И был избран Капитан народа мессер Джануццо Солданьери, ибо все Солданьери были с народом <...> Затем управлялась Флоренция народом». Виллани особо подчеркивал, что в коллегию 36-и вошли «влиятельные купцы и ремесленники». П. Пьери также описывал это важное нововведение — создание «коллегии 36-и»[35], что означало существенное укрепление позиций старших и средних цехов, каждый из которых получил свое собственное знамя и герб[36]. В 1267 г. был учрежден «состоящий из одних только пополанов» институт: Совет 100, «без согласия которого никакие предприятия и расходы не могли быть одобрены», кроме того, для голосований и обсуждений в Совет 100 и Совет Коммуны привлекались «главы старших цехов»[37].

О втором важном факторе усилившегося влияния народа свидетельствовали появившиеся в хрониках сведения о расправах народа с наиболее агрессивными фамилиями знати. Виллани писал о том, что в 1251 г. «представители гибеллинских семейств были изгнаны из Флоренции народом». Этот же хронист, как и П. Пьери, сообщал о событии, произошедшем в 1258 г.: «В январские календы <...> пополо Флоренции, опасаясь мятежа со стороны Уберти, <...> убили Скьятуццо Уберти под его кроватью, и захватили Неро Каини, который также был из этого дома, и отрубили ему голову, тогда как остальные Уберти бежали, чтобы их более не нашли». Затем по подозрению в организации гибеллинского заговора обезглавили аббата Валломброзы[38].

Наконец, только после 1250 г. в хрониках появляются первые упоминания имен пополанов, проявивших доблесть, связанную с коммунальным управлением. Образцом гражданской чести и неподкупности стал член коллегии анцианов Альдобрандино Оттобони (ум. в 1258).

---

[35] Коллегия 36-и вскоре превратилась в «узкий совет» — составную часть Совета народа.

[36] *Pieri P.* Cronaca. P. 32; *Виллани Дж.* VII. 13. С. 207—208; 14. С. 209.

[37] *Виллани Дж.* Новая Хроника.VII. 16. С. 211—212.

[38] Там же. Новая хроника. VI. 43. С. 161 — об изгнании гибеллинов народом. О выступлении против Уберти: *Pieri P.* Cronaca. P. 29; *Виллани Дж.* VI. 65. С. 174. Аннотации Пьери и Виллани об этом эпизоде в целом отличаются только именами Подеста, Виллани добавлял, что вместе с Уберто Каини был обезглавлен Манджа дельи Инфангати.

Пизанцы, которых войска коммуны разбили в 1256 г. в битве при Понте аль Серкьо, хотели, чтобы флорентийцы разрушили замок Мутроне, опасаясь, что он станет опорной крепостью жителей Лукки — союзницы Флоренции. Небогатому Альдобрандино предложили 4000 зол. флоринов, если он поспособствует принятию решения о разрушении замка. Однако он «не поддался алчности и корыстолюбию, но поступил как честный добропорядочный гражданин» и проявил «столь великую воздержность и преданность своей коммуне, что сравнялся с доблестным римлянином Фабрицием». Оттобони скончался, «окруженный всеобщим благоволением за свои доблестные деяния в пользу народа». За счет коммуны ему было сооружено самое высокое надгробие и вырезана увековечивающая его славу надпись[39]. Память о неподкупном пополане сохранялась. Через 100 лет Джованни Кавальканти в своем «Политико-моральном трактате» приводил в качестве образца доблести «верного Оттобуоно», который, якобы, всю сумму подкупа внес в коммунальную казну[40]. М. Стефани, наоборот, приводил негативный пример другого пополана, состоящего в коллегии анцианов, чтобы оттенить справедливость правления народа. В аннотации, датированной 1259 г., речь шла о Джованни Содики, случайно нашедшем сломанную металлическую решетку возле одной из церквей, которую он забрал для своего огорода. После окончания срока полномочий ему пришлось сознаться в содеянном, которое «не казалось ему тяжелым преступлением». Штраф в 1000 лир за присвоение бесхозной решетки, испорченной и валяющейся в грязи, не казался Стефани чрезмерным наказанием, но доказывал, что «в честности пополаны превосходили один другого», «желал Господь и желает, чтобы люди в нашем городе и в настоящем и в будущем оставались честными»[41].

Нэйджеми задумывался о том, насколько можно считать это правительство «народным»? Главными показателями он признавал «широкую базу поддержки», обеспечиваемую участием в Совете Капитана народа представителей компаний народа и консулов цехов, избираемых внутри этих ассоциаций, а также функции пополанов в качестве советников анцианов по вопросам войны и финансовой политики. Во-вторых, первое народное правление старалось устранять из Советов и властных колле-

[39] *Виллани Дж.* Новая Хроника. VI. 62. С. 172—173. Когда в 1260 г. во Флоренцию вернулись гибеллины, они извлекли тело Оттобони из гробницы и сбросили в сточную канаву. Виллани резюмировал: «Но в сравнении с его доброй славой и добродетельными поступками, которых коварная фортуна не может опорочить, глумление над его останками лишь венчает сияние его имени, а позор и скверна падут на голову его нечестивых обидчиков».

[40] *Cavalcanti G.* Il trattatto politico-morale. P. 119.

[41] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 117. P. 44—45.

гий фамилии партийных элит: рыцари не могли избираться анцианами и не входили в Совет народа, а большинство анцианов происходило из фамилий, вписанных в старшие цехи. Наконец, союз с младшими цехами обеспечивался присутствием небольшого числа их представителей в новых потестарных структурах. К тому же следует учитывать, что многочисленные нотарии, как и другие члены старших цехов, часто происходили из фамилий контадо, не относящихся к элите[42].

Как уже отмечалось, оценки результатов деятельности первого опыта народного правления различны. В отличие от Н. Оттокара, Дж. Нэйджеми отмечает значительные достижения периода *Primo popolo*. Прежде всего, это политика партийного нейтралитета: только 17 из 100 членов Советов являлись функционерами той или иной партии. Народное правление призвало гвельфов, изгнанных в 1248 г., но не высылало гибеллинов, стараясь уклониться от участия в межпартийном антагонизме. Американский исследователь не считал переворот 1250 г. социальной революцией, указывая на отсутствие тенденции к выделению категории магнатов и карательного законодательства против какой-либо социальной группы. С. Дьяччати, однако, склонна в большей степени именно социальное противостояние между нобилями и пополанами рассматривать в качестве определяющего фундамента событий середины XIII в., которые оценивались исследовательницей, как «радикальный переворот», поскольку на 10 лет *milites* были исключены из основных органов коммунального управления — из Советов, коллегии анцианов[43].

Действия народного правления видоизменили городское пространство, существенно ограничив возможности гражданских вооруженных конфликтов: сократили высоту башен до 50 м., снесли многие их укрепления, устроили прямые и широкие улицы, ведущие к центру и обеспечивающие быструю переброску контингентов организованной по гонфалонам милиции, предназначенной для охраны общественного

[42] *De Rosa D.* Alle origini della Repubblica fiorentina. Имена более сотни анцианов с 1250 по 1260 гг. полностью исключали рыцарей, туда входили только 6 граждан, происходящих из фамилий старой правящей консульской знати, и около 12 относящихся к ней фамилий были представлены в политической жизни до 1250 г.; среди анцианов было 20 юристов и нотариусов и 5 представителей цеха Лана, но ни одного представителя младших цехов (P. 171). Г. Сальвемини писал, что из 661 членов различных Советов, имена которых прослеживаются по документам 1255—1256 гг., только 14 были носителями рыцарского достоинства (*Salvemini G.* Magnati e popolani. P. 11). В 1251 г. из 28 советников, для которых отмечалась профессия, насчитывалось 5 ремесленников, 9 юристов, 12 нотариусов и 2 медика. В Совет 1256 г. входил 1 портной, 2 чулочника, 5 юристов, 8 нотариев и 2 медика. См.: *De Rosa D.* Alle origini della Repubblica fiorentina. P. 177.

[43] *Diacciati S.* Popolani e magnati. Società e politica nella Firenze del Duecento. Spoleto, 2011. P. 294

порядка. Новое правительство вело успешную политику по усилению влияния Флоренции в Тоскане и экспансии, направленной на расширение территории контадо. Под его руководством были заняты Поджибонси и Вольтерра, которой навязали конституцию по флорентийскому образцу; оно вынудило пизанцев предоставить флорентийским купцам торговые привилегии и льготы в пошлинах и налогах, не напрасно Виллани прозвал 1254 г. «годом победоносным»[44]. Символом экономического процветания Флоренции под эгидой *Primo popolo* явилась чеканка флорина — собственной золотой монеты[45].

Итак, следует резюмировать, что 50—70-е гг. XIII в. являются периодом консолидации пополанства уже на уровне автономных политических институтов (гонфалоны, Капитан народа, Совет капитана народа), но пока еще преобладало сплочение по территориально-административному принципу. На этапе 80—начала 90-х гг. на первый план выступает тенденция к достижению единства и организованности в сфере профессонально-корпоративной — по цеховому принципу. Еще в 1265 г. после поражения короля Манфреда во Флоренции были учреждены цеховые знамена — важнейший символ профессионально-корпоратовной идентичности для семи старших цехов, затем в начале 80-х знамена обрели и 5 средних цехов[46].

Поскольку пришедший во Флоренцию кардинал Латино де Малабранка (его отец в 1238 г. занимал должность Подеста во Флоренции) в 1280 г. заключал мир не только между гвельфами и гибеллинами, но также между грандами и пополанами[47], можно предположить, что социальные противоречия в этот период проявлялись наравне с партийными и постепенно начинали выступать на первый план. О том, что противоречие между грандами и пополанами отразилось в политике кардинала Латино, свидетельствует закон 1280 г., принятый в совете Мудрых коммуны Флоренции, о *sodamento* — гарантии соблюдения гражданского мира магнатами Флоренции и контадо в виде суммы в 2000 лир, вносимой в казну, которая конфисковывалась, если преступление совершалось. Список магнатов, которые должны были предоставлять *sodamento*, составлялся в ведомстве Подеста и обновлялся ежегодно[48]. В январе 1280 г. кардинал объявил генеральный мир между

[44] *Villani G.* Nuova Cronica / A cura di G. Porta. Parma, 1991. Libro VII, 58.

[45] *Najemy J.M.* Storia di Firenze. P. 82—83.

[46] *Виллани Дж.* Новая хроника. VII, 13. С. 208.

[47] *Malispini R.* Storia fiorentina. CCXIX, P. 197—198; *Pieri P.* Cronaca. P. 43.

[48] *Rubinstein N.* La lotta contro i magnati a Firenze. La prima legge sul "sodamento" e la pace del Cardinalo Latino // Archivio Storico Italiano. S. V. 1892. Vol. X. P. 161, 163. Этот закон оценивался исследователями различным образом. Г. Сальвемини считал его ударом «растущей буржуазии» по «классу» знати (*Salvemini G.* Magnati e popolani in Firenze. P. 84). Н. Рубинстейн признавал его направленным против «определенного социального слоя», но, подобно Н. Оттокару, видел в нем не проявление классовой

партиями и основал новую исполнительную магистратуру, коллегию 14-и — 8 гвельфов и 6 гибеллинов. Многих гибеллинов вернули в город, но 55-и наиболее могущественным главам пришлось остаться в изгнании, включая сыновей Фаринаты дельи Уберти. О влиянии цехов на коммунальную политику, которое решил использовать кардинал, свидетельствует тот факт, что в целях ратификации всеобщего мира в марте 1280 г. были созваны для принесения клятвы представители 8 цехов: 5-и старших (судьи и нотарии, Лана, Пор Санта Мария, медики и торговцы специями, меховщики), 3-х средних (мясники, кузнецы, и сапожники)[49]. Интересно, что в эту коллегию не были включены цехи Калимала и Камбио, в которых концентрировались многие фамилии элитарных слоев, тогда как в цех меховщиков, не говоря о мясниках, кузнецах и сапожниках, входили представители средних слоев города[50]. Не удалось выяснить, каким образом была определена указанная конфигурация цехов., но начиная с 1281 г. коллегия 14-и регулярно советовалась с консулами 7-и старших цехов, а в 1282 г. 5 средних цехов добились права участия собственных представителей в Советах[51].

Кульминацией усиления цехов и их стремления участвовать в коммунальном управлении явилось создание в 1282 г. нового института — Приората цехов, знаменующего важный этап становления пополанской коммуны. Хронист Дино Компаньи — непосредственный участник событий: по его словам, 6 пополанов собрались на совет, и среди них Дино. Из его хроники неясно, каким образом возник совет 6-и. Имеется лишь смутный намек на то, что он стал реакцией на подрыв мира, заключенного кардиналом Латино, вследствие злоупотреблений гвельфов в отношении гибеллинов. Виллани иначе обяснял факт созыва Совета 6-и: «Зачинщиками этого нововведения были консулы и совет цеха Калимала. Избрали сначала всего 3 приора[52] (в следующем составе их избрали 6 на 2 месяца[53]), затем консулы 12-и цехов (7 старших и 5 средних) принимали участие в

борьбы, а фактор умиротворения общества, поскольку именно нобили вели «бесконечные частные войны, подрывали спокойствие коммуны и подвергали опасности ее стабильность». Рубинстейн называл меры кардинала Латино, действием «государства против партикуляризма анархии» (*Rubinstein N.* Ibid. P. 167). Вывод автора заключался в том, что закон бил не по всему высшему слою в целом, но ограничивался только одной его частью, наиболее агрессивной (P. 172).

[49] *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. P. 92—93.

[50] *Ottokar N.* Il commune di Firenze. P. 10—11.

[51] *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. P. 94.

[52] *Compagni D.* Cronica. I. 4. P. 35—36. От цеха Калимала Бартоло ди мессер Якопо де Барди, от цеха Камбио Россо Баккерелли, от Лана — Сальвио ди Кьяро Джиролами. О себе же Компаньи заявлял, что он был слишком молод, чтобы «сознавать суровость законов, но всей душой желал устранить причину несогласий».

[53] Добавились цех медиков и торговцев специями, цех Пор Санта Мария, и цех меховщиков.

избрании приоров, которые «вместе с Капитаном народа должны были управлять самыми важными делами коммуны»[54]. Дино Компаньи отмечал, что приоры цехов стали устанавливать «новые законы и порядки», хотя по его мнению, «других великих деяний они не совершили, но для начала и этого было достаточно». Компаньи и Виллани отмечали двойственность нового режима: Дино одобрял как справедливые и полезные новые законы, принятые первыми Приоратами, которые «должны были защищать слабых и беспомощных», но с сокрушением констатировал, что сами же приоры их и нарушали, действуя в пользу своих друзей и родственников, расхищая коммунальную казну, притесняя слабых и роднясь с грандами-гвельфами[55]. Виллани позитивно оценивал народоправство, при котором флорентийцы вели умеренный образ жизни, следовали простым и грубым вкусам, скромно одевались, довольствовались придаными в 100 лир, но являлись добросердечными и преданными коммуне, однако стоящий у власти народ «слишком кичился своими великими и дерзкими начинаниями, хотя часто действовал необдуманно»[56].

Согласно анализу Дж. Нейджеми, в ходе последующего десятилетия (до 1293 г.) в приоратах преобладали члены 5 старших цехов: Калимала и Камбио (совместно занимали 46 % мест), цех судей и нотариев (19 %), Лана (10 %) Пор Санта Мария (10 %). Наиболее представительными фамилиями в приорате между 1282 и 1292 гг. являлись принадлежащие к торгово-банковским слоям Джиролами (12 присутствий в Приорате за 10 лет), Альтовити (10 присутствий), Барди (10), Аччайуоли (9), Бекканужи (7), Каниджани (7), Черретани (6), Фальконьери (6), Ристори (6). Никто из этих фамилий не относился к гвельфской элите первой половины десятилетия. Только 2 фамилии из гвельфской знати дали по 4 избрания в Приорат — Торнаквинчи и Виздомини. В 1287—1289 гг. 9 младших цехов, до этого не играющие заметной политической роли, добились формального признания и права для своих членов носить оружие и собираться под собственными знаменами. Они не могли получить этих прав без поддержки 12-и уже основанных цехов, которые, очевидно, осознавали необходимость наращивания сил за счет низших ремесленных корпораций[57]. Н. Оттокар утверждал, что среди тех, представители которых в 1280—1293 гг. часто избирались в Приораты, обнаруживаются дома изначально гвельфской ориентации (Магалотти, Манчини, Бекканужи), но также и те, которые действовали в период гибеллинского правления или были склонны к партийной индифферентности (Руффоли, Альберти)[58].

[54] *Виллани Дж.* Новая хроника. VII. 79. С. 216—217.
[55] *Compagni D.* Cronica. I. 4—5. P. 35—37.
[56] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 69. С. 176; 65. С. 175.
[57] *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. P. 95—97.
[58] *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento P. 64— 65.

И после создания Приората прослеживалась тенденция усиления антимагнатского законодательства. В июле 1281 г. новый закон укрепил полномочия Подеста в области контроля над файдами и наказания за акты насилия, свершаемые «магнатами и потентатами», подстрекающими к преступлениям и беспорядкам, которые «угрожали перевернуть доброе состояние города». Подеста и Капитан народа приобрели власть расследовать и карать возмутителей общественного спокойствия помещением в карцер, ссылкой, обязательством предоставления поручительства в коммунальную казну[59].

В 1286 г. был снова принят закон, направленный против определенных фамилий, который содержал более суровые меры: все их члены, достигшие совершеннолетия, вносили гарантийный залог (*sicurtà*) через посредство поручителей; на глав фамилий возлагалась ответственность за поведение братьев или сыновей, которые отказывались вносить *sodamento* персонально. Кроме того, вводился особый налог на всех членов этих фамилий (также своего рода гарантия соблюдения законов коммуны), и запрещалось ношение отдельных видов оружия им и их слугам. В списке домов, члены которых подпадали под эти законы, они определялись как магнаты. Как уже говорилось, два критерия предопределяли идентификацию фамильных магнатских групп: наличие внутри них по крайней мере за срок в 20 лет рыцаря и публичная молва об этом доме[60].

Таким образом, и после создания Приората пришедшие к власти представители формирующейся пополанской элиты смыкались с грандами, состоя в одних и тех же старших цехах, заседая бок о бок в Совете Коммуны, заключая брачные союзы. Тем не менее, период с 1250 по 1282 гг. можно характеризовать как время складывания пополанского правления с преобладанием представителей народа на государственных постах.

§ 2. Окончательная победа народа: «Установления справедливости»

Принятию «Установлений справедливости» предшествовало рассмотренное выше законодательство 80-х гг. XIII в. С другой стороны, видимо, большое значение имела становящаяся после 1282 г. все более напряженной атмосфера вокруг быстрого изменения основной иерархической структуры города. Об этом прямо говорил Дино Компаньи в главе о создании приората: первые приоры «еще больше набрались

[59] *Salvemini G.* Magnati e popolani. P. 94—105, 100—101.
[60] Ibid. P. 141—152; *Ottokar N.* Il Comune di Firenze. P. 103—109.

дерзости, воспламеняемые смелыми речами сограждан, каковые говорили о свободе и чинимых им несправедливостях»[61]. Другой современник — хронист Паолино Пьери — главной причиной рассматриваемой реформы считал нарастающий «страх, который народ испытывал перед грандами»[62]. Об усилившейся тревоге в обществе свидетельствовали эпизоды, связанные с Джано делла Белла, который выступил предводителем народа в борьбе за политические и правовые реформы. Автор анонимной хроники, будучи современником событий, писал: «...Один знатный горожанин-пополан по имени Джано делла Белла имел ссору с мессером Берто ди Фрескобальди, который желал ему навязать свои резоны силой; и указанный мессер Берто в церкви Сан Пьеро Скераджо схватил рукой за нос Джано делла Белла и сказал, что пустит ему сопли. И многие другие грубости и насилия всякий день гранды творили против пополанов. По каковой причине указанный Джано на этих грандов и могущественных пополанов Флоренции, устроив собрание, <...> поднял народ; и с ним действовали Дуччо и Чоне Магалотти, Козо Манчини, Лапо Таленти, мессер Донато Альберти, мессер Альбиццо Корбинелли, мессер Буонинсенья Бекканужди, Бальдо Руффоли, Джова Альлиони, Россо Баккерелли и другие гранды и знатные пополаны»[63].

Признаки социально-политического кризиса проявились в острых дебатах на заседании ассамблеи консулов 12 старших цехов 24 ноября 1292 г. Обсуждался волнующий для объединенных в цехи пополанов вопрос о степени участия их консулов в избрании Приората[64]. Наиболее радикальное предложение поступило от представителя многочисленного и сплоченного цеха мясников Дино Пекоры, известного своим дерзким и буйным нравом. В хронике Дино давал ему такую характеристику: «Богатый мясник <...>, каковой занимался своим ремеслом нечестно с ущербом для республики; претерпевал преследования от своего цеха, потому что без страха творил преступные дела, угрожал ректорам и должностным лицам и всегда был готов совершить злодеяние с оружием в руках и многими последователями»[65]. Пекора выска-

[61] *Compagni D.* Cronica. I. 4. C. 36.

[62] *Pieri P.* Cronaca. P. 56.

[63] Cronica compilata. P. 138.

[64] Среди тех, кто брал слово, фигурировали представители крупных фамилий (Черки, Аччайуоли, Строцци), некоторые юристы, 1 нотарий, предприниматель-шерстяник, племянник проповедника Ремиджо Джиролами, поэт, член цеха мясников, и Дино Компаньи. Сам хронист не упоминал об этом эпизоде в своей хронике.

[65] *Compagni D.* Cronica. I, 13. P. 51. Возможно, хронист сгущал краски в столь негативном суждении, поскольку в 1294—1295 гг. они оказались с мастером цеха мясников по разные стороны баррикады: Компаньи являлся последовательным сторонником Джано делла Белла, тогда как Пекора — деятельным участником заговора против делла Белла. См.: Ibid. I, 18. P. 59.

зался в пользу избирательной коллегии из 12-и членов, по 1 от каждой корпорации, избираемому консулами других 11-и корпораций[66]. Дж. Нэйджеми полагал, что мясник выступал рупором цехов, не представляющих элиты (5 средних, цехи меховщиков, медиков и аптекарей, Ворот Санта Мария), составляющих вместе с младшими большинство голосов среди 12-и цехов при выборе приоров. Это предложение не было принято, но оно отразило преимущества средних и младших цехов в том, что равное представительство и равное влияние в голосовании отодвинуло бы на второй план немногие цехи (всего 4), контролируемые крупными фамилиями. Более умеренную версию выдвинул Дино Компаньи: консулы от каждой из 12-и корпораций должны были называть по 6 кандидатов, принадлежащих к данной корпорации, по 1 от сестьеры, а те затем ставились на голосование по каждой отдельной кандидатуре в ассамблее всех консулов. Кандидат, набиравший подавляющее большинство (до 2/3 голосов) в каждой сестьере, мог занять должность приора. Таким образом, при создании избирательной коллегии могли сочетаться корпоративно-цеховой и территориально-административный принципы отбора кандидатов. Результат дебатов утвердил автономию и равенство каждой из 12 корпорации в выдвижении кандидатов и в финальном голосовании[67]. Избранные в декабре 1292 г. 6 приоров вместе с тремя юристами отредактировали «Установления справедливости»[68], впервые обнародованные 18 января 1293 г.

В «Установлениях», прежде всего, декларировалась верховенство в коммунальном обществе ассоциации, состоящей из 21-го цеха, которая отождествлялась с *res publica*, т.е. с коммуной. Кандидаты на должности приоров должны были обязательно принадлежать к одному из 21-го цеха и активно заниматься ремеслом и торговлей, предписанными их корпорациями. Этим документом вводилась должность Гонфалоньера справедливости как главы приората, избираемого консулами 12-и цехов. Его основная функция первоначально состояла в руководстве гвардией, сформированной из 1000-и человек, избираемых из пополанов и ремесленников, главной задачей которой являлось снесение домов и разрушение собственности магнатов, убивавших или наносивших тяжелое

[66] В XIII в. число цехов — 21 еще не приобрело устойчивости и время от времени колебалось по причине недостаточной зрелости и оформленности младших цехов: в данном случае фигурирует число всех цехов — 23, но были моменты в этом столетии, когда называлось 32 цеха.

[67] *Najemy N.* Corporatism and Consensus in Florentine Electoral Politics, 1280—1400. North Carolina, Chapel Hill, 1982. P. 32—42.

[68] Обнародованный в январе 1293 г. вариант опубликовал F. Bonaini // Ordinamenti di Giustizia, 1293—1993 // Archivio Storico Italiano. 1855. Vol. 1. Расширенная версия опубликована: *Salvemini G.* Magnati e popolani. P. 384—432. Третье издание: Ordinamenti di Giustizia, 1293—1993 / Introd. di F. Cardini. Firenze, 1993.

ранение пополану[69]. Дино Компаньи, «воинствующий пополан»[70], ставший третьим по счету Гонфалоньером справедливости в июне—августе 1293 г., сообщал: «И я, Дино Компаньи, став Гонфалоньером справедливости <...>, пошел в дома Галлигаи и в дома их консортов, чтобы разрушить их согласно законам»[71]. Сомневаться в практическом применении подобной репрессивной практики не приходится. Джованни Виллани упоминал такой же эпизод, когда первый гонфалоньер Бальдо Руффоли выступил со своим знаменем, чтобы разорить род Галли[72]. Компаньи же осуждал ректоров, которые, боясь народа, отказывались выносить оправдательные приговоры, а также чрезмерное рвение Гонфалоньеров справедливости в карательных действиях против грандов: главы приората преступали рамки закона и «срывали все до основания», опасаясь, что «народ обвинит их в трусости». Им даже пришлось однажды возмещать ущерб членам рода Буондельмонти, имущество которых несправедливо уничтожили за то, что один из них убил пополана[73].

Направленные против грандов постановления коммуны с 1293 до 30-х гг. XIV в. лишали их многих традиционных привилегий. У них отнималось право не платить налоги в коммунальную казну, им запрещалось иметь специальный сословный судебный трибунал, значительно ограничивалось право ношения оружия. Но самое главное ущемление заключалось в том, что им не разрешалось занимать высшие государственные посты в Приорате, в наиболее важных властных коллегиях, включая Совет Народа и Совет Ста, в консулате цехов[74]. Это законо-

---

[69] В случае необходимости Гонфалоньер справедливости обладал полномочиями призвать членов цехов, которые выступали вооруженными под своими знаменами.

[70] *Arnaldi G.* Dino Compagni: cronista e militante "popolano" // La cultura. 1983. Vol. XXI. № 1. P 56—57.

[71] *Compagni D.* Cronica. I, 12. P. 47—48. Представитель старого и очень знатного рода Галлигаи, будучи во Франции, напал в ходе ссоры на двух пополанов, сыновей почтенного купца Уголино Бенивьени, и смертельно ранил одного из братьев. Исследователи сомневались в полной достоверности этого эпизода, полагая, что разрушение домов другой фамилии Галли являлось делом рук первого гонфалоньера Бальдо Руффоли.

[72] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII, 1. С. 224. Возможно, что речь идет об одном и том же событии, ибо Виллани завлял, что Галли наказали также за убийство пополана во Франции, и это деяние Д. Компаньи приписал себе, см. примечания М.А. Юсима: *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с ит. М.А. Юсима. М., 2015. С. 70, ссылка 56.

[73] *Compagni D.* Cronica. I, 12. P. 48.

[74] *Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-città medievale. P. 80—81; *Becker M.* La trasformazione della finanza e l'emergere dello stato territoriale a Firenze nel Trecento // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979. P. 166—168; *Martines L.* Firenze e Milano nel Quattrocento: il ruolo dei giuristi // La crisi degli ordinamenti... P. 215—219; *Salvemini G.* La dignità cavalleresca... P. 138—139; *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 200—201.

дательство усиливало вину за криминальное поведение магнатов, особенно в тех случаях, когда они оказывались виновными в насилиях и ущербах по отношению к пополанам. При этом предусматривалось, что «будет призван к судебной ответственности один консорт за другого»[75]. Джованни Виллани особо акцентировал этот момент: «Видно было, что они (гранды) очень отягощены новыми установлениями справедливости, введенными народом, и особенно теми порядками, которые говорили, что один консорт может быть притянут за другого»[76]. «Установления» были нацелены на разрыв вертикальных связей верности, службы, клиентелы, объединяющих пополанов с грандами в одних и тех же партийных фракциях: пополанам запрещалось собираться в домах магнатов во время мятежей, или когда Гонфалоньер справедливости выступал вершить правосудие с вооруженными гражданами. Если в гражданских столкновениях фракций погибали или получали ранения пополаны, то жестокие наказания за это ожидали грандов, даже являющихся патронами жертв, что ослабляло связи между магнатами и их клиентами-пополанами. Но наиболее тяжелая угроза для политической позиции элиты состояла в исключении рыцарей из управления коммуной; имелось особое предписание, которое представляло первый шаг к запрету выборности магнатов[77]. Современники событий были склонны констатировать в 1293 г. крушение нобильского сословия: «... Сокрушили городских нобилей и опозорили их законами, и в короткое время отменили их почести, каковые их предки завоевывали с большими усилиями в течение долгого времени...»[78]. Гранды, как отмечал Компаньи, жаловались на эти законы, говоря: «Если лошадь на бегу ударит хвостом в рожу какому-нибудь пополану, или в толпе один без всякой злобы заденет другого, или маленькие дети подерутся: разве можно всех разорять из-за подобной мелочи?»[79].

«Установления справедливости» дополнялись соответствующим судебными поостановлениями. Виновные в таких тяжких должностных преступлениях и нарушениях «Установлений» полностью отчуждались от участия в политической жизни путем высылки из города и конфискации имущества[80].

---

[75] *Bruni F.* La città divisa. Le parti e il bene comunale da Dante a Guicciardini. Bologna, 2003. P. 79. Франческа Бруни оценивала данный пункт «Установлений справедливости» с юридической точки зрения, видя в нем замену принципа индивидуальной ответственности, предусматриваемого римским правом, критерием германского права.

[76] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 12. С. 228.

[77] *Najemy N.* Storia di Firenze. P. 100—102.

[78] *Compagni D.* Cronica. I. 2. P. 31—32.

[79] Ibid. P. 31—32; I, 12. P. 49.

[80] *Gualtieri P.* Il Comune di Firenze tra due e trecento. P. 77—78.

Эти законы, как и всякое значимое событие в истории коммуны, вызывали полярные оценки у современников. П. Пьери высказывался резко отрицательно: «В январские календы 1293 г. <...> народ принял некие установления, каковые приказано было называть "Установления справедливости", а на самом деле следовало назвать "Установлениями злобы" для тех, кого они преследовали»; в другом месте своей хроники он заявлял: «"Установления преступности", которые назывались "Установления справедливости"»[81]. Трудно сказать, почему пополан столь негативно оценивал законодательную реформу 1293 г.: слишком мало о нем известно[82]. Анонимный автор хроники, хотя и не определял четко свою позицию, но явно осуждал грандов, утверждая, что «многие грубости и насилия всякий день гранды творили против пополанов»[83], тем самым он косвенно подтверждал справедливость нового законодательства. И в этом случае его суждение совпадает с оценкой Дино Компаньи, которая подробно рассматривалась выше. Характеристики Джованни Виллани не отличались однозначностью. При описании событий рубежа XIII—XIV вв. он, выходец из пополанских слоев, обвинял нобилей в притеснении пополанов: «Больше всего нобили, властные и влиятельные, были повинны в обидах пополанов и простых людей <...>, у которых они отнимали имущество и которым чинили насилия»[84]. Но в повествовании о последующих событиях, которые он переживал во Флоренции, суждения менялись: после усиления пополанского режима в 1343 г., когда была подавлена попытка грандов отменить «Установления справедливости», хронист больше склонен к осуждению пополанов.

Более поздний историк Маркьонне ди Коппо Стефани, описывая реставрацию гвельфского режима в 1267 г., дал короткую, но многозначительную ремарку: «Народ Флоренции был воодушевлен устраивать свои дела без синьоров...»; «так меняли землю гвельфов, гибеллинов и знатных людей в интересах купцов и ремесленников разного рода». В отличие от Джованни Виллани, этот автор не был склонен сочувство-

---

[81] *Pieri P.* P. 56, 77.

[82] *Coluccia Ch.* Per una nuova edizione delle Croniche di Paolino Pieri // Ex traditione innovatio. Miscellanea in honorem Max Pfister septuagenarii oblate. Darmstadt, Vol II. Miscellanea sociorum operis in honorem magistri conscripta. P. 273—276. Кьяра Колучча, переиздавшая хронику Паолино Пьери в конце XX в., ссылалась на один единственный архивный документ, в котором упоминалось данное имя. Это один из протоколов нотария Якопо ди Джери, датированный 12 ноября 1324 г. В нем сообщалось, что Паолино Пьери из прихода Сан Пьеро Маджоре и Джованни Маццини, из того же прихода поручалось взимать в течение года, начиная с январских календ 1324 г., габеллу с мелких розничных торговцев фруктами и зеленью, другими съестными припасами и соломой, а также с содержателей таверн. См.: Ibid. P. 274.

[83] Cronica fiorentina compilata. P. 138.

[84] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 1. С. 223.

вать грандам, лишенным заслуженных почестей, подчеркивая: «Больше порочных и недовольных было среди грандов, чем среди других»; «надменность грандов, желающих исполнять должности на свой манер, чтобы исправить все статуты с января этого года» (т.е. отменить антимагнатские постановления — *И.К.*). Маркьонне, придерживающийся последовательно пополанских позиций, полностью оправдывал постановления против грандов, внесенные в книгу «Установлений справедливости» (1308 г.), поскольку гранды «преисполнились дерзости более обычного, и обижали народ словами и делами...»[85]. О «притеснениях, чинимых грандами», как основной причине принятия «Установлений справедливости», писал и Симоне делла Тоза, невзирая на то, что сам являлся выходцем из знатного и древнего рода[86]. Это еще раз подтверждает, что различные мнения далеко не всегда зависели от социального статуса тех, кто их изрекал.

О конституции 1293 г. исследователи много полемизировали. Дискуссионность в оценках «Установлений справедливости» в значительной степени была заложена определениями Г. Сальвемини и Н. Оттокара. Сальвемини придавал величайшее значение «Установлениям справедливости» как институту, уничтожающему «мощь феодального класса», характеризуя его как проявление острейшей социальной борьбы, документ, уничтожающий силу домов грандов. Н. Оттокар, отрицая классовый подход Сальвемини, не связывал антимагнатское законодательство с глобальными изменениями в социальных и политических структурах коммунального общества. Наиболее лаконично и емко эту оценку выразил сторонник Оттокара Д. Пампалони: «Законодательство <...>, которое в первый момент стремилось только к обузданию присущего магнатам насилия и антисоциальных обычаев»[87].

Современные историки не склонны отрицать утверждение Г. Сальвемини, что «Установления справедливости» запустили процесс маргинализации тех слоев, которые относили к грандам, с одной стороны, а с другой, — являлись решительной победой пополанских слоев, открыв им более или менее широкой доступ к коммунальному правлению. М. Тарасси следовал той же позиции: «Для значительного числа фамилий грандов-гвельфов, которые переживали подъем своей экономической, но главное, политической активности на протяжении XIII в., после

[85] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 137. P. 52; Rubr. 261. P. 98—99. Суть постановлений 1308 г. сводилась к расширению функций гонфалоньеров компаний и введению должности «Экзекутора справедливости» для надзора за соблюдением антимагнатского законодательства.

[86] *Simone della Tosa.* Annali. P. 154.

[87] *Pampaloni G.* I magnati in Firenze. P. 47.

«Установлений справедливости» начался медленный, но прогрессирующий упадок, распространяющийся даже на такие влиятельные фамилии правящей элиты, как Адимари и Росси»[88]. По мнению П. Паренти, в период 1295—1300 гг. у кормила власти утвердился слой представителей «богатого торгово-ремесленного мира», пополанов Альтовити, Джиролами, Бекануджи, Аччайуоли, Альбицци, Каниджани, Альберти дель Джудиче, Ансельми, Мариньолли, Ристори, Мартини, Строцци; к ним добавлялась новая группа, в которой выделялись Перуцци, Черретани, Макиавелли, Веллути[89]. Эту достаточно широкую группу П. Паренти квалифицировала как «правление купцов и нотариусов, немного разбавленное небольшим числом ремесленников из младших цехов». Таким образом, итальянская исследовательница, полемизируя с Н. Оттокаром, констатировала смену состава правящей элиты: «Вторая половина XIII в. может рассматриваться как период кризиса и упадка старой аристократии а также политической борьбы, в которой отфильтровывался новый правящий класс»[90].

Наконец, П. Гвальтьери также подчеркивал глобальное значение реформы 1293 г. для коммунального общества: «Законодательство, закладывающее основы преобладания торгово-ремесленных слоев и запускающее в достаточной степени интенсивный карательный механизм дискриминации магнатов, являлось победой хорошо идентифицируемой и очень значимой группы городского социума». Он неоднократно подчеркивал долго действующий эффект рассматриваемого законодательства: «Следует помнить, что "Установления" — часто во многих местах сдерживаемые, — всегда строго защищали пополанские слои, сохраняя в неизменном состоянии их значимость во флорентийском устройстве»[91].

Внимание П. Гвальтьери было сосредоточено на феномене непрямолинейности развития процессов, запущенных «Установлениями», он отмечал многочисленные спады и подъемы, подлежащие определенной периодизации. Важны в этой связи и другие замечания автора, который признавал избирательность действия «Установлений» и относительность карательных мер в отношении магнатов[92]. В этом плане с ним солидарен А. Дзорци. Несмотря на то, по его мнению, что «Установления справедливости» кажутся документом хорошо изученным, однако новые труды показывают: их трансформация прослеживалась главным образом только в 1293—1295 гг., тогда как это законодательство под-

[88] *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 122—123.
[89] *Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri. P. 285.
[90] Ibid. P. 294—295.
[91] *Gualtieri P.* Il Comune di Firenze tra due e trecento. P. 73. Подобная же оценка содержится в работе: *Zorzi A.* Politica e giustizia. P. 130.
[92] *Gualtieri P.* Il Comune di Firenze tra due e trecento. P. 72.

вергалось продолжительной динамике, в ходе которой существенные добавления и изменения вносились в течение всей первой половины XIV в. — явление, до сих пор еще очень недостаточно исследованное[93].

Но наиболее интересным представляется спектр суждений П. Гвальтьери относительно смены ментально-культурных установок широких слоев коммунального общества. Итальянский историк пытался выявить «каноны политического диссидентства», усматривая их в хорошо отрегулированной карательной и политической дискриминации магнатов; высокой институциональной значимости редакций установленных коммуной списков грандов; в конструировании публичного образа магнатов, отмеченного негативным смыслом в плане их поведения[94]. Одним из последствий рассматриваемых реформ стало формирование важной идеологической матрицы, которую П. Гвальтьери назвал «зрелой идеологической конструкцией», «способной определить негативную модель поведения» — «миф» о «дурном магнате, насильнике и наглеце»[95]. На другом полюсе, как он полагал, складывался прототип истинного флорентийского гражданина, имеющий точные социополитические характеристики: пополан по происхождению и тому, что мы сегодня называем «политической культурой», торговец или ремесленник по профессии, гвельф, который «доминировал на политической сцене в течение всего XIV в.»[96] Таким образом, П. Гвальтьери четко очерчивал социальное противоречие между магнатами и пополанами, не упуская из виду условности и неоднозначности его проявления в коммунальном социуме.

Но, как кажется, основное значение «Установлений справедливости» заключалось в том, что они служили дальнейшему размыванию границ между сословиями, устанавливая контроль коммунальных реестров – списков грандов и пополанов, куда заносились лица независимо от знатности их рода, древности происхождения, причисления к тому или иному сословию изначально[97]. При всей решительности наступления на доминирующую роль грандов в коммуне законодательство против древней знати никогда не носило абсолютного характера, тем более что слой знати видоизменялся изнутри[98]. Только от данных постановлений

---

[93] *Zorzi A.* Politica e giustizia. P. 139—144. Он заявлял: рассматривая социально-политические реформы 80-х гг. XIV в., можно утверждать, что этот процесс продолжался до конца столетия.

[94] *Gualtieri P.* Il Comune di Firenze tra due e trecento. P. 74.

[95] *Zorzi A.* Politica e giustizia. P. 136; *Gualtieri P.* Il Comune di Firenze tra due e trecento. P. 74.

[96] *Gualtieri P.* Il Comune di Firenze tra due e trecento. P. 77.

[97] О редакциях первых листов, утверждающих магнатов, в связи с ужесточением законодательства см.: *Salvemini G.* Magnati e Popolani. P. 117—119.

[98] По антимагнатским постановлениям многие фамилии грандов не были признаны таковыми: Альтовити, Бальдовинетти, Джуньи, Пеголотти, Импортуни, Делла Белла. Джано делла Белла был главным вдохновителем борьбы против гран-

коммунального правительства зависело, как будет квалифицироваться конкретное лицо — магнатом или пополаном. Высказанные современными исследователями оценки «Установлений справедливости» как поворотного пункта для дальнейшего хода истории коммуны и как реформы, получившей глобальное значение, определившее все стороны развития города-государства не подвергаются сомнению. В этом случае они совпадают с заключениями Г. Сальвемини. Но несомненный отход от схематично-классовых дефиниций «феодалы» и «буржуазия», неприменимых к социальным группам городского общества, обнаруживает известную правоту суждений Н. Оттокара.

§ 3. Социальный компромисс и межпартийный антагонизм на рубеже XIII—XIV вв.

Новое законодательство спровоцировало резкое обострение социальных противоречий между грандами и пополанами (1293—1295). Острота противостояния *popolo* и грандов заметна в повествовании Компаньи о совете грандов (1294 г.) в церкви Сан Якопо: «Держал речь мессер Берто Фрескобальди и говорил так: "Собаки из народа захватили у нас почести и должности, так что мы не осмеливаемся вступить в Палаццо, и их суды невозможно оспорить <...> Чтобы выйти из этого рабства, возьмемся за оружие и пойдем на Площадь: мы убьем всех пополанов, врагов и друзей, сколько их там найдем, чтобы ни мы, ни наши сыновья не были ими порабощены"». Выступивший затем мессер Бальдо делла Тоза предложил лучше прибегнуть к хитрости, посеев раздоры между пополанами путем разделения их на гвельфов и гибеллинов[99]. Противоречие гранды/пополаны в 90-е гг. выступило на первый план, но постоянно сплеталось с конфликтом между партиями.

Радикализм реформы и ее решительное, часто доходящее до агрессивности претворение в жизнь, не могли не вызвать противодействия не только грандов, но и влиятельных представителей верхушки пополанства, которых нередко объявляли грандами. Они составили за-

---

дов, между тем о его фамилии Дж. Виллани писал в главе, относящейся к концу XI в.: «Делла Белла из Сан Мартино, теперь уже пополаны, которые пользовались влиянием в квартале Сан Пьеро Скераджо одновременно с другими знатными фамилиями». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 11, 13. С. 86—87; VIII. 1. С. 223—224. О смягчении «Установлений справедливости» уже в 1295 г. см.: *Bertelli S.* Il potere. P. 78; *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 225.

[99] *Compagni D.* Cronica. I. 15. P. 53;

говор, опираясь на рыцаря Жана Шалонского, имевшего некоторые полномочия от императора, главной мишенью которого являлся Джано делла Белла. Компаньи повествовал о том, как он пытался предостеречь предводителя народа, раскрыв перед ним имена заговорщиков[100].

Заговор осуществился в 1295 г. (январь), когда, по сведениям П. Пьери и других хронистов, в качестве Подеста был избран «мессер Джованни ди Луччино из Падуи»[101], «могущественный и знатный» человек...». Далее Пьери информировал, что «в это время случилась распря внутри рода Донати, по которой велась судебная тяжба, <...> и 20 января Подеста зачитал осуждение, а находящиеся в Палаццо члены дома Донати, недовольные приговором, оправдывавшим Корсо Донати <...> пришли в ярость, крича "Долой Подеста!", и народ огнем сжег ворота <...>; а указанный Подеста <...> бежал по крышам в дом Черки, каковой был капитаном, и тот спас его от ярости народа, втянув к себе, <...> и все обвиняли Подеста за то, что он начал новые процессы, а также и за процессы его предшественника, поэтому все акты и записи процессов были изорваны <...> и выброшены вон, каковая вещь не понравилась многим, особенно судьям Флоренции и другим жирным пополанам, которые его (Джано делла Белла) ненавидели, и они решили относительно его, а также тощего народа и его партии, и Джано был изгнан с шумом за пределы Флоренции, а его друзья понесли наказание»[102]. Глава пополанов был обвинен в беспорядках, и по совету некоторых его сторонников покинул город. 5 марта 1295 г. ему заочно вынесли официальное обвинение; дом был подвергнут погрому и разрушен[103]. Повествуя далее об изгнании Джано делла Белла, П. Пьери точно расставлял акценты, усматривая в событиях не столько противоречие между грандами и пополанами, сколько между «тощим» народом, составляющим основную опору Джано, и «жирными» пополанами, многие из которых, скорее, занимали сторону грандов.

---

[100]Idem. I. 13—14. P. 49—52.

[101]Idem. I. 16. P. 54—56. Компаньи склонен во всем оправдать Подеста: «Благородный рыцарь, рассудительный и достойный человек». Он же виновником неправедного суда, оправдавшего Корсо Донати, считал одного из судей, составлявших свиту Подеста, и введшего в заблуждение ректора, непричастного к разбирательству дела. Зачинщиками смуты Дино считал Тальдо делла Белла (брата Джано) и Бальдо дель Борго Донати, «которыми двигала не столько любовь к правосудию, сколько ненависть к мессеру Корсо», что доказывает значимость межличностной и межклановой вражды и симпатий.

[102]*Pieri P.* Cronaca. P. 58. Он же сообщал, что «жена Подеста бежала в Сан Пьеро Маджоре к монахиням»

[103]*Cristiani E.* I fuorusciti di parte "bianca" tra il secolo XIII e il XIV // Exil et civilization en Italie (XII—XVI) / Etudes rèunes par J. Heers et Chr. Bec. Nancy, 1990. P. 61—62. Сначала Джано бежал в Пизу, затем, опасаясь расправы, — во Францию. Его потомки стабильно обосновались в Пизе, где обитали очень долгое время.

Анонимный современник этих событий описал их очень коротко, никак не определив собственной позиции[104]. Но он заявлял о факте, не упоминаемом ни одним из хронистов, который считал поводом для последующего изгнания Джано делла Белла: «В это время в Гарбо, в грамматической школе нашли умершим одного юного мальчика 15-и лет, каковой имел ссору с Джано делла Белла, и было объявлено по всему городу, что указанный Джано приказал его убить». Хронист стремился представить данный эпизод как предлог для обвинения Джано, но, возможно, и сам предполагал его виновность, что заметно в двойственности суждения: «Спустя малое время получилось так, что указанный Джано всеми крупными пополанами по наущению грандов был предан. 18 февраля он был осужден в персоне и имуществе, а также его брат и сын вместе с ним; и был лишен гонфалона народа <...> Об этом Джано делла Белла можно воистину сказать, что он был настоящим отцом народа Флоренции, и столь честным человеком, какового никогда не было в народе: исключая то, что все свои вендетты он творил, прикрываясь властью того же народа»[105]. Естественно, что в создавшейся ситуации в изобилии множились сплетни и слухи вокруг ключевой фигуры, распространялись полярные оценки, отражающие субъективные позиции авторов.

Под пером Дино Компаньи Джано делла Белла представал благородным героем, жертвой интриг грандов и «жирных» пополанов, их сторонников. Когда началось волнение у Палаццо Подеста, он якобы сказал: «Я попробую вырвать Подеста из рук народа!» и сел на коня, готовым, рискуя жизнью (люди направили на Джано копья, поэтому ему пришлось вернуться), спасти ни в чем не повинного ректора из рук яростной толпы. В тексте Пьери не содержится упоминаний о подобной попытке предводителя народа. В уничтожении бумаг Подеста Компаньи обвинял

[104]Cronica compilata. P. 140—141. Складывается впечатление, что анонима гораздо больше интересовала завершившаяся в то же время миром вендетта между домами Барди и Моцци, и тот факт, что по условиям договора Моцци должны были выплатить Барди 200 флоринов золотом, предназначающихся получившим раны и увечья членам их консортерии. Виллани лишь кратко упомянул об этой вендетте среди прочих. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 1. С. 224.

[105]Cronica compilata. P. 141; *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 8. С. 227—228. У Виллани нет речи о мальчике из грамматической школы, но дается обстоятельный социально-политический анализ ситуации. Оценка деятельности Джано совпадает с характеристикой анонима. «Гранды день и ночь искали способ расправиться с Джано делла Белла, потому что он был одним из вождей и зачинщиков "Установлений справедливости" <...>. Гранды вошли в соглашение с коллегией судей и нотариусов... и с другими зажиточными пополанами, друзьями и родственниками грандов <...> Простой люд стал собираться к дому Джано делла Белла с оружием в руках заступиться за него или разгромить его противников». Относительно вендетт Виллани заявлял, что Джано «...не прощал обид, например, опираясь на коммуну, он отомстил семейству Абати, своим соседям; может быть, за эти прегрешения он и пострадал безвинно...».

многих судей как заинтересованных лиц, особенно Бальдо дель Аммирато, на которого чужеземному правителю было подано особенно много жалоб[106]. Он стремился во всем оправдать вождя, с которым связывал стабильность правления цехов и усиление позиций пополанства. П. Пьери, скорее наоборот, видел в персоне Джано основную причину разделения в городе: «Воистину он был великим Пополаном, какового никогда не было до него во Флоренции; и случилось бы еще большее, если бы он сотворил то, что желал содеять в своих помыслах»[107]. Фраза выглядит туманной, но учитывая, что она непосредственно заключает историю о мятеже против Подеста и беспорядках во Флоренции, можно предположить следующее — хронист видел в Джано зачинщика раздоров.

Уже в июле 1295 г., после изгнания Джано делла Белла, гранды попытались организовать заговор против пополанов. Аноним отмечал, что многие дома грандов, враждующие между собой, заключили мир, в частности, Адимари и Тозинги, как он комментировал, «чтобы быть в согласии и убивать народ. Великие гранды стакнулись вместе и составили между собой заговор <...> и вооружились, и сделали укрепления в день Св. Ромоло, 6 июля, <...> оскорбляя народ по всему городу; и сражались почти весь день верхом и пешими во всех частях города; и Гранды Пополанами были разбиты по милости Господа, хотя не имел народ никакого главы для своей поддержки. На другой день народ сравнял с землей палаццо Кантино ди Виздомини». Правда, он тут же добавлял, что большую роль в победе пополанов сыграл Капитан народа мессер Карло ди Сполето, «мудрый и честный человек и великий защитник народа»[108]. Джованни Виллани в главной оценке был солидарен с анонимом: «Знатные и влиятельные горожане <...> восстали против народных учреждений, будучи сильно уязвлены "Установлениями справедливости"...». Однако победу народа над грандами он считал весьма относительной: «Народ же легко одержал бы над грандами верх, но предпочел вступить в переговоры через посредство монахов, чтобы не начинать гражданскую войну». По мнению Виллани, «власть осталась в руках народа <...>, но с этого времени гранды непрестанно пытались свергнуть народную власть, а пополанская верхушка стремилась всячески укреплять ее и ущемлять грандов...»[109]. О том же пи-

[106] *Compagni D.* Cronica. I. 16.

[107] *Pieri P.* Cronaca. P. 59.

[108] Cronica compilata. P. 143—144. Он указывал, что с этого дня все гранды стали подозревать дом Черки по той причине, что они не выступили с ними против народа Коммуны. Лукка, графы Гвиди, графы Альберти, пратезцы, пистойезцы, самминьятцы и все нобили контадо пришли на помощь грандам.

[109] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 1. С. 224; 12. С. 228—229. О борьбе грандов против «Установлений справедливости» см.: Там же. V. 39. С. 130—131; VI. 33, 65, 78. С. 152—155, 174, 183—185; VIII. I, 12. С. 223, 228—229; *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 196, 198. P. 70—71; *Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri. P. 277—278.

сал Компаньи: «Могущественные горожане, которые не все были нобилями по крови, но по другим признакам назывались грандами, из ненависти к народу многими способами пытались свергнуть его»[110].

Даже в приведенных высказываниях заметна непоследовательность позиций как грандов, так и народа. Пьери подчеркивал подозрительность *Popolo* в отношении своего радикально настроенного лидера и нежелание поддерживать его у Палаццо Подеста. Аноним, находясь на стороне «Установлений», давал Джано и его политике противоречивую оценку. Многие пополаны, весьма решительно настроенные, когда обсуждался проект будущих «Установлений», быстро перешли в ряды возглавляемй грандами оппозиции. Пример: мясник Дино Пекора, выступавший в 1293 г. за интересы младших цехов, в 1294 г. находился со своими многочисленными последователями в лагере грандов и их сторонников[111]. Виллани утверждал, что народ, имея все шансы на победу, предпочел переговоры с грандами гражданской войне. Думается, что уместно привести меткую оценку Патриции Паренти[112], которая называла принятие поправок в «Установления справедливости» «политикой мудрого реализма».

Внесенные в 1295 г. поправки существенно смягчали положения первоначальной редакции этого законодательства. Наиболее значимым изменением можно считать получение грандами доступа к должностям через формальное членство в цехе (т.н. *scioperati* — рантье)[113], допуск их в Совет Коммуны и во второстепенные ассамблеи; в уголовной юрисдикции им также были сделаны послабления: карали смертью не всех

---

[110]*Compagni D.* Cronica. I, 13. P. 50—51. Под «способами» имелись в виду обращение к рыцарю из Шампани Жану Шалонскому, попытки использовать цех мясников, известных своими бесчинствами, во главе с их предводителем по прозвищу «Пекора» (Овца). См. также: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII, 8. P. 227—228.

[111]*Compagni D.* Cronica. I, 13. P. 90. В данном случае, возможно, сыграли свою роль связи клиентелы: не напрасно хронист заявлял, что Пекора шел за Тозинги, древним и очень знатным родом.

[112]*Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotta tra Bianchi e Neri. P. 280.

[113]О них см.: *Salvemini G.* Gli ordini della Giustizia del 6 luglio 1295 // Archivio Storico Italiano. 1892. Vol. 10; Г. Сальвемини видел в них тенденцию к умиротворению между «жирным» народом и грандами, не отличающимися наиболее одиозными характеристиками. Н. Оттокар, открыто не полемизируя с Сальвемини, давал этим добавлениям более умеренную оценку. См.: *Ottokar N.* A proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio del anno 1295 // Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948. P. 125—132. В этой статье Н. Оттокар доказывал, что никаких существенных изменений в магнатском списке 1293 г. не произошло, в конституцию были лишь внесены определенные уточнения. Современная исследовательница этой проблемы П. Паренти склонна в данном случае разделять точку зрения Сальвемини (*Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotta tra Bianchi e Neri. P. 280). Она полагала, что главный смысл этой законодательной реформы сводился к тому, чтобы отнять у непримиримой части магнатского класса возможных союзников, которые теперь солидаризировались с «жирным» народом.

участников убийства пополана, а только непосредственных виновников. Кроме того, по мнению Дж. Нэйджеми, оставшиеся в силе «Установления справедливости» соблюдались все более нерегулярно; между 1296 и 1298 гг. консулы цехов потеряли контроль над избранием приоров[114].

Но силы грандов и их сторонников не хватило для того, чтобы отменить «Установления» полностью: эти законы продолжали поддерживать политическое преобладание пополанов. Шансы городских нобилей были существенно подорваны враждой между кланами, что особенно подчеркивал Джованни Виллани: «Эти преобразования (принятие "Установлений справедливости" — *И.К.*) пополанам не удалось бы совершить из-за силы грандов, не будь между теми таких ссор и разногласий после возвращения гвельфов во Флоренцию. Адимари враждовали с Тозинги, Росси с Торнаквинчи, Барди с Моцци, Герардини с Маньери, Кавальканти с Буондельмонти... Висдомини с Фальконьери, Бостики с Форабоски и Малиспини. Кроме того, внутренние раздоры подтачивали дома Фрескобальди, Донати и многие другие семейства»[115]. Многие фамилии нобилей, которые до 1293 г. враждовали, примирились, чтобы единым фронтом попытаться отстоять свои позиции в коммунальном обществе: кланы Адимари и делла Тоза заключили союз с домами Моцци и Барди, положивший конец длительному соперничеству и вражде. Однако нельзя не принимать во внимание, что слабая экономическая и политическая гомогенность многих семей грандов являлась одной из причин их упадка в конце XIII—первой половине XIV в.[116]

Вторая, еще более серьезная причина заключения компромисса между двумя социальными слоями состояла в том, что над сословной дифференциацией коммунального общества в XIII—первой половине XIV в. часто преобладало интерклассовое противостояние политических фракций, выражаемое в межперсональных, родственных (консортериальных), соседских, дружеских связях и отношениях давнего господства и подчинения. В начале XIV в. обострилась борьба двух политических фракций черных и белых гвельфов, в ходе которой противоречие между грандами и пополанами отошло на второй план, но все-таки проступало сквозь партийно-клановый антагонизм.

Исследователи отмечали роль грандов, их обычаев и образа жизни в складывании межфракционного противоречия. Историки первой половины XX в., судя по их оценкам, склонны были считать, что белые в большей степени выражали интересы грандов, тогда как черные оказывались связаны с пополанскими слоями. Дж. Мази усматривал невозможность классовой поляризации в новых экономических отношениях, в которые активно

[114] *Najemy G.* Storia di Firenze. P. 107.

[115] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 1. С. 224. О том же неоднократно замечал Дино Компаньи: *Compagni D.* Cronica. III. 19. P. 170—171.

[116] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 12; *Parenti P.* Op. cit. P. 278—279, 315.

втягивались как гранды, так и пополаны. Он утверждал, что корнем противостояния стало соперничество, с одной стороны, банковских компаний Черки и Скали-Моцци (Белые), создавших «гибридный союз гибеллинов и среднего пополанства», а с другой, — компании Спини (Черные)[117]. Медиевист заявлял: именно магнатские фамилии сыграли в этом разделении ведущую роль, утверждая, что борьба черных и белых гвельфов являлась в значительной степени «воспроизведением обычного разделения между магнатскими консортериями, внедряющимися в мир купцов и банкиров со своими клиентелами на всех ступенях социальной лестницы»[118].

Современный историк Дж. Нэйджеми также указывал на соперничество между фамилиями Черки и Спини, возглавившими конкурирующие банковские дома, которое сыграло роль в этом разделении, но, по его мнению, обе группировки включали купцов и банкиров. Он отрицает первостепенную значимость экономического соперничества, резонно указывая также на то, что многие банкирские сообщества оказались разделенными внутри себя по принципу верности той или иной фракции (Адимари, Делла Тоза, и еще десяток домов, включая Барди и Фрескобальди). Нэйджеми, однако, избегает определенных выводов, считая, что «выявить логику, согласно которой фамилии или индивиды прилегали к тем или другим рядам — также сложно, как и объяснить причины, приводившие к разделению между гвельфами и гибеллинами двумя поколениями раньше»[119].

Дж. Табакко в большей степени усматривал в противостоянии черных и белых традиционные отношения: «вендетту между крупными фамилиями», «контраст между консортериальными организмами, конкурирующими за гегемонию над особого типа "гражданским" обществом, созданным магнатской аристократией». Но этот исследователь не отрицал и влияния основного социального антагонизма. По его мнению, конфликт между фракциями Донати и Черки спровоцировало усиление и большее сплочение цеховых компаний, что уравновешивало противостояние могущественных кланов, а в политическом плане привело к учреждению особой должности — «Экзекутора справедливости»[120].

Можно принять точку зрения П. Паренти, склонной подчеркивать интерклассовый характер политических фракций черных и белых, втянувших все социальные слои города, поскольку эти партии выражали разделение внутри правящей группировки. Вместе с тем она, вразрез с мнением Дж Мази, все-таки отмечала, что белые в большей степени

[117] *Masi G.* La struttura sociale delle fazioni politiche fiorentine ai tempi di Dante // Giornale dantesco. 1928. Vol. XXXI. P. 14.

[118] *Masi G.* I banchieri fiorentini. nella vita politica della città sulla fine del Dugento // Archivio giuridico. 1931. Vol. CV.. P. 21.

[119] *Najemy G.* Storia di Firenze. P. 108.

[120] *Tabacco G.* Egemonii sociali e strutture del potere nel medioevo italiano. P. 338—339.

включали фамилии, недавно влившиеся во властную элиту и признанные знатными (Черки), тогда как черные представляли более древние фамилии знати, возглавляемые родом Донати[121], поэтому борьба черных и белых являлась не только антагонизмом между могущественными консортериями, но стала отражением острого социального противостояния между грандами и пополанами, активная фаза которого завершилась к этому времени[122]. По мнению Паренти, разделение на белых и черных инициировали нобили — «раздор, рожденный внутри одной социальной категории, клонящейся к упадку и социальной маргинализации». Она же отмечала сложность и многослойность указанного конфликта: фракционная борьба «благоприятствовала укреплению в роли правящих лидеров некоторых из наиболее могущественных магнатских фамилий, будучи разделением между старыми поколениями знати (аристократия крови) и новыми, недавно добившимися гербов (аристократия денег)»[123]. Необходимо помнить об относительности такого разделения, выразившейся в частых переходах из одной партии в другую, чему способствовал тот факт, что и старые, и новые фамилии были втянуты в активную торгово-предпринимательскую деятельность; создаваемые ею связи во многом определяли и поляризацию внутри семей.

Взаимодействие партийных противоречий на рубеже XIII—XIV вв. с борьбой между грандами и пополанами улавливалось современниками событий. Особое значение имеют описания непосредственного участника событий Дино Компаньи: инициаторами противостояния он считал, с одной стороны, нобильскую фамилию Донати, представленную, прежде всего, Корсо Донати, а с другой, — изначально пополанский род Черки, «людей низкого состояния, но добрых купцов и богачей, роскошно одетых, прекрасных собой, держащих много слуг и лошадей, скупающих палаццо у графов». Компаньи подчеркивал, что Черки позицинировали себя как нобили, несмотря на происхождение. Он же отмечал столкновение между грандами и народом летом 1300 г., во время праздника Св. Иоанна Крестителя, когда цехи, возглавляемые их консулами, в традиционном шествии понесли дары и приношения в главные церкви города, но были оскорблены и избиты грандами, которые, якобы, восклицали: «Мы те, кто разбил демос при Кампальдино, поэтому отдайте

[121] *Parenti P.* Op. cit. P. 305—307.

[122] Ibid. P. 298—299. Основными направлениями социальной борьбы она считала окончательное утверждение у власти «жирного» народа, устранение из наиболее важных политических органов грандов, понижение положения «тощего» народа после 1295 г. и, наконец, вмешательство в дела города папы Бонифация VIII, обострившего и без того сложную внутриполитическую ситуацию.

[123] Ibid. P. 316—317.

нам снова наши должности и привилегии в этом городе!». По словам хрониста, заседавшего в Совете, созванном по данному случаю, именно эти события побудили Приоров выслать глав партий белых и черных[124].

Компаньи, ведя повествование о событиях 1308 г., когда черные прочно держали власть в руках, снова коснулся антагонизма между-грандами и пополанами. Утверждая, что Корсо Донати недоволен своим положением, хронист заявлял, что он собирал у себя людей, по большей части грандов, «ненавидевших пополанов из-за суровых "Установлений справедивости", каковые Корсо обещал аннулировать», говоря по всему городу о том, что «пополаны присвоили все почести, а мы, благородные и именитые люди, их лишены...»[125]. Мучительная сложность переживаемых перемен в обществе не оставляла позиции Дино Компаньи неизменными. Если в первых главах своей хроники он позиционировал себя как пополана, близкого сподвижника Джано делла Белла и сторонника «Установлений справедливости», то после победы черных гвельфов он вполне одобрял союз представителей своей изгнанной фракции с видными грандами-гибеллинами. В изменчивом и многомерном мире коммуны трудно было найти полное соответствие между общественным статусом и личной позицией горожанина в городском социуме. Джованни Виллани, повествуя о расколе, произошедшем в 1303 г. внутри пришедшей к власти партии черных, указывал, что раздоры начались из-за оппозиционных настроений Корсо Донати, к которому примкнули «кое-кто из грандов, враждебных народу и приорату», и таких оказалось большинство[126]. Правда, он отмечал, что некоторые гранды сражались на стороне народа — Герардини, Пацци, Спини и часть Фрескобальди (названные фамилии, кроме Пацци — представители новых поколений знати), но «больше никто из грандов не поддерживал народ».

Маркьонне ди Стефани Бонайути имел более схематичные и упрощенные представления о социальных разделениях XIII—первой половины XIV в., нежели Компаньи и Джованни Виллани. Нюансы социальных контрастов, которые остро переживались современниками, утрачивали для него остроту и актальность. Повествуя о более ранних для него эпохах (первая половина XIII в.), он склонен к прямолинейности деления общества на грандов и пополанов: «Почти все пополаны следовали за гвельфами, рассудив, что держат сторону церкви»[127]. Стефани был даже убежден в том, что инициатор антимагнатского законодательства Джано делла Белла «происходил из доброй семьи ста-

[124]*Compagni D.* Cronica. I, 20—21. P. 61—66.
[125]Ibid. III, 19. P. 170—171.
[126]*Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 68. С. 253.
[127]*Stefani M.* Cronaca. Rubr. 82. P. 34—35.

рых пополанов <...>, сам являлся великим пополаном»[128]. Но даже и его дискурсы, относящиеся к рубежу XIII—XIV вв., отражают сложность и противоречивость социальных отношений в городе на Арно[129].

В любом случае следует учитывать наблюдение Дж. Нэйджеми, которое состоит в том, что белые, возглавляемые Черки, насчитывали в своих рядах как магнатов Адимари, Кавальканти, Герардини, Фрескобальди, Скали, Моцци, Нерли, Абати и некоторых из делла Тоза, так и пополанов Каниджани, Фальконьери, Джиролами и Ринуччи. Контингент магнатов черных включал лидера их фракции Корсо Донати с его фамилией, Спини, Пацци, Виздомини, Барди, Росси, Брунеллески, Торнаквинчи, Буондельмонти, Францези и другую ветвь делла Тоза. Среди не-магнатских линьяжей черных фигурировали Аччайуоли, Альберти дель Джудиче, Альбицци, Альтовити, Ардингелли, Беккенуджи, Бордони, Черретани, Гваданьи, Магалотти, Манчини, Медичи, Перуцци, Строцци и Веллути. Белые и черные включали почти равное число магнатов, но последние имели преимущество в количестве не-магнатских фамилий[130].

Свидетельства современников показывают, что кардинальным социальным противоречием в конце XIII в. являлось противостояние грандов и пополанов. Вряд ли возможно выделить в этом случае некую обособленную группу нобилей, агрессивные проявления которой вызывали жесткую реакцию в обществе. Судя по терминам, используемым хронистами, речь шла о широкой социальной группе знатных фамилий. Но дифференциация грандов в коммунальном обществе сразу же дала о себе знать множеством реестров, в которые заносились имена «объявленных грандами» и тех, кого переводили в состояние пополанства. Существенные смягчения, внесенные в «Установления справедливости» в 1295 г., не сняли всей остроты этого противоречия, которое в той или иной форме давало о себя знать на протяжении всего XIV в.

---

[128] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 196. P.70.

[129] Стефани замечал это противоречие в связи с приходом во Флоренцию папского легата Никколо да Прато в мае 1304 г. с миротворческой миссией. Легат добивался возвращения в город изгнанных белых и гибеллинов, что привело в крайнее беспокойство «черных грандов», которые решили, что если это произойдет, то «народ плохо обойдется со всеми грандами», и они предупредили синдиков, что возвратившиеся гибеллины и белые будут ими перебиты. В результате этих действий «взбешенный» Никколо да Прато удалился из Флоренции, подвергнув город интердикту, а потом «порочил город и горожан», «жаловался папе и коллегии кардиналов» и призывал войска тосканских городов на Флоренцию. При их попытке атаковать город многие гранды-гвельфы перешли на их сторону, хотя и думали: «Мы не состоим в гибеллинской партии и не занимались грабежами». См.: *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 242, 245. P. 91—93.

[130] *Najemy N.* Storia di Firenze. P. 109.

Глава II

Место грандов в коммунальном обществе в конце XIII—первой половине XIV в.

§ 1. Экономические связи нобилей и пополанов

Что вынуждало активные слои пополанства, стремящегося к управлению коммуной, идти на компромисс с нобилями и в той или иной степени учитывать их интересы? Прежде всего, следует рассмотреть факторы возможности и необходимости тесных экономических связей, объединяющих представителей разных социальных слоев.

Урбанизация и длительное проживание в городской среде накладывало свой отпечаток на большинство представителей флорентийской знати. Многие современные исследователи полагают, что главным источником благосостояния нобилей являлось распоряжение значительными земельными владениями в городе и контадо[1]. Эти характеристики можно отнести к древней фамилии делла Тоза[2]. Не чуждой семьям нобилей являлась судебно-юридическая деятельность. В частности, как было показано на примере семьи Кастильонкьо, они подвизались на судебно-правовом поприще, трансформируя из своих рядов судей и нотариусов Коммуны, вовсе не считая этот вид профессиональной активности непрестижным для себя. Члены издавна проживающих в городе фамилий Альтовити, Тринчавелли, Дельи Альи, Черретани формировали наследственную касту такого рода («знать тоги»)[3]. Вероятно, в данном случае действовала уходя-

См., например: *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 626—627.

Виллани Дж. Новая хроника. VIII, 33, Хронист считал Делла Тоза во второй половине XIII в. наиболее претенциозным и влиятельным родом в городе. См.: *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 626—627.

Например, члены кланов, о которых Дж. Виллани писал: «Тринчавелли — весьма старинный род» (*Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 33. С. 153; VI. 7 9. С. 186; XI. 139. С. 393). О юридической деятельности этих фамилий см.: *Tarassi M.* Op. cit. P. 132—135. Юридические занятия не мешали представителям этих родов подвизаться в предпринимательстве и торговле, поэтому они часто вступали также в цехи Калимала и Камбио. Ярким представителем нотариуса из сословия грандов является Бонаккорсо Элизеи, выходец из гибеллинского рода древней знати (*Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 33. С. 153). На советах в начале 80-х гг. XIII в. он

щая своими корнями в XI в. традиционная привилегия участия членов знатных фамилий в локальных судебных ассамблеях (*Placiti*), с решениями которых считались маркграфы Тосканские и епископы[4].

Изначально городская знать Флоренции отличалась особой спецификой, обусловленной изменением профессионально-экономического статуса и образа жизни внутри городских стен. Исследования показывают, что они так или иначе проявляли, пусть и не всегда в крупных масштабах, инициативы в деле активного предпринимательства[5]. Экономическая деятельность знатных родов в городе была столь интенсивной, что дала основания Э. Фьюми в полемике с В. Зомбартом заявить о значительной доле древней аристократической крови «у истоков флорентийского капитализма»[6]. Это наблюдение Э. Фьюми представляется важным, несмотря на спорность тезиса о «флорентийском капитализме». Прежде всего, нобилей привлекали спекуляции с недвижимостью и ростовщические операции. Укажем в качестве примера на фамилию Убриаки, одну из самых древних в картьере Ольтрарно, члены которой на протяжении всего XIII в. получали значительные прибыли от занятий ростовщичеством, за что великий Данте поместил их в Ад. Точно такой же пример можно привести и в отношении нобильского, хотя и менее древнего рода Джанфильяцци[7]. Выходец из известного своей знатностью рода Теггьяйа Бу-

---

предлагал существенно увеличить представительство младших цехов в советах и магистратурах коммуны. Его позиция не имела однозначной оценки в историографии. Г. Сальвемини видел в ней тенденцию к союзу древней, по преимуществу гибеллинской знати, с народными низами в целях противостояния политической экспансии «жирного» пополанства (*Salvemini G.* Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. P. 83, 88—89). Ему убедительно возражал Н. Оттокар, доказывая, что эти предложения были вызваны сложностью конкретной политической ситуации и персональной позиции самого нотариуса, а Элизеи никоим образом нельзя считать рупором старой гибеллинской знати Уберти, Ламберти, Капонсакки. См.: *Ottokar N.* Il Comune di Firenze. P. 29—30. См также о сути ситуации, сложившейся в связи с выступленем Элизеи: *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 210—212.

[4] Подробно об этом см.: *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 280—285.

[5] *Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri. P. 313—314; *Cristiani E.* Sul valore politico del cavalierato nella Firenze dei secoli XIII e XIV. P. 369. Кристиани приводил в пример представителей домов Буондельмонти, Донати, Тозинги, Виздомини.

[6] *Fiumi E.* Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina. Firenze, 1977. P. 28—37.

[7] Есть основания полагать, что фамилия была очень древнего, но все-таки купеческого рода, давно обосновавшегося во Флоренции. Пользуясь традиционными правами инвеституры, они заложили свое финансовое могущество, «высосав кровь из епископов фьезоланских» в первой половине XIII в. (*Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 33. С. 153); Данте поместил Джанфильяцци среди ростовщиков в седьмом круге Ада (*Данте.* Ад. XVII. 58—60). Их банковская деятельность особенно активно и успешно разворачивалась в 90-е гг. XIII в. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 137—138.

ондельмонти оставил завещание, в котором обязал наследников вернуть богатство, «бесчестно нажитое ростовщическими делами»; другие документы свидетельствуют об активной кредитно-банковской деятельности членов этой фамилии в первой половине XIV в.[8]

Не довольствуясь владением земельной собственностью и доходами с недвижимого имущества, многие из древних феодальных фамилий, с XII в. принадлежащих к консульскому сословию, вступали в цехи, чтобы заниматься текстильным предпринимательством, торговлей и ростовщичеством. В частности, можно отметить нобильскую фамилию Адимари, которые достигли экономического процветания к середине XIII в., ведя дела в Генуе. В 1279 г. один из их членов, будучи рыцарем, вписался в матрикулы цеха Калимала и в 1292 г. его избрали цеховым консулом[9]. Вступление в цех после 1293 г. стало особенно актуальным для выходцев из знати, предоставляя шанс внести свое имя в пополанское сословие.

На основе консортерий создавались семейные компании, чему способствовали традиционные контакты с монархами, папским престолом, дворами феодальных властителей. Во второй половине XIII в. старшие цехи утрачивали традиционные черты профессиональных ремесленных корпораций: их уставы не препятствовали предпринимательской активности и накоплению крупных капиталов[10]. Хотя в статутах скорее по традиции содержалось немало регламентов и ограничений, но они постоянно обходились и не соблюдались в повседневной практике[11]. За рамки цехов прорастали семейные торгово-банковские компании, становящиеся истинным средоточием интенсивной экономической активности[12].

Магнатские торгово-банковские компании во второй половине XIII в. были известны по всей Европе: Моцци-Скали, Спини, Францези, Пульчи-Римбертини, Барди, Пацци, Фрескобальди финансировали папу Бонифация VIII, французский королевский дом и, в частности, короля Филиппа IV Красивого, неаполитанских Анжуйцев, которые в свою очередь отстаивали их права в коммуне[13]. Во время гибеллинского режима

[8] *Parenti P.* I primi dieci anni del Priorato. P. 313—314. См. также: *Данте.* Божественная комедия. Ад. XVII. 61—63. Там томились ростовщики с гербами знатных флорентийских родов.

[9] *Fiumi E.* Fioritura e decadenza. P. 24.

[10] См.: *Renard G.* Histoire du travail à Florence. P., 1914. Vol. I. P. 313—334: *Rossi S.* Dalle botteghe alle Accademie. Realtà sociale e theorie artistiche a Firenze dal XIV al XVI secolo. Milano, 1980. P. 44—45.

[11] *Sapori A.* Studi di storia economica. Vol. I. P. 519.

[12] *Brezzi P.* Roma, Firenze del sec. XII al XIV. Roma, 1976. P. 397; *Brezzi P.* Economia e società nel tardo medioevo. Roma, 1975. P. 335.

[13] *Parenti P.* I primi dieci anni del Priorato. P. 313—314, 315; *Cristiani E.* Sul valore politico del cavalierato nella Firenze dei secoli XIII e XIV // Studi medievale. 1962. Vol. III. P. 369.

(1260—1267) насчитывались 21 банковских и торговых компаний Флоренции, включающих 180 членов. Среди них выделялись знатные гвельфские фамилии Скали, Черки, Фрескобальди, Барди, Амиери, Спини, Моцци, Кавальканти, одна из ветвей Абати, примкнувшая к гвельфам, которые поклялись оставаться верными гвельфской партии и предоставили значительные средства для победы своей фракции[14]. Можно согласиться с утверждением П. Паренти, что именно крупные капиталы позволяли многим фамилиям грандов удерживать лидирующее положение в городе.

Часть названных фамилий принадлежала к наиболее древним родам знати, но и новые поколения нобилей развивали еще большую экономическую активность. Хрестоматийным примером являются компании Барди и Перуцци, сложившиеся внутри цеха Калимала[15]. Особого экономического процветания и лидирующего положения вплоть до 70-х гг. XIII в. достигла торговая компания (первые документы о ней относятся к 1205 г.), созданная представителями новой аристократии Скали[16], в составе которой находились в разное время Моцци, Спини, Кавальканти, Абати и Амьери. Ее торгово-финансовая деятельность разворачивалась при папском дворе, в Париже, в Англии, в южной Италии, имелись филиалы в Венеции, Болонье, Милане, Перудже. Экономический крах Скали в 1326 г. и последующий их упадок оценивался во Флоренции как «большее поражение, нежели то, которое потерпели при Альтопашо»[17]. Спини, выделившиеся в 1274 г. из компании Скали, объединились с Моцци и занялись выгодными поставками шерстяных тканей в Анжуйское королевство, в Рим и другие регионы Европы. Папский двор расплачивался с ними за займы и ссуды предоставлением прав сбора десятины. В конце XIII в., отделившись от Моцци, Спини основали новую компанию, возглавляемую братьями Руджеро и Лапо ди Уго, которая заняла превалирующиее положение при дворе Бонифация VIII, оттеснив на второй план Черки[18]. На рубеже XIII—XIV вв. Черки, Скали, Спини уже не считались новыми фамилиями, заняв достойное место в городском обществе в значительной степени благодаря своим богатствам и экономическим связям.

---

[14] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 616.

[15] *Sapori A.* La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi; *Idem.* Le marchand italien au Moyen Âge. P., 1959. P. XXXVI; *Brezzi P.* Economia e società nel tardo medioevo. P. 335.

[16] Виллани указывал на то, что Скали являлись ветвью очень древнего семейства феодальной знати Баруччи (*Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 33. С. 153). М. Тарасси характеризовал их как крупнейших финансистов XIII в., обеспечивающих кредитами предприятия Анжуйского дома, причем их финансовая активность продолжалась до конца XIII в. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 142—143.

[17] *Виллани Дж.* Новая хроника. XI. 4.

[18] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 620—621.

Причастность к активной экономической деятельности создавала предпосылки для установления связей нобилей с богатыми и предприимчивыми пополанами, проявляющихся в образовании совместных торгово-банковских компаний, существующих как до, так и после принятия «Установлений справедливости». Есть основания полагать, хотя и скудно подтверждаемые документами, что одним из способов адаптации грандов к миру города-коммуны в XII—XIII вв. являлась консолидация мелкой знати, пополанов-сателлитов и даже ремесленников младших цехов вокруг наиболее авторитетных нобильских фамилий[19]. Влиятельные пополаны, играющие значительную роль в приоратах конца XIII—первой половины XIV в., часто являлись компаньонами в созданных нобилями торгово-банковских фирмах. В монографии Н. Оттокара содержится богатый фактический материал о тесном симбиозе между семьями знати и пополанов.

П. Паренти, исследуя такой источник, как «Матрикулы цеха Камбио» (*Matricola del Cambio*) от 1300 г., выявила компанию пополанов Сассетти[20], в которой участвовали члены фамилии грандов дельи Альи[21], в компании пополанов Каниджани и Ридольфи был представлен нобиль из древнейшего рода Убальдино дельи Инфангати, тогда как другой носитель этой фамилии являлся компаньоном Перуцци[22].

---

[19] Серджо Раведжи указывает и другие фамилии, предпринимательская деятельность которых полностью подтверждается документами. Среди них Маннелли, которые имели подобия банковских филиалов и пунктов по обмену монеты в Безансоне и Апулии. В 1300 г. они вступили в цех Калимала, и один из них сразу же был избран консулом цеха, они скупали недвижимость в городе, в том числе боттеги. Помимо них известны также Брунеллески, держащие филиалы в Генуе и Провансе; Абати, давшие Флоренции многих консулов и основавшие торговую компанию, вступив в цех Калимала, а затем в Камбио. Во второй половине XIII в. они объединились с пополанами Баккерелли и расширили сферу своей торгово-банковской активности, основав филиалы в Шотландии, Германии, Сицилии, Венеции, Тироле. См.: *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 37—39, 41—42.

[20] Хозяйственная книга семьи Сассетти (1274—1310), где фиксируются передвижения капитала и акты передачи имущества, опубликована Арриго Кастеллани. См.: Libro del dare e dell' avere di Gentile de Sassetti e suoi figli // Nuovi testi fiorentini del Dugento con introduzione, trattazione linguista e glossario a cura di Arrigo Castellani. Firenze, 1952. T. I.

[21] Дельи Альи Н. Оттокар характеризовал как род, давший во второй половине XIII в. многих известных юристов и представленный в составе Приоратов 1282—1292 гг. (*Ottokar N.* Il Comune. P. 71, 103). П. Паренти указала на влиятельность персоны Альоне ди Уголотто дельи Альи. См.: *Parenti P.* I primi dieci anni del Priorato. P. 297.

[22] Н. Оттокар часто упоминал Каниджани и Ридольфи, пополанские фамилии, постоянно встречающиеся в документах и списках второй половины XIII в., указывал свойственные им признаки нобильских домов: участие в Приоратах и коллегии 14-и, брачные союзы со знатными родами: Барди, Росси и грандами Адимари, обладание рыцарскими титулами, домами и башнями в городе, управление дру-

Члены старинного магнатского рода Абати входили в компанию Бакерелли[23], в компании магнатов Пацци состояли, помимо Джано делла Белла, также пополаны Пассаванти и Кардинале[24], а компаньонами грандов Виздомини были пополаны Бончани[25], в две компании, созданные пополанами Маччи, входили гранды Уберти и Галигаи[26]. Магнаты Барди имели компаньонами пополанов Аччайуоли, Каниджани, Джиролами, Макиавелли и Перуцци; магнаты Францези-Гваданьи – Фальконьери и других[27]. Пополаны Валори «стали самыми разумными

гими городами в качестве Подеста и Капитанов, помещение женщин в «аристократические монастыри», видное положение в гвельфской партии. (О Каниджани — *Ottokar N.* Il Comune. P. 60, 67—70, 72, 94, 113; о Ридольфи — P. 69—71); но он не упоминал об Инфангати, видимо, это имя редко встречалось в документах. Перуцци первоначально склонялись к гибеллинизму, но во второй половине XIII в. смешались с видными гвельфами. См.: *Ottokar N.* Il Comune. P. 67, 69, 81—83, 86.

[23] Оттокар отмечал Бакерелли как могущественный род из сестьеры Сан Пьеро Скераджо, владеющий значительным родовым комплексом земель в Галуццо (P. 67, 81—82), но о многочисленной и влиятельной магнатской фамилии Абати приводил лишь лаконичную ремарку из «Хроники» Рикордано Малиспини, который определял их «древними, могущественными и богатыми купцами». См.: *Ottokar N.* Il Comune. P. 113.

[24] Пацци характеризовались Н. Оттокаром как могущественный род, основавший одну из самых крупных компаний в цехе Камбио, члены которого участвовали в Приоратах до 1293 г. (*Ottokar N.* Op. cit. P. 67, 69, 105, 108). Кардинале — влиятельный во второй половине XIII в. род из сестьеры Порта дель Дуомо, они участвовали в Приоратах и были очень богаты благодаря усилиям Джерри ди Кардинале, развернувшего в 1270—1280 гг. банковскую активность в Генуе, совмещая ее с дипломатической миссией от Коммуны Флоренции в Лигурии. Джерри выдавал дочерей замуж с очень значительными суммами приданого – от 1200 лир. См.: *Ottokar N.* Il Comune.P. 101, 103, 105, 117.

[25] Оттокар характеризовал Виздомини как могущественный во второй половине XIII в. дом из сестьеры Порта ди Сан Пьеро, представленный в Приорате (*Ottokar N.* Il Comune. P. 67, 108, 115—116); Бончани — быстро поднимающаяся пополанская фамилия из сестьеры Борго благодаря усилиям сера Кавча Бончани, долгое время ведущего дела в «землях Галлии» (*Ottokar N.* Op. cit. P. 91, 99).

[26] Н. Оттокар, ссылаясь на Р. Малиспини, указывал, что Маччи — «древние и богатые купцы из сестьеры Порта ди сан Пьеро», тесно связанные с крупной компанией Черки, члены приоратов, возвышению которых не помешало гибеллинское прошлое и репрессии после гвельфского переворота 1267 г., от которых они оправились, получив от короля Карла I Анжуйского в 1271 г. крупную торговую привилегию — право свободного прохода и свободной торговли на его территориях. Маччи владели множеством домов близ Ор Сан Микеле, большая часть которых была уничтожена пожаром 1304 г., крупным земельным комплексом в Монтано ди Вилламанья (*Ottokar N.* Il Comune. P. 67, 108, 112—114). Уберти — могущественный магнатский род из Сан Панкрацио, в 1225 г. были вписаны в цех Пор Санта Мария, владели обширными землями, участвовали в Приоратах (*Ottokar N.* Op. cit. P. 100). Галигаи — «древняя знатная фамилия грандов с древнейшими именами и гербами». См.: *Malispinini R.* Storia fiorentina. P. 111.

[27] *Parenti P.* I primi dieci anni del Priorato. P. 296—297.

компаньонами Барди, которых только мог породить флорентийский народ», и так разбогатели, что «могли ссудить 30000 флоринов английскому королю для войны с Францией»[28].

Столь тесные экономические связи позволяют предположить, что многие пополанские дома представляли в Приорате интересы магнатов, проводя после 1293 г. политику компромиссов. Социальным противостоянием и борьбой не исчерпывался весь сложный комплекс отношений между нобилями и пополанами. Дино Компаньи прямо указывал на браки представителей домов грандов с пополанскими семьями[29]. Члены нобильских домов, вживаясь в городскую среду, приобретали профессии, предоставляющие более регулярный и постоянный доход, нежели владение земельной собственностью.

Часто консортерии грандов разделялись под воздействием экономических и политических факторов. Примером может послужить фамилия новой знати Черки с неопределенным происхождением, но сыгравшая большую роль в политических событиях начала XIV в. Объявленные грандами Черки открыто стали лидерами фракции белых гвельфов. Члены этой семьи числились в консулах цеха Пор Санта Мария в 1234 г., а к середине XIII в. создали торгово-банковскую компанию, основанную Оливьеро Черки и его сыновьями, которая испытывала жесткую конкуренцию со стороны компании Спини. Их финансовая активность развивалась в Риме и в Англии. В 1280 г. Черки приобрели в сестьере Пор Сан Пьеро древнее палаццо и другую недвижимость, принадлежавшую ранее графам Гвиди. Не напрасно хронисты отмечали их причастность к торговле[30]. После осуждения в 1302 г., сопровождавшегося вынесением смертных приговоров некоторым членам семьи Черки как лидерам белых, и разрушения значительной части имущества, все представители этого дома вынуждены были уйти в изгнание. К этому времени род разделился. «Белые Черки» во главе с Биндо ди Черкио вернулись во Флоренцию в 1304 г. Они финансировали римскую курию, однако потерпели экономический крах в 1311 г. Партия «черных Черки», возглавляемая Вьери ди Черки, продолжала активную экономическую деятельность, достигая процветания даже во времена осуждения, санкций и последующего руководства коалицией изгнанных белых и гибеллинов, что заставляло их тратить большие средства на развязывание партизанских действий в контадо и неудачные военные экспедиции против Флоренции[31].

---

[28] *Luca della Robbia.* Vita di messer di Bartolommeo di Niccolo di Taldo de Valori // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 242—243; *Pampaloni G.* I Tornaquinci, poi Tornabuoni. P. 345—346.

[29] *Compagni D.* Cronica. I. 5. P. 36—37.

[30] Ibid. I. 20. P. 61; *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 39. С. 233—234.

[31] *Raveggi S.* I Rettori fiorentini. P. 619—620.

Также можно указать семью грандов Торнаквинчи: в 1364 г. Никколо ди Гино Торнаквинчи отделился от рода вместе с наиболее близкой ему частью консортерии, принял пополанство и новую, весьма знаменательную фамилию Пополески. Другие члены рода во главе с Симоне ди Руджьери остались грандами и приняли фамилию Торнабуони. В XIII в. Росси (Якоппи) разделились на три фамилии — Якоппи, Форнайо, Боккаччо. Якоппи, оставаясь главной ветвью, сосредоточились в основном на политической деятельности, дав несколько консулов. Из этой фамилии происходил Стольдо ди Берлингьери, один из глав партии гвельфов во второй половине XIII в., который много раз занимал чужеземные ректорские посты. От Россо ди Форнайо и его сына Форнайо пошла ветвь Форнаи (Форнайо), которые в большей степени посвящали себя накоплению капитала: держали банковский стол на Старом Рынке в 1211 г., действовали как ростовщики, став затем, с конца XIII в., политиками и придворными в Тироле и Трентино. На юге Италии в 30-е гг. XIV в. Джованни ди Форнайо деи Росси выгодно вел морскую торговлю между Неаполем и Сицилией. С миром цехов была связана ветвь Боккаччо, один из ее членов стал приором в 1285 г., но получил рыцарское звание, что стало причиной причисления этой фамилии к грандам в 1293 г.[32]

Таким образом, можно согласиться с мнением П. Паренти, что пополаны нуждались в богатствах, накопленных магнатами, их внешнеполитических связях в Европе, даже в их правовой компетенции[33]. Старшие цехи Калимала, Камбио, копорация судей и нотариев становились тем плацдармом, где завязывались экономические связи между грандами и богатыми пополанами и формировались совместные торгово-банковские компании.

§ 2. «Мастера войны»

Историческая память о героическом прошлом во Флоренции, как и во многих других городах Европы, начиналась с эпохи Крестовых походов и образов отважных паладинов и рыцарей Христа, сражавшихся за морем. А. Саворелли писал о том, что каждый город Италии стремился обзавестись собственными героями-крестоносцами, чтобы создавать вокруг этих эпических фигур самовосхваляющие мифы[34].

[32] *Raveggi S.* I Rettori fiorentini. P. 624. О Джованни ди Форнайо деи Росси см.: *Velluti D.* La cronica domestica. P. 145. Об упомянутом представителе ветви Боккаччо см.: *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. P. 29.

[33] *Parenti P.* I primi dieci anni del Priorato. P. 298.

[34] *Savorelli A.* Un "mamelucco fiorentino" e la crociata sull'Arno // I fiorentini alle crociate. Guerre, pellegrinaggi e immaginario "orientalistico" a Firenze tra Medioevo ed Età moderna / A cura di S. Agnoletti, L. Mantelli. Firenze, 2007. P. 58.

Неудивительно, что легенду о героическом воине, которую во Флоренции относили к наиболее раннему времени, связывали с крестовыми походами. Она сложилась вокруг фигуры нобиля Паццо (Паццино) деи Пацци, который, якобы, был первым отважным «франком», поднявшимся на стену Иерусалима в судьбоносный день 15 июля 1099 г. и водрузившим там знамя. Узнав о таком подвиге, благочестивый Готфрид Бульонский доверил ему «настенную корону» (золотой символ, изначально романский, передаваемый тому, кто первым взбирался на вражескую стену) и предоставил право украсить себя собственным гербом (5 крестов и 2 дельфина на лазурном фоне[35]), а также даровал ему три маленьких камня из часовни Тела Христова[36], которые он доставил в свой город. От этих камней якобы затем «вспыхивал хвост голубки» в Св. Субботу, и в свою очередь от этого священного огня «возгоралась повозка» Пацци, символ триумфальной колесницы, на которой Паццо въехал во Флоренцию после возвращения из крестового похода[37]. На самом деле горящие факелы размещали на древней повозке, сконструированной Пацци в честь их знаменитого сородича. Повозка, таким образом украшенная, несла священный огонь в городские дома, где, согласно древней религиозной традиции, все светильники были погашены в знак траура священного четверга. Пацци являлись легитимными патронами этой церемонии в ходе веков, и именно они всегда финансировали расходы по проведению ритуала: коммуна не обременяла себя организацией этого празднества[38].

Миф о Паццино деи Пацци и праздничных обрядах всесторонне проанализирован в статье Серджо Раведжи. Он утверждал, что ритуал священного огня, с одной стороны, восходил к древним языческим обрядам, а с другой, — к литургии Иерусалимской церкви. Никаких документов, свидетельствующих об участиии флорентийцев в Первом крестовом походе, не имеется. Раведжи указывал, что хронисты, наиболее близкие по времени к эпохе Крестовых походов, нигде не упоми-

[35] *Savorelli A.* Un "mamelucco fiorentino" e la crociata sull'Arno. P. 59. Такой герб ему пожалован Готфридом Бульонским. Дельфины и кресты были позаимствованы из герба королевства Иерусалимского. Этими фигурами Паццино заменил прежние «луны», изображенные на его гербе, также символизирующие поход за море. Кресты располагались как язвы на теле Христа, но такая форма, как полагал А. Саворелли, спорадически стала использоваться только в конце XII в., исходя от традиции изображений на монетах и печатях, а окончательно она утвердилась в XIII в.

[36] *Raveggi S.* Storia di una leggenda: Pazzo de' Pazzi e le pietre del Santo Sepolcro // I fiorentini alle crociate. Guerre, pellegrinaggi e immaginario "orientalistico" a Firenze tra Medioevo ed Età moderna / A cura di S. Agnoletti, L. Mantelli. Firenze, 2007. P. 22.

[37] *Cardini F.* I fiorentini alle crociate, I fiorentini e le crociate // I fiorentini alle crociate. P. 7.

[38] *Raveggi S.* Storia di una leggenda: Pazzo de' Pazzi e le pietre del Santo Sepolcro. P. 23.

нали о крестоносце Паццино деи Пацци[39], что особенно важно в отношении Малиспини, всегда подробно описывающего все, что касалось славы наиболее знатных городских фамилий, а также Данте Алигьери, ибо в «Божественной комедии» об этом представителе фамилии Пацци нет ни слова. Джованни Виллани упоминал о Паццино деи Пацци в связи с обрядом священного огня: «К этому праздничному обычаю восходит право рода Пацци на самый большой факел, зародившееся лет за 170 перед 1300 г. благодаря одному из их предков по имени Паццо. Это был рослый и сильный человек, который носил самый великий факел и первым зажигал его от святого огня, а остальные — уже от него»[40]. В этом фрагменте хроники связь между родом Пацци и ритуалом священного огня несомненна, но нет и намека на причастность Паццо к крестовым походам. Все это дало основания С. Раведжи считать, что миф о героизме Паццино сложился гораздо позже, т.е. с середины XIV в., когда праздничный ритуал нового огня, зажигаемого в Св. Субботу, уже распространился во Флоренции, и «Пацци стали его протагонистами»[41].

---

[39] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 91—92. Молчание Джованни Виллани тем более странно: ведь он был женат в 1330 г. на Монне ди Франческо Пацци и должен был внимательно относиться к мифам этого дома (*Raveggi S.* Storia di una leggenda. P. 32, *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 24. С. 99—100; *Malispini R.* Cronica fiorentina. Cap. LXIV).

[40] *Виллани Дж.* Новая хроника. I. 60. С. 43.

[41] *Raveggi S.* Storia di una leggenda. P. 31—32. Серджо Раведжи выделил несколько составляющих конструирования мифа. Во-первых, он писал о том, что право зажигать первыми свой факел от священного огня в Иерусалиме в XVIII в. приобреталось наиболее состоятельными фамилиями. Но тогда, если церемония происходила во Флоренции с XII—начала XIII в. «по обычаю Иерусалима», то могло получиться так, что привилегия *facellina* была приобретена Пацци, объявленными магнатами в 1293 г. Они причислялись к древним купцам с огромными средствами (*Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LII. CIII, CXXXVII). Пацци, считаясь наиболее богатой фамилией, являлись создателями крупных и значимых торговых и банковских компаний в ходе XIII в. В предпоследнее десятилетие XIII в. они были вписаны в цех Калимала и основали компанию, развернувшую широкие банковские и торговые операции не только в Италии, но также во Франции и Германии. В 1300 г. они основали еще одну компанию, вписанную в Камбио, которая насчитывала 18 членов, являясь наиболее многочисленной после Перуцци. Компании Пацци были тесно связаны с Римской курией и являлись сборщиками десятин в Германии, предназначенных для организации крестового похода. Отсюда, возможно, родился миф о древних связях с Гробом Господним (*Raveggi S.* Storia di una leggenda. P. 35). Второй чертой, конституирующей миф, стал известный эпизод, относящийся к 1260 г. (*Виллани Дж.* Новая хроника. VI, 78. С. 185; *Malispini R.* Storia fiorentina. CLXXI; *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 123). В начале сражения при Монтаперти честь нести гонфалон флорентийской коммуны была предоставлена рыцарю Якопо дель Накка Пацци; в разгар битвы он был атакован предателем-гибеллином Бокка дельи

Семейно-родовая идентичность развивалась в том же направлении, что и общекоммунальная, о чем речь пойдет далее. Здесь достаточно указать воспетый Данте образ его прапрадеда-крестоносца Каччагвиды (1091—1148), якобы погибшего во Втором крестовом походе[42]. Ничего достоверно не известно о сколь-нибудь массовом участии флорентийцев в указанном походе за отвоевание Иерусалима, кроме того, что назначенный туда Евгением III в качестве папского легата Гвидо ди Сан Крисогоно был флорентийцем[43].

Флорентийские хронисты определенно фиксировали участие своих сограждан только в Третьем крестовом походе. Р. Малиспини писал: «В году <...> 1188, когда готовился христианский мир, чтобы идти на помощь Святой Земле, пришел во Флоренцию архиепископ Равенны, легат папы, дабы проповедовать взять крест для выступления в этот поход. И многие добрые люди Флоренции взяли крест от этого архиепископа в Сан Донато, что в Торри <...> (в Польверозе), поскольку там тогда находился указанный архиепископ. Это случилось 2 февраля. И было такое великое число флорентийцев, что они создали отдель-

---

Абати, и ему отрубили обе руки, чтобы знамя упало на землю. Но Пацци сжал культями штандарт как великий символ гвельфского войска. Отсюда, возможно, возник образ воина, утвердившего знамя на стене Иерусалима. Наконец, третьей составляющей мифа стало воспоминание о Паццино, сыне Якопо дель Накка, видимо, давшим свое имя мифическому крестоносцу. Изгнанный после поражения при Монтаперти, Паццино стал первым из Пацци, кто украсил герб дельфинами и крестами за доблесть в службе Карлу Анжуйскому в борьбе за победу гвельфов против отлученного Манфреда Свевского, закончившейся битвой при Беневенто (*Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. CLXXXV). После убийства этого Паццино в 1312 г. ему воздали загробные почести, и рядом с его смертными носилками были произведены в рыцари по воле коммуны 4 молодых человека из его фамилии (*Compagni D.* Cronica. III, 40. P. 207; *Виллани Дж.* Новая хроника. X. 33;). Легенда о Пацци-крестоносце начала формироваться в начале XIV в.

[42] *Данте.* Божественная Комедия. Рай. XV. 139—148. О Каччагвида см.: *Forti F.* Cacciaguida // Enciclopedia Dantesca. 1970. Известно о нем очень мало достоверных сведений. Жил в центре Флоренции, в сестьере ворот Сан Пьеро. От него был рожден Алигьеро, прадед Данте. Возможно, был посвящен в рыцари Конрадом III Свевским и с ним же в составе войска Фридриха Барбароссы отправился во второй крестовый поход. Посвящение в рыцари императором косвенно доказывает его происхождение из знатного рода, возможно одного корня с Элизеи, но точных данных нет.

[43] *Grasso C.* Un prelato fiorentino all' assedio di Acri: Monaco e il "Rithmus de expedition ierosolimitana" // I fiorentini alle crociate.. P. 71; *Cardini F.* I fiorentini alle crociate, I fiorentini e le cruciate. P. 8. Кристиан Грассо писал, что кардинал Гвидо получил блестящее образование в латинской школе соборного капитула Дуомо во Флоренции и там же начал свою церковную карьеру. Он не прерывал контактов со своим родным городом. Вернувшись в Рим, Гвидо добивался от папы привилегий в пользу церковных институтов Флоренции, начиная с капитула Дуомо.

ное войско и там находились при взятии Дамьетты, и стали одними из первых, которые взобрались на стены, и обретались там многие нобили и пополаны города Флоренции, имена коих теперь мы не упоминаем, иначе пришлось бы вести о них слишком долгую речь»[44]. Указание о том, что флорентийцы среди первых поднялись на стены Дамьетты — эпическое преувеличение хрониста, тем более что Дамьетту штурмовали в 1219 г. во время Пятого крестового похода[45]. Кристиан Грассо признавал небывалый успех пропаганды Третьего крестового похода в Тоскане благодаря таланту и дару убеждения Джерардо, архиепископа Равенны. Сведения хронистов об участии флорентийцев подтверждаются непосредственными участниками событий. Очень большую роль в Третьем крестовом походе сыграл флорентийский каноник Монако («мессер Монако», как ошибочно, считая, что он был кавалером, назвал его Малиспини), который получил образование в соборной школе капитула Дуомо, специализируясь в области теологии и канонического права, отождествляя себя, прежде всего, с магистром теологии — именно этим титулом он подписывал свои письма. В Св. Земле Монако стал канцлером при патриархе Иерусалимском (1171 г.?), затем был назначен архиепископом Цезареи (1180 г.), в 1194 г. его избрали патриархом Иерусалимским[46]. Стараниями Монако во Флоренцию была доставлена священная реликвия — рука св. апостола Филиппа[47].

Героический портрет флорентийской знати предстает со страниц «Хроники» Рикордано Малиспини в рассказе о Пятом крестовом походе (1217—1221), объявленном папой Иннокентием III, затем Гонорием III, в который двинулись и многие флорентийцы, принявшие участие в осаде Дамьетты (1217 г.)[48]. Рикордано Малиспини повествовал о взятии Дамьетты штурмом: «Знамя Коммуны Флоренции — на алом поле белая лилия — было первым, которое увидали на стенах Дамьетты благодаря доблести наших пилигримов, и первым, кто поднялся с ним на стену, стал Бонагвиза де Бонагвизи (родственник автора хроники), и там же он

[44] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LXXVIII; *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 13. С. 117. Аннотация Виллани, идентичная по содержанию, отличается несколько большим лаконизмом.

[45] См.: *Юсим М.А.* Приложения. V, 22. С. 495.

[46] *Grasso C.* Un prelato fiorentino all' assedio di Acri. P. 71—73. Грассо приводил свидетельства английского магистра Рудольфа Дичето (ум. в 1199), который вспоминал о присутствии флорентийцев под стенами Акры, представлявших особый сектор войска. В Св. Земле Монако поддерживал колонию пизанских купцов, в которой обитали и флорентийцы, и был тесно связан с ними, что способствовало продвижению его церковной карьеры.

[47] *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 14. С. 117—118; *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. LXXIX.

[48] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. CI. P. 100—101.

был произведен в рыцари. Ведь известно, что наш город и в первый и во второй раз был основан под знаком планеты Ариес или Марс, а это означало, что все выходцы из нашего города должны быть отважными и доблестными воинами, а не только торговцами, хотя и те, и другие наши горожане по заслугам прославлены в этих двух занятиях, ибо планета Ариес означает торговлю, а планета Марс — сражение, и с древности наши предки достойно подвизались в битвах и войнах, а если не с кем было сражаться, то воевали между собой <...> Флорентийцы были первыми в сражении и захвате этой земли, и в память об этом тот гонфалон выставлялся в Соборе на празднике в честь Сан Джованни»[49].

Этот восторженный рассказ резко контрастировал с повествованием Монако о двухлетней осаде Акры (1189—1191). Свои переживания Монако изложил в стихотворной хронике *Rithmus de expedition Ierosolimitana*. Монако не стремился воспевать блестящие военные триумфы и мало восхищался деяниями какого-либо суверена, хотя и отдавал предпочтение Фридриху Барбароссе, в составе войска которого выступали флорентийцы. В поэме выражался драматический опыт автора, оправдывающего эту войну промыслом Божьим, и с жестким реализмом описывающего доходящие до прямой враждебности отношения между самими крестоносцами, острейшую нехватку продовольствия в зимние месяцы. Порой он «превращался почти в бухгалтера», сообщая о чудовищных ценах на продовольствие, и бесстыдно повествуя о тех средствах, к которым он вынужден был прибегать, чтобы выжить. Со злой иронией Монако осуждал знатных военачальников за то, что они стремились заняться дележом добычи еще даже раньше, чем завоевывали ее. Осада под его пером не содержала ничего героического, Монако доходил даже до сетований на провидение Господне. С ужасом он повествовал, как Ричард Львиное Сердце приказал зверски убить 3000 пленников 20 августа 1191 г.[50]

Отметим, что все имена сражающихся участников крестовых походов принадлежат представителям древних знатных родов, которые перечислял Р. Малиспини: Солданьери, Бостики, Дель Арка, Ламберти, Делла Тоза, Убальдини, Донати, Убриаки, Орманни, Пильи, Инфангати, Куокки[51].

Нобили выступали главными персонажами в исторической памяти, увековечивающей славу Флоренции в прошлом. Но и в реалиях XIII в. гранды были необходимы миру коммуны как «мастера войны», которые лучше торговцев и ремесленников умели сражаться верхом на коне, тем

[49] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. CI. P. 100—101. Джованни Виллани описывал этот поход 1217 г.: его повествование не содержит никакого дискурса о воинских доблестях флорентийской знати. Ср.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 40. С. 131—132.

[50] *Grasso C.* Un prelato fiorentino all' assedio di Acri. P. 65—68.

[51] *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. CI. P. 100—101.

более что коммунальное ополчение стало утрачивать свое значение только со второй половины XIV в. Выходцы из родов древней синьориальной и консульской знати играли значительную роль в системе коммунального войска в XIII в., судя по «Книге Монтеаперти» — уникальному сборнику документов, «единственному в военной истории архивному слепку сражающегося войска»[52]. Документальные материалы, относящиеся к формированию коммунального ополчения в 1260 г., были объединены в несколько частей, расположенных под порядковыми латинскими номерами. В первую очередь исследованию подвергнутся статуты, решения и регистры, исходящие от структур, управляющих войском, — Подеста, 12-и флорентийских граждан, избранных капитанами войска, и в ряде случаев — Анцианов народа. Они относятся к организации первой военной экспедиции против гибеллинской Сиены, окончившейся победоносной для флорентийского войска битвой под Санта Петрониллой 17—18 мая 1260 г.[53]. 4 сентября 1260 г. флорентийское войско было разбито в битве при Монтеаперти сиенцами и их гибеллинскими союзниками, захватившими каррoччо, знамена и множество трофеев, которые затем в Сиене бережно хранили много веков как доказательства силы и превосходства своей коммуны.

Согласно документам, вошедшим в «Книгу Монтаперти»[54], из 12-и городских капитанов войны (по 2 от каждой сестьеры) 5 явно идентифицируются с флорентийскими нобильскими фамилиями: Чече Герардини от сестьеры Сан Пьеро Скераджо, Раньери Кавальканти и Уго Спини от Борго, Джанни (Джованни) Торнаквинчи от Сан Панкрацио, Одальдо делла Тоза от Дуомо. Среди гонфалоньеров конного войска (по три от каждой сестьеры и по 2 военных советника) отмечаются от Ольтрарно — Стольдо Берлингьери де Якоппи (Росси) и Коппо Маннелли (советник); от Сан Пьеро Скераджо — Одарриго де Амидеи; от Борго — Гверрьери Джандонати и Бернардо Кавальканти (советник); от Сан Панкрацио — Альбиццо Тринчавелли и Мадзетто Мацинги (оба советники); от Дуомо — Марсуппино делла Тоза; от Пор сан Пьеро — Пьеро Беллинчони и Тедиче Виздомини[55]. Среди гонфалоньеров пехоты только одно имя можно иденти-

[52] Libro di Monteaperti / A cura di C. Paoli // Documenti di storia italiana. Firenze, 1889. Vol. IX. P. XVII. Первые документы, относящиеся к организации войска, датируются 9 февраля 1260 г. (1259 г. по флорентийскому стилю) и продолжаются вплоть до 4 сентября 1260 г., когда флорентийцы потерпели сокрушительное поражение от гибеллинских войск при Монтеаперти.

[53] Ibid. P. XV.

[54] *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 100—101. Массимо Тарасси очень высоко оценивал значение «Книги Монтеаперти» как исторического источника. В столь полном перечне лиц, руководящих подразделениями городского ополчения, проступает «профиль гвельфской политической элиты» Флоренции.

[55] Libro di Monteaperti. I. 1 — Capitanei Exercitus. 2 — Gonfalonerii Militum. P. 1—3. В данном случае не учитываются фамилии представителей новой знати, например,

фицировать с нобильскими фамилиями из числа недавних — Спада ди Пьетро де Бостики. Но в качестве гонфалоньеров арбалетчиков выступали члены родов Маннелли из Ольтрарно, Альдобрандини Манджатройя от Сан Пьеро Скераджо, Кавальканти от Борго, Торнаквинчи от Сан Панкрацио и Адимари от Пор Сан Пьеро. Представителям знати были доверены общевойсковые знамена: от Ольтрарно — Форнайо ди Берлингьери Росси, от Сан Пьеро Скераджо — Дино ди Малиспини, от Борго — Сангалло Кавальканти, от Сан Панкрацио — Тегримо Мацинги, от Дуомо — Чампи ди Наполеоне делла Тоза и Нери де Арригуччи[56]. Гонфалоньер войск каррочо[57] и его штат — все являлись членами знатных фамилий: Джаноццо Джандонати, Галья де Саккетти, Альбиццо де Галигаи[58]. Судя по реестрам, среди рядового состава всех родов войск почти не встречается представителей знатных домов, но у большинства внесенных в списки рядовых ополченцев указывается ремесленная профессия.

Дино Компаньи, описывая битву с аретинцами при Кампальдино (1289 г.), в которой, по его мнению, флорентийцы одержали победу, но не смогли воспользоваться ее плодами, возлагал вину за это на двух приоров-пополанов, которые «не были компетентны так, как благородные люди (*gentiluomini*), привычные к войне»[59]. Победу он ставил в заслугу грандам, обладающим полководческими талантами, среди них: мессер Бароне де Манджадори («отважный и опытный в военном деле рыцарь»), Корсо Донати, Вьери ди Черки («выказал доблесть»), Биндо дель Баскьера Тозинги, Талано Адимари. О военных заслугах гвельфской знати Флоренции, сражавшейся за принца Карла Анжуйского, с гордостью писал Джованни Виллани[60], утверждая величие Флоренции. Эти сведения хронистов подтверждают мнение исследователей, что значение грандов в войсках коммуны стало падать только в годы войны против тирана Лукки Каструччо Кастракани (1323—1325 гг.), после того как флорентийские войска потерпели жестокое поражение в битве при Альтопашо[61].

Фальконьери — фамилия пополанского происхождения. Все эти регистры избраний датируются 9—10 февраля 1260 г., поскольку они являлись наиболее важными.

[56] Libro di Monteaperti I. 3 — Gonfalonerii Peditum. 4 — Gonfalonerii Balistariorum. 5 — Bandiferes arcatorum. P. 3—7.

[57] Каррочо — военная повозка, влекомая быками, издревле являлась главным символом коммунального войска. Войска каррочо призваны были охранять повозку, ибо захват врагами каррочо считался самым большим позором для проигравших битву.

[58] Libro di Monteaperti. I. 7 — Gonfalonerius Militum Carroccii. P. 7.

[59] *Compagni D.* Cronica. I, 10. P. 45.

[60] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 2, 6, 8,9.

[61] *Sestan E.* Il Comune nel Trecento. Firenze, 1953. P. 27—28. Н. Оттокар подчеркивал, что внешнеполитические проблемы города-государства часто определяли внутреннюю политику; в частности, борьба за флорентийскую гегемонию в 80—90 гг. XIII в. с гибеллинскими городами Пизой и Ареццо требовала исполь-

Не удивительно, что примеры доблестных рыцарей из флорентийской знати относятся в основном к XIII в. Память хронистов сохранила величественный образ воспетого Данте вождя гибеллинов Фаринаты дельи Уберти, которым восхищались даже хронисты-гвельфы. «Мудрый мессер Фарината» — писал Джованни Виллани[62]. Повествуя о «нобилях, разбиравшихся в военном деле лучше пополанов», историк противопоставлял рассудительных и отважных Фаринату дельи Уберти и Теггьяйо дельи Адимари, «доблестного рыцаря, пользовавшегося великим уважением, который не мог дать дурного совета», «одному из народных заправил» Спедито, и в целом «неблагодарному», «беспечному и возгордившемуся народу» Флоренции[63].

Думается, что изменения в организации вооруженных сил коммуны послужили тому, что в сознании флорентийцев бытовала оставившая свой след в культуре установка «горожане — плохие воины», которая столь заметна в новеллах Франко Саккетти. Он писал: «Кто привык к торговле, не может знать, что такое война, потому-то коммуны и распадаются, если не живут мирно». Он высмеивал трусость горожан, которые предпочитают «воевать со скирдами соломы, а от настоящего неприятеля бегут, умирая от одного только звука выстрела из самострела». В уста именитого горожанина Карло Строцци он вкладывал констатацию невоинственности сограждан: «Вы, генуэзцы, конечно, лучшие воины и наиболее храбрые люди, какие существуют на свете; наше дело, флорентийцев, обработка шерсти и торговля»[64]. Нетрудно заметить по профессиональной принадлежности упоминаемых автором горожан, что речь идет все-таки, прежде всего о пополанах — купцах, ремесленниках, производителях шерсти. Важно и то, что Саккетти составлял свой сборник новелл во второй половине XIV в., когда система городских ополчений быстро сменялась кондоттой.

Итальянский историк Марко Тангерони, исследуя политические отношения в итальянских городах-коммунах, обратил внимание на фло-

---

зования военного опыта и внешнеполитических связей нобильских фамилий. См.: *Ottokar N.* Il Comune. P. 132.

[62] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 74. С. 179—180; Джованни Кавальканти драматизировал сцену спасения Флоренции рыцарем Фаринатой. «...Он выхватил клинок со словами, что если кто хочет умереть сейчас, то пусть посмеет пойти разрушить его республику» // *Cavalcanti G.* Trattato. P. 158.

[63] *Виллани Дж.* Новая хроника VI. 77. С. 182—183 — именно Спедито, «человек большого размаха и честолюбия» настаивал на том, чтобы флорентийское войско выступило против гибеллинов при Монтаперти, обвинив в трусости нобиля Теггьяйо дельи Адимари, который разумно советовал подождать с выступлением.

[64] *Саккетти Ф.* Новеллы. 36, 119, 71. Он также полагал, что флорентийцам необходимо учиться хитрости у военных людей и использовать их, приводя в пример римских военачальников и Карла Великого (нов. 224).

рентийский дискурс о невоинственности граждан в связи с «Хроникой» Дино Компаньи. Тангерони считал эту хронику прекрасным примером для того, чтобы показать, «насколько фальшивы были бы схематические противопоставления между сословием и сословием». Он утверждал, что «идеология мира была центральной в политической позиции, отстаиваемой Компаньи или, во всяком случае, в ярких призывах к ней, заявляемых в Хронике», что также некоторым образом является частью политической автобиографии. Пытаясь разрешить конфликт между фракциями Черки и Донати, хронист декларировал свое миролюбие: «Я, Дино Компаньи, <...> воодушевляемый единством и миром между гражданами, сказал: "Синьоры, зачем вы хотите смутить и разрушить свой столь прекрасный город? Против кого хотите вы поднять оружие? Против ваших братьев? Какую победу вы обретете? Ничто иное как слезы"»[65]. С другой стороны, М. Тангерони отмечал, что «рефлексия о собственном трагическом политическом опыте и о крушении <...> делала мечту Компаньи о мире утопической». Автору хроники пришлось в полной мере осознать невозможность успеха политики, которая не опиралась на твердую военную силу. И членам фракции белых нужно было не ограничиваться пассивными призывами к согласию, «не вещать о мире», но «точить оружие». По мнению Тангерони, «мир, являющийся для Компаньи достойнейшей целью, оказался в его глазах и чудовищной западней», поскольку привел к поражению его фракции[66]. Разлад в сознании хрониста, жившего на рубеже XIII—XIV вв., послужил современному историку отправным пунктом для постановки проблемы противоречивости развития итальянских коммун, граждане которых, с одной стороны, понимали «мир», как преимущественно внутреннее согласие и гражданское единство, с другой, — постоянно испытывали нужду в необходимости защищать с оружием в руках установившийся режим от соперничающих группировок и враждебных кланов, что обуславливало потребность в «людях войны».

Однако влияние урбанизации на сословие, изначально воинское, являлось противоречивым. В этом смысле интересно наблюдение С. Раведжи, который обратил внимание на то, что в сравнении с другими коммунальными центрами, Флоренция с конца XII до середины XIV в. дала сравнительно немного иноземных ректоров в другие коммуны и синьории, что «не соответствовало экономической, политической и культурной значимости этого города в общеитальянском контексте того времени». Историк обнаружил две причины, объясняющие это явление: относительно позднее

[65] *Compagni D.* Cronica. I. 24. P. 71.

[66] *Tangheroni M.* L' esercizio delle armi nei diversi ceti sociali // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 149—150.

складывание коммунальных институтов, но главное — раннее интегрирование знатных фамилий в городское сообщество и приобщение к торговле, ростовщичеству и предпринимательству, что препятствовало формированию у представителей знати воинского образа жизни и способности к руководству военными действиями, требующимися от чужеземных правителей в условиях преобладания городских ополчений. Интересен приводимый им пример древнего рода грандов Росси из Ольтрарно, которые дали самое большое число иноземных ректоров в разные города Тосканы и Италии, но ни одного члена, прославившегося на военном поприще, за исключением в какой-то степени Стольдо ди Берлингъери. «Их очень ценили за склонности к управлению в сфере преимущественно административной»[67].

Как «людям войны» представителям знати принадлежала особая роль. Милитаризация доброй части группы консульской знати и сплачивание *societas militum* в процессе завоевания контадо способствовало консолидации коммуны, обусловило центростремительную силу, позволяющую сосредоточить главные функции управления: юстицию, фискальные права, войну в руках нобильской знати[68]. В настоящее время изучается роль грандов в территориальной экспансии, результатом которой стало обрастание Флоренции землями контадо. Э. Фаини, исследуя топонимы земельных владений, отражающие фамилии флорентийских нобилей, отметил: если в XI в. их земельная собственность находилась в пригородном пространстве не далее 10 км. от городской стены, то во второй половине XIII в. значительная часть таких земельных владений находилась уже на расстоянии 50 км. от городских стен. В этой экспансии участвовали не только наиболее знатные флорентийские фамилии — Адимари, Капонсакки, Джандонати[69], Тозинги, Уберти, но также и те, которые исследователь определял как фамилии второго плана в XII—начале XIII в., например, Саккетти. С расширением экспансии совпадал, по мнению Э. Фаини, процесс урбанизации знати и укрепления ее синьориальных прав на земли в контадо[70].

Важнейшей составляющей, отличающей гранда от пополана, являлось восприятие его как «мастера войны», прослеживаемое на про-

---

[67] *Raveggi S.* I Rettori fiorentini. P. 595—596, 626.

[68] *Faini E.* Firenze nell'età romanica. P. 361.

[69] Фамилия древней феодальной знати, имеющая титулы. Донато, сын главы рода Джанни, был гастальдом у маркиза Туски Бонифаччо, и поэтому получил титул виконта Флоренции к 1050 г. См.: *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 613.

[70] *Faini E.* Il gruppo dirigente fiorentino dell'età consolare // Archivio Storico Italiano. 2004. Vol. CLXII. P. 199—231; *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 359—360; *Lansing C.* The Florentine Magnates. Lineage and Faction in Medieval Commune. Princeton, 1991. P. 161. Сведения хроник подтверждают этот процесс: в 1218 г. все контадо, жители которого прежде подчинялись графам Гвиди, Мангона, Капрайя и Чертальдо, обладающим привилегиями, предоставленными императорами, привели к присяге Коммуне. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 41. С. 132; *Malispini R.* Storia. Cap. CII. P. 101.

тяжении всего XIV и заметное для первой половины XV в. Однако и в этом случае урбанизация вносила свои коррективы: в дальнейшем будет отмечено, что многие представители пополанства избирали для себя военное поприще, вели образ жизни, соответствующий воинственному рыцарству в большей степени, чем те, которые принадлежали к древней урбанизированной знати. Происхождение из знатного рода, рыцарское звание, воинское поприще переставали находиться в едином комплексе как атрибуты одного и того же социального слоя, причудливо перемешиваясь в коммунальном социуме. Последующие изменения в военной организации Флоренции — замена ополчения наймом «Компаний удачи», включавших выходцев из разных социальных слоев, — ослабили значение нобилей как профессиональных воинов. Далее будет сказано о двух выдающихся флорентийских полководцах — пополане Никколо Аччайуоли и представителе выродившегося древнего и знатного рода Филиппо Сколари, оставивших значительный след в исторической и культурной памяти города на Арно.

§ 3. Гранды как «люди власти»

В сознании граждан флорентийской республики долгое время нобили оставались «людьми власти», даже после лишения их возможности занимать ключевые властные магистратуры внутри коммуны. Традиционно с XIII в. гранды вели за собой фракции гвельфов и гибеллинов, играя в этих партиях руководящую роль. Они продолжали занимать ведущее место в коммунальных структурах, создаваемых в первой половине XIII в., будучи представлены во всех советах и коллегиях[71]. С XI в. консулы избирались только из грандов, и первыми коммунальными документами являются акты консульских трибуналов, большая часть которых посвящена правам на земельные владения и синьориальным прерогативам. Они составляют исток флорентийского законодательства[72].

На должность Подеста — судебного исполнителя, введенную во Флоренции, согласно данным Джованни Виллани, в 1207 г. приглашались исключительно представители чужеземных нобильских родов. О знатных правителях вел речь Брунетто Латини в 9-й главе своего знаменитого сочинения «Сокровище»[73], названной «Об управлении городами» (*Dou government des cites*). Образ Подеста, как главного носителя городской власти, представал в особых сочинениях, распространив-

[71] *Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 34—37.
[72] *Faini E.* Firenze nell'età romanica. P. 362.
[73] *Latini B.* Li livres dou Tresor de Brunetto Latini. Barkeley;Los Angeles. 1948.

шихся в XIII в., которые являлись подобием «учебников для Подеста»[74], к каковым можно отнести и труд флорентийца Латини, написанный, скорее всего, между 1262 и 1264 гг. Биограф Филиппо Виллани характеризовал трактат Латини как «красноречивую, прекраснейшую и полезную книгу <...> труд воистину изящнейший и преисполненный городского красноречия, который очень ценился у французов»[75]. Текст этого раздела по содержанию мало оригинален, поскольку в значительной мере представляет сокращенную и систематизированную компиляцию трактата Джованни да Витербо *Liber de regimine civitatum* (около 1240 г.)[76].

Брунетто давал перечень качеств, необходимых идеальному ректору; он приводил 12 добродетелей, согласно которым лицо могло быть избранным Подеста̀: возрастной ценз, определяющий опытность; благородство поведения, не исключая знатности рода; справедливость; ум и образованность; отвага; отсутствие алчности и своекорыстия, но также и расточительности; красноречие; сдержанность, «ибо гнев подобен удару молнии, <...> и лишает способности к трезвомыслию»; богатство, «как залог его неподкупности»; отправление только одной синьории; но самое главное — истинная вера в Бога. Особый раздел он посвящал тем порокам, которых следовало остерегаться благоразумному Подеста̀: пьянство, спесь, гневливость и раздражительность, скупость, зависть, распутство, болтливость, лесть, но пуще всего Латини советовал избегать грехов коррупции и пристрастности[77]. Латини, согласно культурным веяниям своего времени, полагал: личные доблести выше достоинства крови, тем не менее, он утверждал, что принадлежность к знатному и древнему роду предпочтительнее: «Не должно принимать во внимание влиятельность его самого и его рода, но лишь благородство его сердца и достойность его обычаев и образа жизни, равно как и доблесть поступков, которые он совершал как в своем доме, так и в других синьориях. Ибо дом должен быть славен своим господином, а не господин своим богатым домом. Но если благородству сердца соответствует

[74] *Sapegno M.S.* Il trattato politico e utopico. Retorica e cronaca // Letteratura italiana / A cura di A. Rosa. Torino, 1982. Vol. III. Parte II. Le forme del testo. La prosa. P. 951.

[75] *Villani F.* Le vite d' uomini illustri fiorentini scritte de Filippo Villani colle annotazioni del conte Giammaria Mazzuchelli. Firenze, 1826. P. 30.

[76] *Giovanni da Viterbo.* Liber de regimine civitatum / A cura di G. Salvemini // Bibliotheca juridica medii aevi / A cura di A. Gaudenzi. Bologna. 1901. Vol. III. P. 215—280. В этом трактате Да Витербо не только давал наставления правителю, но обращался и к гражданам, чтобы они могли использовать его труд для определения критериев оценок, на которые должен ориентироваться их выбор. Автор приводил образцы эпистол с приглашениями на должность, ответов на них, формулы клятв, перечислял пороки и доблести правителя, обозначал наиболее важные задачи. Его аргументация основывалась на авторитете античных писателей, особенно на трудах Цицерона, Юстиниана, Сенеки, а также средневековых текстах, в частности, трактате Иннокентия III «О презрении к миру».

[77] *Latini B.* Li livres dou Tresor. LXXXV. 1—14. P. 393—395; LXXXXVIII. P. 417—418.

ıгородный род, то это, конечно, лучше всего остального». Кроме того, по ıдетельству того же Брунетто Латини, избираемый правителем в другое :ударство должен был привести с собой свою свиту, и не только судей и ·ных нотариусов-знатоков права, но и всадников — «большой штат, ко-ый поможет ему нести заботы по синьории, поддерживать престиж го-да, блюсти закон и справедливость, вершить правый суд»[78]. Серджо Ра-жи отмечал, что «компонент клиентелы играл базовую роль», поэтому ıта Подеста и других иноземных должностных лиц имела особое значе-е. В ней насчитывалось в XIII в. от от 10 до нескольких десятков судей, тариусов, рыцарей, булавоносцев (стражников), слуг, находящихся в тес-й связи с Подеста или другим должностным лицом, призванным извне[79].

Дж. Брукер подтверждал, что подеста̀ из Флоренции были знатными билями, делавшими карьеру судебных чиновников в городах Италии вельфскими традициями[80]. Многие флорентийские магнатские дома ставляли Подеста и Капитанов в города Тосканы и Италии — в Эми-ю, Ломбардию, Умбрию и венецианские земли: фамилии Делла Тоза, ондельмонти, Росси, Донати, Кавальканти, Адимари, а также более здние фамилии — Барди, Нерли, Пульчи, Скали, Спини, Моцци. На их должностях гранды были очень полезны республике, кроме того, ужба за пределами своего города удерживала наиболее активных и ятельных представителей нобильской знати за пределами Флорен-ии. С этими же целями коммуна охотно назначала членов нобильских мов-консортерий в наиболее престижные посольства[81].

Роль флорентийской знати на чужеземных постах за пределами Флорен-ии и Тосканы всесторонне исследована Серджо Раведжи, который констатировал, что из 675 чужеземных ректоров-флорентийцев, установленных период с начала XIII в. до 1350 г., большинство представляли фамильные уппы из активных и доминирующих слоев города, причем до 1250 г. пре-лировали знатные семейства феодально-синьориальной знати: Капонсак-, Уберти, Ачерби, Тедальдини дель Канторе, Делла Тоза, Абати, Адимари, лфанти, Джандонати, Виздомини, Ламберти, Буондельмонти, Гангаланди. втор указывал, что представители нобилей Флоренции особенно стре-

---

Latini B. Li livres dou Tresor de Brunetto Latini. LXXV. 3. P. 393; LXXIX. 1. P. 398—399. О нобилях, которые становились Подеста: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 32. С. 125—126. Е. Сестан также писал о значимости этой функции грандов: *Sestan E.* Il Comune nel Trecento. P. 27—28. О том же: см.: *Parenti P.* I primi dieci anni del priorato. P. 312.

Raveggi S. I rettori fiorentini. P. 602.

Способ отбора таких судей был сложным. Сначала название гвельфского города вытягивалось из сумки, а затем судья выбирался из списка постоянных жителей, обладающих правом быть избранными на этот пост. См.: *Brucker G.A.* Florentine Politics and Society. P. 61.

Parenti P. I primi dieci anni del priorato. P. 312.

мились занять должности Подеста, капитанов, комендантов крепостей в 90-е гг. XIII в., вследствие дискриминационных положений «Установлений справедливости». Для «флорентийских аристократов» карьера Подеста позволяла осуществлять значимые в плане политического престижа действия, недоступные в своем отечестве, открывала путь к хорошим доходам, хотя в целом несравнимым с прибылями купцов, и давала возможность ткать сеть социальных связей высокого уровня, полезных и для коммуны. Властные должности в Тоскане и за ее пределами позволяли приобрести высокий авторитет и в родном городе. До 60-х гг. XIII в. на должности чужеземных ректоров призывались представители как гибеллинской, так и гвельфской знати. Из гибеллинских родов Абати дали 12 ректоров, Уберти — 9, Ламберти, Капонсакки и Пильи — 5—6 от каждой фамилии, Боголези-Фифанти — 3. От гвельфской фракции: члены семьи Адимари призывались 9 раз, делла Тоза — 8, Буондельмонти — 7, Донати — 3. Затем к ним добавились гвельфы Росси, Кавальканти, Торнаквинчи[82]. Особое место занимал дом Росси из Ольтрарно — кавалеров с золотыми шпорами, принадлежащий к гвельфской элите, представителей которого избирали 109 раз, что составляло свыше 7 % из всех отмеченных должностей (и 8,6 % из тех, что были за пределами флорентийского государства). Нери ди Бардо деи Барди избирался на должность иноземного ректора 15 раз с 1281 по 1303 г., в том числе за пределы Тосканы: дважды — в Модену, в Губбио, Реджо, Брешию, Лоди. Стольдо ди Берлингьеро Якоппи Росси имел 12 избраний на должности иноземного ректора, действуя в период с 1258 по 1283 г., из них 6 раз — за пределы Тосканы, в Форли, в Реджо, и трижды — в Болонью – место, которое считалось очень почетным. Корсо ди Симоне деи Донати, избирался 11 раз с 1283 по 1308 г.; Бернардо ди Уголино Якоппи — 10 раз с 1285 по 1304, из них 6 раз вне Тосканы; столько же и Россо ди Готтифредо делла Тоза с 1271 по 1298 г.; Пино ди Стольдо Якоппи (Росси) избирался 9 раз с 1292 по 1310 г., из них 7 должностей были очень престижными за пределами Тосканы[83].

Среди 15 представителей фракций белых и черных, которые были отправлены в июне 1300 г. в ссылку, чтобы гарантировать общественный порядок, фигурировали Корсо Донати, Синибальдо Донати, Россо делла

[82] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 602, 612—613, 616.

[83] Ibid. P. 623—624, 635. С. Раведжи сомневается в том, что Росси относились к древней синьориальной знати, представляя третью ветвь рода синьоров Монтебуони, что трудно доказать из-за отсутствия хронистической традиции, их тесной и давней связи с городом, отдаленности от флорентийских стен их собственности в контадо, заметной лишь с XIII в., тогда как древние синьориальные владения Буондельмонти и Сколари находились в Импрунете, в зоне административной юрисдикции городской системы. Очевидно, Росси являлись вассалами епископа, и окончательно были подчинены коммуной в 1173 г.

Тоза, Росселино делла Тоза, Паццино деи Пацци из черных, которые занимали и в будущем будут занимать чужеземные магистраты[84]. Из осужденных в 1302 г. белых также выделялись те, кто исполнял чужеземные должности, — Биндо ди Бонаккорсо Адимари, Баскьера Тозинги, Райнальдо ди Лоттеринго Герардини, Андреа Герардини, Лапо Сальтарелли, Манетто Скали. Исследователь отмечал: когда флорентийские изгнанники оказывались отчужденными от родной коммуны, или в явном антагонизме с нею, их призывали оппозиционные Флоренции коммуны и синьории северной и центральной Италии, прежде всего, Скалигеры или императоры, и в этом случае назначение интерпретировалось в самом городе как акт враждебности по отношению к Флоренции[85].

В первой половине XIV в. престижные магнатские фамилии продолжали предоставлять подавляющее большинство чужеземных ректоров за пределы коммуны. Но в то же время поднимались влиятельные популанские фамилии Строцци, Медичи, Альберти дель Джудиче, Перуцци и Ручеллаи, уже занимающие прочные места в городской политической и экономической элите[86]. О заслугах флорентийских грандов на должности Подеста или капитанов в чужих городах и землях слагались легенды, некоторое время сохраняющиеся в памяти поколений, о чем далее будет сказано.

Представители флорентийской знати утверждали себя на политическом поприще и в своем родном городе, даже несмотря на дискриминационные меры «Установлений справедливости». Они принимали участие в Совете коммуны, высшем законодательном органе Флоренции, произносили речи, активно занимались дипломатией, действовали как профессиональные юристы при выработке законодательных решений и в арбитражных комиссиях. Магнаты могли получить пожизненное звание «Мудрого», и в этом случае привлекаться в качестве платных экспертов для решения наиболее сложных вопросов коммунальной политики. Наконец, жесткие политические ограничения «Установлений» не распространялись на партию гвельфов, где гранды-гвельфы продолжали играть ведущую роль.

---

[84] См. об этом: *Compagni D.* Cronica. I. 21. P. 66. Компаньи упоминал среди черных гвельфов Корсо и Синибальдо Донати, Россо и Росселлино делла Тоза, Паццино деи Пацци.

[85] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 604, 607—609. Симоне дельи Абати, представитель очень древнего и знатного рода был единственным флорентийцем, который занимал должность капитана в Пизе с ноября 1296 г. по октябрь следующего года. В 1233 г. в Генуе одним из очень немногих флорентийцев, отправляющих подестерию, был Пеголотто Герардини, должность которого закончилась плохо, потому что он был обвинен в «нецелевом» использовании средств коммуны, заточен в тюрьму и освобожден только в следующем году благодаря поручителям.

[86] *Raveggi S.* I rettori fiorentini. P. 622.

Таким образом, гранды представляли «слишком дорогой человеческий материал», чтобы коммуна могла расточать его попусту. Антинобильское законодательство никогда не носило абсолютного характера, поскольку знать являлась неотъемлемой частью коммунального общества от самых истоков его истории, что не исключало противоречий между грандами и пополанами, самый важный этап обострения которых был связан с принятием «Установлений справедливости» в 1293 г. Составленный ранее список магнатов был теперь существенно расширен и дополнен: в него помещали всех членов консортерий грандов, за исключением тех фамилий, которые все-таки признавались пополанскими[87].

Как полагают современные исследователи, законодательство 1293–1295 гг. способствовало активно развивающемуся симбиозу между грандами и народом, поскольку часто пополаны входили в торгово-банковские компании, руководимые грандами, были связаны с ними консортериальными и родственными узами благодаря брачным союзам. В таком случае правомерно поставить вопрос о том, что через своих консортов, клиентов и компаньонов из пополанской среды такие фамилии, как Барди, Пацци, Абати, Фрескобальди могли основательно влиять на коммунальную политику[88]. За века их обитания в городе-государстве представители урбанизированной знати привыкли к выборности, частой сменяемости должностей, коллегиальности руководства; в XIII в. им пришлось обрести способность и умение вступать в диалог с народом, считаться с пополанским представительством в советах и исполнительных органах власти, теперь они должны были заручаться поддержкой народа ради осуществления своих целей. Прежние атрибуты сословия знати, и среди них такой признак, как знатность и древность крови, по-прежнему учитывались и сосуществовали рядом с новыми — участием в коммунальном правлении, высоким авторитетом и политической влиятельностью в обществе, положительно оцениваемыми современниками, которые в то же время осуждали подавление и угнетение со стороны нобилей, их стремление возвыситься над обществом, государством и коммунальным законодательством.

---

[87] Эти списки и добавления к «Установлениям справедливости» опубликованы: *Bonaini F.* Gli Ordinamenti di giustizia. Appendice A. О них см.: *Salvemini G.* Edizione Ordinamenti di giustizia // *Salvemini G.* Magnati e popolani. P. 190; *Ottokar N.* Il Comune di Firenze. P. 269;

[88] Такое предположение высказывает Патриция Паренти, но с большой осторожностью, поскольку в распоряжении историков нет непосредственных источников, доказывающих, что гранды влияли на коммунальную политику через зависящих от них тем или иным способом пополанов, а те, будучи членами приоратов, представляли интересы магнатских домов. См.: *Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia. P. 296—297.

Глава III

Враги, мятежники против коммуны и маргиналы из знатных родов

§ 1. «Проклятые Убальдини»: образ врага

Несмотря на явления социального синтеза, в городской ср города на Арно имели место и ярко выраженные образы « жого» или «врага», которые во многих случаях идентифи ровались с нобилем или грандом. Восприятие этого обр порождало амбивалентные установки. Пытаясь определи кого именно представители широких слоев города воспринимали «чужих», можно с некоторой долей условности утверждать, что та выми являлись феодальные синьоры за пределами городских стен Ф ренции. Об этом свидетельствуют повторяющиеся в семейных книга дидактических наставлениях граждан предостережения от вступлени деловые оношения с властителями и феодальной знатью, хотя никто авторов не отрицал возможности карьеры и наживы на службе у ме щественных господ или монархов. Паоло да Чертальдо советовал: «Е ты поступишь на службу к синьору, то люби его и служи ему честн благородно, будь покорен ему, проявляй усердие и прилежание на сл бе, исполняй как можно лучше его поручения». Но флоренийский т говец зерном был убежден в том, что феодальные владетели облад особой природой, в соответствии с которой их поведение непредска емо и строится по непонятным для граждан коммуны принципам; если синьор вдруг начнет сердиться, постарайся, чтобы не ты стал п чиной его гнева и особенно строго следи за тем, чтобы никогда не вать ему повод, из-за которого он мог бы разгневаться на тебя»[1]. З купец предупреждал, что часто поступками синьоров управляют э ции и порывы, поэтому предпочтительнее для достойного горожан их сторониться: «Если тебе нужно позаимствовать деньги под залог т их земель или домов, то имей дело с человеком равным тебе или с щим ниже тебя. Остерегайся того, чтобы иметь подобные дела с си

[1] *Da Certaldo P.* Il libro di buoni costumi. Documento di vita trecentesca fiorent A cura di A. Schiaffini. Roma, 1965. 114. P. 99.

рами, стоящими выше тебя». Далее он пояснял смысл этой сентенции: синьоры всегда используют произвол и насилие к тем, кто ниже их, руководствуясь только одним правилом: «Я хочу!»[2].

В воспоминаниях, содержащих квинтэссенцию жизненного опыта таких выдающихся предпринимателей, как Джованни Ручеллаи и Джино ди Нери Каппони, встречаются сходные правила житейской мудрости. Каппони, видный политический деятель и олигарх, благодаря усилиям которого Флоренция приобрела в 1406 г. Пизу и Порто Пизано, спешил перед смертью продиктовать наставления для своих сыновей, поэтому выражался более лаконично и решительно: «Любой синьор, как бы ничтожен он ни был, будучи вашим соседом, станет и вашим врагом, если из соображений собственной выгоды не сделается другом. Поэтому во всяком деле опасайтесь, что они вонзят вам нож в горло и потребуют нужной им сделки в ваших торговых делах. Но лучше все-таки смириться с этой опасностью, нежели затевать войну, конец которой невозможно предвидеть»[3]. Джино Каппони писал с полным знанием дела: в процессе овладения Пизой ему пришлось иметь дело со многими могущественными властителями и монархами, и гораздо большего успеха ему удавалось добиться изощренной дипломатией и звоном золотых флоринов, нежели военными действиями, осуществляемыми «бездарными» кондотьерами.

Подобные же принципы предписывал более чем через 50 лет Джованни Ручеллаи: «Прежде всего, предостерегите ваших факторов, чтобы они не связывались с синьорами, не служили бы им и не ссужали им денег ни с гарантией, ни без гарантии. Лучше прямо пустить деньги по ветру <...> а чтобы не случилось этого, пусть во всяких делах твои факторы избегают синьоров. Не думайте, что дождетесь от господ благодарности или вознаграждения. Только до тех пор любит вас синьор, пока вы полезны ему. Если хотите быть свободными от них, никогда не давайте им взаймы. То, что вы дадите им, считайте потерянным на дороге, потому что, если дадите им мало, то взамен получите их ненависть и потеряете свое добро. Если дадите достаточно, то не получите никакого вознаграждения. Если вы рядом с синьором, то ваши обещания становятся долгом, ваши ссуды — подарками, а синьоры-должники станут всячески темнить с вами, чтобы не платить. Они постараются сделать так, чтобы вы проштрафились, ошиблись, и тут же явят вам свою немилость или обвинят вас <...>, чтобы не возвращать долга. Избегая синьоров в любом случае, вы останетесь мудрыми и счастливыми»[4].

---

[2] *Da Certaldo P.* Il libro. 376. P. 243—244.

[3] *Capponi G.* Ricordi. XV. P. 36.

[4] *Rucellai G.* Il Zibaldone quadragesimale // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. A cura di A. Perosa. L., 1960. P. 7.

Эти морально-дидактические наставления в лице владетельных господ конструируют образ «другого», носителя чуждых обычаев и поведенческих практик, отличных от тех, которыми руководствовались «добрые купцы», постулируя в деловых отношениях точное соблюдение контрактов и уважение равноправия сторон, исключающие произвол, насилие и обман.

Подобные выше описанным амбивалентные установки, выражающие отношения с представителями феодального мира, отразилась в новеллах Франко Сакетти. В них, с одной стороны, находило свое место кредо деловых людей: не упускать ни одной возможности нажиться за счет синьоров, и искать свою выгоду, которую можно получить близ монарха или владетельного князя[5]. С другой, — наблюдались те же предостережения: «Пусть служит синьорам всеми силами тот, кто хочет. Несомненно, тот, кто не умеет расстаться с ними вовремя и хорошо служит им всеми силами, редко кончает хорошо»[6]. Новеллист также подчеркивал непредсказуемость поведения синьора и не уставал напоминать о зыбкости почвы, на которой строятся отношения с сильными мира сего, часто увенчанными коронами: «Сеньор — что вино в бутылке, утром оно хорошо, а вечером испорчено». Он акцентировал внимание на порочности мира феодальных владык, представителей титулованной и венценосной знати, окруженных «...шутами, льстецами и хитрецами, паразитами и дураками, которые пасутся около синьоров, поощряемые ими к разным гнусностям, а умеренные, порядочные, склонные к хорошим делам от синьоров или тиранов получают мало, или вовсе ничего не получают». Саккетти уподоблял синьоров аду и утверждал, что «...очень темное и опасное дело — доверяться синьорам»[7].

Итак, если речь заходила о торговле, кредитах, предпринимательских операциях, то короли и феодальные властители воспринимались как «чужие», «опасные», «не мы», а их среда виделась враждебной, противоречащей заповедям «купеческого разума».

«Блоки», составляющие образ «другого» в лице феодального синьора, призваны показать инакость его природы: капризен, непредсказуем, поведение его определяется в большей степени эмоциальными порывами, а не рациональной предусмотрительностью, склонен к насилию и

[5] *Саккетти Ф.* Новеллы. 117. Эти слова он приписывал шуту Дольчибене, выразителю житейской мудрости.

[6] Там же. 117 — Эта фраза вложена в уста шута Дольчибене — «изрекателя истины». Кроме того, см. новеллы 61, 62 — «Неразумен тот, кто долго остается при дворе синьора, ведь как легко синьоры отворачиваются от человека и лишают его имения. А потому, кто хочет кончить игру, когда у него карман полон, пусть не остается до конца боя».

[7] Там же. 162, 165, 188,

произволу в отношениях с теми, кого считает ниже себя, не соблюдает условий обязательств и контрактов, пуская в ход право силы. Перечисленные качества не только не соответствовали, но были прямо противоположны идеальной матрице *buono mercante*.

Есть все основания полагать, что вышеназванные характеристики если и являлись речевыми формулами дидактики, все же были актуальны для XIV—XV вв., поскольку абсорбировали насущный жизненный опыт. На протяжении всего XIV в. сохранялась память о катастрофе, постигшей в 1341—1346 гг. крупнейшие компании Барди и Перуцци, финансирующие английских и французских королей, а кроме этого, пап, кардинала дельи Орсини и других князей церкви, епископов Кипрского и Винчестерского, короля Майорки[8]. В свою очередь монархи европейских государств воспринимали тосканцев и ломбардцев, осуществляющих в их странах банковскую и торговую деятельность, как чуждый и подозрительный элемент. Они не пропускали случая, когда можно было, присвоив все накопленные ими деньги, их самих выставить прочь[9]. Итальянских купцов и банкиров обвиняли во всех смертных грехах, приписывая коварство, измену, злонамеренность: «Они лживы и непостоянны, говорят на один манер, а делают на другой. Они подобны угрям и муренам, чем больше их сжимаешь в руке, тем легче выскальзывают». Слова «ломбардец» и «жадность» были синонимами: «Они поглощают и разоряют имущество и богатство народов. Ломбардский монстр не только пожирает людей и их имущество, но и дворцы, леса, рынки, он может выпить болота и осушить реки»[10]. Донато Веллути в «Домашней хронике», рассказывая о длительной родовой вендетте, как бы между делом констатировал, что во второй половине 90-х гг. XIII в. их консортерия находилась в «плохом положении», которое уже начало сказываться из-за крупных кредитов, предоставленных Донато ди Мико Веллути синьорам и баронам Англии и Франции[11], «по каковой при-

[8] *Sapori A.* La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926. P. 220. О том же см.: *Renouard Y.* Les homes d' affaires italiens du Moyen Âge. P., 1968. P. 276—279; *Larivaille P.* La vie quotidienne en Italie au temps de Machiavel. Florence;Rome;Paris, 1979. P. 140—141.

[9] В исторической литературе об этом написано много. См., например: *Renard G.* Histoire du travail à Florence: ouvrage orne d' illustrations. P., 1913. Vol. 2. P. 283—285; *Sapori A.* Le marchand italien au Moyen Âge. P., 1952. P. XV.

[10] *Sapori A.* Le marchand italien... P. XV.

[11] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 13. См. также: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 55. P. 437—438. Повествуя о крахе компании Барди и Перуцци, Виллани замечал: «Многие <...> компании и частные лица разорились, а те (Барди и Перуцци) потерпели крах <...> из-за непомерных займов, предоставленных вышеназванным правителям. Банкротство <...> было для нашей Флоренции великим бедствием и поражением, подобного которому никогда ранее не знала коммуна. Пусть читатель только представит себе, какую прорву денег и драгоценностей утратили наши граждане, из жажды наживы доверившие их королям и властителям».

чине нам пришлось выпрашивать у них все эти деньги»[12]. Чуть позже автор «Домашней хроники» возвращался к этой истории: «И этот Донато нас разорил, потому что получали наши предки выгоды от торговли в таких долях, какие выше были описаны, и, имея большие барыши, начал он вкладывать тамошним синьорам Франции и Англии и ссужать им; а кроме того, с Фенчи и Дуччо ди Герардо Малефичи, с которым он имел родство по матери, и с некоторыми другими начали они извлекать прибыль, привозя из Падуи боевых коней и лошадей во Францию по большой стоимости и цене, и уплачивали наличными, покупая их, а продавали их по письмам с обещаниями (векселям), и накопилась такая сумма по тамошним делам, что они должны были получить более 60000 флоринов <...> и мы испытывали большой риск разорения, если бы не были поддержаны родственниками и друзьями»[13].

Однако из разнообразного спектра ментальных установок, выражающих все оттенки восприятия синьоров в городской среде, выделялся один стереотип, который можно определить как «архетип врага Флорентийского государства». Он воплотился в представителях рода «проклятых Убальдини» — как часто называли их в памятных записках и хрониках.

Убальдини — древняя, упоминаемая Джованни Виллани фамилия феодальной знати, владеющая значительными землями, замками и крепостями в контадо города и за его пределами. Подобных кланов в окружении города на Арно было много. Рассеянные владения мелких феодальных властителей различного ранга, обладающих той или иной степенью суверенности независимо от их масштаба, вкрапливались в территории контадо городов-государств и, в частности, республики Флоренции[14]. Все они занимали очень значительное место во внешней политике и не воспринимались однозначно в качестве врагов. Нескончаемая борьба отдельных центров, даже мелких городов и замков, за независимость и превосходство над другими — «фагоцитоз» или «корзина с крабами», по меткому определению А. Тененти, — являлась обыденностью почти на всем Апеннинском полуострове[15]. Республика Фло-

[12] Ibid. P. 10—12. В это время деду автора хроники Филиппо Веллути нужно было платить более 5000 лир — штраф за свершение в 1295 г. кровной мести и убийство Липпо Маннелли.

[13] Ibid. P. 29—30. Донато ди Мико предоставил одному из «баронов» Франции прекрасного коня, которым он очень гордился. Но в издевку над купцом тот вернул ему коня с отрезанным хвостом. В порыве ярости Донато убил мальчика-слугу, который привел к нему коня, и вынужден был скрываться от преследования знатных лиц и судебного процесса во Франции.

[14] *Salvemini G.* La dignità cavalleresca. P. 118; *Jones Ph.* Comuni e Signorie: la cittá-stato nell' Italia del tardo Medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979. P. 120—121.

[15] *Tenenti A.* Les dictatures dans les États urbains italiens des XIII—XVI siècles // Dictatures et Légitimité sous de M. Duverger. P., 1982. P. 114. Автор ссылался на юриста

ренция вела с мелкими синьорами войны, заключала мирные договоры, вступала в союзы, и род Убальдини в этой политике не являлся исключением. Флорентийская Синьория всегда старалась расколоть данный клан изнутри, как и дома других синьоров в округе[16]. Почему же именно Убальдини в сознании флорентийцев олицетворяли образ врага?

Историк рода Убальдини Джованни Баттиста ди Лоренцо Убальдини (XVI в.), «флорентийский гражданин», как он назвал себя сам в заголовке «Истории дома Убальдини», по сложившейся традиции также стремился облагородить и возвысить истоки рода. Он возводил происхождение своей фамилии от готской знати, но от рода сикамбров, чтобы акцентировать общность крови с Карлом Великим — происхождение «от одного и того же ствола Готской знати». Далее шло повествование о том, что готы достигали в Галлии побед, которые «превосходили по славе те, что ранее были одержаны Цезарем»[17]. Не зная имени родоначальника, который пришел обитать во Флоренцию, историк именовал его просто «Сикамбр». Он, якобы, «основал для себя и своих потомков дом во Флоренции между Капитолием и храмом Марса, где было тогда самое высокое место в городе. А его потомки стали называться Убальдини, возможно по имени одного из них»[18]. Эти данные Джованни Баттиста подтверждал, якобы, подлинной «Привилегией», «которая издавна хранится в моем доме», данной Карлом Великим сыновьям и братьям некоего «нобиля <...>, которого звали мессер Убальдино». «Привилегия» утверждала синьорию Убальдини в Муджелло и ряде мест в Альпах при условии постоянного подчинения Священной Империи и папскому престолу. В ней отмечалось также, что поименованных лиц Карл произвел в рыцари с золотыми шпорами[19]. Очень интересным представляется и тот факт, что

XIV в. Бартоло да Сассоферрато, который заявлял, что все эти мелкие правители стремились уподобиться «королям западного мира, и каждый заявлял о себе, как об императоре в своем царстве».

[16] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 739. P. 286. Этот хронист повествовал о том, что Синьории удалось заключить союз с графом Уголино дельи Убальдини, одержимым местью за убийство своего сына, павшего от руки другого представителя этой фамилии — Паццино дельи Убальдини. Кроме того, коммуна смогла подкупить золотыми флоринами «верных вассалов» кланового военачальника Таño дельи Убальдини, которые и прикончили своего синьора в его же собственном замке. Об этих же событиях см.: *Morelli G.* Ricordi. 39a. P. 127—128. Из современных авторов, см.: *Jones Ph.* Comuni e Signorie. P. 121.

[17] «Убальдини пошли от готов, которые назывались сикамбры, и издревле вели свое происхождение» // *Ubaldini G.D.* Storia della casa degli Ubaldini, e de fatti d'alcuni di quella Famiglia. Libro primo. Firenze, MDLXXXVIII. P. 2.

[18] Ibid. P. 3—4.

[19] Ibid. P. 7—9. Текст грамоты с подписью и печатью Карла Великого датирован 801 г. Автор привел текст на вольгаре, видимо, сделав перевод с латинского языка.

в качестве доказательства автор приводил путем прямого цитирования данные книги *Fioretto di storie* «одного из дома Кавальканти, жившего во времена Козимо Медичи Старшего»: «Другие нобили пришли вместе с Теодорихом[20], королем готов <...> Тот (Теодорих) присоединил к нашей Флоренции всю Италию, и дата эта отмечена от рождества Христова годом 479. И теми главенствующими нобилями, которые остались у нас после изгнания готов (поскольку они уже все породнились с теми, что находились в нашей земле, и благодаря длительной привычке позабыли свои варварские обычаи), являлись Пагани, Убальдини[21], Чирчине[22], Скварчалупи[23], Аузани[24], Монте Ринальди, те, что произошли от мессера Польтроне да Чеперелло, те из Кастелло, последний из которых имел имя Фулино, те из Монте Спертоли, а также многие другие потомки тех, кого прозывали Каттани, которые не имели домов в городе[25]»[26]. Аргументы Кавальканти показались Убальдини наиболее убедительными: «Теперь мы ясно видим, что Убальдини произошли от первых Готов». Убальдини выдвигал версию, что его предки изначально обитали во Флоренции, но вынуждены были удалиться оттуда в 1251 г. «в свои Альпы», когда коммуна издала первые постановления против военной мощи городских башен[27]. Автор «Истории дома Убальдини» обладал солидной эрудицией: он ссылался на хроники Рикордано Малиспини, Джованни Виллани, историю Леонардо Бруни Аретино, на сочинения Данте, Энеа Сильвио

[20] Теодорих Великий (454—526) — король остготов, основатель Остготского королевства на территории Италии (493 г.).

[21] Пагани — одна из ветвей фамилии Убальдини, обитавшая в Романье. Убальдини — один из самых могущественных феодальных родов из контадо Флоренции, остающийся непримиримым и последовательным врагом республики на протяжении трех столетий. В XII—XIII вв. их замки вокруг Флоренции были разрушены, земли конфискованы, зависимые крестьяне освобождены.

[22] Чирчине (да Черсино) — феодальный род из окрестностей Флоренции, как и Убальдини, представители этой фамилии сохраняли верность гибеллинской партии. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С. 131.

[23] Скварчалупи — феодальный род из контадо Флоренции, консорты графов Альберти. Виллани писал о том, что в 1220 г. флорентийцы захватили и разрушили их замок: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 42. С. 132.

[24] Аудзани — фамилия Уццано, которая стала известна во Флоренции довольно поздно, с начала XIV в., когда они основали крупную торговую компанию.

[25] Монте Ринальди, потомки Польтроне да Чеперелло, род из Кастèлло, владетели Монте Спертоли — мелкие феодальные фамилии из контадо. Гибеллины Монте Ринальди обладали резиденцией во Флоренции. Площадь Сан Лоренцо во Флоренции в XII—XIII вв. называлась площадью Каттани.

[26] *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 104—105. Можно с большой долей вероятности утверждать, что под названием *Fioretto di storie* имеется в виду «Политико-моральный трактат» Джованни Кавальканти: совпадают имя, время жизни, и приведенный фрагмент является точной цитатой сочинения Джованни Кавальканти.

[27] *Ubaldini G.B.* Storia della casa de gli Ubaldini. P 35.

Пикколомини, Марсилио Фичино и Винченцо Боргини. Но какие сведения из приведенных им являются достоверными?

Исследования Э. Фаини подтверждают, что род Убальдини являлся очень древним и знатным фамильным кланом из окрестностей Флоренции. Фаини относил Убальдини к 8-и семьям высшей синьориальной аристократии сельской местности на рубеже XI—XII вв. Данные об основании Сикамбром дома во Флоренции в IX или X вв., скорее всего, вымысел. Историк Убальдини писал, что его предки стали могущественными синьорами в Муджелло и Альпах, указывая, что даже часть Альп и в его время называли «Альпами Убальдини», и там «они удерживают еще какую-то часть своей синьории в мое время»[28]. Ф. Джонс утверждал, что с 20-х гг. XII в. основной комплекс земель и замков фамилии концентрировался в Муджелло, где находилось изначальное ядро ее владений[29]. Убальдини, по сведениям Э. Фаини, являлись автономными синьорами территорий, хотя и приносящими формальный оммаж, налагающий на них некоторые обязанности, коммуне. Они способны были мобилизовать собственное войско из своих вассалов, рассеянных между Муджелло и Кьянти, причем соперничать силой с ними могли только 2 фамилии — Буондельмонти и Сколари[30]. Этот могущественный род обладал, по мнению Э. Фаини, всеми признаками старой феодальной знати. Среди таковых выступали традиционные отношения с церковными структурами: Убальдини составляли ядро клиентелы епископа Флоренции еще до середины XI в., может быть, уже на рубеже X и XI вв. и вплоть до первой половины XIII в.[31] Аноним констатировал: из дома Убальдини выходили прелаты, облеченные высоким саном, например, Руджери Убальдини[32], сын Убадьдино делла Пила, который был епископом Болоньи, заточившим в башню графа Уголино с сыновьями и внуками[33]. Джован Баттиста Убальдини, ссылаясь на аноним-

[28] *Ubaldini G.B.* Storia della casa degli Ubaldini. P. 4.

[29] *Jones Ph.* Comuni e Signorie: la cittá-stato nell' Italia del tardo Medioevo. P. 152.

[30] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 182.

[31] Ibid. P. 180. В документах епикопства их имена упоминались наряду с фамилиями Буондельмонти и Сколари. В свидетельствах о распределении епископальных имуществ этого периода фигурировал Альбиццо ди Аццо Убальдини, получивший от епископа Пьетро Медзабарба бенефиций (1067 г.) в обмен на уплату 6 денариев в год и поддержку епископата. Аццо, сын Альбиццо, постоянно находился при епископе Раньери, последующим за Пьетро Медзабарба.

[32] См о нем: *Paschini P.* Ubaldini // Enciclopedia Cattolica. XII; *Данте.* Божественная комедия. Ад. XXXII—XXXIII. 13—15.

[33] *Faini E.* Firenze nell'età romanica. P. 144. 1295 г. он датировал запись о смерти «архиепископа Пизы и епископа Болоньи, оба были рождены в доме Убальдини». Ранее, под 1287 г. от отмечал, что синьору Пизы, графу Уголино, противостоял архиепикоп Пизы из дома Убальдини из-за дурного правления, которое граф вершил (Ibid. P. 132). Последняя ремарка согласуется с данными анонимной хроники XIII в. и знаменитыми строфами «Божественной комедии». Хронист

ную хронику некоего монаха, отмечал, что судя по всему, они основали в Муджелло первый монастырь еще в 1 тыс (VI век?), он назывался *Bosco a frati* («Роща у братьев»), и в начале XIII в. его передали францисканцам. В 1074 г. Убальдини держали в арендной концессии Сан Проколо в Бадии и патронат над крупным монастырем Луко[34]. Следующим признаком Э. Фаини считал доступ к традиционным потестарным системам: они участвовали во всех властных структурах знати, например, занимая видное место в составе аристократии судебных ассамблей (*placiti*), в частности, Альбиццо ди Аццо Убальдини обладал высоким рангом в ассамблее. Одному из Убальдини довелось выполнять функции Подеста[35] в подвластных епископу землях. Даже в области внешней политики они вели собственные междоусобные войны, самостоятельно заключали мирные соглашения с другими фамилиями или коммунами[36].

Фаини относил род Убальдини к «кочующей знати», перемещающейся между городом и своими владениями в его окрестностях. До 1119 г. они посещали Флоренцию, но с этого времени род концентрировался только в своих землях в Муджелло и в горных рокках. С XII в. началось непрерывное и усиливающееся соперничество этой фамилии с Флоренцией. К 50—60 гг. XII в., когда возникло отчетливое различие между городскими нобилями и теми, кто прочно укоренился в сельской округе, Убаль-

---

XIII в. отмечал: «В это время граф Уголино, будучи синьором Пизы, из-за дурного правления, которое он осуществлял, вызвал ярость народную и поднял силу архиепископа из Убальдини, был схвачен с великим шумом и криками. "Держи!", "Держи!", и помещен в тюрьму, и там вместе с сыновьями и внуками был заморен голодом». См.: Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 132.

[34] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). C. 180, 242; *Ubaldini G.B.* Storia della casa degli Ubaldini. P. 6. Он писал: «Сыновья синьоров делла Пила (одна из ветвей Убальдини) держали юрисдикцию над многими церквями и монастырями». Убальдини затем неоднократно возвращался к сюжету связи его рода с церковными структурами, в частности, к патронату над основанными ими монастырями (Ibid. P. 38). О живучести рода Убальдини в Тоскане, о постоянной способности к экспансии в Муджелло благодаря связи рода с главами церковных институтов см.: *Collavini S.M.* I signori rurali in Italia centrale (secoli XII—metà XIV): profilo sociale e forme di interazione // Les pouvoirs territoriaux en Italie centrale et dans le sud de la France. Hiérarchies, institutions et langages (XIIe—XIVe siècle): études comparées Moyen Âge. Mélanges de l' École française de Rome. 123-2. 2011. P. 301—318.

[35] О положении земель, находящихся под управлением епископа, см. также: *Dameron G.W.* Episcopal Power and Florentine Society. P. 98—101. Согласно давней традиции Подеста назначались епископом из представителей городской знати, главным образом из родов Виздомини и Тозинги. Убальдино делла Пила активно пытался занять место Виздомини в войске епископа. В 1240 г., после серии мятежей населения Борго Сан Лоренцо, недовольного злоупотреблениями и враждой Виздомини и Тозинги, Убальдино делла Пила сумел умиротворить жителей бурга. См.: *Faini E.* Firenze nell'età romanica. P. 183.

[36] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 219.

дини активно противостояли коммуне уже почти 40 лет[37]. Исследователи не сообщают никаких сведений относительно постоянной резиденции этого рода в городе, в отличие от историка дома Убальдини. Интересно, что и он одной фразой выразил положение своего рода, не подвергшегося урбанизации: Убальдини «были более к синьориальной, нежели к городской жизни расположены» (*piu alla signorile, che alla vita cittadina si vedevan disposti*)[38]. Вместе с тем историк рода изо всех сил тщился доказать, что его предки изначально обитали во Флоренции, и ради этой цели он с некоторой бесцеремонностью интерпретировал отсутствие соответствующей информации о древних фамилиях, проживавших во Флоренции, в хронике Джованни Виллани[39], объясняя это либо «забывчивостью» хрониста, либо тем, что он был гвельфом, и сознательно не пожелал вспомнить о вождях противной партии[40]. И в этом случае Джован Баттиста Убальдини снова обратился к «Флорентийской истории» Р. Малиспини, который, характеризуя расселение древних фамилий в городском пространстве, единожды упомянул о домах Убальдини и Аголанти в приходе Санта Мария Маджоре[41]. В доказательство Убальдини привел текст Привилегии, дарованной его фамилии императором в 1175 г., но в нем не упоминалось о Флоренции, а лишь о синьориальных владениях рода в Муджелло в Альпах и Апеннинах[42]. Далее будут приведены свидетельства, что некоторые представители дома обитали в городе после 1260 г., во время гибеллинского режима, а окончательно, возможно, за редчайшими исключениями, их не стало там после принятия «Установлений справедливости».

Противостояние рода Убальдини и коммуны было давним: уже в XII в. оно подтверждалось данными ранних хроник. Здесь уже приводилась аннотация, датированная 1192 г., о том, что «во Флоренции было принято постановление, требующее, чтобы графы Гвиди, графы Альберти, графы Капрайя, графы да Чертальдо, Убальдини <...>, и другие нобили, подобно горожанам пребывали не менее 4-х месяцев в году в городе Флоренции»[43]. Республика таким образом пыталась урбанизировать крупные и могущественные феодальные кланы, в том числе об-

[37] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 218. Альбиццо ди Аццо Убальдини посещал город в 1046 и в 1073 г., следуя за двором графов Гвиди, вассалом которых он являлся (Ibid. P. 149). Согласно обнаруженным Э. Фаини документам, В 1119 г. в городе пребывал Уголино Убальдини, внук Аццо ди Убальдино (P. 152).

[38] *Ubaldini G.B.* Storia della casa degli Ubaldini. P. 4.

[39] *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 10, 11, 12, 13, 14.

[40] *Ubaldini G.B.* Storia della casa degli Ubaldini. P. 13.

[41] *Malispini R.* Storia fiorentina. LII. P. 140.

[42] *Ubaldini G.B.* Storia della casa de gli Ubaldini. P. 14—16.

[43] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 110.

ладавшие графскими титулами, чтобы постоянно держать их под контролем, но Э. Фаини не обнаружил в документах следов пребывания в городе членов фамилии Убальдини после 1119 г.

С конца XIII в. автор анонимной хроники упоминал фамилию Убальдини только среди самых старых и знатных родов, сохраняющих суверенитет в контадо: Убальдино делла Пила Убальдини (1210—1289)[44] помещался в его аннотации рядом с графом Гвидо Новелло из рода Гвиди и владетельным синьором мессером Риньери делла Фаджола[45]. В качестве причин успешного противостояния рода урбанизации можно считать наличие у его представителей крупных комплексов земель и замков за пределами флорентийского контадо, в Тоскане и Романье: они сумели удержать 14 труднодоступных крепостей в Альпах, которые позволяли им грабить на торговых путях и совершать захватнические набеги на соседних владетелей и находящиеся поблизости городские коммуны. Род продолжал сохранять свою изначальную природу, ведя образ жизни воинственного и разбойного феодального рыцарства. Наконец, огромную роль играла партийная ориентация: как Флоренция гордилась постоянной верностью гвельфской идее, являясь главным ее оплотом в Тоскане, так и Убальдини были не просто гибеллинами, но не менее века вождями всех тосканских приверженцев этой партии[46].

---

[44] *Данте.* Божественная комедия. Чистилище. XXIV. 28—30. Данте повествовал о встрече с ним в Чистилище. См.: *Ubaldini G.B.* Storia della casa degli Ubaldini. P. 39. Согласно данным этого историка, род Убальдини, видимо, к концу XII в. разделился на 4 ветви: Убальдини делла Пила (владения которых, в основном концентрировались в Муджелло), Убальдини да Колдина, Убальдини да Сенни (Сеньи), Убальдини да Гальяно. Убальдино делла Пила стал возглавлять консортерию, видимо, с 1235 г., после смерти отца и старшего брата. После победы гибеллинов при Монтеаперти (1260 г.) Убальдино и его племянник Уголино, признанные полноправными синьорами в своих владенниях, вошли в городские Советы Флоренции. После чего Убальдино правил домом еще в течение 10 лет, опираясь на кардинала Оттавиано. В 1273 г. он несколько месяцев оказывал гостеприимство в своем замке Скарперия папе Григорию X, который пребывал там вместе с коллегией кардиналов. Его имя, как и имена сыновей фигурировали в важных актах, например, в акте «Мир кардинала Латино»в 1280 г. Одним из его 6 сыновей являлся Руджери, архиепископ Пизы, другой сын Скьятта Убальдини с 1295 по 1299 гг. был епископом Болоньи.

[45] Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 137. В аннотации под датой 1291 г. аноним перечислил этих выдающихся людей, среди тех, которые умерли в марте этого года.

[46] *Villani M.* Cronica. Libro I. Cap. LXXIV. P. 89. Хронист в осуждающем тоне описывал их попытку совершить гибеллинский переворот в крепости Читта ди Кастелло в контадо Флоренции: «По злокозненному замыслу Убальдини, которые в ярости сожгли и порвали сумы с их (гвельфов) именами..». Он же показывал, как в начале 50-х гг. XIV в. Убальдини среди другой феодальной знати возглавили съезд фамилий гибеллинской ориентации в Милане. См.: *Villani M.* Cronica. Libro II. Cap. IV. P. 122—123; Libro II. Cap. XV. P. 134—135; Libro II. Cap. LIV. P. 179; Libro II. Cap. LXIX. P. 195.

В 1293 г. оставшиеся в самом городе и контадо Флоренции после 1260 г. представители дома Убальдини были объявлены грандами[47]. В XIV в. все их владения в округе Флоренции оказались конфискованы, зависимые люди освобождены, многие укрепления начисто снесены, и тем не менее, поколения хронистов, авторов мемуаров и домашних хроник на вопрос «Кто из синьоров является главным врагом республики?» без колебаний отвечали, прежде всего, «Убальдини». Передавая сведения о событиях XIII в., граждане проклинали кардинала Оттавиано дельи Убальдини (после 1210—1272/1273)[48], одного из предводителей клана из ветви делла Пила, признанного вождя гибеллинизма в масштабах всей Италии, несмотря на его высокий церковный сан. Конструирование образа врага, возможно, началось с Данте, который поместил его в Ад как эпикурейца рядом с императором Фридрихом II[49]. Но этот образ уже в полной мере сложился в сознании Джованни Морелли в первой половине XV в. Упоминая об Оттавиано дельи Убальдини как о синьоре Муджелло, откуда происходила его семья, он был вынужден признать его заслуги в качестве владетельного хозяина, хотя и выходца из ненавистного ему рода, но очень многое сделавшего для процветания Муджелло, построив там, помимо крепости, множество домов и разбив сады. Но Морелли характеризовал личность этого представителя клана Убальдини в резко негативных тонах: «Оттавиано Убальдини, нравом надменный и подобный тирану, высокомерный и чрезвычайно амбициозный по своей сути...»[50]. Представления о нем как о враге сохранялась и у хронистов более поздних поколений.

Дино Компаньи в начале XIV в., как гражданин коммуны, противопоставлял агрессивность, преступность и склонность к насилию у знатных людей, обитающих в замках и селах, «цивилизованному» городскому обществу: «Они любят раздоры больше, чем мир, а Флоренции подчиняются более из страха, чем из любви, тогда как <...> в многолюдной Флорен-

[47] Cronicchetta di Neri di Alfieri di Strinato di Ramingo degli Strinati. P. 65. Стринати перечислял следующих представителей этой семьи: «Из дома Убальдини — Делла Пила, Монте Аччанико и Деченно; сыновья и внуки мессера Аттавиано; Риньери и внуки да Гальяно дельи Убальдини»

[48] *Compagni D.* Cronica. II. 30. Он писал о том, что кардинал укрепил крепость Монтеаччанико, возведя вокруг нее тройное кольцо стен.

[49] *Данте.* Божественная комедия. Ад. X. 118—120.

[50] *Morelli G.* Ricordi. 39a. P. 127—130. Джованни Морелли указывал, что кардинал Убальдини был настолько порочен, что после его смерти решили больше не выбирать кардиналов из этого рода из-за их капризных манер, чрезвычайной гордости и надменности, отличающей представителей этого дома. Амбициозный кардинал в июле 1258 г. был причастен к гибеллинскому заговору во Флоренции, направленному к изменению коммунального правления. Заговор был раскрыт, многие представители домов Уберти и Инфангати сложили головы под топором палача, а большая часть заговорщиков бежали в Сиену. См.: *Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 31—32.

ции все горожане имеют добрые нравы»[51]. Он мог отнести к сообществу синьоров и этот дом. Джованни Виллани последовательно представлял членов рода Убальдини политическими врагами республики, т.е. как гибеллинов и тех, которые «всегда поддерживали заговоры внутри Флоренции». Хронист гордился тем, что внес свою лепту в борьбу с этим кланом в 1332 г., участвуя в основании новой крепости Фиренцуолы[52], которая проектировалась для защиты земель контадо Флоренции и проживающих там вилланов «от подчинения и рабства у этого семейства»[53]. Брат хрониста Маттео Виллани также подчеркивал, что замки Убальдини становились убежищем и центром скопления заговорщиков, изгнанников и всех, кто считал себя врагами коммуны Флоренции. Убальдини принимали политических изгнанников коммуны: «В году от Христа 1348 пребывали Убальдини в мире, но извратили они доверие нашей коммуны, вверившей им альпийские крепости, начали они принимать изгнанников коммуны Флоренции и вместе с ними вступили в Муджелло, грабя дома, убивая людей и собираясь в Альпах для разбоев»[54].

От укрепившихся в Альпах и Апеннинах Убальдини исходила вечная опасность грабежа купцов, ведущих торговлю через Альпы. В 70-е гг. XIV в. Убальдини усилили и усовершенствовали тактику разбойных нападений на дорогах[55], и с помощью флорентийских изгнанников, нашедших у них приют, старались представить их как дело рук граждан флорентийской республики[56]. Коммуна прибегла к обычной в этих случаях практике: 9 декабря 1372 г. был составлен список членов фамилии Убальдини и объявлена награда в 1000 золотых флоринов за голову каждого поименованного в реестре[57]. Разумная стратегия раска-

[51] *Compagni D.* Cronaca. I. 1. P. 30.

[52] Судя по записям разных хронистов, крепость переходила из рук в руки: *Stefani M.* Rubr. 548. C. 192. Стефани указывал, что в 1342 г. Убальдини захватили Фиренцуолу.

[53] *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 47. С. 164; VI. 80, 81. С. 187—188; X. 202. С. 341—342; XI. 118. С. 383. Описывая войны с Убальдини в середине XIII в., Дж. Виллани указывал: именно Убальдини после 1260 г. требовали разрушить Флоренцию и расселить по разным местам ее жителей, «чтобы и память о ее былой славе и владениях развеялась».

[54] *Villani M.* Cronica. Libro I. Cap. XXIII. P. 30.

[55] Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389. P. 300. Хронист писал, что 7 мая 1373 г. был захвачен один из членов дома Убальдини, который «сознался в том, что он сделал засаду, убил и ограбил многих купцов. Его звали Гульельмо Тедеско по прозвищу *Medico*. Его волочили за ноги, а потом подвесили».

[56] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 639. P. 233. Стефани указывал, что в 1349 г. Убальдини особенно интенсивно занимались грабежами на путях между Болоньей и Флоренцией, сваливая вину на флорентийских купцов, которые из-за этого «были очень плохо приняты в Германии и в Ломбардии, и оправдаться им удалось с большим трудом».

[57] Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389. P. 299.

лывания клана изнутри[58] привела к тому, что награда не заставила себя ждать: 12 февраля 1372 г. или (1373 г.) «явился некто из Убальдини во Флоренцию, чтобы продать коз. По соглашению с Коммуной он получил 2500 флоринов золотом и также многое другое». Анонимный автор дневника одобрял премию: «Это было сделано предусмотрительно»[59].

Не ограничиваясь разбойными засадами, вооруженные члены клана постоянно совершали набеги на контадо Флоренции, особенно в тех случаях, когда республика ослабевала вследствие внутриполитических раздоров или войны с каким-либо могущественным врагом. Донато Веллути не преминул заметить в «Домашней хронике», что в начале 60-х гг., когда началась война коммуны с миланским герцогом Бернабо Висконти, Убальдини сразу же разорвали очередной мир с Флоренцией, вторглись в ее земли, захватив Фиренцуолу и ряд других ее крепостей; «заключили соглашение с Убертини и другими гибеллинами, побудив их тоже нарушить мир и взяться за оружие»[60]. В 1370—1375 гг. Убальдини восстали, воспользовавшись внутренней враждой между кланами Риччи и Альбицци, между противниками политики террора со стороны гвельфской партии и архигвельфами, а также войной коммуны со Св. престолом из-за попыток расширения территории папского государства[61]. С большим трудом городу удалось усмирить этот клан, разделив его изнутри с помощью подкупов и раздувания вражды между его представителями. Но события 70-х гг., завершившиеся разрушением многих крепостей в Альпах и еще одним актом освобождения зависимых, принадлежащих этому семейству, были лишь очередным этапом в нескончаемой череде подобных. Уже в 80-е гг. XIV в., когда Убальдини оправились от поражения, набеги на контадо Флоренции возобновились под руководством нового предводителя — Джованни д'Аццо дельи Убальдини, «ярого врага коммуны», искавшего союза с миланским

[58] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 739. P. 286. Об этих же событиях см.: *Morelli G.* Ricordi. 39a. P. 127—128. Из современных авторов, см.: *Jones P.* Comuni e Signorie. P. 121.

[59] Diario d' anonimo fiorentino. P. 300. Анонимный автор ошибся в дате: некто из Убальдини явился во Флоренцию продавать коз не 9 февраля, а 9 января. Советы, утвердившие решение о награде, состоялись 20 и 22 января. См.: *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 739. P. 286.

[60] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 193—194. Он указывал на то, что к 1300 г. этот род продолжал оставаться непокорным коммуне в то время как все другие синьоры контадо уже служили Флоренции или уплачивали в коммунальную казну налоги и особые поборы за освобождение от непосредственного участия в ее военных операциях, а должностные лица республики выступали посредниками между этими феодалами и их зависимыми крестьянами и арендаторами, ограждая права последних от всяческого произвола. См.: Ibid. P. 135. О том же: *Villani M.* Op. cit. Libro II. Cap. LXIX. P. 195. Подробно о перипетиях борьбы с родом Убальдини в XIV в. см.: *Salvemini G.* La dignità cavalleresca. P. 118.

[61] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 739. P. 286.

герцогом Джангалеаццо Висконти и поступившего к нему на службу, имея под своим началом 6000 всадников в составе хорошо вооруженной кавалерии герцога, чтобы вместе сражаться против Флоренции. Известие об этом в ноябре 1387 г. вызвало в республике утверждение ряда мобилизационных мероприятий[62]. Автор анонимного «Диарио» писал об этих мерах: смотр войск, учет всех арбалетчиков и пехотинцев, Совет народа назначил капитаном всадников Ванни ди Микеле Кастеллани, а капитаном арбалетчиков Нанни дель Бонека де' Росси[63].

Еще одной чертой образа врага в лице Убальдини являлась их репутация коварных союзников. Республика, как и с другими кланами феодальных владетелей, не только воевала с домом Убальдини, но время от времени была вынуждена заключать с ними мир. Однако мир с Убальдини (например, заключенный в 1349 г. с Магинардо да Сузинана, признанным предводителем клáна в середине XIV в.) почти всегда являлся непрочным и кратковременным: М. Виллани часто характеризовал Убальдини как «ненадежных союзников»[64]. Уже в 1350 г. Донато Веллути был послан флорентийской Синьорией с объединительной миссией, чтобы призвать все близлежащие коммуны «встать вместе с нами и свергнуть это гнездо людей из дома Убальдини, гибеллинов и наших общих врагов». Эти сведения полностью подтверждались соответствующими аннотациями Маттео Виллани: «Убальдини, каковые в те вре-

[62] Cronica volgare di anonimo fiorentino dell'anno 1358 al 1409, attribuita a Piero di Giovanni Minerbetti / Pref. di D.M. Manni // Rerum Italicarum Scriptores. Cittá di Castello, 1915. Vol. XXVII. P. 24, 75—77. Этот анонимный автор сообщал, что граждане Флоренции натерпелись великого страха в 1387 г., ожидая вторжения этих сил. Были приняты экстраординарные меры: начали эвакуацию жителей контадо, приказав им в пятидневный срок увезти в крепости весь скарб и запасы продовольствия, а в городе усилили полномочия особой коллегии «8 Войны». О том же писал еще один анонимный диарист, указывая, что в ноябре 1387 г. Джованни д' Аццо дельи Убальдини с капралами был принят на службу к графу Вирту и направлен в земли Тосканы и в контадо Флоренции, и «поскольку Джованни Убальдини был злостным врагом коммуны, во Флоренции угнездился великий страх». См.: Diario d' anonimo fiorentino (1382—1401). 28. P. 75—76.

[63] Diario d' anonimo fiorentino (1382—1401). 29. P. 76—77.

[64] *Villani M.* Op. cit. Libro II. Cap. IV. P. 122—123; Libro II. Cap. XXIII. P. 144—145. Маттео писал, что уже в 1351 г. Убальдини, выступив на стороне архиепископа Миланского, взяли и сожгли Фиренцуолу и отняли Монтеколлорето, коварно обманув назначанного коммуной коменданта «Пополано де' Чуриани из Флоренции, молодого человека, мало искушенного в хитростях войны». О еще более ранних несоблюдениях мирных соглашений с коммуной (1308) писали Джованни Виллани (*Villani M.* Op. cit. Libro II. Cap. VI. P. 124—125) и Маркьонне Стефани (*Stefani M.* Cronaca. Rubr. 266. C. 101—102). Стефани указывал, что в 1308 г. Убальдини, наблюдая перевес гвельфов в Тоскане, «снова пошли под руку флорентийцев», заключив мир, за который коммуна заплатила 20000 флоринов, и поклявшись «быть друзьями народа и коммуны Флоренции».

мена становились предводителями врагов и вели войны против нашей коммуны <...> на расстоянии более 6 миль опустошили наше контадо к ущербу и позору для нашей коммуны...»[65].

Образ врага акцентировался «показательной» жестокостью, с какой коммуна обращалась с представителями этого рода, попавшими к ней в руки. Захваченного в плен 5 мая 1373 г. Майнардо да Сузинана дельи Убальдини, имевшего высокую репутацию среди членов его клана, с варварской торжественностью и нарочитым зверством казнили во Флоренции 1 июня 1373 г., отрубив ему голову на стене Палаццо Капитана народа, в присутствии также и Подеста. Казнь совершилась, несмотря на то что Капитан народа и Экзекутор «Установлений справедливости» не находили каких-либо законных оснований для такой расправы и упорно отказываясь ее санкционировать[66]. Резюмируя свои аннотации по поводу этой казни, автор анонимного дневника провозглашал: «Так получил он свое», одобряя тем самым политику коммуны. Что же касается амнистии, то на членов семьи Убальдини она если и рапространялась, то в последнюю очередь[67].

На другом полюсе формирования образа врага концентрировалось содержание концепта «справедливая война» под пером хронистов Виллани, Маркьонне Стефани и анонимов. Джованни Морелли, составлявший свои *Ricordi* в начале XV в., считал войны против Убальдини «благим и полезным для государства делом». Весь пафос его коммунального патриотизма сосредоточен как раз вокруг эпизодов противостояния этому семейству: «С помощью и благословения нашей Коммуны, которая сумела благодаря своему прекрасному усердию разбить тиранов Убальдини, врагов и грабителей всех гвельфов и государства Флоренции!». Он гордился тем, что «граждане наши никогда не соглашались на многие обещания и великие дары, которыми пытались совратить их Убальдини <...>, но всег-

[65] *Villani M.* Op. cit. Libro II. Cap. LIV. P. 179. В этой аннотации Маттео осуждал коммуну за то, что она нерационально распорядилась разрушить мелкие крепости в контадо, которые могли бы противостоять тем же Убальдини.

[66] Diario d' anonimo dall' anno 1358 al 1389. P. 300. Аноним писал о том, что коммуна выставила целый список членов фамилии Убальдини, за голову каждого из них было предписано немедленно выдавать из казны 1000 золотых флоринов. См.: *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 739. P. 286. Стефани писал, что вновь избранные Капитан народа и Экзекутор не желали исполнять сентенцию, вынесенную Магинардо из-за отсутствия законных оснований: он не был захвачен на земле Флоренции, но приведен туда силой. Приговор вынес Подеста мессер Джованни да Ронкофредо, по словам Стефани, «не отличавшийся столь тонкой щепетильностью».

[67] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 904. P. 397. Автор сообщал: широкая амнистия была проведена в феврале 1382 г., когда в город вернулись изгнанники 1378—1382 гг., но он оговорил, что она не распространялась на должников частных лиц и нескольких представителей семьи Убальдини, находящихся во флорентийской тюрьме Стинке.

да боролись против них...». К принципам коммунальной идентичности примешивалась и доля личных счетов. Ведь ядро земельных владений семьи Морелли располагалось в Муджелло, на отвоевание которого представители феодального рода претендовали целых два столетия.

Используя распространенный топос, всякую победу коммуны против этого клана Джованни Морелли обосновывал вмешательством Божественного провидения, которое неизменно выступало на стороне флорентийцев. Его воодушевление, отчасти объяснимое опасением за судьбу своих земельных участков и загородных вилл, проявлялось в том, что он не называл представителей этого клана иначе как «тираны Альп и Муджелло», «воровская банда, которой никогда не хватало награбленного добра». Как и анонимный автор, его современник, он считал посягательства Убальдини очень большой, если не главной опасностью в 90-е гг. XIV в., во время войны с Джангалеаццо Висконти: «Проклятое семя Убальдини выступило против Флоренции в союзе с миланским герцогом». В то же самое время Морелли демонстрировал весьма положительное отношение к представителям древней знати контадо, которые подчинились коммуне: «нобили и благородные люди», «владельцы хороших и почитаемых крепостей, предоставляющие по своему долгу приют крестьянам»[68]. «Истории» Джованни Кавальканти подтверждали, что осознание легитимности «справедливой борьбы» против этого феодального рода наполняло сердца флорентийцев в 20—30-е гг. XV в. законной гордостью. В публичных речах, приводимых хронистами, ссылки на нее становятся почти общим местом: «Ваши предки укрощали гордость и тиранические амбиции, которыми угрожали народу Флоренции Убальдини»[69]. При этом Кавальканти разделял приводимые оценки, хотя сам, считая себя потомком очень знатного и древнего рода, был не прочь порассуждать о неблагодарности коммуны, проявляемой в отношении представителей нобильской знати, таких, например, как Фарината дельи Уберти. Но если речь заходила об Убальдини, он проявлял солидарность с формулами, в которых обычно выражался пафос коммунального патриотизма.

Из всего вышесказанного можно заключить, что фамилия Убальдини — феодальный клан, происходивший из окрестностей Флоренции, — приобрела особый смысл в оценках граждан республики на Арно по вполне объяснимым причинам: они избежали урбанизации, являлись непокорившимися грандами, вождями тосканских гибеллинов, веками не прекращавшими борьбу против Флоренции. Именно эта фамилия стала символом осуждения мира феодальных синьоров с его неотъемлемыми атрибутами: владением разбойными замками и кре-

[68] *Morelli G.* Ricordi. 34b. P. 95; 35a. P. 97; 38a—38b. P. 123—124, 125—127.
[69] *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. V. I. P. 218.

постями, наличием крупных вооруженных отрядов и банд вассалов, угнетением лично зависимых крестьян, которых коммуна охотно освобождала, чтобы в дальнейшем поставить в зависимость от себя. Вместе с проклятиями в адрес этой фамилии подвергался анафеме и *modus vivendi* феодальной знати — воинственность и агрессивность, занятия разбоем и грабежами, приверженность обычаям родового права с их обязательной кровной местью — элементы, послужившие клишированными блоками для конструирования образа врага. Можно предположить, что эти речевые формулы, наполненные осуждением, в XIV—XV вв. в какой-то мере становились топосом, связанным с укоренением в коллективном сознании уже идеологизированной модели, архетипа врага. Одни и те же авторы могли «не замечать» подобных признаков у других феодальных владетелей, находящихся в непосредственной близости от Флоренции, но не являющихся членами одиозного семейства Убальдини и не представлявшими в XIII—XIV вв. по отношению к коммуне Флоренции внешнюю и враждебную силу.

§ 2. Два городских нобиля из рода Донати: разные образы восприятия

Социальное противостояние между грандами и пополанами в течение второй половины XIII в. в некоторые периоды заслонялось межпартийными распрями гвельфов и гибеллинов, в полной мере заявив о себе только в 90-е гг. XIII в. После решительной победы пополанов, принявших «Установления справедливости», несмирившиеся гранды в 1295 г. выступили с оружием в руках с целью уничтожения этого законодательства. Но полностью вернуть утраченные позиции им не удалось. На рубеже веков снова преобладали фракционные противоречия черных и белых гвельфов. Однако антагонизмы нобилей и пополанов время от времени проступали из-под перипетий борьбы черных и белых в тех случаях, когда их вражда особенно обострялась. Архетипом городского гранда в начале XIV в. стал Корсо Донати, главный предводитель знати черных гвельфов, убитый при подавлении организованного им же антиправительственного заговора.

В восприятии флорентийских граждан противоречивая ситуация, выражающая основной социальный антагонизм, явила себя в дуализме конструирования образов грандов и рыцарей, бытующих в коммунальном социуме. Гранды, как было сказано выше, являлись неотъемлемой частью мира гвельфской коммуны, и потребность в них способствовала созданию образа «доброго нобиля» — доблестного рыцаря, умелого

полководца, способного и дельного администратора в качестве чужеземного ректора.

С другой стороны, согласно точке зрения Андреа Дзорци, последствием установившегося в 1293 г. пополанского режима стало складывание идеологического мифа о «дурном магнате, насильнике и наглеце»[70]. Достаточно открыть любую хронику XIV в., чтобы убедиться в том, что насилия, беззакония, стремительно вспыхивающие вооруженные конфликты флорентийские писатели связывали в первую очередь с грандами. Дино Компаньи, например, отмечал, что после победы флорентийского войска при Кампальдино «возгордившиеся гранды-горожане чинили много несправедливостей пополанам, избивали их и устраивали иные насилия», что, по его мнению, и стало причиной принятия «Установлений справедливости»[71]. Насколько оправданы указанные обвинения?

В XIII—XIV вв. подоплекой разных форм социально-политической борьбы являлось противостояние могущественных семейных клановконсортерий, часто опирающихся на собственные укрепления внутри города и вооруженные отряды численностью до нескольких десятков человек, состоящие из родственников, клиентов, вассалов, связанных с данной фамилией. Хронист Симоне делла Тоза указывал, какие силы могли мобилизовать нобильские кланы: «1304. И в этом году случилось во Флоренции великое волнение из-за мессера Россо делла Тоза и епископа Лоттьери делла Тоза. Епископ вооружился, сделал небольшую баллисту (манганелла), и помост, и выступил с 400-и своих сторонников, и так они действовали несколько дней»[72]. Неудивительно, что распри выражались в вооруженных столкновениях, подобных гражданским войнам.

Авторы анналов и хронисты показывали, как процветали в XIII в. беззаконие и самоуправство. Рикордано Малиспини к 1258 г. относил историю о том, как гибеллины из дома Уберти решили сокрушить народ Флоренции, ведя войну против всего городского сообщества. Попытки Подеста их арестовать кончились тем, что «люди Подеста жестоко от них потерпели», по каковой причине «народ впал в ярость, и с оружием бросился в дома Уберти <...> и было убито множество их домочадцев и вассалов»[73]. Компаньи свидетельствовал о мгновенной готовности поднять оружие и устроить схватку, переходящую в ярост-

[70] *Zorzi A.* Politica e giustizia. P.136; *Faini E.* Il convito del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino. P. 9—36. Фаини показывает, как объектом такого мифа стал гранд Буондельмонте Буондельмонти, из-за убийства которого на пасху 1216 г., якобы, во Флоренции началось разделение на гвельфов и гибеллинов.

[71] *Compagni D.* Cronica. I, 11. P. 45—46.

[72] *Della Tosa S.* Annali. P. 158.

[73] *Malispini R.* Cronica. CLX. P. 146—147; О том же: *Виллани Дж.* Новая хроника.VI. С. 74.

ное столкновение, своего рода гражданскую войну. После неудачной миссии кардинала Латино (1280) «так разъярены были души, что люди вооружились и стали оскорблять друг друга, имея больше стремления к вендеттам, нежели к примирению, <...> воры публично бросались в огонь, чтобы грабить и выносить»[74]. Он же показывал, как мгновенно вспыхнула ссора, переросшая в вооруженную стычку между Черки и Донати, не посчитавшимися с тем, что дело происходило на похоронах, причем в ход пошли клинки, дротики, копья, камни. В этих случаях не признавали даже увещевания лиц, облаченных высоким церковным саном: по прибытии кардинала д'Акваспарта с целью примирения Черки и Донати кто-то из балестры метнул стрелу в окно епископата, чтобы убить кардинала[75].

В приведенных фрагментах неслучайно встречается имя Донати, как зачинщиков и активных участников распрей. К представителям этой фамилии в полной мере относились концепты «городские нобили» (*nobili cittadini*) и «городские рыцари», ибо Донати принадлежали к синьориальной знати древнего происхождения, находясь в родстве с графскими родами[76]. В середине XII в. от них отделилась и основала самостоятельную консортерию ветвь Пацци. Владения Донати в контадо находились вблизи города, в зоне верхнего Вальдарно, в Вальдисиеве. В то же время они принадлежали к консульской знати, обитающей внутри городских стен уже в XI—XII вв. В первой половине XIII в. род обладал значительной земельной собственностью внутри города, в сестьере Ворот Сан Пьеро.

Донати очень рано стали не просто гвельфами, но во второй половине XIII в. — непримиримыми вождями гвельфизма, разделив со своими сторонниками все последствия гвельфской воинственности: изгнание после поражения при Монтаперти (1260 г.), и ущерб, причиненный недвижимости вследствие гибеллинских конфискаций. В сорокалетний период, с 1267 г., после возвращения во Флоренцию из изгнания, по 1308 г., Донати достигли пика своей политической активности: часто занимали публичные и военные должности, имели авторитет в Советах народа и коммуны, их брачные стратегии были

[74] *Compagni D.* Cronica. III. 8. P. 150—151. «В городе образовалось несколько группировок, сражавшихся между собой много дней <...> Из-за этой распри и гражданской войны в городе и контадо случилось много убийств, пожаров и грабежей, ибо во Флоренции царили расстройство и беспорядок, должностные лица были беспомощны и свое право диктовал сильнейший» // *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 68. С. 253—254.

[75] *Compagni D.* Cronica. I. 20—21. P. 63—67. О том же см.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 41. С. 236.

[76] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 336. Они породнились в 1176 г. с графским родом Беллинчоне Берти деи Равиньяни.

нацелены на дальнейший социально-политический подъем и приращение имущества. Они обладали признанным авторитетом среди высших слоев и «тощего» народа, несмотря на включение всех членов фамилии в списки магнатов. С. Раведжи особо подчеркивал, что их административно-публичная деятельность преобладала над военными функциями, за исключением Корсо Донати[77]. Донати играли ключевую роль в противостоянии фракций черных и белых, а также в последующих политических событиях, привлекая внимание современников и оставшись в исторической памяти потомков, невзирая на полярность оценок. Наиболее выдающимися членами этого рода в указанный период стали кавалеры Симоне Донати, но еще более — его сын Корсо ди Симоне.

Острота противостояния между грандами и пополанами и напряжение партийных противоречий в конце XIII—начале XIV в. выразились в создании персонифицированного образа, который можно условно считать архетипом гранда, и в более широком смысле — городского нобиля[78]. Такой фигурой, величественной, преступной и трагической одновременно, явился Корсо ди Симоне Донати (1250—1308), в оценках персоны которого преобладала двойственность суждений современников и потомков.

С одной стороны, конструировался образ незаурядной и сильной личности, способной на великие дела, доблестного и храброго рыцаря, коему воздавал должное даже его противник по политической фракции Дино Компаньи. В своей хронике он не жалел эпитетов для обозначения достоинств оппонента: «рыцарь великого духа, благородного происхождения и обычаев», «красив телом вплоть до старости и изящного сложения», «прекрасный оратор», «милосердный и мудрый», «склоняющийся к великим деяниям», «состоящий в дружбе с великими синьорами и известный всей Италии».

По мнению хрониста, в 1303 г., когда внутри победившей партии черных начались раздоры и борьба за власть между Россо делла Тоза и Корсо Донати, последний «держал себе более достойно», нежели его противники, но, являясь «доблестным кавалером», был неудовлетворен своим положением в городе, желая «вознести себя и своих последователей». Компаньи полагал, что «смелость духа» Корсо препятствовала ему действовать методом мелких интриг[79]. Этот хронист не упускал случая выразить свое восхищение кавалером, по вине которого его партия Бе-

[77] *Raveggi S.* I Rettori fioretini. P. 641. «Блистанием в военной сфере», по мнению этого автора, отличались Корсо Донати и Биндо Баскьера делла Тоза.

[78] Эту дефиницию использовал хронист Дино Компаньи в отношении Бонаккорсо дельи Адимари. См.: *Compagni D.* Cronica. I. 3. P. 33.

[79] *Compagni D.* Cronica. I. 10. P. 43; I. 16. P. 54; I. 20. P. 61 ; II. 18. P. 106; II. 20. P. 109—110; II. 34. P. 131—132; III. 19. P. 171; III. 21. P. 175.

лых потерпела поражение в 1301 г. Один из анонимов второй половины XIV в., повествуя о гибели Корсо Донати, изгнанного из города «за его надменность», также подчеркивал черты незаурядности: «Это был великий гражданин, который считался во Флоренции самым мудрым и прекрасным оратором»[80]. Оценки Виллани, уже достигшего возраста зрелости к началу противостояния черных и белых, отчасти совпадали с суждениями Компаньи. Он характеризовал Корсо Донати, как «одного из самых знатных и могущественных граждан Флоренции»[81].

Что стоит за этим образом рыцаря, способного на великие дела? Корсо Донати действительно являлся «человеком власти», авторитет которого был ценим далеко за пределами города на Арно. С 1283 по 1308 гг. он 11 раз призывался ректором, почти всегда в важные центры, преимущественно в эмилиано-венетском регионе. Он исполнял в Болонье (престижный пункт назначения) должность Подеста в 1283 г. и в 1288 гг., там же — Капитана народа в 1285 и 1293 гг. Он избирался подеста в Падуе в 1287 г., в Пистойе в 1289 г., в Парме в 1294, в Тревизо в 1308 г. Видимо, благодаря его добрым отношениям с Бонифацием VIII, он был призван Подеста в Орвьето в 1299 г., а затем на должность понтификального ректора в Масса Трабариа в 1300 г.[82]

О высокой репутации Корсо Донати, как правителя и администратора, свидетельствуют парадоксальные ситуации, связанные с его избранием на должность иноземного ректора. В феврале 1293 г. Корсо Донати, о котором уже тогда говорили, как о вожде флорентийских магнатов и враге пополанов, был приглашен коммуной Болоньей в качестве Капитана народа. С. Раведжи отмечал, что ему «мало понятно, как суровый противник народа Корсо Донати был избран капитаном болоньезских пополанов, не испытав никаких препятствий в достижении и исполнении этой должности»[83]. Более того, Корсо принял приглашение на этот пост, изъявляя глубокую благодарность и почтение, но выдвинул определенные условия, требующие изменения болонских статутов[84]: на него не должны были распространяться обязательные пункты, во-первых, о том, что в свите Подеста не могли состоять его сыновья и братья, во-вторых, должны были состоять только соотечественники вновь призываемого правителя[85]. Видимо, в

[80] Cronicchetta d' incerto // Cronichette antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua toscana. Firenze, 1733. P. 174.

[81] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 8. С. 227; 39. С. 234; 49. С. 239; 68. С. 253.

[82] *Raveggi S.* I Podesta. P. 641.

[83] *Raveggi S.* I Rettori fiorentini. P. 603.

[84] Подеста, согласно статутам большинства городов, должен был исполнять свои функции в рамках действующего коммунального законодательства.

[85] Раведжи ссылался в данном случае на статью: *Papa P.* Due lettere di Corso Donati capitano a Bologna nel 1293 // Raccolta di studi critici dedicata ad Alessandro d' Ancona. Firenze, 1901. P. 367—374.

1293 г., в разгар антимагнатских гонений во Флоренции, Корсо опасался, что не найдет должного числа сограждан, чтобы сформировать многочисленную свиту, готовую последовать за ним в Болонью, и мог располагать главным образом только своими консортами. Поскольку он занял пост Капитана народа в Болонье, следует думать, что болоньезцы сделали для него исключение, отступив от собственных статутов[86]. В 1293 г. Корсо получил уже четвертое призвание на должность иноземного ректора в Болонью, поэтому очевидно — после двух предыдущих подестерий и одной капитанерии, болоньезцы так высоко оценивали его административные качества, энергию, верность гвельфской идее, не посчитавшись с тем, что он был «суперграндом»и противником народа.

Отличия на военном поприще были, судя по всему, скромнее административных талантов. В этом случае можно привести лишь один эпизод, принесший славу мессеру Корсо, — сражение при Кампальдино (июнь 1289 г.) между войсками гвельфской Флоренции и гибеллинского Ареццо. Донати командовал союзной кавалерией Пистойи и Лукки, поскольку в то время занимал пост Капитана народа в Пистойе. Согласно разработанной стратегии боя, Донати должен был вступить в сражение только после специального приказа, когда наступит подходящее время. Но видя ожесточенность сражения и тяжелые потери в рядах флорентийцев и понимая, что за это свое неподчинение он рискует быть осужденным на смерть, «он сказал, как доблестный муж: «Если мы потерпим поражение, я хочу умереть в битве вместе с моими согражданами; а если мы победим, то кто же захочет прийти к нам в Пистойю, чтобы осудить меня», и отважно повел свой отряд, и разил врагов без счета». По мнению Джованни Виллани, это стало главной причиной поражения гибеллинских войск[87]. М. Тангерони утверждал, что Донати использовал свою славу при Кампальдино для политического возвышения: «Корсо Донати, часто изменяя своим альянсам и меняя позиции, продолжал возвышаться в противовес "ослу в воротах" (так Донати называл Вьери деи Черки), используя славу Кампальдино»[88].

С другой стороны, хронисты проявляли подозрительность в отношении гранда, стремящегося возвыситься над коммунальным обществом. Эта потенциальная опасность пороков, противостоящих достоинствам, заметна в оценках Компаньи: «Кавалер, подобный римскому Катилине, но более жестокий, чем тот», «обладающий духом, склонным к злодеяниям», «враг народа и пополанов», «преисполненный коварных замыслов»,

[86] *Raveggi S.* I Rettori fiorentini. P. 603.

[87] *Villani G.* Cronica nuova.VII, 131. Компаньи гораздо более сдержанно оценивал роль Донати: «Мессер Корсо Донати ударил со своим пистойезским отрядом во фланг противника». См.: *Compagni D.* Cronica. I. 10. P. 43.

[88] *Tangheroni M.* L' esercizio delle armi nei diversi ceti sociali // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 151.

«хитрый и злой»[89]. Джованни Виллани характеризовал главу клана Донати вместе с его консортами, как «знатных и опытных в ратном деле», но в тоже время «отпетых», прозванных так «за их дурной нрав»[90]. Он полагал — «непомерное честолюбие» Корсо привело к тому, что он был объявлен мятежником и изменником без всякого судебного разбирательства, а его партия потерпела поражение[91]. Компаньи перечислял угрожающие знаки его претензий: многочисленная, до зубов вооруженная свита; насильственные методы — разбои и пожары; надменность, за которую он был прозван «Бароном»: «Когда он проходил по земле, многие кричали "Да здравствует Барон!", и казалось, что вся земля («земля» здесь в значении «государство» — *И.К.*) его...». Под пером хрониста Донати представал как гранд и последовательный враг пополанов. Он не снискал популярности у многих горожан «из-за своей презрительности» и связей с грандами, причем, в том числе некоторыми сторонниками Белых — Кавальканти, Джандонати, Торнаквинчи, Маниери, Адимари, которым он обещал аннулировать «Установления справедливости»[92]. Большинство пополанов с подозрениям относилось к воинственным замыслам и авантюрным проектам Корсо[93]. Дино Компаньи считал закономерным концом «дурную смерть» Корсо, «подло убитого чужеземным солдатом»[94].

В Корсо Донати видели возмутителя спокойствия, заговорщика, политического сектанта и нарушителя конституционного порядка, ставящего себя над коммунальными законами: обещал аннулировать «Установления справедливости», уповал «на поддержку извне вооруженных луккезцев», вел демагогическую политику среди низов: «и начал он сеять раздоры под видом справедливости и милосердия», а «народ охотно прислушивался к нему, думая, что он говорит от чистого сердца»[95]. Думается, что щедрые подачки беднякам и попытки заручиться симпатиями низов являлись также немаловажной составляющей саморепре-

---

[89] *Compagni D.* Cronica. II. 20. P. 110; II. 34. P. 132; III. 19. P. 170—172; III. 21. P. 175—176; III. 41. P. 207.

[90] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 8. С. 227; 39. С. 234; 49. С. 239; 68. С. 253.

[91] Там же. 96. С. 257—259.

[92] *Compagni D.* Cronica. II. 20. P. 109—110; III. 2. P. 136—138; 19. P. 171—172.

[93] *Raveggi S.* Donati, Corso // Dizionario Biografico degli Italiani. 1992. Vol. 41. В январе—феврале 1285 г. он требовал выступить против гибеллинской Пизы, но затем умолк, и во Флоренции пошли слухи, что это молчание пизанцы купили за крупную сумму. Затем Корсо настаивал на нападении на все крепости и замки, принадлежащие Империи, но граничащие с флорентийским государством, а также немедленно покорить военным путем те коммуны Тосканы, которые взимали дорожные пошлины с проезжих флорентийских купцов.

[94] *Compagni D.* Cronica. III. 21. P. 175—176. В октябре 1308 г. потерпевший поражение Корсо бежал в аббатство Сан Сальви, надеясь обрести спасение, но был убит наемниками Россо делла Тоза.

[95] *Compagni D.* Cronica. II. 34. P. 131—132; III. 19. P. 170—172;

зентации: попытками соответствовать традиционному образу идеального рыцаря — защитника и покровителя бедных.

Действительно, деяния Корсо, известного скандальными судебными тяжбами, будоражили умы сограждан[96]. Одна из них послужила причиной его высылки из города в марте 1299 г., когда он задумал процесс против своей тещи Джованны дельи Убертини, обвиняя ее в том, что она плохо управляла имуществом своей дочери. Несмотря на безосновательность обвинения, Подеста Монфьорито осудил богатую вдову к выплате 3000 флор. зол. Донати и 2000 — его супруге, и приказал ее заточить. Но эта сентенция вызвала недовольство народа: не из-за участи знатной Убертини, но из-за всемогущества и безнаказанности «великого Барона». Недовольство привело к тюремному заключению, а затем бегству Подеста Монфьорито. На сей раз Донати был осужден на 1000 лир штрафа, и поскольку отказался их платить, был изгнан из города (май 1299 г.). Ему немедленно предоставил помощь Бонифаций VIII, который назначил его Подеста в Орвьето на второй семестр 1299 г., а потом ректором понтификального дистретто Масса Трабариа[97]. Папа видел в Корсо орудие в политической борьбе против белых гвельфов.

Корсо не останавливался перед вооруженным попранием коммунального правосудия. Образ смутьяна, готового на все ради достижения

[96] *Raveggi S.* Donati, Corso. Общество возмущало то, как Корсо распоряжался судьбами своих сестер. Пиккарду он насильно извлек из монастыря Монтичелли, поскольку было решено из соображений семейно-клановой стратегии выдать ее замуж за Росселлино делла Тоза. Эпизод наделал шуму во Флоренции в то время, и был упомянут Данте, который противопоставил благочестивый образ Пиккарды безжалостному принуждению ее родственников (*Данте.* Божественная комедия. Рай. 4, 97—115). Второй сестре, Равенне, пришлось долгого и мучительно судиться с Корсо. Она осталась очень богатой вдовой, унаследовав имущество своего супруга, купца Белло Феррантини, и сразу же решила уйти под покровительство монастыря Сан Якопо в Риполи, забрав с собой детей и доверив администрации монастыря все блага. Но ее брат Корсо подал судебный иск против монахинь Риполи, отстаивая собственное право быть опекуном вдовы и сирот, и поэтому распорядителем всего их имущества. Женщина предоставила свою защиту в суде Якопино Адимари, с фамилией которого Донати состояли во враждебном соперничестве. Тяжба длилась два года (1280—1282), потребовав папского вмешательства. Окончательное решение устанавливало, что Корсо Донато и монастырь должны поровну распределить опеку над имуществом богатой наследницы.

[97] Ibid. Донати, видимо, первым браком был женат на одной из Черки, умершей при неясных обстоятельствах. Вторично он женился ради богатого приданого на девушке из гибеллинской семьи Убертини (6000 флор. зол.). Браку пытались воспротивиться Черки, которые сумели добиться бреве Бонифация VIII, запрещавшего свадьбу, отпразднованную несмотря на запрет, но затем папа решил достичь политического согласия с Корсо, являлвшегося в его глазах орудием против белых гвельфов, и признал свадьбу постфактум.

власти и осуществления мести, предстает со страниц«Анналов» Симоне делла Тоза. Он датировал октябрем 1286 г. рассказ о том, как Донати, не признавая распоряжений властей и постановлений коммунальной юрисдикции, попытался с членами своей консортерии «отбить у стражи» гранда Тотто де Мацинги да Кампи, приговоренного судом Подеста к отсечению головы за убийство и ведомого на казнь. Решительные действия Подеста Маттео да Фольяно из Реджо, созвавшего народ звоном колоколов, пресекли самоуправство Донати, он был схвачен, но отделался только денежным штрафом[98]. Негативное отношение Симоне делла Тоза может быть объяснимо клановым соперничеством Донати и Тозинги в начале XIV в., но и воздающий должное достоинствам великого рыцаря Дино Компаньи в тех же тонах описывал поведение этого сеятеля вражды. Он таким же образом характеризовал поведение Корсо во внутриродовой вендетте в конце 1294 г., когда в стычке Корсо ранил своего кузена Симоне Галастроне и убил одного его слугу-пополана, что сурово каралось «Установлениям справедливости». На суде (январь 1295 г.) Донати, видимо, подкупил судью, который вел процесс, потому что был осужден только на денежный штраф (правда, достаточно большой – 5000 лир) и получил запрещение занимать должность Подеста на 5 лет в каком-либо городе, тогда как его кузен Симоне был осужден на смертную казнь, что вызвало массовое народное возмущение. В 1296 г., днем, на глазах у всей Флоренции произошла стычка Корсо и поэта Гвидо Кавальканти, убежденного в том, что засада, в которую он попал незадолго до этого во Франции, была устроена посланцами Донати. Гвидо пытался ранить недруга дротиком, но Корсо удалось бежать. В другом подозрительном событии, приведшим к смерти нескольких юношей из дома Черки, отравленных пищей, народная молва обвиняла Корсо Донати (декабрь 1298 г.)[99]. После изгнания Джано делла Белла Донати фактически хозяйничал в городе, устрашая всех и привлекая многих услугами и подачками, и в их числе Подеста Канте деи Габриэлли да Губбио (второй семестр 1298 г.) и уже упомянутого Монфиорито ди Годерта из Тревизо (первый семестр 1299 г.)[100]. Самовольно вернувшись в город осенью 1301 г., Корсо стал одним из глав партии черных, пришедшей к власти в ноябре этого года. Но относительное единство победителей продолжалось только до середины 1303 г.

Компаньи повествовал, как Корсо и его соперник по фракции Черных гвельфов Россо делла Тоза стали зачинщиками жестокой политической борьбы за преобладание у власти в 1302—1308 гг. В феврале

[98] *Simone della Tosa.* Annali. P. 151.

[99] *Compagni D.* Cronica. I. 20. P. 62—64; *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 8. С. 227; 41. С. 236.

[100] *Raveggi S.* Donati, Corso. 1992. Vol. 41.

1304 г. завязывался новый раунд гражданской войны внутри партии черных гвельфов. Корсо Донати, избранный капитаном гвельфской партии, насчитывал среди своих последователей не только большинство магнатов, но также влиятельные и авторитетные пополанские фамилии — Медичи и Бордони. Он неустанно плел интриги ради преобладания над противниками: пытался организовать заговор в Прато, чтобы привести к власти дружественную ему пратезскую фамилию Гваццалотри. Донати действовал вопреки усилиям ранее прибывшего во Флоренцию кардинала Никколайо да Прато в качестве умиротворителя, которому не удалось преодолеть старую ненависть и соперничество фамилий. Против Корсо сплотились крупные магнаты-гвельфы: Россо делла Тоза, Джери Спини, Паццино де Пацци и Бетто Брунеллески. В октябре 1308 г. в городе начались баррикадные сражения между партией Россо делла Тоза, поднявшего вооруженные компании народа и каталанских наемников. 6 октября наскоро организованный судебный процесс против Корсо завершился смертным приговором: его обвинили в государственной измене вследствие связей с тестем-гибеллином Угуччоне делла Фаджола. «Мессер Корсо, не желая позволить им усилиться (группировке Россо делла Тоза — *И.К.*), призвал своих друзей <...>, и <...> используя арбалеты и огонь, напал на Палаццо Синьории <...>; баррикады были сделаны по всему городу <...> и около месяца стоял народ вооруженным»[101]. Но большинство союзников предало Корсо, исключая Герардо Бордони, который оставался с ним бок о бок до самого конца. И Донати ничего не оставалось, как попытаться бежать, но он был настигнут отрядом каталонских солдат, связан и затем убит вблизи монастыря Сан Сальви.

Этого доблестного рыцаря подозревали в стремлении к деспотической власти — «стать синьором Ломбардии», поскольку, по мнению Компаньи, он «оказывал слишком много услуг», вербуя своих сторонников[102]. Джованни Виллани, в отличие от Компаньи, акцентировал, что причиной падения популярности Корсо в городе являлись не столько обвинения в притязаниях на единоличную власть, распространяемые сторонниками Россо делла Тоза, сколько родственные связи и союз с гибеллином Угуччоне делла Фаджола[103].

---

[101] *Compagni D.* Cronica. I. 16. P. 54; III. 3 P. 140; III. 19. P. 171—172; III. 20. P. 173—174. О том же и в том же духе писал и Джованни Виллани. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 96. С. 257—259.

[102] Эти слова Д. Компаньи относил к Россо делла Тоза. См.: *Compagni D.* II, 20. P. 109—110. Однако Джованни Виллани примерно также характеризовал Корсо: *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII, 96. С. 257—259.

[103] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII, 96. С. 257—259. Это был третий по счету брак Корсо Донати.

Двойственность образа Корсо Донати, почерпнутая из «Новой хроники» Джованни Виллани, сохранялась и в оценках Маркьонне Стефани. Подчеркивая незаурядность, величие, качества народного трибуна, способность на великие дела, он отмечал черты, несовместимые с коммунальным духом: властолюбие, амбициозность, коварство. Стефани, выразитель пополанских настроений, одобрял меры, направленные против амбиций Корсо со стороны компаний народа, а также отрядов Подеста и Экзекутора[104], поскольку в отличие от Джованни Виллани, Маркьонне не сомневался в стремлении Корсо к единоличной власти[105].

Образ Корсо Донати возродился в памяти его соотечественников в связи с событиями 23 сентября 1343 г., когда город всполошил Андреа дельи Строцци из быстро поднимающегося пополанского рода, рыцарь и способный политик, который вдруг начал распределять запасы своего зерна среди голодных бедняков по очень дешевой цене и открыто собирать их в своих домах. Он вооружил до 4000 человек, поклявшихся «следовать за ним хотя бы и в ад», и повел их на площадь приоров, чтобы захватить палаццо Синьории и провозгласить себя синьором. Стефани в одной из рубрик рассказывал о настроениях, проявившихся во время следствия над «тощим» народом, который принял участие в этой попытке: «Мы думали, что сделаемся большими богачами, и что все бедняки враз станут имущими»[106]. Эти события оказались скорее фарсом, нежели трагедией, поскольку толпа тут же была разогнана стражниками Капитана народа. Члены многочисленной консортерии Строцци сами изгнали Андреа в контадо. Современники понимали всю чудовищную бессмыслицу этого поступка, на который решился зрелый государственный муж и опытный политик. Джованни Виллани недвусмысленно высказался в своем комментарии: «Один сумасбродный и безумный народный рыцарь», «против желания своих родственников», «безумный вождь», «негодный мессер Андреа»[107]. Маркьонне ди Коппо Стефани: «...Андреа ди Строцци, думаю, двигала, скорее простота или, может быть, даже сумасшествие, нежели что-то другое»[108]. В текстах Джованни Виллани и Маркьонне ди Коппо Стефани имеются некоторые аллюзии, связанные с Корсо Донати, не напрасно по отношению к Андреа фигурирует то же прозвище «Барон» и акцентируется демагогический дискурс о социальной «справедливости», благодаря которой ему удалось собрать толпу приспешников. В «Жизнеописаниях» семьи Строцци, составленных Лоренцо Строцци в XVI в., намеки превратились в прямое утверждение. Образ вполне узнаваем: «Вооруженный до зубов, в сверкающих латах, он ехал

[104] *Stefani M.* Cronaca. rubr. 264. P. 100—101.
[105] *Виллани Дж.* Новая хроника. VIII. 96. С. 257—258.
[106] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 593.
[107] *Виллани Д.* Новая хроника. XII. 20. С. 420.
[108] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 590. P. 212—213;

верхом на коне, окруженный толпой плебса, который кричал: "Да здравствует наш Барон! Долой жирный народ и габеллы!". Могло показаться, что из седла, блистая оружием, поднялась тень Корсо Донати». Образ Андреа Строцци под пером его потомка отличался той же двойственностью. С одной стороны, «человек великого духа и великого богатства», расточаемого беднякам, за что Лоренцо уподоблял этого предка Спурию, «о коем читал в Римской истории, и который пользовался такой популярностью у плебса, что если бы захотел следовать по этому пути, добился бы величия Принципата». Но с другой стороны, Андреа — лишь «тень Корсо Донати», неудавшийся «Барон», «с малой честью возвратившийся домой, лишившийся всякого народного расположения, но переставший быть и другом знатных, потому что под видом милосердия скрывал амбициозные аппетиты»[109]. Характеристика, данная Лоренцо Строцци, скорее отрицательная, поскольку его предок не совершил никаких великих дел, лишь опозорив себя и свой род.

Напротив, набор позитивных оценок в свидетельствах современников сопровождает образ второго рыцаря Манно Донати (1320-е—1370/1374) за его заслуги, оказанные коммуне на военном и административном поприще. Биографических данных известно немного: отца звали Арпардо Донати, у Манно имелся брат по имени Паццино. Первое свидетельство о Манно относится к маю 1342 г., когда он сопровождал герцога Афинского к флорентийскому войску, посланному в помощь Лукке, осажденной тогда пизанцами, что позволяет предположить: он, как многие другие члены знатных родов, находился среди его сторонников. Но уже в конце того же года, 30 декабря, Манно вместе с Корсо ди Америго Донати выступил против судебной сентенции герцога, вынесенной к их ущербу. Летом 1343 г. Манно встал во главе одного из трех заговоров против Готье де Бриенна. После изгнания герцога в августе 1343 г. Манно был избран, одним из новых приоров, чтобы вступить в должность 1 сентября. Однако победившие в восстании пополаны отклонили его имя, подвергнув в декабре того же года Манно и его брата Паццино вместе с другими флорентийскими нобилями кратковременному аресту, после чего они были изгнаны по подозрению в убийстве их сородича Таддео Донати.

Манно покинул Флоренцию и отправился в Падую, куда поступил капитаном войны на службу к Франческо Старшему Каррара, синьору города. В феврале 1354 г. Манно командовал отрядом из 200 рыцарей, который из Падуи он привел на помощь Кангранде II Делла Скала, изгнанному из Вероны сводным братом Френьяно. В 1356 г. ему пришлось воевать в Трентино, куда он был направлен своим синьором.

[109] *Strozzi Lorenzo di Filippo*. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. Firenze, 1892. P. 9—12. Лоренцо ди Филиппо Строцци отмечал, что такого рода претензии на власть были некоторым образом в традициях семьи, приводя в пример Россо дельи Строцци, который произвел очень похожую попытку в 1300 г.

Летом 1357 г. Манно перешел на службу к Флоренции как глава отряда из 700 копий и 800 арбалетчиков, и был отправлен в Романью, чтобы воевать с Большой Компанией, находящейся тогда на службе у Бернабо Висконти, но наемники были выведены папским легатом Эджидио Альборноцом[110]. В 1361 г. Манно и его брат Паццино были снова высланы флорентийской Синьорией и тотчас же вернулись на службу к правителю Падуи. Летом 1364 г. Манно Донати опять служил Флорентийской республике в войне с пизанцами. Можно предположить, что Манно Донати являлся в некотором роде кондотьером, поскольку, в отличие от Корсо, большую часть жизни он провел на военной службе синьору Падуи или республике Флоренции.

Об этом, прежде всего, стоит привести характеристики Филиппо Виллани, продолжившего дело своего отца Маттео, чтобы закончить историю войны с Пизой (1362—1364). Главную заслугу трудной победы флорентийского войска в битве при Кашине (июль 1364 г.) младший хронист Виллани приписывал не наемным капитанам-кондотьерам из рода Малатести, доставившим республике много бедствий и хлопот, а именно флорентийскому рыцарю Манно Донати. По мнению Филиппо, 29 июля 1364 г. генеральный капитан флорентийских войск Галеотто Малатести «то ли потому, что был очень стар, то ли потому, что еще не оправился от трехдневной лихорадки, покоился в кровати», предоставив солдатам «купаться в Арно, растянуться в тени раздевшись, иным каким способом прохлаждаться» при непосредственной близости пизанских войск. Филиппо Виллани считал, что войско спас «знаменитый кавалер мессер Манно Донати», считавший это «делом чести». «Осознавая большую опасность», он обошел дозором весь лагерь и «с горячим рвением начал поднимать его», затем пошел к капитану и побудил его поручить заботу о войске нескольким способным и энергичным военачальникам, в том числе и ему самому. Он появлялся в самых опасных местах, устраивал оборонительные заграждения, перекрыв дорогу из Пизы, расставлял везде охрану. В ходе самого сражения «он всегда оказывался вовремя в нужном месте». Эти меры, предпринятые в кратчайший срок, позволили флорентийскому войску победить[111].

---

[110] *Kohl B.G.* Donati, Manno // Dizionario Biografico degli Italiani. 1992. Vol. 41. Следующим летом Большая Компания, направляющаяся в Перуджу, потребовала позволения пройти через Тоскану. Манно был тогда одним из 5-и флорентийских послов, отправленных к Компании, чтобы предотвратить проход. Но прибыв в Романью, флорентийские послы, включая Манно, были захвачены в заложники главами Компании — графом Ландо и Америго дель Кавалетто. В конце концов их отпустили, но миссия была провалена.

[111] Cronica di Filippo Villani // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Firenze, 1858. XCVII. P. 408—410; Заслуги Манно Донато также отмечены в одной из анонимных хроник современника Филиппо Виллани, где речь шла о войне 1362—1364 гг., который утверждал, что Манно Донати из Флоренции был «доблестным и сведущим в делах войны» полководцем. См.: Cronicchetta d' incerto. P. 186.

Другой современник — анонимный хронист — рассказывал, как в 1369 г., в борьбе за крепость Самминьято Манно снова оказал важные услуги Флоренции. По его словам, летом 1370 г. флорентийцы «назначили капитаном мессера Манно Донати из Флоренции, предоставили ему 600 копий и послали в Ломбардию ударить в спину Бернабо Висконти. Дойти до ворот Милана, по мнению хрониста, Манно помешало лишь отсутствие подкрепления, обещанного, но не посланного папой. В этом же году «доблестному человеку» удалось взять Модену, затем, «проскакав всю ночь», вернуть Флоренции Реджо, потом «без всякого отдыха» устремиться к лагерю мессера Бернабо и «благодаря Господу разбить его», захватив капитана и большую часть людей. Этот же анонимный хронист посвятил особую рубрику, датированную 1370 г., факту смерти Манно Донати: «В сентябрьские календы <...> он отправился в рай из-за одышки (астмы), которую нажил, будучи Капитаном флорентийцев. Синьор Падуи приказал похоронить его в своей гробнице»[112]. Хронисты-современники позиционировали Манно Донати как доблестного и отважного полководца, «человека войны», необходимого коммуне, которая дважды изгоняла его из своих стен.

Очевидно, историческая память о Манно Донати сохранялась в устойчивых мифах. Через 100 лет Джованни Кавальканти прославлял «выдающегося рыцаря Манно Донати», и как образцового «человека власти», и как верного обязательствам своей службы за его «бескорыстие», «честь» и непоколебимую преданность синьору Падуи, который послал его воевать на стороне веронских делла Скала. Синьор Вероны Мастино делла Скала, будучи «господином благодарным», презентовал Манно за военную службу сумку с огромным количеством флоринов. «Наш рыцарь поблагодарил его словами, полными признательности, и сказал: "Синьор, я не хочу задеть твою честь, хотя меня и поражает, что ты пытаешься поступить во вред мне, а равно против величия и достоинства моего синьора, каковой послал меня в помощь тебе. Он таков, что в состоянии заплатить мне сполна без тебя и твоих денег"». Кавальканти утверждал, что даже на своей гробнице в Падуе флорентиец Манно был изображен с лопнувшим мешком под ногами, откуда с каждой стороны высыпались золотые флорины. Нетрудно заметить, что в данном случае Джованни Кавальканти привносит в конструирование образа черты рыцарских добродетелей, подчеркивая гипертрофированное бескорыстие

[112]Cronicchetta d' incerto. P. 195—198. Современные историки оспаривают обозначенную анонимом дату смерти, хотя именно она указана в надписи на могиле Манно в церкви Св. Антонио, где также имеется эпитафия, написанная, как полагают, Петраркой. Вместе с тем имеется немало документов, свидетельствующих о том, что он умер, скорее всего, в 1374 или 1375 г. См.: *Kohl B.G.* Donati, Manno // Dizionario Biografico degli Italiani. 1992. Vol. 41.

и соблюдение вассального долга: ради репутации своего синьора Манно отказался даже от заслуженной награды. Но в лице этого же мессера Манно Донати, избранного коммуной Флоренцией исполнять функции Подеста в одном из маленьких местечек контадо, Кавальканти изобразил мудрого правителя, умеющего быть великим и справедливым и на столь маловажном посту. Он повествовал, ссылаясь на наблюдения многих граждан, как однажды «монашек» и торговка на рынке затеяли свару из-за связки дроздов, которых монах взял у женщины, но не собирался за них платить. В их перебранку вмешался мессер Манно, который сам заплатил за этих дроздов, оставив их монаху, и ушел, говоря: «Я не хочу, чтобы думали, что я захватил этих дроздов ради обжорства или из-за тщеславной помпы». Кавальканти хвалил рыцаря за щедрость и великодушие в отношении тех, кто беднее и ниже его по социальному статусу[113]. Весь текст этой короткой новеллы, явно проникнутый духом, навеянным евангельскими добродетелями, свидетельствует и о ценностях коммунального общества, в частности, о недостижимом идеале флорентийского администратора.

Можно предположить, что отрицательный образ нобиля и гранда, который лег в основу мифологемы о магнате — враге, противостоящем коммунальному обществу, в конце XIII—начале XIV в. в некоторой степени персонифицировался в личности Корсо Донати, доблестного рыцаря, но возмутителя спокойствия, заговорщика, партийного фракционера, ставящего интересы своего рода-консортерии и собственные цели превыше общекоммунального блага, не считающегося с законами и распоряжениями властных структур, с пренебрежением относящегося к основной массе пополанства. Думается, что одновременно или несколько позже стал складываться архетип доброго городского рыцаря — умелого и отважного полководца и капитана войны на службе у коммуны, щедрого, мудрого правителя и администратора, способного вести диалог с пополанами и представителями низших слоев населения, в том числе, вилланами, не стремясь возвыситься над ними, т.е. полностью соответствующего требованиям, предъявляемым к исполнению должности Подеста или коменданта в формирующемся контадо

[113] *Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale. P. 210—211. М. Виллани прославлял его как гранда, сделавшего военную карьеру и обладающего высоким общественным статусом: *Villani M.* Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior' lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredate da una prefazione del professore Michell Sartorio. Milano, 1848. Vol. VII. 72; XI. 97. Он служил падуанскому синьору Каррара до самой своей смерти, поскольку умер в Падуе. Местная хроника говорила о нем: «Мессер Манно Донати из Флоренции, сделанный гражданином Падуи, в 1372 г. стал генеральным консулом Падуи». См.: *Brucker G.* Florentine Politics and Society. P. 156.

Флоренции. В этой связи в центр внимания хронистов и авторов дневников и домашних хроник попадал другой представитель из того же древнего и знатного рода — мессер Манно Донати, несмотря на свою нерыцарскую внешность, возможно, выражающую в традиции хронистов определенную грань коммунальной идентичности Манно.

§ 3. «Очень знатный, но очень бедный»: казус Джованни ди Филиппо Кавальканти

Джованни ди Филиппо Кавальканти (1381—1451) происходил из очень знатной фамилии грандóв, приходящей в упадок в первой половине XIV—XV в. Его произведение, условно озаглавленное «Политико-моральный трактат», содержало свой вариант мифа о происхождении знати, ранее рассмотренный, в котором еще более явно, нежели в хронике Рикордано Малиспини выражалось стремление проследить, возвысить и облагородить истоки собственной фамилии.

Воспроизводя истоки рода, Кавальканти относил себя и свою семью к нобилям: «Но у нас имеется еще и другой разряд нобилей, и среди них мы»[114], а также доказывал древность происхождения фамилии, утверждая, что прародитель прибыл «вместе с синьором Германии, каковой пришел в сопровождении Карла Мартелла». Основателями рода, по сведениям автора, стали 4 брата, «из которых один остался во Флоренции, и в Терме (Термах) устроил первое свое пристанище, и от него пошли те, что из Монте Кальви»[115], второй ушел в Пешу, где основал крепость и очень обогатился, занявшись торговлей и перевозками грузов на мулах. Третий брат «отправился в Сиену, и от него произошли Орланди, каковые затем по тому месту, где обитали, прозывались Малавольти»[116]. От них отделился еще некий предок и ушел в Болонью, от него «произошел один из двух кавалеров Гаульдени[117], которые были избраны в качестве Подеста в одно

[114]Речь идет о генеалогии дома Кавальканти. Скорее всего, приводимая им история рода представляет фамильную легенду. О происхождении их фамилии писал гуманист А. Манетти (1423—1497). См.: *Manetti A.* Uomini Singhularii in Firenze // Opere storiche edite e inedite di Antonio Manetti. Firenze, 1887.

[115]Т.е. непосредственно потом отделилась ветвь рода самого автора.

[116]Автор ошибается. Малавольти из Сиены — могущественный и знатный род — произошли от феодальной фамилии Берарденги и никогда не были в родстве с Кавальканти. См.: *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. P. 106, n. 1.

[117]Имеется в виду рыцарский орден Веселящихся братьев в Болонье. См.: примечания М.А. Юсима к указанному изданию хроники Джованни Виллани (VII, 13. С. 502).

и то же время нашей республикой»[118]. А последний брат выбрал для своего пристанища Урбиветеро, и от него родились Мональдески[119].

Ветвь, к которой принадлежал род автора, «происходила из местечка Сан Джилио в 4-х милях от Колонии. Этот городок был укреплен Карлом Великим, и образовалось там новое республиканское правление. В нем главными стали консулы из купцов, и из нашей фамилии произошли три первых консула». Об этом свидетельствуют старые матрикулы[120]. Таким образом Джованни Кавальканти доказывает древность своей фамилии, о которой современники говорили, что она ведет свое начало от городских купцов. Доказательства, скорее всего, представляют вымысел автора, стремящегося облагородить истоки рода, возводя их к VIII в., видимо, они верны лишь в том случае, который касался предков автора, избиравшихся консулами от купцов.

В трактате Джованни явно стремился компенсировать свою несостоятельность, доказывая, что род Кавальканти имеет более древние истоки, нежели фамилии, которые сохранили лидирующее положение в городском социуме[121]. Опираясь на авторитет Данте, писатель рассуждал по поводу малочисленности и вырождения знатных родов во Флоренции: «Знаменитому Данте казалось, что его фраза "Как мало в нас знатности по крови"[122] выражала скорее осуждение, чем похвалу, <...> его высказывание дока-

[118]Автор имел в виду Каталано де Каталани и Лодеринго дельи Андало, призванных во Флоренцию в качестве Подеста в 1266 г. Об этом писал Данте (Божественная Комедия. Ад. XXIII, 103), а также Джованни Виллани (Новая хроника. VII. 13. С. 207—208). Виллани называл этих двух Подеста «веселящиеся братья из рыцарского ордена Болоньи по имени мессер Каталано де' Малавольти и мессер Родериго де Ландоло. Один из них считался гвельфом, а другой — гибеллином». «...По прошествии короткого времени поступки братьев стали оправдывать их название, ибо они помышляли больше о веселье, нежели о чем-либо другом <...> прикрываясь ложью и лицемерием, они объединились ради собственной выгоды и вопреки всеобщему благу».

[119]Связи Мональдески, знатного рода, в 1334 г. захватившего тираническую власть, и Кавальванти очень сомнительны. См.: *Grendler M.* Op. cit. n. 3.

[120]Факт подтверждается: Кавальканте был избран консулом в 1176 г., Альдобрандино — в 1192 г. и в 1208 г. См.: *Grendler M.* Op. cit. P. 107, n. 1.

[121]*Cavalcanti G.* Trattato politico-morale P. 105—106. Хронист Джованни Виллани причислял род Кавальканти к старой гвельфской знати Флоренции — «благородным семействам», но с оговоркой «недавние выходцы из купечества» (*Виллани Д.* Новая хроника. V. 39. С. 131; VI. 33. С. 153). О том же свидетельствует хроника Малиспини (Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini. Cap. C. P. 99; Cap. CIV. P. 105). Согласно исследованиям современных итальянских историков, Кавальканти во второй половине XII в. уже входили в узкий круг политической элиты. Представители этого рода избирались в консулат, в следующем столетии они находились в составе лиц, управляющих гвельфской партией. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 112—113.

[122]*Данте Алигьери.* Божественная Комедия. Рай. XVI. («О скудная вельможность нашей крови!»)

зывало, что все общество состоит из плебса <...> Угодно Господу, чтобы всякое сообщество в своих деяниях уравновешивалось особыми (нарочитыми) людьми, и также не могут обходиться особые люди без плебеев, как плебеи без именитых людей...»[123]. Старинными и по-настоящему знатными фамилиями Джованни считал, помимо потомков древних римлян — ветеранов Суллы, еще две генерации знати: тех, кто вел свое происхождение от остготов Теодориха и от франков, которых привел в Италию Карл Мартелл[124]. Генеалогическая модель Кавальканти — явно искусственная конструкция ради доказательства древности и знатности его рода.

Хронисты Джованни Виллани и Рикордано Малиспини причисляли род Кавальканти к старой гвельфской знати Флоренции — «благородным семействам», но с оговоркой: «недавние выходцы из купечества»[125]. Во второй половине XII в. представители их рода избирались консулами; в следующем столетии они находились в составе лиц, управляющих гвельфской партией[126]. Главы дома Кавальканти долго посвящали себя ростовщичеству и торговле, занимая должности в консулате цехов: в 1218 г. один из них стал консулом цеха Пор Санта Мария, затем выходцы из этого рода были консулами цеха Калимала в 1239 г. и в 1279 г. В цехе Калимала, согласно относящимся к первой половине XIII в. документам, они предоставляли крупные кредиты монастырям, а также следы их торгово-банковской деятельности прослеживались в Генуе. Члены этой фамилии имели тесные связи с торгово-банковскими домами Барончелли и Буонинсенья, возможно, некоторое время объединялись в одной компании, что могло свидетельствовать о предпринимательской деятельности широкого масштаба[127]. Плоды их экономической активности выразились в приобретении значительной недвижимости в городе и контадо[128].

Во второй половине XIII в. (до 1293 г.) роль Кавальканти в политической жизни Флоренции была как никогда значима: они принимали участие в коммунальных структурах власти до избрания приората (1282 г.), стояли у руководства гвельфской партии, призывались в чрезвычайные коллегии и городские советы, приглашались на должности Подеста в

[123] *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 103.
[124] Ibid. P. 102—109.
[125] *Виллани Д.* Новая хроника. V. 39. С. 131;VI. 33. С. 153; *Malispini R.* Storia fiorentina. Cap. C. P. 99; Cap. CIV. P. 105.
[126] *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 112—113.
[127] *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. P. 17—18.
[128] *Виллани Дж.* Новая хроника. IX. 75; *Pieri P.* Cronica. P. 80—81. *Raveggi S.* I Rettori fiorentini. P. 628. Во Флоренции они купили располагающиеся рядом три дома между Порта Росса и Новым Рынком и значительное число боттег. В контадо они скупали земли и замки между Монтекальви в Вальдипезе и Стинке в Вальдигриеве.

различные коммуны и земли[129]. В 1293 и 1295 гг., согласно «Установлениям справедливости», Кавальканти вместе с другими 72 фамилиями города были объявлены грандами, их род обязывался круговой порукой за преступления отдельных его членов в отношении пополанов[130].

Причастность к политической деятельности скорее отрицательно влияла на их экономическое положение. После 1267 г., когда победившие гвельфы, среди них и Кавальканти, вернулись во Флоренцию, большая часть их недвижимости была конфискована правящими до этого гибеллинами. Они получили из казны коммуны очень значительную сумму компенсации — 3000 лир, которая не покрыла полностью всех убытков[131]. Экономическому упадку рода способствовал отказ многих представителей дома от активных форм предпринимательства и переход к образу жизни рантье. Многочисленная консортерия Кавальканти истощала себя длительными жестокими вендеттами: особенно дурной славой в обществе пользовалась их вражда с родом Буондельмонти[132]. Большой удар по экономическому благосостоянию и политическому престижу этой фамилии был нанесен поражением фракции Белых гвельфов, к которой они примкнули[133]. В 1303 г. они вместе с другими членами фракции были объявлены мятежниками, отказавшись исполнить коммунальные постановления о разрушении своих строений, чтобы не повредить многим купцам и менялам, которые снимали там помещения в аренду[134]. В 1304 г. недвижимое имущество Кавальканти вокруг Нового Рынка было уничтожено пожаром, что нанесло непоправимый ущерб благосостоянию семьи. Хронист Дино Компаньи очень выразительно прокомментировал это в своей хронике: «Кавальканти потеряли в тот день (10 июня 1304 г. — *И.К.*) свое сердце и кровь, видя сожженными свои

[129]Дино Компаньи указывал, что в 1301 г. Кантино ди мессер Амадоре Кавальканти был послан Флоренцией в качестве Подеста и капитана в Пистойю. Хронист отзывался о нем скорее отрицательно: «Бесчестный человек, который нарушил их закон <...> приказал призвать всех анцианов только из партии белых <...> и ложно заявил, что сделал так по приказу флорентийской Синьории». См.: *Compagni D.* Cronica. I. 25. P. 73—74; *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 202—203.

[130]*Salvemini G.* Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295.

[131]*Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 112—113.

[132]*Виллани Д.* Новая хроника. VIII. 1. С. 224.

[133]Там же. VIII. 39. С. 234; VIII. 40. С. 236; VIII. 42. С. 237. Одним из вождей Белых стал знаменитый Гвидо Кавальканти, друг Данте Алигьери и поэт «нового сладостного стиля», но ярый враг Корсо Донати, характеризуемый хронистом Виллани как «философ» и «человек, выдающийся во всех отношениях, хотя и отличающийся чрезмерной вспыльчивостью и раздражительностью». Дино Компаньи упоминал Гвидо Кавальканти среди вождей белых гвельфов: *Compagni D.* La cronica. I. 21. P. 66; 22. P. 69; *Parenti P.* Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri. P. 317.

[134]*Raveggi S.* I Rettori fiorentini. P. 628.

дома, дворцы и боттеги, каковые, скученные на узком пространстве и по большей части сдаваемые в аренду, делали их богатыми»[135].

Крах не был окончательным ибо, согласно данным того же Компаньи, в 1312 г. «Кавальканти были могущественной фамилией, они могли вооружить около 60 мужчин». Окончательный подрыв политического могущества наступил в 1322 г., когда за верность белым гвельфам Кавальканти заплатили изгнанием 48 членов своей фамилии, обвиненных в убийстве черного гвельфа Паццино де Пацци[136]. В XIV в. кратковременное возрождение былого могущества этого рода наблюдалось лишь во времена 11-месячного правления герцога Афинского, пытающегося опереться на некоторых флорентийских нобилей. Вместе с другими грандами они активно пытались реформировать город в августе—сентябре 1343 г. с целью окончательной отмены «Установлений справедливости», но потерпели полное поражение[137].

В 40—60-х гг. XIV в. значительная часть представителей фамилии Кавальканти, продолжая обитать во Флоренции, перешла в пополанство. Некоторые, подобно Америго и Майнардо Кавальканти (первая половина XIV—1379?)[138], нашли возможность вести рыцарский образ жизни на службе при Неаполитанском королевском дворе[139]. Они пытались концентрировать свое влияние у руля гвельфской партии, на которую не распространялись запреты и ограничения «Установлений справедливости». Постепенно утрачивая вместе с ослаблением этой корпорации свои политические позиции, многие члены фамилии, тем

[135] *Compagni D.* Cronica. III. 7. P. 147; 8. P. 148—151.

[136] Ibid. III. 40. P. 206—207. Хронисты сообщают, что изгнания начались с 1302 г.: *Compagni D.* Cronica. II. 25. P. 119; 29. P. 125; *Becker M.* Florence in Transition. Baltimore, 1967. Vol. I. The Decline of the Commune. P. 207—209.

[137] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 3. 17. 21. С. 399, 413—417, 422—423. Наиболее активно участвовал в этих событиях глава клана Джаноццо Кавальканти.

[138] *Miglio L.* Cavalcanti, Mainardo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1979. Vol. 22. Майнардо ди Джакинотто происходил из той ветви семьи Кавальканти, которая была тесно связана с Неаполитанским двором. Судя по переписке, Майнардо был другом Джованни Боккаччо, поддерживая с писателем длительную и искреннюю дружбу, воникшую в 1362 г. в Неаполе во время неудачного пребывания Боккаччо при Неаполитанском дворе по приглашению канцлера Никколо Аччайуоли, когда писатель оказался вынужден прибегнуть к «щедрости молодого нобиля, нашего гражданина Майнардо де Кавальканти». Боккаччо благодарил Майнардо за подарки, в частности, маленькой золотой вазы, полной монет. Майнардо просил Боккаччо стать крестным отцом своего перворожденного сына в начале 1373 г. Боккаччо посвятил Майнардо окончательную редакцию *De casibus virorum illustrium.* Майнардо сделал блестящую военную карьеру в Неаполитанском королевстве.

[139] *Rodolico N.* La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378—1382). Bologna, 1905. P. 166; *Brucker J.* Florentine Politics and Society. P. 155. О службе Кавальканти при Неаполитанском дворе см.: *Berardenga C.U.* Gli Acciaiuoli di Firenze nei luce dei loro tempi. Firenze, 1961. I. P. 351.

не менее, сохраняли и в XV в. высокую репутацию рода и определенный социальный престиж, прослыв в городе одним из самых древних, знатных и именитых домов. Семьи, претендующие на респектабельность, и недавно поселившиеся в городе нувориши, видимо, охотно роднились с Кавальканти: одна из девиц этого дома вышла замуж за видного юриста и политика Марчелло Строцци, другую самым выгодным образом выдали за очень богатого и образованного Нофри ди Палла Строцци. Лоренцо Медичи, младший брат Козимо, женился на Джиневре Кавальканти. Эти «бесприданницы» пользовались столь высоким спросом на брачном рынке Флоренции из-за происхождения и крови Кавальканти, текущей в их жилах[140].

С 1434 г. перед этим родом возникли определенные перспективы в связи с тем, что Козимо Медичи, стремясь расширить социальную опору и снизить накал политических противоречий в городе, добился издания ряда указов о переводе многих магнатских фамилий, среди них и Кавальканти, в пополанство, введя ограничение в виде запрета занимать государственные посты в течение 10-и лет. Некоторые из Кавальканти участвовали в управлении городом, но фамилия уже не смогла достичь прежней политической значимости.

Представитель этого рода Джованни ди Симоне родился во Флоренции и был приписан к гонфалону «Кнут», но почти всю жизнь прожил на небольшой вилле в Монтекальви, поскольку городской образ жизни был его семье не по карману. Этого представителя старинного рода нельзя назвать в полном смысле этого слова нищим: по кадастру 1427 г. он числился как мелкий землевладелец, сохраняющий в собственности 4 небольших участка земли в контадо, в Монтекальви и Валь ди Пеза. Он обязан был уплачивать 1 флор. 8 сольди в год — квота человека бедного, но не нищего. Но как и в случае с Кастильонкьо, доходы с незначительного недвижимого имущества не покрывали насущных потребностей. В 30-е гг. XV в. на иждивении Джованни содержались трое сыновей: Алессандро 22-х лет, Бартоломео 20-и лет и Давид 12-и лет. Зерна, получаемого с земли, находящейся в собственности, хватало, чтобы прокормить семью из 4-х человек, но какие бы то ни было дополнительные расходы при этом исключались. Джованни Кавальканти и его домочадцы жили в долг: к 120 флор., не уплаченным в коммунальную казну, добавлялись около 70 флор., требуемых его гонфалоном «Кнут», члены которого некоторое время платили за него налоги по округу, а также 57 флор. долга частным лицам. Хроническая задолженность по уплате налогов привела к тому, что имя Джованни Кавальканти оказалось в списке

[140] *Martines L.* Social World of the Florentine Humanists 1390—1460. Princeton, 1963. P. 59—60, 80; *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. P. 23

должников коммуны (*Specchio*), что лишило его возможности избираться на государственные должности[141]. Один раз удалось занять ему маломальски значимый пост: в 1422 г. он был избран одним из капитанов гвельфской партии[142], которая уже не обладала прежним влиянием на политические дела Флоренции. Глава семьи остро ощущал бедность: «Меня обложили столь несправедливым займом (*prestanza*), что наряду с другими старинными семьями мы были возведены в ранг новых деревенских дурней и не могли проживать в городе»[143] — писал он о своем положении после введения налогового Кадастра 1427 г.

В 1430 г. Джованни ди Филиппо был заключен в долговую тюрьму Стинке, где ему предстояло провести с перерывами 10 лет (1430—1440)[144]. Он писал из тюрьмы в отчаянии очередное прошение в Синьорию: «Я умираю в тюрьме голый; освободившись из тюрьмы, я должен потратить по меньшей мере 20 флоринов, чтобы одеть себя». В довершение бед его двоюродные братья воспользовались несчастьем своего родственника и добились, чтобы его лишили прав вести тяжбу за получение доли дохода (21 %) от палаццо на Новом Рынке. Напротив, семья Джованни возрастала: вероятно, незадолго до 1430 г. он женился вторично, но приданое второй жены ему так и не удалось получить в свои руки, о чем есть упоминания в прошениях. К 1446 г. в семействе было уже 9 человек, к которым добавлялись 5 детей овдовевшего старшего сына Алессандро.

Основной причиной бедности, судя по оговоркам самого автора, можно считать неодолимую привычку к образу жизни знатных рантье, живущих на доходы с недвижимости: «Мне 46 лет, и я ничего не умею делать...»; «Среди нас нет никого, кто мог бы делать что-либо, потому что мы не умеем. Мы босы, раздеты, и живем очень тяжелой жизнью»[145] — взывал он к милости Синьории в своих петициях. Трудно сказать, на-

[141] *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. Даже очень небольшая по тем временам сумма приданого (всего 400 флоринов), с которым Джованни Кавальканти выдал замуж свою дочь Камиллу, означала для него подрыв благосостояния «на много и много лет». Камиллу не удалось выдать замуж столь удачно, как других девушек из дома Кавальканти: она вышла за некоего безвестного Луку ди Паголо из Флоренции. Алессандра Строцци в 1447 г. писала своему сыну о том, что приданое в 1000 флор., с которым выдавали ее дочь, «прилично лишь для ремесленников». См.: Lettera in Napoli 24/ VIII 1447 // *Macinghi Strozzi A.* Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli / A cura di C. Guasti. Firenze, 1880. Vol I. P. 1—6. В качестве специального исследования см.: *Fabbri L.* Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del' 400. Firenze, 1991. P. 64—81.

[142] *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. I. P. 7.

[143] Ibid. I. Prologo. P. 3.

[144] По иронии судьбы тюремный замок Стинке был связан, согласно бытующей легенде, с родовым замком фамилии Кавальканти, конфискованным ранее коммуной Флоренцией.

[145] *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. P. 14—16.

сколько эти жалобы преувеличены. В повседневной жизни у флорентийских горожан существовала детально разработанная стратегия сокрытия доходов, прошений о снижении налогов и прощении недоимок, и они хорошо знали, какие доводы нужно пустить в ход, чтобы разжалобить Синьорию[146]. Однако известно, что Кавальканти пришлось продать два земельных участка и дом в Сан Кашано для уплаты долгов, хотя он добился изрядного сокращения их суммы, но продолжал выплачивать по 10 флор. в год в счет недоимок, видимо, до своей смерти.

Даже если допустить, что в прошениях и письмах в Синьорию несчастья семьи значительно преувеличены, все равно не остается сомнений в том, что Джованни и его сыновья не могли противостоять бедности вследствие неприспособленности к какому бы то ни было к труду и привычки к образу жизни знатных рантье, с презрением относящихся к занятиям ремеслом и торговлей. В какой-то степени попыткой преодоления травмирующих факторов для Джованни Кавальканти стало писательское творчество.

Из-под его пера вышли три известных труда: «Флорентийские истории» или «Первые Флорентийские истории», охватывающие период с 1420 по 1442 гг.[147], которые он начал писать, находясь в Стинке, «Новый труд» или «Вторая история» (1442—1447)[148], и последнее произведение «Политико-моральный трактат», написанное в конце 40-х—начале 50-х гг. XV в.[149]. Начиная в Стинке свои «Истории», он писал: «Чтобы охла-

---

[146]О стратегии укрывательств и обманов ради снижения налогов см.: *Morelli G.* Ricordi. 58a. P. 244—247, 59a. P. 252—253; 60a. P. 256; 61b. P. 266—267. *Certaldo P.* Il libro di buoni costumi. P. 96—97; *Mazzei L.* Lettera in Pistoia 4/ IV 1391 // Lettere di un notaro a un mercante dal sec. XIV / Per cura di C. Guasti. Firenze, 1880. V. I— II. Vol. I. P. 9. О стратегии обмана фиска (*Pandimiglio L.* Giovanni di Pagolo Morelli e la continuita familiare // Studi medievali. Spoleto, 1981. P. 137—140).

[147]*Cavalcanti G.* Istorie fiorentine / A cura di F. Polidori. Firenze, 1838. T. I. Впервые наследие Кавальканти начал изучать флорентийский эрудит XVIII в. Доменико Морени. В 1821 г. вышла его работа, в которой определялось авторство трех трудов — см.: *Varese C.* Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino, 1961. P. 93. Затем появилось используемое нами издание полного текста «Флорентийских историй» благодаря усилиям Ф. Полидори. Второе издание осуществил Дж. Ди Пино в 1943 г.: *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine / A cura di G. Di Pino. Milano, 1943.

[148]Впервые был опубликован Ф. Полидори (см. вышеуказанное издание) под названием «Вторая история» (*Istoria seconda*). В данном случае используется последующее издание, подготовленное французским историком А. Монти: *Cavalcanti G.* Nuova opera. P., 1989.

[149]Представляет собой третью часть манускрипта, посвященного истории рода и персональной истории Джованни Кавальканти. Последняя часть этих записей, условно озаглавленная как «Политико-моральный трактат», содержит оригинальное сочинение, в котором мораль и политика тесно связаны. См.: *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale // *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.

дить и успокоить мои чувства, отдалиться от них, насколько возможно, чтобы забыть упрямых и слабых людей и их речи, я решил написать о разделении наших граждан...»[150]. В этом случае побудительные мотивы творчества, как и позиция отверженного изгоя, лишенного признания и доступа к управлению государством, позволяют вспомнить о Данте Алигьери, столь ценимом нашим автором. Хотя Кавальканти, по всей вероятности, не получил систематического образования и был далек от среды гуманистов, живя на вилле в Монтекальви, его начитанность и солидную эрудицию в области античного наследия невозможно подвергнуть сомнению. В пространных морально-философских комментариях заметно влияние широко распространенных в XV в. «Этики» и «Политики» Аристотеля; речей и трактатов Цицерона и Сенеки. Знакомство с трудами Светония, Лукана, Ювенала, Саллюстия и Овидия, но особенно Валерия Максима, свидетельствует о широком кругозоре Джованни ди Филиппо[151]. Автор демонстрировал знание Писания, трудов отцов церкви и выдающихся теологов — Августина, Боэция, Фомы Аквинского, средневековых моральных трактатов XIII—XIV вв., но использовал их в значительно меньшей степени, нежели наследие античных мыслителей[152]. Признанным и почитаемым авторитетом для писателя являлся Данте Алигьери, судя по часто приводимым выдержкам из «Божественной комедии»[153]. Кавальканти был знаком с городскими хрониками XIV в.: он не только пользовался текстом Джованни Виллани, но неоднократно вступал с ним в открытую полемику[154]. Экспрессия, неуравновешенность, произвольность интер-

[150]*Cavalcanti G.* Istorie Fiorentine. Vol. I. P. 3.

[151]Ibid. P. 38—42. Отсутствие прямого цитирования на латыни позволяет предполагать, что творения древних авторов, скорее всего, были известны ему из переведенных на *volgare* компендиумов и многочисленных хрестоматийных сборников. О том, насколько подобные компендиумы были популярны в XV в. см.: *Zambrini F.* Le opera volgari a stampa dei secoli XII e XIV. Bologna, 1878. P. 269—273; *Garin E.* Storia della filosofia italiana. Torino, 1966. I. P. 231—237; *Martines L.* The Social World of the Florentine Humanists (1390—1460). P. 283—285; 326.

[152]*Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. P. 33. Структура последнего произведения Кавальканти, оставшегося без названия, соответствует заголовкам глав нравственно-дидактической поэмы Чекко д' Асколи (*Cecco d' Ascoli.* Acerba. Libro II).

[153]Непосредственных ссылок на труды Петрарки и Боккаччо в опубликованных произведениях Кавальканти меньше, но об их влиянии см.: *Varese C.* Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino, 1961. P. 128—129: *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. P. 39.

[154]*Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. I. P. 6. В частности, в «Новом труде», написанном после «Флорентийских историй», он критиковал Виллани за то, что тот неправильно понял и истолковал «Катилинарий», имея в виду сочинение Саллюстия (86—35 до н. э.) «Заговор Катилины» (*Cavalcanti G.* Nuova opera / Ed. A. Monti. Paris, 1989. P. 30-31; *Виллани Дж.* Новая хроника. I, 32. С. 26—27).

претаций, отличающие произведения Джованни Кавальканти от более гомогенных хроник многих его современников, стали причиной разноречивых оценок его творчества в историографии.

Уже с XIX в. выявилась диаметральная противоположность суждений о Джованни ди Филиппо: от восхищения серьезностью, точностью и достоверностью его трудов[155] до полного непризнания его как историка[156]. Современные исследователи склонны к более взвешенным оценкам. А. Монти также не отвергал значимости хроник Кавальканти как источников, «ценных для наиболее глубокого понимания флорентийских реалий первой половины XV в.», поскольку «этот агрессивный полемист в некоторых случаях поднимался до уровня проницательного аналитика»[157]. М. Грендлер не отрицала некоторого влияния гуманистических идей на творчество Джованни Кавальканти[158].

Наиболее выдающимся по своей новизне сочинением Кавальканти является, на наш взгляд, его последний труд, условно озаглавленный позднейшими исследователями, как «Политико-моральный трактат». Оригинальность способа его создания состояла в сопоставлении ситуаций, героев и антигероев флорентийской истории с произвольно отобранными образцами древних эпох[159]. Содержание трактата состоит из «новелл», в которых отражаются ситуации, почерпнутые у античных писателей, а также коллизии общественной жизни Флоренции и межличностных отношений граждан, заканчивающиеся морально-дидактическими сентенциями. Его примеры, касающиеся реалий города на Арно, не несли отпечатка явной компилятивности, скорее выглядели

[155] *Gervinus G.G.* Geschichte der Florentinischen Historiographia bis zum sechzehnten jarhundert. Frankfurt-am-Mein, 1833. S. 75—80.

[156] *Villari P.* Niccolo Machiavelli e suoi tempi. Milano, 1914. P. 254. Виллари писал о Кавальканти: «Он был человеком с малым интеллектом, склонным к фантазии и легковерным <...> дурным писателем».

[157] *Monti A.* Introduction // *Cavalcanti G.* Nuova opera. P. XXXV.

[158] *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. P. 25, 76—79, 83, 85.

[159] *Grendler M.* Op. cit. P. 39—40. В исследовании М. Грендлер высказывается предположение о том, что вряд ли Кавальканти имел предшественников и среди гуманистов, за исключением некоторых попыток Джованни Боккаччо (*De casibus illustrium virorum*) и Маттео Пальмиери (*Della vita civile*), который сравнивал Фаринату дельи Уберти и Вьери де Черки с Фабием Максимом и царем Кодром из Афин. Но это — лишь отдельные случаи сравнения, тогда как Кавальканти построил весь «Трактат» на применении данного метода. В «Трактате» способ сопоставления античных героев и флорентийских граждан отличался оригинальностью, несвойственной флорентийской традиции историописания. Основным источником примеров из античного прошлого служил широко распространенный труд римского писателя Валерия Максима (1-я половина I в. н.э.) «Достопримечательные деяния и высказывания», в меньшей степени использовалась «История» Геродота.

картинами, сложившимися в индивидуальном сознании автора. В отличие от «Нового труда», в «Политико-моральном трактате» превалировали не столько обличительная сатира и критика правящей олигархии, сколько морально-дидактические назидания: ведь и задуман он был как поучение, адресованное Джино ди Нери Каппони[160].

Повествуя о своих предках, Джованни позиционировал их как представителей знатного рода. Таким «отцом фамилии» он показывал Джаноццо Кавальканти (конец XIII в.—1352?)[161], носителя древних традиций консортерии, ссылаясь на «смутные воспоминания, издавна обитающие в моей памяти». Жесткую суровость Джаноццо Кавальканти[162] применил к своему сыну Якопо, «коего содержал в тюрьме для исправления», потому что «этот Якопо тянулся к любому бесчестному делу, позволяющему ему жить как животное». Однако отец «посылал ему средства на жизнь, как сыну рыцаря, и тот мог обеспечивать и других людей. После ссоры с неким заключенным, также «происходящим из доброй фамилии Флоренции», по приказу Якопо узники, получающие от него содержание, схватили поссорившегося с ним, опрокинули его на скамью, а Якопо острием ножа начертал на его лице подобие шахматных клеток. Джаноццо, «благородный воин», узнав эту новость, отправился в карцер и забрал оттуда сына. Дома он приказал двум

[160] *Cavalcanti G.* Trattatto politico-morale. Этот юноша в возрасте 16—17 лет (к моменту завершения «Трактата») приходился внуком Джино ди Нери де Каппони (1350—1421 гг.), одному из заправил олигархического режима, сыном Нери ди Джино Каппони (1388—1457), видному военачальнику и политическому деятелю Флоренции, одному из лидеров оппозиции Медичи. Неизвестно о том, имел ли место оплачиваемый заказ со стороны членов семьи Каппони, или Кавальканти по своей воле использовал форму наставления и адресовал ее определенному лицу из рядов оппозиции, решив «продать свое перо» противной партии и рассчитывая на вознаграждение, которого он не получил от Медичи. «Нери Каппони был человек справедливый по своему нраву, любовь к отечеству побуждала его отстаивать Флоренцию силами наших гвельфов»// Ibid. P. 151, 205—206.

[161] *Napoli M.T.* Cavalcanti, Giannozzo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1979. Vol. 22. Он в качестве ленника держал держал замок Остина от флорентийской Бадии. Во время войны с Луккой (1325—1330) от имени коммуны упешно выполнял важные функции по руководству флорентийскими войсками. В то же время вел крупные банковские операции при анжуйском дворе в Неаполе, где (начиная с 1328 г.) его стали назначать на высшие военные и административные посты, в частности, Подеста Генуи (1335 г.). В 1346 г. он снова служил королеве Джованне I в качестве капитана войны против Роберто ди Таранто и Карло ди Дураццо, вооруженного мятежа которых она опасалась. В начале 50-х гг. исполнял дипломатические миссии коммуны в Тоскане по созданию антигибеллинской лиги и заключению мира с архиепископом Милана.

[162] Джаноццо Кавальканти являлся приспешником герцога Афинского (1342—1343), а затем отстаивал права грандов, сражаясь за баррикадами, в гражданских распрях сентября 1343 г. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 17. С. 413; XII. 21. С. 421—424.

старшим сыновьям связать его, положив на стол, после чего совершил правосудие: «В том месте, где чулки пристегиваются, на обеих ногах перерезал ему сухожилия (*e' nerbi*), таким образом ограничив Якопо в передвижении и сделав инвалидом до конца его дней[163]. Автор комментировал этот обычай суда и наказания внутри рода-консортерии: «Я утверждаю, что правосудие Камилла[164] имело больше пользы для всей республики, но правосудие Джаноццо являлось более суровым и заключало в себе больше составных частей»[165]. Одной из таких составляющих автор считал предотвращение вендетты, поскольку родичи юноши с изуродованным лицом «не проявили никакого гнева против Кавальканти <...> Говорили, что это наказание оказалось очень действенным для всех склонных к порокам, которые по воле Господа не замедлили с исправлением...»[166].

Порочности граждан времен Козимо Медичи, корни которой Кавальканти видел в забвении рыцарских доблестей, девальвации представлений о чести, неблагодарности и черствости, проявляемых республикой по отношению к своим героям, он стремился противопоставить достойных персонажей, преисполненных рыцарских добродетелей — великодушной щедрости и доблестного служения. Один из примеров он нашел в своей семье в лице рыцаря Америго Кавальканти (около 1325—после 1382), который, «посоветовавшись только со своей совестью», продал все свои земли в Неаполитанском королевстве, включая и башни в Капуе, а вырученные деньги предложил своей даме, королеве Неаполя Джованне I, попавшей в бедственное положение, но она ре-

[163]В данном случае речь идет об архаичных для XV в. обычаях внутриклановогo права, которое было свойственно традициям семьи-консортерии. В XV в. в практике республики широко распространился обычай эмансипации, согласно которому отец «освобождал» сына или дочь в возрасте от 14 до 25 лет, и с этого времени не нес никакой ответственности за их поступки.

[164]Камилл — представитель патрицианского рода Фуриев (ум. в 364 до н.э.). Его называли «вторым основателем Рима», но сведения о нем носят по большей части легендарный характер. Кавальканти имел в виду случай, когда при осаде города Фалерии, Камилл великодушно вернул осажденным детей знатных граждан, которых ему изменнически передал в качестве заложников школьный учитель из Фалерий.

[165]Он одобрял главу консортерии за «то суровое упорство», которое заставило его забрать сына из тюрьмы, чтобы осудить его по обычаям рода. В заслугу Джаноццо автор ставил отмщение за обиду, нанесенную сыну «доброй фамилии», и уравнение степени преступления в отношении искалеченного юноши и наказания, благодаря чему он «усмирил» потенциальных врагов.

[166]Наконец, отец взял на себя всю ответственность даже вопреки обычаям консортерии, которые требовали осуществлять таковые экзекуции по совету с другими членами рода и в их присутствии. Но «Джаноццо не пожелал быть обязанным консортам, чтобы оставаться недоступным для упреков родственников, а также бешенства их жен».

шительно отказалась их принять[167]. Америго был сыном Джаноццо и, подобно отцу, являлся банкиром, рыцарем, придворным Неаполитанского двора и феодальным владетелем одновременно. Америго, судя по некоторым фактам его биографии, стремился быть верным взятым на себя обязательствам[168].

Джованни Кавальканти восхвалял воинские доблести и подвиги рыцаря Меммо Ручеллаи, служившего герцогу Карло Калабрийскому и пронзенного во время сражения 120-ю стрелами, но взявшего крепость. Воздавалось должное подвигам крестоносца Доффо Малегонеллы, который «сочетал свои неизмеримые силы с блистающей добродетелью», являясь выдающимся путешественником и первооткрывателем африканских земель, получившим отличия от самого пресвитера Иоанна[169]. Очевидно, желая компенсировать комплекс неполноценности и недоступность политической карьеры, Джованни Кавальканти культи-

[167]*Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 213—214. Америго — член цеха Камбио, как и другие члены своей семьи, рано обосновался в Неаполе, и в 1344 г. был назначен камергером (*ciambellano*) при дворе Роберта I Анжуйского, службу которому он перемежал с военной и дипломатической службой коммуне Флоренции. Америго Кавальканти принадлежал к кружку Никколо Аччайуоли, знаменитого флорентийца, который являлся канцлером неаполитанских королей. Кавальканти писал о том, что королева Джованна не хотела принимать земли и крепости от Америго, но он сумел убедить ее, прибегнув к примерам религиозной схоластики: все ценности на самом деле принадлежат Богу, а человек ничто не может назвать своим или чужим». См.: *Cavalcanti G.* Trattato. P. 213—214. Документальные свидетельства в Неаполе подтверждают проявления щедрости и доблести со стороны Америго. См.: *Grendler M.* Op. cit. P. 214; *Carratori L.* Cavalcanti, Amerigo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1979. Vol. 22.

[168]*Carratori L.* Cavalcanti, Amerigo. 1979. Vol. 22. В июле 1358 г. кондотьер Коррадо ди Ланда (рыцарь Конрад Ландау из Германии) в очередной раз вторгся в контадо Флоренции. Коммуна вступила с ним в соглашение, чтобы вынудить его покинуть контадо: Америго было поручено сопровождать его вплоть до границ. Но по пути наемники были атакованы и частично перебиты взбунтовавшимися жителями контадо, поднявшимися против грабежей коммунальной милиции, которая должна была их защищать. Коррадо ди Ландау и оставшихся кондотьеров спас Америго, который сумел вывести их из окружения. За это его многие осуждали: поскольку наемники не соблюдали соглашения с коммуной, эмиссар правительства должен был позволить восставшему гражданскому населению перебить их всех. Америго защищался, заявляя, что коммуна дала ему точное поручение, которое по своей лояльности он должен был выполнить, даже при том, что компания нарушила данное слово. Другие его обвиняли в том, что он позволил бежать графу Ландо с наемниками, поскольку имел с ними «близость» в Апулии.

[169]*Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 174—176. Он прославлял и Томмазо ди Леонардо Фрескобальди, попавшего в плен во время войны с Филиппо Мария Висконти, но не выдавшего врагам секретов Коммуны; Вьери де Черки, бывшего капитаном флорентийской кавалерии в 1289 г. и поставившего в первые ряды всех своих сыновей и родственников. См. Ibid. P. 191—193.

вировал сословную гордость знатностью и древностью рода, прославляя рыцарскую верность взятым на себя обязательствам, цельность, мужество и героизм при совершении военных подвигов. Кодекс рыцарской чести выступал как средство протеста автора против ненавистных ему «жирных» пополанов и богатых выскочек.

Остро ощущая свою исключенность из сферы управления городом, Джованни Кавальканти, при ответе на вопрос «кто виноват?», пытался анализировать социальную структуру флорентийского общества. Основную вину он возлагал на пришедших к власти после 1382 г. «жирных» пополанов, главным образом, членов старших цехов, прочно утвердившихся во главе республики после 1400 г. В его исторических нарративах повторялся определенный контекст выносимых им обвинительных инвектив; ответственность возлагалась на тех, кто не мог похвастаться древностью рода и благородством крови, но пробился к вершинам власти благодаря накопленным богатствам. Демонстрация позиции «бедного, но знатного», гордящегося непогрешимостью в отношении принципа *onesta povertà*, сквозила в гневных филиппиках, адресованных представителям олигархии, формирующейся из членов старших цехов: «О, пресыщенные! Ненасытные волки! Если вы издохнете, этот город хоть немного вздохнет спокойно!»[170]. По его мнению, нувориши, недавние *contadini* вытесняли и угнетали потомков нобильских фамилий, «превратили их в вилланов», не давая возможности проживать в городе, оказывая политическое и фискальное давление вплоть до тюремного заключения. Он уверял, что подобных ему «отстраняли от должностей не столько из-за их бедности, сколько из-за их предков», «и только те, кто, съежившись, подбирают крошки под их столами (имелись в виду безродные и незнатные фамилии, быстро получающие допуск к власти)», могли рассчитывать на престижные политические места[171].

Наглые выскочки, озабоченные соображениями собственной выгоды, для Кавальканти персонифицировались в ловком политике и карьеристе Бонаккорсо ди Нери Питти, который рискованными, сомнительными средствами не только приумножал отцовское достояние, но и принимал деятельное участие в престижных посольствах, занимал высшие посты в республике[172]. Лишь отчасти ненависть Джованни Кавальканти к Бонаккорсо Питти можно объяснить просчетами последнего в сфере внешней политики: «Кусачая собака король Альфонсо Арагонский явился грабить и захватывать приморские земли Флоренции (1447—1448) по зову нашего дурного гражданина, какового лучше было бы назвать дерзким вилланом, чем горожанином знатного рода»[173]. Можно лишь предполо-

[170] *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. I. P. 65—66.
[171] Ibid. I. P. 65—66.
[172] Ibid. II. P. 455—457; *Cavalcanti G.* Trattatto. P. 127—131.
[173] *Cavalcanti G.* Trattato. P. 130.

жить, что Джованни Кавальканти испытывал нелюбовь к выскочке, который, как и другие, подобные ему, «примазывался» к наиболее знатным гражданам, надеясь заручиться их покровительством[174], дабы оказаться в числе тех, кто реально влиял на флорентийскую политику[175]. Фамилию Питти вряд ли можно отнести к недавно пришлым во Флоренцию «новым людям», но нельзя утверждать, что эта семья занимала первостепенные позиции в рядах правящей элиты: в хронике Стефани представители этого клана упоминались нечасто среди стоящих у власти. Возможно, особая неприязнь к Питти была вызвана неразборчивостью в средствах, которыми он добивался социально-политической эскалации. Приводимые Кавальканти факты дают основания полагать, что он не выдумывал примеров, содержащихся в трактате, хотя далеко не во всех случаях имеется возможность проверить достоверность и точность описанных им казусов. Его негативное отношение к правлению, в котором преобладало «жирное» пополанство, мотивировалось завистью к успеху, политическому влиянию и даже той неразборчивости в средствах, позволяющей добиваться цели, как это было свойственно, например, Бонаккорсо Питти, наиболее одиозному в глазах Джованни Кавальканти представителю существующего режима[176].

Вторым сюжетом, проходящим через все его произведения, выступала проблема засилья «новых людей». С этой темой он связывал свои частые рассуждения о «порче государственного управления»[177], что звучало диссонансом на фоне современных ему хроник-пане-

[174]В частности, к Мазо дельи Альбицци, покровительством которого пользовался Бонаккорсо. См.: *Cavalcanti G.* Trattato. P. 127—131. Сам Питти ни словом не упоминает о том, что он пользовался личным покровительством Мазо и Ринальдо дельи Альбицци. Это не противоречит логике его умонастроения: ведь в его лице перед нами предстает личность, одержимая комплексом собственного превосходства перед сильными мира сего. Питти не раз упоминал о Мазо дельи Альбицци, но всегда как о равном себе гражданине, с которым он исполнял дипломатические миссии и избирался в одни и те же коллегии. См.: *Питти Б.* Хроника. С. 70—71, 95, 105, 118, 140, 161.

[175]Энергичные усилия Бонаккорсо Питти, человека дерзкого, амбициозного, тщеславного, склонного употреблять любые средства для достижения цели, вызывали крайнее раздражение и у других представителей флорентийской олигархии, в ряду которых находились сдержанный и мудрый Никколо д'Уццано и славящийся своей предусмотрительностью Джино ди Нери Каппони. Об этом пишет сам Питти в своей хронике. См.: *Питти Б.* Хроника. С. 113—114, 124.

[176]*Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale. P. 130.

[177]*Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. T. II. P. 202. Он с прискорбием констатировал тот факт, что гранды Флоренции были вынуждены завидовать недавним выходцам из деревни, сумевшим быстро разбогатеть в городе. Эти настроения фиксировал у Джованни Кавальканти и французский историк А. Монти: *Monti A.* Les chroniques Florentines de la première révolte populaire à la fin de la commune (1345—1434). P. 998.

гириков, прославляющих превосходство республиканского устройства Флоренции и доблесть ее граждан[178]. Он утверждал, что по вине «жирных» пополанов пришельцы из контадо оттесняли на второй план древние и знатные фамилии: «Не делайте вид, будто у нас народное правление, когда на самом деле каждый старается помножить зло и составить компанию с теми, кто хочет возвыситься. Вы устроили так, что смешался с вами народ из Фьезоле, Чертальдо и разных других мест с их бесполезным потомством, словно бы не вы над виллланами держите власть, а они, подобно варварам-завоевателям, ходят из боттеги в боттегу, прибирая к рукам ваши богатства и гонфалоны»[179]. Топос о «новых людях», чужих, пришельцах, извращающих добрые обычаи флорентийского правления, являлся общим для многих произведений разного жанра[180]. Некоторые современные исследования показывают, что обличения «новых людей» и их покровителей у Кавальканти не всегда можно рассматривать как общее место, не подразумевающее конкретных реалий действительности[181]. Контекстом таких высказываний являлось у Кавальканти осознание исконной древности своего знатного рода и убежденности в том, что его самого нельзя отнести к «варварам».

---

[178]*Dati G.* Istoria di Firenze di Goro Dati dall'anno 1380 all'anno 1405 / A cura di L. Pratesi. Norcia, 1904.

[179]*Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. I. P. 83. Эту речь автор вкладывал в уста одного из знатных флорентийцев, выступающего на Совете. До сих пор не проводилось исследования о том, насколько эти речи соответствуют тем, что произносились в реальности. Попытки Д.М. Ансельми сопоставить приводимые Кавальканти монологи и протоколы соответствующих заседаний привели его к убеждению – автор, по всей вероятности, присутствовал на Совете Призванных (70 человек) по обсуждению налоговой реформы, состоявшемся в июле 1426 г. Официальные документы подтвердили, что Кавальканти верно передавал смысл речей ораторов, в частности, выступление Ринальдо Альбицци, выражающее жесткую олигархическую тенденцию (*Anselmi G.M.* Contese politiche e sociale nelle "Prime Storie" del Cavalcanti: il ruolo di Giovanni de' Medici // Archivio Storico Italiano. 1976. Vol. I. n. 494, a. CXXXIV. P. 120—122). Ансельми считал Кавальканти «тонким аналитиком», по достоинству оцененным Никколо Макиавелли, что «может служить надежной гарантией эффективности интроспективы Кавальканти». См.: *Anselmi G.M.* Ibid. P. 119, 134—135.

[180]Например, в хронике Джованни Виллани, но особенно у его брата Маттео Виллани. См.: *Villani M.* Cronica di Matteo Villani. L. X. XXII; XXIV; XXV; L. XI. LXV, в анонимной хронике современника Джованни Кавальканти (Cronica volgare di anonimo fiorentino dall' 1385 al 1409. XXVII), а также в стихотворной поэме одного из видных представителей флорентийской олигархии Никколо д' Уццано: *D' Uzzano N.* Versi fatti da Niccolò da Uzzano, predicendo la mutazione dello stato // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 297—300.

[181]Об опоре представителей олигархической элиты, включая и Медичи, на «новых людей» см. подробно: *Kent D.* The Rise of the Medici. Faction in Florence 1426—1434. Oxford, 1978. P. 51—101.

В извращении политического устройства он обвинял и конкретных лиц. Во «Второй истории» острие критики направлялось, прежде всего, против Козимо Медичи и его сторонников, на которых он возлагал столько надежд в «Первых историях Флоренции»[182]. Впрочем, его «Вторая история» или «Новый труд» повергала всех, кто пытался обратиться к ней, в недоумение, близкое к негодованию. Это хаотическое произведение, в котором автор давал разноречивые оценки одним и тем же персонажам, описывая современные ему явления и ситуации. Погодная запись событий практически исчезла, мифологические герои вторгались в повествование о делах соотечественников Кавальканти, постоянно прерываемое длинными морально-риторическими вставками[183]. Знаменательно, что сам писатель не считал свое творение историей или хроникой, признаваясь в том, что это, скорее, «злая сатира» (*iniqua sathira più tosto*)[184]. В данном сочинении Джованни дал волю своей неудовлетворенности и злости. Ядовитой иронией исполнены хлесткие характеристики медичейцев — представителей правящей олигархии, не принадлежащих, судя по их фамилиям, к старой знати[185]. Но особенно едко автор изобличал Козимо Медичи, приписывая ему тиранические поползновения[186]. В лице Козимо Старшего Кавальканти набрасывал

[182]*Cavalcanti G.* Istorie. I. P. 1, 92, 96, 218—219, 265, 536—538, 552—554. Он писал об отце Козимо: «Природа Джованни скорее божественная, чем обыкновенная, человеческая», о его сыне: «божественный Козимо». Он утверждал, что римские изгнанники явились повидать Козимо в таком количестве, что он, испугавшись огромной толпы, укрылся в доме. Он уподоблял его «славнейшему мужу древности Сципиону», указывая, что «множество людей шло из разных мест преклониться перед ним, как перед святой реликвией».

[183]*Cavalcanti G.* Nuova opera. P. 35.

[184]Ibid. P. 38. «Картина универсальной моральной развращенности, данная в *Seconda storia*, свидетельствует о близости автора к умственному расстройству, лишая эту причудливую работу любой исторической ценности» — так оценивает этот труд М. Грендлер (*Grendler M.* Op. cit. P. 88). А. Монти, при всем желании дать более взвешенное суждение, тем не менее, не может признать этот опус историческим сочинением в полном смысле слова. «Перед нами не столько работа собственно историческая, но располагающаяся на полпути между историей и моральным, дидактическим, политическим сочинением, прерывающимся методологическими отклонениями, анекдотами или своего рода «журналистикой»» — так пытался определить он жанр «Нового труда». См.: *Monti A.* Introduction. P. XIV.

[185]*Cavalcanti G.* Nuova opera. P. 38—40. Например, о Бернардо ди Герарди деи Алессандри: «Этот Бернардо был самый докучливый осел (*fastidioso asino*) из всего сообщества сограждан нашей Флоренции. О нем даже не стоит давать справедливую сентенцию». См.: Ibid. P. 40.

[186]*Cavalcanti G.* Nuova opera. P. 208. Понося пороки республиканского правления 1445—1447 гг., Кавальканти временами осознавал, насколько теперешние его обвинения противоречили суждениям, высказываемым в «Первых Флорентийских историях». «Не без суровых самому себе упреков взял я мое ничтожное

портрет правителя «неотесанного» (*rozzo*), «терзаемого дьявольским наущением» (*tentato da diabolica stimulazione*), побуждающим его отвергать справедливые законы в своих бесконечных «нудных речах», наполненных «лживыми аргументами»[187]. Инвективы Кавальканти были вполне конкретны, все лица названы своими именами, даже если использовалась не всегда достоверная информация, распространяющаяся в виде темных слухов и сплетен. Иногда складывается ощущение, что в этом сочинении писатель, находящийся во власти негативных эмоций, отбрасывает всякое стремление к объективному отображению реальности.

Маргинальное положение самого Джованни Кавальканти в республике оставило след в его произведениях предположительно в двух сюжетах: постулировании тезиса *poverta onestà* и представлениях о двойственности собственного социального статуса. Джованни декларировал идеал «честной бедности» в главе своего трактата, озаглавленной «Умеренность». Считая главными пороками современного ему общества «жадность и нелюбовь к отечеству»[188], он предрекал скорое крушение Флоренции[189]. Во всех его произведениях часто встречаются рассуждения подобные приводимому далее: «Деньги являются основой любого порока, но от золота могут проистекать только неприятности, когда видно, что погоняет осел, а в упряжке — хозяин <...> Из-за денег часто ставят горожан достойных в зависимость от грубого плебса, и понемногу они сами становятся недостойными и полными вероломства людьми <...> Говорится у древних авторитетов, что от богатств проистекает гордость, а напротив с необходимостью следует, что от честной бедности проистекает кротость»[190]. В семейных книгах флорентийских горожан также имеются различные высказывания о бедности и богатстве, но преобладает тенденция к реабилитации богатства в глазах Господа и даже его своеобразной сакрализации, тогда как почти не встречаются случаи постулирования

перо, чтобы рассказать столько неприглядного о человеке, которому воздавал этим же самым [пером] во многих картах такие хвалы, а теперь возношу такие насмешки чернилами над несправедливостью и отвратительной фальшью!».

[187] *Cavalcanti G.* Nuova opera. P. 231, 232, 235.

[188] *Cavalcanti G.* Il Trattatto. P. 146.

[189] «...Если ваши сограждане не перестанут стараться, насколько мне известно, превратить его [отечество] в гнездилище всяких мерзостей, то враждебные варвары будут призваны для разрушения ваших земель и людей. И <...> получится так, что, разорванные силами варваров, не останутся порочные уста безнаказанными...» // Ibid. P. 120.

[190] Приписываемые Донато Аччайуоли слова, скорее всего — вымысел автора, поскольку не имеется документальных свидетельств об отрицательном отношении Донато к богатству.

«честной бедности» как главного жизненного кредо; наоборот, скорее разорение считалось свидетельством неправильного образа жизни и наказанием от высших сил.

Идентифицируя себя как представителя знатного и древнего рода, Кавальканти, являясь почти нищим и не принятым высшими слоями городского общества, то отождествлял себя с «простым народом», то проводил резкую поляризацию между собой, «древним нобилем», и «низким плебсом». Самоидентификация со «страдающими бедняками» имела место всякий раз, как речь заходила об очередных налоговых притеснениях, которыми, по мнению автора, становились для малоимущих любые фискальные реформы, ведущие к утрате многими людьми политических прав, и, как следствие, к усилению олигархических тенденций. Джованни явно солидаризировался с «ропотом народа», осуждавшего «негодную» реформу процветающего среди знатных людей республики» Бенедетто дельи Альберти, приведшую, по его мнению, «к несправедливой и бесчестной тирании», поскольку она «категорически исключала из управления разум того, кто попадал в *Specchio*» (список должников коммуны)[191]. Складывается впечатление, что незаметно для самого автора, как только речь заходила о прорыве в элитарные слои «безродных» и «наглых» плебеев, употреблялись термины и эпитеты, наполненные социально-негативным смыслом.

В этой связи следует отметить, что Кавальканти в духе дискурсов, распространенных в XIII—XIV вв., питал интерес к целому ряду *exempla* в русле догмата «доблесть выше знатности». В этих коротких новеллах шла речь о героических и благородных поступках бедных и низкородных людей. Сюжет имел своим истоком давние античные корни, был почерпнут из речей Цицерона и рассказов Валерия Максима, традиционно развивался в городском обществе Флоренции, начиная от Данте Алигьери и Бартоло да Сассоферрато. Он нашел выражение у членов семьи Кастильонкьо в тезисе «Лучше родиться плебеем, чем нобилем...». Джованни Кавальканти убеждал в том, что доблесть простой служанки, которая в 1396 г., во время войны с Джан Галеаццо Висконти, голыми руками сбила со стены крепости Синья вражеский штандарт[192], выше, нежели доблесть Клеобии[193], заключая: «Насколько благороднорожденная женщина достойнее служанки, настолько же более должна славится доблесть служанки, чем доблесть благородной

[191] *Cavalcanti G.* Trattatto politico-morale. P. 157—158.
[192] Ibid. P. 178—179. О том же см.: *Morelli G.* Ricordi. P. 352—353.
[193] Римская героиня, которая, отстаивая Рим, доблестно сражалась против войск этрусского царя Порсенны.

женщины»[194]. Кавальканти утверждал, что ее мужество превосходит деяния древних героев, потому «эта служанка достойна наивысшей хвалы». Микеле ди Ландо, избранного восставшими чомпи гонфалоньером справедливости 22 июля 1378 г., Кавальканти ставил выше великого законодателя древности Ликурга: «Ликург заслуживает одобрения как создатель таких (справедливых — *И.К.*) законов, но еще большего одобрения заслуживает Микеле ди Ландо, потому что Ликург создавал законы, будучи образованным, а Микеле ди Ландо был чесальщиком. В большей степени следует воздавать должное, если от слабейшего истока исходят дела, подобные самым достойнейшим»[195]. Автор снова как бы не отдавал себе отчета во внутренних противоречиях своих повествований: примеры, доказывающие, что истоком благородства является не кровь и происхождение, а деяния и добродетели личности, противоречат начальным страницам этого же трактата, где Кавальканти, ссылаясь на Данте, утверждал обратное, выделяя знатность и древность своего рода[196]. Если судить по произведениям Боккаччо и Франко Саккетти, культура городского общества широко впитала в себя дуалистические представления о знатности, проистекающей от доблести и незаурядных качеств личности. Играл роль и жанр произведения: Кавальканти писал свой трактат как морально-нравственное наставление для воспитания юного Джино ди Нери Каппони: «Почитайте тех, кто доблестны, не смотрите при этом ни на низость положения, ни на высоту родства, ни на избыток богатства; потому что исток всякого благородства всегда коренится в доблестных делах, поэтому все знатные люди древности становились доблестными благодаря своему добронравию...»[197].

Говоря о коммунальной идентичности, стоит отметить присущий Кавальканти «флорентинизм»: в центре его исторических повествований обычно находился родной город-государство. Во всех опусах автора его политический идеал оставался неизменным — пополанская республика с более свободным допуском к управлению представителей знатных и древних фамилий, широкой выборной системой и сохранением народовластия в его прежнем объеме. Эта модель государственного устройства очерчивалась в кратких нравственных наставлениях будущему политику, в рассуждениях о том, что общественное благо следует предпочесть личной пользе с риторическими призывами к от-

[194]Об этом эпизоде подробно писал Джованни Морелли: *Morelli G.* Ricordi. P. 352–253.

[195]*Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 127—128; 138—139; 136—137; 176—179. Цит: P. 137.

[196]Idem. P. 103—104.

[197]Idem. P. 113.

казу от пустой мирской славы прежде, чем от служения коммуне, во множестве примеров готовности жертв ради республики[198]. Столь же свойственны Кавальканти и антитиранические сюжеты. Постулируемые им традиционные ценности давали о себе знать в утверждении превосходства и неизменности политического устройства Флоренции, стоящего вне времени и обладающего в его понимании непреложным совершенством[199].

Этот историк прославлял Флоренцию, но своеобразно, как бы разрывая «цепь времен», отделяя излюбленную и особенно восхваляемую им эпоху 40—70-х гг. XIV в. от современного ему периода. Регрессивная модель понимания исторического времени как упадка видна в заявлениях о том, что образцы людей правдивых и любящих отечество, следует искать только до 1434 г., «потому что потом от людей такого рода был очищен город граждан». Он не переставал восторгаться правлением выдающихся флорентийцев[200] в 60-е—первой половине 70-х гг. XIV в. Даже признавая факт их персонального соперничества, Кавальканти убеждал, что оно приносило большую пользу Флоренции, поскольку Альбицци и Риччи стремились превзойти друг друга в действиях ради общего блага: «В их время наилучшим образом управлялся город», «каждый искал случая опередить другого, следуя общему благу»[201].

---

[198]Ibid. P. 132—133, 145—146; 172—173, 119—120. В качестве примеров приводились бескорыстные канцлеры Спинелло и Оттобуони; отдающие свое достояние для блага республики Пьеро ди Филиппо Альбицци и Угуччоне Риччи (Ibid. P. 120—123); жертвущие собственными сыновьями ради торжества справедливости Джакопо Росси и Джаноццо Кавальканти (Ibid. P. 142—143); не пожалевшие собственной жизни ради республики Якопо Пацци, Бокка дельи Абати и Меммо Ручеллаи. См.: Ibid. P. 170—171, 174.

[199]*Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 148, 193—195. Это особенно заметно при сравнении с «Рассуждениями о первой декаде Тита Ливия» Никколо Макиавелли, который исходил из убежденности в том, что смена форм правления — закономерный процесс. См. *Юсим М.А.* Последовательность Макиавелли // *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002. С. 449.

[200]*Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 151. По духу его произведения стояли ближе к «Хронике» Дино Компаньи и «Божественной Комедии» Данте Алигьери, которую он так часто цитировал, нежели к историям, написанным Джованни Виллани и Маркьонне Стефани. Под «выдающимися флорентийцами» в данном случае имелись в виду Угуччоне де Риччи (ум. в 1383 г.) и Пьеро ди Филиппо де Альбицци (ум. в 1379 г.)

[201]Ibid. P. 122—123. Современник Риччи и Альбицци, хронист Маркьонне Стефани, давал совсем другие оценки лидерам режима, характеризующегося засильем гвельфской партии (*Stefani M.* Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani Rubr. 730—731. P. 279—282). Стефани заявлял, что в 1371 г. «неподкупный» Угуччоне де Риччи был подкуплен главой дома Альбицци и вступил со своим заклятым врагом в альянс, забыв о суровой принципиальности, восхваляемой Джованни Кавальканти, что «привело всю Флоренцию в оцепенение».

У потомка знатного рода, не воспринявшего образ жизни, обеспечивающий экономическую стабильность и, следовательно, высокий социально-политический статус, не было шансов стать активным действующим лицом в городском обществе. Трагически переживая свое маргинальное положение, Джованни Кавальканти пытался компенсировать собственную социальную и профессиональную несостоятельность, занявшись творчеством, в котором он утверждался как историк, наставник и моралист. Историописание предоставило ему возможность обрушить обличительную сатиру на тех, кого он полагал виновниками бедственного положения знатных фамилиий, и вынести собственные суждения о социальной структуре флорентйского общества. Обвинения в деградации коммунального устройства он обращал к представителям верхушки «жирного» пополанства, консолидирующегося в подобие политической элиты и «новых людей», успешно осуществляющих социальную эскалацию и пробивающихся в состав правящей группы, не брезгуя никакими средствами. В то же время Кавальканти отождествлял себя с городскими низами, выражая неизменное недовольство всеми налоговыми реформами, о каком бы политическом режиме не заходила речь. Его попытка осмысления социальных противоречий и своего места в обществе показывает влияние индивидуальной позиции на складывающиеся в городском социуме культурные стереотипы.

Глава IV

Пополаны на вершине социальной иерархии

§ 1. Сопротивление попыткам отмены «Установлений справедливости»

Попытки государственных переворотов с целью отмены «Установлений справедливости», когда противоречие гранды/пополаны снова, хотя и на короткое время, выступало на первый план в коммунальном социуме, имели место в 1323, 1340[1] и 1343 гг., однако в течение первой половины XIV в. гранды в целом оставались под контролем коммунальных структур власти.

События августа 1323 г. были связаны с войной против тирана Лукки Каструччо Кастракани, когда флорентийским изгнанникам-грандам была обещана амнистия и возвращение в город, если они выступят в рядах коммунального войска. Однако после поражения флорентийцев под Фучеккьо (июль 1323 г.) стало известно о том, что это обещание не будет исполнено. Тогда возник заговор изгнанников и некоторых нобилей из их семейств, остающихся во Флоренции: «народ опасался не столько сил нападавших, несоизмеримых с его силами, сколько измены внутри, готовившейся грандами», ибо, как писал Джованни Виллани, «было достоверно известно, что заговорщики собирались поднять мятеж и поджечь город с разных концов, <...> упразднить должности синьоров приоров и "Установления справедливости" <...>, и положить конец мирному существованию Флоренции». Не желая карать слишком большое число граждан, замешанных и причастных к заговору, приоры ограничились тем, что трех грандов, на которых указывало большинство, приговорили к штрафу в 2000 лир и высылке из города на полгода. «Пополаны всех сестьер собрались и дали клятву единодушно защи-

[1] О борьбе грандов против «Установлений справедливости» см: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 39. С. 130 —131; VI. 33, 65, 78. С. 152—155, 174, 183—185; VIII. I, 12. С. 223, 228—229. О ненависти и страхе, которые испытывали «верхи народа» к Корсо Донати и его заговору: Там же. VIII. 38—39, 96. С. 232—235, 257—259. О попытке переворота 1340 г. см.: Там же. IX. 219. С. 281—282, XI. 118—119. С. 382—386; *Velluti D.* La cronica domestica. P. 160.

щать народовластие»[2]. Джованни Виллани, как и Маркьонне Стефани[3], четко и определенно расставлял акценты, маркирующие социальное противостояние.

Причинами событий, случившихся в ноябре 1340 г., Джованни Виллани считал дурное правление «жирных» пополанов, отстранявших от власти грандов, средние и низшие сословия. Но в чем оно заключалось? Согласно сведениям Д. Нэйджеми, в этот период происходило сращивание коммунального фиска с наиболее крупными торгово-банковскими компаниями. Экспансия в контадо, война с тираном Лукки Каструччо Кастракани, затем с Мастино делла Скала, синьором Вероны, захватившим Лукку (1336—1338), потребовали огромных займов и увеличения косвенных налогов.

Была образована Комиссия 10-и представителей главных торгово-банковских компаний, которой дали власть изыскивать деньги посредством очень крупного займа (100000 флор., 1/3 которых вносили те банковские компании, откуда избрали представителей в коллегию 10-и), но также ей был предоставлен контроль над суммой в 300000 флоринов в год поступлений от габелл, многие из которых — габеллы с городских ворот и таксы с продажи вина — были удвоены[4]. Так впервые торгово-банковские компании интегрировались в фискальный аппарат коммуны как прямые финансисты, но также гаранты возмещения займов посредством доходов от габелл, и как посредники, берущие на себя обязанности выплат долгов других плательщиков. Они способствовали увеличению поступлений в казну и начали инвестировать все более значительные доли в государственный кредит, от которых получали основательные проценты. Эти сообщества выполняли функции банков для коммуны, и через комиссию 10-и достигали также высокой степени контроля над финансовой политикой города. Правительство все более зависело от компаний, тогда как компании со своей стороны становились все более зависимыми от способности коммуны уплачивать проценты, которые они сами фактически обеспечивали[5]. Фискальная ситуация пережила еще один удар, когда правительство заключило договор на приобретение Лукки у Мастино за 250000 флоринов, спровоцировав вступление в войну Пизы против Флоренции, и вследствие этого новые еще большие займы. Тогда тяжелый финансовый кризис

[2] *Виллани Дж.* Новая хроника. IX. 219. С. 281—282.

[3] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 362. P. 133.

[4] *Виллани Дж.* Новая хроника. XI. 50. С. 356—357; *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. P. 162. Нэйджеми считал, что сумма, которую контролировала коллегия 10-и, составляла 250000 флор.

[5] *Becker M.* Florence in Transition. Vol. I. P. 127—128; *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. P. 163.

принял угрожающие масштабы, возросшие из-за краха компаний Барди и Перуцци, предоставлявших огромные кредиты английской короне за монополию на экспорт шерсти в Италию[6].

«Плачевные последствия» «дурного правления», по словам Виллани, привели к тому, что «влиятельные и жирные пополаны», хозяйничавшие в городе, не допуская к структурам власти «ни грандов, ни средние сословия, ни низшие», для усиления своего влияния призвали во Флоренцию в качестве капитана гвардии «жестокого и скорого на расправу» Якопо де Габриэле из Губбио, который правил «на манер тирана и палача, не обращая внимания на законы и постановления». Воспользовавшись недовольством многих граждан, «некоторые гранды» в ноябре 1340 г. попытались организовать в городе заговор против Якопо и поддерживающих его правителей. В числе тех, кого «гордыня и негодование поставили во главе заговора», хронист называл Барди, Фрескобальди, Росси и «вообще большинство семейств грандов», которые объединились с мелкими синьорами контадо Флоренции. Когда заговор был раскрыт, ситуация обострилась тем, что в приорате тогда находился в должности Гонфалоньера справедливости Тальдо Валори, компаньон Барди, который, согласно сообщению хрониста, старался воспрепятствовать другим приорам забить тревогу. «Все семейства грандов Ольтрарно пытались оборонять предмостные укрепления, обстреливая и убивая тех, кто пытался пройти через них...», но пополаны Ольтрарно оказали им сопротивление. Подеста Флоренции сумел перебраться в Ольтрарно и уговорил заговорщиков ночью покинуть город. В мятеже обвинили грандов, главным образом, представителей домов Барди, Фрескобальди и Росси. Кроме того, были введены дополнительные меры против усиления влияния грандов[7]. И в этом случае хронист, являющийся непосредственным свидетелем событий, определенно освещал их как очередное столкновение грандов и пополанов. Отметим, что в обоих эпизодах 1323 и 1340 гг. речь не шла о всем нобильском сословии, но лишь об определенных его представителях, отдельных группах грандов. «Установления справедливости» и последующая политика

[6] *Виллани Дж.* Новая хроника. XI. 88. С. 370—371. Виллани перечислял жесткие санкции, которым капитан из Губбио подверг представителей домов Барди и Перуцци: Пьеро Барди пришлось уплатить 6000 лир штрафа за оскорбление его подданного, коммуна конфисковала у других членов клана Барди ряд замков, которые они купили у синьоров в контадо, то же самое происходило и с членами семьи Перуцци. См.: *Luzzatti M.* Firenze e la Toscana nel Medioevo. Torino, 1986. P. 158.

[7] *Виллани Дж.* Новая хроника.. XI. 118—119. P. 382—386. Состоятельным пополанам было приказано оснаститься панцырями и шлемами «как у фламандцев», коммуна скупила окрестные замки и запретила частным лицам приобретать их ближе, чем за 20 миль от контадо и дистретто.

сделали свое дело, основательно расколов слой нобилей посредством коммунальных реестров, определяющих их социальную принадлежность и место в общественной иерархии.

Со всей остротой противоречие между грандами и пополанами дало о себе знать в 1342 и 1343 гг., в связи с призванием и свержением неудавшегося диктатора флорентийской республики Готье де Бриенна, герцога Афинского. Эти события характеризуют как «первый серьезный кризис XIV в., прервавший относительно прямолинейное развитие коммуны»[8].

В июле 1341 г. в полной мере давала о себе знать тяжелая финансовая ситуация, выход из которой Синьория снова видела в том, чтобы предоставить чрезвычайные полномочия комиссии 20-и граждан, также составленной преимущественно из представителей тех же банковских компаний[9]. В октябре 1341 г. начался крах компаний Барди и Перуцци, когда Бенедикт XII внезапно отстранил их от обязанностей собирания папских десятин во Франции (оставив только Аччайуоли). Решение понтифика побудило инвесторов всей Европы усомниться в благополучном состоянии компаний, переобременивших себя долгами и обязательствами, вкладчики стали требовать возврата депозитов, и началась лавина крахов. Чтобы спасти собственное экономическое могущество, представители флорентийской элиты должны были прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Непосредственным поводом к призванию герцога также стала неудачная война за завоевание Лукки, когда, вследствие поражения флорентийского войска летом 1342 г., Синьория отказала в службе очередному капитану из дома Малатести, истинному гвельфу, но плохому полководцу, и решила передать его полномочия Готье де Бриенну сроком на 1 год и на тех же условиях, которые предлагались его предшественнику. Герцог де Бриенн уже управлял Флоренцией как викарий Карла Калабрийского в 1326—1328 гг., оставив о себе добрую память. Но среди причин, приведших герцога Афинского к тиранической власти над городом, и современники, и последующие флорентийские историки называли стремление грандов в очередной раз уничтожить «Установления справедливости». Джованни Виллани заявлял: «Этот синьор <...> стал прислушиваться к уговорам кое-кого из флорентийских грандов, стремившихся свергнуть

[8] *Luzzatti M.* Firenze e la Toscana nel Medioevo. Torino, 1986. P. 158.

[9] *Becker M.* Florence in Transition. Vol I. P. 145—147. В ней участвовали Пачино Перуцци, управлявший собственной компанией, его компаньон Сальвестро Барончелли; Якопо ди Донато Аччайуоли и компаньон-инвестор Ванни Бандини; члены и компаньоны компаний Буонаккорси, Строцци, Корсини, Риччи, Альбицци, Медичи, Альберти и дель Антелла. Два члена комиссии были связаны с Барди, и один из них был Тальдо Валори.

народовластие»[10]. Благодаря их непосредственной помощи герцог получил пожизненную синьорию во Флоренции с 1 сентября 1342 г.[11] Симоне делла Тоза, младший современник Джованни Виллани, утверждал то же самое[12], как и один из анонимных авторов, свидетель событий[13].

Казалось, что представители флорентийской знати не обманулись в своем выборе, поскольку единоличный правитель города сразу же возвратил им права доступа к высшим государственным должностям и вернул многих грандов-изгнанников (членов домов Барди и Фрескобальди, высланных за участие в заговоре 1340 г.)[14]. Тиран начал расправы с возвысившимися и наиболее влиятельными пополанскими фамилиями, прежде всего, Ручеллаи и Медичи, которых многие магнаты считали своими заклятыми врагами. Некоторых выходцев из старых домов знати он, напротив, стал приближать к себе, например, Черретьери Виздомини[15], ко-

[10] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 1. С. 397. Той же точки зрения придерживадся и анонимный хронист, его современник (Cronicchetta d' incerto. P. 179). Позднейшие историки Флоренции еще более выделяли именно эту причину как главное условие диктатуры герцога Афинского: *Cerretani B.* Storia fiorentina / A cura di G. Berti. Firenze, 1994. P. 122—124. Он писал: «Фамилии и люди из знатных домов, которые вынуждены были подчиняться "Установлениям справедливости" и не имели права управлять, угодничали перед ним через посредство презентов и визитов с немалым усердием». Эту же версию высказывал, следуя за хронистами, и первый биограф Готье де Бриенна Сильвано Рацци. См.: *Razzi S.* Vita di Gualtieri duca d' Athene // *Razzi S.* Vite di cinque uomini illustri. Firenze, 1602. P. 45—46.

[11] Джованни Виллани писал, что все, пришедшие на площадь Синьории, были грандами или их друзьями, а ватаги грандов, собравшиеся на площади, кричали: «Синьор наш пожизненно!». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 1. С. 397.

[12] *Simone della Tosa.* Annali. P. 168; он замечал, что герцог пришел к власти «по наущению многих грандов, недовольных правлением народа», хотя сам Готье де Бриенн «не любил ни грандов, ни пополанов, а воевал и правил только из-за денег».

[13] La cronichetta d'incerto 1301—1379. Анонимный автор маленькой хроники считал главным условием его прихода к власти позицию грандов, отвергая поддержку низов как значимую причину. А. Монти полагал, что народ, по мнению этого анонима, «дик, груб и жесток», может только казнить для собственного удовольствия, но не способен стать виновником установления тиранического режима. См.: *Monti A.* Monti. Les chroniques Florentines de la premiere revolté populaire à la fin de la Commune (1345—1434). Lille, 1983. T. I—II. P. 237—239.

[14] Об уставе герцога Афинского и отправлении правосудия, разрешенного этим уставом см.: *Becker M.* Gualtieri de Brienne e l'uso delle dispence giudiziare // Speculum. Vol. CXIII. P. 245—251.

[15] Выходец из очень древнего и знатного рода Виздомини (*Vicedomini*), консортов Делла Тоза, совместно с ними имевших древние права распоряжаться имуществом флорентийского епископата и инвеститурой на епископский престол. Виздомини обогащались незаконно, присваивая таксы, поступающие в епископат от различных религиозных сообществ, и накопили к середине XIII в. огромную недвижимость. Политическая активность их развернулась во второй половине XIII в., в приорате они также занимали высокие должности, будучи вписаны в цехи Калимала и Камбио. Род пришел в упадок после 1293 г., попав в проскрипционный список магнатов. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 121—122.

торого тиран из оруженосцев произвел в рыцари и советовался с ним во всех делах. Но вскоре грандам пришлось разочароваться в своем ставленнике, поскольку его единственной целью стало упрочение единоличной власти, а вовсе не забота о прерогативах и льготах нобильских домов: «Во-первых гранды, поставившие его во главе Флоренции, ожидали от него обещанной им доли власти и влияния. Герцог же обманул и предал их интересы, и даже те гранды, которых он вернул на родину, чувствовали себя неудовлетворенными»[16]. Впрочем, суждения историков о политике де Бриенна неоднозначны. Вопреки почти классическим негативным оценкам, идущим от мифа «о тиране», складывающегося под влиянием клишированных топосов хронистов и идеологов XIV—XV вв., предпринимались попытки оценить мероприятия в период правления де Бриенна под другим углом зрения. В частности, американские историки М. Беккер и Дж. Нэйджеми высказывались о фискальной политике Готье де Бриенна скорее позитивно[17], хотя их заключения представляются во многом спорными.

Столь же противоречиво выглядят оценки политики герцога в отношении городских низов. Нэйджеми, не употребляя привычного штампа итальянских историков «демагогическая политика», утверждал, что де Бриенн старался сконструировать собственную базу политического консенсуса. Чтобы уменьшить выплаты габелл на продажу вина для «тощего» народа, синьор освободил цех виноторговцев от уплаты долгов коммуне и те же меры предпринял в отношении других корпораций продовольственного сектора[18]. Он позволил красильщикам и другим

[16] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 16. С. 410; *Razzi S.* Vita di Gualtieri duca d' Athene. P. 45—49. Об отношении герцога и флорентийской знати, см. подробнее: *Sestan E.* Il Comune nel Trecento. P. 27—28.

[17] *Becker M.* Florence in Transition. Vol I. P. 148—172. Беккер считал фискальную политику герцога «серьезной и <...> эффективной попыткой привести в порядок финансы коммуны», полагая реформы де Бриенна угрожающими интересам элиты. Герцог старался обуздать рост общественного долга, пожирающего городские богатства путем косвенных налогов. Чтобы уменьшить расходы, он заключил союз с Пизой и приостановил ассигнование поступлений от габелл на возмещение долга и уплаты процентов по нему, основал жесткую систему *estimo* для оценки богатств и сбора такс в контадо, восстановил прямую таксацию в городе, повторяя меры Карла Калабрийского. Новый фискальный режим угрожал интересам элиты, ибо компании нуждались в наличных деньгах, чтобы удовлетворить кредиторов, и поэтому ожидали для себя регулярного поступления процентов по уже сделанным инвестициям, а герцог приостановил платежи. Нэйджеми считал, что герцог Афинский не добивался финансового крушения крупных фамилий: он предоставил компании дель Антелла мораторий на 3 года по гражданским искам кредиторов, распространив его и на другие компании, чтобы дать им время пополнить ликвиды и воспользоваться земельной недвижимостью. См.: *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. P. 167; *Виллани Дж.* XII. 8. С. 405. Поскольку правление де Бриенна не длилось и года, трудно объективно оценить последствия этой политики.

[18] *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. P. 167—168.

рабочим цеха Лана основать собственную цеховую корпорацию. Для организации главного праздника коммунальной идентичности в честь Иоанна Крестителя, святого патрона города (24 июня 1343 г.), герцог предоставил рабочим право объединиться в собственные бригады, со своими штандартами и униформой, которые впервые утверждали их участие в коллективных формах ритуальной жизни коммуны. Эти меры вызывали крайнее неприятие у членов старших цехов, которое выразил Джованни Виллани: «У правления он оставил только угодных ему мясников, виноторговцев, чесальщиков шерсти и членов младших цехов <...> Им он предоставил свободу выбирать себе по вкусу консулов и ректоров, ибо они стремились нарушить иерархию цехов, чтобы получать более высокую плату за свой труд»[19].

Здесь необходимо учитывать своеобразный «республиканизм» флорентийских грандов, адаптированных в городе-коммуне, для которых избрание на должности, частая сменяемость на политических постах, реальные полномочия власти консулов, Подеста, капитанов войны и комендантов крепостей составляли привычный образ жизни и нормальный порядок вещей. Их вряд ли могло устроить, что герцог держал совет лишь с пятью наиболее близкими ему магнатами, «своими друзьями и министрами». Отмена «Установлений справедливости» вскоре утратила в их глазах всякий смысл: получив формально вожделенный доступ к власти, они не имели ее реально, ибо высокие посты оказывались пустой оболочкой. Нельзя забывать и присущий знати города на Арно местный — «флорентийский» — патриотизм: им не могло понравиться, что герцог стал приближать к себе своих соотечественников-французов и бургундцев, которые устремились во Флоренцию[20].

Разочарование от несбывшихся надежд на правителя, от которого ожидали слишком многого[21], заметно в различных хрониках, в частности, один из анонимных хронистов писал: «Призвание герцога <...> было деянием грандов Флоренции, полагавших, что он будет вести войну с врагами флорентийцев, но Герцог сделал обратное: он заключил мир с пизанцами, с Убальдини, со всеми врагами, взяв с каждого за это деньги...»[22]. Граждане не могли контролировать состояние финансов и

[19] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 8. С. 404.

[20] *Razzi S.* Vita di Gualtieri duca d' Athene. P. 47—49. Биограф герцога писал о том, что он предоставлял иноземцам самые лучшие должности, окружив себя 800-и всадниками, составляющими его личную гвардию, он отменил законы против роскоши. Французы и бургундцы не уважали гражданские порядки Флоренции, творили насилие по отношению к женщинам, «извращая древний и почтенный образ жизни».

[21] О недовольстве грандов правлением герцога см.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 16. С. 410; *Razzi S.* Vita di G. duca d'Athene. P. 50.

[22] Cronicchetta d' incerto. P. 179.

расходы налоговых поступлений, не получая отчетов от соответствующих должностных лиц, поскольку теперь все налоги, прежде аккуратно поступавшие в казну, немедленно отчуждались самим герцогом[23].

Незаслуженная жестокость расправы с видными пополанами, оказавшимися неудачливыми военачальниками, в частности, Джованни Медичи и Наддо (Нальдо) ди Ченни Ручеллаи, вряд ли могла быть воспринята горожанами как справедливое возмездие, учитывая тот факт, что Готье де Бриенн сам постарался, добравшись до власти, бесславно завершить войну с Пизой, согласившись на потерю ранее завоеванной флорентийцами Лукки[24].

Герцог Афинский предоставил низам политические права и экономические привилегии, но он также учредил гонфалон народа — знамя с изображением Ангела, на полвека ставшее символом инкорпорирования «тощего» народа в коммунальное сообщество, чем добился поддержки ремесленников младших цехов и плебса. Однако он ошибся в произвольной перестановке декораций, за 50 лет ставших уже привычными символами коммунальной идентичности, выселив Гонфалоньера справедливости и приоров из Палаццо Синьории, которое пре-

[23] Он искал и привлекал к себе «прибыльщиков», каковым был некий Арриго Фей, который «целыми днями и ночами изобретал все новые налоги», «его дьявольскому духу было свойственно измышлять новые непомерные налоги более, чем Аристотелю философию». Герцог присвоил доходы от габелл и эстимо, налогов и штрафов, — всего 400000 золотых флоринов только из Флоренции. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника XII, 8. P. 405; *Razzi S.* Vita di G. D' Athene. P. 52.

[24] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 2. С. 398. Джованни Медичи, капитан флорентийских войск, был приговорен к смертной казни за предательство, тогда как «по общему мнению, вся вина казненного заключалась только в недосмотре». Он упустил знатного пленника графа Тарлато д' Ареццо, которого не содержал в тюрьме, а позволял ему свободно передвигаться, приставив к нему стражу. Джованни предложил графу прогулку за ворота Лукки, во время которой тот и бежал, внезапно пришпорив коня, в лагерь пизанцев (*Razzi S.* Vita di messer Salvestro de' Medici // *Razzi S.* Vite di cinque uomini illustri. Firenze, 1602. P. 66; *Razzi S.* Vita di G. d' Athene. P. 40). Представитель фамилии Ручеллаи был комиссаром флорентийских войск в Лукке, которого герцог сначала не решился предать казни: «По просьбе многих пополанов осужденному было оказано снисхождение и сохранена жизнь под залог 10000 зол. флоринов, а приговорен он был к ссылке». Потом герцог присвоил залог, а Наддо казнил, привязав цепью за шею, чтобы тело нельзя было снять с виселицы. (*Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 2. С. 398—399; XII. 8. С. 406; XI. 140. С. 396; XII. 8. С. 406). Один из хронистов XV в. считал Ручеллаи «видным пополаном, пользующимися большим авторитетом, но слишком дерзким»: «Наддо был человеком мудрым, очень опытным и ценимым», но «он был отмечен великой дерзостью и самонадеянностью,... за что особо достоин порицания» (*Cerretani B.* Storia fiorentina. P. 122—126). Не удивительно, что Медичи и Ручеллаи возглавили один из заговоров против тирана, и по преданию, первыми вбежали на площадь Синьории во время восстания. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 17. С. 413.

вратилось в знак автономности коммунального правления, во дворец Петри, и оставив им вместо 100 стражников, полагающихся по обычаю, всего 20. Опрометчивый жест проявился также и в казни простолюдина, возроптавшего против налогового гнета. Дело было не только в изощренной жестокости этой казни: ему вырвали язык из гортани, и он должен был нести его на острие пики по городу, но и в том, что этот человек был водителем быков, запрягаемых в карроччо[25]. Именно этих попраний достоинства символов коммунальной идентичности и не могло простить герцогу большее число граждан.

Недовольство выразилось в трех параллельно возникших заговорах против Готье де Бриенна, причем каждый из них возглавляли гранды. Лишь некоторые из них остались на стороне правителя — Франческо Брунеллески, Угуччоне Буондельмонти, «каковой отправился защищать его в Палаццо», и отчасти уже упоминаемый Джаноццо Кавальканти, «каковой <...> умолял народ с оружием выступить в защиту герцога», но потерпев в этом неудачу, «Кавальканти вернулись в свои дома»[26]. В ходе мятежа восставшие уничтожили все протоколы, декреты и другие документы сначала во дворце Подеста, который использовал как свою резиденцию викарий герцога Бальоне деи Бальони из Перуджи. Затем в камере коммуны записи, выпущенные главными городскими магистратурами, постигла та же самая участь[27]. Поскольку сожжение документов, относящихся к герцогскому режиму, имело место и в камерах других должностных лиц, «уничтожение судебно-процессуальной и криминальной документации, равно как и актов гражданского состояния, было тотальным»[28]. Начавшееся 26 июля восстание против герцога

[25] *Виллани Дж.* Новая хроника. IX. 333, 351. С. 294—295; XII. 1. С. 397; XII. 16. С. 410; *Velluti D.* La cronica domestica. P. 161—163; 294; *Razzi S.* Vita di Gualtieri duca d' Athene. P. 49—50; *Paoli G.* Della Signoria di Gualtieri de Brienne duca d'Athene. Firenze, 1862. P. 6—7. Карроччо — особым образом убранная военная праздничная повозка, без которой не обходилось в городе ни одно торжество.

[26] Первый заговор возглавили Барди, Росси, Скали, Фрескобальди. Второй заговор организовали Донати в лице уже известного доблестного Манно Донати, Пацци и Кавиччули. Во главе третьего заговора встала фамилия нобилей Адимари наряду с пополанскими домами Медичи, Бордони, Ручеллаи, Альдобрандини. Предчувствуя мятеж, герцог пытался склонить грандов на свою сторону, в частности, с этой целью он произвел в рыцари Антонио Адимари, предварительно выпустив его из тюрьмы, куда заключил ранее по подозрению. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 16. С. 411—412; *Razzi S.* Vita di G. d' Athene.P. 47—50).

[27] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII.17. С. 414; *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 578. P. 205—206.

[28] *De Vincentiis A.* Politica, memoria e oblio a Firenze nel XIV secolo. La tradizione documentaria della signoria del duca d' Atene // Archivio Storico Italiano. 2003. Disp. II. Vol. 596. P. 213—214. Этот автор, сравнивая отношение Виллани и Стефани к происходящим событиям, отмечал, что, в отличие от Джованни Виллани, оставившего факт уничтожения документации без всяких комментариев, его млад-

Афинского завершилось 3 августа капитуляцией Готье де Бриенна и его последующим изгнанием из города.

Современники, которые непосредственно воспринимали эти события и описывали их, сходились в одном стремлении — придать легитимность восстанию против герцога. В канцелярии коммуны некий анонимный регистратор (условно обозначаемый как *Priorista di Palazzo*), будучи назначен учитывать имена приоров цехов и гонфалоньеров справедливости, прервал свой список, чтобы зафиксировать эти существенные факты, утверждая, что свержение и изгнание герцога произошли по велению Божьей воли, поскольку де Бриенн «незаконно» подчинил граждан своей власти[29]. Донато Веллути заявлял «Если бы не предприняли мер, эта страна оказалась бы под тираном и была бы ему подчинена; и тысячи женщин пошли бы в бордели и встали на дурной путь; бесчисленное число мужчин и женщин погибли бы или пошли побираться и воровать по всему миру»[30].

Тирания герцога Афинского была последним единоличным правлением чужеземного суверена, облеченного чрезвычайнами полномочиями. Во Флоренции больше никогда не прибегали к подобной практике. Как писал Р. Фубини, синьория герцога Афинского означала конец долгой фазы периодического участия в управлении городом папских функционеров и анжуйских монархов[31].

Для реформирования города епископом Анджело Аччайуоли на срок с 3 августа по 30 сентября была образована комиссия из 14-и граждан, половина из которых являлась магнатами и представителями фамилий, уже считающихся знатными, причем последние задавали там тон, судя по активности нобилей Пьеро де Барди, Форнайо де Росси, Лапо Фрескобальди[32]. 5 августа 1343 г. коллегия 14-и установила, что «каждый статут, постановление, распоряжение и реформа советов Коммуны и Народа Флоренции, имевшие силу во Флоренции до 8 сен-

ший современник М. Стефани выражал определенную рефлексию: «политическая значимость» их уничтожения для него «была отодвинута на второй план» мыслями о понесенных коммуной потерях. Хронист заявлял: «Коммуне был причинен большой вред, поскольку там содержались доказательства того, что она во многих местах имела разные привилегии, а теперь все документы были разорваны и сожжены». См.: *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 578. P. 205—206.

[29] *De Vincentiis A.* Politica, memoria e oblio a Firenze nel XIV secolo. P. 211.

[30] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 208. Эту речь Донато вкладывал в уста епископа Анджело Аччайуоли, который полностью отпустил ему грехи, совершенные в период правления герцога.

[31] *Fubini R.* Prefazione // I Consigli della Repubblica fiorentina. Libri fabarum XVII (1338—1340) / A cura di F. Klein. Roma, 1995. P. X—XXI; XII—XIV; *Najemy J.* Corporatism. P. 133.

[32] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 19. С. 418; *Velluti D.* La cronica domestica. P. 165.

тября 1342 г., т.е. до объявления герцога синьором, следует считать действующими и имеющими силу», но с одной существенной оговоркой, утверждавшей, что «Установления справедливости», действующие до 8 сентября, напротив, должны рассматриваться, как утратившие силу[33]. Так было принято решение о подтверждании отмены «Установлений справедливости» и должности Гонфалоньера справедливости — реформ, проведенных герцогом. Активность домов знати вполне понятна: они опасались восстановления «Установлений» в полном объеме, поэтому, совершая насилия и убийства, выдвинули против пополанов ряд ложных обвинений, помещая в избирательные списки, по мнению участника событий Донато Веллути, «главных вожаков флорентийских грандов». Комиссия модифицировала аппарат управления, предоставив магнатам 1/3 постов в приорате, расширенном до 12-и членов, 1/2 постов в высших коллегиях, выработав также соответствующий генеральный список для избрания. Единственная жизнеспособная реформа комиссии 14-и — территориально-административная — разделение города на 4 округа (картьеры) вместо прежних 6-и сестьер, но она больше пользы приносила пополанам, чем знатным фамилиям.

Политическая экспансия нобилей привела к восстанию в сентябре 1343 г., в котором, помимо пополанов, принимали участие и представители влиятельных грандов — «народные рыцари» из древних нобильских фамилий — Джованни делла Тоза, Бальдиначчо дельи Адимари, Джерри де Пацци. Это еще раз свидетельствует не только о размежевании внутри прослойки древней знати и даже внутри отдельных родов, но и о своеобразном «коммунальном демократизме» многих нобилей, не желающих сужения властной элиты и замыкания ее внутри узкой страты грандов[34].

22 сентября 1343 г. начался очередной этап открытого вооруженного противостояния между грандами и пополанами. Джованни Виллани констатировал: «...Множество пополанов с оружием в руках собрались на площади Синьории, восклицая: "Да здравствует народ, смерть предателям-грандам!" и требуя у находившихся во дворце приоров-пополанов выбросить грандов из окон. Восставшие подожгли крыльцо и «вынудили всех приоров подать в отставку и сдаться на милость на-

[33] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 17. С. 418; *De Vincentiis A.* Politica, memoria e oblio a Firenze nel XIV secolo. P. 217—218.

[34] *Виллани Дж.* Новая хроника. С. 418—419. Виллани писал об этом так: «Народные рыцари, которым поступки их сородичей и других грандов, настроенных против народа, были не по душе, ибо угрожали безопасности города», и «некоторые пополаны, для которых нестерпимо было участие в учреждениях более знатных людей, ограничивших их власть и мешавших поступать с коммуной, как им заблагорассудится, объединились с этими "народными рыцарями", выступили зачинщиками, стали вооружаться и собирать людей».

рода, сопроводившего 4-х смертельно испуганных грандов (из родов Маннелли, Форабоски, Спини и Адимари) по домам <...>, оставшиеся приорами пополаны вместе с советом старшин 21 цеха избрали 12 советников Синьории из народа <...>, а также <...> гонфалоньеров народных компаний»[35] и Гонфалоньера справедливости в лице пополана Сандро да Кварата, ранее бывшего приором. Они тут же созвали Совет народа в количестве 300 человек.

В этом случае следует предоставить слово непосредственному участнику событий — Донато Веллути, который был избран одним из гонфалоньеров компаний от картьеры Ольтрарно в разгар событий, т.е. 22 сентября 1343 г. Уже на следующий день ему было доверено исполнение сложнейшей миссии в охваченном гражданской войной городе. 23 сентября пополанская Синьория сделала попытку договориться с магнатами, уполномочив вести переговоры флорентийского епископа, а также специально избранных послов, и в их числе Донато Веллути. Он вспоминал: «Правда, <...>, когда гранды намеревались устроить сборище в контадо, Приоры отобрали Томмазо Дьетайути, Ванни дель Мильоре и меня, и послали нас туда (в Ольтрарно) по воде просить всех грандов, чтобы они согласились воздержаться от этого, и предложить им примириться, что мы и сделали»[36], однако попытка примирения не удалась[37].

Магнаты, взбешенные выводом из приората, забаррикадировались в своих кварталах: 25 сентября ситуация вылилась в открытые сражения между магнатами и группами пополанов, которые спонтанно организовались и взяли оружие. Опасность заключалась в том, что гранды решили объединиться с городскими низами и плебсом. Их разрушительный экстремизм, выразившийся в лозунге «Да здравствует тощий народ, смерть жирным пополанам, долой налоги!» — вызывал тревогу у вновь избранного правительства республики. Но грандам не удалось достичь цели: «Худой народ не пошел за ними, хотя на это у них и были кое-какие надежды, впрочем, беспочвенные». 24 сентября началось восстание по инициативе пополанов, возглавляемых Медичи и Рондинелли, которые стремились предупредить действия грандов и «ударили на членов клана Адимари-Кавиччули, самых смелых, мужественных и влиятельных грандов во Флоренции», принудив их сдаться. Затем были разбиты Донати и Кавальканти, дольше всех сопротивлялись Барди и Росси, ожесточенно сражавшиеся у Старого Моста. Однако и они отступили, «складывая руки крестом, просили у народа пощады, и им не

[35] *Виллани Д.* Новая хроника. XII. 19. С. 419; *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 588—589. P. 212.
[36] Там же. XII. 20. С. 420.
[37] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 166, n. 7. — Commento di I. Del Lungo. К сожалению, последующие страницы в оригинале рукописи Веллути были утрачены, а более никакие хронисты не упоминали о факте этих переговоров.

причинили никакого зла». «Стоявшим насмерть у своих завалов Барди тоже пришлось отступить под угрозой окружения»[38].

Члены 21-го цеха (корпорация красильщиков, утвержденная герцогом, к этому времени была уже распущена) немеденно восстановили народное правление в полном соответствии с «Установлениями справедливости», в которых произвели лишь незначительные смягчения, и лишили магнатов права избрания в приорат, но по-прежнему в их действиях не было заметно жесткой последовательности. Они решили вычеркнуть некоторые фамилии из списка магнатов (Спини, Скали, Брунеллески и отдельных представителей домов Адимари, Росси, Маннелли, Нерли, делла Тоза), в которых народ усматривал своих политических союзников. Младшим цехам предоставили беспрецедентную степень участия, ибо без совета с коллегией Уполномоченных (*capitudini*) 21 цеха Синьории новых составов не решали никаких важных дел. Как рассказ Виллани, так и официальные документы, продуцированные народным правлением в ходе 5-и последующих лет, выявляют крайне усилившийся авторитет и влияние 21 цеха и их консулов, но не 12-и ассоциаций старших и средних цехов, которые доминировали с 1293 по 1343 гг.

Хронисты-современники событий оценивали режим с преобладанием младших цехов скорее отрицательно. Джованни Виллани замечал: «Народ занял великое положение, возымел дерзость и господство, особенно средние и младшие ремесленники, и <...> все правление городом держалось на 21 уполномоченных цехов». Он заявлял, характеризуя репрессивное законодательство против грандов, принятое осенью 1343 г.: «Но следует заметить, что многие пополанские дома и семейства гораздо больше заслуживали быть приписанными к грандам, чем подавляющая часть оставшихся грандов, если по справедливости судить их самовольные поступки и преступления», «до прихода герцога Афинского у власти стояли зажиточные пополаны, плохо с нею справлявшиеся...»[39]. Виллани крайне негативно высказывался по поводу повышения представительства средних и младших цехов в правящих структурах: «В июне и июле 1344 г., когда во Флоренции стал управлять нечесаный или простой народ...», «...в тогдашнее правительство города входили господа ремесленники и чернорабо-

[38] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 21. С. 422—424. Могущественный клан магнатов Ольтрарно (Фрескобольди, Росси, Нерли, Маннелли и, прежде всего, Барди) оказал упорное сопротивление, и был побежден лишь тогда, когда войска народа атаковали сильную крепость Фрескобальди, и затем взобрались на холм Сан Джорджо, чтобы напасть сзади на Барди. По сведениям Нэйджеми, народ захватил и разрушил 22 палаццо и дома Барди, нанеся этому клану ущерба более чем на 60000 флоринов. Подробнее см.: *Najemy J.M.* Storia di Firenze 1200—1575. P. 170.

[39] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 23. С 424—427.

чие, люди невежественные». «Судьбы республики их мало беспокоили и еще менее они были способны управлять ею, поэтому для них не составляло труда принимать неслыханные и невиданные законы, лишенные всяких разумных оснований <...> дурно нами правили гранды и еще хуже пополаны <...> Неизвестно, к чему приведет теперешняя власть мелких ремесленников, невежественных, безграмотных и лишенных благоразумия, ибо они руководствуются своим произволом»[40]. В следующей главе Виллани подвергал критике «законы, лишенные всяких разумных оснований». Статут о конфискации у грандов имущества, предоставленного коммуной им или их предкам за заслуги и помощь, он называл «некрасивым поступком народного правительства с именитыми людьми». Этот эпизод стал для Джованни Виллани поводом вспомнить о «замечáтельных людях, оказавших благодеяния коммуне», которые теперь «подверглись гонениям со стороны вероломного народа»[41].

Даже М. Стефани, сторонник и функционер режима младших цехов 1378—1382 гг., был во многом недоволен народным правлением 1343—1378 гг. Последующие историки выносили различные оценки. Некоторые почти не отличаются от высказываний названных хронистов: «Пополаны <...> недостаточно привлекали нобилей для дипломатических переговоров и руководства войсками, не обеспечивали военной мощи Флоренции, и поэтому не могли решить насущной задачи завоевания Пизанского порта, были необъективны в составлении выборных списков, куда несправедливо не включали многих жирных пополанов, не гарантировали наибольшего благоприятствования в экономических делах»[42]. Другие склонны давать позитивную оценку политике пополанского режима: «Не всегда критика в адрес пополанов со стороны хронистов является обоснованной, ибо за время своего преобладания в делах правления они сделали немало полезного». Успехи были достигнуты при значительных внешнеполитических трудностях: в 1358 г. Пизанская коммуна отменила льготы на транзит иностранных товаров, и конфликт вылился в настоящую войну 1362—1364 гг.[43]

---

[40] Там же. XII. 32. С. 429. Цит.: 43. С. 434. Позже, объясняя причины краха компаний Барди и Перуцци, он снова вернется к «дурному управлению, при котором всякий, имеющий силу, перетолковывал законы коммуны на свой лад». См.: Там же. XII. 55. С. 438.

[41] Там же. XII. 44. С 435.

[42] *Monti A.* Les chroniques. P. 163—166, 181—190; *Bertelli S.* Il potere oligarchico. P. 88—89.

[43] *Ugolini G.* Moti popolari e potere nell' esperienze fiorentine del Trecento // Un altra Firenze (l' epoca di Cosimo il Vecchio). Firenze, 1973. P. 299, 308—309.

Хотя два пополана, непосредственные свидетели событий — Донато Веллути и Джованни Виллани — одинаково воспринимали случившееся именно как противостояние грандов и пополанов, их оценки результатов победы были различными. Донато Веллути позиционировал себя полностью на стороне народа и гордился тем, что «стремление грандов усилиться не удалось»: «И затем сделали список из одних только пополанов (20 октября 1343 г.), как из-за большого разделения, родившегося между грандами и жирными пополанами, так и для усиления народа»[44]. Его удовлетворение понятно, поскольку Веллути заняли достойное место в новых списках, а сам автор «Домашней хроники» попал в список на высшую должность — Гонфалоньера справедивости.

Донато Веллути судил с позиций положения в социуме себя самого и своей семьи, а Джованни Виллани, исходя из жанра хроники, старался оценить события в масштабе всего коммунального сообщества. Но даже учитывая этот факт, ясно, что высказывания по поводу случившихся перемен и реформ носили противоречивый характер, и сама суть этой противоречивости далеко не совпадала с антагонизмом гранды-пополаны, еще раз подтверждая как относительность этого социального противостояния, так и глубокое сращивание многих грандов с государством-коммуной, ценности которого они часто ставили выше своих сословных интересов.

§ 2. Сосуществование пополанов и грандов в середине—второй половине XIV в.

В дальнейшем противостояние гранды-пополаны сохраняется до конца XIV в., но уже не выступает на первый план, проявляясь скорее в латентной форме. Социальная стратификация флорентийского общества после 1343 г. заметно усложнилась, что зафиксировал в последней главе «Новой хроники» Джованни Виллани в негативных оценках правления «тощего» народа, который он противопоставлял представителям старших цехов и грандам.

Сентябрьские реформы 1343 г. восстановили «Установления справедливости», но с определенными поправками, утверждающими волю государства-коммуны, которое могло пожаловать пополанское звание

[44] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 167.

за выдающиеся заслуги[45]. Более того, судя по постоянно переиздаваемым реестрам фамилий новоявленных грандов и пополанов, можно прийти к выводу, что коммуна усилила контроль над социальным статусом своих граждан.

Маркьонне Стефани, представляющий следующее после старшего Виллани поколение хронистов, разворачивал еще более запутанную картину, выделяя в обществе «добрых купцов и ремесленников» (*buoni mercatanti e artefici*), под которыми очевидно имелись в виду представители старших и младших цехов, противопоставляемые грандам и чомпи, но внутри этой группы фиксировались в свою очередь острые противоречия между старшими (*Arti maggiori*) и младшими (*Arti minori*) цехами, которые все же объединялись в своем противостоянии чомпи[46]. Хронист часто пользовался другой парой терминов *maggiori – minuti* (старшие, высшие — мелкие, тощие)[47], еще более затемняя смысл социальных противоречий, ибо не всегда автором уточнялось, какие именно категории населения имелись в виду.

Значительная часть фамилий грандов стремилась перейти в пополанство, даже не приемля образа жизни и профессиональных занятий этой страты, ради политических прав и возможности иметь доступ к управлению. Показательный случай такого рода перехода фамилии грандов в пополанство приводится и в «Домашней хронике» Донато Веллути, который повествовал о вендетте между своими предками и нобилями Маннелли, продолжавшейся с 1267 по 1295 гг., когда Веллути и их противники были обвинены и приговорены коммунальным судом к уплате высоких штрафов, а после этого коммунальные власти силой принудили враждующие стороны к примирению[48]. Однако обоюдная ненависть сохранялась до 1349 г. Донато объясняет причины, которые заставили его кровных врагов перейти в пополанство: пережитое «бесчестье», когда до окончания срока полномочий Дзаноби Маннелли 22 сентября был

[45] Например, Джованни Виллани указывал, что в 1325 г. 10 семейств грандов города и 25 родов нобилей контадо присоединили к пополанству. «Некоторые хвалили эти меры, но многие осуждали, говоря, что кое-какие семьи влиятельных и надменных пополанов следовало бы причислить к грандам ради спокойствия народа» // *Виллани Дж.* Новая хроника. IX. 267. С. 286.

[46] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 814. P. 342—343. Усложненность социальной градации, нашедшая выражение в хронике Стефани, отмечалась Амедео Де Вичентиис, современным автором развернутой аналитической статьи, посвященной хронике Маркьонне Стефани. См.: *De Vicentiis A.* Scrittura storica e politica cittadina: la cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // Rivista storica italiana, 1996. Anno CVIII. Fasc. 1. P. 281.

[47] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 814. P. 344.

[48] Анализ кровной вражды Веллути и Маннелли с юридической точки зрения дан А. Дзорци. См.: *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione. P. 14.

изгнан из Дворца, а также «усиление пополанов», «кое он и все его родственники и друзья видели». В 1343 г. Маннелли были объявлены грандами и поэтому утратили все политические права.

В повествовании Веллути заметно своеобразное упоение социальным реваншем: Дзаноби Маннелли, изгнанный из Палаццо Синьории, «был вскоре выслан как гранд <...>, и так ему было снова нанесено бесчестье». Чтобы опять получить доступ к управленю, Маннелли, «как и некоторые другие дома грандов, захотели в то время сделаться пополанами». Когда в 1349 г. Донато снова был избран гонфалоньером компании, к нему обратился знакомый, состоящий в родстве с Маннелли, с ходатайством о принятии их в пополанство: «Тогда <...> Бертоне Маннелли, <...> с трудом проглотив дурную желчь, долго им изрыгаемую, послал сказать нам, чтобы мы стали братьями[49], <...> и некоторые другие пришли ко мне извиниться и заявить, что они хотели бы стать моими братьями: на это я согласился, и для него старался как брат, и он был произведен в пополаны, и вместе с другими коллегиями мы обедали с ним, сделав его, Дзаноби, и сыновей, и всех других пополанами, и более чем другим коллегам они воздавали мне почести и уважение». Торжественный пир для должностных лиц коммуны организовали Маннелли, чтобы отпраздновать переход в ряды пополанства, подобно тому как отмечали производство в рыцари. Ритуал пира в данном случае имел двоякий смысл: это был также и атрибут примирения, завершения вражды — наряду с поцелуями в уста, клятвой на Евангелии и брачными союзами между бывшими врагами[50]. В этой красноречивой ситуации Донато выделял главный мотив перехода Маннелли в пополанство: обретение политических прав и освобождение от ряда репрессивных законов против грандов.

Многие члены этого рода, став пополанами, привычек своих не изменили, и уже в 1351 г. коммуне пришлось судить некоторых из Маннелли за убийство и приговорить всю консортерию к выселению в контадо[51]. Ставшему в том же году Гонфалоньером справедливости Донато Веллути пришлось много содействовать возвращению своих «новоявленных братьев», что он отмечал в своей «Домашней хронике»: «С этого времени и потом мы

[49] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 20. Под «дурной желчью» имелась в виду ненависть, которую Маннелли питали к Веллути после завершения вендетты в 1295 г. Он писал: «Из-за их величия они презирали нас, ибо к этому примирению они были принуждены Коммуной». В документах своего отца автор нашел письма, в которых родственники предостерегали Ламберто, утверждая, что его жизни угрожает опасность со стороны Маннелли. Эти магнаты не кланялись членам семьи Веллути, что Донато испытал на себе, когда однажды попытался поприветствовать их. См.: Ibid. P. 18—19.

[50] *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione. 4. 1. P. 18.

[51] *Ottokar N.* Il Comune di Firenze. P. 99—101; *Velluti D.* La cronica domestica. P 20—21. О том же см.: *Monti A.* Les chroniques florentines. P. 325—328.

оставались братьями без всякой настороженности, они получали от меня услуги, особенно указанный Дзаноби и его фамилия», и когда Амио ди Дзаноби вместе с одним из консортов убил человека в 1351 г., Донато Веллути, находившийся тогда на посту Гонфалоньера справедливости, «хлопотал у Подеста», чтобы заменить смертную казнь Амио штрафом, и «также потом, будучи приором и имея полномочия возвращать сосланных из изгнания, я устроил так, чтобы малой ценой указанные Амио и Якопо были возвращены»[52]. Чувство реванша пополана Донато особенно особенно заметно в повествовании об этом использовании своего высокого служебного положения ради покровительства роду более знатному, долгое время с презрением и высокомерием относившемуся к пополанам Веллути.

Многие представители знатных фамилий в XIV в. по нескольку раз меняли сословную принадлежность в зависимости от колебаний маятника коммунального законодательства в отношении грандов, то вступая в пополанство при его ужесточении[53], то вновь возвращаясь в статус грандов по мере его смягчения: примером таких фамилий могут послужить Пацци и Фиридольфи да Панцано[54]. О последних речь пойдет далее.

Часть «добропорядочных грандов из менее опасных и могущественных фамилий» переводилась в разряд пополанов: среди них фигурировали представители семейств Росси, Маннелли, Нерли, Делла Тоза, Адимари, Гвиди, все Спини, Скали, Брунеллески. Кроме того, приняли постановление, гласившее, что находящийся на службе у иноземного правителя или тирана должен быть изгнан как мятежник, если не вернется во Флоренцию в течение трех месяцев с момента обнародования этого указа[55]. Хронист

---

[52] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 21.

[53] *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 199—200. *Stefani M.* Cronaca fiorentina. Rubr. 725. P. 377. Об этих процессах писал Д. Кавалька (*Cavalca D.* Il ceto magnato a Firenze dopo gli Ordinamenti di giustizia // Rivista di storia del diritto italiano. 1967—1968. Vol. XL—XLI).

[54] *Pampaloni G.* Tornaquinci, poi Tornabuoni fino ai primi de Cinquecento. P. 345—346. Есть основания полагать, что род Пацци уже в конце XIII в. перешел в пополанство. В XIV в. часть фамилии вернулась в сословие грандов, затем они опять вписались в пополанство в 70-е гг. и пребывали в таком качестве до 30-х гг. XV в. Для Козимо Медичи, который подчеркивал свое пополанское происхождение, не было никакого сомнения в том, что род Пацци тоже пополанский. Он с гордостью писал о том, что выбрал для одной из дочерей жениха из дома Пацци, «потому что они из пополанского сословия».

[55] По просьбам графа Симоне де Баттифолле и послов Сиены и Перуджи, которых пригласили в качестве арбитров по проводимым реформам, сделали изъятия: если в первоначальном варианте весь род гранда, покушавшегося на жизнь пополана, должен был внести в кассу коммуны 3000 лир, то в окончательном варианте эта обязанность возлагалась лишь на близких родственников. А если родственники сами выдавали преступника, то эта сумма им полностью возвращалась. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 32. С. 429; 34—35. С. 430—431; *Cavalca D.* Il ceto magnatizio. P. 131.

Бартоломео Черретани весьма остроумно, но исходя из современных ему условий второй половины XV в., аргументировал свою убежденность в том, что этот закон был направлен против грандов: «Это постановили, понимая, что никто не сменяет фавор у монарха на республику...»[56].

Что касается процесса превращения пополанов в грандов, то здесь можно отметить две тенденции — насильственный перевод в сословие нобилей по решению Синьории в виде наказания за преступления, и явление аннобилирования, время от времени обнаруживающееся у граждан флорентийской коммуны, главным образом, в связи с получением рыцарского звания или вследствие процесса социальной эскалации, когда они воспринимали черты образа жизни нобилей. Пополанов часто объявляли грандами за различные проступки: все хроники XIV в. пестрят сообщениями такого рода. Маркьонне Стефани сообщал, как по приговору Синьории в один день февраля 1379 г. 20 видных пополанов из известных и влиятельных фамилий Ручеллаи, Макиавелли, Строцци, Содерини, Альбицци и др., среди них находились также представители младших цехов, объявили грандами по подозрению, как участников заговоров против республики, а 20 грандов произвели в пополанство: среди них представители фамилий Фрескобальди, Пацци, Пульчи, Росси, Торнаквинчи, Барди, наряду с ними несколько бесфамильных ремесленников — мясник, живописец, булочник[57]. Эти события кратко комментировал другой их свидетель, оставшийся анонимным, характеризуя решения Совета Народа: «Алессандро ди Никколайо дельи Алессандри, Риккардо де Барди, мессер Нофрио и братья Росси были сделаны пополанами, а ранее они пребывали грандами»[58].

Антагонизм между грандами и пополанами время от времени давал о себе знать в гражданских смутах, но уже терял свою остроту. Законодательство против грандов менялось, обнаруживая тенденции то к ужесточению, то к смягчению, в зависимости от обстоятельств внешней и внутренней политики, часто обе тенденции действовали одновременно. Период 1344—1347 гг. характеризовался дальнейшим наступлением на права магнатов. Тема неблагодарности и несправедливости пополанской республики по отношению к знатным и доблестным героям, особенно выходцам из наиболее древних родов, станет отныне довольно часто повторяться в памятниках различных жанров, от хроник до частных мемуаров и биографий, когда у авторов будет возникать потребность выразить и осмыслить противостояние общества и государства с одной стороны, государства и личности — с другой.

[56] *Cerretani B.* Storia fiorentina. P. 132—133.
[57] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 843. P. 362—364.
[58] Diario dello Squittinatore. P. 64—65.

Коммунальная политика 50-х гг. XIV в. является примером одновременного действия механизмов, редуцирующих и расширяющих права грандов по воле Синьории и Советов. Хронист Маркьонне Стефани свидетельствовал о дальнейшем урезании прав грандов с введением в 1354 г. закона о петициях, предоставляющего возможность любому человеку внести в Синьорию прошение о том, чтобы объявить всякое лицо грандом или суперграндом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правда, сам же Стефани указывал на несовершенство исполнения этого закона на практике: «Петиции подавались по делам слишком мелким, их нельзя было использовать так, как замышлялось»[59].

Наряду с этим ограничением производились уступки, смягчения и исключения из суровых правил антимагнатского законодательства. В 1355 г. грандам предоставили право занимать 15 мест в Совете коммуны, куда они ранее не допускались, 1/4 мест в коллегиальных магистратах по найму войск, сбору налогов, надзору за башнями и укреплениями, 1/4 постов комендантов в контадо и дистретто, разрешили исполнять функции послов и «мудрых» — пожизненных платных экспертов при Синьории и Советах. В 1367 г. приняли дополнительные постановления, дающие возможность грандам занимать еще несколько важных постов в контадо Флоренции. И хотя эти решения, если верить Донато Веллути, прошли с большим трудом, тем не менее, были укомплектованы «сумки грандов для указанных постов». Причем сам Донато Веллути в 1363 г. находился в числе «Призванных» Синьорией для обсуждения и подготовки реформ, и вместе с большинством этой коллегии выступал за то, «чтобы грандам были сделаны послабления относительно предоставления должностей, обещанные им во времена прихода Императора[60]»[61]. Коммунальные структуры нуждались в грандах — опытных администраторах и военачальниках.

---

[59] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 23. С. 425—427; *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 912. P. 402—403. Стефани указывал, что, если за петицию голосовали 2/3 или более от состава Советов, то она подлежала исполнению, и указанное в ней лицо немедленно объявлялось «грандом по рождению», даже в том случае, если его пополанское происхождение было несомненно для всех.

[60] Имеется в виду император Генрих VII Люксембург, во время прихода которого в Италию (1312—1313) гранды активно защищали от него коммуну. В конце 1312 г. войско императора осадило Флоренцию, предприняв несколько попыток штурма, но в январе 1313 г. вынуждено было бесславно отступить.

[61] *Velluti D.* La cronica domestica P. 244, 252. Донато Веллути указывал, что ради предоставления грандам должностей увеличили количество постов в некоторых коллегиях: вместо 2 должностей камарлингов (хранителей коммунальной казны) учредили 3, чтобы отдать одно место гранду. См. также: *Guidi G.* Gli istituti "Di Dentro". P. 125, 173—175; Гвиди ссылался на Статуты Подеста 1355 г. и на Провизии 25 марта 1367. См.: Ibid. P. 126.

Таким же в отношении грандов являлось законодательство 1372 г. В нем подробно регламентировалась и тем самым затруднялась при исполнении процедура объявления гражданина или фамилии грандами, но в то же время вводилось понятие «суперграндов». Те, кто становились таковыми, не только исключались со всех должностей, но и объявлялись врагами государства и подлежали уплате особого унизительного налога в пользу пополанов. На внешней стороне ворот Палаццо Экзекутора устанавливался «тамбур» (род почтового ящика), в который любой мог опустить анонимный донос, содержащий обвинения. По нему всякое лицо можно было объявить грандом[62]. Дж. Брукер приводил в пример текст одного из таких анонимных писем, датированного 6 мая 1367 г. и содержащего обвинения в адрес Экзекутора: «Мессер Экзекутор! Молва твердит о том, что вы находитесь на этом посту по призыву грандов Флоренции, и поэтому вы не возбудили дело в отношении некоторых магнатов, которые шли против меня <...> Много судебных исполнителей было здесь до вас <...> и они наказывали как грандов, так и пополанов, и были здесь судебные исполнители из Ломбардии, очень знатные люди, которые карали провинившихся магнатов и всегда покровительствовали пополанам. Полагаю, что в данном случае <...>, вы пытаетесь поддерживать грандов и благороднорожденных людей <...> и только пополаны подвергаются у вас наказаниям <...> Исполняйте же вашу должность как следует, мессер экзекутор, в противном случае вам не сохранить добрую репутацию и уважение граждан»[63]. Письмо свидетельствует, что противоречие гранды-пополаны не утратило полностью свою актуальность в сознании граждан и во второй половине XIV в.

Эти колебания в законодательстве иногда были вызваны не только объективными условиями внутренней и внешней политики, но и обстоятельствами, связанными с деятельностью и положением в коммунальном обществе отдельных личностей, в чем проявлялась средневековая персонифицированность права. В частности, в 1370 г. был обнародован закон, гласивший: если гранды, вступающие в пополанство, отрекались от той части своей консортерии, которая оставалась в списке нобилей, то по истечении 5 лет они могли занимать высшие посты в Синьории, если же не соглашались на процедуру отречения, то исключались из списков на должности на 20 лет. Этот закон, по словам хрониста Стефани, ввели специально из-за гранда Бенги Буондельмонти, произведенного в пополанство за особые заслуги перед коммуной в войне с Пизой 1362—1364 гг., но не отрекшегося от своей фамилии, большая часть которой отказалась следовать его примеру, хотя данный обычай

[2] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 725. P. 377. Об этом законодательстве писали: *Rodolico N.* I ciompi: una pagina di storia del proletariat operaio. Firenze, 1945. P. 97; *Guidi G.* Gli istituti "Di Dentro". P. 127.

[3] *Brucker G.A.* Florentine Politics and society. P. 63.

стал к середине XIV в. почти принятой нормой. Весьма настойчивые попытки предпринимались не только ради сокрушения авторитета Бенги как капитана партии гвельфов[64], который в 1370 г. был избран на должность приора и сплотил вокруг себя многих верных партии граждан в Синьории и Советах. В пополанском обществе Флоренции также очень опасались его претензий на единоличную власть, поэтому не хотели допускать его участия в Синьории и экстраординарных комиссиях[65]. Его пытались вновь перевести в разряд грандов, но решение об объявлении Бенги грандом не набрало нужного числа голосов в Синьории и Советах; мало того, на тех, кого мессер Бенги считал своими недругами, обрушилась настоящая партийная вендетта в виде резко участившихся аммониций, высылок, конфискаций имущества[66].

Взгляд на противоречивые тенденции коммунальной политики позволяет прийти к выводу о том, что в целом антагонизм гранды-пополаны не выходил из-под контроля флорентийского государства и коммунального правления в период 1343—1378 гг. Пополанская коммуна проводила достаточно гибкий курс, не позволяющий, с одной стороны, укорениться претензиям нобилей на власть, но с другой, — дающий возможность сохранять и использовать на благо города-государства значительный потенциал их способностей в руководстве военными кампаниями, а также на поприще административной деятельности и внешней политики.

Особую роль представители нобильских семей играли во второй половине XIV в. в структуре гвельфской партии, поскольку их никогда не лишали прав занимать партийные посты. Традиционно сложилось так, что на партию гвельфов не распространялись в полном объеме постановления коммунального правительства, и вскоре гранды стали преобладать над пополанами в партийном руководстве. Их стремление использовать партию как механизм повышения собственной значимости

[64] Эта фамилия, «персоны которой обладали прекрасной репутацией за пределами отечества, подвизаясь среди первых в свитах королей Франции, Сицилии и Испании» (*Bracciolini P.* Vita di Filippo Scolari, cittadino fiorentino, per sopranome chiamato Spano, composta e fatta di Jacopo di messer Poggio e di latino in fiorentino tradotta da Bastiano Fortini / A cura di F. Polidori // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 163), стала символом флорентийского гвельфизма. Буондельмонти принадлежали к древней синьориальной знати из вассалов епископа, но в XIV в. входили в состав гвельфской элиты (*Raveggi S.* I Rettori fiorentini. P. 624). Во второй половине XIII в. они заняли в партии гвельфов лидирующее положение, но после 1282 г. никто из членов этой фамилии не занимал государственные должности внутри города, поскольку они не были вписаны ни в один из цехов (*Tarassi M.* Il regime guelfo. P. 110).

[65] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 725. P. 277. Он утверждал: «Этот закон был принят из-за мессера Бенги, у которого консорты оставались грандами, а он от них не отрекся, в то время как другие в его состоянии меняли герб и отрекались от консортерии».

[66] Ibid.

и влияния в коммунальном социуме отчасти послужило причиной того, что роль партии стала усиливаться, тогда как по объективным показателям она должна была падать по мере устранения угрозы гибеллинской реставрации[67]. О том, что именно гранды занимали главенствующие позиции в партии, свидетельствовали некоторые ситуации, описанные хронистами — современниками и непосредственными участниками событий. В 1358 и 1366 гг. Синьория пыталась поменять состав руководящей партийной элиты за счет увеличения числа капитанов и учреждения определенной пропорции между магнатами, пополанами и представителями младших цехов. В 1358 г. по инициативе Синьории было предложено, чтобы в «Коллегию шести» (партийный орган, который подвергал граждан аммонициям) входили трое от грандов, трое от пополанов, а для вынесения предупреждения или осуждения требовалось обязательное согласие трех капитанов-пополанов[68]. В 1366 г. постановили число капитанов партии, полномочных выносить обвинения, увеличить с 6 до 9 с кворумом в 6 голосов, из которых 5 — обязательно от пополанов, причем 2 из 9 должны были избираться обязательно из младших цехов, 5 — пополаны от старших цехов, и только 2 — от грандов[69]. Стефани повествовал, что в 1374 г. капитаны партии-гранды вопреки мнению капитанов-пополанов не дали осудить как гибеллина представителя знатнейшего рода Джорджо ди мессер Франческо дельи Скали, поскольку им было известно, что жребий с именем Джорджо Скали имеет большие шансы быть вытянутым из избирательной сумки на пост приора. В ноябре 1374 г. мессер Джорджо приступил к исполнению должности, и благодаря его активному содействию удалось провести закон о том, что ни один гранд не может быть лишен по приказу коммуны земель или зависимых людей, а в случае особой надобности коммуна должна покупать у них земли по рыночной цене[70]. В обществе распространилось мнение, много-

[67] Относительно преобладания грандов в руководстве партии по данным Стефани: из 6 капитанов партии — 2 грандов, из комиссии 24-х — 6 грандов. Но несмотря на, казалось бы, численное преимущество пополанов в руководстве, гранды оказались более влиятельными и могущественными и задавали тон в управлении партией. Рассуждения о месте и роли грандов в партии гвельфов можно найти в хрониках Стефани и анонимного автора XIV в.: *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 748. P. 290; Diario d' anonimo fiorentino dall'anno 1358 all'1389. P. 7—8.

[68] *Villani M.* Cronaca. 8. XXXII. T. IV. P. 48—49. Об этом установлении см.: *Caggese R.* Firenze dalla decadenza di Roma al Risorgimento d' Italia. P. 217; *Luzzati M.* Firenze e la Toscana nel Medioevo: Seicento anni per la construzione. Torino, 1986. P. 161; *Guidi G.* Gli istituti. P. 114.

[69] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 695. P. 263; *Velluti D.* La cronica domestica. P. 251. Провизии от 3 ноября 1366 г., кроме того, создавали Коллегию 24-х (по 6 от каждого квартала) с правом окончательно утверждать решения партии двумя третями голосов.

[70] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 748. P. 290. Этот же хронист указывал, что закон дей-

кратно доказываемое Маркьонне Стефани, о том, что партия гвельфов являлась оплотом влияния грандов. Автор одной из анонимных хроник того времени (возможно, выходец из фамилии Строцци), видимо, находившийся на стороне грандов-гвельфов, писал: «Вышеуказанные гранды все объединились в палаццо партии, чтобы противостоять им (имелись в виду сторонники Сальвестро де Медичи, стремящиеся в 1378 г. восстановить «Установления справедливости» в полном объеме. — *И.К.*)»[71]. Приводя список функционеров партии, Стефани упирал на то, сколько в нем влиятельных грандов, являющихся лидерами гвельфов: Гверрьери ди Росси, сыновья мессера Пьеро де Барди, мессер Лапо да Кастильонкьо, который «хоть и был сделан пожизненным "Мудрым" Партии, но преследовал дурные цели», заключающиеся в том, чтобы партия окончательно вытеснила Синьорию, а из системы правления были устранены новые люди, ибо мессер Лапо ненавидел тех, кому *non habent quod perdere*. Кроме того, грандами являлись такие вожди партии, как граф Бенги Буондельмонти, «пожалованный пополанством за заслуги в Пизанской войне», Якопо ди Пацци и Беттино Рикасоли[72].

Таким образом, под спудом выступления большей части общества против засилья гвельфской партии скрывалось еще не изжитое до конца противостояние грандов и пополанов, о чем свидетельствует острота вопроса об «Установлениях справедливости» в 1378 г. Он был поставлен в мае 1378 г., когда к власти пришла Синьория, возглавляемая врагом «архигвельфов» Сальвестро Медичи. Гонфалоньер справедливости сразу же, наряду с программой ликвидации засилья партии, потребовал и восстановить в полном объеме «Установления справедливости» против грандов[73]. 18 июня петиция Сальвестро о восстановлении «Установлений справедливости» в самом полном объеме в очередной раз не набрала нужного числа голосов, и он стал грозить Советам своей немедленной отставкой. Этот протест привел к тому, что сторонни-

ствовал менее 1 месяца, поскольку уже следующая синьории отменила его в силу его явной антигосударственной направленности.

[71] Cronicchetta Strozziana // *Corazzini O.P.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887. P. 133. Эта небольшая хроника была найдена в бумагах флорентийского сенатора Карло дельи Строцци, жившего во второй половине XVII в. Она была переплетена вместе с сочинением Боккаччо «Лабиринт любви, или Корбаччо», оба текста написаны одной рукой, судя по всему, в самом начале XV в. Хроника содержала в себе описание событий с 18 июня 1378 по 1 марта 1381, сделанное очень аккуратно и упорядоченно. См.: *Corazzini O.P.* I Ciompi. P. XXXVIII—XLI. Хроника получила условное название — Cronicchetta Strozziana.

[72] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 775. P. 308; *Ugolini G.* Moti popolari e potere nell' esperienze fiorentine del Trecento. P. 319.

[73] *Morelli G.* Ricordi. 70b. P. 320—321. Морелли в те времена еще не вышел из детского возраста, но позже он в полной мере одобрял реформы Сальвестро: «Восстановил справедливый порядок против грандов».

ки Гонфалоньера справедливости начали кричать в окна палаццо: «Да здравствует народ и свобода!», положив начало событиям, известным в историографии, как «восстание чомпи».

О стремлении устранить грандов, вставших у руководства партии, свидетельствовал список осуждений, произведенный Синьорией мая—июня 1378 г., действующей в союзе с уполномоченными цехов. Анонимный автор писал в своем «Дневнике»: «Желая навсегда оздоровить и очистить Флоренцию и лишить должностей тех, которые хотели отдать город Церкви к досаде Гвельфов и Народа Флоренции, осудили 22 человека». Среди них: мессер Лапо да Кастильонкью — мятежник; Карло дельи Строцци; Альберто да Кастильонкьо, и все консорты и сыновья мессера Лапо — гранды; Аттавиано ди Боккаччо Брунеллески — супергранд; сер Таддео и Франческо — гранды; мессер Ристоро ди Пьеро Каниджани — гранд; Бонайуто Серральи — гранд; Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци — гранд; Адоардо де Пульчи — супергранд; Гверрьери ди Трибальдо де' Росси — супергранд; Якопо ди мессер Франческо де' Пацци — супергранд; Алессандро ди мессер Франческо Буондельмонти — супергранд; Филиппо ди Форнаино де' Росси — супергранд[74]. Большинство всех названных — представители семейств старой знати за исключением Строцци, Альбицци, Серральи[75].

В ходе восстания чомпи были заметны попытки грандов воспользоваться движением радикальных низов. «Хроника» М. Стефани доносит сведения, датированные концом августа 1378 г., о стремлении двух представителей дома Строцци, братьев Мецца ди Якопо и Аннибальдо дельи Строцци, объявленных грандами в 70-е гг., «использовать повстанцев в собственных целях»: «они обещали чомпи большое количество зерна». Хронист сообщал, что это усиливало «подозрительность в отношении народа, собравшегося в Санта Мария Новелла»[76]. Трудно сказать, какие именно цели преследовали братья Строццци: скорее всего, они вовсе не выступали от имени всех грандов, желая лишь изменить собственный статус и получить доступ к власти путем государственного переворота. 11 сентября 1378 г. Подеста принял решение выслать в числе 36 человек Аннибальдо ди Бернардо Строцци и Мецца ди Якопо ди Мецца — «кавалеров чомпи»[77]. Можно предположить, что такие же попытки с подобными целями предпринимали члены нобильского рода Азини (очевидно, выходцы из Фландрии) уже после подавления радикально настроенных элементов. 2 сентября 1378 г. один из представителей этой фамилии убил

[74] Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389. P. 360—361. Число осужденных неточное, в хрониках приводятся различные данные.

[75] В хронике, приписываемой Аламанно Аччайуоли, эти сведения подтверждались. См.: *Acciauoli A.* Cronica. P. 16.

[76] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 802. P. 330—331.

[77] Ibid. P. 330—331; Rubr. 807. P. 335—336; Diario dello Squittinatore. P. 54.

своего клиента-пополана, и по «Установлениям справедливости» был лишен головы в тот же день. Угроза ссылок и штрафов нависла над остальными Азини, тем более клан считался гибеллинским и относился к грандам, но в октябре 1378 г. они были сделаны гвельфами и получили доступ к управлению[78]. Наконец, наиболее масштабные действия ради подчинения воли восставших совершил выходец из древнего нобильского рода Фиридольфи, но об этом более подробно будет сказано ниже. В данном случае стоит привести суждения о восстании современного историка П. Хуртюбиса, который не считал мятеж чомпи выступлением наемного пролетариата[79], а скорее продолжением противостояния различных семейных кланов[80]. Он также полагал, что чомпи никогда не ставили перед собой цель модифицировать социальные и экономические структуры Флоренции, и еще менее стремились захватить и удерживать всю власть в городе, желая просто принимать участие в управлении наравне с другими цехами. К тому же он уверен — по большей части чомпи вовсе не были наемными рабочими, несмотря на долгие заблуждения историков, являясь мелкими производителями, желавшими социального возвышения, отсюда их стремление создавать «народных кавалеров» и самим стать таковыми, «испытывая в глубине души восхищение перед идеалами нобилей»[81].

С 1378 г. по 1382 г. в эпоху восстания чомпи и правления «тощего» народа, гранды переживали значительное понижение своего статуса. «Установления справедливости» с июня 1378 г. были снова возрождены в полном объеме, список грандов и суперграндов основательно пополнился: за малейшее оскорбление, нанесенное пополану, гранды платили очень высокие штрафы, обязательства за которые ложились на весь род до 4-ой степени родства по мужской линии. Постановления от 11 и 12 сентября 1378 г. утверждали новый порядок распределения должностей в партии гвельфов, увеличив число капитанов до 11-и: 5 от младших цехов, 4 — от старших, 2 — от магнатов[82]. Однако уже в конце октября 1378 г. для грандов вновь были сделаны послабления. Специально избранная для реформирования города Комиссия 31 смягчила ряд пунктов: предоставила им право иметь 1/4 должностей вне города, а также избирать от них 1 представителя в каждый городской магистрат. Она же восстановила в правах

[78] Diario Compagnano. P. 124—125, 128; Diario dello Squittinatore. P. 54—55.

[79] Обзор зарубежной историографии по этому вопросу см.: *Краснова И.А.* Восстание чомпи: традиции изучения и новые историографические версии // Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбург. СПб., 2014.

[80] *Hurtubis P.* Une famille-temoin les Salviati. Хуртюбис, по сути дела, разделяет позиции Брукера: *Brucker G.* The Ciompi Revolution // Florentine Studies. Londres, 1969.

[81] *Hurtubis P.* Une famille. P. 34—35.

[82] *Guidi G.* Gli istituti. P. 117. Они ссылались на Провизии от 28 сентября 1378 г.

58 нобильсих родов, более 2/3 грандов[83]. Эта же политика продолжалась и в последующие годы правления режима средних и младших цехов, которые регулировали социальную устойчивость посредством списков, как поступали и предшествующие правители. Об этом говорит тот факт, что в феврале 1379 г. грандов Алессандро дельи Алессандри, Риккардо ди Барди, Нофри ди Росси с братьями произвели в пополанство[84].

Однако переворот 1382 г., когда к правлению вновь пришли бывшие лидеры гвельфской партии, изменил ситуацию в пользу нобилей: объявленные магнатами с 1378 по 1382 гг. были переведены в пополанство и полностью восстановлены в правах, а законодательство коммуны возвращалось к установлениям, которые действовали до мая 1378 г., т.е. до реформ Сальвестро Медичи. Сторонник демократических форм правления Маркьонне Стефани очень осуждал данные законы: «Это постановление было плохо продумано <...> Это был наихудший закон, потому что многие были сделаны грандами и суперграндами за тяжелые преступления, убийства и разбои <...> и пусть бы часть их оставалась в мучительном и обременительном положении <...> Надо было поставить обязательное условие, чтобы тот, кто прежде был грандом или суперграндом, а теперь освобождался, хотя бы заключил публично мир с тем, кто подал на него в свое время петицию. Также надо было хотя бы на три года лишить их права занимать должности»[85]. Порядок подачи петиций, о котором шла речь выше, сохранялся, но сурово ограничивался: специально созданная комиссия 56-и должна была предварительно рассматривать каждую петицию, и если не находила оснований давать ей дальнейший ход, то петиционер обязывался в трехдневный срок забрать прошение назад под угрозой штрафа в 1000 флоринов. Стефани комментировал: «Плохо было тому, кто приносил петицию». Тогда же грандам предоставили право участия в важнейших чрезвычайных коллегиях: «8 Войны» — 1 место, «10 Свободы» — 2, увеличили их представительство для постов Подеста и кастелланов в контадо[86]. Судя по некоторым сведениям, 13 февраля 1382 г. имела место попытка ограничить права грандов в партии гвельфов, отстранив их от голосования, но «они пошли в Палаццо Синьоров жаловаться и добились восстановления своего прежнего права бросать 2 боба из 8-и»[87]. Относительно

[83] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 812. P. 341.
[84] Diario Squittinatore. P. 64—65.
[85] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 912. P. 402.
[86] *Ibid.* Rubr. 913. P. 403. Об этом законодательстве говорилось в анонимном дневнике (Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). P. 19—20); его рассматривали на основе постановлений балии Г. Гвиди (*Guidi G.* Gli istituti. P. 127) и Н. Рубинстейн (*Rubinstein N.* Il regime politico di Firenze dopo il Tumulto dei ciompi. Un momento di storia fiorentina ed europea. Firenze, 1981. P. 114).
[87] Diario di anonimo fiorentino. 5. P. 26.

всех событий, касающихся второй половины XIV в., следует помнить, что в этом случае речь идет о лицах, объявленных Коммуной грандами, среди которых находились не только представители древних родов, но и пополанские семейства, даже включая ремесленников низших цехов.

Однако коммуне пришлось сразу же столкнуться с разрушительными амбициями грандов, стремившихся максимально воспользоваться открывшимися возможностями. Они попытались восстать, чтобы вырвать еще большие уступки, объединившись с чомпи, но «были плохо вооружены и малочисленны (50 человек)»[88]. Это послужило одной из причин, заставивших маятник качнуться в другую сторону: в 1387 г. приняли новый закон, гласивший, что списки грандов для помещения в сумки на соответствующие посты должны составлять пополаны, а пополаны, сделанные грандами с 1382 по 1387 г., снова восстанавливались в прежнем статусе, как и лица, отстраненные от должностей на 10 лет[89]. В 1393 г. — снова смягчение мер против грандов: отменили тамбур, куда опускали петиции с обвинениями, и особый залог, каждые 5 лет вносимый грандами в государственную казну. Наиболее отдаленным от народа грандам Рикасоли, Кавиччули, Кавальканти, Буондельмонти, Перуцци, Торнабуони предлагалось принять пополанство, и если они соглашались, то могли пользоваться политическими правами в полном объеме[90]. Известно, что ряд представителей указанных фамилий решил перейти в пополанство: «В понедельник, 27 октября 1393 г., была сделана пополанской вся фамилия Росси, сыновья Стольдо из Монтиньозо, сыновья Бонеки и Орманно. А из фамилии Кавиччули — Пепо ди мессер Вьери Кавиччули и его брат. А из Рикасоли — Беттино ди мессер Альбертаччо и его братья»[91]. Усиливающийся режим Альбицци такими мерами старался восстановить социально-политическое равновесие, пошатнувшееся в городе после изгнания самых видных представителей семьи Альберти в 1393 г.

Статуты 1415 г. ужесточили антимагнатские нормы, хотя все-таки сохранили за грандами право участвовать в Совете коммуны, в чрезвычайных коллегиях, включая «10 Войны», и во всех второстепенных магистратах в городе и за его пределами[92]. В XV в. рассматриваемое противоречие между грандами и пополанами начинает постепенно

[88] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 913. P. 403.

[89] Cronichetta Strozziana. P. 144.

[90] Провизии от 2 августа 1387 и постановления Балии приводились Г. Гвиди. См.: *Guidi G.* Gli istituti. P. 128. Автор «Кроникетты Строццианы» указывал, что *tamburo* отменили в 1382 г. См.: Cronichetta Strozziana. P. 144.

[91] Diario di anonimo fiorentino. (1382—1401) 77. P. 160.

[92] Statuti del 1415. III. Rubr. 43. P. 44 приводятся Гвиди. См.: *Guidi G.* Gli istituti. P. 128.

утрачивать актуальность, стираться, отходить на дальний план, выражаться лишь в дискурсивной практике.

После 1434 г. Козимо Медичи в целом сохранял курс политической эквилибристики в отношении грандов. В период его правления были выпущены статуты, предоставляющие фамилиям магнатов право занимать все государственные должности наряду с пополанами, а балия 1434 г., созданная для реформирования государства после возвращения Медичи, существенно упростила процедуру превращения гранда в пополана и сняла многие ограничения на доступ к должностям[93]. Но в этом случае речь шла, прежде всего, лишь о домах, дружественных Медичи.

В исторических исследованиях преобладает точка зрения, что сословие грандов стало постепенно утрачивать свою значимость в коммунальном обществе Флоренции и проявлять все большую тенденцию к ассимиляции с пополанскими слоями вследствие упадка городского ополчения, в котором исключительно велика была роль рыцарей как «людей войны. С середины XIV в. местное ополчение все более вытеснялось системой кондотты — наймом профессиональных военных отрядов, которые выполняли основные функции ведения войн[94].

Противоречие гранды-пополаны, кульминация в развитии которого приходилась на конец XIII в., сохраняло свою актуальность в XIV в., свидетельствуя о себе то явными вспышками гражданской войны (1342—1343), то принимая скрытый характер, но всегда в той или иной мере обнаруживаясь под слоями иных видов социальных противостояний — борьбы черных и белых гвельфов в начале XIV в., архигвельфов и их противников в 1358—1378 гг., членов старших цехов и «тощего» народа в 1378—1382, попыток формирующегося патрициата, состоящего из старых городских фамилий, противостоять «новым людям» — недавним переселенцам, активно рвущимся к власти. Во всех гражданских столкновениях, даже тех, которые прямо выражали противоречие между грандами и пополанами (сентябрь 1343 г.), одни гранды выступали против других, равно как и представители пополанства сражались на стороне как тех, так и других. В истории Флоренции вряд ли возможно найти «чистое» социальное размежевание в силу того, что во всех формах выражения противоречий заметен некий универсальный эле-

[93] Об этом законодательстве: *Cage J.* Life in Italy at the Time of the Medici. L., 1968. P. 19—20; *Heers J.* Consorterie familiari alla fine del Medioevo. P. 314; *Jones P.* Comuni e signorie: la città-stato nell'Italia del tardo Medioevo. P. 121—122. Известно, что член семейства Медичи папа Лев X писал молодому Лоренцо Медичи: «Прежде всего, ты не должен оскорблять знатные дома», указывая на то, что часто причиной краха власти синьора-правителя города становились обиды, нанесенные знатным родам.

[94] *Luzzati M.* Firenze e la Toscana nel medioevo: Seicento anni per la construzione. P. 160.

мент — межклановые, а также межперсональные виды соперничества и политического противоборства. Законодательство в отношении грандов показывает, что дома нобилей являлись неотъемлемой частью города-коммуны, который никогда не стремился абсолютно отторгнуть тех, кто составлял этот слой, как чужеродный элемент, поскольку они таковым и не считались. Эти постановления преследовали иную цель — создать систему контроля со стороны государства и пополанских слоев над представителями знати, что удалось исполнить и поддерживать, начиная с 1293 г. и заканчивая первой третью XV в., когда государственное устройство стало постепенно изменяться под властью дома Медичи.

§ 3. Город-коммуна и консортерии нобилей

Попытка ближе рассмотреть процессы интеграции грандов в урбанистическую среду города-государства обнаруживает огромное разнообразие вариантов взаимоприятия и взаимоотталкивания, трудно поддающихся определенной классификации, поскольку в данном случае приходится иметь дело с индивидуальными стратегиями выбора в социально мобильном и быстро меняющемся городском сообществе. Условно, как один из вариантов, можно выделить модель, в которой преобладали тенденции к сохранению образа жизни, обыденного сознания, относительной автономии семьи-консортерии, в большей степени свойственные феодальной знати. При этом нельзя упускать из вида элементы искусственности и предвзятости любого моделирования современным исследователем реальности прошлого, ибо вышеназваные установки в той или иной мере были присущи также и пополанским семьям-консортериям.

Есть некоторые основания полагать, хотя опять-таки с большой долей относительности, что длительное сохранение традиций консотерии особенно отличало кланы или выделившиеся семейные ядра консортерий в тех случаях, когда они распадались, а также отдельных личностей, если они не втягивались в типично городские виды профессиональной деятельности (выше был приведен пример Джованни ди Симоне Кавальканти) — торговлю, текстильное производство, ростовщичество и обмен монеты, любые формы предпринимательства и накопления капиталов, или претерпевали серьезные неудачи на данном пути. На этот феномен рано обратили внимание хронисты. Дино Компаньи характеризовал таких грандов, как «древние по крови, но не столь богатые фамилии», а пополанов, как «людей низкого происхождения, но добрых купцов, обеспеченных всем и очень богатых». Симоне делла Тоза, выходец из древнего рода флорентийских нобилей, писал об огромных долгах графов Гвиди многим

пополанским семьям: «И тогда должны были графы Гвиди[95] дать много денег флорентийцам, и не вернули им ничего...»[96]. Тот же процесс маргинализации коснулся одной из ветвей фамилии Буондельмонти, «древнейшей и знатной во флорентийском государстве, персоны которой обладали прекрасной репутацией за пределами отечества, подвизаясь среди первых в свитах королей Франции, Сицилии, Испании», что не помешало отпрыску одной из ветвей этого рода Филиппо Сколари родиться в деревне, «на вилле Антелла, поскольку его отец и мать были очень бедны»[97]. Наконец, стоит вспомнить фамилию Кавальканти, о которой уже шла речь.

Таким образом, даже вступая в пополанство, гранды часто стремились сохранить традиционные ценности своего образа жизни (как показывал ранее рассмотренный пример семьи Маннелли), противопоставляя коммунальным законам внутриклановую юрисдикцию, прежде всего, обычай кровной мести; агрессивность, связанную с военными занятиями и профессиями, наличие многочисленных вооруженных свит, позволяющих им вершить произвол на улицах города, а также поведенческие стратегии, основанные на силовых методах. В их сознании сохранялись соответствующие ментальные стереотипы: гордость древностью и знатностью рода, ностальгия по рыцарским идеалам, потрясание жупелом семейной чести.

Но истинным образцом агрессивной феодально-рыцарской морали, склонным к авантюрам и риску, которые выливались в преступные предприятия, по мнению Г. Сальвемини, являлась в XIV в. весьма одиозная фигура Луки ди Тотто да Панцано Фиридольфи (начало XIV в. — 1383), который возглавлял тогда свою ветвь очень древнего и знатного рода. Э. Фаини относил род Фиридольфи к «территориальным синьорам» контадо Фло-

[95] Джованни Виллани подтверждал древность рода Гвиди и его исключительную роль в истории Флоренции XIII в. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 11. С. 86.

[96] *Della Tosa S.* Annali. P. 135. Далее он указывал, какой выход нашли кредиторы: «Анцианы послали курьера за графами Гвиди, чтобы они тотчас же шли во Флоренцию, и те пришли». Анцианы принудили их заплатить, хотя «графы приводили доводы и просили отсрочки». Они предоставили Коммуне право выкупить у них владения в Гретти, чтобы затем перепродать их флорентийцам, которым они были должны, «и многие земли перекупили Адимари»; так собрали деньги, потом переписали всех, кому должны были Гвиди; и выплачивали каждому наличными согласно записям, а также и их кредиторам».

[97] *Bracciolini J.* La vita di messer Philippo Scholari, cittadino fiorentino / A cura di F. Polidori // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 163. Можно привести в качестве примера ситуацию с фамилией Валори пополанского происхождения, но считающуюся знатной во второй половине XIV в. Лука делла Роббиа писал о том, что представители семьи Валори, будучи очень богатыми людьми, ссудили английскому королю для ведения Столетней войны 30000 дукатов, но «потеряли надежду вместе с другими купцами, действовавшими на острове, вернуть свое состояние». «Больше у них не было желания подвизаться в крупной коммерции, которой всегда занималась флорентийская знать. Поэтому Бартоломео Валори отдал всего себя гражданской жизни» // *Della Robbia L.* Vita di Bartolommeo Valore. P. 242—243.

ренции, к самой древней знати, известной уже начиная с 70-х гг. XI в. В XI в. сложилось ядро их крупных земельных владений, распространяясь на территории трех комитатов — флорентийско-фьезоланского, сиенского, аретинского, при этом земельный комплекс не носил рассеянного характера. Земли обрабатывались держателями, находящимися в разной степени зависимости от синьоров. В конце XI—XII вв. члены семьи Фиридольфи активно вступали в сделки купли-продажи недвижимости крупного масштаба. Как все фамилии старой знати, представители рода были тесно связаны с церковным землевладением. Есть сведения об участии их в судебных ассамблеях и вступлении в политические и военные союзы знати. Фиридольфи с XI в. имели связи с Флоренцией: они владели там недвижимостью, прибегали к помощи городских нотариев при оформлении сделок и обращались к решениям арбитражного суда с участием консулов города. С конца XI в. Фиридольфи можно отнести к т.н. «кочующей знати», курсирующей между сельскими резиденциями и городом: до этого времени они передвигались от замка к замку в своих владениях. Данный род в конце XII в. мог собрать такое количество воинов, что от него зависела судьба городского ополчения. Фаини считал — в конце XII в. Фиридольфи были одним из самых могущественных и богатых синьориальных кланов флорентийского контадо, но они в большинстве своем так и остались сельским родом контадо, не подвергшись процессу урбанизации и не влившись в ряды городской консульской знати, за исключением некоторых ответвлений[98]. Таким образом, можно считать, что род Фиридольфи отличался всеми атрибутами древней знати флорентийской округи.

От рассматриваемого здесь персонажа, флорентийца Луки да Панцано Фиридольфи, дошел фрагмент его семейной хроники или мемуаров, большая часть которых была утрачена еще во второй половине XIV в. в Фаэнце. Фрагмент сохранился лишь в копии, сделанной в XVI в. Винченцо Боргини, в ней охватывается период с 1343 по 1362 г.

Лука да Панцано Фиридольфи, проживавший во Флоренции сначала в сестьере Ольтрарно, а после административной реформы в картьере Санто Спирито, гонфалоне «Лестница», утверждал свои амбиции насилием и отвагой, был несколько раз судим коммунальным судом и приговорен к смертной казни. Это дало Г. Сальвемини основания характеризовать отпрыска знатного рода как «истинный тип дегенерирующей морали рыцарства»[99]. В 1362 г. Лука настоял на том, чтобы его консор-

[98] *Faini E.* Firenze nell' età romanica (1000—1211). P. 11, 28, 51—52, 57, 85, 138,146, 151 157—159, 167, 179, 181—182,187, 208, 218, 284, 307.

[99] *Salvemini G.* La dignità cavalleresca. P. 121—123. Гаэтано Сальвемини писал о нравах внутри этого клана: Томмазино — племянник Луки — в 1380 г. убил флорентийского посла при исполнении служебных обязанностей, но сам был убит своим двоюродным братом Джованни, сыном Луки да Панцано.

терия, в первой половине столетия перешедшая в пополанство, вновь вернулась в сословие грандов. По поводу этого обстоятельства им был заказан новый герб с серебряной звездой. Однако незадолго до восстания чомпи мессера Луку объявили грандом по петиции, поданной в Синьорию его невесткой, в которой женщина жаловалась на то, что Лука ди Тотто изнасиловал ее и пытался убить.

Лука активно участвовал в управлении коммуной начиная с 1348 г.[100] Сам он отмечал, что там ему «было оказано уважение»: когда в 1351 г. Лука был избран гонфалоньером компании, он с явной гордостью писал, что «заседал в Совете в большой зале, где были синьоры Приоры и их коллегии»[101]. В 1352, 1360 и 1364 гг. он находился в составе «16-и» гонфалоньеров компании, в том же году был призван на должность Подеста в Перуджу, в 1353, 1363, 1366 и 1370 гг. его избирали в коллегию «12-и» добрых мужей, в 1355, 1361, 1365 и 1371 гг. он находился на должности приора. Высший пост Гонфалоньера справедливости Лука занимал в 1369 г. В этот же период его неоднократно посылали в разные места контадо: комендантом в Буджано и Мангону, Подеста в Санминьято и Казентино, викарием в Вальдиниеволе. Как он сам вспоминал: «За каковой викариат была от нашей коммуны воздана мне большая честь»[102]. Коммунальные должности чередовались с важными дипломатическими миссиями[103]. Политическая карьера этого представителя рода Фиридольфи прекратилась после 1371 г., видимо, вследствие постановлений Балии 1372 г., которая вынуждена была принять меры против наиболее могущественных кланов, постоянно провоцирующих вооруженные столкновения на улицах города в ходе противостояния домов Альбицци и Риччи, к тому же Лука был осужден по петиции своей невестки[104]

В то же время Лука руководил военными действиями, которые вела Флоренция. Синьорией он был назначен капитаном войска, посланного в помощь Перудже[105], затем его отправили капитаном войска в Вертине,

[100]Мнения исследователей протворечивы. Брукер утверждал, что имя Луки находилось в каждом списке избираемых в Синьорию с 1348 по 1363 гг., но он никогда не набирал 2/3 голосов в Советах и не мог стать членом Синьории. См.: *Brucker G.A.* Florentine Politics. P. 71. Джованни Чаппелли в жизнеописании этого персонажа, напротив, демонстрировал его плитическую активность в высших эшелонах власти. См.: *Ciappelli G.* Firidolfi da Panzano, Luca // Dizionario biografico degli Italiani. 1997. Vol. 48.

[101]*Luca di Totto da Panzano.* Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano / Ed. Di Berti P. // Giornale Storico Archivi Noscani. 1861. Vol. V. P. 69.

[102]Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 73.

[103]*Ciappelli G.* Firidolfi da Panzano, Luca.

[104]*Stefani M.* Cronaca. Rubr. 801.

[105]*Luca di Totto da Panzano.* Frammenti della cronaca. P. 69. Как он сам писал, «были подавлены люди мессера Пьеро да Пьетрамала, и отняты у них Борго в Сан Сеполькро и Ангиари».

возмутившегося против коммуны во главе с братьями Рикасоли[106] (доверенными лицами синьора Милана, по мнению автора). В этом случае он гордился широтой доверенных ему полномочий: «Я пошел с более чем 500-ми кавалерами и многими пешими, с правом призывать все сельские лиги, с полномочиями карать в деньгах и в персоне, а также сражаться и принуждать их к соглашениям». При подавлении мятежного Вертине Лука да Панцано был «ранен дротиком в надколенную жилу, вследствие чего оставался там при смерти более 4-х месяцев»[107].

Затем в октябре 1363 г. он был «направлен коммуной Флоренцией в Анчизу, советником капитана войны Рануччо да Фарнезе, чтобы противостоять англичанам и пизанцам». И там, «прямо в поле солдатами-горожанами был избран заместителем капитана, командором и капитаном коммуны Флоренции». Но и в этой кампании ему не повезло: «В бою флорентийцы <...> все <...> бежали...»; «и я был там схвачен и ранен в лицо, враги меня увели притянутым за горло, избили дубиной по голове и ногам <...> и находился сначала 3 дня в тюрьме, затем в замке Фильине»; «я потерял по этой причине лошадей, оружие, оснастку, пояс из серебра, золотое кольцо...» [108]. Освободиться ему удалось в апреле 1364 г., оставив в качестве заложников своих сыновей, Маттео 10-и лет и Антонио 6-и лет, и уплатив тайно и явно более 1000 золотых флоринов...»[109].

Из фрагментов мемориий предстает более сложный и потиворечивый образ, нежели со страниц труда Г. Сальвемини. Лука да Панцано ощущал себя флорентийцем, которому в полной мере свойственна коммунальная идентичность. Он гордился доверенными ему должностями, даже самим присутствием в зале Советов Палаццо Синьории, демонстрировал готовность служить своему городу, терпя убытки и рискуя жизнью. Он являлся народным рыцарем. Свои первые золотые шпоры Лука получил в марте 1361 г. (в ходе войны коммуны с Пизой) из рук рыцаря и военачальника Пандольфо де Малатести, «от имени и по рас-

[106] *Villani M.* Cronica. Libro II. Cap. LVIII. P. 183.

[107] Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 70. При этом мятеже грабили дома богатых жителей Вертине, и особенно дома Фиридольфи, родственников да Панцано, нанеся им ущерб более чем на 600 флоринов. Подавление мятежа в Вертине, как писал автор, стоило коммуне от 36 до 40 тыс. флоринов. Вертине был захвачен в 1352 г. после трудной осады. См.: *Villani M.* Cronica. Libro II. Cap. LXX. P. 195—196.

[108] Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 70—71.

[109] Ibid. P. 71. Лука заявлял, что в тюрьме его каждый день пытали ошейником, били дубиной по голове; выставили талью в 5000 флоринов золотом, затем с помощью подкупов и друзей уменьшили сумму до 1627 флоринов, «из каковых я заплатил наличными 527 новых флоринов. Я оставался в тюрьме 185 дней, и затем указанные сыновья оставались там 159 дней, и вернулись после заключения мирного договора без всякой уплаты 1200 флоринов». См.: Ibid. P. 73.

поряжению коммуны и народа Флоренции в воротах залы Приоров, воистину получил я от флорентийцев честь, и сделали мы роскошный праздник; а также великий праздник устроила коммуна Сан Миньято; за что и я, и мои потомки должны быть ей благодарны»[110].

Схожий вариант самоидентификации демонстрируют «Анналы» старшего современника Луки, также отпрыска очень древнего и знатного рода Симоне делла Тоза. Не высказывая в кратких погодных записях явных оценок, Симоне делла Тоза идентифицировал себя с пополанской коммуной и народом. Описывая учреждение Гонфалона справедливости (1292 г.) и начало народного правления, он акцентировал его законность: «...Так произошло из-за очень многих притеснений, которые чинили гранды; поэтому избрали гонфалоньеров от каждой сестьеры»[111]. Он также гордился коммунальными должностями: «В мае я пошел охранять <...> Рокку Сан Миньято для коммуны Флоренции»; Симоне причислял себя к «флорентийцам, которым был нанесен великий вред и позор из-за преобладания неопытных людей» в битве против Каструччо Кастракани и миланцев (1325 г.). В декабре 1328 г. он сопровождал Пино делла Тоза, своего консорта, в Болонью в составе посольства, отправленного коммуной к папскому легату в Ломбардии, чтобы нанять отряд немецких рыцарей, которые в октябре этого года восстали против императора Людовика Баварского и начали переговоры с Флоренцией о возможности поступления на службу[112]. В мае 1329 г. Симоне сопровождал своего консорта-тезку мессера Симоне ди Россо Делла Тоза с посольством в Вольтерру для мирных переговоров с Пизой, мир был утвержден 12 августа того же года. В 1330 г. с тем же Симоне автор состоял в охране рокки Карминьяно; в 1331 г. «я, Симоне, находился на должности по найму солдат»; в 1335 г. был отправлен с поручением коммуны в Пизу; в 1336 находился в Перудже с Пино делла Тоза; 1337 г. 28 мая «я выступил с войском вместе с Орландо Россо капитаном больших щитоносцев», наконец, он получил достаточно престижный пост в контадо: в сентябре 1343 г. «пошел Подеста в Поджибонициии»[113].

---

[110]Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 70. Его первое производство в рыцари включало ритуал «купания», что делало его «рыцарем омытым». Ритуал был произведен Гвельфо Герардини и Джованни да Манджадори.

[111]*Della Tosa S.* Annali. P. 154.

[112]15 апреля 1329 г. эти наемники по соглашению с коммуной, представляемой на переговорах Пино делла Тоза и епископом флорентийским, захватили Лукку, над которой вплоть до этого времени господствовал устрашающий Каструччо Кастракани, и предоставили Флоренции овладение вражеским городом.

[113]*Della Tosa S.* Annali. P. 161, 163—166, 170. См. также: *Bonanno C.* Della Tosa, Simone // Dizionario Biografico degli Italiani. 1989. Vol. 37. Тогда начинался конфликт с Мастино делла Скала, синьором Вероны, который в своей экспансионистской попытке в центральной Италии овладел Луккой в конце 1335 г. и начал в феврале 1336 г. враждебные действия против Флоренции.

Он гордился тем, что один из членов его семьи, «мессер Джованни делла Тоза в 1340 г. с нашим народом устремился на площадь Приоров для подавления мятежников-грандов Барди и Перуцци. Симоне делла Тоза осуждал герцога Афинского, «принесшего много зла своим правлением», был удовлетворен тем, что его кузена, активно участвующего в восстании против герцога, произвели в рыцари в 1343 г.[114] Наконец, в 1370 г. Симоне совершил главный выбор в своей стратегии определения социального статуса: 25 октября он испросил и затем получил с небольшим перевесом голосов статус пополана, отделившись от консортов и приняв новую фамилию для себя и своих прямых потомков — Билиджарди. Он обзавелся новым фамильным гербом, который по завещанию 1380 г. распорядился поместить на собственную гробницу в церкви Санта Мария Новелла во Флоренции, и запечатлеть на трех священнических одеяниях, предназначенных для церквей. Его сын Бальдо стал рыцарем и достиг старшей должности приора. Не напрасно пополанские позиции этого нобиля подчеркивал французский историк А. Монти[115].

С другой стороны, и Лука да Панцано, и Симоне делла Тоза представляли себя членами знатных родов со многими, присущими им атрибутами. В частности, Симоне составил памятную записку (под заглавием *Memoriale del vescovado di Firenze in sede vacante scritto da Simone della Tosa l'anno MCCCLXX*, в государственном архиве Флоренции хранится копия XVIII в.) о древней привилегии дома Тозинги, которые являлись ветвью рода Виздомини, и как таковые исполняли обязанности администраторов над имуществом епископата в тот период, когда престол оставался вакантным, а также об обязательном их участии в церемониальных торжествах по случаю въезда в город нового епископа, что, по мнению биографа Клаудио Бонанно, «свидетельствовало об идеологической связи Симоне с традициями древнего дома»[116].

Из дошедшего фрагмента памятных записок Луки да Панцано предстает многочисленная консортерия, члены которой, связанные узами крови и не состоящие в родстве, находились в разной степени зависимости от главы фамилии. В частности, при начале вендетты внутри рода Лука послал некоего Фаину, «моего человека», в местечко Кампильяно, выслеживать своего кровного врага Карло Герардини. Далее автор признавался в том, что Фаина «достаточно поизносился, пребывая на постое в тавернах. <...> И потому я, чтобы он ушел с приличной скромностью, дал ему мои башмаки и чулки. Также я получил ущерб и понес значительные траты, поскольку он посылал к нам человека тысячу раз по снегу, воде, жаре и ветру». «Мой человек» не

[114]*Della Tosa S.* Annali. P. 168, 170.
[115]*Monti A.* Les chroniques Florentines. P. 231—232; *Bonanno C.* Della Tosa, Simone.
[116]*Bonanno C.* Della Tosa, Simone // Dizionario Biografico degli Italiani. 1989. Vol. 37.

носил фамилию да Панцано Фиридольфи, но отношение к нему явно свидетельствуют о патерналистских связях, свойственных консортерии. Также обстояло дело и с кровными родственниками: «В феврале 1346 г., чтобы вызнать тайный способ, каким указанные Пьовано и Карло (представители семьи Герардини, которым мстили да Панцано) могут быть повержены, мы послали туда Нанчо ди Лапо Солдани да Панцано, нашего дорогого друга и одного из самых доверенных лиц, каковой был захвачен каталонцами в море, и оставался у них в тюрьме более 4-х месяцев, затем вернулся в Неаполь <...>, но заболел и попал в госпиталь Беневенто близ Неаполя, где и умер на исходе августа 1347 г., и там оставил для спасения своей души те деньги, что имел с собой, как содержание по нашему соизволению <...> От этого воспоследовал для нас большой ущерб, поскольку был он человеком мудрым и честным, и всегда издревле были он и все его люди нашими дорогими друзьями»[117]. Затем упоминается Якопо ди Кароччо дельи Альберти, «каковой очень многое вынес, поскольку служил мне при убийстве Карло Герардини, которое мы совершили». Итак, Лука да Панцано посылает членов консортерии со своими поручениями и по своим надобностям, распоряжаясь их временем и персонами, но взамен покровительствуя им, снабжая деньгами, одеждой, оказывая честь в коллективных обрядах рода-консортерии. В частности, по обычаям консортерии да Панцано совершали ритуалы оплакивания ее членов; так в 1350 г. Лука в траурных торжествах особенно скорбел о Якопо ди Кароччо дельи Альберти[118].

В средневековых коммунах юстиция характеризовалась плюрализмом судебных систем, из которых коммунальные трибуналы (прежде всего, суд Подеста) выступали далеко не единственными. Тяжбы между персонами, фамилиями, партиями решались множеством миротворческих способов, оформляемых нотариальными актами, посредством вендетт, внесудебных арбитражей и полюбовных соглашений. И это были почти легитимные составляющие судебной системы, дающие жизнь множеству социальных практик и институциональных конфигураций[119].

Важнейшим признаком консортерии являлась внутриклановая юрисдикция, проявляющаяся часто в объявлении и осуществлении кровной мести. Как правило, различные формы судебной практики совмещались и были взаимно обусловлены в коммунальном мире, а вендетта являлась полностью узаконенной и как социальное отношение, и как элемент регулярной юрисдикции[120]. Она возникла между Да Панцано и представителями фамилии Герардини, их родственниками, из-за того,

[117]Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 61—62.
[118]Ibid. P. 67.
[119]*Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale. P. 3—5.
[120]Ibid. P. 8.

что в 1346 г. Антонио ди Тотто, брат Луки, был убит членами семьи Герардини. Мщение Лука стремился осуществить, прибегая к юрисдикции коммуны, и убийцы были осуждены и приговорены к смерти по постановлению трибунала Подеста[121], но они успели бежать из Флоренции. И тогда, согласно обычаям рода-консортерии, Лука начал вендетту.

Насколько правомерной она являлась с точки зрения коммунальных законов? А. Дзорци отмечал «насильственный плюрализм» между судебными системами: вмешательство коммунальных ректоров ограничивалось в случаях убийства или тяжелых ранений, при которых коммуне было запрещено требовать мирного соглашения или даже просто перемирия до тех пор, пока обиженная сторона не предпримет «действия вендетты», со всей очевидностью рассматриваемой как практика, имеющая преимущество над постановлениями коммунальных трибуналов, которая могла гарантировать и благоприятствовать восстановлению справедливости и равновесия между сторонами, находящимися в конфликте[122]. Здесь наблюдается определенное соответствие между коммунальным законодательством и частными интересами, что еще раз подчеркивает ординарность вендетты в коммунальном обществе.

Лука да Панцано с кровожадным удовлетворением вспоминал о том, «как были гонимы днем и ночью и преимущественно по лесам Пьовано, Карло и Карсилио ди Бальдовинетто (представители фамилии Герардини) мною, Лукой, и Маттео ди Тотто (брат автора воспоминаний), и Альберто, и Уго ди Гуччо, и всеми нашими консортами»; «пребывали они в страшной тревоге, и видя, что от этого невозможно спастись, в декабре 1346 г. указанные Пьовано и Карло направились в Неаполь, и сделали остановку и отдых на несколько дней в фондако <...> наших кузенов. И уже был очень болен Пьовано, потому что он у нас имел дурную голову и очень боялся света луны». Этот Пьовано умер в городе Турпиа, близ Неаполя, в доме епископа, который покровительствовал Герардини, согласно комментарию автора: «Думается, что умер от переутомления, или же Господь Бог сотворил такое чудо, поскольку Антонио ди Тотто, которого он убил, был его кузеном»[123]. Так завершился первый этап вендетты.

Но кровная месть не закончилась смертью Пьовано Герардини, которого его родичи загнали насмерть, ибо главный враг — Карло Герардини — еще

[121] Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 61. Так он признавался в том, что по постановлению коммунального суда был приговорен к штрафу в 6000 лир Бальдовинетто ди мессер Пьовано Герардини вместе со своим сыном и двумя братьями. Но неизвестно, была ли эта сумма выплачена, поскольку Бальдовинетто Герардини пребывал в это время в коммунальной тюрьме.

[122] *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale. 4. 2. P. 20. Он ссылался на Статуты Капитана народа от 1322—1325 гг.

[123] Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 62.

оставался в живых. Карло с приспешниками укрылся в Прато, отдавшись под покровительство Хранителя (*Conservadore* — чужеземное должностное лицо, облеченное функциями исполнительной власти), где также заручился поддержкой правителей из семьи Гваццалотти (или Гваццалотри). На втором этапе кровная месть тесно сплелась с противостоянием двух городов-коммун, Прато и Флоренции, и эта позиция в данном случае вызывает особый интерес. Частная война между Герардини и да Панцано развернулась в Прато, куда, как писал автор, «я пошел, чтобы убить Карло ди Бальдовинетто Герардини, с консортами и на добрых лошадях; пешком ко мне туда явились Тоццо да Монтефикалли, Микеле ди Ванни, кузнец из Сан Никколо, и Никколо, прозванный Пеше (Рыба) из Ченни, того же прихода». Как видим, консортерия была весьма многочисленной, в нее могли входить и так или иначе быть к ней причастны выходцы из разных социальных слоев, часто обитавшие в контадо. Карло Герардини принял свои меры, ибо не заметить группы конных и до зубов вооруженных его кровных врагов в маленьком местечке было попросту невозможно, и он сразу обратился к Хранителю, а «тот приказал схватить Тоццо и Микелаццо...».

Флоренция отправила послов в коммуну Прато, чтобы, как писал Лука, «указанные наши слуги не были ни искалечены, ни подвергнуты пыткам»[124]. Однако усилия послов коммуны и самого Луки, который «затратил кое-какие деньги», оказались тщетными: «Хранитель Прато Никкола Паноккини из Вольтерры и его судья быстро приговорили повесить консортов да Панцано, опасаясь, как бы я не отбил их». Казнь свершилась, и у виселицы Луке и его приспешникам, которые уже находились во Флоренции, было предъявлено обвинение с требованием вызвать их на суд в трибунал флорентийского Подеста. В это время (1349 г.?) коммуна вынашивала замысел полного подчинения Прато своей юрисдикции. Поэтому в ответ на притязания Прато, флорентийская Синьория распорядилась, чтобы «не давать ходу обвинению против меня, Луки ди Тотто да Панцано, и моих компаньонов», и направила в Прато послов, «дабы убедиться, могут ли флорентийцы позволить себе столько же, сколько и пратезцы». Тогда коммуна Прато и ее правители «приказали Хранителю разорвать приговор, и послали коммуне Флоренции и ко мне послов, 12 наиболее уважаемых их граждан, дабы извиниться за то, что столь поспешная казнь вышеназванных консортов была процедурой, ставшей следствием ярости Хранителя и его двора»[125]. Лука и Филиппо ди Пьетро Буонаджи, его «компаньон и до-

[124]Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 62. Послами являлись Филиппо ди мессер Бернардо ди Росси и Аццолино ди сер Вивиано, которые пошли в Прато 27 декабря 1348 г.

[125]Ibid. P. 63. И благодаря этому факту, по мнению Луки, «случилось так, что Гваццалотти не потеряли тогда власти в Прато, и что Прато не перешло под власть этой коммуны (видимо, Вольтерры)».

рогой родственник», в свою очередь обвинили Хранителя Прато и его людей в том, что они, якобы, устроили заговор, «чтобы отнять у нас Колле ди Вальдельса[126] к ущербу и позору коммуны и народа Флоренции», а коммуне Прато пришлось оправдывать своих должностных лиц, доказывая их непричастность к заговору и возлагая всю вину за поспешную казнь на Хранителя. Тогда в дело втянулась третья коммуна: «Во Флоренцию для защиты своих граждан из свиты Хранителя прибыли послы из Вольтерры»[127].

Данные хроники Маттео Виллани, современника событий, позволяют в значительной степени подтвердить вывод о совпадении интересов коммуны и ее гражданина Луки да Панцано в этом случае. Хронист заявлял, что Флоренция стремилась подчинить Прато, но «эта коммуна привыкла к свободе». «Страх, как бы при случае не стать подчиненными Флоренции», привел к тому, что граждане Прато признали над собой юрисдикцию герцога Калабрийского, сына короля Роберта I. Маттео Виллани являлся апологетом экспансии Флоренции в контадо, которую он стремился представить как благородную миссию освобождения бургов и крепостей от тирании, и в этой связи называл пратезских правителей Гваццалотти «тиранчиками» (*tiranelli*), поскольку правили тогда «молодые юноши из этой фамилии, нарушающие порядок и образ действия своих предков в управлении этой крепостью, руководя ею тиранническими методами», Маттео также называл их «юнцами, рвущимися к синьории, но не отличающимися мудростью, следующими дурному совету, но не совету флорентийцев». Не упоминая участия Хранителя, Маттео передавал эпизод с двумя казненными, называя их «пратезцами», и указывая, что «один был добрым и зажиточным человеком, старым и больным подагрой, а другой — молодым и богатым нотариусом, честным и приверженным закону: у какового Гваццалотри в другое время приказали казнить отца; этих двоих обвинили в том, что они хотели предать Прато в руки Канчелльери из Пистойи». Когда об этом узнала коммуна Флоренция, то Синьория потребовала освобождения захваченных, ибо они невиновны в заговоре. Но «вопреки просьбе коммуны Флоренции невиновных подвергли суду», узнав об этом коммуна отправила туда послов с суровыми письмами и угрозами, но те опоздали, ибо предвидя это, «тиранчики <...> поспешили и приказали обвиняемых казнить ради позора коммуны Флоренции. И приказав отсечь каждому голову, незаконно захватили их имущество»[128]. Но если казненные были пратезцами, а коммуна Прато еще сохраняла автономную юрисдикцию, то на каком основании флорентийская Синьория могла вмешиваться в этот процесс? Лаконичные

[126] *Villani M.* Cronica. Libro I. Cap. XLIII. P. 51—52. Колле ди Вальдельса вошел под юрисдикцию Флоренции в 1349 г. Опять-таки, по мнению автора хроники, «из опасения, что там установится тирания».

[127] Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 63—64.

[128] *Villani M.* Cronica. Libro I. Cap. LXXI. P. 86—87.

строки Луки да Панцано также не содержат информацию о том, что казненные были флорентийцами; автор лишь сообщает — они явились к нему пешком, когда он со своими вооруженными людьми уже находился в Прато, и это позволяет предположить, что Тоццо и Микелаццо проживали в непосредственной близости от указанного маленького города, возможно, в предместье или в контадо Прато, где, вероятно, у да Панцано имелись в собственности подере. В таком случае правомерно высказать догадку, что именно инициативы «тотчас вернувшегося во Флоренцию» Луки, который в то время активно участвовал в управлении, и судя по частоте должностей и миссий, был весьма затребован и ценим, побудили Синьорию вмешаться во внутренние дела Прато, послужив удобным предлогом и для подчинения города. Флорентийская Синьория стремилась использовать вендетту да Панцано в отношении Герардини, союзников Гваццалотти, в русле общекоммунальных интересов, оказывая с этого времени дипломатическую и военную поддержку консортам Луки да Панцано.

Очевидно, Лука был склонен к преувеличению значения собственной персоны, которую он явно старался выпятить на первый план в описываемых событиях: пратезцы, якобы, после казни его консортов отправляли послов с извинениями к нему лично, а не только к коммуне, «напоминали мне об услугах, которые Тотто (отец Луки) и Гуччо да Панцано издавна и постоянно оказывали им. И просили меня, ради Господа, чтобы и не причинял им такого позора». Он с радостью констатировал, что флорентийская коммуна осудила «указанных мессера Хранителя, его судью и еще одного человека его свиты на 1000 лир каждого», несмотря на заступничество пратезцев и послов из Вольтерры[129].

В июне 1350 г. вендетта вступила в свой кульминационный этап, вылившись в масштабные военные действия. Лука поспешил в местечко Монтичи со своими консортами, узнав, что Карло Герардини находится там, скрываясь в церкви Св. Маргариты, патроном которой он являлся, а с ним его слуга и компаньон Луллио, а также его младший брат Карсилио ди Бальдовинетто, мальчик 14-и лет. С Лукой отправились 6 его консортов и родственников на лошадях и 16 слуг пешими, имена которых он перечислил, а во Флоренции «я оставил друзей и родственников, которых мог призвать, и тотчас многие персоны поспешили бы туда к нам на помощь». Лука с его отрядом осадили церковь Св. Маргариты и захватили Карсилио и Луллио, но Карло Герардини укрылся на колокольне, «которая была очень хорошо укреплена и снабжена копьями и камнями».

Тогда начался штурм колокольни, причем Лука полностью воздавал должное своему врагу и родичу в лице Карло Герардини, который теперь один отстаивал свою позициию: «Действительно, он и один был самый от-

[129]Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 64.

важный и достойный муж в те дни». Сражение продолжалось до заката солнца, и «туда втянулись все наши юноши», а кроме того, явились, чтобы посмотреть, из Флоренции и контадо до 5000 человек, и в их числе вся свита мессера Андреаса де Росси из Пармы, каковой был тогда Подеста, и также фамилия Гваданьо ди сер Ландо да Губбио, «Экзекутора» (*aseguitore*), и «подтянулся туда состоящий на посту Барджелло сер Нуто из Читта ди Кастелло со многими солдатами, который <...> под угрозой отсечения головы потребовал у нас уйти оттуда». Но, как хвастливо заявлял Лука, «мы оставались столь стойкими, чтобы посмеяться над этим, и отделались словами, а они охотно и с большой любезностью оставили нас творить наши дела».

Здесь необходим комментарий. Коммуна, негласно поощряя действия Луки, стремилась соблюсти приличия и видимость поддержания порядка при таком скоплении народа и насильственных действиях, местом которых стал храм в Монтичи, поэтому туда отправились иноземные должностные лица с их вооруженными свитами, один из которых даже приказывал прекратить бойню в святом месте. Почему Лука и его приспешники только смеялись над его словами? Они знали, что флорентийскими трибуналами ранее Герардини были осуждены на смерть за убийство Антонио, и по коммунальным законам да Панцано имели право на вендетту, поэтому их не осудят во Флоренции, не говоря уже о том, что коммунальные власти на их стороне по политическим соображениям.

Когда закончились стрелы для метания, Лука, по его словам, «послал к синьорам Приорам» Флоренции, прося 300 дротиков, которые «тотчас мне были предоставлены» вместе со стражниками Синьории и 50-ю верховыми «под мое командование». Далее следовало краткое обращение к потомкам: «И следует вам помнить всегда, кем бы вы ни были, насколько мы были поддержаны народом Флоренции». После заката солнца колокольню подожгли, поэтому Карло стал спускаться вниз по веревке колокола; но «когда он уже был в 4-х локтях от земли, Бернаба ди Марко (консорт да Панцано), перерезал веревку, а Марчеллино <...> ударил его копьем в горло, а Биндаччо — дротиком в висок, затем подбежали Уго и я, и мы отправили его в Парадиз <...> И я передал фамилии указанного Подеста (его судом были осуждены Герардини) мертвое тело и двух живых, и на следующее утро мертвый Карло и живой Луллио были проволочены по земле и вздернуты на виселице (коммунальное правосудие завершилось исполнением приговора), а Карсилио отправлен в тюрьму согласно ранее сделанным осуждениям; но по просьбам родственников и друзей я был склонен его помиловать, ибо он находился на грани потери жизни; и молил меня ради любви к Господу»[130].

[130] «Мы забросили огонь под колокольню, и сожгли две ее большие части, и разрушили все кровли; и всяческими путями и способами, насколько возможно лучше, бились мы» // Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 64–65.

Сразу же после штурма колокольни и убийства кровного врага, видимо, полностью удовлетворенный свершением мести, Лука да Панцано принял решение флорентийской Синьории о примирении с Герардини. Через 3 дня, 19 июня 1350 г., мир был торжественно заключен «в большой зале Приоров», исключая только Карсилио, с которым кровные враги тогда не пожелали примириться[131].

У Луки имелись основания быть удовлетворенным. Его кровная месть свершилась по классическим правилам вендетты: в ней участвовал весь род, она закончилась убийством главных врагов, которые по достоинству не уступали ему самому, паритет был соблюден: на стороне да Панцано выступила Флоренция, на стороне Герардини — коммуна Прато. Месть, которую обязательно следовало исполнить публично, вершилась при свете дня, собравшаяся публика насчитывала несколько тысяч, даже если Лука сильно преувеличивал[132]. Вот почему он вполне естественно согласился с примирением, как до этого упивался азартом, с которым он преследовал своих врагов: «И перекрыли мы отныне дорогу всякой ярости <...>, будучи друзьями, как это обычно у нас было заведено». В этой ситуации снова сочетались частные интересы и инициатива коммунальных структур: «Коммуна Флоренция выступила поручителем одной и другой стороны, и обязала нас хранить мир под угрозой великой кары»[133].

Примирение с подростком Карсилио, окончательно завершившее вендетту, было заключено благодаря частному посредничеству влиятельных Перуцци, предоставивших персональные гарантии в мирных договорах. В обоих случаях значительна роль нотариальных карт, фиксирующих условия договоров. А Дзорци видел в этом проявление купеческой культуры флорентийского общества, указывающее на контрактную природу мирных договоров. По его словам, «для примирительных практик нотарий имел решающее значение в юридической системе позднесредневековых итальянских городов»[134].

---

[131]Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 65—67. Решение о примирении было вынесено 16 июня 1350 г. и «избраны были для ведения переговоров о мире 4 уважаемых граждан, Филиппо Магалотти, Якопо д' Альберто дельи Альберти, Луиджи ди Липпо Альдобрандини, и Бернардо Ардингелли, от имени и по указанию коммуны Флоренции». Мир с Карсилио при посредничестве членов членов семьи Перуцци был заключен ровно через год, 21 июня 1351 г.

[132]О ритуалах кровной мести см.: *Ceffi F.* Dicerie da imparare a dire a huomini giovani et rozzi / A cura di L. Biondi. Torino, 1825.

[133]Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 66—67.

[134]*Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale. А. Дзорци указывал на анонимный сборник Флорентийских Формуляриев середины XIII в., включавший формулы «карт мирного договора», рубрику *De tregua facta inter hodiales et inimicos* («О перемирии между враждующими и ненавидящими»), которая предусматривала условия «перемирий» и «соглашений». В кон-

Далее в памятных записках Луки ди Тотто раскрывается обоюдная польза его взаимоотношений с коммуной Флоренцией. В июле 1350 г. Лука и его ближайшие сородичи, «...ведя с собой 45 человек верхом и 80 добрых слуг пешими», выступили с целью «напасть на контадо Прато и подчинить Прато коммуне Флоренции, отняв это государство у <...> Гваццалотти, их друзей и всей их секты». В отличие от Маттео Виллани, Лука точно и недвусмысленно определял предназначение похода. Хронист Маттео стремился закамуфлировать истинную цель рассуждениями об опасности со стороны Милана и спасением Прато от тиранов Гваццалотти, а также стремлением Флоренции «охранять эту землю», за что пратезцы, якобы, «без чрезмерного протеста согласились признать волю коммуны Флоренции»[135]. По словам Луки в военной кампании принимало участие городское ополчение и наемники: «Все 16 гонфалонов компаний, всего более 1000 граждан, а также много пеших солдат и более 400 рыцарей (состав этих вооруженных сил полностью подтверждался данными М. Виллани, который, правда, не указывал количества в цифрах), которыми командовал капитан из Лукки». Это слишком зачительные силы, чтобы считать согласие на подчинение граждан Прато добровольным. Лука да Панцано заявлял, что «мы туда пошли на наши издержки, по своей воле, дабы послужить нашей коммуне, и чтобы предоставить некоторые припасы ей, потому что она давала их нам»[136]. Он не без гордости перечислял мелких синьоров контадо, возможно, выходцев из очень древних родов, которые явились туда с вооруженными людьми к нему на службу; он называл 6 имен из фамилии да Панцано с «нашими людьми и знаменем». Автор снова не мог удержаться от того, чтобы не превознести свои заслуги: «И мы оказались в воротах раньше всех, раньше какого-либо гражданина (ополченца) или солдата; и благодаря храбрости <...> наших бойцов, которые ко мне присоединились в Прато, мы убили двух пратезцев <...>, сожгли 1/3 бурга по направлению к Вернии, где было очень много зерна и вина. И близ ворот вытянули 1 балестру, и <...> я ворвался в Прато у церки Св. Анны. 30 июля 1350 г. мы взяли землю по договору <...> и Гваццалотти потеряли свое положение»[137]. Эти сведения полностью расходятся с информацией М. Виллани, указывавшего, что флорен-

це XIII в. частота составлений таких документов привела к взиманию специальной габеллы.

[135] *Villani M.* Cronica. Libro I. Cap. LXXII. P. 87—88. Описывающий эти события Маттео Виллани, датировал их сентябрем 1350 г.

[136] Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 66. Здесь имеется в виду факт, когда Флоренция предоставила да Панцано стрелы и дротики, чтобы захватить Карло Герардини и его консортов.

[137] Ibid. P. 67. Этими мелкими синьорами являлись Пуччо и Арриго Уберти да Фильине, Пьеро ди Паццо, Чика и Лукерино делла Мальваджа и «другие добрые бойцы».

тийцы «со всех сторон встали лагерем, и не захватывая добычи и не производя разрушений и поджогов», послали сказать пратезцам, что «желают охранять эту землю и попросили им предоставить такое право». Трудно с полной уверенностью определить достоверность этих сведений: Лука мог преувеличить и чрезмерно героизировать свою роль в штурме ворот Прато, но Маттео был явно движим идеологическими постулатами оправдания экспансии в контадо. Для того, чтобы просто «попросить», не стоило собирать сравнительно многочисленного войска, затрачивая значительные средства из коммунальной казны. Окончательно Прато было продано Флоренции в 1351 г. за 17500 зол. флор. неаполитанской королевой Джованной I при посредничестве Никколо Аччайуоли, ее канцлера, который являлся флорентийским гражданином[138].

Последствия свершения кровной мести еще долго ощущались представителями фамилии да Панцано. Вендетта являлась всегда затратным и поэтому весьма разорительным предприятием, в чем признается и Лука: «Одалживали мы так, что не вернуть [долги] никогда». Их штрафовали за угрозу общественному порядку: «Мы <...> имели нужду теперь в ком-либо, кто поддержал бы нас в доме Капитана народа, поскольку мы ходили по Флоренции вооруженные со многими компаньонами <...> Уплатили деньги в казну, потому что Джованни с несколькими компаньонами устроил 20 кавалькад днем и ночью, чтобы произвести вендетту. В добром рвении износили очень много своих собственных башмаков и чулок...»[139].

Согласно законам консортерии, при свершении кровной мести следовало оказать помощь всем пострадавшим при этом родичам. Луке пришлось взять на себя заботы о подростке Ченни, «плохо устроенном и оставшимся в одиночестве» племяннике казненного в Прато и разоренного родича Микелаццо. Ченни «обитал у меня в доме, за мой счет одевался, обувался, питался, а также платили его учителю, что стоило мне очень дорого». Луке пришлось позаботиться о тяжело израненном консорте Панталеоне, «который был схвачен и изуродован, а я уплатил все издержки, чтобы спасти его от виселицы, чтобы затем обследовать и вылечить его, и отправить в Сиену: имел он рану руки, вырванный глаз, был сильно ушиблен и заклеймен». Лука должен был возместить ущерб консорту Джованни Маргоне, «какового я отстранил от его ремесла, чтобы он служил нам <...> в аббатстве, где укрывался Карло Герардини, и он так много сделал, что я получил ключи от всех выходов и ворот указанного аббатства». Он упоминал и некоего Джусто, который

[138] *Villani M.* Cronica. Libro I. Cap. LXXIII. P. 88—89.

[139] Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 67. Посредником в делах с коммунальными структурами для них стал Бартоломео ди мессер Аламанно де Медичи.

«был вместе со мной и компаньонами, много раз услуживал мне и пришел вместе со мной во Флоренцию, а до этого <...> днем и ночью был <...> в аббатстве, чтобы отомстить за Антонио; Джусто обратился ко мне по своей нужде; и я не смог сказать ему нет, и дал ему 85 флор. зол. наличными 20 июля 1351 г.»[140].

Таким образом, история кровной мести внутри клана да Панцано подтверждает скорее суждения А. Дзорци о тесной взаимосвязи коммунального и частного правосудия: «коммунальное государство стремилось не запретить вендетту, но регулировать ее»[141], нежели однозначность вывода Ж. Хэрса о том, что «всегда государство запрещало вендетту»[142].

Данный случай прекрасно иллюстрирует, что коммуна нуждалась в поддержке крупных консортерий, в тех военных отрядах, которые они могли вооружить и мобилизовать. Даже учитывая склонность Луки к преувеличениям и самовосхвалению, более сотни конных и пеших воинов из одной семьи, которые вливались в коммунальное войско, могли сыграть значительную роль в захвате крепостей и бургов контадо. Организованные силы кланов были необходимы коммуне и использовались, прежде всего, в процессе территориальной экспании, успешно развиваемой в XIII—XIV вв.[143]

Другая кровная вражда, начатая агрессивным и амбициозным мессером Лукой в 1350 г., завершилась в 1420 г., доставшись в наследство внуку, и была подробно описана в его *Ricordi*. В осуществлении этой мести также были соблюдены все ритуалы истинной вендетты. В 1420 г. Лука да Панцано, внук, мемуары которого сохранились, бросив свои боттеги и успешно начатую политическую карьеру, вместе с тремя консортами спешно отбыл в Неаполь за своим кровным врагом. В этом случае обращает на себя внимание соблюдение ритуала паритета, выразившееся в стремлении убить врага тем же оружием[144]. Выследив Нанни ди Чече, мстители

[140]Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano. P. 67, 68 69. Что касается третьего эпизода, то Джованни выслеживал кровного врага Луки да Панцано, скрывавшегося в монастыре. Лука приказал ключи скопировать, и с ними «поскакал туда ночью, имея этого Джованни на посту; и он открыл, и мы тайно вошли внутрь, но не обнаружили Карло, хотя точно, что он там был» (P. 68).

[141]*Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione. 5. 1. P. 33. Он полагал, что органичное и регулярное вмешательство государства в вендетты и файды началось с первых десятилетий XIV в.

[142]*Heers J.* Il clan familiare nel Medioevo. Studi sulle strutture politiche e sociali degli ambienti urbani. Napoli, 1976. P. 172.

[143]О процессе экспансии в контадо см.: *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. P. 49.

[144]«Сущность вендетты не могла исключить изначальной обиды, но должна была быть пропорциональной ей. Чтобы ее рассматривали законной, «компетентной», отмщение должно быть равно обиде» // *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale. P. 35.

не прикончили его сразу, ожидая еще двух родственников, которые должны были привезти яд, чтобы отравить оружие, ведь именно таким способом сородичи этого Нанни когда-то отправили на тот свет одного из Фиридольфи. Кроме того, соблюдалась традиция публичности мщения[145]: Нанни ди Чече они убили среди белого дня, на неаполитанской площади, ударом топора по голове, затем кололи мертвое тело ножами. Их попыталась схватить неаполитанская стража, застигнув на месте преступления, произошла вооруженная стычка, закончившаяся победой членов клана Фиридольфи. Отбившись ножами от стражников, они отправились в Гаэту, где скрывался второй кровный враг, которого также убили. Завершив вендетту, словно бы отдав последнюю дань жупелу семейной чести, Лука-внук до конца жизни продолжал вести во Флоренции образ жизни лояльного гражданина, делового человека и доброго купца, долгое время поддерживая связи с Козимо Медичи, который нашел невест для его сыновей, с канцлером Леонардо Бруни — крестным отцом его детей, и сыном простого трактирщика из предместья Флоренции Грегорио Дати: по завещанию Дати Лука ди Маттео был назначен одним из опекунов его малолетних детей-сирот и вдовы. Луке да Панцано-внуку свойствен дуализм самоидентификации, как представителю знатного рода и гражданину торговой республики. Это видно по шкале его ценностей: он гордился тем, что происходит из «древнейшей и благородной фамилии» и в равной степени тем, что он — «первый из нашего дома, кто получил должность в коллегии "6 Мерканции"» (торговый трибунал)[146].

Кровная вражда, санкционированная обычаями и нормами семейного права и признаваемая коммунальными статутами как законный способ разрешения конфликтов, являлись почти обязательным атрибутом знатных родов. Симоне делла Тоза также упоминал в «Анналах» о вендетте с домом дельи Альи, в которую была втянута его консортерия: в 1333 г. «Бартоло ди Чоппо и Франческино ди Витале делла Тоза ранили Кантино дельи Альи»; в 1335 г. «Гульельмо ди мессер Пино делла Тоза ранил Лотто Квалла дельи Альи, совершая вендетту в Чампи»; в 1339 г. «был ранен Непо ди мессер Паоло делла Тоза в вендетте за рану, нанесенную

[145] *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione. P. 36. Он отмечал: «Вендетта должна была быть осуществляемой публично, чтобы сохранить собственную функцию. Максимальная публичность была целью и существенным условием для ее полной реализации. Даже в коммунальном законодательстве исключались способы искать ударить внезапно или тайно — как это следует из Статутов Подеста 1325 г., которые запрещали переодевания и маскарады, поскольку подозревали под ними "людей, охваченных ненавистью", тогда как мщение должно было осуществляться, как возмездие, на холодную голову и беспристрастно».

[146] Ricordanze di Luca di Matteo Firidolfi da Panzano // *Carnesecchi C.* Un fiorentino del secolo XV e le sue ricordanze // Archivio Storico Italiano. 1889. Vol. IV. P. 149—153, 169—170, 154—155.

Лотто Квалла дельи Альи, но и тот, и другой остались в живых»; в том же году «был заключен мир между Альи и сыновьями делла Тоза»[147]. Дельи Альи — знатный гвельфский род, принадлежащий к партии черных, сочетающий занятия войной с торговлей и ростовщичеством, вписанный в реестр магнатов в 1293 г. и обитавший в той же сестьере Дуомо, где проживали и Тозинги[148]. В вендетте соблюдался паритет: Непо делла Тоза был ранен в лицо, потому что именно в лицо он нанес рану Лотто Квалла.

В эти же годы разные члены дома делла Тоза были объектом вызовов в суд и осуждений со стороны коммунальных ректоров, скорее всего, за многочисленные нарушения «Установлений справедливости» (Симоне не указывал, за что именно их наказывали). В 1329 г. «был осужден Сколайо ди Бальдо (брат автора «Анналов») на 9000 флоринов со стороны Куррадо Партуччи, Экзекутора "Установлений справедливости"»; в 1330 г. «были осуждены Виздомини и Тозинги от Епископата»; в 1331 г. «народ с гонфалонами пошел разрушать по осуждению Гвельфо Аццуччо»; в 1332 «был осужден наш Филиппо (брат автора «Анналов») <...> и Симоне ди Ванни на 150 флоринов»; в 1335 г. «были осуждены Куррадо и Франческо ди Бальдо (братья автора) за игру»; в 1336 г. еще раз Франческо ди Бальдо был осужден по «Установлениям справедливост»и на 300 флоринов «за то, что он причинил Париджи да Барберино»: «Сумму я уплатил и продал для этого землю Динго Армайуоло»[149]. По законам консортерии Симоне пришлось платить штраф за брата, неоднократно осужденного коммунальными структурами. Частота осуждений, которым подвергались члены фамилии делла Тоза, свидетельствует об их нонконформизме и агрессивности в коммунальном мире.

О другой длительной родовой вражде Тозинги известно из «Хроникетты» Нери Альфиери Стринати, одного из кровных недругов делла Тоза, также обитавшего в сестьере Дуомо. Неприязнь между линьяжами началась, видимо из-за спорного имущества — «3-х боттег, которые долго были у сыновей Делла Тоза», как писал Нери Стринати. Возможно, причиной послужила также разная партийная ориентация: Делла Тоза — гвельфы, Стринати — гибеллины. В 1267 г., после окончательной победы гвельфов, они заключили мир, скрепленный по обычаю породнением двух фамилий[150].

---

[147] *Della Tosa S.* Annali. P. 165—167.

[148] *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale. P. 11.

[149] *Della Tosa S.* Annali. P. 163—166.

[150] *Strinati N.* Cronicchetta. P. 100. «Заключили мы мир с сыновьями Делла Тоза и с Риньери Пишанкато, и взял Дуччо в жены дочь мессера Неро, отца мессера Чамберпи Делла Тоза, а Дуранте, сын указанного Риньери, взял дочь мессера Бельфраделло, мадонну Чекку <...> Карта о примирении сделана сером Раниери Винчи далла Форка в Кампо Корболини в 1267 г.» // Ibid. P. 110.

Однако мир 1267 г., к которому обе фамилии, видимо, отчасти вынудила коммуна, не погасил старой ненависти и недоверия родов друг к другу. Политические перипетии привели к новому резкому разделению фамилий. Вендетта возобновилась в ноябре 1302 г., когда черные гвельфы совершили в городе государственный переворот. В ночь на 2 ноября «...пешие вооруженные люди из сыновей Делла Тоза с их знаменем <...> пришли в наш дом на Старом Рынке ночью <...> и этот наш дом ограбили, взяв все, что там находилось, <...> и их послали мессер Одальдо и мессер Розилино делла Тоза <...> так вмиг был разорван мир с сыновьями Делла Тоза». Определенные признаки ночного погрома, по нашему мнению, говорят о том, что Тозинги постарались придать ему вид вендетты: об этом свидетельствует знамя с гербом рода, под которым Делла Тоза ворвались в дом Стринати — попытка придать ситуации подобие публичности и паритета — предупреждение противника: «Перед тем как нас ограбить мессер Одальдо послал предупредить наших женщин, чтобы наших мужчин не было там, и мы удалились накануне вечером»[151].

После грабежа представители Делла Тоза, которые являлись заправилами пришедших к власти черных гвельфов, продолжали свирепствовать против Стринати, сводя счеты уже через коммунальные институты. «Мессер Россо делла Тоза, являясь должностным лицом над высланными гибеллинами <...>, приказал разрушить у нас три дома <...> и виллу за городом <...>, срубить виноградник и фруктовые деревья, забрать чаны и другую утварь, и отослать все это к ним в дома»; также «мессер Фастелло делла Тоза забрал и удержал подере Альфиери в Муджелло, и этим нарушил мир»[152].

О дальнейшей роли Луки да Панцано-деда в событиях его города-государства можно судить по оценкам и суждениям современников, чье пристальное внимание он к себе приковывал. В частности, им интересовались в связи с попыткой возглавить мятежный народ во время восстания чомпи, поразившей воображение соотечественников и попавшей на страницы многих хроник и дневников очевидцев. Сообщалось о том, как 28 августа 1378 г. Лука ди Тотто и его племянник Томмазино, которые ранее одними из первых были отчуждены от всех должностей, вышли на площадь, ведя за собой толпу плебса и тех, кто ранее подвергался аммонициям со стороны гвельфской партии. На площади Лука зачитал собравшемуся народу принятую радикальной группировкой восставших чомпи программу «У камальдуленов», получившую условное название по месту ее составления, к которой они заставили приложить печать канцлера коммуны Колюччо Салютати[153]. Затем Лука торже-

[151] *Strinati N.* Cronicchetta di Neri di Alfieri di Strinato di Ramingo degli Strinati. P. 116.
[152] Ibid. P. 116—117.
[153] Diario dello Squittinatore. P. 38—39

ственно снял и разломал свои золотые шпоры, пожалованные коммуной, чтобы получить рыцарское звание из рук чомпи — «попросил произвести его в кавалеры тощего народа». Восставшие избрали его своим капитаном и вожаком, в петиции «У камальдуленов» они требовали перевести его самого и весь его клан в пополанство[154].

Возглавив чомпи, мессер Лука повел их громить тюрьмы и освобождать заключенных, явно уступая их целям. Анонимный хронист, называемый «Компаньяно», замечал: «Мессер Лука ди Тотто да Панцано сделал в те дни много для них всяких дел»[155]. Затем Лука двинул их на захват палаццо Партии, о чем подробно повествовал Маркьонне Стефани, хотя и отмечал, что не ручается за достоверность излагаемых фактов, — «говорили многие, что мессер Лука да Панцано побуждал народ грабить во многих местах, добираясь до своих личных врагов Кваратези», вендетта с которыми, начавшись в начале 60-х, завершилась лишь в 1395 г. Анонимный автор, условно называемый «Сквиттинаторе» уверял, что мессер Лука хотел поднять мятеж по всей земле под лозунгом «Да здравствуют гвельфы и да сгинут все гибеллины!», а для этого ему необходимо было нести знамя партии гвельфов, но «ему не дали так сделать, и он удалился к себе домой в великом гневе». Возможно, в этом случае имела место попытка реализовать претензии на диктаторскую власть, но она не удалась, поскольку Лука да Панцано допустил крупную ошибку при подмене знаковых символов, пытаясь развернуть вместо стяга с Агнцем (знамя «тощего» народа, дарованного ему герцогом Афинским) знамя партии гвельфов. Явно он намеревался объединить под этим знаменем приверженцев бывших лидеров гвельфской партии с радикально настроенными представителями «тощего» народа и свергнуть те силы, которые пришли к управлению государством в июне 1378 г. вместе с Сальвестро Медичи. Восставшие, и без того стихийно считавшие себя правоверными гвельфами, не понимали смысла тактики такого рода, а может быть, и догадались, что Лука да Панцано относится к ним с пренебрежением и хочет собрать под новым знаменем совсем другие силы (никто из хронистов и очевидцев событий не дает ответа на этот вопрос). Но во дворце партии знамени гвельфов не оказалось, потому что оно еще раньше было перенесено в Палаццо Синьории.

Однако чомпи, усмотревшие в действиях Луки да Панцано попрание своего символа, очень скоро спохватились и начали кричать, что мессер Лука, их капитан, будет разорван заживо на куски. Компаньяно писал: «Он совсем незадолго до этого был им другом, но они отвернулись от него, обвиняя его в том, что он заставил их взять оружие в руки и

[154]Diario Compagnano. P. 115.

[155]Ibid. P. 116. Они разгромили тюрьму делла Скала, выпустили Якопо Сакетти и Луиджи ди Польтроне Кавальканти.

убивать друг друга, и очень печалились о том, что действовали по его указке»[156]. Луке да Панцано «пришлось спешно уносить ноги с его новыми золотыми шпорами из города, а его искали, и, если бы нашли, то, думаю, причинили бы ему большое зло», не без некоторого сарказма подводил итог своему описанию Маркьонне Стефани.

Синьория сентября—октября 1378 г. приговорила к высылке Луку ди Тотто, его племянника Томмазино, который вместе с ним водил вооруженные толпы по улицам Флоренции, его сына Маттео, его брата Ланфранко ди Тотто. Но Фиридольфи не были бы представителями своей фамилии, если бы мирно отправились в изгнание. Известно, что 11 октября стража Блюстителя законов и правопорядка (*difensore*) с 50-ю копейщиками были посланы к домам Панцано, чтобы схватить Маттео, сына Луки. Его взяли и заключили под стражу, но он ухитрился через несколько часов бежать из тюрьмы, может быть, был специально кем-то отпущен[157]. 26 января Лука да Панцано, его сын и племянник были заочно приговорены к смерти[158].

Имеются сведения о поведении членов семьи да Панцано в изгнании. В «Хроникетте Строццианa» говорилось о том, что 22 декабря 1378 г. стало известно, что с солдатами из Пизы и Сиены, а также флорентийскими изгнанниками и высланными чомпи (около 1500 человек[159]) Лука ди Тотто да Панцано дошел до церкви Санта Мария Импрунета, пытаясь войти в город и поднять там восстание[160]. Но там они узнали, что заговор раскрыт, их сторонники во Флоренции арестованы, и сразу же рассеялись. Нотарий сер Нофри ди Пьеро де Риформаджоне рассказывал, что в Сиене за его счет обитал среди других изгнанников и Томмазино да Панцано, племянник Луки[161]. У тех изгнанников, которые предпринимали активные

---

[156]Diario Compagnano. P. 116—117; *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 801. P. 329—330; Diario dello Squittinatore. P. 39—40.

[157]*Stefani M.* Cronaca. Rubr. 801. P. 330; Diario dello Squittinatore. P. 48—49, 50—51, 54. По всему городу открыто обвиняли в этом дифензора, уверяя, что тот его выпустил по дружбе или из страха перед агрессивными и жестокими Панцано. Дифензора приговорили к смертной казни через отсечение головы. Он бросился к ногам синьоров, умоляя их о милосердии, и они согласились его простить.

[158]Diario della Squittinatore. P. 61.

[159]Ibid. P. 56—57. Этот аноним утверждал, что Лука да Панцано и Бенги Буондельмонти намерены были войти одновременно в ворота Сан Николо, Сан Джорджо и Сан Гаттолино, которые должны были захватить для них их сообщники внутри города. План не осуществился, поскольку Синьория узнала о нем и отправила к Санта Импрунета вооруженную стражу.

[160]Cronicchetta Strozziana. P. 139—140.

[161]Riformagione Nofri. Cronaca di ser Nofri // *Corazzini G.O.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887. P. 11. В ноябре 1379 г. Томмазино да Панцано вместе с другими заговорщиками в доме сера Нофри обсуждал план захвата крепости, которая должна была стать опорной базой для изгнанных (Ibid. P. 13). Томмазино и его отряд получил от сера Нофри 25 зол. флор. См.: Ibid. P. 15.

усилия для победы изгнанных архигвельфов, главная роль в их проектах отводилась Луке да Панцано. Он должен был войти с войсками во Флоренцию и спровоцировать там мятеж[162]. Его имя упоминалось первым среди тех, на кого уповали остающиеся во Флоренции противники режима младших цехов. Оно фигурировало и в хронике Бонаккорсо Питти, который бежал из Флоренции в сентябре 1378 г. в Пизу и принимал непосредственное участие в событиях заговора конца 1378 г.[163], ибо его деятельный и авантюрный характер не позволял ему оставаться пассивным.

Агрессивность проявлялась и внутри клана да Панцано по отношению к близким родственникам. Лука и его консорты были объявлены во Флоренции мятежниками за убийство в Ареццо флорентийского посла Джованни ди Моне[164]. Сам Лука в это время находился в тюремном заключении в Фаэнце, а его племянник Томмазино пытался освободить дядю и доверился его сыну Нанни. Нанни ди Лука убил своего кузена и оставил мертвого в запертом доме, унеся ключи с собой. Он поступил так согласно изданному флорентийской Синьорией закону, который предписывал членам семьи да Панцано самим убить Томмазино в течение года, угрожая, в противном случае всех членов этого рода объявить мятежниками. Сквиттинаторе осуждал Нанни да Панцано, хотя он и действовал согласно коммунальным постановлениям: «Этот предатель Нанни 10 апреля 1381 г. сам объявил синьорам о его гибели, и клялся на оружии в том, что это истина»[165].

Как ни парадоксально, но в коммунальном обществе находились группировки, нуждающиеся в свойственных клану Фиридольфи стратегиях поведения, в которых проявлялась дерзость, отвага, готовность к насилию. О том, насколько значимой являлась эта фамилия для определенных политических кругов Флоренции, свидетельствовал анонимный *Diario*, в котором подробно описывались события 80-х гг. XIV в. После январского переворота 1382 г. в город вернулись изгнанные в 1378 г. лидеры гвельфской партии, и наиболее радикально настроенные из них предприняли попытки мятежа в феврале и марте, чтобы вырвать наибольшее количество

[162]Diario dello Squittinatore. P. 59.

[163]*Питти Б.* Хроника. С. 33. Он писал: «Мы узнали, что во Флоренции многие граждане-гвельфы собираются поднять восстание с помощью изгнанников, которые должны прийти из Сиены под предводительством мессера Луки ди Тотто да Панцано». Из его повествования выясняется, как плохо был подготовлен заговор. Выступивший из Пизы отряд заговорщиков, в составе которого находился и Бонаккорсо, ожидал сигнала от отряда Луки ди Тотто да Панцано, но не дождался, потому что к этому времени люди Луки уже рассеялись.

[164]*Salvemini G.* La dignità cavalleresca. P. 121—123. Во Флоренции народ пришел в ярость: все дома да Панцано были разрушены, все родственники убийц по мужской линии были объявлены мятежниками вместе с их сыновьями, а за голову убийц была назначенв щедрая награда из коммунальной казны.

[165]*Stefani M.* Cronaca. Rubr. 889. P. 387; Diario dello Squittinatore. P. 75.

уступок, льгот и привилегий для себя. В петиции, где они сформулировали свои пункты, среди прочих содержалось требование о немедленном возвращении во Флоренцию и восстановлении во всех правах мессера Луки да Панцано с сыном Маттео, а также об объявлении убийцы и предателя Нанни да Панцано мятежником[166]. Помимо того, что сам Лука и другие члены его консортерии играли значительную роль в руководстве гвельфской партии, их авантюризм и решительность весьма пригодились бы для исполнения экстремистских намерений радикально настроенных элементов общества, стремящихся во что бы то ни стало взять политический реванш. Вероятно, Лука да Панцано, которому в 1382 г. вернули право занимать должности, возвратился во Флоренцию, но вскоре, в 1383 г. умер и был похоронен в родном городе, его *Ricordi*, за исключением одного фрагмента, потеряны в Фаэнце[167].

Заявляя об адаптации в городском обществе и врастании нобилей в пополанскую среду Флоренции, равно как и о выделении особых признаков образа жизни и менталитета представителей этого социального слоя, следует помнить об относительности обозначения данных процессов и понятий. Как отличительный признак фамилий грандов выделяется наличие многочисленных консортерий и вооруженных свит, которые они постоянно имели при себе. Но в XIV в. этими чертами отличались и исконно пополанские фамилии Строцци, Риччи, Альбицци, Ручеллаи и другие, и не только потому, что восприняли указанные обычаи у грандов. Напряженность социальной атмосферы, чреватая частыми вспышками гражданской войны, следующие один за другим государственные перевороты и смены режимов требовали определенных гарантий в неспокойном мире флорентийской коммуны, порождали факторы, ведущие к сплачиванию больших семей, найму вооруженной охраны домов и появлению на улицах в сопровождении толпы родственников, вассалов и клиентов, что еще более расшатывало политическую стабильность и гражданское согласие.

Поведение членов нобильского семейства Луки да Панцано отличалось экстремизмом, агрессивностью, жестокостью, возможно, диктаторскими устремлениями, и во многих случаях попранием всяких государственных законов и общественных норм морали, кроме свирепых и архаичных внутриклановых обычаев. Вряд ли можно отрицать, что эти ментальные установки и соответствующие им практики поведения были свойственны только представителям прослойки грандов, как убеждает в том множество примеров из различных нарративных источников. Поведение членов пополанской семьи Строцци в 70—80-е гг. XIV в. очень похоже на образ действий представителей фамилии Фиридольфи да Панцано, может быть,

[166]Diario d'anonimo fiorentino (1382—1401). Firenze. P. 27.
[167]*Ciappelli G.* Firidolfi da Panzano, Luca.

с той разницей, что Лука, вероятно, только намеревался захватить диктаторскую власть с помощью толпы чомпи, а Томмазо Строцци удалось это осуществить и в течение трех с лишним лет терроризировать часть флорентийского общества, в то время как другие «озверевшие» Строцци, расколотые гражданскими распрями, вставали брат на брата и убивали друг друга публично. Как противостояние, так и симбиоз грандов и пополанов не просто имели место, но причудливым образом переплетались между собой, создавая множество вариативных форм, поскольку реалии коммунального общества предоставляли бесконечный спектр альтернатив для личного выбора отдельных персон, независимо от того, к какому социальному слою населения они принадлежали.

Многочисленные хронисты, которые упоминали о членах семьи Фиридольфи да Панцано во второй половине XIV в., менее всего позиционировали их как нобилей или грандов. Образы представителей этой фамилии, как и членов рода Кастильонкьо, комментировались в домене социально-политических реалий их времени. Современники писали о них, как об архигвельфах, активных функционерах гвельфской партии, как о постоянных «возмутителях спокойствия», как о политических заговорщиках в изгнании, готовых активно действовать, наконец, как об объектах упований экстремистских сил, нуждающихся в отважных героях, способных к решительным поступкам, не рассуждая. Новые социально-политические противоречия вытесняли и затмевали прежние, актуальные для XIII—первой половины XIV в.

§ 4. Самоидентификация с пополанским сообществом: казус Донато Веллути

Модель переживаний и оценок социального статуса в «Домашней хронике» Донато ди Ламберто Веллути, составленной в конце жизни автора (1367—1370), являла комплекс устойчивых представлений и ментальных установок городской пополанской среды, выражающих самодентификацию собственной персоны и фамилии с коммунальным сообществом и государством-республикой. И хотя в ней, как и в большинстве семейных книг, почти не содержится описания внутренних мотиваций тех или иных поступков автора, она остается ценнейшим свидетельством эпохи, поскольку купец, юрист и политик XIV в. сам повествовал о своих действиях и намерениях, давал оценки происходящих событий и персонажей, раскрывал противоречивость отношений между своей консортерией и городом-государством. Французский исследователь Ш. де Ла Ронсьер в специальном исследовании текста «Домашней хроники»

подчеркивал, что «его свидетельства априори кажутся честными, насколько возможно». Подобную убежденность Ла Ронсьер почерпнул из «солидной базы верификации этого генеалогическиого труда», ссылаясь на акты нотария сера Орландо Беллиокти да Марчалла, супруга отдаленной родственницы Донато, услугами которого Веллути пользовались в 1310—1312 гг. Нотариальные документы позволяют отчасти восполнить лакуны хроники и подвергнуть верификации воспоминания Донато в отношении фактов, предшествующих его рождению в 1314 г.[168]

Важным обстоятельством являлся факт быстрого втягивания Веллути в активные формы предпринимательства. Вероятно, с первой половины XIII в. они стали заниматься торговлей, а затем производством сукон в созданной ими семейной компании, и в этом ряду Донато представлял уже четвертое поколение деловых людей. Он писал о своих предках: «...Занимались они кое-какой торговлей, и держали фондако в Борго Сан Якопо»[169].

Видимо, в городе члены рода Веллути сплотились в многочисленную консортерию, стараясь породниться с древними и знатными фамилиями, подобно большинству пополанов, стремящихся к социальной эскалации. Из 490 персон Веллути и связанных с ними родством кланов по именам названо 380 (77%)[170]. Прежде всего, Веллути искали родственных связей с древними линьяжами магнатов города, со старинными родами, в частности, с Маннелли, Пульчи, Петрибони, Буондельмонти, Лукардези, Бельфорти и Росси, добиваясь повышения социального престижа и авторитета в городе, а также с видными пополанскими фамилиями, стоящими во главе торгово-банковских компаний: Баньези, Антинори, Ковони, Ферруччи, Фрескобальди, Черки, преследуя цель дальнейшего экономического процветания[171].

---

[168] *La Ronciere Ch.M. de.* Una famiglia fiorentina nel XIV secolo: i Velluti // Famiglia e parentela nell' Italia medievale / A cura di G. Duby, J. Le Goff. Bologna, 1981. P. 147—148.

[169] Ibid. P. 6.

[170] Ibid. P. 160, 162—163. Наиболее подробно описан, конечно, род Веллути: из его членов названы имена 160 человек и прослежены судьбы 5-и поколений всех членов рода вплоть до кузенов 10-й степени родства сыновей Донато. 315 среди названных персон (64 %) являлись исключительно членами линьяжей, с которыми Веллути состояли в свойстве, рассматривается 5 линьяжей свойственников. Но подробнее всего автор уделял внимание линьяжам своей бабки со стороны отца (Бельфраделли), своей матери (Ферруччи) и первой супруги (Ковони).

[171] О родстве с этими фамилиями Веллути упоминал в своей хронике: Антинори (P. 39, 47); Баньези (P. 114, 118); Бельфорти (P. 84); Бельфраделли (P. 76—78, 101, 111) Буондельмонти (P. 30, 53); Ковони (P. 92, 160, 223); Лукардези (P. 32); Петрибони (P. 55); Пульчи (P. 74, 76, 104); Росси (P. 17, 31, 130, 145); Ферруччи (P. 19, 112, 114, 119, 121, 123, 130, 133, 138, 140, 147); Фрескобальди (P. 17, 27, 78, 79, 83, 90, 93, 95, 100, 113, 130, 136, 305); Черки (P. 292). См.: *Velluti D.* La cronica domestica; *La Ronciere Ch.M. de.* Una famiglia fiorentina nel XIV secolo. P. 151.

Создание консортерии даже у пополанского рода предполагало наличие всех ее признаков, в частности, внутриклановой юрисдикции. Об этом свидетельствует описание нескольких вендетт, к которым имела то или иное отношение фамилия Веллути. Наибольшую роль в истории дома Веллути сыграла их вендетта с кланом Маннелли[172], продолжавшаяся с 1267 г., когда Гино ди Донато Веллути был убит сыном Мазино де Маннелли у Старого моста, по 1295 г. Эта месть созревала долго – 28 лет после 1267 г., явившись «одним из наиболее аутентичных проявлений глубокой солидарности линьяжей»[173].

Ссылаясь на древние карты на бумазее, автор писал, что 24 июня 1295 г., когда жители города собрались на палио в честь дня Св. Иоанна Крестителя, «Липпо ди Симоне де Маннелли, чтобы принять участие в бегах, проходил близ Старого Моста, а Джино Дьетисальви, каковой был <...> нашим соседом, вместе с Лапо и Герардино ди Донато, а также Берто по имени Ламберто, моим отцом, решительно напали на него <...> и убили его, нанеся ему 20 или более ранений; и затем бежали <...>, не встретив никаких препятствий». Следует обратить внимание на соблюдение ритуалов: член семьи Маннелли был убит тем же оружием и фактически в том же месте, что и Гино Веллути. Отмщение произвели днем при большом скоплении народа, собравшегося на праздник, обеспечивая публичность действия. «Капитаном и главой этой вендетты» был объявлен «Филиппо, прозываемый Липпо, мой дед», против которого выдвинули обвинение. Как указывал А. Дзорци, «отношения вражды и конфликты пронизывали все социальное поле, рассматривались в порядке вещей как для магната и купца, так для ремесленника и пополана». Но чаще всего вендетта не только следовала традиционным ритуалам, но являлась следствием трезвого расчета, направленного на то, чтобы ее негативные последствия для рода свести к минимуму. В данном случае пополаны Веллути совершили отмщение грандам Маннелли в 1295 г. — в разгар действия антимагнатского законодательства, чтобы не понести тяжелой кары за убийство[174].

По суду Липпо Веллути был оправдан, но за убийство, помимо Липпо ди Симоне, еще двух человек из Маннелли, ему пришлось заплатить 7000 лир (1 лира = 1 флорин 39 сольди 4 денария); «каковые 7000 лир были уплачены деньгами нашей компании, согласно тому, что выяснилось из последней Красной книги этой компании, в карте № 95». Поскольку Вел-

[172] *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale. P. 13. А. Дзорци утверждал, что файды и вендетты во второй половине XIII в. распространялись также в слоях торговых и ремесленных: в почти половине случаев (47 из 98) файда разворачивалась только между торговыми домами.

[173] *La Roncière C.M. de* Una famiglia fiorentina nel XIV secolo: i Velluti. P. 156.

[174] *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale. P. 15, 37—38.

лути являлись тогда влиятельной и авторитетной фамилией в Коммуне, то часть суммы была компенсирована из коммунальной казны путем выплат по квитанциям, где фиксировались долги города данному роду за участие в общественных займах и службу в конной милиции. Кроме того, Веллути опирались на тесные связи соседства и дружбы, достаточно близкие, чтобы быть задействованными в вендетте, в частности, и для оказания финансовой помощи. Среди поручителей Веллути при заключении мира фигурировали представители древних и знатных родов: Якоппи, Росси, Абати, Пульчи, дель Бене, Фрескобальди, а также видных пополанских фамилий — Гвиччардини, Содерини, Бонайути, Макиавелли[175]. Маннелли согласились на примирение через посредство нотариуса-прокуратора, согласно коммунальным статутам, «но сохранилась у Маннелли злопамятность и подозрительность против наших предков», и понадобилось дополнительное принуждение со стороны города-государства. Повторный мир был заключен в церкви Сан Пьеро Скераджо в присутствии приоров и Капитана народа: «Каковой они (т.е. Маннелли) заключали также по принуждению и неохотно, потому что являлись грандами, сильными, обладающими большим имуществом и многими персонами в то время, поэтому казалось им оскорбительным, что наши предки осуществили вендетту». По обычаям мира, заключающего вендетту, она завершилась породнением с противниками, что было важно для Веллути, поскольку Маннелли состояли в родстве с Барди[176]. Однако вражда сохранялась, поскольку члены знатного и древнего рода Маннелли считали унизительным для себя мир,

[175] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 10—12. Донато указывал: «Джино Дьетисальви, наш сосед, и Лапо Филигерне (Филигерна из фамилии Росси), еще один наш дорогой сосед и друг, все были связаны с этим убийством; и Фенчи (Фенчи ди Герардо Малефичи), наш сосед, друг и родственник, помогли и посоветовали сделать так, чтобы их не схватили».

[176] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 10—11. P. 14—15. Впечатляет и список поручителей Веллути при заключении мира: мессер Бардо ди Ламберто и мессер Ламбертуччо ди Гино Фрескобальди, мессер Пино ди мессер Стольдо Якопи, мессер Бернардо дель Россо де Росси, мессер Соццо Гвиччардини, мессер Аньоло де Мальи, мессер Ламберто ди мессер Аббате дельи Абати, мессер Форнайо ди Фенчи де Пульчи, Ванни Анджелотти, Липпо Бека, Орландо Маффеи, Тано ди сер Якопо делла Бруна, Липпо Гуччи Содерини, Банко ди Гверньери дель Бене, Шелто ди сер Гвидотто, Филиппо дель Ломбардо, Казино Казини, Нуччо Париджи, Альбертуччо ди мессер Якопо Каппьетти, Джованни Якопи, Лапо Бонайути, Нери ди Якопо Мантеллини, Россо Филигерна, Симоне Фольки, Фенчи ди Герардо Малефичи, Дуччо Анджолини де Макиавелли, Сальви д' Уберто и Фиго ди Доно делла Бьянка (Ibid. P. 17). Он перечислял 23 имени представителей клана Маннелли и 16 имен представителей рода Веллути при заключении мира 1295 г., которым они завершали длительную вендетту. На самом деле членов кланов с одной и с другой стороны привлекалось для соприсяжничества гораздо больше, просто нотариус не вписывал все имена, используя формулировки «такой-то клялся за себя и своих сыновей», «такой-то — за себя и своих братьев».

который им по принуждению пришлось заключить с безродными Веллути: «И после заключения мира его сыновья всегда оставались грубыми с нами <...> были столь горды и надменны, что не скрывали чувства гадливости по отношению к нам <...> продолжали угрожать нам. Они всегда оставались высокомерными с нами, из-за своего величия презирая нас, ибо к этому миру они были принуждены Коммуной, <...> поскольку в несколько дней их заставили заключить примирение, поступив с ними так, как не поступали с самыми знатными домами». Донато ссылался на письма своего отца Ламберто, в которых родственники предупреждали его, что Манелли замышляют его убийство в Генуе, куда он должен был попасть по делам. Вражда продолжалась и в последующем поколении, хотя и не выливалась в открытые столкновения: Донато пришлось испытать ее на себе, когда он поздоровался с несколькими членами дома Маннелли, которые «не ответили на мой привет»[177]. Интересно, что автор «Домашней хроники» как бы признавал за кровными врагами право на непримиримую позицию, поскольку Маннелли — знатный нобильский род[178], которому пополаны Веллути не могли быть ровней. При поддержке Веллути, как говорилось ранее, Маннелли были произведены в пополанство, что и положило конец кровной вражде и недоброжелательству. Затем Донато с гордостью писал о дальнейшем покровительстве и услугах, которые он оказывал этой фамилии грандов благодаря своим избраниям в состав Приората[179].

Факты, приводимые Донато, позволяют предположить, что образ жизни купцов и предпринимателей мог предрасполагать к тенденции отказа от кровной мести. Вендетта Бельфраделли и Бериньялли лишь косвенно затрагивала интересы семьи Донато Веллути. Важно отметить, что обе фамилии не являлись старинными родами нобилей и грандов — «были мастера-шерстяники и купцы», но и они также опирались на многочисленную консортерию[180]. В 1310 г. во время ссоры, которую затеяли Бельфраделли, одним из Бериньялли был убит Веллуто Веллути, присут-

[177] Ibid. P. 18—19. Веллути писал о том, что в Генуе они намеревались убить его отца, а самому Донато самым оскорбительным образом не ответили на приветствие во Флоренции, несмотря на то, что по воле обстоятельств он оказался с ними в родстве.

[178] Маннелли — представители не столь уж древней знати, видимо, появились во Флоренции на рубеже XII—XIII вв. — были по преимуществу гибеллинским родом. Крупномасштабную торговую активность они развернули в начале XIII в. См.: *Tarassi M.* Il regime guelfo P. 131.

[179] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 21. Речь шла об избавлении от смертной казни и возвращении из ссылки Амио Маннелли.

[180] Ibid. P. 65. 16—19, 63—69, 77—79, 128—129. Противники взяли дом Бельфраделли штурмом и убили его главу, а брат убитого несколько лет выслеживал главного виновника погрома, пока не убил его ночью, выходящего из дома публичной женщины. Свершившего месть изгнали по приговору коммунального суда, что привело, как с прискорбием отмечал Веллути, к угасанию рода Бельфраделли.

ствовавший при этом. Отец Донато решил не участвовать в вендетте, к которой члены его семьи были непосредственно не причастны, и через посредников дал знать о том Бериньялли, «оставив это проклятие тому, кто устроил вражду». Донато всецело поддерживал своего отца в этом решении. Но некоторые члены рода Веллути, в том числе Пиччо, младший брат Донато, который «прельщен был консортами», счел решение отца бесчестным и недостойным знатности их рода. Вопреки воли отца юноша объединился с той ветвью семьи, которая ввязалась в вендетту, и вскоре вместе со своим троюродным братом он расправился с Джунта Бериньялли (вонзил нож в горло), что и послужило одной из причин пожизненного изгнания Пиччо из Флоренции по решению коммунального суда[181].

И в этом случае наблюдался практический расчет части членов семьи Веллути относительно времени осуществления мести. В 30-е гг. они узнали, что Джунта ди Маццоне Бериньялли «был выслан коммуной, потом возвращен, но вина его не была вычеркнута» из соответствующего судебного акта, и предумотрительно попросили копию документа, дабы удостовериться в этом, после чего «настигли его, чтобы убить», но они опоздали, ибо сразу же выяснилось — к моменту убийства вина Джунта была уже вычеркнута, «и по этой причине все они были осуждены». Вендетта и в указанном случае являлась делом дорогостоящим, как можно убедиться на примере мести членам семьи Маннелли, кроме того, постепенно коммунальная юрисдикция все более ужесточалась, а организация контроля над частной враждой совершенствовалась[182], и это вело к тому, что кровная месть становилась делом, ведущим к разорению фамилии и не менее семейной компании[183].

Тенденция отказа от кровной мести являлась практикой, порождаемой пополанской городской средой, обусловленной коммунальными статутами и христианскими заповедями. Как правило, оба условия отказа от кровной вражды упоминались авторами семейных книг. Мотивация Ламберто Веллути в отказе от участия в вендетте с Бериньялли заключалась в том, что их семья уже была наполовину разорена вендеттой с Маннелли — штрафами, которые приходилось уплачивать в коммунальную казну за стычки и бесчинства на улицах города, и бесконечными вспомоществованиями родственникам, лишавшимся близких, получавшим раны и увечья. Завершая рассказ об этой несостоявшейся вендетте с Бериньялли, Донато резюмировал с христианских позиций: «Хватит с нас Господнего отмщения, а из-за вендетты добрая и богатая фамилия остается без персон и имущества». Донато в этом случае имел

[181] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 65—69. См. также: *Zorzi A.* Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale. P. 37—38.
[182] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 67—70.
[183] *La Roncière C.M. de* Una famiglia fiorentina nel XIV secolo: i Velluti. P. 166.

в виду род своей бабки Бельфраделли. Он являлся убежденным противником вендетты: «Достаточно одного Веллуто, который по воле Господа не был рожден для нашего блага и чести»[184]. Он явно порицал Веллуто, который вмешался в ссору, непосредственно его не касающуюся.

Это заключение — не просто повторение фигуры религиозной риторики, почерпнутое у пользующихся успехом проповедников, как, возможно, в «Книге о добрых нравах» Паоло да Чертальдо, а обоснованный вывод, в котором концентрируется и собственный жизненный опыт. Паоло, следуя нравственным стереотипам XIII в., причислял вендетту к великим удовольствиям человека: «Первое удовольствие — исполнить свою вендетту: горько быть обиженным своим врагом». Но в то же время он указывал на крайне негативные последствия кровной мести: «...вендетты опустошают душу, тело и имущество»; «вендеттой ты достигнешь обратного: т.е. греха перед Господом, порицания от людей, еще большую ненависть от врага своего; потому что почти невозможно осуществить свою вендетту полностью, ты лишь сможешь сделать это в большей или меньшей степени: если сделаешь больше, обидишь врага своего и умножишь вражду его, а люди скажут, что плохо поступать столь жестоко; если сделаешь меньше, люди скажут: "Было бы лучше, если бы он даже и не пробовал, чем так опозориться". Так что ты всегда старайся прощать, если хочешь выйти победителем»[185].

Донато Веллути еще не отделял своего «Я» от семьи-рода[186], которую в полной мере можно назвать консортерией, хотя достаточно аморфной и децентрализованной, поскольку отсутствовал общий глава клана, осуществляющий право силы, не упоминалось о выборных внутрифамильных органах управления, и не всегда соблюдалась традиция обязательного соблюдения кодексов внутрисемейных норм и обычаев. Традиционные очертания консортерии были размыты проросшей изнутри семейной торгово-банковской компанией. И все же в этой фамилии царил патриархальный уклад, приверженцем которого являлся и наш автор[187]. В своих действиях

[184] *Velluti D.* La cronica domestca. P. 65, 70, 77—78. Цит. P. 77—78. Такие же сентенции настойчиво повторял своим сыновьям и Джино ди Нери Каппони: «Никогда не затевайте никакой вендетты или большой вражды ни с гражданином, ни с соседним синьором, если это не необходимо для его обуздания» — *Capponi G.* Ricordi. P. 35.

[185] *Paolo da Certaldo.* Il libro di buoni costumi. 119. P. 102—103. О мироощущении Паоло да Чертальдо: *Bec Ch.* Les marchands écrivains. Affaires et humanisme à Florence, 1375—1434, P., 1967. P. 95—96.

[186] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 15—16.

[187] Ibid. P. 39, 47, 298. Он, например, описывал 12 представителей рода Антинори, родственников по женской линии, и еще четверых посторонних людей, взявших жен из дома Антинори, как «наших консортов». Дж. Ларнер также определял семью Веллути как «клан-консортерию». См.: *Larner J.* L'Italia nell'età de Dante, Petrarca e Boccaccio. Bologna, 1982. P. 116—117.

на политическом поприще Донато все время старался соединить мало совместимое: сочетать интересы семьи и процесс добросовестного служения общекоммунальному благу. Он использовал свое служебное положение, чтобы поддерживать рано осиротевшего племянника Бернардо: «Я всегда их ободряю и поддерживаю (семью Бернардо — *И.К.*); и если бы не было меня и Якопо, то не были бы они теперь там, где они есть, ни в имуществе, ни в положении: потому что, имея возможность, я устроил так, чтобы в списке 1357 г. он остался в приорах, и так сделал я с упованием на Бога, продвигая его всегда в том, в чем я мог; и они <...> всегда мне и моей семье <...> изъявляют великую любовь»[188]. Но если в этом плане он и стремился соблюсти некоторую гармонию, то собственные экономические интересы определенно часто ставились выше родственных связей[189]. Таким образом тенденция к сохранению кланового единства и давних традиций, с одной стороны, и эгоистическое самоутверждение, порожденное конкуренцией, тщеславием и политическими амбициями, с другой, причудливо переплетались между собой в его сознании.

После неудавшейся попытки возвышения на службе у герцога Афинского Донато Веллути с 1343 г. сделал вполне определенный выбор в пользу пополанской коммуны, отныне всегда отождествляя себя с республиканским и пополанским порядком правления и представляя своих предков[190] и самого себя в некотором роде «оплотом» коммунально-

[188] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 43. Он сам признавался в том, что помог своим родственникам в получении выплат по квитанциям Монте: «Когда я был Гонфалоньером справедливости, добился того, чтобы они были выплачены». Став в 1351 г. Гонфалоньером справедливости, Донато помогал своим братьям сохранить их вложения в государственный долг (*Monte*). См.: Ibid. P. 38.

[189] Ibid. P. 25, 63—65, 91, 109—110, 131—132, 137—139. 310—311. Донато питал сильную вражду к своему кузену Пьеро, «дурному человеку», из-за которого, как полагал Донато, его отец в свое время был вынужден сесть в долговую тюрьму, а сам Донато должен был судиться с Пьеро из-за своей доли наследства. Донато и его братья так ненавидели своего родственника, что отказали ему в помощи, «когда он впал в страшную нужду», не пошли к нему, когда он умирал «в жалкой лачуге», не пустили гроб с его телом в родовую усыпальницу. Представители семьи проклинали друг друга у смертного одра, десятилетиями судились между за собой за малые части спорного наследства или долговые претензии, которые взыскивались иногда во втором или даже третьем поколении.

[190] Ibid. P. 75. Таким под пером Донато представал его дед Филиппо ди Бонаккорсо Веллути: «Он занимал высокое положение в Коммуне, и был выдающимся купцом, очень уважаемым, очень мудрым и ловким (хитрым), всегда честно поступающим по отношению к Коммуне; и находился он среди приоров во время поражения под Чертомондо, <...>; и также он был одним из принципалов вместе с Оддо Альтовити и некоторыми другими в распоряжениях по высылке и изгнанию Джано делла Белла». Он также гордился Туччо Ферруччи, дядей своей матери, «каковой был крупнейшим гражданином в Коммуне, из самых набольших вместе с мессером Гвальтеротто де Барди, мессером Форнайо де Росси, мессером

го режима. Донато уверял, что его отец умер «утешенным» тем, что «его сын, т.е. я, имел очень хорошую основу моего образа жизни; и зная о том, что я достаточно получаю почестей от Коммуны и от граждан»[191].

Его активная служба коммуне началась с проведения реформ осенью 1343 г. и причастности к работе «Коллегии 14-и»[192]. Все это время Донато являлся непосредственным участником происходящих событий, действуя в самом их центре и испытывая немалую гордость от осознания собственной политической значимости: «Получили большие полномочия гранды и пополаны, среди которых был и я». В этом случае Донато, как и другим избранным от городских сестьер, поручено коллегией 14-и заняться устройством нового территориально-административного деления города: «Коллегия решила, что в нашем городе существует неравенство (в налогообложении) оттого, что он плохо разделен в настоящее время на 6 частей (*sestieri*). И чтобы избавиться от неравенства, достигнуть большего единства в городе, устранить преимущества могущественных домов, которые тиранили остальных, имея везде своих компаньонов, решено было еще раз по-новому разделить наш город на 3 части (вскоре комиссия, в которой подвизался Донато, приняла более оптимальное решение: разделить не на три, а на 4 части)».

Веллути с большим рвением отдавал себя новым служебным обязанностям, «добросовестно ускоряя работу коллегии 14-и, действуя добрыми и приветливыми речами, а иной раз и угрозами, в которых имелась нужда, потому что в Коллегии были и те, которые противились изменениям из-за собственной пользы». В отличие от Джованни Виллани Донато Веллути склонен очень положительно оценивать деятельность указанной коллегии, поскольку он был причастен к ее реформам. Кроме того, той вспомогательной комиссии, в которую был избран Донато, предстояло заниматься новым административным делением города — единственной реформой 14-и, которую не отменили в последующем, поскольку она была направлена на пользу пополанства. Автор указывает на то, что мнения его коллег противоречили генеральной линии 14-и: «Мы свободно осуществляли нашу комиссию <...>, угрожая иной раз срубить мосты и устроить город по-нашему». Выражая свою идентичность с пополанами, он подчеркивал несомненную общественную пользу именно этой реформы, проводимой

Теггиа Фрескобальди, все они происходили из картьеры Сан Спирито. Он много раз был приором: 6 раз избирался приором или Гонфалоньером справедливости с 1299 по 1323 гг. См.: Ibid. P. 130.

[191] *Velluti D.* La cronica domestica. P.116.

[192] Джованни Виллани в целом одобрял ее деятельность, поскольку она отменила все приказы и распоряжения герцога, но порицал за то, что «14» не утвердили «Установления справедливости» и даже приняли ряд решений в пользу грандов. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 18—19. С. 418.

в интересах народа: «И наконец, хвала Господу, добились этого; и разделен был город на картьеры, как в настоящее время, и дали нам 1/4 часть должностей (т.е. многонаселенной картьере Ольтрарно, в которой обитали Веллути), но более, чем 1/4 часть налогообложения, однако не больше, чем ранее (т.е. до 1343 г.)»[193]. Поскольку Веллути не имел обыкновения мотивировать свои поступки и суждения, можно только предположить естественное стремление высоко оценить общественную практику, в которую были вложены его собственные усилия. Может быть, в данном случае не обошлось и без элемента самореабилитации, искупления социально значимой и полезной деятельностью неблаговидной попытки службы тирану.

На этих же страницах заметно его желание идентифицировать себя именно с пополанством, проявляемое в старательном акцентировании осуждения попыток нобилей достичь власти. В 1340 г. Донато выступал против Барди и Фрескобальди, которые «пытались сокрушить народ», испытывая гордость тем, что был «избран в коллегию 40 добрых людей, которым были предоставлены великие полномочия». Свой отказ от служения герцогу Афинскому Донато мотивировал тем, что он «всегда стремился принести пользу многим, и также уважить граждан Флоренции, всегда доверяя пополанам и народу <...>, а также видел я, что вызываю неприязнь у горожан»[194]. Он с подъемом и удовлетворением писал о том, что он вошел в число «одних только пополанов», составивших приорат в сентябре 1343 г., и что они в полной мере восстановили против грандов «Установления справедливости» — формула социального разделения «только одни — против других» отчетливо выявляется в этом контексте. И в новом списке кандидатов на должности, сделанным в октябре 1343 г. «из одних только пополанов», «находился я и еше двое из Веллути», причем автор гордился тем, что его поместили в суму кандидатов на высшую должность — Гонфалоньера справедливости[195]. Описывая дела представителей семейной компании в Англии и Франции, он с крайней неприязнью отзывался о феодальной знати этих стран, «синьорах и баронах», «из-за которых пришлось много хлопотать и выпрашивать деньги», потому что они отказались возмещать долги их кредитору Донато ди Мико Веллути. Автор «Домашней хроники» заявлял, что исключительно из алчности и зависти они отрезали хвост у замечательного коня Донато ди Мико, чтобы опозорить и принизить его[196].

Несмотря на то, что Донато Веллути не склонен к рефлексии по поводу мотивов собственных поступков, он все-таки пишет о самом себе и своем бытовании в социальном мире коммуны, поэтому со страниц

[193] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 165.
[194] Ibid. P. 160, 162—163.
[195] Ibid. P. 167.
[196] Ibid. P. 29—30.

его хроники предстает, пусть не всегда полный и отчетливый, мен тальный слепок образа социально-политической действительности и его места в ней. Если попытаться воспроизвести его, то возникнет, ка кажется, весьма противоречивая картина. Пребывая в полной уверен ности, что быть пополаном хорошо, а грандом плохо, поскольку эта формула позволяла ему уверенно держаться на волнах коммунальной политики, он, тем не менее, явно стремился облагородить истоки сво его рода, особенно выделяя проживающих в Семифонте «кавалеров с золотыми шпорами» и не упоминая об иных слоях населения.

Таким образом, прослеживается явная традиция образования се мей-консортерий и в пополанской среде, по признакам мало чем от личающихся от тех, ядром которых являлся древний нобильский род Эти фамильные объединения вступали в сложные отношения с госу дарством-коммуной, оставаясь его неотъемлемой частью, что видно на примере как консортерии Фиридольфи, клана древней знати, так и пополанского дома Веллути, описанного в «Домашней хронике». В обо их случаях наблюдается вмешательство республики в обычаи вендет ты, но не столько ради ее полного запрета, сколько с целью контроля внутриродовой юрисдикции и использования ее в общекоммунальных интересах — тенденция, явно прослеживаемая в ходе вендетты Фири дольфи да Панцано, но отчасти также и в отношениях кровной враж ды пополанов Веллути с нобилями Маннелли. Следует отметить все же что тенденции отказа от кровной мести, обоснованные религиозными и светскими мотивами, видимо, в большей степени были свойственны пополанским фамилиям, тесно связанным с активными формами пред принимательства и торговли.

Глава V

Критерии социального возвышения в городе

§ 1. «Новые граждане» Флоренции

Классическая схема социального устройства городского общества Флоренции XIII—XV вв. формулировалась с XVI в. в трудах итальянских эрудитов, затем членами Академии делла Круска. Модель включала три типа общественных контрастов: межпартийный антагонизм гвельфов и гибеллинов, социальные противостояния городской знати и народа, и наконец, разделения внутри пополанства, изначально возникающие на корпоративно-цеховой основе, — между «жирными» (*popolo grasso*), являющимися, как правило, членами 7 старших корпораций, и «тощими» (*popolo minuto*), состоящими в младших цехах или вне рамок ремесленных корпораций. Она прослеживалась по множеству источников разного типа, но далеко не исчерпывала всего комплекса общественных противоречий городского социума, вызывавших у современников как полуосознанные рефлексии, так и попытки логического осмысления. Здесь речь пойдет об особом типе социальной стратификации — разграничении на «старых» и «новых» граждан, ставшем специальным объектом интереса историков, пожалуй, только со второй половины XX в. Важно, на наш взгляд, выделить две проблемы: изменения смысла, вкладываемого в речевую формулу «новые люди» на протяжении почти столетнего периода (1340-е—середина XV в.), и истолкование негативных образов восприятия «новых людей» в городском социуме.

Тема «новых людей» (*gente nuova*) в оценках хронистов возникает с середины XIV в. В ней различались три основных вектора: социальная несправедливость, возникшая в результате преобладания в структурах власти представителей средних и младших цехов; обременительность «запретов» (*divieti*), ограничивающих доступ к управлению членам могущественных родов, и засилье новых людей с их невежеством и низкими моральными устоями в органах управления. С их недостатками связывали многие просчеты в управлении государством.

Обращаясь к текстам хронистов XIV в., необходимо учитывать ряд отличающих их сходных черт: преобладание морально-нравственной,

дидактической на средневековый манер мотивации происходящих перемен; явные повторы текстов о *gente nuova*, свидетельствующие о возможном заимствовании у предшественников; но главное, — неопределенность и неясность речевого клише «новые люди», лишенного четких социально-экономических и политических критериев. В нарративах XIV в. под термином «новые люди» имелись в виду три категории граждан: 1) члены младших и средних цехов, даже если их семьи давно обитали в городе; 2) пришлые, т.е. недавние переселенцы (*forestieri*, *gente mista*[1]); 3) наконец, хотя и значительно реже, молодые люди, попадающие на коммунальные должности до 25-и лет[2]. Все они до 1340-х гг., как правило, не участвовали в коммунальном управлении. Американские историки Брукер и Нэйджеми справедливо указывали, что под термином «новые люди» в записях хронистов и купцов XIV в. не имелась в виду «гомогенная группа с общими основами, идеалами и целями»[3].

«Новые люди», периоды их преобладания у власти, динамика смыслов, наполняющих дефиницию, в XX в. не раз становились объектом дискуссий историков. Прежде всего, шел спор о том, действительно ли новые люди осуществляли политическую экспансию в середине—второй половине XIV в. Заслугой американского историка Дж. Брукера можно считать выделение некоторых общих признаков для характеристик тех, кого он относил к этой категории: «темное происхождение» и незнание поколений предков, что выразилось в отсутствии родовых имен и идентификации себя только с отцами; отсутствие социальных привилегий рода; изолированность и уязвимость их позиций вызывали стремление к брачным союзам со старыми фамилиями, а также к социальным, политическим и экономическим ассоциациям с выдающимися гражданами; наблюдались также значительные амбиции к достижению политического влияния и повышения социального статуса[4].

Джованни Виллани подвергал критике политический порядок, установившийся с 1343 г., после оптимального, на его взгляд, но очень кратковременного правления коллегии 14-и (около двух месяцев в августе—сентябре 1343 г.), установившегося сразу после свержения герцога Афинского, в котором, по мнению хрониста, соблюдался политический паритет грандов и пополанов. Прежде всего, он осуждал преобладание

[1] «Смешанные люди», т.е. пришельцы, смешавшиеся с низшими слоями городского общества.

[2] *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus in Florentine Electoral Poilitics, 1280—1400. Chapel Hill, 1982. P. 198

[3] *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus. P. 198.

[4] *Brucker G.* Florentine Politics. P. 40.

в коммунальном управлении членов средних и младших цехов[5]: «Теперь установилась власть ремесленников и простого народа. Дай Бог, чтобы она несла с собой только благо и процветание для нашей республики, в чем я весьма сомневаюсь по нашим грехам и порокам...». В его повествовании также выделяется процесс усиления влияния цехов на правящие структуры: «...Пополаны возгордились и забрали себе большую власть — в особенности мелкие и средние ремесленники, а управление городом оказалось в руках двадцати одного цехового совета». Он готов был бы признать этот режим, если бы соблюдался принцип социально-политической справедливости: «Новый порядок отвечал общим интересам и был бы удачным, если бы позднее его не извратили. В дальнейшем при избрании приоров оказывалось, что среди них больше мелких ремесленников, чем было установлено...». Чуть позже он подчеркивал некомпетентность «нечесаного народа», «господ ремесленников и чернорабочих, людей невежественных <...>, выходцев из контадо и чужих земель», мало озабоченных судьбами республики, не способных править ею, принимающих «невиданные и неслыханные законы, лишенные всяких разумных оснований», «руководствующихся своим произволом»[6].

Этих новых в коммунальных структурах людей хронист воспринимал как «чужих» в городской среде, наделяя их некоторыми чертами варварства: «нечесаный народ», «господа ремесленники и чернорабочие, люди невежественные», «выходцы из контадо и чужих земель[7]».

---

[5] Джованни Виллани еще не использовал термин «новые люди» по отношению к членам младших цехов, но в 72 главе XIII книги, в которой шла речь о законе (1346 г.), ограничивающем доступ к власти не коренным (*forestieri cittadini*) гражданам Флоренции, он приравнивал их к ремесленникам младших цехов (*molti artefici minuti veniticci delle terre d' intorno*), противопоставляя обе категории коренным гражданам. См.: *Villani G.* Nuova Cronica / Ed. critica a cura di G. Porta. Parma, 1991. Libro XIII. 72.

[6] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 23. С. 427; 22. С. 424—425; 32. С. 429; 43. С. 434.

[7] Еще до чумы 1348 г. жители контадо устремлялись в город из-за постоянных неурожаев (*Rodolico N.* La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378—1382). Bologna, 1905. P. 36; *Ugolini G.* Moti popolari e potere nell' esperienze fiorentine del Trecento // Un altra Firenze (l' epoca di Cosimo il Vecchio). Firenze, 1973. P. 295; *Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-città medievale. Firenze, 1978. P. 97). Первые законы, ограничивающие возможности мигрантов, появились уже в 1322—1325 гг.: консулом цеха мог стать только проживший во Флоренции не менее 10 лет и официально признанный истинным гвельфом. Между 1343 и 1348 гг. был принят еще ряд законов, ограничивающий доступ к коммунальным должностям тем, чьи отцы и деды не были рождены во Флоренции. «...Поскольку с большой дерзостью и самонадеянностью используют они свою должность, как не поступали изначальные граждане (*cittadini originali*)» // *Villani G.* Nuova Cronica. Libro XIII. 72. Об этом законодательстве: *Rodolico N.* La democrazia fiorentina nel suo tramonto. P. 174.

Он же подчеркивал их асоциальность, низкий уровень участия в общественных делах: «мало озабочены судьбами республики», не способны править ею, принимают «невиданные и неслыханные законы, лишенные всяких разумных оснований»[8]. Он обвинял их в дискриминации грандов и представителей церкви[9], имея в виду под новыми лицами, пришедшими к власти, прежде всего, членов младших цехов и мелких торговцев, но также и недавних мигрантов.

Виллани также порицал «неблагодарность народа» по отношению ко многим грандам, которые активно участвовали в свержении герцога Афинского, но подвергались теперь политическому остракизму, что являлось, по его мнению, «недостатком нашего образа правления». В частности, он усматривал несправедливость в том, что у грандов с 1344 г. «без всяких разумных и законных оснований» стали конфисковывать имущество, подаренное им или их предкам за особые заслуги перед коммуной. Виллани называл это «некрасивым поступком народного правительства с именитыми людьми», и считал, что это должно послужить уроком для будущих поколений, показывая «каково служить неблагодарному флорентийскому народу». В качестве примеров героев, по отношению к которым была проявлена неблагодарность, приводились Фарината дельи Уберти, Джано делла Белла, Вьери ди Черки, Данте Алигьери и другие выдающиеся изгнанники. Хронист порицал «суровый и жестокий закон против духовенства», который «...посягал на свободу Святой Церкви»[10]. Таким образом, отправной предпосылкой для Джованни Виллани являлось противоречие гранды-пополаны, а под новыми лицами, пришедшими к власти, он явно имел в виду, прежде всего, членов младших цехов и мелких торговцев.

Коммунальное правительство стремилось ограничить расширение доступа к власти. При характеристике новых законов, принятых во Флоренции между 1343 и 1348 гг., у Виллани появляется тема «пришлых», чужеземцев: «19 октября был принят <...> декрет во Флоренции, что никакой чужак, сделавшийся гражданином, если он сам, его отец и дед не были рождены во Флоренции или в контадо, не может занимать какую бы то ни было должность, несмотря на то, что даже будет избран или помещен в суму, под угрозой большого наказания. Ибо так

[8] *Виллани Дж.* Новая хроника. XII. 23. С. 427; 22. С. 424—425; 32. С. 429; 43. С. 434.

[9] Там же. XII. 44. С. 434—435.

[10] Там же. XII. 43. С. 433—434; 44. С. 434—435. Об антиклерикальной политике режима 1343—1378 гг. (*Green L.* Cronicle into History: An Essay on the Interpretation of History in Florentine Fourteenth Century Cronicles. Cambridge, 1972. P. 48—50). Закон от 4 апреля 1345 г., о котором здесь идет речь, был одним из первых, ограничивающих церковную юрисдикцию в коммунальном обществе.

делается многими ремесленниками, приходящими сюда из окрестных земель, благодаря управляющим 21 цехами они помещаются в сумы приоров и многих других должностей. И происходят от них большие неприятности, поскольку с большой дерзостью и самонадеянностью используют они свой магистрат и синьорию, как не поступали изначальные граждане (*cittadini originali*)»[11]. Далее хронист указывал, что ограничительный закон был принят по инициативе капитанов гвельфской партии, которым, во-первых, казалось, что в приорате гвельфы смешиваются с гибеллинами и, во-вторых, чтобы ослабить позиции цехов в городском правлении. Согласно данным Н. Родолико, этот закон был принят в 1346 г. с целью ограничения политической экспансии тех, кто не были гражданами от рождения[12].

Обращаясь к другому закону (1347 г.), Виллани подчеркивал, что это постановление также выражало тревогу гвельфской партии: закон был принят «к удовольствию партии гвельфов»: «Известно стало, что в сумы приоров примешалось много гибеллинов под именами ремесленников, а люди добрые и пополаны <...> придерживались того, что необходимо исправить указанное избрание приоров». Закон гласил: «Никакой гибеллин, если он или его отец, или родственник с 1301 г. по сей день были объявлены мятежниками, или находились в мятежной земле, или выступали против нашей коммуны, не мог занять никакую должность. А если таковой был избран по вине правителей или его самого, то следовало заплатить 500 лир или лишиться головы; и что никто, не будучи истинным гвельфом и сторонником партии святой Церкви, даже если он сам или его близкие не были мятежниками, не может занять никакой должности под угрозой 500 лир штрафа, а также та синьория, которая не осудила его, находится под угрозой 500 лир штрафа»[13]. Обвинение или оправдание подтверждалось «свидетелями молвы», которых признавали «пригодными». И был так осужден Убальдино Инфангати, как занимавший должность 16-и, по приговору синдиков на 500 лир, а также некоторые другие[14].

Итак, из текста законов заметна проблема «пришлых», которую пытались решить в этом обществе. Здесь явно упоминались «лица, приходящие из чужих земель» и даже из тех мест, где вспыхивали мятежи против коммуны. Естественное беспокойство гвельфской партии было вызвано тем, что многие из них не могли знать о партийной принадлежности своих предков. Формула «новые люди» у первого Виллани еще не осмыслива-

[11] *Villani G.* Nuova Cronica. Libro XIII. 72.

[12] *Rodolico N.* La democrazia fiorentina. P. 174.

[13] *Villani G.* Nuova Cronica. Libro XIII. 79.

[14] В качестве свидетелей призывались консулы того цеха, в котором состоял обвиняемый; если он не являлся членом цеха, а жил доходами с недвижимости, свидетелей должны были одобрить приоры и 12 добрых мужей.

лась в полной мере, поскольку связанные с ними проблемы, складываясь с 1343 г., затрагивали только последние 5 лет в жизни хрониста.

Зато исчерпывающе этот сюжет заявил о себе в хрониках его брата и племянника. Знаменательно, что Маттео Виллани, в большей степени, нежели его старший брат, склонный писать о недостатках коммунального правления, и тех, кто стоял у власти, продолжил критику устройства, в котором преобладали представители средних и младших цехов. В связи с промахами во внешней политике Флоренции в начале 50-х гг. XIV в., когда Синьория, по его мнению, слишком доверялась обещаниям архиепископа Миланского, он пускался в следующие рассуждения: «Но так случается часто в нашем городе: поскольку каждый порочный ремесленник из сообщества желает достичь степени Приората и старших должностей в коммуне, где следует решать великие и трудные дела, то силой своих цеховых уполномоченных добивается их; таковы и другие горожане, недалекие в понимании и из новых граждан, каковые благодаря большим выгодам, дарам и затратам оказываются каждые три года занесенными в списки коммуны; и их такое множество, что добрые, древние, мудрые и предусмотрительные коренные горожане не могут решать дела коммуны, <...> возвыситься над упомянутыми, что является обстоятельством чуждым старинному правлению наших предков и их добросовестной предусмотрительности...»[15].

Но младшего хрониста в большей степени занимала проблема «новых людей» как недавних выходцев из контадо, хлынувших в город после 1348 г. и довольно легко становящихся полноправными гражданами, вступая в один из младших или средних цехов. В подобиях аналитических вставок М. Виллани пытался на свой лад обобщить недостатки коммунального управления безотносительно к какому-либо событию. В одном из таких отступлений, озаглавленном «Собрание заблуждений правителей коммуны Флоренции», он называл новых людей «узурпаторами правления»: «...Люди пришлые, без разума и доблести, по большей части без всякого авторитета, каковые захватывают правление Коммуны и используют его в собственных целях и ради своих друзей с таким усердием и рвением, что полностью забывают действовать ради спасения нашей Коммуны...»[16]. Термины «новые люди», «смешанные люди», «чужаки» часто встречаются в тексте хроники М. Виллани.

Филиппо Виллани, продолжавший записи своего отца, также обратился к этой теме, считая причиной многих бедствий Флоренции засилье «новых людей»: «Люди, вновь пришедшие из контадо и дистретто Флоренции, зачастую явившиеся издалека и теперь обосновавшиеся в горо-

[15] *Villani M.* Cronica. Libro II. Cap. II. P. 120—121.
[16] Ibid. Libro IV. Cap. LXIX. P. 254—255.

де, обладали богатствами, нажитыми от ремесел, торговли и ростовщичества, накапливали со временем большие деньги, вступали в родство, в какое им хотелось, и с помощью подарков, обедов и просьб, явных и тайных, так продвигались вперед, что оказывались на должностях и попадали в списки <...>, но они <...> мало занимались гражданскими нуждами...». И даже мудрые и опытные граждане, «которые находились на должностях вместе с ними («новыми людьми» — *И.К.*), опасаясь быть обманутыми и встретить противодействие, <...> часто поступали наоборот во вред и позор коммуне. Многие из молодежи, не достигшей зрелости, пребывали на постах по протекции своих отцов, которые участвовали в управлении, и случалось, что в списки, составляющиеся в то время, попадали трое из четырех, не перешедшие еще за 20-летний рубеж, и вносились в списки чуть ли не те, которые еще покоились в пеленках»[17]. Трудно судить, в какой степени это высказывание отражает реалии современного Филиппо Виллани городского общества, а в какой представляет парафраз соответствующих фрагментов хроники его отца. Новым элементом характеристики выступают здесь «слишком молодые граждане», имена которых наполняли избирательные списки. Нэйджеми, характеризуя воззрения хронистов Виллани, указывал, что цель их критики — «честолюбие новых людей из социально низких семей, которых обвиняли в коррумпировании системы ради собственной пользы»[18].

В коммунальной политике с появлением проблемы «новых людей» получил особое значение вопрос о «запретах». Недовольство и критика граждан в середине—третьей четверти XIV в. концентрировались вокруг этой проблемы, выражавшей демократическую тенденцию политического строя Флоренции в непосредственной связи с процессом эскалации новых людей. Считается, что первые запреты на переизбрание возникли еще до принятия «Установлений справедливости». Согласно провизиям от 27 июля 1290 г. для приора устанавливался трехлетний срок моратория после завершения им полномочий, в течение которого он не мог быть повторно избран на эту должность. «Установления справедливости» 1293 г. вводили для приоров 2-летний срок запрета на переизбрание на ту же должность, но распространяли запрет также на всех членов его консортерии, ни один из которых не мог быть избран приором в течение установленного срока. Провизии 1319—1321 г. утверждали двухлетний запрет для лица, занимавшего пост приора, а для членов его консортерии срок в 1 год. Эти сроки оставались неизменны-

[17] Ibid. Libro XI. Cap LXV. P. 224—225. Брукер указывал на то, что эта практика в 1367 г. так давала о себе знать, что коммуна сочла необходимым узаконить возрастной минимум для попадания в генеральный список — не менее 20 лет. См.: *Brucker G.* Florentime Politics. P. 212.

[18] *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus. P. 205.

ми и подтверждались статутами 1415 г. Для коллегий «16 гонфалоньеров компаний» и «12 добрых мужей», появившихся позже, статутами 1322 г. устанавливалась та же самая продолжительность запретов на переизбрание для лиц, пребывавших на этих должностях и членов их консортерий, как и для приоров. Эти законы ограничивали возможности участия в управлении для старых, знатных и многочисленных родов[19].

Основной причиной попрания интересов представителей старших цехов и преобладания «мелкого люда» М. Виллани считал действие закона о запретах (*divieti*) при избрании на должности, несколько раз возвращаясь к этой теме: «Город внутри подчинялся порядку запретов, установленных пополанскими фамилиями, <...> правление коммуны состояло из многих людей разного достоинства, по большей части младших ремесленников и новых граждан, которых почти не касались запреты, и потому, что они не состояли в консортериях, они часто возвращались на должности, а гранды и могущественные граждане из больших фамилий возвращались на них редко <...> однако новые и мелкие граждане, пребывая на постах, не так уж стремились творить зло в своих магистратах»[20]. Нэйджеми утверждал, что Маттео Виллани первым характеризовал запреты как средство усиления влияния новых людей в коммуне, и по этому пункту мнения хрониста были решительно негативны, потому что «недостойные и бесчестные люди» численно превосходили «искусных в управлении и безупречных» на высших должностях[21]. Филиппо Виллани близко к тексту повторял подобные пассажи из хроники своего отца: «Крупные дома пополанов имели запреты, многие уважаемые граждане древнего рода, мудрые и опытные, отторгались от постов, в результате ухудшалось правление...»[22].

Донато Веллути, современник Маттео и Филиппо Виллани, видел в «запретах» главный камень преткновения политических неурядиц в городе, в частности, в 1366 г., когда остро встал вопрос о противостоянии засилью гвельфской партии в связи с последствиями закона 1358 г. На ноябрь—декабрь 1366 г. Донато был избран одним из «12 добрых мужей» и принял активное участие в заседании коллегий, «дабы обуздать и модифицировать закон 1358 г., настаивая на более радикальных переменах». На этом совещании по реформированию партии встал вопрос о запретах, который выдвинул Паццино дельи Строцци. Данная тема была поддержана Угуччоне де Риччи, противником Паццино, который «сказал, что он, его консорты и его братья были из тех, кого запреты касались, как никаких других

[19] *Guidi G.* Il governo della città-republica. T. II. P. P. 6—7, 11, 51, 57.

[20] *Villani M.* Cronica. Libro VIII. XXIV. P. 33—34. Глава называлась: «Начала новых скандалов в городе Флоренции».

[21] *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus. P. 213.

[22] *Villani F.* Cronica. Libro XI. Cap. LXV. P. 224—225.

персон <...>, что многочисленные и влиятельные пополанские фамилии Флоренции из-за факта запретов находятся в раздражении на других пополанов и ремесленников Флоренции, и что следует звонить к парламенто, ибо общее благо не соблюдается». Донато Веллути поддержал это предложение. На совещании 1366 г. был принят целый пакет постановлений, ограничивающих всесилие партии гвельфов, но «пожелали после этого реформировать запреты, и этот вопрос долго не мог пройти [голосование] на Коллегиях, но когда все-таки прошел, не набрал должного числа голосов на совете (совете Народа — *И.К.*), вернулся снова для обсуждения в Коллегии, и опять не прошел». Борьба за то, чтобы ограничить запреты продолжалась и в 1367 г.: «Вопрос об уменьшении срока запретов ставили на голосование много раз, но он не смог пройти»[23]. Представители 14-и средних и младших цехов после 1343 г. имели большинство мест в Советах и численно преобладали в составе Пратик, поэтому законопроект, ослабляющий их политические позиции, не мог получить большинство голосов.

Итак, проблема запретов на старшие должности, которые были установлены еще с 1290 г., не поднималась вплоть до середины XIV в., когда, после чумы 1348 г., возник и вопрос о новых людях, получивших возможность чаще переизбираться на должности, не неся ответственности за многочисленные консортерии. В ограничении запретов граждане республики видели средство пополнения высших магистратов представителями старых и знатных фамилий, пользующихся авторитетом и уважением сограждан, знаковых фигур, поколения которых принимали участие в управлении государством. Более интенсивное участие в структурах власти опытных и компетентных администраторов могло бы улучшить систему управления в целом. Борьба за снижение срока запретов была тесно связана с попытками усилить коммунальные органы власти, чтобы противостоять засилью капитанов гвельфской партии. После 1382 г. острота проблемы запретов значительно снизилась: сообщество граждан нашло другие решения, позволяющие ограничить участие членов средних и младших цехов.

Наиболее глубоко тему «новых людей» затрагивал анонимный автор, в 1377 г.[24] составивший свои записи, посвященные истории флорентийского Приората. Он выделил периоды 1282—1293, 1293—1315, 1315—1343,

[23] *Velluti D.* Cronica domestica. P. 247—249, 250—252. В хронике Донато Веллути проскальзывает понимание того, что уменьшение срока запретов могло бы стать заслоном для ослабления влияния партии гвельфов. Он имел в виду, что увеличение в Синьории числа именитых, могущественных и влиятельных граждан могло бы помочь обуздать чрезмерные притязания капитанов гвельфской партии.

[24] Il discorso d'incerto, scritto nel 1377. Del principio e di alcuni fatti notabili del Priorato // Delizie degli toscani eruditi / Pubbl. da fr. Lldefonso di san Luigi, carmelitano scalzo. Firenze, 1777. T. IX. P. 277—279.

1343—1377 гг. Краткий фрагмент, вероятно, получивший условное название, данное кем-то из эрудитов XVI в., содержит характеристику каждого из периодов, интересную тем, что этапы развития главного органа управления республики — Приората — связывались с изменениями социальной структуры в коммунальном обществе. Неизвестный автор был склонен к одобрению первых периодов развития Приората, поскольку «входили туда не ремесленники младших цехов, но наиболее достойные и древние граждане, не чужеземцы» (*più notabili ed antichi cittadini, non forestieri*). Здесь явно содержится намек на то, что уже в его время структуры городского управления заполонили ремесленники младших цехов. Но со второго периода началось умаление первоначального совершенства, ибо теперь уже «никто из домов Гранди не мог стать Приором», затем, после 1300 г. «пришедшие к власти черные стали избирать Приорами только друзей из своей Партии <...> никто, признанный Белым или Гибеллином, не мог стать Приором, но если и мог им <...> быть избранным кое-кто из ремесленников, то сравнительно редко <...> и на смену [старым] приходили новые люди, главным образом, недавно разбогатевшие купцы, но все же не мелкие ремесленники». С 1315 по 1343 г. «коррозия» приората усилилась, но все же младшие «ремесленники» туда не допускались до прихода герцога Афинского, который, по мнению анонима, открыл для них доступ, «и с этого времени было их там 2 или 3 из 8-и, но затем не более 2-х»[25].

Далее под его пером развертывалась картина порочной системы правления республикой 1343—1377 гг. Он писал: «С того времени до настоящего дня тощие ремесленники стали участвовать в управлении <...> Это вызывало разногласия среди граждан, ибо они [члены младших цехов] <...> постоянно занимали должности, и более других попадали в Приорат; <...> а в наше время они становятся даже капитанами партии и входят число "Семи Мерканции"[26] на законном основании, также как они заседают и в Приорате; они вошли в каждый магистрат, служат как подеста и коменданты (в контадо — *И.К.*) более, нежели другие люди; <...> правда, пока они еще не дослужились так высоко, чтобы войти в кареты послов. Может, Бог простит тех, кто устроил так, что оставили должности исконные и почтенные граждане (*gli antichi cittadini e orrevoli*), дабы предоставлены они были порочным ремесленникам и чужакам. Конец скажет сам за себя». Неизвестный комментатор называл «новых людей» также «сообществом смешанных людей» (*gente mista* — ремесленники младших цехов и «купцы, никогда до этого не занимавшие ни одной должности»), которых теперь стало «до невозможности много». Этот аноним был пер-

[25] Il discorso d'incerto. P. 274—277.

[26] Структура, ведающая делами торговли и предпринимательства, подобие торгового трибунала.

вым, кто указывал точные временные границы наибольшего влияния новых людей на политику — с 1343 г. по 1357 г.: «Ибо каждый торговец был допущен к должности, считаясь хорошим человеком, даже если он происходил из гибеллинской семьи прежде». Закон об аммониициях 1358 г. этот автор считал переломным пунктом в политических удачах членов младших цехов и «смешанных людей», поскольку теперь капитаны партии начали ревностно учитывать чистоту партийной крови, но он также в еще большей степени ударял по интересам давних и почтенных граждан. И в 1377 г. лиц смешанного происхождения было много в избирательных сумах: «Тем не менее, всякий из людей заурядных, смешанных и низких по происхождению мог по своему желания сделаться гвельфом, <...> и таких до невозможности было много <...> Господу Богу, наверное, угодно было бы предусмотреть, чтобы в столь прекрасном городе каждый мог иметь свою должность, а не только по преимуществу смешанные люди, которые не состояли на постах до прихода герцога Афинского»[27].

Во всех высказываниях современников под определением «новые люди» подразумевались те, кто раньше не имел доступа к управлению, т.е. ремесленники 14-и средних и младших цехов, но также «пришлые», «чужеземцы», недавно прибывшие в город. Как будет показано далее, обе категории имели тенденцию к слиянию.

Хронисты Виллани рассматривали «новых людей», имея отправной точкой интересы всего коммунального социума, поэтому их оценки отличались противоречивостью. Сетуя на засилье «новых» в системе управления и безусловно осуждая методы, которыми они достигали власти, Джованни и Маттео Виллани в то же время отмечали положительные черты их участия в управлении. Наиболее интересна своей попыткой проанализировать неоднозначную ситуацию хроника Маттео Виллани, который, как представитель старинного городского рода, не мог скрыть своего недовольства экспансией «новых». Но, характеризуя период с 1353 по 1358 гг. — короткую эпоху, когда, по его мнению, коммуна Флоренция, как никогда в другое время, пребывала в относительном мире и согласии, он все же отмечал, что это совпадало с экспансией «новых людей» в коммунальные структуры власти: «Правление коммуны состояло из многих людей разного достоинства, по большей части младших ремесленников и новых граждан». Вместе с негодованием, возможно, вызванным тем, что его собственное имя по какой-то причине не попало в сумку приората, Маттео ощущал некое созидательное, позитивное начало, связанное с их деятельностью: «Тем не ме-

[27] Il discorso d'incerto. P. 277—279. Издатель И. ди Сан Луиджи считал, что автор, возможно, имел гибеллинские корни, но столь же вероятно, принимая во внимание датировку речи, что он был объявлен гибеллином или аммонирован, т.е. заподозрен в гибеллинизме в 70-е гг. XIV в.

нее, граждане были тогда едины в достижении общего блага, сект почти не было, а новые и мелкие горожане, попадающие на должности, не отваживались творить зло в начале своих магистратов»[28].

Подобные настроения более отчетливо выражались у его младшего современника Маркьонне Стефани и в других произведениях второй половины XIV в. Негативный оттенок как будто просматривается у этого хрониста в оценках «новых людей». Во всяком случае, он выделял категорию «новых людей», противопоставляя им «купцов и ремесленников, добрых старых людей, которые желали бы пребывать в мире» (*mercatanti ed artefici antichi uomini, li quali si vorrebbono essere in pace*)[29] внутри коммунального сообщества. Ранее, описывая эпизод с призванием герцога Афинского, он помещал на один полюс «чернь (*popolazzo*) и также смешанных (*mezzani*), которые жили, не придерживась никакого порядка <...>, которых подстрекали <...>, обольщали <...>, а они были столь доверчивы, что соглашались со всем и всему верили». На другом полюсе находились гранды, «разумные, благородные, живущие по порядку своих фамилий», «старались предусмотреть как можно лучше», но «их амбиции далеко не всегда приводили к лучшему, и более всего их сплачивало стремление удовлетворить свои запросы (*appetiti*)»[30]. Так, по мнению хрониста, неразумность низших и «смешанных людей», а также своекорыстные намерения грандов стали причиной призвания герцога Афинского.

Следует отметить при этом, что Стефани в меньшей степени тревожила ситуация, связанная с «новыми людьми», хотя он также фиксировал их излишнюю напористость в достижении постов: «В 1372 г. в апреле были избраны новые приоры, отличающиеся доброй волей, хотя и персоны невысокого положения». Историку импонировало, что Синьория, в которой преобладали выходцы из младших цехов, стояла вне сект и партий, ее состав занимал нейтральные позиции по отношению к враждующим старым фамилиям Альбицци и Риччи, а поэтому сохранял беспристрастность и правосудие[31]. Нэйджеми отмечал эту позицию хрониста: «Стефани, чей опыт указывал кое в чем перспективу, отличную от суждений хронистов Виллани, был более благосклонен к новым людям...»[32]. Подобная позиция свойственна позднему писателю — Джованни Морелли. Заявляя «я всегда солидарен со старыми добрыми гражданами Флоренции, верными Коммуне гвельфами», он в то же время демонстрировал лояльность и по отноше-

[28] *Villani M.* Cronaca. 8. XXIV. T. IV. P. 33—34. Это двойственное отношение М. Виллани отмечал Нэйджеми: *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus. P. 213.

[29] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 814. P. 344.

[30] Ibid. Rubr. 553. P. 193—194.

[31] Ibid. Rubr. 731. P. 280. Он повторил чуть позже эту мысль: приорат мая—июня 1372 г. «состоял из людей незнатных, но беспристрастных». См.: Ibid. Rubr. 733. P. 283.

[32] *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus. P. 205.

нию к новым людям: «Всем вновь пришлым, мастерам и людям малых дел, я желаю изобилия, мира и доброго согласия». Его высказывания содержали в себе и долю сдержанного осуждения: «Я не во всем удовлетворен их поведением, ибо, когда они объединяются для некоторых дел, им следовало бы обуздывать свой чересчур дерзкий дух»[33].

Дж. Нэйджеми утверждал — наибольшее влияние цеховых уполномоченный приходилось именно на 40-е гг. XIV в., тогда как в первой половине 50-х гг. они уже не играли прежней роли, и он же полагал, что Маттео Виллани просто автоматически перенес данные, относящиеся к 40-м годам, на начало следующего десятилетия[34]. С ним отчасти солидарен итальянский историк Г. Гвиди, который сомневался в утверждениях Маттео и Филиппо Виллани, будто низшее сословие флорентинцев получило столь важные политические преимущества. Он ограничивал период их наиболее значимого роста в промежутке между 1343 и 1358 гг.[35]

Какие реалии скрывались под приведенными оценками и высказываниями, помимо победы пополанства в сентябре 1343 г., открывшей регулярный доступ к коммунальному управлению для членов младших цехов? Ремарки Маттео и Филиппо Виллани, касающиеся засилья новых людей, относятся к концу 40-х—60-м гг. XIV в., когда более всего сказывались последствия эпидемии чумы 1348 г.[36] Флорентийские предприниматели организовывали масштабные раздачи продовольствия и предметов первой необходимости в городе, чтобы привлечь население из окрестностей, прежде всего, «работников с полей, которые превращались в рабочих боттег, а не в бедняков и воров». Город нуждался даже в их очень незначительных накоплениях, которые могли ускорить обороты, насытить внутренние рынки, стимулировать производство, нуждающееся в новых рабочих руках[37]. Эта ситуация усиливала позиции младших цехов, которые становились более многочисленными за счет новых лиц, обладающих созидательной активностью и стремлением к социально-политической эскалации.

Однако никто из исследователей не может отрицать, что само наличие указанных топосов свидетельствует о существовании проблемы «новых

[33] *Morelli G.* Ricordi. 49a. P. 195—197.

[34] *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus. P. 206.

[35] *Guidi G.* I Sistemi elettorali agli uffici della città-republica di Firenze nella prima metà del Trecento (1329—1349) // Archivio Storico Italiano. 1977. Vol. 135.

[36] *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus. P. 200.

[37] *Rodolico N.* La democrazia fiorentina nel suo tramonto. P. 36; *Doren A.* Le Arti fiorentine. Firenze, 1940. Vol I. P. 169. А. Дорен указывал, что цеху Лана тогда остро требовались рабочие на сукновальных мельницах, прядильщики, мотальщики на шпульки и в мотки. О проблемах переселенцев см.: *Heers J.* L'Occident aux XIVe et XVe siécles. Aspects économiques et sociaux. P., 1962. P. 223; *Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-città medievale. P. 96; *Ugolini G.* Moti popolari e potere. P. 295—296.

людей» в обществе. Вторым общепризнанным фактором, помимо того, что победа пополанства в сентябре 1343 г. открыла регулярный доступ к коммунальному управлению для членов младших цехов[38], являлись миграции в город. Еще до чумы 1348 г. жители контадо и дистретто устремлялись туда из-за постоянных недородов[39]. Первые законы, ограничивающие возможности переселенцев, появились уже в 1322—1325 гг.[40] Даже в период превосходства «тощего» народа, летом 1379 г., были приняты статуты, запрещающие занимать должности во Флоренции иноземцам, не плативším *estimo* — особого налога, которым облагалось имущество. Повествуя о последствиях этого законодательства, хронист М. Стефани отмечал, что «многие уехали» и «тотчас же начался великий ропот, поскольку многие ремесленники, кого закон касался, сочли его великим злом и подняли большое волнение»[41]. В декабре 1382 г. снова был утвержден закон, запрещающий чужеземцам, дед и отец которых не были рождены во Флоренции и контадо, занимать какие-либо должности[42].

Нэйджеми полагал — необходимо в большей степени учитывать фактор чумных эпидемий, потому что смерти многих представителей старых городских фамилий делали необходимым довольно высокий процент доступа новых людей после 1348 г. просто для замены умерших[43]. Условно новопоселенцев можно разделить на 2 разряда: многие из них, имеющие небольшие накопления и навыки в ремесле, становились членами младших цехов, куда доступ был сравнительно облегчен, что давало право на получение гражданства в городе. Для занесения в матрикулы младшего цеха его будущему члену достаточно было дать клятву, и заплатить вступительный взнос[44]. Не имею-

[38] Этот факт подтверждается почти всеми итальянскими историками. См., например Г. Гвиди: с 1343 г. «члены младших цехов начинают получать должности в правительстве на регулярной основе, два или три из них оказываются среди восьми приоров каждого состава высшего магистрата». См.: *Guidi G.* I Sistemi elettorali agli uffici della città-republica di Firenze nella prima metà del Trecento (1329—1349).

[39] *Pardi G.* La peste del 1348 e la popolazione del contado fiorentino // Bollettino dell Unione statistica della Città italiane, 1921; *Ugolini G.* Moti popolari e potere. P. 295; *Rodolico N.* La democrazia fiorentina nel suo tramonto. P. 36.

[40] *Bertelli S.* Il potere oligarchico. P. 97. В них утверждалось, что консулом цеха может стать только лицо, проживающее во Флоренции не менее 10 лет, которого приоры, гонфалоньеры, коллегии, капитаны партии признают истинным гвельфом путем тайного голосования. Таким образом, по мнению Серджо Бертелли, формирующаяся олигархия пыталась ограничивать и отфильтровать сильный натиск новых людей.

[41] *Stefani M.* Rubr. 818, 820. P. 346.

[42] Diario di anonimo fiorentino. P. 43—44.

[43] *Najemy J.M.* Corporatism and Consensus. P. 200.

[44] *Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-città medievale. P 96; *Ugolini G.* Moti popolari e potere. P. 295—296.

щие средств и ремесленной квалификации пополнили ряды наемных рабочих[45].

В Статутах Подеста 1353 г. не только разрешались, но даже поощрялись торгово-денежные операции между флорентийцами и чужаками, которые могли осуществляться свободно, вне какого-либо контроля со стороны цехов. Мигранты часто попадали в избирательные списки, составляемые от цехов, вносимые туда капитанами младших и средних ремесленных корпораций. Эта ситуация способствовала усилению позиций младших цехов, которые становились более сильными и многочисленными, постоянно пополняясь людьми, имеющими некоторые капиталы, но еще больше обладающими созидательной активностью и стремлением к социальной и политической эскалации[46]. Старшие цехи в конце 40-х гг. предприняли попытку ослабить массив низших ремесленных корпораций, сократив общее число цехов до 14-и, но оппозиция снизу была столь сильна, что не прошло и 1 года, как вернулись к прежнему числу — 21 цех.

В поле зрения современников редко попадали те из «новых людей», кто действовал в рамках коммунального законодательства, пытаясь пробиться трудом своих рук. Иллюстрацией пассионарности вновь прибывших во Флоренцию может послужить зарисовка Донато Веллути, младшего современника М. Виллани, который только один раз упомянул о «новых людях», а именно, о «неком Фруозино, сыне-бастарде» одного из родственников, который в 20 лет пришел обитать во Флоренцию из какого-то селения: «Указанный Фруозино был беден, потому что с ним плохо обошлись (он ничего не унаследовал после смерти своего отца). Но я видел у него стриженые шкуры; все же он, как мог, прикапливал деньги, ссужая их в рост. Был он <...> новым человеком, как и его жена...»[47]. Лишенный помощи родственников, Фруозино занимался мелочной торговлей овечьими шкурами. Из текста предстает образ незаконнорожденного сына, без всякой поддержки вынужденного промышлять, чем мог, но упорно стремящегося разбогатеть. Эти черты можно было приложить ко многим новым людям, приходившим из сельских окрестностей обитать в город. Об активности переселенцев свидетельствует анализ торгово-банковских компаний 60-х гг. XIV в. Из 106 торговых компаний, в 1369 г. использующих Пизанский порт, 51 принадлежали новым людям. Как бы ни относились представители старых и почтенных городских фамилий к пришлым, политическая эскалация «новых» быстро развивалась: в 1343—1348 гг. из 270 приоров почти половину составляли выходцы из фамилий, которые раньше не имели до-

[45] *Rodolico N.* Il popolo minuto. P. 58.
[46] *Ugolini G.* Moti popolari e potere. P. 298—299.
[47] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 71.

пуска в приорат. Даже консервативная торговая палата — Мерканция — в этот период допускала в свои стены представителей младших цехов[48].

В нарративах хронистов и купеческих записках внимание, прежде всего, обращали на тех, кто стремился к быстрому социально-политическому возвышению, пуская в ход все средства, даже считающиеся самыми предосудительными по меркам городского социума. Так Маттео Виллани описывал «не очень значительное событие в городе Флоренции, каковое, если и не достойно памяти, то должно послужить надолго примером в делах будущих». Главным персонажем являлся «один законник, пользующийся великой репутацией в тяжбах уголовных и гражданских, но являющийся "новым" по происхождению, и низкого состояния в начале [обитания во Флоренции]». Он добился благодаря нажитому богатству «процветания фортуны», и женил своего ученого (*dottorato*, т.е. имеющего степень доктора) сына на девушке с приданым в 3500 флоринов золотом[49], предоставленным ему в виде недвижимости...»[50]. Но случилось вскоре, что «неудовлетворенные столь чрезмерным и несообразно большим приданым», захотели отец и сын у матери этой невесты «отнять и другое имущество самыми недостойными способами их искусства»: легисты прибегли к тайной тяжбе, добиваясь через другие дела осуждения этой женщины, и сумели достичь «нужной сентенции». «Но как угодно было Господу, суд заметил подлог и раскрыл мошенничество»[51].

В качестве «нового человека» М. Стефани изображал неразборчивого в средствах мелкого менялу Бартоло Симинетти, выполняющего для Альбицци и капитанов гвельфской партии черную работу. Бартоло отличался деятельным и активным характером: «Человек очень сообразительный и дерзкий более, чем это подобало бы такой скромной персоне, как он». Желая услужить Пьеро ди Филиппо Альбицци и другим главам гвельфской партии, Симинетти внес петицию о том, что никакой закон против партии не может быть принят под угрозой тяжелейшего наказания. Эта петиция много раз не набирала нужного числа голосов в Синьории и Советах. Тогда Бартоло, который стараниями капитанов партии попал в число приоров в 1371 г., развернул целую кампанию запугива-

[48] *Luzzati M.* Firenze e la Toscana nel Medioevo. P. 159; *Bertelli S.* Il potere oligarchico. P. 160—161.

[49] В середине XIV в. средний объем приданого в зажиточных и респектабельных слоях города равнялся примерно сумме в 1000—1500 флоринов.

[50] В этом случае автор ссылается на комментарии Св. Григория на книгу Иова (*Praenuntia tribulationis est laetittia satietatis*).

[51] *Villani M.* Cronica. Libro II. Cap. LXXI. P. 196—197. Далее следовал рассказ о мерах наказания преступников, и о том, что смертный приговор был смягчен благодаря хлопотам их родственника «Лотто дель маэстро Камбио Сальвиати, человека добрых нравов и любимого горожанами». В конце концов жена сына получила все имущество, конфискованное у указанных судейских.

ния в отношении тех, кто голосовал против этого законопроекта, грозя им аммониациями. В конце концов, он решился на почти открытую агитацию, хотя это было запрещено флорентийскими законами. При очередном голосовании за этот статут он пересаживался на заседании коллегий со скамьи на скамью и открыто говорил: «Мы (имея в виду глав гвельфской партии) не хотим, чтобы бросали белые бобы, ибо тот, кто не желает, чтобы этот закон победил, не является гвельфом». И, «запугав таким образом собрание, заставил закон принять». Чувствуя себя под защитой могущественного клана и капитанов партии, Бартоло Симинетти мало считался с общественным мнением — «молвой»: «Почти все добрые горожане гневались на указанного Бартоло, потому что оказывать такое давление на Советы — слишком бесчестное дело, но сам он очень возвысился благодаря своим сторонникам. А добрые купцы видели себя в дурном состоянии, рабами двух фамилий Альбицци и Риччи...» — так комментировал Стефани описываемую ситуацию, но, возможно, сгущая краски, поскольку сам пострадал от репрессий партии[52].

Насколько объективны негативные оценки «новых людей»? Высказывания о значении их действий у руля коммунального правления, особенно в периоды наивысшей концентрации «новых» во властных структурах, составляют еще одни дискуссионный вопрос. Вопреки мнениям современников, исследователи XX в. склонны в большей степени позитивно характеризовать управление тех режимов, в которых участвовали новые люди, прежде всего, члены младших цехов.

Джованни Уголини был убежден в том, что за время своего преобладания в делах правления представители младших цехов сделали немало полезного: ограничили церковную юрисдикцию, повысили заработную плату для целого ряда категорий наемных работников, снизили налоги для рабочих и младших ремесленников (статуты 1355 г.). Этот автор полагал, что они успешно осуществляли очень сложную политику эквилибрирования между цехами, разрешив пришлым работникам свободное вступление в 14 средних и младших цехов, и даже в некоторые из старших (меховщиков), что усиливало их собственные позиции и еще более обособляло верхушку «жирного» пополанства. И все это осуществлялось при значительных внешнеполитических трудностях, которыми сопровождалось их правление: в 1358 г. Пизанская коммуна отменила льготы флорентийских купцов на транзит иностранных товаров через Порто Пизано; арендованный за значительную сумму маленький порт Таламоне не мог удовлетворить нужд флорентийских купцов, и конфликт вылился в

[52] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 730 P. 279—280. По сведениям хрониста, он являлся перебежчиком от Риччи к Альбицци ради своей личной выгоды: этому меняле грозило полное разорение при низкой деловой репутации, из-за чего ему везде отказывали в кредитах.

настоящую войну 1362—1364 гг.[53] Серджо Бертелли, хотя и вскользь, отмечал объективно-позитивные последствия внедрения новых людей в правящую элиту, к каковым он относил их партийно-фракционную беспристрастность, непричастность и равнодушие к борьбе давно сложившихся партий, кланов и сект. Бертелли видел заслугу новых людей в правлении в том, что они стремились подчинить кланы и партийные фракции Синьории — главному государственному органу власти, с которым во второй половине XIV в. связывали свою экспансию. Историк склонен очень положительно оценивать «счастливейшие результаты» этого социального процесса: тенденции к стабильности, уравниванию социальных условий, удвоению созидательной энергии, антимонополизации[54]. М. Луццати предложил свою модель структуры флорентийского общества между 1343 и 1378 гг.: патрициат, мелкая буржуазия (ремесленники и владельцы боттег), «новые люди» и «пролетариат», отчужденный от благ и политических прав. Он видел в представителях *popolo minuto* потенциальных консерваторов, наращивающих свое влияние в управлении, и выражал убеждение в том, что эти сплоченные в цеховых организациях слои поддерживали политику экономической и политической экспансии, ослабляли как олигархические верхи, так и пролетариат, являясь очень сильным элементом в режиме 1343—1378 гг. Он же утверждал, что и в периоды аристократизации коммунального общества новые люди не переставали вступать в узкий круг правящей элиты[55].

Трудно согласиться полностью с позитивными оценками итальянских историков: при режиме 1343—1378 гг. углубились противоречия между гвельфской партией и обществом, чрезмерно возросли амбиции членов младших цехов и внецеховых низов, вызвавшие социальные потрясения 1378—1382 гг. Можно предположить, что положительные заключения о правлении синьорий, в составе которых находились новые люди, особенно у Дж. Уголини, сформировались не без влияния идеи об «эталоне флорентийской демократии» в Позднее Средневековье. Но и характеристики современников содержат в себе не столько объективные суждения, сколько скорее выражают комплекс негативных эмоций (страха и подозрительности), а также ментальных установок, связанных с образом «чужого», «не-горожанина», неполноценного гражданина (ремесленники младших цехов, с устрашающей энергией оттесняющие «коренных» и «старых» из избирательных списков и от торговых прибылей).

Сложность работы с речевым клише «новые люди» заключается в том, что в динамичной и быстро меняющейся городской среде сами

[53] *Ugolini G.* Moti popolari e potere. P. 299, 308—309.
[54] *Bertelli S.* Il potere oligarchico nello stato-città medievale. P. 160—161.
[55] *Luzzati M.* Firenze e la Toscana nel Medioevo. P. 158—159; 177—178.

граждане использовали эту формулу произвольно и с большой долей относительности. Со второй половины XIV в. набор отличительных черт «новых людей», предложенный Брукером, уже не всегда применим. Вывод о противоречивости смыслового содержания этого языкового штампа можно сделать на примере характеристик фамилий Альбицци и Риччи, соперничающих в 50—70-е гг. XIV в. Их современники Маркьонне ди Коппо Стефани и Донато Веллути отмечали могущество и влиятельность обоих кланов в коммунальном социуме. М. Стефани свидетельствовал, что сторонники Риччи и Альбицци противопоставляли их новым людям как «старых» и «почтенных» граждан: «... Во Флоренции у власти следует быть фамилиям Альбицци и Риччи, потому что по своему здравомыслию и опыту они сумеют управлять как следует, но теперь находится правление в руках людей новых <...> не имеющих добрых обычаев»[56]. Итак, оратор явно противопоставлял Риччи и Альбицци новым людям, относя их таким образом к старым фамилиям.

Но в ходе одной из Пратик[57], созванной в 1373 г., другой гражданин упрекал оба клана в том, что они являются новыми людьми в городе[58]. Прославляя флорентийскую свободу, на которую теперь посягает «гордость двух фамилий, амбициозных, предпочитающих действовать насилием под гербом партии гвельфов», он осуждал оба клана за то, что они являются новыми людьми в городе: «Разве их предки возводили первые стены, или церкви, или общественные здания? Нет, поскольку недавно пришли они из Ареццо, как фамилия Альбицци, или из контадо, как Риччи, хотя и течет в их жилах добрая кровь. Разве у них есть древние корни, чтобы господствовать над другими горожанами?». Оппозиционер пытался обвинить их в том, что они не имеют права занимать главенствующее положение в обществе, ибо являются не древними фамилиями, а «новыми людьми». Формула «новые люди», таким образом, являлась текучей и расплывчатой, но, как правило, заключающей в себе негативный смысл, подразумевающий недостойных или нелояльных граждан. Даже могущественные пополанские фамилии, прожившие в городе уже около 100 лет, могли причисляться к «новым

[56] Этот оратор выступал против репрессивных в отношении обеих фамилий законов 1372 г. и был заподозрен в государственном заговоре с целью свержения правления новых людей и их казни. См.: *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 730—731, 738. P. 285. См об этом: *Jones P.J.* Florentine Families and Florentine Diaries in the Fourteenth Century // Papers of the British School of Rome. 1956. Vol. XXIV. P. 186.

[57] *Pratica* — совещание, посвященное сложному вопросу коммунальной политики или экономики с выступлениями специально назначенных экспертов и тех, кого пожизненно признавали «мудрыми» — пожилых, опытных и уважаемых лиц.

[58] *Cerretani B.* Storia fiorentina. P. 144. Бартоломео Черретани не мог присутствовать на этой Пратике, но, возможно, он отражал некоторые отголоски бытующих настроений, во всяком случае, его высказывание не может быть сброшено со счетов.

людям» по сравнению с еще более древними семьями, родословные которых уходили корнями в XI—XII вв.

В конце XIV—XV вв. усиливался негативный смысл определения «новые люди». Хотя род флорентийского гражданина Бонаккорсо ди Нери Питти, даже при том что семья эта не занимала первостепенных позиций в рядах складывающейся олигархии, невозможно отнести к «новым людям», не помешало многим главам флорентийской олигархии первой четверти XV в. считать два поколения фамилии пришлыми. Бонаккорсо Питти любыми средствами стремился пробиться наверх, занять место в первом эшелоне правящей элиты, непосредственно влияющей на государственные дела, идя ради этого на подлог, обман, предательство доверившихся ему людей, коррупцию[59]. Его современнику, флорентийскому историку Джованни Кавальканти, почти нищему представителю древнейшего и знатного рода, отстраненному от участия в коммунальном правлении из-за хронической задолженности по налогам, Питти представлялся дерзким выскочкой, «примазывающимся» к наиболее знатным гражданам, прежде всего, к Мазо дельи Альбицци, надеясь заручиться их покровительством, чтобы оказаться в числе тех, кто реально влиял на флорентийскую политику. Правда, Кавальканти не употреблял по отношению к Питти термина «новый человек», но он характеризовал Бонаккорсо, как «нашего дурного гражданина, какового лучше было бы назвать дерзким вилланом, чем горожанином знатного рода»[60]. Энергичные усилия тщеславного, склонного употреблять любые средства для достижения цели, Бонаккорсо Питти вызывали крайнее раздражение не только у бедного, но очень знатного Джованни Кавальканти, но и у других представителей флорентийской олигархии, в ряду которых находились сдержанный и мудрый Никколо д'Уццано и славящийся своей предусмотрительностью Джино ди Нери Каппони[61]. Сам же Бонаккорсо Питти, кстати, также считал, что причиной плохого управления являются новые люди, никоим образом не относя к ним себя. Он писал: «И вижу я, как из-за небрежения названных важнейших членов в наше правительство пробираются два рода граждан, а именно новые люди, а также многие молодые люди, каковые набрались таковой дерзости из-за раздоров, которые они видят среди упомянутых важнейших». Единственными средствами против этих раздоров он считал примирение правящей элиты и действия во имя общего блага, а также соблюдение право-

[59] О мошенничествах, подлогах и обманах, к которым постоянно прибегал Питти, см.: *Питти Б.* Хроника. С. 119—126, 129, 131. *Cavalcanti G.* Trattato. P.127—128, а также: *Краснова И.А.* Казусы законотворчества в обществе Флоренции XIV—XV вв. // Historia animata. Сб. ст. М., 2004. Ч. 2.

[60] *Cavalcanti G.* Il Trattato. P. 130.

[61] Об этом пишет Бонаккорсо Питти в своей хронике: *Питти Б.* Хроника. С. 113–114, 124.

судия, явно используя нравственно-этические топосы. Можно заключить, что сам себя он идентифицировал со старинными фамилиями. Варезе справедливо утверждал — в своем осуждении новых людей Бонаккорсо Питти проявлял «тон строгого моралиста с дантовским презрением», хотя во всем, что касается его самого, моральные критерии предстают очень гибкими и размытыми[62]. Бонаккорсо Питти и его сын Лука обладали фамильным прозвищем, ялялись членами старших цехов в нескольких поколениях, имели собственную торговую компанию, но выглядели в глазах глав флорентийской олигархии первой четверти XV в. новыми людьми. В этом случае определение «новые люди», сохраняя негативный смысловой оттенок, приобретало новые акценты, превращаясь в дискурсивную формулу, выражающую политическое соперничество, реализуемое недостойными средствами теми, кто пробивался в ряды элиты.

Кроме того, эта вербальная формула во второй половине XIV—XV в. предусматривала уже иные методы достижения высот власти, нежели в середине XIV в. Тот же Джованни Кавальканти, рассказывая об одном из советов, вкладывал в уста выступающего от имени патрициата Риналь-до дельи Альбицци такую речь: «Вы говорите, что невыносима гордость того, кто рожден от Барди? Но разве она еще более не омерзительна у какого-нибудь племянника Пьеро Рамини или сына Сальвестро-булочника? Не будет ли более справедливым, чтобы тот, кто рожден от Росси, был над теми, кто рожден от Стукко, нежели Стукко над ними? И почему надо отрицать место в правлении Фрескобальди и предоставить его Ступпино? Без сомнения, здесь необходимо равенство всех и недопущение превосходства одной персоны над другой <...> Если вы желаете сохранить все ваши блага, найдите способ, чтобы очистить сумки от дурных людей, скверно управляющих государством, ведь из-за вашего безрассудства власть попала в руки таких варваров!». Джованни Кавальканти, сохранивший амбиции древнего знатного дома, клеймил богатых олигархов, не жалея эпитетов: «О пресыщенные! Ненасытные волки! Если вы издохнете, этот город хоть немного вздохнет спокойно!». Он не мог простить им выдвижения новых людей, на которых они пытались опереться: «Не делайте вид, будто у нас народное правление, когда на самом деле каждый стремится помножить зло и составить компанию с теми, кто хочет возвыситься. Вы устроили так, что смешался с вами народ из Фьезоле, Чертальдо и разных других мест с их бесполезным потомством, словно бы не вы над вилланами держите власть, а они, подобно варварам-завоевателям, ходят из боттеги в боттегу, прибирая к рукам ваши богатства и гонфалоны»[63]. Кавальканти, имел в виду, что

[62] *Питти Б.* Хроника С. 97—98; *Varese C.* Storia e politica. P. 30—31.
[63] *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. I. P. 83—84, 65—66.

новые граждане, пробиваясь к структурам управления, использовали не цеховых уполномоченных и списки на должности, как это имело место в середине—второй половине XIV в., а искали могущественных покровителей и сплачивались вокруг них, что усиливало позиции отдельных олигархов и их стремление к единоличной власти. Это подтверждает еще одно наблюдение Джованни Кавальканти: «В республике надо преследовать тиранию, нельзя делать политику вне Палаццо, где заседает правительство <...> Государством управляют, главным образом, на ужинах и в конторах нотариусов, а не в Палаццо. Многие избранные на должности не способны их осуществлять, и от этого для Республики проистекают великие неприятности»[64]. Подобных «новых людей», рвущихся к власти, в народе называли «просителями» и «толкачами» из-за используемых ими закулисных средств проникновения в Советы и коллегии в обход официальных выборных процедур. Здесь явно имеются в виду те лица, которые ранее не участвовали в управлении.

На рубеже XIV—XV вв. в определение «новые люди» включаются не недавние переселенцы в город и не члены младших цехов, но в контексте усиления олигархический тенденций — те, кто ранее не входил во все более суживающуюся группу правящей элиты. В этой связи нельзя не коснуться поэтического произведения, приписываемого Никколо д'Уццано (ум. в 1431 г.), видному представителю флорентийской олигархии, одному из трех ключевых фигур режима 1382—1434 гг., наряду с Мазо дельи Альбицци и Джино ди Нери Каппони[65]. Никколо д' Уццано отличался осторожностью и взвешенностью решений, далеких от проявлений экстремизма и вражды. Этот любитель компромиссов[66], последовательно выступая за сужение круга лиц, имеющих доступ к власти, делал, пожалуй, только одно исключение для Джованни ди Биччи Медичи, отца Козимо Старшего, отстраненного от

[64] *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. I. P. 273. Выше говорилось о попытках (*Anselmi G.M.* Contese politiche e sociale nelle "Prime Storie" del Cavalcanti. P. 120—122) выявить достоверность приводимых в хрониках Кавальканти речей.

[65] *Dainelli A.* Niccolo' da Uzzano nella vita politica dei suoi tempi // Archivio Storico Italiano, 1932. Vol. IX. P. 185—189. Амелия Даинелли отмечала, что его роль особенно возросла после 1417 г., когда он занял место негласного главы олигархической группы после смерти Мазо дельи Альбицци, трижды избирался Гонфалоньером справедливости, являлся одним из консулов моря, продвигая идею торговли с Александрией, являясь выдающимся дипломатом Флорентийской республики. См.: *Jorcin A.* Les Medicis. Lausanne, 1969. P. 48—50.

[66] *Jorcin A.* Les Medicis. Lausanne, 1969. P. 66—69. Этот автор доказывал, что только Никколо удавалось умерять экстремизм и авантюристические порывы молодого Ринальдо ди Мазо Альбицци. Он склонял большинство советов на свою сторону, ибо граждане доверяли его опыту, трезвомыслию и прозорливости, доказательством чему является неоднократное сдерживание устремлений Ринальдо к расправе с молодым Козимо Медичи, которая последовала лишь после смерти Никколо д' Уццано (1431 г.).

политической жизни, как почти весь клан Медичи, в течение 1387—1400 гг. В качестве основного аргумента Никколо выдвигал богатства Джованни Медичи, которые тот предоставил бы для решения финансовых и военных проблем республики[67]. Конформизм Уццано и последовательную политику примирения сторон внутри олигархической группы подчеркивали многие исследователи, но в тоже время он твердо сохранял власть в ее руках, отстаивая позицию отстранения от управления широких слоев народа и одновременно являясь противником единоличных форм власти[68].

Стихи, о которых идет речь, являлись маленькой поэмой политического содержания, написанной в 1426 г. и известной под названием *Versi fatti da Niccolò da Uzzano, predicendo la mutazione dello stato* («Вирши, составленные Николо д' Уццано в предостережение от изменения государства»)[69]. В этих рифмованных строках содержится явное противопоставление «старых» (*antichi*) и «новых» людей (*nuove genta*). Смысловые акценты Николо д' Уццано и сходны, и отличаются от тех, которые наполняли дефиниции хронистов Виллани. «Старые» — те, кто теперь управляет государством, «почитаемые люди», «в руках у которых Сан Спирито, Санта Кроче, Санта Мария Новелла и Дуомо (Сан Джованни)»[70]. Он требовал: «Вручите гонфалон юстиции человеку родом из древней фамилии, опытному и независимому, который уже не мальчик». В отличие от Виллани, в виршах Уццано у «старых» появился новый атрибут, подчеркивалось, что они люди высокой культуры: «О, старые, любящие богатство и красоту, возвеличивающуюся от ваших затрат так, что весь мир об этом молвит». Этим гражданам противопоставляются «новые люди», ради которых «старым» придется «со слезами покинуть Залу (т.е. Палаццо Синьории — *И.К.*) для новых людей и ваших должников». В их адрес автор не жалеет эпитетов: «дурные» (*gente mala*), «неблагодарные» (*ingrata*), «безвестные» (*sconoscente*), но «перенявшие у вас обычай возвышаться», и если не принять соответствующих мер, то «блаженную донну будет целовать дере-

[67] См.: *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. Firenze, 1838. Vol. I. P. 73; Предложение Уццано было одобрено всеми олигархами, но отклонено самим Джованни ди Биччи Медичи, человеком еще более осторожным, который после расправ с выдающимися гражданами, в том числе членами его консортерии, в 1387, 1393, 1396 и 1400 гг., видимо, опасался принимать участие в политической жизни, всецело посвятив себя торгово-банковской деятельности. Кроме того, такая последовательность и твердость банкира снискала ему авторитет среди широких слоев пополанства. Парадоксальным образом это повысило его цену и внутри олигархии. См.: *Dainelli A.* Niccolo' da Uzzano nella vita politica dei suoi tempi. P. 192—193.

[68] *Jorcin A.* Les Medicis. P. 66—69; *Vannucci M.* I Medici. Una famiglia al potere. Roma. 1987. P. 51—52.

[69] Versi fatti da Niccolò da Uzzano, predicendo la mutazione dello stato // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 297—300.

[70] Названия четырех картьер — территориально-административных и избирательных округов города Флоренции, на которые город был разделен в 1343 г.

венщина» (*questa donna pia sia baciata da gente villana*)[71]. Напомним, что Никколо д' Уццано ненавидел Бонаккорсо Питти и всячески препятствовал его политическому продвижению, поэтому есть основания считать, что поэт включал его в число «новых людей».

Все определения и оценки д'Уццано помещены в политический контекст, менее выраженный в пассажах более ранних хронистов, и явно указывающий на олигархическую тенденцию. Во-первых, речь идет о венецианском образце: «Не жалейте же затратить труд, чтобы устроить таким образом, как это сделали те [правители] венецианской донны[72], которые тысячу лет остаются на своих местах». И в другом месте он призывал сделать круг правящих более узким: «Нужно завести среди старых доброе согласие, которое станет средством, дабы устранить людей дурного происхождения» (*E di far questa fra gli antichi grata concordia che sarà la medicina di rampognar' la gente chè mal nata*»), «и будьте столь же крепки в единстве в прекрасном Палаццо с белыми и черными [бобами для голосования], чтобы сузить круг ваш». Призывы Никколо да Уццано были направлены не только против новых людей, но и против тех олигархов, которые подрывали единство, стремясь к преобладанию и единоличному контролю над имеющими постоянный доступ к правлению: он предлагал не останавливаться перед жесткими мерами остракизма и пожизненного изгнания, напоминая о событиях 1393 г.,[73] когда репрессии обрушились на «кавалера, какового более нет с нами, хотя он был своим положением подобен королю по своему величию и достойной твердости...»[74]. Трудно согласиться с мнением А. Даинелли о том, что под новыми людьми имелись в виду рвущиеся к высотам власти представители низших слоев, составляющие окружение Джованни Медичи[75]. Нет непосредственных доказательств, что Медичи создавали широкую клиентелу среди плебейских масс, и уж тем более невозможно усмотреть в облике и действиях Джованни ди Биччи Медичи черт «главы новых людей», тогда как демагогические приемы снискания популярности у народа широко использовались всеми представителями олигархии, о чем свидетельствуют многие данные.

Насколько тема «новых людей» являлась актуальной для первой трети XV в.? Формирующийся во Флоренции патрициат не был замкнут юри-

[71] Метафора, постоянно употребляемая Уццано: «блаженная донна» — республика Флоренция, «деревенщина» — новые люди, единственный намек в поэме на то, что они пришлые из контадо.

[72] Имеется в виду Венецианская республика.

[73] Речь идет о событиях, когда были обвинены в антиправительственном заговоре и высланы видные представители клана Альберти.

[74] Если подразумевались события 1393 г., то речь могла идти о Чиприано дельи Альберти, стоящего тогда во главе этой консортерии, который был изгнан из Флоренции на 20 лет, т.е. фактически пожизненно.

[75] *Dainelli A.* Niccolo' da Uzzano nella vita politica dei suoi tempi. P. 202.

дически: отсюда недостижимая мечта о венецианской модели, дающая о себе знать на протяжении всего XV в., которую отчасти попытались воплотить на практике во Флоренции времен Савонаролы (1494—1498). Складывающееся ядро политической элиты состояло из фамилий, представители которых долго пребывали у власти. Однако единство их рядов подрывалось острыми конфликтами, возникавшими вследствие непрекращающегося соперничества отдельных фамильных кланов: с 1358 по 1378 г. это были фамилии Риччи и Альбицци, с 1378 до 1393 г. — Альбицци и Альберти, затем, до 1434 г. — Альбицци и Медичи. Это противостояние не могло обойтись без попыток привлечь на свою сторону «новых людей», энергичных, беспринципных, готовых на любые средства ради собственного возвышения. Если М. Луццати был убежден, что перед экспансией новых людей патрициат сплачивался[76], как советовал Никколо д' Уццано в своих виршах, то Н. Рубинстейн не совсем согласен с такой точкой зрения, поскольку, на его взгляд, в это же самое время проходил обратный процесс — расширение олигархической группы за счет т.н. «новых людей». Н. Рубинстейн приходил к выводу, анализируя избирательные списки 1382—1407 гг., о «широком обновлении правящего класса <...>, которое было благоприятно в первую очередь для патрициата, выходящего из старших цехов»[77]. Дейл Кент указывала на то, что число членов младших цехов, избираемых на 3 старшие должности, даже возрастало между 1391 и 1411 гг.[78] Чтобы противостоять этому процессу, внутри слоя, находящегося в состоянии политической экспансии, выделялась небольшая группа граждан, оказывающая значительное влияние на политику через посредство разнообразных Пратик — особых советов, регулярно собираемых для консультаций, в которых испытывала потребность Синьория. Эти меры позволяли легально обходить практику запретов на должности, способствовала консолидации и сужению олигархической группы, в которую между 1382 и 1402 гг. входило 100 персон, а между 1402 и 1411 гг. — около 75. Анализируемые современными историками процессы очень противоречивы, но они могут свидетелвствовать о том, что тревога видного и авторитетного представителя патрициата Никколо д' Уццано имела под собой почву. В этом случае важно подчеркнуть — концепт «новые люди» использовался как признак опасений членов олигархической группы, стремящихся к ее сужению и средство политической борьбы за преобладание у власти.

Таким образом, можно утверждать, что содержание понятия «новые люди» менялось в зависимости от политического контекста: в период

[76] *Luzzati M.* Firenze e la Toscana nel Medioevo. P. 160.
[77] *Rubinstein N.* Il regime politico. P. 122.
[78] *Kent D.* The Florentine "Reggimento" in the Fifteenth Century // Renaissance Quarterly. 1975. Vol. XXVIII. P. 142—185.

расширения флорентийского народовластия в 1343—1382 гг. под «новыми людьми» чаще всего подразумевали членов младших и средних цехов, а также недавних мигрантов. Обе эти группы в значительной мере совмещались как социальные категории: вновь пришедшие стремились вступить в один из младших или средних цехов, чтобы стать полноправными гражданами, имеющими доступ к управлению государством. В эпоху формирования политической элиты (1382—1434) под этот ярлык могли попадать и лица, чей род давно находился внутри городских стен, а сами они являлись членами одного из старших цехов, но не относились к уже складывающимся слоям правящей олигархии.

К указанному времени формула «новые люди» приобрела еще более негативный смысл, став показателем недостойных средств политического соперничества внутри господствующей элиты. Со второй половины XIV и в XV в., судя по семейным книгам флорентийских граждан, складывается распространенная осознанная установка на доказательства древности рода даже путем фабрикации фальшивых генеалогий, давности его обитания во Флоренции и укорененности в городском пространстве, которое должно было безусловно свидетельствовать о том, что фамилия относится к старым, исконно обитающим в городе гражданам.

§ 2. Время обитания и освоение пространства внутри городских стен

В семейных книгах флорентийских граждан в большинстве случаев была представлена идентификация рода в двух пространственных измерениях — за пределами городских стен, откуда могли прослеживаться истоки фамилии, и внутри стен Флоренции. Начиная с XIV в. и далее заметна четкая фиксация укоренения рода в городском пространстве.

Проблемы размещения флорентийских родов внутри города, соотношения местоположения фамилии в городе и ее социального статуса, динамики перемещения наиболее видных и могущественных семей в городском пространстве стали специальным объектом исследования только в XX в., особенно во второй половине. Эти вопросы затрагивались в трудах Дж. Брукера, делившего город на центр с его главными экономическими узлами деловой активности и периферию, где обитали мелкие ремесленники, производившие предметы первой необходимости, и работники, занятые в текстильном производстве[79]. Следует отме-

[79] *Brucker G.* Renaissance Florence. Carolina, 1969. P. 10—11.

тить вклад в изучение заявленной проблемы американского историка Ричарда Голдсвейта, проследившего на архивных источниках эволюцию 4-х видных флорентийских семей, среди них — Строцци и Каппони, и отмечавшего последовательный процесс «дезинтеграции» многих семейных кланов, начиная во второй половины XIV в., переходящих «от линьяжа к фрагментарной фамилии»[80].

Французский историк Жак Хэрс одним из первых поставил проблему «внутренней артикуляции городского пространства», обосновывая «клеточное» строение средневекового города в отличие от античного, выразившееся во Флоренции в разделении городского пространства на картьеры (с 1343 г.) и гонфалоны (с 1250 г.), в которых создавались новые связи соседства, независимо от кровного родства, профессии и даже социального ранга. Эту ситуацию Хирс обосновывал такими факторами, как отсутствие сильной публичной власти и тенденция к территориальному расширению городского пространства[81].

Связи соседства в городе на Арно в Позднее Средневековье были подробно исследованы историками Френсисом и Дэйл Кент[82], которые доказывали, что и в конце XIV—XV вв. гонфалоны, утратив военно-оборонительные функции, сохраняли не только административно-фискальное значение, но и являлись местами создания нотариально оформленных соседских объединений вокруг приходских церквей[83]. Австралийские исследователи фиксировали тенденцию к ослаблению некоторых крупных семей вследствие природных катаклизмов (чума) и политических кризисов в середине—второй половине XIV в. и последующему их разделению, подробно рассмотренному Ф. Кентом на примере клана Каппони[84]. Заслугой Ф. Кента и, особенно, Д. Кент следует считать обоснованное ими положение о том, что в основе постоянного разделения города на партии, фракции и семейные группировки лежали не столько политические события или идеологические платформы,

[80] *Goldthwaite R.A.* Private Wealthe in Renaissance Florence. (A Study of Four Families). Princeton, 1968. P. 64—65, 70—72, 255—266. Одной из причин распространения представителей правящего класса в периферийных зонах он считал «отделение палаццо от боттеги».

[81] *Heers J.* Il clan familiare nel medioevo... P. 197, 213, 197, 221, 335—338. Издание на фр. языке см.: *Heers J.* Le Clan familial au Moyen Âge. P., 1974.

[82] *Kent F.W.* Household and Lineage in Renaissance Florence. The Family Life of the Capponi, Ginori and Rucellai. Princeton, 1977. P. 124—125, 188; *Kent D.* The Rise of the Medici: Faction in Florence. 1426—1434. P. 38; *Kent D.* The Florentine "Reggimento" in the Fifteenth Century // Renaissance Quarterly. 1975. Vol. XXVIII. P. 575—638.

[83] *Kent D.V., Kent F.W.* Neighbours and Neighbourhood in Renaissance Florence; The District of the Red Lion in the Fifteenth Century. N.Y., 1982. См. также: *Trexler R.* Neighbours and Comrades: the Revolutionnaries of Florence. 1378 // Social Analysis. 1983. P. 53—106.

[84] *Kent F.W.* Household and Lineage in Renaissance Florence. P. 120—136.

но личные взаимовыгодные связи, альянсы, скрепленные дружбой и соседством[85].

С точки зрения брачных стратегий связи соседства во Флоренции рассматривала Кристиан Клапиш Зубер на примере пополанской семьи Никколини, придя к следующему выводу — в первой половине XIV в. поиски партнеров для брачных союзов производились прежде всего в среде соседей по гонфалону[86]. К сходным результатам пришла Д. Кент, исследуя матримониальные стратегии Медичи на рубеже XIV—XV вв.[87]

В основу изысканий Сэмюэля Кона, профессора из Глазго, лег принцип социальной стратификации при размещении в городском пространстве. Его целью являлось изучение социально-корпоративных связей внутри низших слоев Флоренции на основе серийных архивных данных (кадастров оценки недвижимого имущества, метрических списков, нотариально заверенных брачных актов, судебных протоколов), подвергаемых квантитативной обработке[88]. Он также констатировал, помимо социально-имущественной неоднородности «тощего» народа, важность локальных связей соседства, патроната, религиозных братств и иных союзов вокруг определенных приходских церквей[89].

Результаты указанных исследователей попыталась суммировать в обобщающей статье Франческа Клейн с целью выявления динамики структуризации городского пространства в связи с изменениями социальной стратификации во Флоренции второй половины XIV—первой трети XV в., согласно тому, как автор определила свою рабочую гипотезу[90]. Начало процесса реструктуризации пространства города Ф. Клейн датировала последними десятилетиями XIV в., обоснованно указав на первом месте сохранение роли гонфалонов как политико-административных структур и центров локальных альянсов в политической жизни города, несмотря на утрату ими военно-полицейских функций. Отмечая причины перемещения из центра к периферийным зонам ряда

[85] *Kent D.* Dinamica del potere e patronato nella Firenze di Cosimo de Medici // I ceti dirigenti e dinamica del potere nel Dibattito contemporaneo. Firenze, 1987.

[86] *Klapisch Zuber C.* "Parenti, amici, vicini": il territorio urbano di una famiglia mercantile nel XV secolo // Quaderni storici. 1976. Vol. XXXIII. P. 953—982. В другом исследовании Кр. Клапиш Зубер и Д. Херлихи отмечали расширение семейных кланов за счет соседей, которые часто были ниже по социально-экономическому статусу: *Klapisch Zuber C., Herlihy D.* Les Toscans et leurs familles. Une étude du catasto florentin de 1427. P. 506—512

[87] *Kent D.* The Rise of the Medici. P. 66—67.

[88] *Cohn S.K.* The Laboring Classes in Renaissance Florence. N.Y.;L., 1980. P. 143—164; *Goldthwaite R.A.* Private Wealthe in Renaissance Florence. C. 121—123.

[89] *Cohn S.K.* The Laboring Classes in Renaissance Florence. P. 31—32, 59—60, 78—89, 107—108, 171—175

[90] *Klein F.* Ceti dirigenti e controllo dello spazio urbano a Firenze: i legami di vicinato // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 209—220. P. 211.

занимающих первостепенные позиции фамилий и децентрализацию представителей правящих слоев в городском пространстве, Ф. Клейн констатировала постепенную утрату экономических пунктов притяжения деловой активности в центре города (в частности, в районе Старого Рынка), стремление авторитетных кланов основать собственные зоны политического влияния в разных ареалах города, используя связи патроната в «социально-гетерогенной среде соседства»[91].

Все вышеизложенное убеждает в том, что городское пространство, в котором укоренялась та или иная фамилия, а члены ее утверждали себя как граждане Флоренции, являлось неотъемлемой частью формирования коммунальной идентичности рода, влияя на его динамику, порождая множество связей, создавая возможности для обзаведения собственной клиентелой, для сложных брачных стратегий, позволяющих иметь престижное родство и расширить доступ к управлению государством. Нас в данном случае будет в первую очередь интересовать представление об истоках и началах урбанизации фамилий, признаках и символах утверждения семьи в пространстве внутри городских стен.

Важнейшим маркером флорентийской идентичности рода являлось добровольное или насильственное переселение предков внутрь городских стен. Для большинства семейных книг свойственна тенденция к рассказу о присвоении части городского пространства, которое утверждалось за их фамилией. Лапо да Кастильонкьо с гордостью отмечал, что его предки уже очень долгое время обитали во Флоренции, и это случилось во времена, когда строились вторые стены города (1078 г.)[92]. Для подтверждения давности обитания в городе автор ссылался на авторитетное в его глазах свидетельство Джованни Виллани, «мудрого человека старинного рода, гражданина Флоренции, правдивейшего историографа»[93]. Лапо не указывал в письме никаких дат, по которым можно было бы проследить этапы урбанизации его ветви рода, но по косвенным свидетельствам можно предположить, что неко-

[91] Ibid. P. 215—218.

[92] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 46—47, 73. В этом случае автор письма ссылался на «Хронику» Джованни Виллани: «...Согласно тому, что пишет мудрый человек старинного рода Джованни Виллани, гражданин Флоренции, правдивейший историограф, в пятой книге своей Хроники, в главе LXXXXIII, в год от Христа MLXXVIII (1078), и в той самой главе, где он описывает и показывает порядок тех вторых стен». Действительно, Лапо да Кастильонкьо довольно точно пересказал текст хрониста. («В 1078 г. <...> флорентийцы приступили к строительству новых стен, начав с восточной стороны от ворот Сан Пьеро Маджоре, находившихся позади этой церкви» // *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 8. С. 83—84).

[93] Далее следовал довольно точный пересказ главы LXXXXIII из пятой книги «Хроники» Виллани. См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. IV. 8. С. 83—84.

торое время представители его фамилии принадлежали, согласно терминологии Э. Фаини, к «кочующей знати».

Лапо останавливался на очень значимом для определения идентичности рода в городском пространстве эпизоде с переименованием Бычьих ворот: «"Бычьи ворота" затем стали называться "Ворота Мессера Руджери да Квона", потому что указанные да Квона, каковые сегодня зовутся Кастильонкьо, когда пришли обитать в город, то поместились у этих ворот». Фамильные топонимы определенных частей флорентийской территории являлись важнейшими атрибутами укоренения рода внутри стен и доказательствами давности его обитания в городском пространстве. Эти ворота, по словам автора, «носили имя Мессера Руджери да Квона вплоть до того времени, как были разрушены, когда стал строиться третий круг стен». Но название, утверждающее истоки рода Да Квона в городском пространстве, все же сохранилось: «Так стал называться район города или улица (*contrada*) <...>; и в мои дни, когда объявляли о смерти умершего гражданина из этого района, то говорил глашатай, что таковой умер у ворот Руджери да Квона»[94].

Обладая юридически организованным умом, Лапо подбирал множество доказательств этого утверждения в городском пространстве: ссылки на хронику Джованни Виллани, воспоминания одного из своих предков, Трибальдо да Кастильонкьо, «жившего долгое время и отличавшегося великой памятью и великим красноречием», который говорил о том, что предкам да Квона «были предоставлены от Коммуны Флоренции по их деяниям признание и привилегии». В качестве аргументов он привлекал также «карту, в которой Антонио ди Мессер Франческо да Барберино, судья и гражданин Флоренции, смолоду славившийся своим умом, разместил почти весь город Флоренцию». Картограф отметил название «"Ворота Мессера Руджери да Квона", и в этом месте заканчивается улица Сан Ромео», «где вплоть до сегодняшнего дня сохраняется первоначальное место обитания этих Квона, которые сегодня зовутся Кастильонкьо»[95]. Лапо ссылался также на «древний статут Коммуны Флоренции, помещающийся в томе статутов, в третьей книге Капитана народа С. XXXVI, рубрика коего переведена мной на язык вольгаре»[96].

---

[94] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 46—47, 73.

[95] Лапо описывал эту карту: «...Разместил все стены и их масштабы (*misure*), все ворота и их названия, все улицы и площади и их названия, все дома, которые имели сады, чтобы воочию их знали, и также написал своей рукой на каждой улице ее название и имя».

[96] Он цитировал статут: «Чтобы не загромождать улицу, <...> некто Треконе, или Трека, мясник, должен и может стоять с корзинами и колодой (прилавком для разделки мяса) внутри ворот, каковые зовутся "Ворота Мессера Руджери Квона", или снаружи за этими воротами, чтобы продавать свои плоды или мясо <...>; дабы каждый мог через эти ворота Мессера Руджери да Квона и улицу прохо-

Наконец, он опирался на воспоминания «старой горничной (*cameriera*) супруги Альбертуччо, моего деда, которая затем прислуживала <...> моему отцу; а после его смерти — моей матери, потом — моим братьям и мне. <...> Она жила очень долго, будучи женщиной преданной и доброй, и говорила, что ключи от этих ворот находились в доме моего деда, и она сама много раз их запирала по вечерам и относила ключи в комнату Альбертуччо»[97]. Очевидно, хранение ключей от городских ворот было предоставлено предкам да Квона от Коммуны как одна из привилегий.

Второй составляющей идентичности в городском пространстве являлось присвоение его части посредством приобретения в собственность. Лапо да Кастильонкьо был озабочен концентрацией места обитания первоначального ядра фамилии в своих руках, чтобы эта земля не была рассеяна консортами. Практика концентрации недвижимости в этом случае достигла своего результата: «Хотя это место обитания было общим для всех консортов, сегодня оно все в моей собственности; потому что я скупил все доли у других консортов, чтобы лучше сохранять их и приумножать»[98]. Исследователи подтверждают данные «Эпистолы», указывая, что в городе дома Да Квона располагались с начала XIII в., когда они урбанизировались, на улице перед мостом Рубаконте, рядом с воротами, прозванными в честь мессера Руджери да Квона»[99].

Но тенденции к доказательствам древности рода и давности его обитания в городе не чужды пополанской фамилии Веллути. В своей «Семейной книге» Донато Веллути по принятому алгоритму обозначил пространственные границы, во-первых, того места, откуда изначально происходил его род, и, во-вторых, места, занимаемого им внутри городских стен: «Я нашел, согласно тому, что сказано было моим отцом и другими, более старшими <...>, но не по писаниям, о каковых, как я слышал, говорили, что они имелись, но я не могу подтвердить их наличие, что наши предки сначала происходили из места Симифонте ди Вальдельса, каковое было очень обширной землей, и там имелись роды и фамилии многочисленные и почтенные, и многие были кавалерами с золотыми шпорами, и Симифонте вело большую войну с городом Флоренцией; в конце концов, было оно разрушено городом Флоренцией вплоть до основания»[100]. В «Истории войны за Семифонте», приписываемой Паче да

дить с товарами, и никто бы внутри, за воротами Мессера Руджери да Квона, не резал мяса, и не продавал бы забитых животных...».

[97] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 47—48.

[98] Ibid.

[99] *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze. P. 126.

[100] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 4. См. комментарий: это произошло в 1202 г. В этом месте Флоренция столкнулась с наиболее упорным сопротивлением, когда распространяла на контадо юрисдикцию своей коммуны, что породило

Чертальдо, этот край также был описан как прекрасное место, «населенное благородными людьми»[101]. Заметим, что Донато Веллути не относил себя с полной определенностью к нобильскому роду, но явно стремился подчеркнуть благородство происхождения, не упоминая о других жителях Семифонте, кроме «могущественных и почтенных фамилий» и «кавалеров с золотыми шпорами». Те, кто населял это место, судя по дальнейшим описаниям, были насильственно переселены коммуной в город после того, как их родовые замки были срыты. При этом автор честно признавался в том, что невозможно точно установить, явились ли его прародители именно тогда обитать во Флоренцию или добровольно переселились туда раньше. Самый ранний документ, оказавшийся в его распоряжении и содержащий сведения о долговом обязательстве и конкретные имена его предков, датировался 1244 г.[102]

Донато Веллути заявлял о том, что они «нашли там поблизости некоторых жителей, которые носили наши гербы; и по этой причине стало известно, что мы и они оказались консортами и из одного и того же дома». Фиксируя эту важную деталь, Веллути приводил еще такой довод в пользу знатности рода, как и свидетельство о наличии укрепленной башни внутри городских стен: «Они держались вместе, и у них имелась крепостная башня, которая находилась на улице „Сторона четырех Павлинов"»[103]. Пополаны в середине XIII в. часто покупали башни, принадлежавшие

в XII в. угрожающую поговорку: «Флоренция уйдет на ту сторону, а Семифонте сделается городом». С Семифонте флорентийцы охотно связывали начало многих фамилий, как с Фьезоле и Римом. Ранние хронисты указывали на красоту и мощь укреплений Семифонте да Вальдельса. Анонимный хронист XIII в. писал о том, что в 1198 г. флорентийцы осадили «Семифонте, известный и очень хорошо укрепленный город, принадлежавший графам да Чертальдо; но окончательно они победили его только в 1202 г., «полагая, что они несут тяготы из-за некоторых нобилей и могущественных людей земли Семифонте, флорентийцы начали войну и собрали войско; и все то, что прежде там оставалось, они разрушили» (Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII. P. 112, 114). Паолино Пьери указывал, что «Семифонте <...> был очень красивым селением», и обращал внимание на такую деталь, что взять город в 1202 г. удалось только благодаря предательству одного из его жителей». См.: *Pieri Paolino.* Cronaca. P. 11—12. Джованни Виллани, использовуя тексты этих хроник, утверждал, что «Семифонте был укрепленный замок, не желавший подчиняться нашему городу». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. V. 26. С. 123; 30. С. 125.

[101] Storia della Guerra di Semifonte scritta da messer Pace da Certaldo e cronicchetta di Neri Strinati / Ed. R.A. Martini. Firenze, 1753. P. 8—9.

[102] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 5—9.

[103] Ibid. P. 5—6. Согласно свидетельствам топонимики городского пространства Флоренции, улица с таким названием действительно существовала, поскольку долго сохранялся топорим «Угол четырех Павлинов», позднее переименованный в «Угол четырех львов». Сохранялись также названия двух маленьких улочек – Веллути и Веллутини.

знатным фамилиям, раньше обосновавшимся в городе. Итак, автор явно акцентирует внимание своих потомков на атрибутах знатности: кавалерах с золотыми шпорами, гербах, которые имелись у его консортов ранее переселившихся во Флоренцию, наличии укрепленной башни, которую скорее всего его предки просто купили у какого-либо более древнего и знатного рода, приходящего в упадок. Указанные атрибуты достоинства и благородства рода, отличающиеся крайней неопределенностью (нет дат, имен консортов, о них больше нигде не упоминается на протяжении всей хроники), кроме, возможно, покупки башни, вступают в противоречие с последующими, кажущимися в силу своей конкретности более достоверными сведениями. Думается, в данном случае перед нами элемент конструирования истории семьи.

Прямые предки Донато внутри городских стен поселились в районе Ольтрарно, непрестижном и малонаселенном в начале XIII в., и в той его части, где почти не было строений, а «находились одни огороды». Это место носило знаменательное название «Казеллино» («домишка», «лачужка»). Как и для Лапо да Кастильонкьо, для Веллути очень важна локальная идентичность рода внутри городских стен, освоение предками городского пространства. С гордостью и удовлетворением он констатировал, что как только «приумножились их персоны и имущество <...>, Бонаккорсо Веллути (прадед автора хроники — *И.К.*) с племянниками захотели обитать в лучших условиях и купили землю, где сегодня их Палаццо на Виа Маджо, <...> а также и мои дома...»[104]. Но и тогда «раздавались насмешки над нашими предками»: «Посмотрите, где обитают эти Веллути, и устраивают там домище!», потому что тогда «их красивое палаццо» находилось «вне стен, почти, можно сказать, на вилле» (в сельской местности)[105].

Построив это палаццо и дома за ним, «стал обитать там Бонаккорсо со своими племянниками, и обзавелись они там новым фондако, и создали новую компанию <...>, в каковой начали заниматься торговлей, следуя время от времени в Болонью, Венецию, Милан, Пизу, Геную, Рим, Париж, во Францию и Англию». Экономический успех, совпавший с периодом процветания города, проявившимся в строительстве нового кольца стен вокруг Флоренции, позволил роду Веллути утвердиться окончательно в городском пространстве: «И поскольку казалось вещью достойной порицания, чтобы письма, которые приходили извне, подписывались "Бонаккорсо Веллути и компаньонам в Казеллину", была проложена широкая, просторная и длинная улица Виа Маджо, и построены были множество домов, и велел тогда вышеуказанный Бонаккорсо подписывать письма, которые присылали их факторы, «Бонаккорсо Веллу-

[104] *Velluti D.* La Cronica domestica. P. 5—7.
[105] Ibid. P. 8

ти и компаньонам на Виа Маджоре". И таким образом улица была окрещена, и этим именем называлась долгое время, но затем так получилось, что <...> сократилось название, и она стала зваться вместо "Виа Маджоре" — "Виа Маджа"»[106]. В этом случае заметно стремление автора показать участие его рода в преобразовании части городского пространства, которое играло важную роль в формировании их престижа, репутации и чести как основателей целой улицы, одной из главных в Ольтрарно.

Стремление к созданию «генеалогического древа» и приданию роду благородства его истоков было очень заметно у пополанской фамилии Кастеллани, считающейся знатной во второй половине XIV в. и находящейся в составе правящей элиты с 1378 по 1434 г. Кастеллани стремились доказать свое происхождение от Альтафронте, очень древнего нобильского рода из контадо Флоренции. Однако Джованни Чаппелли, современный исследователь семейных архивов этого дома, весьма обоснованно в этом сомневается, поскольку не найдено никаких письменных подтверждений. Фамилия Кастеллани не фигурировала ни в каких важных документах, относящихся к началу XIV в., что не доказывает ее значительности в политической жизни города и противоречит факту ее происхождения от знатной семьи. Более того, Дж. Чаппелли полагает — само прозвание «Кастеллани» появилось только после 1339 г., когда представитель этой фамилии Ванни ди сер Лотто, активно скупавший дома в приходе Сан Пьеро Скераджо, приобрел среди прочих уже упоминаемый здесь замок Кастелло д' Альтафронте. Затем история этой семьи, начиная с 1329—1330 гг., была тесно связана с гвельфской партией. И хотя в списках капитанов партии 1354—1363 гг. фамилия Кастеллани не фигурировала, матримониальные акты этой семьи с 60-х гг. не оставляют сомнения в том, что ее представители целенаправленно действовали ради укрепления связей с партийной олигархией[107]. Видимо, одновременно с покупкой замка Кастеллани начали концентрировать земли в селении Инчиза в Вальдарно, в Фильине, Кастельфранко, близ Сан Миньято дель Тедеско, скупая их почти всегда вместе с маленькими крепостями и замками (башнями), с целью не толь-

[106] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 8—9.

[107] *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. P. 21—23; 54—55. Действительно, древний род гвельфской знати Альтафронте существовал во Флоренции, Джузеппе Альтафронте упоминался среди важнейших советников коммуны уже 1197 г., а его сыновья играли значительную роль во время *primo popolo*, в 1254—1255 гг., но никоим образом нельзя доказать, что упомянутый Ванни ди сер Лотто, который, скорее всего, по мнению Чаппелли, происходил из незнатного рода дель Анчиза, был их потомком. Микеле ди Лотто женился на дочери Бернардо Альберти и вступил в экономические контакты с видными функционерами партии. Свою дочь он выдал замуж за одного из Альдобрандини, своего сына Никколо женил на дочери Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци, а сына Ванни на дочери Беттино Рикасоли, что дало ему возможность породниться с партийной элитой.

ко защитить недвижимость в критические периоды военных действий в контадо, но также желая ощущать себя синьорами на собственных землях. Дж. Чаппелли метко назвал этот процесс *insignorimento*[108].

Таким же примером может послужить не уступающая Кастеллани по значимости фамилия Сальвиати, составители генеалогий которой в XV—XVI вв. относили ее происхождение к знатному фьезоланскому роду гибеллинов Капонсакки, к ветви, в 1125 г. переселившейся во Флоренцию. Прозвание Сальвиати они приняли в 1312 г. по имени предка Сальви, чудом, якобы, спасшегося от преследований гвельфов во второй половине XIII в. Флорентийские эрудиты уже в XVII—XVIII вв. оценили эту версию как полностью легендарную. Фамильное прозвание — Сальвиати — появилось, скорее всего, ближе к 1340-м гг. и образовалось не от конкретного имени, но намекало на некий факт спасения (*salvare*). Эрудиты предположили, что основателем фамилии был некто Готтфредо (судя по имени — ломбардец или саксонец), появившийся в городе во второй половине XII в. Его сын Форезе стал владельцем одной из нобильских башен, которую он, по всей вероятности, просто купил, как это сделали Веллути и Кастеллани. Для закрепления родовых владений в городе и за его пределами требовалась фамилия, обозначающая род-консортерию — достойный дом, поэтому Сальвиати они стали называться во всех официальных документах уже после 1350 г., поэтому крайне сомнительна принадлежность этого рода к старой флорентийской аристократии, зато очень заметна тенденция к творчеству родословной, указывающей на древнее и знатное происхождение[109].

Один из представителей этого дома — Якопо Сальвиати — оставил уже упоминавшиеся здесь «Мемуары», в которых охватил период своей жизни с 1398 по 1411 гг. Автор преследовал цель продемонстрировать собственную блестящую политическую карьеру[110]. Он представил себя как уважаемого гражданина, необходимого своей коммуне, которому непрерывно приходилось исполнять функции администратора в городе и контадо, дипломата и военного. Вступление в новую должность следовало еще до завершения срока полномочий прежнего поста. Вплоть до 1411 г., которым обрывается его хроника, он вел такой интенсивный об-

[108] *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. P. 17—19.

[109] *Hurtubis P.* Une famille-temoin. Les Salviati. P. 23—27. Правда, в отличие от Кастеллани, Сальвиати уже к концу XII в. занимали в городе высокое положение: некий Гвильельмо исполнял должности нотариуса и судьи в камере коммуны, один из его внуков — Камбио стал медиком, другой — Лотто — законоведом, третий — Сальвестро — владельцем сукнодельческих боттег, четвертый — Якопо — держал банк. Камбио и Лотто стали родоначальниками двух основных ветвей фамилии, уже тогда получив от коммуны рыцарское достоинство.

[110] *Salviati Jacopo.* Cronica o Memorie di Niccolo Salviati dal 1398 al 1411.

раз жизни на политическом и военном поприще, который не оставлял времени для занятий торговлей, банком, семьей, где рождались и умирали его дети, не говоря уже о досуге, который мог быть посвящен интеллектуальным штудиям.

Подобный же процесс укоренения в городском пространстве, его присвоения отражали в семейных книгах братья Корсини и Бальдовинетти. Утверждаясь в городских стенах, Корсини интенсивно аккумулировали недвижимость на той же улице Виа Маджа в Ольтрарно, откуда, по их мнению, начинались истоки их урбанизации. Между 1362 и 1366 гг. Джованни Корсини купил дом на Виа Маджа для совместного проживания с братом за крупную сумму в 1150 флоринов, затем еще одно палаццо близ Сан Спирито, на которых они поместили фамильные гербы. После восстановления своего членства в цехе Лана братья оформили покупку большой боттеги на той же улице Виа Маджа[111]. Бальдовинетти обзаводились собственностью на улице, идущей от «Ворот Санта Мария» в приходе «Санти Апостоли», где основатель семейного благосостояния Пачино приобрел много боттег и «домишко» (*casentino*) весьма непрезентабельного вида. Его потомки Франческо и Алессио Бальдовинетти также платили мелкие суммы за множество небольших домиков в «Санти Апостоли», концентрируя их вокруг главной фамильной резиденции, а в 1332 г. сделали более крупное приобретение — «дом со львом», который стоил 145 флоринов[112].

В семейных книгах флорентийских граждан фиксировались те символические знаки, которыми отмечался процесс присвоения городского пространства. Для XIII в. были характерны упоминания о приобретении в собственность укрепленных башен; ими стремились обзавестись не только нобильские, но и пополанские консортерии[113]. В 1332 г. братья Бальдовинетти купили за довольно значительную сумму 1/3 башни в «своем» приходе Санти Апостоли[114]. Возможно, это приобретение скорее преследовало цель укрепления престижа фамилии, как своего рода знак ее причастности к прошлому города.

Можно предположить, что с тенденцией к утверждению древности рода, истоки которого всячески стремились возвысить и облагородить, связана практика собирания земельных комплексов в пределах города, часто в том месте, где находилось место изначального обитания фами-

[111]Il libro diricordanze dei Corsini (1362—1457) / A cura di A. Petrucci. Roma. 1965. P. 7—8, 36—37; *Petrucci A.* I Corsini tra XIV e XV secoli // Il libro di ricordanze dei Corsini (1362—1457). P. XIII—XVIII.

[112]*Baldovinetti F., Baldovinetti A.* Ricordanze / A cura di G. Corti // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1854. Vol. I. P. 116—119.

[113]*Malispini R.* Cronica. Cap. CXXXVII. C. 132—133.

[114]*Baldovinetti F., Baldovinetti A.* Ricordanze. P. 116—119.

лии. В XIV в. семьи утверждались в городском пространстве, обзаводясь домами или палаццо, а также увековечивали память о фамилии в сакральных местах, затрачивая немалые средства на строительство и украшение церквей и капелл, часто становящихся усыпальницами для членов рода. Родовая идентичность семьи в городском пространстве выражалась помещением фамильных гербов на стенах сакральных сооружений.

Лапо да Кастильонкьо упоминал о том, что герб их фамилии был помещен «над аркой ворот церкви братьев-миноритов во Флоренции, основанной в начале XIV в.[115] Этот «щит с нашим гербом был замурован в стене» и «оставался там вплоть до моих дней, пока старое строение не было разрушено и воздвигнуто новое, которое сегодня еще пребывает в совершенстве». Когда было возведено новое здание церкви, Лапо добился, чтобы «по моей просьбе был вновь восстановлен за мой счет щит из мрамора с нашим гербом в указанной церкви с внутренней стороны стены, как раз в том месте, где стояли древние ворота; каковой герб и теперь находится там; и если Господь мне позволит, я думаю соорудить Капеллу, чтобы там находилась моя гробница, когда Господь приберет мою душу...»[116]. Донато Веллути упоминал многих родственников, вкладывающих немалые средства в крупномасштабные богоугодные дела, например, строительство одной из капелл в Санта Кроче, на которую их родственница завещала большую сумму: капелла «была украшена со всех сторон нашими гербами и нашими изображениями»[117]. В богатом семействе Никколини одна из сестер Лапо де Никколини завещала имущество капелле Св. Николая и «приказала выгравировать там гербы нашего дома»[118]. В гонфалоне «Красный Лев» (*Leone Rosso*) издавна концентрировалась жизнь богатой пополанской семьи Ручеллаи и находились 23 их домохозяйства. Там по проекту Леона Баттисты Альберти, друга Джованни Ручеллаи, завершилось в 1451 г. строительство палаццо Ручеллаи со знаменитой лоджией из камня в стиле коринфского ордера. В приходской церкви Сан Панкрацио, являвшейся объектом благотворительности этой семьи, Джованни Ручеллаи в 1467 г. построил фамильную капеллу, в которой ежегодно приказал проводить поминальный обряд, включающий мессу, пожертвования на алтарь и угощение прихожан[119]. У Джироламо Савонаролы были все основания

[115]В этом случае автор также ссылался на «Хронику» Джованни Виллани: «...Как рассказывал Джованни Виллани в с своей хронике...». См.: *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 58.

[116]Ibid. P. 6.

[117]*Velluti D.* La cronica domestica. P. 6, 102, 105.

[118]*Niccolini de' Sirigatti L.* Il libro degli affari proprii di casa de Lapo di Giovanni Niccolini de' Sirigatti / Ed. Ch. Bec. P., 1969. P. 90.

[119]*Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 24—25. Первый составитель истории рода Ручеллаи Л. Пассерини утверждал, что для этого Джованни приказал за свой счет оснастить судно в Иерусалим для изучения плана и пропорций капеллы Гроба Господня, послужившей

упрекнуть флорентийцев в том, что «церкви строятся и украшаются только для того, чтобы иметь на стене свой герб»[120].

Столь достойные объекты недвижимости, демонстрирующие возвышение фамилии, должны были нести на себе ее знак — родовой герб, как уже говорилось ранее. Члены пополанской семьи Корсини вообще имели гипертрофированное пристрастие к гербам. В 1387 г. Маттео ди Никколо Корсини сделал значительное пожертвование в капеллу Св. Якопо вместе с женой и составил опись пожалованных вещей: богатый балдахин с расшитыми по белому полю красными кругами, зайцами, птицами и драконами, с изображением Христа и гербов Корсини и Строцци (из дома Строцци происходила супруга Маттео Лоренца), отделанный золотой бахромой, 1 лазурное облачение с теплой подкладкой из розового льна, 3 одеяния с черными капюшонами, украшенные птицами и гербами Корсини, 3 покрова: белый, лазурный и золотой, 1 серебряный бокал на ножке «с нашим гербом», 1 большая скатерть для алтаря этой капеллы, 2 полотенца, 2 факела на шестах, и «на всех этих предметах изображались наши гербы»[121]. Те же самые установки заметны в «Домашней хронике» Донато Веллути: все объекты недвижимости, особенно церкви и капеллы, «были украшены со всех сторон нашими гербами и нашими изображениями»[122]. Бонаккорсо Питти заявлял о том, что одна из древних ветвей их рода, обитающая в контадо, «весьма почитаемая во Флоренции» носила «герб такой же, как и мы, а именно шит и на нем белые и черные волны»[123].

Таким образом, перед нами налицо тенденция к увековечиванию памяти об укоренении рода в определенном месте города, рассматриваемого не только как жизненно необходимое пространство, но наполненного многосмысловым значением.

Используя различные приемы, потомки нобильских фамилий стремились отодвинуть как можно дальше в прошлое происхождение своего рода, возводя его к древним римлянам или германской знати, выявляя при возможности или большом желании выдающихся предков.

образцом для сооружения капеллы в честь Девы, воспринявшей благую весть (капелла Аннунциата), которую затем с внешней стороны отделали мрамором по рисунку Альберти (*Passerini L.* Genealogia e storia della famiglia Rucellai. Firenze, 1861. P. 21. См. также о меценатской строительной деятельности Джованни Ручеллаи статьи: *Kent F.W.* The Making of a Renaissance Patron of the Arts и *Preyer B.* The Rucellai Palace в сборнике Florentine Patrician and His Palace / Ed. by A. Perosa. L., 1981).

[120] *Fanfani A.* Le origini dello spirito capitalistico // *Catalano F.* Stato e società nei secoli. Pagine di critica storica. Messina;Firenze, 1968. Vol. I. P. 639—640.

[121] Il libro di ricordanze dei Corsini. P. 72—73

[122] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 102, 105. Точно такие же сведения имеются в отношении тех церковных пожалований, которые делали члены семьи Никколини. См.: *Niccolini de' Sirigatti L.* Il libro degli affari proprii di casa de Lapo Niccolini. P. 90.

[123] *Питти Б.* Хроника. С. 7.

Но такого рода установки были свойственны и представителям незнатных пополанских фамилий, о чем свидетельствовал материал семейных книг и биографий, составленных флорентийскими гражданами, в том случае, если авторы касались истоков фамилии.

Не меньшей ценностью, чем древность их рода, для граждан Флоренции являлась давность обитания внутри городских стен, тот факт, что они были «старыми гражданами» Флоренции, чему неустанно стремились найти подтверждение. Авторы приводимых записей желали сохранить память обо всех следах пребывания их фамилии в городском пространстве, видя в них почетные знаки «старого» городского рода. Те места в городе, где издавна обитало их семейство, должны были символизировать высокий социальный статус и достойное место добропорядочного дома в коммунальном обществе, поэтому граждане заботились о строительстве или покупке основательных палаццо, фигурирующих в качестве главных резиденций фамилии. Городское пространство, где укоренялся род, должно было служить также и символом респектабельности, выражающейся в благочестии и правоверии членов данной семьи. К тому же в этом месте концентрировалась та религиозная жизнь фамилии, которая протекала на виду у всего города, была связана с публичными обрядами, требующими посещения приходских церквей и монастырей, торжественными актами крестин и бракосочетаний, смертей и погребений. Важнейшими показателями набожности семьи становились фамильные знаки на стенах или поверхностях сакральных объектов, в строительство или украшение которых вкладывались значительные средства.

§ 3. Горожане как собственники земли: пространство за пределами городских стен

Вместе с тем флорентийские граждане в реальной жизни и в дискурсах, запечатлевающих память о фамилии, утверждали себя в двух пространственных измерениях, из которых место вне пределов городских стен имело не меньшее значение, нежели то, на котором укоренялась и длительное время обитала фамилия в городе.

Итальянский историк Джулиано Пинто отмечал, что земельная собственность горожан Флоренции прогрессивно возрастала в Позднее Средневековье, особенно заметно в XIII—XV вв. не только во Флоренции, но и почти во всем регионе Тосканы. В сельской местности (контадо), прилегающей к городу в радиусе примерно 50 км, собственность

горожан занимала к третьему десятилетию XV в. около двух третей всей земли, тогда как сельские жители владели только 18 % земли в бедных зонах холмов и низких гор, вдалеке от города. Этот же автор, ссылаясь на ряд других исследователей, прежде всего, на Элио Конти, отметил два пути формирования фонда земельной собственности флорентийских граждан: приобретения ими земли за городом и миграция в города собственников из контадо[124]. Ко второму типу земельных собственников относились представители фамилии Лапо да Кастильонкьо.

Оставшийся в Вальдисиеве от предков комплекс земельной собственности члены семьи Кастильонкьо стремились во что бы то ни стало сохранить и приумножить. Впрочем, во время написания Эпистолы замок и укрепления лежали в развалинах, как признавал сам автор[125]. Современный историк Лаура Де Анджелис, исследуя имущественное положение потомков Лапо да Кастильонкьо по их семейной книге, подтверждает эти сведения, показывая, что в последние десятилетия XIV в. их земельная собственность концентрировались, главным образом, в традиционной для них зоне Вальдарно, т.е. в приходе Сан Лоренцо, в Мирансу, в Розано, в Сан Стефано, в Бадии Риполи, включая также замок Кастильонкьо. Она оценивала их земельную собственность как компактно расположенные крупные владения, сохраняющие преемственность с изначальной для фамилии территориальной идентичностью. Сыновья мессера Лапо после своего возвращения из изгнания (1385—1388) стремились в первую очередь вернуть и вновь сконцентрировать в своих руках именно этот комплекс земель[126]. Лапо и его сын Бернардо через категории пространства, обозначенного как место истока рода, представляли себя древними нобилями, обладающими всеми атрибутами феодальных владетелей.

В этом случае речь шла о древнем и знатном клане, имевшем синьориальные права над частью сельской округи Флоренции, представители которого идентифицировали себя как нобилей и грандов. Можно ли обнаружить подобные формы пространственной идентичности в семейных книгах, составленных членами пополанских фамилий? Обращения к мемориям пополанов позволяют выявить тот же принцип конструирования семейной истории, в которой стремились создать и увековечить память об укоренении рода в определенном пространстве контадо, часто связывая его с истоками фамилии[127].

---

[124] *Pinto G.* Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 36—37. Пинто отмечал, что трудно указать даже приблизительно, каков был удельный вес того и другого феномена, и как их соотношение мутировало со временем.

[125] *Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 31.

[126] *De Angelis L.* La Repubblica di Firenze. P. 126.

[127] *Velluti D.* Cronica domestica. P. 5—9.

Авторы семейных книг незнатного происхождения, в отличие от Лапо да Кастильонкьо, часто не имели никаких документов, идентифицирующих место, откуда они вышли, кроме ненадежных свидетельств, которые передавались изустно от поколения к поколению. В иных случаях исходной точкой на территории контадо являлся небольшой подере, полученный в наследство от отца и деда или просто приобретенный. Джулиано Пинто, говоря об активизации процесса инвестиций капитала в земельные владения для массы горожан, в качестве причин указывал усилившийся в конце XIII—первой половине XIV в. процесс пролетаризации крестьян, вызвавший избыток рабочих рук и земельный голод, вследствие идущих один за другим сильных аграрных кризисов, что создало благоприятные условия для горожан, стремящихся создавать комплексы земельной собственности или расширять уже существующие. Говоря о концентрации земель в руках горожан, Пинто, опираясь на новые исследования второй половины XX в., отмечал особую активность в этом процессе представителей средних и низших слоев флорентийского общества: «Инвестирование в землю средних и мелких масштабов было очень распространено среди промежуточных, средних слоев города: более половины семейных городских ядер стремились обладать недвижимым имуществом, даже если во многих случаях речь шла о собственности очень скромной»[128]. К подобным же выводам пришли К. Клапиш-Зубер и Д. Херлихи в монументальном исследовании кадастра 1427 г.[129]

Во всех случаях имела место хозяйственная практика собирания комплекса земель в определенном месте[130], которая могла предшествовать пространственной самоидентификации рода. Члены пополанской фамилии Корсини, следуя семейной традиции, завещанной дедом, скупали земельные участки и виллы в Валь ди Пезе, в приходе Сан Пьетро, где их предки уже основали некое ядро семейных владений[131]. С 1367 по 1376 гг. братья Корсини активно приобретали церковные пребенды и феоды, воспользовавшись тем, что Андреа Корсини, один из них, стал в 1368 г. епископом фьезоланским. Ими оформлялись очень крупные покупки до 2000 флори-

[128]*Pinto G.* Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenzè nel Trecento e nel primo Quattrocento. P. 38—39.

[129]*Herlihy D., Klapisch Zuber C.* Les Toscans et leurs familles. Une étude du catasto florentin de 1427. P., 1978. P. 249—259.

[130]См.: *Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в XIII—XV вв. М., 1987. С. 108—109.

[131]*Corsini M.* Il libro di ricordanze dei Corsini. P. 6—14. Джованни Корсини купил в 1360 г. в деревне Муччано 2 дома, 6 подере и 26 мелких парцелл, заплатив 3280 флоринов, причем 2/3 суммы — цена домов и 6-и подере. Первоначально братья Корсини приобретали очень мелкие участки, активно аккумулируя в этом месте земельную собственность на протяжении 6-и лет. Этот факт акцентировал А Петруччи. См.: *Petrucci A.* I Corsini tra XIV e XV secolo. P. XIX.

нов[132]. Точно такая же картина предстает со страниц семейной книги братьев Бальдовинетти, по заветам своего деда Пачино активно с 1289 г. формирующих компактный массив своих земель в Муджелло, постоянно с 1330 г. скупая даже очень мелкие участки земли по 1/4 и 1/2 парцеллы стоимостью по 18—20 флоринов, затем постепенно увеличивая площадь и стоимость приобретений, чтобы поместить туда мелких арендаторов. Франческо и Алессио Бальдовинетти делали более крупные вложения в землю, начиная с 1333 г., купив виноградник за 240 флоринов, затем подере с двумя домиками за 640 флоринов.[133] Лапо ди Никколини деи Сиригатти точно таким же образом, начиная с мелких участков (максимальная цена — 69 флоринов) и заканчивая более крупными (195 флоринов), непрерывно скупал участки в деревне Патерно, в приходе Санта Мария с 1384 по 1399 гг., отмечая, что именно оттуда их род берет свое начало. У него также после многих мелких приобретений земли появились более крупные стоимостью до 200 флоринов[134]. Можно утверждать, что подобная ситуация характерна почти для всех семейных книг. Концентрацию земельных владений в определенном месте можно видеть в семейных книгах Бернардо Макиавелли и Грегорио Дати, а также у безродных Риккарди, потомков немецкого портного[135]. Очень интенсивно прибирали к рукам земельные участки, принадлежащие церкви, члены фамилий Корсини, Аччайуоли и Рикасоли в XIV в.[136]

Даже простой ремесленник, но зажиточный золотых дел мастер Одериго ди Креди вел сложные переговоры с соседом по обмену двух наполовину засеянных парцелл соседа на участок леса, принадлежащий ему самому, с условием, что Креди сохранит собственность на груши и сливы, растущие на

---

[132]*Corsini M.* Il libro di ricordanze. P. 6—14, 20—21. См.: *Petrucci P.* I Corsini tra XIV e XV secolo // Il libro di ricordanze dei Corsini. P. XIX.

[133]*Baldovinetti F., Baldovinetti A.* Ricordanze P. 115—123. На это указывал во введении к изданию их семейной книги Корти. См.: *Corti G.* Le Ricordanze trecentesche di Francesco e dei Alessio Baldovinetti //Archivio storico inaliano. 1954. T. 1. P. 112—113.

[134]Il libro degli affari proprii di casa de Lapo di Giovanni Niccolini de' Sirigatti. P. 76, 82—83, 86—87, 91. P. 76, 82—83, 86—87, 91.

[135]Бернардо Макиавелли собирал земли в Перкуссине — см.: *Macchiavelli B.* Il libro di ricordi / A cura di C. Olschi. Firenze, 1880. P. 95—96, Грегорио Дати — приходе Санта Фьоре, в Эльсе по пизанской дороге — см.: *Dati G.* Il libro segreto. P. 81—82; *Malanima P.* I Riccardi di Firenze.Una famiglia e un matrimonio nella Toscana dei Medici. Firenze, 1977. P. 8—9, 16—17, 22—24. Риккарди сконцентрировали 154 подере, обогащаясь от спекуляций недвижимостью и торговли продуктами питания, занимая в кадастре 1427 г. почетное 41-е место.

[136]*Cipolla C.* Histoire économique de la population mondial. Paris, 1965. P. 29—30. Историк указывал, что землю представители этих фамилий перепродавали, но чаще сдавали в аренду. См.: *Corsini M.* Il libro di ricordanze. P. 47. Землю они приобретали у держателей (запись датирована 1375 г.) вместе с обязательством уплаты ежегодной ренты монастырю или приходской церкви, но вскоре, как правило, выкупали это право ренты (1376 г.). В 1414 г. Маттео Корсини купил 10 участков земли — часть «феода епископа Флоренции» за 200 зол. флор. (Ibid. P. 103).

его бывшей земле. Эти долгие хлопоты предпринимались ради того, чтобы сконцентрировать комплекс земель в одном месте, которое Креди считал истоком своего рода[137]. Компактность загородного землевладения обеспечивала более высокий уровень обработки и хозяйственного использования территории, а также оптимальные условия управления недвижимостью.

Разумеется, подобный вид хозяйственной деятельности был обоснован насущными экономическими интересами. Подере, прежде всего, являлись источником обеспечения семьи необходимым для жизни продовольствием, значительные запасы которого скапливались в каждом городском домохозяйстве на случай частых стихийных бедствий — недородов, разливов Арно и эпидемий, мгновенно влекущих за собой резкое повышение цен на повседневные продукты питания и вызывающих острые продовольственные кризисы — настоящий бич итальянских городов-государств[138]. Торговец зерном Доменико Ленци, описывая недород 1329 г., акцентировал мучительные трудности, вызванные нехваткой продовольствия. Коммунальное управление перешло в руки специально избранной чрезвычайной коллегии, которая конфисковала все излишки продовольствия, установив монополию коммуны на продажу продуктов питания по низким твердым ценам. Зерно и муку продавали только в одном месте, на площади Ор Сан Микеле по специальным талонам (*polizze*), выдаваемым коллегией с указанием в карточке количества хлеба. Она же устанавливала жесткие меры контроля на площади Ор Сан Микеле, ибо давка там была такой, что «люди лишались своих пальто и кошельков, падали в обморок от удушья и истощения», «ведь среди них были такие, которые не ели уже около месяца». У кадок происходили жестокие драки, но только 1/3 голодающих смогли получить зерно. Синьория и коллегия по борьбе с голодом вынуждены были ввести дополнительные почти бесплатные раздачи и поставить на площади Ор Сан Микеле плахи с топорами для немедленного и публичного отсечения рук пойманных преступников, грабящих голодных людей, когда норма отпуска по талонам уменьшилась с 1 стайора зерна до 1/2. Доменико Ленци полностью одобрял такую политику: «Если бы не было на площади войск и стражи, то много было бы побитых и затоптанных насмерть. Хорошо что ввели такие меры, иначе бы поднялся мятеж, ведь в городе многие бедные и нищие, особенно пришедшие из контадо, падали мертвыми от голода». Нельзя забывать, что в данном случае мы имеем дело с записками торговца зерном и мукой: его хозяйственная книга заполнена указаниями цен на различные виды злаковых культур на городском рынке, ибо он почти ежедневно фиксировал даже малейшие их изменения. Как бы забыв о своих персональных убытках при

[137]Credi Oderigo d' Andrea. Ricordanze dal 1405 al 1425 / A cura di F.L. Polidori. // Achivio storico italiano. Firenze, 1843. Vol. IV. P. 93—94.

[138]*Pinto G.* La società del bisogno; povertà e assistenza nella Toscana medievale. Firenze, 1989.

ликвидации по сути рыночных отношений в городе, он славил мир, куда возвратились общая собственность на насущные средства потребления и принципы уравнительного распределения, ибо Флоренция превратилась в «город Христа», открыв ворота перед голодающими, стекающимися со всей Тосканы, тогда как Сиена не впустила их толпы в свои стены[139].

Голод 1375 г. стал одной из причин войны Флоренции с папским престолом. Нехватки 1385 г. привели к тому, что город в очередной раз наполнили массы голодающих из округи, и коммуна на продаже зерна по твердым низким ценам потеряла 300000 флоринов[140]. В XV в., судя по хроникам и семейным книгам, не произошло существенных перемен: Лука Ландуччи в записях, относящихся к 1497 г., сообщал о тех же сценах чудовищной давки у кадей с зерном на площади Ор Сан Микеле, о гибели от голода множества маленьких детей и случаях самоубийства их родителей[141].

Источники, отражающие городскую повседневность, свидетельство вали о насущной необходимости продовольственных запасов. Еще один торговец зерном Паоло да Чертальдо в своих записях морально-этического характера давал следующие наставления: «Не продавай всего зерна сразу, ибо невозможно всего предусмотреть <...>, лучше продай его частями в первый раз в октябре, потом с наступлением января, третий раз в марте, затем в мае». Если в этом случае можно предполагать, что целью является погоня за более высокой ценой, то последующие советы уже не оставляют никаких сомнений: «Ты должен знать, что есть годы, когда случается величайший голод и нехватка необходимых для жизни вещей <...> Запасай в доме зерно на 2 года, а также какую-нибудь крупу, если нельзя на 2 года, то хотя бы на год или полгода. И равным образом позаботься о масле и вине, дабы, если случится недород, эти два продукта обязательно были бы у тебя дома. А если запасешь другие, по поступишь еще лучше»[142]. В начале XV в. Лапо ди Никколини Сиригатти прямо писал, что он приобретает подере для обеспечения существования одиноких родственниц и сирот-племянников, находящихся под его опекой после

[139] *Lenzi D.* Il libro del Biadaiolo // *Pinto G.* Il libro del Biadaiolo: Carestie e annona a Firenze della metà dal' 200 al 1348. Firenze, 1978. P. 331—333.

[140] Cronica volgare di anonimo fiorentino. P. 11, 23. Хронист, который описывал этот недород, испытывал ужас из-за резкого похолодания в январе 1386 г., грозящего следующим голодным годом.

[141] *Landucci L.* Diario fiorentino dal 1450 al 1416. Con annotazioni da I. del Badia. Firenze, 1978. P. 144.

[142] *Da Certaldo P.* Il libro di buoni costumi. 153. P. 124—125; 139. P. 114—115. О таких же оценках земельных владений писал Фьюми. См.: *Fiumi E.* Fioritura e decadenza dell'economica fiorentina. Леон Баттиста Альберти особо подчеркивал, что это хозяйство должно быть устроено не в виде «роскошного поместья с дворцами», но так, чтобы «имея щепотку соли, в нем можно было прожить с семьей круглый год». См.: *Альберти Л.Б.* Книги о семье. С. 183.

смерти брата Никколайо. Участок земли с домом, пекарней, виноградником и огородом за 100 флор. представлялся ему надежной гарантией выживания племянников при любых ударах фортуны и неблагоприятных обстоятельствах[143]. Такой же взгляд можно наблюдать у Марко Паренти, зятя монны Алессандры Строцци, которого она весьма ценила, как обстоятельного молодого человека. Едва женившись на ее старшей дочери, он сообщал теще в письме, что приобрел в Муджелло подере с маленьким домом, чтобы его семье «было куда бежать, если случится чумной мор», и постараться выжить за городом, «имея все необходимое»[144].

О необходимости хранения запасов, как само собой разумеющейся хозяйственной практике, необходимой в каждом доме, писал Леон Баттиста Альберти: «... жена должна хранить запапасы», в доме должно не только то, что нужно, но, «Иногда и больше..., чтобы в семье не было малейшего недостатка». Тема запасов постоянно возникала в третьей книге «О хозяйстве», в которой гуманист обосновывал предпочтительность собственных припасов перед необходимостью их покупки, но в то же время рассуждал о рациональности хранения: «Да, я хотел бы, чтобы в доме было все, что можно хранить безопасно и без особых усилий. А то, что загромождает дом и создает большие трудности при хранении, я бы продал».

Даже в доме одного из самых богатых людей Флоренции на рубеже XIV—XV вв., выходца из Прато Франческо Датини, пожалуй, превалировали заботы о запасах различных видов продовольствия, судя по повседневным хозяйственным практикам Маргариты Датини, супруги Франческо, которая управляла его резиденцией в Прато при почти постоянном отсутствии занятого торгово-банковскими делами мужа. Она давала отчет супругу о том, сколько зерна остается в доме каждый год и где именно оно хранится, постоянно заставляла служанок просеивать муку[145]. Маргарита всегда была озабочена бочками, в которых хранили вино и уксус, бутылями для вина, корзинами, мешками и прочей тарой[146]. Жена Датини гордилась

[143]*Niccolini de Sirigatti L.* Il libro. P. 64—65

[144]Lettera in Napoli 22/III 1463 // *Macinghi Strozzi A.* Lettere. P. 275.

[145]Le lettere di Margherita Datini a Francesco di Marco (1384—1310) / A cura di V. Rosati. Prato, 1977. В данном случае письма цитируются по переводу: *Краснова И.А., Ануприенко И.А.* Письма Маргариты Датини // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2006. № 79. 21. 01. 1395. С. 289—290, в котором она сообщала, что белой муки осталось 6 стайо, и она распорядилась поместить ее в ларь, той, которая хранится в доме — 5 стайо и ее ссыпали в чан: № 88. 3. 06. 1395 — о просеивании муки.

[146]Там же. № 12, № 9, 16. 01. 1386. С. 276, в котором Маргарита поручила слуге стянуть обручами бочки, чтобы установить их в подвал, но он по небрежности пролил при этом «половину белого вина»; № 60. 8. 05. 1394. С. 288 — она собирает пустые бутыли для вина; № 168. 22. 08. 1398. С. 304—305 — скандальная история о протекшей бочке с уксусом, по поводу которой ей пришлось долго оправдываться перед мужем, на самом деле слуга заткнул бочку куском сала, а его съели мыши.

качеством сыра, заготовленного ею дома для «всей фамилии», равно как сала и ветчины, «которая отлично сделана»[147]. Она просила мужа закупить только те продукты, которые невозможно было произвести и запасти дома, например, лимоны, осетрину, кедровые орехи[148]. При резиденции в Прато содержался скот: козы, куры, лошади, мулы, в ведении хозяйки дома находились овцы и забота о шерсти, которую постоянно мыли, сушили, чесали[149]. Особым объектом внимания Маргариты являлись посевы льна и его обработка[150], имелись также фруктовые деревья и кусты — апельсины, черешни и виноградник[151]. Франческо Датини, имевший торгово-банковские филиалы более чем в 40 местах по всей Европе, в каждом письме супруге давал жесткие и мелочные предписания, направленные на абсолютную сохранность и целостность основного домохозяйства, в котором ничто не должно было пропасть или расточиться. В нескольких письмах он сурово пенял жене за то, что пришлось выбросить бочку протухших солений и беспокоился буквально о судьбе каждого апельсина («Не забудь правильно разложить апельсины, чтобы они просушились, как ты это делала раньше...»). В качестве примера можно привести выдержку из письма этого, одного из самых богатых людей во Флоренции: «Завтра отправь мне (супруг с фамилией находился в Пизе) баночку сухих олив и хлеб (обычно Маргарита посылала в Пизу по 30 хлебов, изготовленных в Прато под ее присмотром, каждую неделю, а то и чаще) <...> и пошли тюк с уксусом <...> Напоминаю тебе, что надо помыть ноги мула горячей водой до самых пяток, и хорошенько проследи за этим <...> Распорядись отдать жеребенку тот хлеб, который еще остался (от прошлой выпечки), и проследи, чтобы его мелко раскрошили. Постарайся, чтобы были проданы те 2 бочки с вином (прошлого урожая), которые остались в доме <...> и прикажи наполнить

[147]Там же. № 9. 16. 01. 1386. P. 278; № 13. 30. 01 1386. С 285, в котором она с гордостью заявляет, что этого сыра запасено до масленицы; № 79. 21. 01. 1395. С. 190 — о запасах сала и ветчины.

[148]Там же. № 13. 30. 01 1386. С 285; № 84. 18. 03. 1395. С. 291—292; № 155. 06. 07. 1398 — о закупке кедровых орехов.

[149]Там же. № 60. 08. 05. 1394. С. 287 — где речь идет о мясе козлят и куриных яйцах; № 84. 18. 03. 1395. С. 291—292: № 208. 24. 09. 1401. С. 311 — о лошадях, из-за одной околевшей лошади Франческо, не терпевший даже малейшего урона в хозяйстве, «перенес потрясение настолько сильное, что нельзя и вообразить»; № 91. 08. 06. 1395. С. 295—296 — о курятнике; № 168. 22. 08. 1398. С. 306 — о раскормленном и разжиревшем муле, к которому пришлось звать ветеринара, чтобы пустить ему кровь; № 182. 01. 12. 1398. С. 306—307 — о сушке и перетряхивании состриженной шерсти.

[150]Там же. № 90. 05. 06. 1395. С. 294—295 — ей пришлось давать мужу подробные отчеты, на что был потрачен собранный в доме запас льна в ответ на ее просьбу прикупить льна. Маргарита далее подробно перечисляла, сколько вещей из имеющегося в доме своего льна сделали: 12 сорочек, 24 полотенца, 12 покрывал, 12 скатертей, 5 пар больших простынь.

[151]Там же. № 155. 06. 07. 1398. С. 303; № 208. 24. 09. 140. С. 312 — о винограднике.

все чаны сразу белым вином почина»[152]. Складывается впечатление о подобии натурального домохозяйства, поместья, обеспечивающего внутри своих границ все необходимые запросы многочисленной фамилии.

Земельные владения в округе, даже если не являлись объектом прибыльных крупных спекуляций недвижимостью[153], приносили пусть небольшой, но стабильный доход: многие горожане торговали излишками зерна, вина, масла, льна, фруктов, а также продуктами животноводства — мясом и козьим или овечьим сыром[154]. Семейство потомков портного Риккарди сконцентрировало в своих руках 154 подере площадью более 1000 стайоров, они обогатились не только от спекуляцией участками, но также и продажи продуктов питания, заняв в кадастре 1427 г. 41-е место среди 46 наиболее богатых семей города[155]. Даже такие крупные предприниматели и банкиры, как Палла ди Нофри Строцци и члены семьи Перуцци в XIV—XV вв. торговали в городе маслом, вином, зерном и мясом со своих вилл[156].

Со второй половины XIX в. среди историков велись споры о том, что преобладало в структуре богатств флорентийских граждан: вложения в недвижимость или ликвидные капиталы, инвестированные в производство, торговлю и банковские предприятия. Н. Родолико и Э. Фьюми говорили о «возвращении к земле» начиная с середины XIV в., по причине финансовых крахов крупных компаний 40—50-х гг. и демографического кризиса, вызванного волнами чумных эпидемий с 1348 до конца 60-х гг., которые делали привлекательными более безопасные инвестиции в землю[157]. Д. Херлихи в последние десятилетия прошедшего столетия проводил исследования, чтобы дать ответ на указанный вопрос, базируясь преимущественно на изучении за длительный период некоторых сельских оценок имуществ (*estimi*). Он пришел к заключению — инвестиции в землю, как и в торговлю и предпринимательство, шли одинаковыми темпами во Флоренции XIV в.; в первой половине века они усилились, но во второй половине в равной степени замедлились. Дж. Пинто полагал при-

[152]Данное письмо Франческо Датини цит. по: *Origo I.* Il mercante di Prato. Milano, 1979. P. 138—139.

[153]См.: *Malanima P.* I Riccardi di Firenze. P. 8—9, 16—17, 22—24; *Heers J.* Consorterie familiari alla fine del Medioevo. P. 302—303.

[154]*Machiavelli B.* Libro di ricordi. P. 26-31, 36-38, 40-42, 55-57, 60-63, 98, 105, 113-114, 118-119, 124-125, 136; *Jones Ph.* Economia e società nell'Italia medievale. Torino, 1980. P. 371—372.

[155]*Malanima P.* I Riccardi di Firenze. P. 8—9, 16—17, 22—24.

[156]*Jones P.* Economia e società. P. 371—372.

[157]*Rodolico N.* La democrazia fiorentina. P. 149—158; *Fiumi F.* Fioritura e decadenza del' economica fiorentina. P. 427—502. О дебатах по этой проблеме имееся историографический обзор. См.: *Herlihy D.* The Problem of the "Return to the Land" in Tuscan Economic History of the Fourteenth Centuries // Civiltà ed economia agricola in Toscana nei secc. XIII—XV. Pistoia, 1980. P. 401—416.

чиной такого явления «демографические пустоты», как следствие эпидемий второй половины XIV в. и большее сопротивление крестьян, которые стремились получать свою выгоду в ситуации, ставшей для них очень благоприятной[158]. Анализ кадастра 1427 г. показал, что наиболее богатые фамилии города предпочитали со второй половины XIV и в XV в. увеличивать инвестиции в Монте, проценты с которых редко уменьшались и были выше, нежели доходы от рент, получаемых с земельных владений. Крупные собственники вкладов в Монте находились среди самых богатых людей города[159]. Из-за постоянной внешнеполитической напряженности в конце XIV—начале XV в. (войны с папским престолом, с Миланом, с Пизой) государственный долг Флоренции постоянно возрастал: в конце XIV в. он составлял 3 млн. флоринов, к 1425 г. — уже 8 млн. Вложения в государственный долг обеспечивали, как минимум, те же 5—8 % годовых, как и земля, но во-первых, в годы катаклизмов процентные начисления повышались до 15 %, во-вторых, не требовали при этом никаких каждодневных хлопот, тревог, дополнительных затрат[160]. Грегорио Дати, сын мелкого торговца рыбой, вкладывал деньги в Монте и мотивировал это в своей «Секретной тетради» (сведения относятся к 90-м гг. XIV в., когда Флоренция вела войну с Джан Галеаццо Висконти): «Они (граждане Флоренции) <...> вносили деньги и платили по займам сколько требовалось, чтобы не потерять все, но спасти хотя бы часть <...> ибо они не теряли деньги, поскольку даже если государство задерживалось с выплатой, они все равно получали свои 5 %, как если бы вложили деньги в землю»[161].

Но Пинто, тем не менее, прослеживал основную тенденцию «возвращения к земле», ставшую заметной особенно со второй половины XV в.[162] Однако он отмечал, что со второй половины XIV в. и в еще большей степени в XV столетии инвестирования в землю не слишком больших и мелких масштабов были очень распространены у средних слоев города: по кадастру более половины городских семей стремились обладать земельной недвижимостью, даже если во многих случаях речь шла о собственности очень скромной — 1—2 подере[163]. Думается, эти

[158] *Pinto G.* Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento e nel primo Quattrocento. P. 38.

[159] *Herlihy D., Klapisch Zuber C.* Les Toscans et leurs familles. P. 62—67; *Pinto G.* Ceti dominanti. P. 39—40. Дж. Пинто, приводя данные изучения кадастра, ссылался и на диссертации итальянских исследователей Дж. Чабатти и Ф. Соччи. Такую же точку зрения разделял и С. Бертелли (*Bertelli S.* Il potere oligarchico. P. 124—125, 163—164), а также Марвин Беккер. См.: *Becker M.* Le trasformazioni. P. 149—160.

[160] *Becker M.* Le trasformazioni. P. 155.

[161] *Dati G.* Istoria di Firenze. P. 42, 138—139.

[162] *Herlihy D.* The Problem of the "Return to the Land". P. 401—416, особ. P. 402—403, 410—412.

[163] *Herlihy D., Klapisch Zuber C.* Les Toscans et leurs familles. P. 249—259.

данные подтверждают заключение о том, что для большинства флорентийских граждан земля являлась гарантией выживания и главным ресурсом обеспечения семьи необходимыми продуктами питания.

Какую роль в преобразовании загородного пространства играли инвестиции горожан в XIV—XV вв.? Вопрос спорный. Если Дж. Луццатто и И. Ориго считали, что флорентийцы не улучшали обработку земли[164], то Дж. Пинто и М. Кассандро были убеждены — они изменяли земли, которые являлись их собственностью, именно под влиянием инвестиций «рождался тот аграрный пейзаж чередования древовидных (оливы, каштаны, фруктовые деревья) и кустарниковых (виноградники) культур с посевами злаковых, который станет типичным для современной Тосканы вплоть до наших дней»[165]. Потребность в самообеспечении, помимо хлеба, маслом, вином и фруктами, побуждала горожан создавать новые аграрные инфраструктуры, принуждая к этому крестьян, предпочитавших занимать площади подере злаковыми и бобовыми культурами[166]. Среди семейных книг флорентийских граждан есть такие, которые почти полностью посвящены управлению подере. Одериго ди Креди, золотых дел мастер, и Бернардо Макиавелли[167], отец великого Никколо, нотариус по профессии, в памятных записях крайне мало уделяли внимание своей основной деятельности в городе, почти полностью посвятив их ведению хозяйства на земле. Бернардо продавал вино в кредит мелким оптовым торговцам, оливковое масло, скот, изредка мед, но, главным образом, — льняное полотно, выделываемое из собственного льна и изготавливаемое по заказу в мелких мастерских традиционного ремесленного типа[168]. Одериго ди Креди весной отдавал в ломбард верхнюю одежду, чтобы гарантировать успешное проведение пахоты и сева[169].

---

[164]*Luzzatto G.* Per la storia dell' economia rurale in Italia nel secolo XIV // AA. VV. Hommage à Lucien Febvre. Éventail de l' histoire vivante offert par l' amitié d' Historiens, Linguistes, Géographes, Economistes, Sociologues, Ethnologues. P., 1953. P. 105—113.

[165]*Pinto G.* Ordinamento colturale e proprietà fondiaria cittadina nella Toscana del tardo Medioevo // Contadini e proprietari nella Toscana moderna. Firenze, 1979. Vol. I. Dall' Medioevo all' Età moderna. P. 223—277, 224—225; *Cassandro M.* Per una tipologia della struttura familiare nelle aziende toscane, dei secoli XIV—XV // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983. P. 31—32.

[166]*Pinto G.* Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento. P. 43.

[167]*Machiavelli B.* Il libro di ricordi. Он сообщал об аренде земли (P. 80—81), о купле и продаже скота (P. 104), продаже вина (P. 34—36, 37—38, 55—57, 60—63, 98, 105, 118—119), о продаже масла (40—42, 85, 113—114, 136), продаже овец и ягнят (26—31, 124—125), о продаже земли (P. 115), о расчетах и отношениях с арендаторами (P. 124—125), о дележе спорных угодий с соседями и ссоре из-за спорных участков и фруктовых деревьев (P. 133—138). См. также: *Гусарова Т.П.* Город и деревня в Италии на рубеже Позднего Средневековья. М., 1983.

[168]*Machiavelli B.* Il libro di ricordi. P. 41—42, 55—56, 84—85, 98.

[169]«В сентябре я выкупил голубое пальто и отнес в ломбард зеленый плащ на под-

В то же время вокруг города менялся и социальный ландшафт: церковная земельная собственность переходила в руки горожан. В XIV в. весьма интенсивно концентрировали церковные замли фамилии Корсини, как уже говорилось, и также Аччайуоли и Рикасоли[170].

Недвижимость за городом выполняла для городских собственников еще одну важнейшую функцию: она постоянно фигурировала в качестве залога или гарантии при получении кредитов для активной торгово-банковской деятельности. На земельном имуществе основывался принцип ответственности в компаниях, оно являлось постоянным средством возмещения долгов[171]. В этом случае исследователи часто имели дело с ситуацией, когда собственники не инвестировали или очень мало вкладывали в улучшение агрикультуры и возделывание земель. П. Луццатто приводил пример земельных комплексов семьи Альберти: «Виллы клана Альберти приносили им очень слабый доход, поскольку они не вкладывали средств в усовершенствование этих земель»[172]. Айрис Ориго, работая с архивным фондом Ф. Датини, констатировала наличие у него значительной земельной собственности на 6000 флоринов, но большую часть этого комплекса составляли «пустые, необрабатываемые земли, равнины и болота, где водились столь любимые Франческо угри, да земли, лишь частично и нерегулярно возделываемые немногими арендаторами»[173].

Не напрасно богатый купец и предприниматель Джованни Ручеллаи в середине XV в. считал землю «самой крепкой, стабильной и надежной формой собственности», которую нельзя и сравнивать с капиталом, вложенным в торговлю и банковское кредитование, ибо «есть ли какая-либо другая вещь, которую так легко потерять, трудно сохранить <...>, которая причиняет столько беспокойства и которую так легко истратить, как деньги»? В то же время он осознавал, что деньги удачно пущенные в оборот, могут принести гораздо большую прибыль: «Деньги очень трудно накапливать и сохранять, потому что они во многом в руках фортуны. Но тот, кто обладает большим количеством денег и умеет копить их, станет истинным синьором среди мастеров, ибо деньги – нерв всех ремесел, и при всех неблагоприятных случаях, падениях и несчастьях те, у кого деньги, будут иметь гораздо меньшую нужду, чем

кладке, чтобы купить вола за 10,5 флоринов» // *Credi O.* Ricordanze dal 1400 al 1425. P. 74.

[170]Карло Чиполла, 30 лет изучавший проблемы землевладения граждан, фиксировал этот процесс (*Cipolla C.* Histoire économique de la population mondial. P. 85). *Corsini M.* Libro di Ricordanze. P. 27—30, 48—50, 52—56, 58—60, 69—70, 79—80; *Petrucci A.* I Corsini tra XIV e XV secolo. P. XIX.

[171]*Pinto G.* Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento. P. 43—45.

[172]*Luzzatto P.* Per la storia dell' economia rurale in Italia nel secolo XIV. P. 105—115.

[173]*Origo I.* La villa // Storia dell' economia italiana. Torino, 1959. Vol. 1. P. 103—111.

те, у кого земли»[174]. Его современник купец и банкир Филиппо Строцци предпочитал распродать часть подере, выручив за них 800 флоринов: «Мне эти земли не нужны <...>, ибо выгоды они не приносят почти никакой», — оправдывал он свой поступок в письме к своей матери[175]. Эту же тенденцию совмещать доходы от недвижимости с активными формами предпринимательства отмечала Л.А. Котельникова на примере той же семьи Строцци, одной из самых богатых во Флоренции к XV в.[176] Удивляться не приходится: среднегодовая прибыль от эксплуатации земель составляла 7—8 %, максимум 15 %, тогда как инвестиции во внешнюю торговлю и финансы позволяли получить 65—69 % в год, а в отдельных благоприятных ситуациях — 200—300 %[177].

Однако традицию собирания земель в определенном месте контадо, ассоциируемым с истоком фамилии, вряд ли возможно обусловить только материальными факторами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что центром земельного комплекса, который хотели представлять изначально родовым пространством, часто выступал фамильный замок в тех случаях, когда собственники земли переселялись в город.

Лапо да Кастильонкьо стремился еще до переселения внутрь городских стен зафиксировать место происхождения рода в контадо Флоренции, в местечке Вальдисиеве (Нижнее Вальдарно), в 10 милях от Флоренции. Он утверждал, что название рода восходило к хорошо укрепленному старому замку Да Квона, разрушенному, как было сказано, в 1267 г., но «до сегодняшнего дня холм и место, и Церковь находятся в общем владении Волоньяно и Кастильонкьо»[178]. В числе синьориальных владений автор упоминал «много других крепостей, сел, владений, мест, и деревень», среди которых называл замок Неподзано как «хорошую крепость, прекрасного месторасположения». Он также фиксировал наличие «очень красивой и прочной родовой башни у моста Понт-Ассиеве <...>, часть которой была разрушена, а другая еще сохранилась у подножия моста»[179].

---

[174]*Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 7.

[175]*Macinghi Strozzi A.* Lettere. P. 170 —171.

[176]*Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в XIII—XV вв. С. 105—106. Она указывала, что к началу XV в. Строцци обладали 2,6 % всего городского имущества.

[177]*Brezzi P.* Economia e società nel tardo medioevo (1313—1454). Roma, 1975. P. 238; *Melis F.* Firenze // Città e mercanti dottrine nell'economia europea (dal IV al XVIII secolo). Milano, 1964. P. 107—108.

[178]*Lapo da Castiglionchio.* Epistola. P. 31, 34, 128—129.

[179]Ibid. P. 31—32, 34, 49—51, 128—129. Замок Неподзано «с вассалами и зависимыми, с юрисдикцией гражданской и криминальной, <...> был продан нашими предками Аббату Монастыря Поппи ди Казентино; а указанный Аббат продал его Черки, крупным и богатым купцам и гражданам Флоренции, а ими он был продан Пьеро ди Филиппо и Мазо из семьи Альбицци, знатным и богатым гражданам этого города, у которых он сегодня и есть». См.: Ibid. P. 128—129.

Выше упоминалось о фамилии Кастеллани, находящейся в составе правящей элиты с 1378 по 1434 г., которая центром своих владений считала замок Альтафронте[180], образовав от слова «замок» фамильное имя и конструируя от этой исходной точки происхождение рода. Можно предположить, что замок в сельской местности согласно ментальным установкам горожан являлся не только центром их более или менее компактного земельного комплекса, но и олицетворением определенного господства над округой, даже если оно не сопровождалось никакими официальными правами юрисдикции и политико-административными функциями, сводясь только к патронатным отношениям.

Горожане, которые приобретали земли, концентрируя их в определенном месте, также стремились обозначить некий «центр» своих владений, называемый «господский дом» или «патрональная вилла». Когда братьям Маттео и Джованни Корсини в 1363 г. удалось купить «дом синьора с двором и лоджией», то эмоции пробились даже сквозь однотипные и монотонные записи, регистрирующие акты купли-продажи и хозяйственные сделки. Маттео Корсини был столь глубоко удовлетворен «возвращением на землю», что братья решили не сдавать это помещение в аренду, но полностью оставить в распоряжении семьи, жертвуя экономической выгодностью нового объекта владения ради социального престижа и возможности ощущать себя в какой-то мере синьорами, господствующими над округой[181]. То же самое явление можно наблюдать в семействе Бальдовинетти, а также в семейных книгах других горожан. Многие авторы отмечали, что во второй половине XIV—XV вв. большая часть вложений в землю у крупных собственников была предназначена на непроизводительные предприятия, не дающие никакой выгоды, но сулящие престиж в обществе: палаццо и виллы («дома для синьора»), сады, рыбные садки, крепостные стены и т.д.[182] Эта тенденция была отмечена еще Джованни Виллани: «...И не было горожанина, пополана или гранда, который не имел или не строил бы в контадо богатую виллу — более роскошную и просторную, чем в городе. Старания их переходили преде-

[180] *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. P. 21—22. Аноним «Сквиттинаторе» указывал на выдающуюся роль представителей этой семьи в войнах, которые вела республика в середине—второй половине XIV в. (Diario dello Squittinatore. P. 81). Другой аноним называл их первыми в списке среди достойнейших кавалеров города. Юноши рода Кастеллани постоянно возглавляли отряды флорентийской молодежи в джострах. См.: Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). P. 19—20, 28, 35—36, 50, 54—55, 57—58, 61—62, 71—72, 76—77, 160, 175—176.

[181] *Corsini M.* Il libro di ricordanze. P. 18—19. Об эмоциях, выражаемых братьями в связи с покупкой, см.: *Petrucci A.* I Corsini tra XIV e XV. P. XIII—XVIII.

[182] *De La Ronciere C.M.* Un changeur florentin du Trecento: Lippo di Fede del Sega (1285—1363). P., 1973. P. 127—130;

лы разумного и на эти цели тратились бешеные деньги. <...> Впервые приехавшие во Флоренцию путешественники, глядя на прекрасные сооружения и дворцы, окружавшие ее на расстоянии трех миль, относили их по примеру Рима к самому городу. Но и на большем расстоянии <...> то и дело встречались богатые дворцы, башни, сады и дворы, обнесенные стенами, так что в другом месте их назвали бы замками. <...> В полосе на 6 миль вокруг Флоренции находилось вдвое больше превосходных и роскошных жилых зданий, чем в городе»[183]. В XV в. на это обстоятельство указывал Джованни Ручеллаи: «В наше время город и контадо необыкновенно украсились церквями, госпиталями, домами и палаццо из камня, внутри и извне великолепно декорированными в романском стиле (*romanesca*), подобно тому, как делали древние римляне»[184]. Веком позже, в 1527 г., в канун осады, вынудившей флорентийцев снести до земли большую часть сооружений, которые окружали город, венецианский посол так описывал Флоренцию: «Холмы вокруг города все плодоносны, обрабатываемы, они ласкают взор, их возделывают с огромными вложениями, и там имеются все удовольствия, какие только можно себе вообразить: сады, лесные рощи, фонтаны, рыбные угодья, источники и всякие иные наслаждения, с видами, которые кажутся написанными кистью. С этих холмов и палаццо открываются другие возвышенности округи и долины, все занятые под мастерские и палаццо; виднеются равнины, горы, ручьи, воды...»[185]. Однако ради этих вложений — по большей части непроизводительных — извлекали значительные капиталы из сфер торговой и мануфактурной активности, как и из сельского хозяйства. С другой стороны, несомненно, имела место инициатива крупных земельных собственников — Перуцци, Фрескобальди, Строцци и других — в упорядочивании земельных структур и интенсивном разведении многих древесных и кустарниковых культур[186].

Замок или господский дом явно символизировали стремление в той или иной негласной форме доминировать над населением определенного сегмента сельской округи, откуда рекрутировали арендаторов, слуг, своего рода «вассалов», которых можно было вооружить и привести в город в качестве телохранителей или для охраны дома в случае весьма часто случающихся гражданских неурядиц.

---

[183] *Виллани Дж.* Новая хроника. XI. 94. С. 379.

[184] *Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 61.

[185] Фрагмент из донесений венецианского посла цит.: *Pinto G.* Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento. P. 43.

[186] *La Ronciière C.M.* Un changeur florentin du Trecento: Lippo di Fede del Sega (1285—1363) / A cura di G. Duby, J. Le Goff. Bologna, 1981. P. 125—130; *Pinto G.* Ordinamento colturale e proprietà fondiaria cittadina nella Toscana del tardo Medioevo. P. 245, 268

Загородное поместье являлось показателем стабильности социального положения, символом возвышения в системе городской иерархии, непременным атрибутом быта состоятельных флорентийцев, местом отдохновения от городских дел и забот, наконец, пристанищем, куда можно было вывезти семью, спасаясь от очередной эпидемии. Туда могли отправлять на летние месяцы детей, как это делал Бернардо Макиавелли[187].

В семейных книгах часто даются идиллические описания селений в контадо, откуда, якобы, род вел свое начало[188]. Эти пассажи наполнены чувством самодовольства и настроениями радостной эйфории, несмотря на то что, как правило, их авторы склонны были оценивать жителей контадо с явным скепсисом. Тот же Джованни Морелли, описывая войну с Джан Галеаццо Висконти, проявлял большой реализм в оценках настроений крестьян: «В деревне нет мужика, который бы не пошел поджечь Флоренцию, в Муджелло возвратились многие из Убальдини <...> и многие селяне в этих местах добивались их расположения». Такие характеристики разительно отличались от тех, которые давались при описании Муджелло, как истока их рода: «Я заявляю, что здесь живут люди, преданные Флоренции, в своем ремесле честные и умелые, усердные в работе, добронравные, веселые, почтительные, всегда готовые услужить в том, о чем их просят»[189].

«Наше место» в контадо играло важную роль в конструировании истории рода, во многих случаях связываясь с корнем или истоком семейной истории «еще до переселения во Флоренцию».

---

[187] *Machiavelli B.* Libro di ricordi. P. 91—92.

[188] «В долине Муджелло лучшие и самые урожайные земли в нашем контадо, откуда можно снимать по 2—3 изобильных урожая в год. Все вещи, на которые есть спрос, превосходно здесь производятся. Здесь изобилие зерна, хлеба, плодов, масла, вина. Здесь большое количество лесных пород и каштанов, а скота столько, что можно обеспечить мясом 1/3 Флоренции. И все самое лучшее — в нашем Муджелло» // *Morelli G.* Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956. 35a—35b, P. 99—103. Нотариус сер Лапо Маццеи был склонен впадать в тон восторженной экзальтации, описывая загородный подере в сельской местности: «Я шел босиком в сверкающем радостном воздухе под звон цепов <...> мне хотелось танцевать и прыгать как косуле на горы крупных зерен, которые, казалось, ждут пустых амбаров». Это письмо цитируется по сборнику писем, составленному Джованни Ливи, см.: Dall' archivio di Francesco Datini / A cura di G. Livi. Firenze, 1910. P. 37—38. Подобные настроения выражал и Л.Б. Альберти. «Ну, кому же не понравится жить на вилле? Это образ жизни в высшей степени полезный, достойный и безопасный <...> Только на вилле ты чувствуешь себя дома, в покое, довольстве и безопасности... она приносит немалые доходы, и притом способ их получения приятный и достойный... Да, Господи, прямо как в раю... Ты избавлен от суеты, гама, городской сумятицы...». См.: *Альберти Л.Б.* Книги о семье. С. 186—188.

[189] *Morelli G.* Ricordi. P. 98.

Глава VI

Практики социально-культурного синтеза: стремление пополанов к знатности

§ 1. Ценности торгово-ремесленной среды: этос «доброго купца»

Говорить о соотнесении с определенными социальными слоями особого комплекса ментальных установок и ценностных ориентиров, четко очерченных в матрице «доброго купца», вряд ли возможно относительно городского общества Флоренции. При обращении к семейным книгам деловых людей модель «доброго купца» выявляется как основополагающий нравственно-этическиий принцип, согласно которому происходит оценка и разделение членов рода, соседей и сограждан. Торговля являлась универсальным занятием для тех, кто обитал в городах, и расценивалась как один из поворотных пунктов на пути от безвестности и дикости недавно переселившихся из сельской местности предков к цивилизованному миру полноправных горожан. Не напрасно Джованни Морелли так акцентировал факт, когда его прадед сменил ремесло красильщика на более доходную и престижную деятельность: «...В деле крашения сукон он стал больше заниматься торговлей индиго»[1], что предопределило быстрый экономический подъем фамилии. Кстати, следует отметить, что и ремесленники младших цехов и даже немало представителей тех, кого относили к «чомпи», не пренебрегали малейшей возможностью, чтобы открыть маленькую лавку, таверну или начать торговать с лотка[2].

Для семейных книг, содержащих историю рода, прослеживается тенденция к героизации образов предков. Например, она явно заметна в образе Бонаккорсо ди Пьеро, прадеда Донато Веллути, жившего в середине XIII в.:

[1] *Morelli G.* Ricordi. 37b. P. 117—118.

[2] *Brucker G.* Renaissance Florence. P. 62—63. Брукер писал о том, как в 1370 г. двое мелких ремесленников, изготовителей кардных щеток, накопив немного денег, объединились, основали маленькую мастерскую, на полученную небольшую прибыль стали торговать шерстью, хотя и не были членами цехов Лана и Калимала, одновременно завели в Пизе торговлю яблоками и медом, ссужали мелкие суммы под проценты и стали к концу жизни довольно богатыми предпринимателями.

«Человека горячего, сильного, выносливого и очень умелого во владении оружием; совершал он храбрые и доблестные поступки как в Коммуне, так и в других местах. Все его тело было в швах и рубцах, так изранен он был в баталиях и стычках. Был он великий воин, выступающий против патаренов и еретиков, когда против них открыто сражался Св. Пьеро Мартире»[3]. В подчеркнутой воинственности предка явно выделяется стремление изобразить его своего рода крестоносцем, воином за веру и Христа.

Однако позитивной оценке подлежала и другая сфера деятельности прадеда: он «занимался также хорошо и очень честно торговлей», настолько, что едва не убил своего фактора Джованни дель Вольпе, когда выяснилось, что тот ради увеличения прибыли распорядился красить сукна с меньшими издержками и худшим качеством. Своего отца Ламберто (Берто) автор «Домашней хроники» изобразил «энергичным, сильным, горячим, выносливым, очень веселым, при этом старательным, деятельным, осмотрительным и «большим» купцом»[4]. Те же образы основателей рода в стенах Флоренции встречаются и у Джованни Морелли. Морелли, не без изрядной доли идеализации и драматизации, изображал «добрым купцом» своего рано умершего отца Паголо: «Оставшись после смерти братьев от чумы юным и одиноким, он без чьей-либо помощи и дружеского совета во время свирепствующего мора входил в торговые прибыли, продавал и покупал, действуя без устали, распутывая все с великим усердием. Подумайте о том, сумели бы вы выдержать и сделать столько и в такое время!»[5].

Те, кто с ранней юности усердно готовили себя к поприщу «доброго купца» и управляющего боттегами, неизменно заслуживали одобрения Донато

---

[3] *Velluti D.* P. 72. Пьеро Мартире — доминиканец, который в качестве Инквизитора пришел во Флоренцию в 1243 г. и провозгласил крестовый поход в городе против секты патаренов, действуя с 12-ю капитанами, им самим избранными; среди них находился и Бонаккорсо.

[4] Ibid. P. 73, 111—114. Ламберто Веллути вел дела семейной компании в Милане, затем — во Франции (до 1310 г.), в Каркассоне и Авиньоне, где ему пришлось «с великими трудами взыскивать с синьоров и баронов долги по займам, которые предоставлял им его предшественник Мико ди Донато Веллути, в чем ему способствовал Америго Фрескобальди, близкий придворный английского короля. Затем Ламберто занимал должность управляющего одним из филиалов компании Фрескобальди и несколько лет оставался в Тунисе.

[5] *Morelli G.* Ricordi. 42b. P. 153. P. 161. Подобные примеры можно видеть у Джованни Морелли, в частности, он прославлял своего деда Бартоломео Морелли, который «был очень разумным и добрым купцом, сильно продвинувшимся в делах, торговле, богатстве и родне». Как и Донато Веллути, Джованни Морелли представил целую галерею образцовых деловых людей и добрых купцов (Ibid. P. 136—137). Он восхищался своим отцом Паголо (P. 153—155); своим дядей Джованни (P. 164); своим кузеном Гвальберто ди Джованни (P. 166—169); другими родственниками (P. 186. 191).

Веллути, Джованни Морелли, Джованни Ручеллаи и других авторов семейных книг, которые убеждали своих сыновей всегда следовать идеалу доброго купца: «Напоминаю вам, чтобы в жизни общественной и во всех делах вы заслужили звание истинных купцов»[6]. Неизменно одобряя «старательных и сведущих в деле производства шерсти», тех, кто являлся «добрым хозяином, <...> очень понимающим в торговле», Донато Веллути в воспитании своего старшего сына Ламберто считал главным упорное и целенаправленное приобщение именно к процессу производства сукон, прививая ему соответствующие навыки и скупая для него боттеги, несмотря на тяжелую болезнь сына с младенчества (ребенка заразили бытовым сифилисом). Согласно устоявшимся в городской среде традициям, мальчика сначала отдали в счетную школу (абако), где Ламберто «проявил удивительную способность к счету, <...> и в короткое время стал добрым грамматиком, <...> и хорошим знатоком арифметики». Затем он практиковался в одной из боттег по производству шерсти, куда Ламберто «поместили в кассу». Он «начал любить это дело, выказывая много усердия, и стал столь знающим, как никакой другой мальчик в этой земле; и тогда я дал ему в руки книгу всего имущества (приходно-расходную), и он держал ее, вел дела и управлял так, словно бы ему было 40 лет. По интеллекту и великой памяти <...> он был бы одним из самых выдающихся мастеров и купцов в этой земле»[7]. Подобный же алгоритм воспитания детей демонстрировали Джованни Морелли и Джованни Ручеллаи в своих дидактических наставлениях, направленных на формирование привычек светского аскетизма и суровой экономии, методичности и упорства в достижении цели, настойчивого овладения навыками торговли и текстильного предпринимательства[8]. Приобщение к правильному образу жизни доброго купца лежало в основе воспитания молодых флорентийцев[9]. Обязательной ступенью в деле образования фло-

[6] *Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 19.

[7] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 8—9; 25—26, 40, 45, 72—74, 148—149; 295, 311. Ламберто умер от указанной болезни в возрасте 26 лет.

[8] *Morelli G.* Ricordi. 60a. P. 258—259; *Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 13—14. П. Брецци указывал на суровость воспитания детей в семьях даже очень богатых граждан тосканских городов. См.: *Brezzi P.* Economia e società nel tardo medioevo. P. 129.

[9] Об этом свидетельствовали семейные книги деловых людей Флоренции. См.: *Dati G.* Il libro segreto. P. 14; *Mazzei L.* Lettere di un notaro a un mercante dal sec. XIV. Firenze, 1880. Vol. II. P. 6—7; *Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 14. Один из самых богатых людей Флоренции, Джованни Ручеллаи настаивал на том, чтобы сыновья не только учились бухгалтерии и банковскому делу, но и прошли полный цикл обучения в боттеге по производству шерсти: «На самом деле вы должны стать владельцами боттег (*botteghai*), как и положено всем, кто занимается изготовлением шерстяных и шелковых тканей, чтобы иметь базу своих прибылей во Флоренции более, чем в торговле, деньгах, кредитах вне ее». Этому же учили и в конце XV в. См.: *Cecchi D.* Riforma sancta et pretiosa // *Mazzone U.* "El buon governo". Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze, 1978. P. 189, 101—104.

рентийцев являлись счетная школа «абако», где штудировали учебники Франческо Пеголотти и Джованни д' Уццано, вооружавшие учеников практическими профессиональными познаниями. Латинская школа представлялась желательной для многих образованных граждан, но находилась на втором месте после абако и боттеги: «Прежде всего, юноше следует немного поучиться счету», «Боттега и есть подлинная школа»[10].

Судя по продолжениям семейных книг в других поколениях, потомки усваивали наставления старших. Один из семьи Веллути, Сальвестро, в 90-е гг. XIV в., прося в письме своего друга в Пизе похлопотать о кандидате в женихи для своей племянницы, заявлял, что «предпочтет купца, который умеет хорошо наживать богатство, правильно помещать его и разумно тратить», любому человеку благородного происхождения, которое, по его мнению, являлось «делом второстепенным»[11]. Андреа, один из прямых потомков Донато Веллути, продолжил хронику своего предка в 40-е гг. XVI в., выражая примерно такие же настроения и давая оценки образу жизни и поведению родственников в духе Донато, жившего почти на 200 лет ранее[12].

Комплекс качеств *buono mercante* обосновывал выделение образцовых членов фамилии. Донато Веллути набрасывал множество портретов «добрых купцов», используя устоявшиеся в этой среде стереотипы: деятельный и упорный племянник его матери Никколо ди Биндо — «умный, добронравный и знающий купец», который долгое время возглавлял филиалы компании Барди в Авиньоне и на о. Родос, где потом уже после их разорения вел дела самостоятельно. Это его двоюродный брат Леонардо ди Биндо, «мудрый и добрый», который нажил деньги, ведя дела в Сицилии сначала как компаньон Барди, затем самостоятельно, он даже был назначен адмиралом на галерах коммуны во время войны с Пизой (1362–1364), и именно ему приписывал автор честь захвата Джильо у пизанцев[13].

Джованни Морелли характеризовал своего кузена Бернардо ди Джованни, в юности ведущего беспутный образ жизни, но вставшего на путь исправления под влиянием Паголо Морелли, как купца, искусного в торговле, «предусмотрительного, бережливого, умеющего вступать в

[10] *Le Goff J.* Marchands et banquires du Moyen Âge. P. 104; *Pandimiglio L.* Giovanni di Pagolo Morelli e le strutture familiari // Archivio Storico Italiano. 1978. Vol. IV. P. 565—566. Высказывания принадлежат Джованни Морелли. См.: *Morelli G.* Ricordi. P. 270, 194.

[11] Dall' archivio di Francesco Datini mercante pratese. P. 48.

[12] *Velluti A.* Addizzioni // *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e 1370 / A cura di I. Del Lungo, C. Volpi. Firenze, 1914. P. 331. Он, например, осуждал своего родственника Антонио Веллути, который был «прекраснейшим кавалером, держал конюшню, гончих собак и птиц, а ему следовало бы быть более склонным к торговле, ведь именно из-за этого и упустил он большую часть своего богатства».

[13] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 124, 126—127.

контракты и вести разные дела». Автор был даже готов простить ему некоторые неизжитые слабости его порочной молодости, которые вообще весьма сурово порицал: «Он имел много незаконных детей и от одной знатной дамы <...>, и от своей очень красивой рабыни...»[14].

Помимо занятий торговлей и производством сукон, ведения торговых книг, знания бухгалтерии, честности в отношении партнеров и клиентов, трудолюбия и добросовестности, признания в коммуне и авторитета, подтверждаемых избранием на старшие должности, в семейных книгах имелся в виду еще целый ряд атрибутов: разумность и трезвомыслие, миролюбие, добросердечие, милосердие, любезность, приветливость, скромность — качества весьма пригодные для занятий торговлей. В «Домашней хронике» Донато Веллути, в отличие от семейных книг Джованни Морелли и Джованни Ручеллаи, не содержится дидактики в виде прямых назиданий. Описывая представителей молодого поколения, автор, тем не менее, определял нравственно-воспитательные ориентиры, могущие обеспечить дальнейший успех на деловом поприще. Веллути полагал, что успех городских профессий гарантировался, помимо ума, «прекрасными обычаями» — «приветливостью, благодушием, кротостью и добросердечием, за что персона будет почитаема и любима всеми»[15]. Он отмечал общительность и доброжелательность своего старшего сына Ламберто: «Он охотно водился с юношами, был любезен и дружелюбен сверх меры»[16]. Семейные книги и переписка деловых людей способствовали формированию приверженности к деятельному образу жизни, исключающему пребывание в праздности, лени и удовольствиях[17].

Заповеди делового общения предусматривали умение вести диалог с лицами самого разного социального статуса и достигать обоюдно выгодного компромисса. Джованни Морелли наставлял в дидактической части своих меморий: «Постоянно практикуйся в добрых делах с равными тебе по возрасту, чтобы стать человеком достойным, благородным, хорошо воспитанным, умеющим свободно и непритязательно вести разговор, применяться к любым обстоятельствам и разным людям». Предлагаемый

[14] *Morelli G.* Ricordi. 43b. P. 162. Джованни Морелли, кстати, весьма одобрял родственника за то, что он потом пристроил рабыню должным образом: освободил ее, выделил ей приданое и «удачно выдал замуж в Муджелло».

[15] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 298, 295. Речь в данном случае шла о молодом Томмазо Ковони, брате Биче, первой супруги Джованни Морелли, который был «добрым хозяином, в его время очень сведущим в торговле, унаследовав компанию и фондако после смерти своего отца».

[16] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 312.

[17] См. нравственные наставления в переписке семейства Строцци: *Macinghi Strozzi A.* Lettere. P. 287—288; 239—240. Dall' archivio di Francesco Datini. P. 18; *Da Certaldo P.* Il libro di buoni costume. P. 254—256; 384. P. 253—254; 385. P. 255—256; *Morelli G.* Ricordi. P. 269, P. 284—285.

им путь самоусовершенствования и идеал общения преследовали одну и ту же цель: «Изгоняй дурные привычки, избегай пуще всего робости, вялости, лени и жеманства, других пороков, которые делают человека робким и унылым, за что его презирают в обществе, где он не имеет доброй репутации. Делай противоположное тому, к чему побуждает тебя твоя сонная и ленивая природа. Принуждай себя и этим ты победишь себя»[18]. В общении Морелли, кроме того, предписывал стратегию конформизма и бесконфликтности: «...Будь хорош со всеми, не говори ничего против какого-либо лица и не соглашайся слушать, если говорят о ком-то плохо, <...> привыкай вести себя приветливо с каждым твоим согражданином, старайся любить их всех и демонстрировать им свою любовь, а если не можешь, все равно держись с ними дружественно и ровно»[19]. Джованни Ручеллаи, исповедуя те же принципы, советовал приучать мальчиков к подавлению агрессивных порывов и бурных эмоций[20]. Ручеллаи учил, что пороков зависти, грубости, мстительности следует особенно избегать богатым по отношению к бедным, ибо «главная добродетель богатого – приветливость, потому что он распорядитель благ и организатор порядка в мире, призванный любезностью и мягкостью подавлять зависть и ревность бедного, толкающие его к кражам и раздорам»[21].

О том же свидетельствует переписка флорентийских купцов, в которой занятия торговлей часто выступают гарантией делового доверия и признания, тогда как отказ от нее, наоборот, вызывает подозрительность и осуждение, даже если человек не совершает никаких неблаговидных поступков[22]. Таким образом, занятие торговлей расценивалось не только как деятельность, достойная всяческого уважения, но и как

[18] *Morelli G.* Ricordi. 62a. P. 271, 269. О том же см.: *Da Certaldo P.* Il libro di buoni costumi. 35. P. 69, 289. P. 166, 326. P. 192—193; 328. P. 194—196; *Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 6—7, 13.

[19] *Morelli G.* Ricordi. 57a. P. 237; 42a. P. 150. Подобные же заветы находятся в более раннем произведении Паоло да Чертальдо. См.: *Certaldo P.* Il libro. 261, 267. P. 153—156.

[20] *Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 14—15. Даже с нежелательными персонами, например, назойливыми просителями, следовало вести себя конструктивно: говорить с ними «ласково и вежливо с приветливым лицом, обставлять отказ множеством оправдывающих обстоятельств, порекомендовать другого кредитора, пообещать походатайствовать перед ним» и т.д. (Ibid. P. 10—11). Во время ссоры с недругами рекомендовали сохранять хладнокровие, не употреблять ругательств, не хвастать и не важничать. См.: *Morelli G.* Ricordi. 64b. P. 282—283.

[21] *Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 12.

[22] Lettera in Prato 16/X 1406 // Dall'archivio di Francesco Datini mercante pratese. P. 45. В письме речь идет о некоем Симоне, который «не занимается торговлей», что очень настораживает автора письма: «Мне показалось, что Симоне обладает большими претензиями и не совсем чист от пороков, я думаю о нем, как о противоядии, которое можно употреблять только раз в месяц на кончике ножа».

исходный пункт и мерило нравственных добродетелей. В потомках старались воспитать привычку к упорству и методичным усилиям, рациональному мышлению, способному подавлять эмоции и аффекты[23], стремились сделать их стойкими для борьбы с «враждебной фортуной», под которой часто подразумевали неблагоприятную торговую конъюнктуру, риски и опасности, связанные с внешней торговлей[24]. Нерациональным тратам и безрассудной щедрости противопоставляли принципы «светского аскетизма» — строжайшей экономии в сфере повседневного потребления[25].

Подобные установки встречаются не только в семейных книгах, но и в произведениях других жанров литературы, отражающих интересы и чаяния городского общества, в частности, в хрониках XIV—XV вв. Один из анонимных авторов использовал стереотип доброго купца для положительной характеристики Бенедетто Альберти, сыгравшего значительную роль в управлении коммуной в 1378—1382 гг., в период режима «тощего» народа: «Он с малолетства был торговцем французскими сукнами и английской шерстью, он всегда был мудрым и честным человеком, отличающимся справедливостью, а также предприимчивым и очень усердным купцом, отчего нажил большие деньги, так что его богатство исчислялось в 100000 флоринов, и ему поэтому завидовали многие горожане. Но его любили добрые купцы, а многие почитали за самого мудрого человека во Флоренции и наиболее искусного в коммунальном правлении, который заботился об общем благе и мире для всего города»[26]. Хронист Джованни Кавальканти во «Флорентийских историях» использовал концепт «добрый купец» для характеристики положительных персонажей среди своих современников. В уста Джованни ди Биччи Медичи, выступающего с оправдательной речью перед флорентийской Синьорией, где его обвиняли в заговоре против республики, он вкладывал такие слова: «Но я хочу заниматься торговлей и ни в чем не вызвышаться над другими гражданами. Я знаю, что торговля есть нача-

[23] *Da Certaldo P.* Il libro di buoni costume. 313. P. 180.

[24] *Morelli G.* Ricordi. P. 201—202; *Macinghi Strozzi A.* Lettere. P. 288. О концепте «фортуна» в миропонимании купцов см.: *Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И.* Представления о фортуне в Средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. С. 181—189.

[25] *Da Certaldo P.* Il libro. 81. P. 78; 125. P. 105; 305. P. 174; 342. P. 217, 372. P. 237—238. *Velluti D.* La cronica domestica. P. 142; *Macinghi Strozzi A.* Lettere. P. 8—9, 88. Благочестивая вдова Алессандра Строцци не пренебрегала даже советами совершать мелкие мошенничества в отношении служащих и работников ради экономии средств и сохранения капитала. См. также: *Capponi G.* Ricordi. XXI. P. 37; *Rucellai G.* Il Zibaldone. P. 16—18.

[26] Cronica volgare di Anonimo fiorentino dall' 1385 al' 1409 // RIS. Città di Castello, 1915. P. 33.

ло и основание республики нашей, что ею государство прославляется. А по имени нашей коммуны хвалят и наши товары, а если я стану беден, то и республика не возвысится <...> Я жил не как преступник, а как честный и добрый купец, милосердный и благородный человек»[27].

Подлинный панегирик торговле и купцам, составляющим базу, на которой основывается коммунальное государство, содержится в «Истории Флоренции» Грегорио Дати[28]. Грегорио ди Стаджо Дати (1362—1435) происходил из незнатного рода рыбаков и торговцев рыбой, от отца, который состоял в младшем цехе содержателей таверн. В 1384 г., обучившись в счетной школе и пройдя практику в одной из боттег по производству шелка, он вступил в старший цех Сета, имея к этому времени и членство в цехе Лана, что свидетельствовало об успешном начале карьеры купца и предпринимателя. Всю жизнь он посвящал этим видам деятельности, накапливая капитал: вступая в свою первую торгово-банковскую компанию, он внес лишь 300 флоринов, которых не было в наличии, и их ему записали в долг, а через 5 лет в другую ассоциацию вложил уже 1000 флоринов и был доволен высокими прибылями: 21 сольди на 1 флорин. Вместе с братом Симоне он торговал шелком в Испании, плавал морем, попадал в плен к пиратам, откуда его выкупила компания, переживал подъемы и спады в своем бизнесе, неустанно действуя по принципу «Спаси себя сам». Грегорио пользовался немалым авторитетом в цехе Сета, о чем свидетельствует избрание на должность цехового консула 11 раз подряд[29].

В 1407—1408 гг. Грегорио Дати составил хронику, позже названную «История Флоренции с 1380 по 1406 гг.», большая часть текста которой была посвящена войне Флоренции с миланским герцогом Джан Галеацо Висконти (1389—1402). В отличие от трудов предшествующих хронистов «История» Дати отличалась целенаправленным подбором фактов по специальным темам, попытками выявить экономические и политические причины процветания родного города, дать психологические обоснования поступкам персонажей. Превосходство Флоренции автор видел не только в совершенстве республиканской формы правления, но приводил мотивацию из области экономики: «Флорентицы, число коих преумножалось, старались обеспечивать жизнь ремеслом (*industrie*), и для этого они шли за пределы своей земли искать других провинций, и стран, где видели возможным затратить время, но добыть богатства и с ними вернуться во Флоренцию, и шли они так по всем государствам мира, христианским и неверным, и видели обычаи других наций, и приобретали привычку к странствиям, собирая со всех сторон цветы [прибыли]. И <...> вслед-

[27] *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. I. P. 96—97, 540.

[28] *Dati G.* Istoria di Firenze dal 1380 al 1415 / A cura di L. Pratesi. Norcia, 1904. P. 60—61.

[29] *Dati G.* Il libro segreto; *Краснова И.А.* Дати // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1.

ствие этих обычаев, приходило к ним великое желание видеть и приобретать; и один передавал это желание другому, ибо тот не есть купец, кто не ищет по миру, не видит людей чужих наций, не возвращается в свое отечество с нажитым, он не будет иметь никакой репутации. Они <...> идут по миру с молодости, наживаясь, приобретая практику и добродетели, добрые нравы и богатства, и все вместе создавая сообщество известных и богатых людей, которым бы не было равных в мире...». Грегорио Дати видел причину войн против Флоренции в том, что ее соседи, несмотря на «свои богатые и щедрые земли», пребывают в бездействии, «не желая дать себе труд искать большего»; а флорентийцам «мстят из-за собственной зависти», поэтому «ведут войны и вступают во вражду». Торгово-предпринимательская основа республики представлялась первопричиной всех ее успехов и добродетелей, освященной Божьим промыслом: «Те люди, которые живут в мире, в котором имеются все добродетели, есть флорентийцы, потому что у них творятся дела милосердия, проявляется любовь к ближнему и к бедным, а также праведность в почитании Церквей Божьих более, чем в других нациях»[30].

Знаменательно, что Дати вовсе не считал победу в войне с Джан Галеаццо случайной, как многие его современники, утверждавшие, что все дело решила скоропостижная смерть герцога Миланского 2 сентября 1402 г. Он также не проявлял склонности приписывать победу только Божьей воле, хотя и был абсолютно убежден, что она действовала на стороне флорентицев[31]. Поражение Джан Галеаццо, по его сведениям, было закономерным и заранее просчитанным купцами города на Арно, которые тщательно сверяли все статьи доходов и расходов миланского государства: «Ибо замечали во Флоренции, какие герцог имеет доходы <...>, и знали все издержки, которые он нес <...> И было известно, что на его расходы недостанет такого количества поступлений, какое он имел; знали, <...> что его подданные были им чрезмерно обременены великими налогами, поэтому очень неспокойны, и все шло к тому, что они могли стать его врагами, желая его крушения не менее чем флорентийцы». И «предвидели флорентийцы, что беспорядочные траты принесут ему великую опасность; поэтому очень многие делали расчеты с пером в руках, и заявляли со всей достоверностью, сколько может его власть длиться, потому что знали дух его подданных; <...> ибо обязательно должно случиться так, что Граф уничтожит сам себя, хотя он и не замечал приближения своего крушения, потому что умер до этого»[32].

[30] *Dati G.* Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405. Libro IV. 70. P. 59—60.

[31] *Baron H.* The Crisis of the Early Italien Renaissance. Civic Humanism and Republican Liberty in an Age of Classicism and Tyranny. Princeton, 1966.

[32] *Dati G.* Istoria di Firenze dal 1380 al 1415. Libro V. 90. P. 70—71.

Убежденность в том, что могущество Флоренции и ее превосходство над другими городами заключается в ремесленном производстве и торговле, свойственна не только Грегорио Дати. В конце XV в. адепт движения Савонаролы, член того же цеха Сета, Доменико Чекки, требовал предоставить владельцам боттег и купцам широкий доступ к власти для активизации предпринимательской инициативы и стимуляции развития экономики: «Это будет хорошо для людей, которые займутся делом, устроив боттеги для производства товаров, для их сыновей, которые вырастут достойными людьми, не потеряв времени зря, для народа, живущего ручным трудом, который получит, наконец, заработок. И усилится торговля в государстве, и многие обогатятся на продаже шелка, и богатства станут изобиловать в нашей Флоренции, которая сосредоточит 2/3 торговли всей Италии»[33]. На этом пути Чекки видел выход из кризисного состояния города: «Вы увидите, как все начнет улучшаться день ото дня оттого, что мы станем делать в 2 раза более материй, нежели теперь. И все это мы с Божьей помощью сбудем <...>, не надо сомневаться в том, что при наличии у нас готовых товаров найдутся новые торговые пути и поднимет попутный ветер наши паруса». Он считал главной причиной кризиса перекачивание капиталов из производства и торговли в банковские депозиты[34]. Не следует забывать, что Чекки таким образом представлял политико-религиозный проект превращения Флоренции в «город Господа Бога». Основной составляющей этого подобия царства небесного на земле Чекки представлялось такое экономическое состояние, когда «деньги в городе будут оборачиваться 6 раз в день», и, главное, «хорошо устроенные доходные боттеги» по производству тканей.

Важно обратиться и к ряду отверженных представителей рода, не соответствующих эталону «доброго купца», часто подробно описываемых в назидание потомкам как отрицательные примеры. Донато Веллути приводил немало таких персонажей, категорически осуждая установки рыцарского образа жизни, а также воинские занятия и военное поприще, как недостойные истинных купцов занятия. Набор моральных качеств и стереотипов поведения, соответствующий феодально-рыцарской знати, он

[33] *Cecchi D.* Riforma sancta et preziosa // *Mazzone U.* "El buon governo". Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze, 1978. P. 178. «Надо добиться, чтобы открыл хотя бы одну боттегу каждый, кто этого хочет. И если каждый откроет 2—3 боттеги и станет накапливать прибыли из года в год, то он призовет тех, кто теперь неимущ, а они восславят того, кто дал им работу <...> Ибо к их прибылям сойдутся трудолюбивые, но чтобы они процветали, должен же кто-то нажиться» // Ibid. P. 203—204.

[34] Ibid. P. 201, 204—205. У. Маццоне определял такие высказывания как «парадоксальные» в условиях преобладания торгового капитала (*Mazzone U.* "El buon governo". P. 69), но, думается, в обществе имелись соответствующие ментальные установки для подобных суждений.

часто обозначал термином «куртуазия». За кругом многочисленных родственников — добрых купцов — оставались те, кто стремился уподобиться рыцарям и грандам. Например, один из родственников по материнской линии: «Герардино ди Пьеро был маленького роста, тощий, сухой, приветливый и очень учтивый, но слишком склонный при случае впадать в ярость и дерзость <...>, хороший наездник и мастер услужить <...> не был способен к ведению карт в торговых делах из-за потаканий своего отца. Хотя он был достаточно рассудителен и сметлив, однако с ранней молодости стремился любезничать (*fare curtuasia*), и слишком много времени проводил в непристойных компаниях, что сделало его порочным, и он причинил много вреда себе, да и другим, растрачивая в куртуазии все, что мог; <...> проводя свою жизнь на чужбине, он оказался очень неудачлив». Вернувшись во Флоренцию, «продолжает он прекрасно одеваться и обуваться, находясь в обществе, содержит лошадей, собак и ястребов, расходует то, что нажил и принес с собой, а также частично свои ренты, хотя и маленькие, и приобретенные деньги; <...> если не поменяет образ жизни, будучи теперь в возрасте 35 лет, следует очень опасаться, что придется ему продать или заложить основное имущество»[35]. Автор очень осуждал случаи, когда занятия торговлей и предпринимательством меняли на «куртуазный» образ жизни: «Герардуччо, большой болтун, но не слишком умный, нетерпеливый и не обладающий твердостью, <...> отправился в Авиньон, <...> но спустя некоторое время он поменял свой образ жизни и, выжидая лучших времен, занялся фехтованием и другими подобными делами, которые требовали расходов, поэтому в короткое время он там спустил основной капитал и нажитое, и вернулся оттуда, ничего не имея». Этот мот и расточитель отцовского достояния, истратив все, вернулся во Флоренцию, и «пока жил, влачил нищенское существование вместе с братьями и сестрами, <...> так и не женившись, хотя имел дочь-бастарду»[36]. Веллути сурово порицал своего старшего брата

[35] *Velluti D.* La cronica domestica P. 33—36. Сначала этот Герардино «увязался» за Томмазо ди Сальвестро Якопи, который «был скорее очень вспыльчив и большой простак, нежели человек мудрый и сдержанный», в Грецию воевать за владения Принца (т.е. Роберто Анжуйского, правителя Ахайи и Мореи), но вскоре вернулся оттуда; «кто кому нанес ущерб я не знаю, потому что один обвинял другого». Затем он снова отправился в Грецию, поступив на службу к Джованни ди Якопо Аччайуоли, архиепископу Патрасскому (1338—1341), «много раз пребывая в большой опасности из-за стычек с турками».

[36] Ibid. P. 56—57. Донато приводил немало подобных примеров, в частности, одного из своих консортов. «Бальдо ди Джованни, был <...> очень куртуазным и любезным; и по этим причинам растратил вначале то, что сам имел, а затем часть, которая ему перешла после смерти Джованни ди Томмазо, его племянника <...> Умер от чумы 1348 г. в бедном состоянии <...> Томмазо, сын этого Бальдо, пошел побираться по миру, живя с другими» // Ibid. P. 100. Другой консорт со стороны семьи матери Пьеро ди Чоре «...был дурной персоной. После смерти отца

Филиппо, успешно ведущего дела в Палермо, но приобщившемуся там к порочному образу жизни: «Брат <...> очень поистратился ради больших удовольствий, к которым он привык там, и того положения, которого он придерживался». Вернувшись в 1342 г. во Флоренцию, он был «столь кичливым в одежде, в лошадях, в семейном обиходе, что невозможно и выразить; это не соответствовало ни положению в государстве, потому что мы находились под тираном (герцог Афинский), ни статусу его мастеров (т.е. Перуцци, банкротство которых началось в 1341 г.), которые потерпели крах, ни тому владению, какое было у нас, потому что принес он в кошеле всего 25 флоринов, <...> а от Перуцци не смог вообще ничего получить, и оказался несостоятельным во всем»[37].

Донато очень порицал своего современника Томмазо ди Липаччо, относящегося по матери к фамилии Бельфраделли. Этот Томмазо, «высокий, красивый и гордый как лев», отказался продолжать торговые дела своего отца. Он избрал военную карьеру и поступил на службу к королю Франции, получив в вознаграждение за руководство войсками большое земельное владение (*beneficio*) во Франции. Донато не преминул отметить: «Все манеры Томмазо соответствовали тем, которыми обладали высокородные и благородные французские бароны: он любил играть в мяч и пировать». Все это привело, по мнению автора «Домашней хроники», к весьма печальным последствиям. Томмазо быстро промотал отцовское достояние, изменил своей коммуне, перейдя на сторону Каструччо Кастракани, был изгнан, скитался по разным землям в нищете и умер позорной смертью в трактире, убитый солдатами в пьяной потасовке[38]. Судя

он не придумал ничего лучшего, чем тратить достояние на красивые одежды, кавалькады и пиры; и отделившись от братьев, он в короткий срок промотал все свое имущество». См.: Ibid. P. 137.

[37] Ibid. P. 142. Образ брата сложен и противоречив: он поступил на службу к Барди, которыми был очень ценим, «потому что имел на плечах хорошую голову, и был очень искусным, сведущим и опытным купцом, и превосходно вел счета», «но сборища и трактиры не оставил, из-за которых, будучи большим едоком и выпивохой, причинял себе много вреда». Он также приводил как отрицательный пример некоего Лапо ди Донато, «человека вспыльчивого и строптивого, мало склонного к торговле, который служил в кавалерии (конной городской милиции)». См.: Ibid. P. 54.

[38] Ibid. P. 81—82. Другим примером схожего образа жизни может послужить его кузен Никколо ди Таддео из Фрескобальди, который почти всю жизнь воевал в междоусобной войне синьоров контадо, переходя на службу к синьору Вероны Мастино II, затем к маркизам Малиспини из Луниджаны. Его прозвали «Агуто» из-за того, что он сражался костылем, который носил в рукаве. Этот Никколо трижды находился на посту капитана или конестабиля одной маснады или хоругви, составляющей от 15 до 20 конных солдат. Донато имел к нему серьезные имущественные претензии, очень осуждая его за отсутствие привычки возвращать долги, что по мнению Донато было недостойно настоящего купца. См.: Ibid. P. 89—90.

по другому эпизоду, Томмазо ди Липаччо являлся активным участником семейных вендетт, в частности, той, которую имела его консортерия с одной из ветвей фамилии Фрескобальди из-за раздела имущества[39]. Уже упомянутый Пиччо Веллути, младший брат Донато, оказался «не слишком умелым в делах торговли», и хотя «у него были прекрасные манеры, и долгое время он состоял в цехе Лана, но мало там преуспел». Оставшись один без присмотра старших, Пиччо «взялся за обычаи недобрые; много раз проматывал домашнее имущество, и особенно для того, чтобы сделать вендетту за Веллуто против желания и разрешения Ламберто, нашего отца». «Куртуазия» Пиччо заключалась в его увлечении женщинами, и из-за одной «донны», замужней женщины, поскольку он «опасался с ее стороны <...> расправы над собой и другими, предпочел уехать из Флоренции» после раздела имущества с братьями в Авиньон (1346 г.)[40].

Скептическое резонерство в адрес сограждан, претендующих на титулы и подражающих в быту грандам, демонстрировал Джованни Морелли. Он был взбешен тем обстоятельством, что в издевку над Флоренцией синьор Лукки уполномочил вести переговоры с республикой на Арно ее же бывшего гражданина, политического изгнанника Андреа дель Инчиза, высланного за бретерство и агрессивность поведения, которого Джованни ядовито именовал «этот воспеватель подвигов паладинов». Необходимость с почетом принимать в городе этого кавалера доводила автора воспоминаний почти до исступления: «Они (жители Лукки) могли позволить себе такое, чего не позволял даже Герцог (Джангалеаццо Висконти) <...> Неужели Господу приятно было, что эти черви осмеливаются так издеваться над нами...»[41]. Для Джованни Морелли, представителя пополанского рода, в отличие от Донато Веллути, осуждение ценностей феодально-рыцарской среды, видимо, не являлось столь актуальным. Но он, как и большинство граждан республики, не испытывал особого пиетета перед знатными мира сего — коронованными особами и понтификами. В частности, Морелли весьма критически оценивал восторженно-патетические реляции флорентийских послов при дворе германского короля в 1405 г.: «Они описывали такие чудеса, что паладины Карла Великого казались просто детьми по сравнению с ними (немецкими рыца-

[39] Ibid. P. 87, 94. Он ранил приходского священника из этой фамилии и убил Буко Бостики.

[40] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 144—147. В Авиньоне, по сведениям Донато, брат стал «скупать сукна и вести торговлю», объединившись с одним соотечественником, содержавшим постоялый двор в Марселе, с которым они владели одним общим судном. Но неуемность натуры Пиччо и тяга к авантюрам и риску привели к тому, что он исполнял роль трактатора — «управлял кораблем и водил его», совершая много путешествий из Марселя в Пизу и обратно и получая достаточно прибыли», до своей смерти от чумы в 1348 г.

[41] *Morelli G.* Ricordi. 85b. P. 423—424.

рями, о найме которых договаривались послы)», намекая на то, что почести и отличия блестящего приема, оказанного при дворе в Германии, изрядно вскружили головы послам республики Андреа Сальвини и Бонаккорсо Питти, и они стали видеть в этих рыцарях «знатных синьоров, каждый из которых более силен, чем сам Герцог» и «даже самых красивых людей из тех, которых можно узреть»[42].

Представителям торгово-ремесленных слоев казалось, что бесславная, внезапная и насильственная смерть являлась показателем греховности и аморальности образа жизни, тогда как «добрые купцы» и «добропорядочные граждане» умирали благочестиво, устроив земные дела, составив завещание, дав должное наставление потомкам, получив благословение церкви, и останки их, достойно погребенные, покоились в фамильной капелле. Подобные уроки для своих потомков Донато Веллути извлекал из истории жизни представителей фамилии Фрескобальди, один из которых — Джованни ди Ламберттуччо — был «сочинитель сонетов и трубадур <...>, прекрасный и великий игрок на цитре, флейте и виоле <...>, страстно любил лошадей, <...> тратя на это много, тогда как по большей части получал мало», в результате умер в бедности, не оставив никакого наследства своему многочисленному потомству, которое воспитал в том же духе[43]. Его старший сын Пиджелло, ничего не получив от отца, был вынужден наняться на военную службу — «кавалер по нужде», с сарказмом заявлял Донато. Но Пиджелло к тому же «был куртуазен»; потратив большую часть своего имущества, чтобы «оказывать честь солдатам маснадьер», он не обладал деловыми качествами, «и каждый, кто плакался ему, вытягивал из него <...>». Он «делал очень большие расходы ради собственных почестей среди солдат <...> много задолжал, был заключен по требованию кредиторов в долговую тюрьму, где и умер в 30 лет, не оставив детей и завещания». Джованни не окончил свои дни достойной смертью: был похоронен на кладбище для бедных, поскольку родственники отказались поместить его прах в фамильном склепе[44]. Один из его сыновей, Чоне, погиб в молодости, разбившись при попытке забраться в чужой двор, принадлежавший семье Веттори. Естественно, автор усматривал только дурные побуждения у представителей этой ветви фамилии: «Одни говорили, что он лез туда к жене хозяина, другие — с целью кражи»[45]. Родственник его матери — «дурной» Пьеро ди Чоре — после смерти отца «не придумал ничего лучшего, чем тратить деньги на краси-

[42] Ibid. 79b. P. 384; 80a. P. 384—385. Действительно, если судить по хронике Питти, то у него были все основания быть довольным приемом при германском дворе. См.: *Питти Б.* Хроника. С. 84—86.

[43] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 95—96.

[44] Ibid. P. 96—97

[45] Ibid. P. 100—101.

вые одежды, кавалькады и пари; и, отделившись от братьев, он в короткий срок промотал все свое имущество». Конец был соответствующим: «Указанный Пьеро несчастливо прожил свою жизнь, уйдя на службу пешим», что считалось унижающим занятием, став потом контролером в цехе Лана и сборщиком габелл ворот и мельниц Коммуны. Он стал наемным рабочим: среди флорентийских чомпи было немало людей с такими профессиями. Женитьба соответствовала его образу жизни: «Взял в жены <...> внучку виноторговца, которая распутничала с другими, и плохо он жил с ней и внезапно умер в Сан Джорджо, в нищей лачуге, и никого из родственников не было на похоронах (1367 г.), и погребен он в Сан Джорджо, где никто из консортов не похоронен»[46].

Таким образом, из анализа материала семейных книг следовало, что «добрый купец» — не только синоним удачи в делах, но и эталон добронравия, правильно организованной жизни и залог достойной смерти.

Порицаемый и неприемлемый Донато Веллути и другими деловыми людьми, активно действующими в сфере накопления капиталов, образ жизни, способ мышления и восприятия в совокупности обозначался понятием «куртуазия» (*curtuasia*). Он включал весь комплекс качеств мота, прожигателя жизни, потребителя, рассеивающего богатство, разбойника, насилием уничтожающего все созидаемое. Транслируемые Донато Веллути и другими горожанами, которые оставили свои заметки или мемуары, социально-нравственные оценки поведения и образа жизни свидетельствуют о неприятии ряда установок и стереотипов, свойственных феодально-рыцарской среде, о чем говорит порицание таких качеств, как пристрастие к пирам, балам, играм в мяч, конным забавам, нерациональная щедрость и столь же безрассудное изъявление любовных чувств. Судя по приводимым источникам, представители городской среды, втянутые в ремесло и торговлю, склонны давать отрицательные оценки военному поприщу и предостерегать потомство от карьеры воина, поскольку она мало совместима с идеалом «доброго купца». Агрессивность, дерзость, безрассудная храбрость, страсть к игре и риску в глазах Донато Веллути, Паоло да Чертальдо, Джованни Морелли скорее выглядели признаками дикости и дурного воспитания. Можно предположить, что следование идеалу «доброго купца» в некоторой степени вытесняло комплекс установок, свойственных укладу феодальной консортерии и рыцарским практикам поведения и отношения к жизни, приобретающим явно негативный смысл.

[46] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 137—139.

§ 2. Атрибуты знатности и рыцарских достоинств как символы социальной эскалации пополанства

Не только ритуалы и формы праздничного поведения, но и ряд ментальных доминант, свойственных мировосприятию представителей нобильско-рыцарских кругов, оказывался не чужд сознанию горожан из пополанских фамилий, особенно тех, кто возвышался или стремился возвыситься в ряды правящей олигархии, тем более что атрибуты рыцарского состояния — шпоры и герб — являлись не столько конечной целью социальной эскалации, сколько зачастую ее отправной точкой[47]. Судя по дневникам, мемуарам и семейным хроникам, с последних десятилетий XIV в. начинает развиваться страсть к обзаведению знатными предками и древними родословными, на которую уже давно обратили внимание исследователи генеалогий и историй рода. Она становится особенно заметной в XV—XVI вв.

Независимо от происхождения из рода грандов или нобилей, граждане Флоренции в одинаковой степени стремились «облагородить» истоки своей родословной и проследить их в как можно более длительной временной протяженности.

Значительная часть авторов, считавших себя представителями нобильского рода, всячески стремились подчеркнуть знатность и древность крови своих предков, достоинство и благородство проистекающей от них фамилии, как это наблюдалось в случае Рикордано Малиспини и Джованни Кавальканти.

Практика создания мифа о древнем и благородном происхождении рода, доказываемом такими атрибутами, как гербы и шпоры, являлась знаком социального возвышения той или иной пополанской семьи. Во многих случаях у ее истока находилась эпическая фигура героического предка, например, крестоносца. Так, Бонаккорсо Питти очень хотелось иметь достойных прародителей, поэтому он в качестве предка упоминал некоего Бонсиньоре-крестоносца, сгинувшего в Святой Земле, а все три ветви его рода «имели прародителями знатные и почитаемые семьи, которые носили гербы и щиты <...> купили добрые и богатые земли». Однако удостовериться в древности происхождения фамилии Питти не представляется возможным, поскольку автор сам признается в том, что наиболее старинные документы их рода были распроданы неким Чоре, «который злонамеренно восхотел, чтобы не осталось <...> никаких бумаг из тех, что были

[47] *Salvemini G.* La dignità cavalleresca. P. 118—120. Гаэтано Сальвемини приводил множество случаев производства пополанов, даже членов младших цехов в рыцари за верность гвельфской партии, за военные подвиги, за успехи на дипломатическом поприще, при избрании на административный пост за пределами города Флоренции.

в его руках <...>»[48], поэтому Бонсиньоре-крестоносец — фигура, скорее, полумифическая, если не полностью вымышленная. В ранних документах (начиная с XI в.), свидетельствующих о знатных фамилиях, которые приводил Э. Фаини, члены рода Питти не фигурировали.

Не обошлось без палладина и в родословной пополанской фамилии Ручеллаи, у истоков которой обнаруживается фигура некоего Ферро-*Templario* — рыцаря-храмовника и придворного императора Фридриха I, якобы, назначившего Ферро викарием в Тоскане, где он и стал прародителем рода Ручеллаи (Оричеллаи). Луиджи Пассерини (1816—1877), известный составитель генеалогий флорентийских фамилий, высказал обоснованные сомнения в том, что происхождение семьи Ручеллаи от отважного крестоносца и имперского викария — родовой миф. Но в нашем случае он важен, поскольку также является свидетельством о стремлении возвысить и облагородить безвестные или темные истоки рода. Возможно, этот миф был связан с одним из представителей рода, которого Л. Пассерини считал подлинной фигурой, хотя точные даты его жизни неизвестны. Это купец, часто ездивший по торговым делам в земли Леванта, который привез оттуда некую траву Оричеллу: настоянная на моче, она позволяла окрашивать сукна в необыкновенный фиолетовый цвет, что положило начало быстрому возрастанию богатств фамилии Ручеллаи, само имя которой произошло от названия этой травы[49]. Трудно определить подлинность и данной истории, возможно, также относящейся к разряду семейных легенд.

Безродные, хотя и обогатившиеся к середине XV в. Риккарди, потомки немецкого портного, в незапамятные времена поселившегося во Флоренции, фальсифицировали во второй половине XV в. семейные архивы, чтобы доказать, что их родоначальником был знатный немецкий рыцарь и кондотьер[50]. Лоренцо ди Филиппо Строцци, в конце 30—начале 40-х гг. XVI в. составивший биографии представителей своего пополанского дома, указывал, что с древности «племя Строцци считалось знатным по своему величию, было очень известно и вело происхождение от одного нобиля и знаменитого кавалера, выходца из древнего рода Аркадии. В его гербе была изображена луна, и, сражаясь, он могучей рукой сдавливал и душил (*strozzare*) своих врагов. Именно по этому признаку этруски дали новое имя его роду: так фамилия Строцци получила свое прозва-

[48] *Питти Б.* Хроника. С. 5, 7—8.

[49] *Passerini L.* Genealogia e storia della famiglia Rucellai. Firenze. P. 1—3. Достоверность этого Аламанно Оричеллаи, торговца сукном и предпринимателя, члена цеха Лана, как наиболее раннего представителя фамилии, Пассерини доказывал рядом документов, относящихся к 1261—1263 гг. Секрет красителя долгое время передавался в семье от отца к сыну. См.: Ibid. P. 5—6.

[50] *Malanima P.* I Riccardi di Firenze.

ние». Он утверждал, что Строцци находились среди тех древних семей, которые встречали и сопровождали Карла Великого на пути из Рима во Флоренцию. Правда, Лоренцо был вынужден признать — для столь давнего времени он не находил никаких документальных подтверждений, касающихся Строцци, но успокаивал себя тем, что они были утрачены в течение веков. Самые ранние документы, по его признанию, относились к началу XIV в.; они содержали описание обряда инвеституры флорентийских епископов, при которой Строцци были удостоены чести держать седло и другую упряжь для торжественного въезда епископа в город. По мнению биографа, это свидетельствовало о том, что Строцци наверняка владели каким-то крупным церковным бенефицием: «Редко случалось, чтобы дурным людям низкого звания оказывалась такая честь»[51]. В хрониках Джованни Виллани и Рикордано Малиспини фамилия Строцци не названа в числе других домов нобильско-консульской знати, о древних анналах и текстах речей, упомянутых Лоренцо Строцци, не известно ничего достоверного, поэтому, скорее всего, родословная, начавшаяся от этрусков, не более чем родовой миф, если не прямой вымысел автора. Легенда о происхождении от этрусков, возможно, обусловлена культурно-идеологической установкой, сформировавшейся в XV в., начиная с сочинений Леонардо Бруни. В ней утверждался тезис о том, что флорентийцы являлись наследниками не только древних римлян, но, прежде всего, этрусков, древних тосканцев, еще до римлян обладающих свободными городами-государствами[52].

Сложность исследования процесса возвышения флорентийского рода от полной безвестности до высокой степени его значимости в коммунальном обществе часто затруднена тем, что исследователь вынужден иметь дело с вторичной интерпретацией, поскольку уже с XV в. в городе распространялась «мода» на конструкции генеалогий. Конструкторами могли выступать члены семьи, бравшие на себя труд составления семейных книг или жизнеописаний наиболее выдающихся родственников, позже, может быть, к концу XV в., но применительно к XVI в. — уже определенно — истории рода стали заказывать профессиональным составителям генеалогий. Важно отметить, что в воспроизведении фамильной истории использовались часто повторяющиеся элементы, общие для всех блоки, из которых выстраивалась история семьи. К этим блокам можно отнести до-

[51] *Strozzi L.* Le vite degli uomini della casa Strozzi. P. 5—7. В доказательство столь давних истоков рода он ссылается на древний источник — хронику Лотто Фьезоланского (возможно, первая половина XIII в.), который упоминал обо всех знатных и древних семьях с начала основания Флоренции, а также на похоронную речь, произнесенную в древности над телом Тито Веспасиано Строцци, которая затем была переложена в стихах «знаменитым нашим поэтом» мессером Эрколе Строцци.

[52] *Cipriani G.* Il mito etrusco nel Rinascimento fiorentino. Firenze, 1980. P. 5—13.

казательство древности рода, его несомненной знатности — признаки облагораживания истоков, а также образ героического предка.

Итак, думается, можно утверждать, что родовая идентичность консортерии — большой семьи, традиции которой сохранялись в итальянских городах коммунах и в период Позднего Средневековья, — выражалась в тяге к составлению родословных и генеалогий фамилии. Консортерия, местом формирования и обитания которой изначально являлись замки и городские укрепленные башни, являлась, прежде всего, атрибутом нобильских семейств, хотя распространялась и на пополанские слои, быстро продвигающиеся по пути экономической и социально-политической эскалации. Одним из проявлений синтеза нобильских и пополанских установок в городской среде становилось стремление к облагораживанию истоков рода, к отнесению его начала во времена древних этрусков, римлян, ранних поколений германской знати. Тенденции к созданию родовых мифов и образов героических предков были свойственны и представителям пополанских фамилий.

Почти все семейные книги демонстрировали процесс последовательного и упорного обзаведения «родовыми» земельными владениями, ядром которых обычно становилось местечко в контадо, откуда они на самом деле происходили. Хозяйственная практика собирания земель в определенном месте часто предшествовала составлению мемориев и просто служила исходным пунктом для обозначения начала родословной. Земельные владения за пределами города, закрепленные за фамилией, позволяли обосновать древность рода, становясь почвой для облагораживания его истоков. Обзаведение укрепленным замком или башней и крупной земельной собственностью за пределами города — акт, очевидно, приобретающий особое значение в сознании флорентийских граждан, и начинающий их ко многому обязывать.

Представители пополанских семейств избирали военные карьеры. Богатые Кастеллани располагали достаточными средствами на соответствующие формы репрезентации, а члены этого рода возымели после обзаведения замками и землями амбиции к иному образу жизни, поскольку среди сыновей и внуков Ванни ди сер Лотто появились военачальники[53]

[53] Diario di anonimo fiorentino. 28. P. 77; *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. P. 29 —30. Ванни ди Микеле Кастеллани, внук Ванни ди сер Лотто, в ноябре 1387 г. был назначен капитаном кавалерии коммуны (Diario di anonimo fiorentino. 20. P. 57), имея под началом 200 конных рыцарей, и успешно сражался против отряда Джованни д' Аццо дельи Убальдини. В период начала войны с Джан Галеаццо Висконти он был назначен комиссаром флорентийских войск. В 1406 г. Маттео Кастеллани стал комиссаром всего флорентийского фронта, расположенного вокруг Пизы (*Ciappelli G.* Una famiglia. P. 31). Он и его брат Ванни назначались комиссарами флорентийских войск в особо опасных военных ситуациях. См.: Ibid. P. 38.

и блестящие рыцари[54], которых назначали знаменосцами во всех самых торжественных процессиях. Когда в январе 1382 г. стали возвращаться изгнанные в 1378 г. функционеры гвельфской партии, то в ознаменование начала нового режима они произвели в рыцари «всех гвельфов и добрых граждан», список которых открывали два представителя семьи Кастеллани — Микеле ди Ванни ди сер Лотто[55] и его сын Ванни ди мессер Микеле Кастеллани[56]. Автор анонимного *Diario* сообщал о многочисленной вооруженной консортерии Кастеллани[57]. Анонимные хронисты, которые писали спустя около полвека после покупки замка, в 80—90-е гг. уже помещали Кастеллани в ряду знатнейших флорентийских фамилий[58].

По мере того как партия становилась мощной организацией представители знатного рода Кастеллани, из которого происходили при-

[54] *Ciappelli G.* Una famiglia. P. 21—22, 28. К таковым можно отнести Лотто ди Ванни, сына Ванни ди сер Лотто, которого в 1364 г. произвели в рыцари за боевые заслуги в войне с Пизой 1362—1364 гг. В последней четверти XIV—начале XV в. внуки Ванни ди сер Лотто «были привержены идее рыцарского войска, играющего в первую очередь церемониальную роль», что требовало значительных расходов на вооружение и убранство рыцарей. Они стояли во главе рыцарских отрядов горожан, участвующих в пышных празднествах 80—90-х гг. XIV в. См.: Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). 21. P. 62; 65. P. 136.

[55] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 730. C. 329. В рубриках, касающихся начала 70-х гг. XIV в., Стефани относил его «к двум выдающимся гражданам секты Альбицци». Дом его был сожжен в июле 1378 г. восставшими чомпи. См.: Ibid. Rubr. 795. P. 322.

[56] Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). P. 19. В феврале того же года Ванни ди Микеле Кастеллани было доверено носить во главе процессий знамя партии гвельфов (Ibid. 5. P. 28) и знамя Справедливости (Ibid. 10. P. 28).

[57] Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). P. 161. В 1393 г., когда во Флоренции опасались заговора со стороны Альберти, стали формироваться вооруженные отряды внутренней милиции из горожан, но главным образом, жителей контадо, и тогда, как писал анонимный диарист, «пришло много вооруженных людей от Кастеллани, т.е. от всей фамилии». См. также: *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. P. 30.

[58] Diario dello Squittinatore. P. 81. Он указывал на выдающуюся роль Ванни ди Микеле ди Ванни Кастеллани (внук Ванни ди Лотто) в войне за взятие Ареццо в 1384 г. Он был назначен коммуной капитаном войны и сумел удержать крепости в контадо Ареццо (Diario d' anonimo fiorentino. 1382—1401. P. 19—20, 28, 35—36, 50, 54—55, 57—58, 61—62, 71—72, 76—77, 160, 175—176). Анонимный автор называл Кастеллани первыми в списке среди достойнейших кавалеров, которых еще раз произвели в рыцари в январе 1382 г., когда у власти оказались сторонники изгнанных архигвельфов, в частности, аноним указал Микеле ди Ванни ди сер Лотто и его сына Ванни ди мессер Микеле, упомянутого будущего капитана войны. В конце 1387 г. Ванни еще раз избрали на эту же должность, его дважды избирали на высший пост — Гонфалоньера справедливости — в 1366 и 1372 гг., его родственник Лотто ди Ванни в то же самое время был избран и несколько раз переизбран в коллегию «10 Войны», он вел переговоры о передаче Ареццо Флоренции. Этих же двух представителей рода выбирали в наиболее престижные посольства. Их сыновья постоянно возглавляли отряды флорентийской молодежи в джострах.

знанные полководцы, занимали в ней высшие военные должности: Микеле ди Кастеллани стал гонфалоньером партии, но особенно прославился на этом поприще его сын Ванни ди Микеле Кастеллани[59]. Сыновья Микеле Кастеллани стояли во главе войск при праздновании захвата Ареццо в конце 1384 г. В 1386 г. Кастеллани составили одну их трех вооруженных бригад, назначенных участвовать в торжествах по случаю коронации Карло Неаполитанского на венгерский престол. В 1392 г. они блистали кавалерийским мастерством на предпасхальных джострах[60].

В глазах граждан Флоренции второй половины XIV в. Форезе Сальвиати являлся самым достойным рыцарем и благородным кавалером: именно ему было предоставлено почетное право обелить и очистить запятнанное чомпи рыцарское звание в сентябре 1378, вновь произведя в рыцари тех, которые принимали в июле золотые шпоры из рук «тощего» народа. Андреа Сальвиати был настолько уважаем, что в 1378 г. он уже состоял членом коллегии «8 Войны», отличающимся такой активностью, что в 1376 г. удостоился производства в рыцари[61]. Один из видных представителей этой фамилии Якопо Сальвиати, о котором говорилось выше, был назначен капитаном флорентийского войска, осаждающего Пизу в 1405 г.,[62] а в 1406 г. был повышен до чина Генерального капитана, имея под командованием все войска. Еще большую славу, стоя во главе 2500 солдат, Якопо стяжал в 1404 г., одержав убедительную победу над Убертини и Баньи, последними феодальными синьорами и грандами флорентийского контадо, и по этому случаю был произведен в рыцари в ходе пышной и блестящей церемонии. В 1409—1410 гг. его назначили комиссаром флорентийского войска, выдвинутого против Неаполитанского короля Владислава[63].

Рассмотренные тенденции давали основания некоторым исследователям, например, А. Тененти, заявлять, что с середины XV в. усили-

[59] *Sestan E.* Il Comune nel Trecento // Il Trecento. P. 24—25; *Guidi G.* Gli istituti. P. 112; О роли Кастеллани в партии гвельфов см.: *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. P. 26—28; Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani. Rubr. 795. P. 321—322.

[60] Об участии Ванни ди Микеле в войне за захват Ареццо см.: Diario di anonimo fiorentino (1382—1401). P. 57—58; *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. P. 28—30.

[61] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 795. С. 323—324 — второй раз он был произведен в рыцари восставшими чомпи в июле 1378 г., видимо, под принуждением, как и его родственник Форезе Сальвиати. См.: *Hurtubis P.* Une famille-temoin. Les Salviati. P. 33—35.

[62] «Капитаном в лагере флорентийцев был Якопо Сальвиати» // Nofri di ser Piero delle Riformagioni. Cronaca // *Corazzini G.O.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887. P. 28. Из этой хроники известно, что он заботился о метательных и осадных приспособлениях. См.: Ibid. P. 42—43.

[63] *Hurtubis P.* Op. cit. P. 40. Успехи в военной карьере имел и его сын Аламанно ди Якопо, которого также назначали комиссаром войск в Лукке, но его обвиняли в злоупотреблениях и растрате средств из коммунальной казны. См.: Ibid. P. 43.

валась тяга патрицианских купеческих фамилий к подражанию феодальным синьорам[64]. Учитывая определенную правоту этого мнения, нельзя, однако, забывать о живучести и в XV в. дискурсов о порочности грандов[65]. Матрица «враг знатных людей» и «противник грандов» часто оказывалась беспроигрышной предпосылкой успешной политической карьеры во Флорентийской коммуне[66].

Характеризуя вышеописанные социальные процессы, стоит говорить о явлениях глубокой взаимной диффузии ментальных установок грандов и ценностей, присущих пополанскому социуму. Адаптируясь к миру пополанской коммуны, нобили были вынуждены трансформировать собственное сознание, отвечая на вызовы новых экономических реалий, часто побуждающих заняться производством тканей, торговлей, банковским или нотариальным делом.

Представители пополанских фамилий столь же часто обозначали процесс своего социального возвышения в формах, воспринимаемых из арсенала феодально-рыцарского уклада и традиционного опыта нобильско-консульской знати Флоренции. В городской реальности все это сплеталось в причудливую ткань, развертывающуюся в бесконечном множестве вариантов, среди которых потомки старой знати воспринимали поведенческие практики и образ жизни «доброго купца», а с другой стороны, выходцы из пополанских фамилий, приобретающие земли в контадо и укрепленные замки, обзаводились рыцарскими гербами, избирая для себя поприща полководцев и придумывая для своей фамилии фантастические родословные.

---

[64] *Tenenti A.* Credenze, ideologie, libertinismi tra medioevo ed Etá moderna // Bologna, 1978; *Sapori A.* Studi di storia economica. P. 525—528.

[65] В частности, историк Джованни Кавальканти вкладывал эти высказывания в уста наиболее авторитетных граждан города (Мариотто Бальдовинетти, Федериго Малавольти), заключая в их содержание формулы и стереотипы, употребляемые в речах на советах и во властных коллегиях. «Гранды унаследовали не отцовские добродетели, а отцовские пороки, достойные суровых наказаний. Они в древности имели постыдную славу, и в настоящем горды и завистливы» // *Cavalcanti G.* Istorie fiorentine. T. I. P. 545—549.

[66] Ibid. T. I. P. 524—526, 545—549.

Глава VII

Выдающиеся граждане в коммунальном социуме

§ 1. За что ценили дипломатов во Флоренции?

Выше были рассмотрены тенденции к аннобли́рованию, складывающиеся внутри Флоренции, но следует обратить внимание и на результаты импульсов, поступающих извне, которые являлись следствием контактов горожан за пределами своей коммуны. Почти все видные и образованные флорентийцы являлись «ораторами», т.е. дипломатами, которым поручались внешнеполитические миссии разной степени ответственности и значимости. В них они завязывали связи с монархами, могущественными властителями, папским двором. Дипломатические поручения возлагались на горожан, выезжающих в филиалы своих семейных компаний, рассеянных по разным странам Европы и за ее пределами, поэтому почти всегда они совмещались с торгово-банковскими функциями. Эти контакты часто попадали в поле зрения современников, по их поводу высказывались соответствующие мнения, которые было бы уместно рассмотреть в плане восприимчивости к иным нравам и образу жизни, склонности к социальной мобильности, перемене собственного статуса и той общественной ниши, которую по рождению и положению они должны были бы традиционно занимать.

Первая канцелярская реформа во Флоренции, предписывающая определенные способы хранения книг, содержащих регистрацию дипломатических комиссий, и писем, отправленных и полученных послами, была проведена только в 1431 г. канцлером Леонардо Бруни и нотариусом Филиппо Перуцци. До этого подобная документация часто хранилась дома у тех, кто выступал на внешнеполитическом поприще, а отчеты об исполнении миссий попадали в семейные книги[1]. Занимая в них немало страниц,

[1] Типичным источником в этом отношении является дневник авторитетного политика Палла ди Нофри Строцци, содержащий по сути дела отчет о деятельности коллегии «10 Войны», которая руководила всем, что относилось к ведению войны с миланским герцогом Филиппо Мария Висконти. Мессер Палла не только описывал свои дипломатичесие миссии, но и приводил копии официальных писем и договоров. См.: *Palla di Nofri Strozzi.* Diario // Archivio Storico Italiano. 1883. Vol. XI; 1883. Vol. XII; 1884. Vol. XIII; 1884. Vol. XIV.

они становились неотъемлемым «органом» «политического тела семьи»[2]. Эта культурная практика являлась показателем высокой оценки дипломатической деятельности, составляющей предмет законной гордости как самого флорентийского «оратора», так и его потомков, поэтому частные регистры имеют абсолютную документальную ценность. Семейные книги предполагали вполне определенного адресата — сыновей, внуков и представителей последующих поколений, и автор, как правило, стремился представить себя перед потомками в наиболее выгодном свете, повествуя о главной гражданской добродетели — служении своей коммуне.

Но там находили место и другие настроения, определяемые иной шкалой ценностей, присущей сфере особых культурно-этических качеств и политических заслуг. Ее ключевыми понятиями будут являться «почет» (*rispetto*), «доблесть» (*virtu*), «величие» (*grandezza*), содержащие коннотации, складывающиеся внутри городского республиканского социума. Достижения на дипломатическом поприще высоко оценивались в обществе, принося высокую репутацию (*fama*) и повышая социально-политический престиж, предоставляя послу возможность остаться на страницах исторических хроник и в памяти потомков. Но дипломатическая деятельность не только возбуждала законную гордость и тешила тщеславие, доставляемая ею «честь» могла обернуться некоторыми материальными выгодами. Донато Веллути, жалуясь на убытки в торговле и банковских делах, связанные с потерей времени, затраченного на дипломатические поручения, отмечал: «Почести Коммуны были полезны мне, поскольку именно по этой причине я стал "Мудрым"[3] и почти все время пребывал в синдиках (советниках — *И.К.*) у Барди, Перуцци, Аччайуоли, Бонаккорси и многих других. И они хорошо платили мне за это, а кроме того, "Мудрые" получали тогда много хорошо оплачиваемых должностей в Коммуне»[4]. Донато не мог скрыть своего удовлетворения, за которое он благодарил Бога,

---

[2] В данном случае мы используем терминологию, предложенную итальянскими филологами А. Чиккетти и Р. Морденти, современными исследователями семейных книг Италии. См.: *Mordenti R.* Les livres de famille en Italie // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. 2004. № 4. P. 799—800.

[3] Т.е. платным консультантом Коммуны на пожизненный срок.

[4] *Velluti D.* La cronica domestica. P. 190. «Мудрые» заседали в особой коллегии — *Pratica*, необходимость которой обуславливалась тем, что флорентийский режим основывался на частой смене и ротации должностных лиц, и длительных мораториях на повторное занятие должности, что отстраняло от правления наиболее квалифицированных администраторов. Особенно повысилась роль Пратики во второй половине XIV в., когда она превратилась в постоянную структуру власти, на ее заседаниях стал председательствовать Гонфалоньер справедливости, для обсуждения и выработки законопроекта в нее стали вводиться профессиональные юристы. «Мудрые» рассаживались на скамьях по картьерам. Каждую проблему они сначала обсуждали на скамье между собой, затем выдвигали докладчика, который формулировал готовое мнение — *Guidi G.* Gli istituti "Di Dentro", che componevano il governo di Firenze nel 1415. P. 111.

поскольку пожизненное звание «Мудрого» избавляло его от беспрестанных тревог, которыми были снедаемы флорентийские граждане по поводу включения в списки для избрания и жеребьевки, предоставляющих доступ к должностям, обсуждения кандидатур в Синьории и возможных отводов, бьющих по честолюбию и репутации.

Несмотря на все сложности и опасности, какие дипломатическая служба доставляла Бонаккорсо Питти (1354—1430), она наполняла его гордостью и тщеславием, позволяя на равных разговаривать с иностранными правителями, обманывать их в интригах, демонстрировать им собственное превосходство, быть причастным к самым важным событиям европейского масштаба[5]. Бонаккорсо ощущал особый психологический комфорт, когда властители и монархи испытывали в нем потребность. Это наполняло его чувством собственной значимости: «Через некоторое время королева послала за мной и поручила мне, чтобы я воздействовал на Флорентийскую Коммуну, а та бы отправила своих послов к королю Франции для заключения лиги против герцога Миланского (Филиппо Мария Висконти)». Питти сосредоточен на блеске и великолепии своих миссий, которые полностью позволяли ему реализовать комплекс тщеславия и собственного превосходства. В 1400 г. Бонаккорсо был послан к только что избранному императору Рупрехту Баварскому (1400—1410) с целью добиться с ним союза против Джан Галеаццо Висконти[6].

Пребывая при дворе императора, он с упоением описывал оказываемую флорентийским послам честь: благосклонность Его Величества, прекрасный дом, отведенный им под резиденцию, роскошные обеды. Но в центре повествования находились его персональные заслуги: он приписывал себе спасение императора от возможного покушения, пребывание на равных в кругу самых знатных вельмож, что позволяло Питти чувствовать себя главной пружиной важнейших дел европейской политики. Гордость и преувеличенное самомнение сквозят в описании его попыток покровительствовать императору Рупрехту, предостерегая его против злодейств герцога Миланского: «И впредь он остерегался <...> и, между прочим, из-за подозрения, которое я вну-

[5] *Питти Б.* Хроника. С. 73—74. Он с великим чувством собственного превосходства, даже некоторым самолюбованием описывал, как в 1396 г. демонстрировал французскому двору свою образованность и знание латыни, взявшись переводить текст договора с Флорентийской республикой с латинского языка на французский, заметив, что «король совсем не понимал грамматики, как и ни один из герцогов за исключением герцога Орлеанского, который стоял на стороне герцога Миланского <...>, а канцлер и прелаты, хорошо знавшие латынь, переводили королю не совсем точно».

[6] Там же. С. 69—70. 1400—1402 — самый опасный для Флоренции, последний период войны с Миланом.

шил ему <...>»[7]. Полностью себе Питти приписывал заслугу разоблачения миланского шпиона, которым, якобы, являлся придворный медик императора. Поиски необходимых для сбора войска сумм Питти представлял как дело спасения императорской чести, о котором венценосец просил его «чуть ли не со слезами на глазах». Передавая речи монарха, к нему обращенные, Б. Питти пересыпал их оборотами: «Ты мне окажешь большую услугу <...>», «Проси у меня что хочешь <...>, и будет тебе сделано»[8]. Здесь очень ярко выражен любимый Бонаккорсо контекст, сопровождающий его общение с монархами: их зависимость от него, нужда в его услугах, уме, образованности и бдительности. В этом контексте постоянно употреблялось местоимение «Я», посредством которого себе одному автор приписывал все заслуги посольства, игнорируя вклад других посланников коммуны. Длительное и тесное общение с королями и императором повышало социальную самооценку и личное достоинство, наполняя горожанина гордостью и тщеславием.

Эта тенденция заметна и в биографиях, составленных Лоренцо ди Филиппо Строцци: Паццино ди мессер Франческо Строцци был известен своими миссиями при папском дворе Григория XI и произведен понтификом в сенаторы с помещением герба Строцци в Палаццо Капитолия[9]. Но жизнеописания выдающихся сограждан выходили не только из-под пера родственников и потомков. Со второй половины XIV в. горожане Флоренции стремились воздать честь достойным с их точки зрения соотечественникам. Так, например, Лука делла Роббиа, по всей вероятности, известный скульптор первой четверти XV в., составил жизнеописания своего современника, именитого и уважаемого гражданина Бартоломео Валори, прославляя его дипломатические заслуги в отношениях с королем Владиславом Неаполитанским (1386—1414), папским двором и миланским герцогом. При Неаполитанском дворе, где Бартоломео долго служил, по приказу королевы он был объявлен «дворянином трона», получив древний и самый почетный титул среди апулийской знати. Он был связан дружескими узами с Бальдассаре Косса[10], который, «став папой, очень ценил нашего мессера Валори и советовался с ним во всех важных случаях»[11]. Биограф Веспасиано да Бистиччи был склонен подчеркивать близость флорентийских послов

[7] Там же. С. 86—88.

[8] Там же. С. 89—92.

[9] *Strozzi L.* Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi / A cura di De Salvatore Landi. Firenze, 1892. P. 16.

[10] Антипапа Иоанн XXIII (1410—1415) умер в 1419 г. во Флоренции.

[11] *Luca della Robbia.* Vita di messer di Bartolommeo di Niccolo di Taldo di Valore Rustichelli // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. Vol. IV. P. 244—245, 260—263. Биограф писал, что император Рупрехт также высоко ценил Бартоломео, заплатив 2000 скуди, чтобы освободить флорентийца из плена у союзников герцога Висконти. Требуемую сумму монарх собрал за счет военных трофеев.

к венценосцам, проявляющуюся в дипломатической сфере. Он отмечал, например, что замечательные качества Аньоло Пандольфини[12] были по достоинству оценены многими монархами, которые «хорошо знали мессера Аньоло и очень ему доверяли»[13]. В частности, в судьбе этого флорентица принимал участие германский император Руперт Виттельсбахский[14].

Дипломатическая служба позволяла флорентийским посланникам устанавливать прочные связи с суверенами различного ранга — от королей и императоров до мелких феодальных властителей. «Дружба» флорентийцев, многие из которых были незнатного происхождения, с сильными мира сего расценивалась среди сограждан как важный признак повышения социального статуса, но встречала двойственные оценки в высказываниях современников и соотечественников[15]. Показательным примером в этом отношении являются мнения, сосредоточившиеся вокруг фигуры выдающегося дипломата Пьеро Пацци. Решающим этапом в его карьере которого стало участие в посольстве к французскому королю Людовику XI в 1461 г.,[16] который изволил посвятить его в рыцари в своих покоях[17]. Пьеро де Пацци, как уже говорилось, «имел великую дружбу с герцогом Джованни Анжуйским[18].

Сравнивая нарративы, в которых горожане свидетельствовали о своей дипломатической службе, необходимо выделить две особенности. Во-первых, истинная цель поручений, в чем бы она не заключалась, не то чтобы не отражалась в описаниях, но уходила на второй план. Часто из текстов оставался неясным конкретный результат миссии, которая в большей части случаев оказывалась промежуточной, являясь лишь одним из этапов в длинной серии переговоров и соглашений, на разных фазах передаваемых другим лицам. Во-вторых, в оценках авторов семейных книг, хроник и жизнеописаний прославлялся в первую очередь не столько достигнутый результат, сколько особая поведенческая практика

[12] *Краснова И.А.* Пандольфини // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. II. Кн. 1. С. 469—470.

[13] *Bisticci V.* Vita di Agnolo Pandolfini // *Bisticci V.* Vite degli uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859. P. 534. Биограф подчеркивал гордость Пандольфини тем, что венецианским послам не оказывали таких знаков внимания, как флорентийским ораторам, «и они пребывали в великой зависти, страдая по причине того, что великий Герцог не хочет оказать должного уважения к правительству Венеции и почтения к ним самим».

[14] *Luca della Robbia.* Op. cit. P. 244—245, 260—263.

[15] О дуализме в восприятии указанного феномена, о котором очень много писали флорентийцы см.: *Краснова И.А.* Флорентийцы у монарших престолов и «неблагодарное отечество» // Власть, индивид, общество в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 360—380.

[16] *Cecchi N.* Il viaggio ambasciatori fiorentini al re di Francia nel MCCCCLXI. P. 7—47.

[17] Ibid. P. 26—27; *Bisticci V.* Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi. P. 366.

[18] *Bisticci V.* Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi. P. 369—371.

послов, которую можно определить как «кураж» — вызывающее до дерзости поведение перед светскими и духовными владыками.

В 1376 г. перед республикой встала необходимость заключения мира с римским престолом вследствие неурожая, продовольственного кризиса и распада антипапской лиги тосканских городов, которую Флоренции ранее удалось создать. К папскому двору было отправлено посольство в составе именитых и авторитетных граждан Донато Барбадори и Гвидо дель Антелла, которые должны были склонить Григория XI к заключению мира, если не на почетных, то хотя бы на приемлемых для коммуны условиях.

Послам пришлось отвечать на вполне обоснованное обвинение понтифика в том, что гвельфская республика восстала на естественного союзника — папский престол. Отстаивая позиции своего города, флорентийские посланцы прибегли к софистическому казусу, заявляя, что Флоренция в первую очередь является «подданной Священной Римской империи», и поэтому не может признать юрисдикцию папской курии, граждане — «миряне», и «посему подчинены императорской власти». Высказывание отличалось не только дерзкой наглостью, но также и нелепостью, учитывая последовательно декларируемые коммуной уже более столетия гвельфские позиции. Потрясенный Григорий XI употребил в ответ «сильные выражения», называя аргументы послов «фривольными и глупыми», а флорентицев — «нечестивыми сынами погибели», «врагами Матери Церкви и христианской республики». Не возражая папе, Донато Барбадори, который и произносил вышеприведенную речь, предпринял символический жест: пал на колени, читая псалмы и призывая Христа и апостолов в свидетели невиновности Флоренции[19]. Миссия, естественно, завершилась полным провалом, и перспектива заключения мира отдалилась для изнемогающей от тягот войны Флоренции на неопределенное время.

Отклики соотечественников, в этом случае хронистов и анонимных авторов дневников, содержали оценки, выражающие решительное одобрение послов за смелость и стойкость, проявленные перед папским двором. Удивление вызывает тот факт, что современники не обращали внимания на то, что миссия Барбадори и дель Антелла не достигла успеха. Один из анонимов с удовлетворением констатировал официальную позицию флорентийского правительства: «Сегодня, 22 и 23 октября 1377 г., победило при голосовании в Совете Народа и в Совете Коммуны реше-

[19] *Peterson D.S.* The War of the Eight Saints in Florentine Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence / Ed. by W.J. Connell. Berkeley;Los Angeles;London. 2002. P. 191—192. Этот автор имел в виду, что Флоренция, действительно, получала формальное подтверждение своих привилегий от императоров, в частности, от Карла IV в 1369 г., и платила ежегодный ценз в 4 000 флоринов, по словам Петерсона, «своего рода идеологический и политический страховой полис».

ние о том, что мессеру Донато Барбадори будут даны определенные отличия: 50 флоринов золотом и право носить оружие в течение всей жизни[20]. Другой соотечественник — хронист Маркьонне ди Коппо Стефани ди Бонайути — представлял Барбадори своего рода эпическим героем: «Мессер Донато — человек свободный, очень мудрый и полезный Коммуне <...> Был гражданином честным и отважным, и в каждом посольстве вершил для Коммуны большие дела у великих синьоров и тиранов. Отстаивая Коммуну в процессе, возбужденном против нее папой Григорием XI, он ораторствовал возвышенно и непринужденно. Известно, что он доставил папе немало неприятностей, не называя его "Святым Отцом", но обращаясь к нему "мессер" и крича: "Берегитесь, как бы ваши близкие и клиенты не начали бы склонять вас к несправедливым сентенциям <...> и, ради Бога, не изрекайте таких неправедных заявлений, как те, что вы уже изрекли!". И проделал он это столь бесстрашно и свободно, что все присутствующие удивились, а папа был поражен этими словами и тем, что мессер Донато столь дерзок. Он же заявлял, что на смерть пойти готов, но не смолчит, когда выносится несправедливое решение против Коммуны Флоренции <...> он оправдывал Коммуну и осуждал Папу за его жестокий и противный совести суд»[21]. Аноним и Стефани оценивали не результаты дипломатической работы посла, но его храбрость и патриотизм в словесной битве с папой, не проявляя ни малейшего интереса к извращенной парадоксальности сути его аргументов.

Именно за заслуги в дипломатической деятельности Донато Барбадори, казненный в декабре 1379 г. как участник заговора архигвельфов против правления младших цехов, стал воплощать образ «жертвы тирании» «Первой хроники Анонима», который являлся политическим противником режима младших цехов 1378—1382 гг., осудившего Донато на смерть[22]. Но и хронист Стефани явно выразил такую же позицию в аннотации, представляющей «плач» по поводу казни Донато Барбадори, несмотря на то, что тот состоял в стане его политических врагов-архигвельфов. Хронист считал смертный приговор Барбадори

[20] Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389. P. 341.

[21] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 827. P. 352; Rubr. 836. p. 360.

[22] Cronaca prima d'Anonimo // Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie / Ed. G. Scaramella // Rerum Italicarum Scriptores. Firenze, 1903—1913. T. XVIII. P. 89. Аноним был убежден в том, что Донато Барбадори пострадал невинно: «23 декабря на стене Палаццо Капитана народа благодаря действиям Томмазо ди Марко дельи Строцци и мессера Джорджо дельи Скали, которые управляли государством с бандой разбойников, ему отрубили голову», при этом он подчеркивал, что капитан народа, не находя явной вины арестованного, долго не хотел выносить смертный приговор, но Джорджо Скали и Томмазо Строцци «с таким бешенством выступали против [промедления], что насильно вынудили его вынести смертный приговор».

«несправедливостью»[23], за которую он разделял ответственность, поскольку входил в состав приоров, занимающихся расследованием заговора и утверждением приговора о смертной казни Барбадори[24].

Действительно, в жизнеописаниях выдающихся дипломатов иногда поражает восхваление воинствующей дерзости, с какой послы Флорентийской республики выражали достоинство и силу своего маленького города-государства перед коронованными особами. В начале XV в. Бартоломео Валори отказал Владиславу Неаполитанскому в заключении лиги с Флоренцией. В ответ на угрозы короля захватить город он гордо ответил, «не помедлив и не выказав страха перед королем»: «Коммуна Флоренция побеждала во всех войнах, которые она вела, она найдет силы и теперь защитить свою святую свободу от многих императоров и тиранов <...>». Владислав в возмущении впал в ярость и начал кричать, что Флоренция не найдет наемных отрядов, поскольку он купил всех кондотьеров. На что мессер Валори самоуверенно заявил: «Горожане атакуют короля своими собственными силами, если он вздумает пойти на них»[25]. Это заявление также выглядело таким нелепым и безрассудным, что биограф вынужден был привести пространные толкования, объясняя, что имел в виду флорентийский посол: «Коммуна Флоренция столь могущественна, а горожане столь рассудительны и доблестны, что переплатят наемным войскам своими деньгами, неустанно заботясь об общем благе». Обычай городских ополчений к этому времени давно ушел в прошлое, и Лука делла Роббиа даже предположить не мог, что флорентийцы сами возьмут оружие в руки[26]. Здесь вновь постулируется исследуемый стереотип оценки, когда внимание автора уделяется эпизоду, который никак не способствовал успеху миссии Бартоломео Валори. Очевидно, за явно демонстрируемым комплексом превосходства стояло осознание могущества и богатства их республики, которое становилось средством воздействия при столкновении с монархами и властителями.

---

[23] *Stefani M.* Cronaca. rubr. 827. P. 352; rubr. 836. P. 360. Он писал, что флорентийский народ после казни Барбадори «стал соглашаться с тем, что следовало бы избавить от Экзекутора мессера Донато». В качестве героя и жертвы политического режима Донато Барбадори представлял и историк следующего поколения Джованни ди Симоне Кавальканти. См.: *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 117—118.

[24] *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 823. P. 348.

[25] *Luca della Robbia.* Vita di messer di Bartolommeo Valore. P. 254—255.

[26] Ibid. Валори был преисполнен не меньшего достоинства, доходящего до дерзости, при дворе миланского герцога Филиппо Мария Висконти, который выдерживал его в карантине: «Скажите вашему герцогу, что флорентийский оратор прибыл не для того, чтобы заразить его, а для того чтобы добиться отрадного мира. И если герцог столь мало ценит мир, предлагаемый ему флорентийскими синьорами, то он вскоре узнает, сможет ли он наслаждаться своим положением в то время, когда наша республика его не боится, а в доказательство она немедленно начнет первые приготовления к войне, в которой Флоренция по справедливости надеется получить покровительство небес и в конце концов победу». См.: Ibid. P. 271—272 .

Примерами таких же героев наполнен трактат Джованни Кавальканти[27]. Он фиксировал внимание на жестах, демонстрирующих гордость и достоинство посла Гвидо дель Паладжо (ум. в 1399 г.), «именитого гражданина не очень высокого происхождения, но украшенного блестящими доблестями». Дерзко отвечая на вызовы со стороны придворных герцога Висконти, «Гвидо быстро поднялся со своего сидения, положил руку на меч, выхватил его из ножен и громко воскликнул: «Этот меч — поручитель и того, что мы требуем, и того, что мы предлагаем!». Кавальканти называл данный жест «весьма достойным ответом»[28].

Веспасиано да Бистиччи, характеризуя деяния Аньоло Пандольфини на дипломатическом поприще, в частности, его миссию при дворе правителя Милана Франческо Сфорца, считал главным достоинством флорентийского посланника бесстрашие при высказывании своего мнения, даже если оно расходилось с желанием самого герцога и единодушными решениями его советников: «Стоял мессер Аньоло твердо, подтверждал свое мнение многими доводами; <...> он понимал, что действует во благо короля Фердинанда и для общего блага своего города»[29].

Таким образом, биографы и хронисты удостаивали высокой оценки, прежде всего, те высказывания и вербальные формулы посла, в которых выражались бесстрашие и гордость своей республикой, часто доходящие до безрассудной дерзости с риском полного провала важной внешнеполитической миссии. Демонстрация уверенности в силе и могуществе своего государства, проявляемая в формах, зачастую граничащих с наглостью, оттесняла на второй план достижение конкретной цели переговоров.

---

[27] *Cavalcanti G.* Il Trattatto politico-morale. P. 194—195.Он повествовал о выходце из очень знатного флорентийского рода Пино делла Тоза (ум. ок. 1337 г.), «человеке очень маленького роста, но смелом и великом духом». Синьору Вероны Мастино делла Скала, к которому он был отправлен с дипломатической миссией (возможно, 1335 г.), он «показался ничтожным внешне». В ответ на унижения и оскорбления мессер Пино достойно ответил синьору и вернулся во Флоренцию, убедив, по мнению автора, Синьорию «в необходимости сокрушить синьоров дома делла Скала». Джованни Виллани, в целом, подтверждал оценку Кавальканти, считая, что Пино несправедливо посмертно осудили за измену республике: «Большинство граждан порицало этот приговор, потому что мессер Пино был достойнейшим и самым доблестным кавалером Флоренции, как никто преданным гвельфской партии, народу и коммуне, хотя он и затевал многие большие предприятия, чтобы выдвинуться еще выше». См.: *Виллани Дж.* Новая хроника. XI. 39. С. 350—351. В другом месте автор порицал коммуну за необоснованные конфискации имущества грандов у сыновей Пино и Симоне делла Тоза. См.: Там же. XII. 44. С. 434—435.

[28] *Cavalcanti G.* Il Trattatto politico-morale. P. 198—199. О Гвидо дель Паладжо (*Brucker G.* Florentine Politics and Society 1343—1378. P. 118—119). Брукер характеризует его как политика, обладающего тонкой проницательностью и добившегося успеха, избежав каких-либо фракционных пристратий.

[29] *Bisticci V.* Vita di Agnolo Pandolfini. P. 296.

Можно утверждать, что город-государство влиял на создание новых идентичностей, особенно заметных при столкновении с монархами, папским двором, феодальными сюзеренами и могущественными властителями за его пределами, перед лицом которых граждане Флоренции, будь то гранды или пополаны, ощущали себя неким целым, единым «мы» в противостоянии или диалоге с чуждыми, а иногда и явно враждебными силами — «они». В этих случаях «республиканский дух» в связи с позицией «флорентинизма» часто давал о себе знать комплексом превосходства над сильными мира сего, не напрасно в городе на Арно очень ценилась, как выдающееся качество флорентийских послов, особая дерзость перед властителями, не позволяющая спасовать даже перед самыми могущественными королями, императорами и даже главой христианского мира. В этом случае граждане Флоренции утверждали себя в качестве неотъемлемой части и полномочных представителей флорентийского сообщества и государства, что вовсе не исключало желания получить из рук королей или императоров рыцарские шпоры, гербы, другие почести и знаки отличия.

Постулируемый в исследуемых нарративах этический комплекс определял поведенческие практики и подобие «ритуальных жестов», выражающих воинствующее отстаивание могущества и достоинства маленького города-государства даже вопреки успеху миссии, что служило средством внушения уважения к свободной коммуне с республиканскими формами правления. Доблесть посла измерялась его красноречием в демонстрации отважной дерзости. Менее однозначно оценивалось «величие» послов, проявляющееся в близости и личной дружбе с венценосными персонами — качество, с одной стороны, полезное и необходимое для ведения внешней политики, а с другой, — настороженно воспринимаемое в социуме с относительно широкими традициями народовластия и выборного коллегиального управления.

Тем не менее, граждане города на Арно служили монархам, властителям и другим сильным мира сего: именно на этом поприще достигли высокого положения два выдающихся флорентийца, вызывавших пристальный интерес своих соотечественников.

§ 2. Граждане Флоренции у монарших престолов: Никколо дельи Аччайуоли и Филиппо Сколари

Метаморфозы социального-политического положения некоторых выдающихся сограждан потрясали воображение современников в XIV—XV вв. Истинным архетипом превращения простолюдина-пополана в знатного властителя, «делателя королей», в глазах сограждан стал Никколо дельи

Аччайуоли (1310? —1365), образ которого вызвал пристальное внимание двух хронистов — Маттео и Филиппо Виллани[30]. Интерес к фигуре великого сенешала Апулийского королевства не иссяк и в следующем столетии: известный гуманист Маттео Пальмиери написал его пространную биографию[31]; немало страниц посвятил этой личности историк первой половины XV в. Джованни Кавальканти в своем морально-политическом трактате. Вторым прославляемым соотечественником стал Филиппо Сколари (Пиппо Спано[32], ум. в 1426 г.), оставив заметный след не только в суждениях современников, но и в исторической памяти потомков.

Судьбы двух великих флорентийцев имели определенное сходство. Но обращает на себя внимание и подобие конструирования образов, отражающее противоречивые установки восприятия этих замечательных людей их соотечественниками.

Никколо дельи Аччайуоли[33] родился в Монте Гуфоне в Валь ди Пеза, местечке, расположенном близ Флоренции, в пополанской семье Аччайуоло

[30] *Villani M.* Cronaca. T. II. 3. IX. P. 17—20.

[31] *Palmieri M.* Vita di Niccola Acciaioli Gran Siniscalco del Regno di Sicilia e di Gerusalemme. Descritta da Matteo Palmieri Cittadino Fiorentino e fatta volgare di m. Donato Acciaioli // *Giovamdattista di Lorenzo Ubaldini.* Storia della casa de gli Ubaldini, Vitae de fatti d'alcuni di quella Famiglia. Firenze, MDLXXXVIII. P. 139—170.

[32] Пиппо — уменьшительное имя от Филиппо, широко распространенное в Италии; Спано — от венгерского *Gespann* — титул, который в Италии определяли как «граф».

[33] Биографические сведения о Николо дельи Аччайуоли (*Sapori A.* Acciaioli // Enciclopedia italiana. Milano;Roma, 1929. Vol. I; *Tanfani L.* Niccolo Acciaiuoli. Firenze, 1863; *Della Berardenga C.U.* Gli Acciaioli di Firenze nella luce dei loro tempi (1160—1834). P. 155—167; *Stefani M.* Cronaca. P. 58—59, 61—63, 65, 68—69; 75, 77, 88; *Tarassi M.* Il regime guelfo P. 150). Фамилия Аччайуоли (возможно, от слова *acciaio* — сталь, поскольку они занимались торговлей металлом и оружием) происходила из Бергамо в Ломбардии. Один из ее представителей Гвильярелло переселился во Флоренцию в начале XII в. Его потомки были зарегистрированы как налогоплательщики в картьере Санта Мария Новелла, в гонфалоне «Змея». Аччайуоли принадлежали к гвельфской партии, в начале XIV в. — к черным гвельфам. Члены этого рода традиционно состояли в цехе торговцев сукном (Калимала), но также и в цехе Пор Санта Мария (изготовители шелка). В конце XIII в. Леоне ди Риккоманно учредил семейную торгово-банковскую компанию и быстро нажил состояние. С этого же времени представители фамилии стали играть видную роль и в политике республики: с 1282 по 1341 гг. семья дала 28 приоров и 7 Гонфалоньеров справедливости. В первой половине XIV в. Аччайуоли основали филиалы семейной компании в главных центрах мировой торговли: Авиньоне, Париже, Брюгге, Лондоне, а также в Тунисе, но особенно активно действовали они на юге Италии. Аччайуоло дельи Аччайуоли, отец Никколо, установил прочные связи с Анжуйским королевским домом. Он стал главным советником и банкиром Неаполитанского короля, управляющим некоторыми его поместьями, получив значительные льготы и привилегии. Аччайуоли, находящиеся в тесной связи с компаниями Барди и Перуцци, финансировали войну, которую вел с Францией английский король Эдуард II. Вместе с указанными компаниями они испытывали приближение банкротства в 1345 г. Их поддержали папа и влиятельные прелаты, поскольку к этому времени они финансировали также и церковь.

дельи Аччайуоли (возможно, незаконного происхождения) и Гульельмины де Пацци. Аччайуоло активно подвизался на политическом поприще, занимая престижные должности, но еще более успешно занимался торговлей и банковским делом в Апулийском королевстве. Джованни Боккаччо, посланный отцом по торговым делам в Неаполь, вспоминал, что Никколо, с которым он дружил во Флоренции, вскоре также прибыл туда (1331 г.) «в сопровождении лишь одного слуги», как и сам Боккаччо. Через короткое время Никколо поступил на службу к невестке короля Роберта Анжуйского, Екатерине де Валуа-Куртэне, принцессе де Таранто, и отправился по ее поручению отстаивать права принадлежащих ей феодов в Греции. Успешно выполнив свою миссию, он заявлял в письме к своему отцу: «Сердце побуждает меня к великим делам»[34], а позже писал своему другу Никколо Содерини во Флоренцию: «Легче мне будет потерять власть, чем утратить свою славу и репутацию в глазах людей»[35]. Джованни Боккаччо уподоблял его Улиссу и Энею за деяния в Греции. При дворе Екатерины Никколо Аччайуоли принимал участие в воспитании ее сына Луиджи (Лодовико), которого опекал до конца жизни. У Филиппо Виллани есть намек на то, что Никколо принудил своего питомца Луиджи жениться на королеве Джованне I после убийства ее первого супруга Андреаса Венгерского[36]. Из сравнения «Жизнеописания» Филиппо Виллани (1325—1407?) и биографии Аччайуоли, составленной гуманистом Маттео Пальмиери (1406—1475), можно предположить, что Пальмиери скорее стремился создать апологию великого флорентийца, нежели воспроизвести достоверное описание его деяний[37]. Пальмиери вплоть до эпизода женитьбы Луиджи на королеве, следовал тексту Ф. Виллани, но в этом случае он лишь заметил, что королева настаивала на получении папского согласия, ибо находилась с будущим супругом в кровном родстве. Разрешения на брак добился Никколо у Клемента VI[38]. Биограф явно стремился очистить свое произведение даже от намеков на какие-либо неблаговидные подробности жизни Аччайуоли.

Когда Людовик де Таранто был коронован (1352 г.), он провозгласил своего наставника великим сенешалом королевства и предоставил ему граф-

[34] Lettera del 8 ottobre 1338 // Il Carteggio Acciaioli della biblioteca Medicea Laurenziana di Firenze. Roma, 1996. 5 (I, 87).

[35] Lettera del 30 marzo 1362 // Il Carteggio... 152 (I, 173)

[36] «...Никколо убедил ее выйти замуж за Луиджи, сына императрицы. И королева согласилась, а он (Луиджи) хотя по робости души не противился, тем не менее, постоянно упирался, словно бы его тащили за руку, и Никколо пришлось чуть ли не силой отвести его в супружескую постель» // *Villani F.* Le vite d' uomini illustri fiorentini scritte de Filippo Villani colle annotazioni del conte Giammaria Mazzuchelli. Firenze, 1826. P. 452.

[37] Подобное мнение высказывает и Е. Валери. См.: *Valeri E.* Palmieri, Matteo // Dizionario Biografico degli Italiani. 2014. Vol. 80.

[38] *Palmieri M.* Vita di Niccola Acciaioli. P. 147.

ский титул. Никколо Аччайуоли получил столько владений, что стал одним из самых богатых и могущественных синьоров Неаполитанского королевства. По мнению хрониста Маттео Виллани, «<...> благодаря удачным советам <...>, кротости и милосердию мессера Никкола <...> сильно возросло с самого начала процветание фортуны этого синьора [Людовика де Таранто] <...>, благодаря постоянству человека, умевшего быстро превратить горести в радости, а суровость фортуны в мягкость и ласковость»[39]. Маттео Пальмиери замечал, что «<...> все должности и вся администрация переходили в руки Аччайуоли, управлявшего Королевством»[40].

Представляя великого соотечественника образцом доблести, Маттео Виллани подчеркивал пополанское происхождение Никколо Аччайуоли: «Представляется достойным делом и обязанностью нашего трактата <...> воздать должное памяти прославленного молвой Никколо дельи Аччайуоли, который <...> сначала был представителем компании Аччайуоли, горожанином-пополаном из Флоренции, но имел дух более рыцарский, нежели купеческий»[41]. Его сын Филиппо Виллани повторял мнение отца в биографии, посвященной Никколо Аччайуоли: «Николо <...>, из знатной пополанской и купеческой семьи Аччайуоли, принадлежал к рыцарскому сословию, но обладал духом высоким и поистине королевским, и по величию дел, им очень удачно и с большим разумением содеянных, достоин памяти. В наше время он очень возвеличен молвой <...> Никколо Аччайуоли в начале своей молодости занимался в городе Неаполе <...> не дурными делами, но доброй торговлей <...>, учился извлекать великую прибыль, но не стал следовать этому делу. И случилось это лишь потому, что он всегда в глубине души тянулся к великим деяниям»[42]. Оба хрониста отмечали «рыцарский» и даже «королевский» дух знаменитого соотвечественника-пополана. Этому мнению следовал позже и Джованни Кавальканти, который приписывал великому сенешалу Неаполитанского королевства качества, отмеченные «истинным благородством, достойным знатного человека», которых, по его мнению,

[39] *Villani M.* Cronaca. T. II. 3. IX. P. 17—20. Даже по описываемым Маттео Виллани коллизиям видно, что «кротость и милосердие» больше похожи на изощренную хитрость. Хронист восхищался кротостью своего героя, который умиротворил выпущенного из тюрьмы агрессивного, безрассудного и скандального принца Роберта, старшего брата короля Людовика. Ему по совету мессера Никколо предоставили пышный, но пустой титул императора Константинопольского, но с такой помпой и льстивыми речами, что он остался доволен хотя бы на первое время.

[40] *Palmieri M.* Vita di Niccola Acciaioli. P. 156.

[41] *Villani M.* Cronaca. T. II. 3. IX. P. 17—20. Биографические сведения о Николо дельи Аччайуоли см.: *Sapori A.* Acciaioli // Enciclopedia italiana. Milano;Roma, 1929. Vol. I; *Tanfani L.* Niccolo Acciaiuoli. Firenze, 1863. P. 17—48.

[42] Vite d' illustri fiorentini di Filippo Villani // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste, 1858.

были лишены флорентийские толстосумы, представители «жирного» пополанства[43], хотя к ним изначально относились Аччайуоли. Маттео Пальмиери явно стремился сгладить противоречие между «почти королевским величием» выдающихся представителей дома Аччайуоли и их желанием «всегда быть на равных с гражданами Флоренции», создавая образ совершенного царедворца и одновременно идеального члена коммунального общества в лице своего персонажа[44]. По обоснованному мнению некоторых исследователей, поведение Никколо Аччайуоли чаще всего определялось прагматическими соображениями[45].

При неаполитанском дворе Никколо, действительно, смог удовлетворить свои рыцарские амбиции, во всяком случае, он увлеченно играл в куртуазные игры, распространенные в придворном обиходе. По его инициативе в годовщину коронации Людовика де Таранто (1353 г.) был основан новый рыцарский орден. Видимо, Аччайуоли принял активное участие в разработке по французским образцам устава, названного «Золотая книга», для вновь созданного «ордена Святого Духа». Ритуалы, отраженные в уставе, отличались вычурной изысканностью и роскошью: например, членам ордена предписывалось богато украшать праздничное платье драгоценными камнями, из которых составлялись девизы, часто менять костюмы. Сам текст устава включал легенды о чудесах и волшебстве, был пронизан духом таинственности не без налета мистики[46].

Мессер Николо затратил много усилий, чтобы в 1354 г. вернуть в состав Неаполитанского королевства значительную часть острова Си-

[43] *Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale. P. 186—187, 213. Джованни Кавальканти писал: «Никколо по его доблести был сделан великим сенешалем королями Апулии, и его имя славилось выше других». Но «родилась зависть к его великой власти», приведшая к тому, что некий рыцарь из рода Караччоли «столь опьянился смертельной враждой к Никколо, что ударил его ножом в бок так, что врачи посчитали его мертвым». Преступник был схвачен и приговорен королевой Джованной к смертной казни, поскольку она была уверена, что удар предназначался ей (дело происходило, по мнению Кавальканти, во время аудиенции у королевы). Но Аччайуоли простил злоумышленника и умолял Ее Величество о помиловании. Кавальканти полагал, что сдержанность, великодушие и милосердие побудили канцлера просить о прощении человека, покушавшегося на его жизнь: «тем больше проявляя мягкости, чем большей могла бы быть его месть». Кавальканти в этом случае ошибался: Сенешала ранили не во время беседы с королевой Джованной, а с ее супругом Луиджи де Таранто. См.: *Della Berardenga C.U.* Gli Acciaioli. P. 193. Рана была незначительной, великодушие просчитанным. Возможно, Джованни Кавальканти для придания выразительности повествованию стремился сгустить трагизм ситуации.

[44] *Palmieri M.* Vita di Niccola Acciaioli. P. 144. У Пальмиери содержится лишь краткая ремарка об этом событии.

[45] *Léonard É.* Les Angevins de Naples. P., 1954. P. 361—362; *Grendler M.* The "Trattato". P. 187.

[46] *Léonard É.* Les Angevins de Naples. P. 368—371.

цилия (Мессина была захвачена в 1356 г.), который не принадлежал монархам Анжуйского дома на протяжении 75 лет. Аччайуоли представлял себя основателем рыцарского ордена и отважным воином, но он действительно являлся талантливым дипломатом, не только устроившим дела своего монарха, но и вложившим определенную лепту в воссоздание Папского государства.

Филиппо Сколари принадлежал к очень древнему и знатному феодальному клану, ответвившемуся от рода Буондельмонти[47]. Энрико Фаини относил этот род к самым старым фамилиям контадо, которые составляли клиентелу и свиту епископа Флоренции и входили в число консульской знати[48]. Судя по сохранившимся документам, Сколари были связаны с Флоренцией с конца XII в., участвуя в коммунальной милиции. Однако контакты этой фамилии с городом носили отрывочный характер[49]. Как многие фамилии, слабо подвергшиеся процессам урбанизации и оставшиеся преимущественно сельской знатью, Сколари имели гибеллинскую ориентацию, оказавшись в 1258 г. в списке объявленных мятежниками гибеллинов[50]. После окончательного падения гибеллинского режима (1267 г.) фамилия быстро пришла в упадок; разоренные конфискациями, они оказались неспособными адаптироваться к активным и прибыльным формам предпринимательства. В 1295 г. «Установлениями справедливости» они были объявлены грандами вместе с другими крупными родами гибеллинской знати[51]. По-

[47] *Mellini D.* Vita di Filippo Scolari, volgamente chiamato Pippo Spano. Scritta di Domenico Mellini. Fiorenza, 1570. P. 12.

[48] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 180. В 1092 г. Раньери да Монтебуони Сколари, от которого пошли два рода флорентийской знати — Буондельмонти и Сколари, клялся уважать права епископата на некоторые принадлежащие ему замки. Э. Фаини указывал, что «только Буондельмонти и Сколари могли соперничать с силой Убальдини, являющимися автономными синьорами территорий в округе Флоренции». Между 1180 и 1192 гг. Сколари встречались в числе консулов — тогдашних правителей города, войдя в состав консульской городской знати (Ibid. P. 342). На древность рода указывал и С. Раведжи. См.: *Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 36—37.

[49] *Faini E.* Firenze nell'età romanica (1000—1211). P. 207—208, 216, 331, 354.

[50] *Raveggi S.* Il regime ghibellino. C. 29, 31—32, 34—35. Опираясь на данные хрониста Джованни Виллани, в точности которых С. Раведжи не сомневался, он указывал, что в 1251 г. они находились среди тех фамилий, которые заключили гибеллинский пакт с Сиеной, Пизой и Пистойей против пополанского правительства Флоренции. В период гибеллинского правления (1260—1267) Сколари заседали в коммунальных советах, дав 5 советников.

[51] По списку 1295 г., который приводится в хронике Стринати, Сколари объявлялись грандами (См.: *Strinati Neri di Alfieri*, Cronichetta. P. 62; *Raveggi S.* Il regime ghibellino... P. 27, 36—37, 40—41, 63—64). С. Раведжи отмечал, что большая часть гибеллинских фамилий может рассматриваться как земельные собственники и рантье, утверждающие образ жизни древней коммунальной аристократии.

сле переворота 1301 г. Сколари в числе других 55-и фамилий гибеллинов и белых гвельфов были высланы из Флоренции[52]. Таким образом верифицируются сведения хронистов и биографов о том, что консортерия Сколари являлась древнейшей и знатной во флорентийском государстве, а ее представители подвизались в свитах королей Франции, Сицилии, Испании. В начале XIV в. эта фамилия пришла в упадок, исключающий какие-либо шансы возрождения во Флоренции рода, принадлежащего к исконно гибеллинской элите.

Биографы Филиппо Сколари также стремились подчеркнуть, что высоты положения при дворе венгерского короля Жигмонда (1367—1437), он же германский император Сигизмунд (1411—1437), их герой достиг собственными усилиями, начав с нуля. Авторы жизнеописаний даже не могли указать точно, где именно он родился[53]. Однако ранние флорентийские биографы[54] единодушны в том, что мать Филиппо была вынуждена отдать своего 13—15-летнего сына в качестве младшего фактора[55] неким купцам (точная дата неизвестна, предположительно, 1378 г.), направлявшимся в германские земли. Мальчик прислуживал им даже без жалованья, только за стол и платье[56]. Сопровождая своих патронов, юный Филиппо оказался при дворе Деметрия, архиепископа Эстергомского.

Важным конструктом образов Никколо и Филиппо являются черты «доброго купца», с которых начиналась головокружительная карьера этих придворных и полководцев[57]. Анонимный биограф начала XV в.

---

[52] *Compagni D.* Cronica. II. 25. P. 118—119. Об этом же писала Д. Медичи. См.: *Medici D.* I primi dieci anni del priorato. P. 207.

[53] Анонимный хронист утверждал, что Филиппо Сколари родился «на вилле Антелла, поскольку его отец и мать были очень бедны». Якопо ди Поджо Браччолини, составлявший биографию позже, заявлял, что на вилле Тиццано, что подтверждается завещанием Маттео Сколари, брата Филиппо. См.: *Bracciolini P.* Vita di Filippo Scolari, cittadino fiorentino, per sopranome chiamato Spano, composta e fatta di Jacopo di messer Poggio edi latino in fiorentina tradotta da Bastiano Fortini / A cura di F. Polidori // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 163.

[54] Первой биографией Филиппо Сколари стал труд его современника, неизвестного флорентийского автора. См.: La vita di meser Philippo Scolari / A cura di F. Polidori // Archivio Storico Italiano. 1843. T. IV. Вторым биографом стал сын гуманиста Поджо Браччолини, казненный за участие в заговоре Пацци.

[55] Младший служащий в торговой конторе или банке.

[56] *Bracciolini P.* Vita di Filippo Scolari. P. 171. Другая версия, возможно, лишь дополняющая первую, свидетельствует, что Филиппо Сколари в возрасте 13 лет поступил учеником к купцу Лука дель Пеккиа, который взял его с собой в Венгрию. Эта версия высказана биографом XVI в. Д. Меллини, см.: *Mellini D.* Vita di Filippo Scolari. P. 14. Ей следовал Дуччо Балестраччи: *Balestracci D.* Le armi, i cavalla, l' oro. P. 48.

[57] Д. Меллини даже привел панегирик в честь торговли, способствующей любой карьере. «Таков был обычай того времени и обыкновения наших нобилей с детства приучаться к занятиям торговлей, всегда ценимой нашими предками бла-

привел весьма знаменательный анекдот о том, как Сколари, юному ученику купцов, получившему начальное образование во Флоренции, поэтому знающему бухгалтерию, довелось наблюдать муки епископа[58], «которому надо было подсчитать доходы и издержки, чтобы доискаться до причин ошибок своих управляющих. Но он имел затруднения в подведении баланса и немало конфузился от незнания счета». Подросток, «видя такое незнание, начал посмеиваться про себя, не смея, однако, насмехаться открыто», что заметил и епископ, который, в конце концов, предложил юноше заняться бухгалтерией. И не мог сдержать своего удивления тем, как быстро и ловко подвел баланс Филиппо, «прекрасно умевший считать, как то у нас в обычае», а затем, якобы, упросил купцов оставить мальчика при его дворе в качестве управляющего[59]. Как бы то ни было, из боттеги флорентийских купцов Филиппо перешел на службу к хранителю сокровищ короля[60], затем ему было доверено управление Соляными палатами[61], а потом должность инспектора золотых рудников[62].

Следующий важный «блок» конструирования жизнеописаний флорентийскими авторами — стремление представить героя самой первой и важной персоной, «гвоздем», на котором висит королевское величие его монарха. Анонимный автор биографии писал, что «король день ото

годаря ее величайшей пользе, которой они обязательно достигали, равно как и наш город, все время получавший прибыль <...> Благодаря этому и Коммуна и отдельные граждане могли украшать город и контадо великолепными зданиями и вкладывать средства в крупные производства (*fabriche*), которые и сейчас еще можно видеть. Благодаря торговле во многих опасных войнах <...> они могли защититься от врагов, одерживая почти невероятные победы» // *Mellini D.* Vita di Filippo Scolari. P. 14.

[58] Неизвестно точно, о каком епископе идет речь, происходил указанный эпизод уже в Венгрии или еще в Италии, в Триесте. Сведения биографов разноречивы.

[59] La vita di messer Philippo Scholari. P. 152. Этот эпизод имеется и в биографии, составленной Якопо ди Поджо Браччолини, который утверждал, что именно при дворе этого епископа на Филиппо Сколари обратил внимание один из приближенных Сигизмунда, и юноша вскоре оказался при королевском дворе, где и сделал блестящую карьеру (*Bracciolini P.* La vita di messer Philippo Scholari. P. 171—172). Меллини писал, что у купца Пеккиа ловкого юношу приметил главный королевский казначей: «Он увидел, что юнец был большим знатоком арифметики и бухгалтерии, искусным в счетах, разрезал драпы с большой ловкостью, был очень внимателен в отношении качества каждого товара, действовал с чрезвычайной быстротой», и убедил купца Луку Пеккиа отпустить Филиппо к себе на службу (*Mellini D.* Vita di Filippo Scolari. P. 15), а затем им заинтересовался король Жигмонт, встретив его при дворе епископа Эстергомского, куда Филиппо приехал по делам казначейства. Якобы, он сумел быстро подсчитать издержки на содержание 12-и тысячного войска, которое задумал собрать король для охраны границ от турок (Ibid. P. 16).

[60] *Balestracci D.* Le armi, i cavalla, l' oro. P. 48.

[61] *Контлер Л.* История Венгрии: Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.

[62] *Balestracci D.* Le armi, i cavalla, l' oro. P. 48.

дня все более доверял Филиппо и все более его возвышал, невзирая на зависть и козни баронов». В этом есть лишь некоторая доля истины. Действительно, Филиппо Сколари деятельно участвовал в раскрытии и подавлении заговора баронов в Буде против короля Сигизмунда[63]. В числе других военачальников в 1403 г. Сколари сражался за Жигмонда против восставших баронов и призванных ими войск короля Владислава Неаполитанского; в результате, возможно, по инициативе Филиппо Сколари были приговорены к смертной казни 30 представителей знатных фамилий Венгрии, хотя Ф. Полидори считал это число преувеличенным[64]. Доменико Меллини, автор апологетической биографии Сколари, утверждал, что зверскую расправу над некоторыми заговорщиками произвели «богемцы», сопровождавшие короля, возвращавшегося из заточения в Буду, тогда как Филиппо, напротив, выполнял миротворческую миссию, умоляя Жигмонда простить изменников[65]. Флорентиец входил в число избранных советников короля Жигмонда, удостаиваясь соответствующих отличий, например, чести сопровождать императора на Констанцский собор (1415 г.) и ассистировать ему там[66]. Соотечественники Сколари во Флоренции «не замечали», что Филиппо был далеко не единственным иноземцем, возвысившимся при дворе Жигмонда, который старался избавиться от влияния венгерской знати и поэтому искал опоры в лице чужеземных администраторов, которым он предоставлял высокие государственные посты[67].

Повышение социального статуса Филиппо Сколари в чужом государстве было отмечено теми же чертами, что и путь наверх Никколо Аччайуоли, за исключением женитьбы. Сколари взял в жены не флорентийку, как полагалось по традиции, но знатную венгерскую графиню Барбару ди Озора, которая принесла ему в приданое богатые вла-

[63] *Контлер Л.* История Венгрии. С. 131. Первый мятеж против Жигмонда под руководством Лацкфи бароны подняли в 1397 г., в 1401 г. они арестовали короля и потребовали убрать всех иностранных советников, затем снова восстали в 1403 г.

[64] *Polidori F.* Avvertimento // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. Vol. IV. P. 121.

[65] «Филиппо начал как бы сам с собой вслух размышлять (в присутствии короля), насколько необходимо для славы монарха прощение врагов, сколь высока будет его репутация от этого замирения вооруженной клики баронов, сколько достоинства в том, чтобы простить врагов, которые пришли его умолять о прощении, мире и милосердии, как полезно для внутреннего согласия в стране будет успокоить мятежные души, впавшие в полное отчаяние <...>, каковые снова могут вызвать гражданскую войну» // *Mellini D.* Vita di Filippo Scolari. P. 28—29. Благодаря, якобы, заступничеству Сколари король даровал прощение мятежным баронам.

[66] *Sagredo A.* Nota apologetica // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. Vol. IV. P. 136.

[67] *Контлер Л.* История Венгрии. С. 130. Польскому рыцарю Штибору он предоставил должность воеводы Трансильвании, Циллеи из Штирии сделал графом Загори, Эберхарда из Германии — епископом Загреба и канцлером.

дения и титулы, в частности, титул графа провинции Озоры, а затем, когда провинция была переименована и реформирована, чин геспанна (*Gespann*) или ишпана Темешоарского (*Temesvar*), который давался капитану одной из 5-и провинций (дистриктов) как главе военного ополчения[68]. Сколари также имел возможность приобщиться к рыцарскому образу жизни, поскольку в 1408 г. стал кавалером рыцарского «Ордена Дракона», учрежденного Жигмондом, куда входили король, королева и 22 рыцаря из числа приближенных ко двору лиц[69]. Как и Никколо Аччайуоли, Филиппо получал в награду от короля замки, феоды, право юрисдикции над городами и провинциями: в 1408 г. он получил должность губернатора Боснии[70].

Как и сенешала Неаполитанского королевства, Пиппо Спано позиционировали как великого воина. Анонимный биограф, который ссылался на рассказы флорентийского рыцаря Лоренцо Буондельмонти, соратника Сколари, утверждал, что Спано называли «кесарем» и «Велисарием» за то, что «без всякого страха и с воодушевлениям нападал он на турок, так что они испытывали величайший ужас при его имени»[71]. Итальянский эрудит и биограф второй половины XVI в. Д. Меллини писал — Пиппо Спано прославляли за победы над турками в кампаниях 1423, 1425, 1426 гг., сравнивая его с Ганнибалом и Митридатом[72]. Хронист Джованни ди Якопо Морелли писал о «Пиппо де Фьоренца» (Филиппо Сколари), который был назначен императором Сигизмундом Генеральным капитаном, имея под началом 20000 всадников[73]. Разумеется, в этих восхвалениях обоих героев присутствовал заметный элемент идеализации. Для города на Арно соотечественник — великий полководец — являлся редкой фигурой: невоинственность флорентийцев в Италии почти вошла в поговорку.

Между тем, если обратиться к жизнеописанию М. Пальмиери, то на первый план выступали скорее организаторские и административные заслуги Аччайуоли, нежели проявления его полководческого таланта. Стремясь

---

[68] *Sagredo A.* Nota apologetica. P. 129—130. Контлер писал, что этот титул был очень важен для короля, поскольку провинция Темеш имела важное военно-стратегическое значение. См.: *Контлер Л.* История Венгрии. С. 139.

[69] *Контлер Л.* История Венгрии. С. 132.

[70] *Balestracci D.* Le armi, i cavalla, l' oro. P. 88.

[71] La vita di messer Philippo Scholari. P. 152—162. В 1408 г. флорентийский полководец также возглавлял конные отряды в военных действиях против Боснии, затем против Венецианской республики (1411—1413). (*Canestrini G.* Discorso sopra alcune relazioni della Republica Fiorentina col Re d' Ungheria e con Filippo Scolari // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 185—213).

[72] *Mellini D.* Vita di Filippo Scolari. P. 50—54.

[73] *Moregli Giovanni di Jacopo.* Ricordi fatte in Firenze Giovanni di Iacopo Moregli, ciptadino di quella // Delizie degli Eruditi toscani. Firenze, 1785. Vol. XIX. P. 103—104.

возвратить Джованну I и Людовика ди Таранто в Апулию в 1348—1350 гг., после ее захвата войсками венгерского короля, он «собрал огромную сумму», «подготовил великую армаду», «шел по всему королевству, поднимая баронов, ободряя и воодушевляя друзей своего короля», «привлек на свою сторону Гвернерио (вражеского капитана), отдав ему своих сыновей в заложники»[74]. Биограф не указывает ни одного удачного штурма под руководством Аччайуоли: все крепости, если и брались, то путем долгих осад[75]. Вообще в описании военных действий кампании по отвоеванию территории королевства фигура Никколо как капитана войны отодвигается на второй план перед деяниями самого Людовика де Таранто, которым автор посвящает немало страниц[76]. В результате «Людовик Тарентино приобрел славу и силу»[77], не говоря уже об отвоеванном королевстве.

Реальные заслуги Сколари на военном поприще также выглядели куда скромнее, нежели под пером его соотечественников. С конца 80-х гг. XIV в. турки после побед на северо-востоке Балканского полуострова все активнее стали беспокоить южные границы Венгерского королевства. В 1390—1396 гг. Жигмонд постоянно организовывал по большей части неудачные военные кампании, возглавляя многонациональные отряды крестоносцев. После ослабления набегов на Венгрию в 1402—1420 гг. из-за поражений султана Баязида I, нанесенных войсками Тимура, турецкие нападения вновь возобновились[78]. Филиппо Сколари принимал непосредственное участие в военных действиях против турок, прежде всего, как Геспанн — глава ополчения.

Соотечественники особенно восхваляли Филиппо Сколари как главу всего венгерского войска в войне с республикой Венецией за территорию Истрии и Далмации (1411—1413). Хронист Джованни Кавальканти, будучи младшим современником Пиппо Спано, очень высоко оценивал его деяния в войне с Венецией и помещал Сколари среди четырех великих флорентийцев, представших ему в видении райского сада, в который могла бы превратиться Флоренция, если бы все граждане обладали их доблестью[79]. Живописец Андреа дель Кастаньо изобразил Пиппо

[74] *Palmieri M.* Vita di Niccola degli Acciaioli. P. 151.

[75] Ibid. P. 157. Крепость Аверсу, где укрылся вторгшийся в Неаполитанское королевство капитан удачи Фра Мориале, Аччайуоли с войском, получившим подкрепление, осаждал 2 месяца (P. 157).

[76] Ibid. P. 152—156.

[77] Ibid. P. 156.

[78] *Контлер Л.* История Венгрии. С. 129, 139—140. Победы Сигизмунда зависели не столько от натисков, штурмов и подвигов полководцев, сколько от перехода к более совершенной военной стратегии, которая основывалась на сочетании глубоко эшелонированной обороны с быстрыми наступательными маневрами отрядов легкой конницы.

[79] *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale. P. 181—182.

Спано среди наиболее знаменитых граждан — образцовых воителей — Фарината дельи Уберти, Никколо Аччайуоли, Пиппо Спано[80].

На самом деле войну с Венецией вряд ли следует считать успешной. Возможно, одной из причин того, что Генеральный капитан венгерского войска после первых побед вел пассивную тактику, стала его болезнь, о которой упоминал венецианский историк М. Санудо, утверждая, что, выздоровев, военачальник снова вернулся к армиям[81]. Приписывая Пиппо Спано черты идеального полководца, флорентийские биографы умалчивали о его крайней жестокости по отношению к своим врагам и соперникам. Современный итальянский историк Дуччо Балестраччи писал, что Филиппо Сколари в 1412 г. приказал истязать захваченных пленников и отрезать правую руку сорока вражеским арбалетчикам[82].

Биографии и посвящения содержали значительный элемент идеализации персонажей, создавая миф о великих флорентийцах, обладающих духом скорее воинским, нежели купеческим. При всей разнице жанров и стилей заметна еще одна деталь конструирования образов — приписывание героям атрибутов «рыцарского духа», дефицит которых, очевидно, был ощутим в коммунальном обществе Флоренции. Выдающихся соотечественников прославляли за храбрость и верность своему сюзерену вплоть до полного самопожертвования, за традиционные христианские добродетели того, кто управляет городами и монархиями. Это были топосы, кочующие из трактата в трактат, согласно тому, что было написано Брунетто Латини, Чекко д'Асколи, Ремиджо Джиролами, да и Джованни Кавальканти — правосудие, великодушие, милосердие, скромность и умеренность, проявляющиеся в миротворческой кротости[83].

---

[80] *Nemeth Papo G., Papo A.* Pippo Spano. Un erroe antiturco antesignano del Rinascimento. Mariano del Friuli, 2006.

[81] *Sagredo A.* Nota apologetica. P. 137—138. 140—141. Сагредо утверждал, что версию Санудо восприняли венецианский историк второй половины XVI в. Паоло Морозини и тревизанский историк Джованни Бонифаччо, который также отвергал факт предательства, хотя много писал о бедствиях тревизанцев и разорении территории Тревизо венгерскими войсками, а также тревизанский историк Джамбаттиста Верчи ди Бассано.

[82] *Balestracci D.* Le armi, i cavalla, l' oro. P. 55. Этот автор ссылался на хронику фриульского хрониста Андреа Редузио, который указывал, что при захвате одной из крепостей Сколари положил глаз на красивую девушку, но когда она ему оказала сопротивление, он дал ее изнасиловать ватаге своих солдат, после чего девушка от стыда покончила с собой.

[83] Элемент идеализации особенно заметен, когда речь заходит о полководческих талантах и военных подвигах этих флорентийцев. Войско Филиппо Сколари в войне с Венецианской республикой сражалось с переменным успехом, проявляя значительный интерес к грабежам крепостей и городов Террафермы. См.: *Sagredo A.* Nota apologetica. C. 137—138, 143—144.

Последующие историки не избежали этой тенденции. Доменико Меллини, как и ранее М. Пальмиери, создал полностью идеализированный образ Пиппо Спано, состоящий из одних превосходных качеств. Ф. Полидори — первый исследователь биографий, посвященных Филиппо Сколари — уверял, что он второй после Никколо Аччайуоли флорентийский гражданин, управляющий судьбами иностранного королевства[84]. Франко Кардини полагал, что флорентийскую славу и доблесть представляли собственно два персонажа, судьбы которых строилась на авантюрах и просматривалась через флорентийскую диаспору в Неаполитанском королевстве, создаваемую Никколо Аччайуоли, и в Венгрии — под покровительством Пиппо Спано. Кардини считал позитивный образ Сколари особенно важным для городской культуры, «поскольку прославлялся потомок гибеллинской ветви великого рода Буондельмонти, преданный императору Сигизмунду, сражающийся против неверных и являющийся великим меценатом»[85].

Действительно, элементы идеализации можно связать и с тем, что коммуне Флоренции было необходимо дипломатическое пособничество и личные связи ее сограждан, возвысившихся в иностранных государствах. Аччайуоли постоянно оказывал важные услуги коммуне, благоприятствуя процветанию флорентийской торговли в Неаполитанском королевстве к обоюдной выгоде сторон. В награду флорентийская республика указом от 17 мая 1364 г. полностью освободила его от обложений, пошлин, штрафов, конфискаций имущества и секвестров на территории города и контадо до конца жизни[86].

Когда Флоренции пришлось вести войну с миланским герцогом Филиппо Мария Висконти, то она очень нуждалась в помощи короля Сигизмунда. Почти во всех инструкциях и официальных документах, которыми коммуна вооружала своих послов, упоминался Филиппо Сколари, содействие которого было официально признано в республике на Арно. В одной из таких инструкций, главной целью которой являлось получение от Сигизмунда 20-тысячного войска, братья Филиппо и Лоренцо Сколари не именовались иначе как *Nostri dilectissimi cittadini* («Наши дражайшие граждане»), а полководец и советник венгерского короля упоминался исключительно как *Magnifico Spano* («Великолепный Спано): «Приветствуйте со всем рвением Великолепного Синьора Филиппо Сколари, графа Темешоарского, нашего почетного и дражайшего гражданина, как доброго сына нашей Синьории, обожаемого гражданина и поборника за свое отечество <...> постоянно склоняющего Его Величество в поль-

[84] *Polidori F.* Due vite di Philippo Scholari // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 119—127.

[85] *Cardini F.* Introduzione // Cavalieri e città nella società italica medievale. P. 24.

[86] *Tanfani L.* Niccola Acciaiuoli. P. 150—151.

зу нашего города, сограждан и купцов наших, благодарите и восхваляйте его за это <...> продемонстрируйте ему полную доверительность, которую мы к нему питаем <...> напомните о нашей великой преданности ему, как никому другому». Инструкция заканчивалась строжайшим предписанием найти и навестить Филиппо Сколари не позже чем через 4 дня после официального представления королю[87].

Оба царедворца идентифицировали себя с отечеством собственно, как почти все флорентийцы, вольно или невольно надолго оказавшиеся за пределами родного города. Свидетельством тому является основание первым советником Неаполитанского королевства картезианского монастыря «Чертоза» с великолепной родовой усыпальницей, украшенной скульптором Орканья, где были похоронены его старший сын и впоследствии он сам. Строительство велось более 30 лет, став любимым «хобби» Никколо Аччайуоли, который после своей кончины стремился навсегда вернуться во Флоренцию[88]. С купеческими установками родного города канцлера сближали оценки собственного имущественного положения. Даже в его переписке с родными и близкими друзьями практически не было речи о доходах, которые он получал со своих земельных владений, феодов, подвластных крепостей и городов, зато всячески драматизировались ситуации нехватки средств, балансирования на грани разорения, постоянно возникающих экстраординарных издержек. Например, в письме, содержащем самооправдание перед папским престолом, он уверял, негласно опровергая представителей неаполитанской знати, обвиняющих его в присвоении доходов чуть ли не со всего королевства и опустошении казны, что на службе у Их Величеств «стал не только бедным <...> но очень нуждающимся <...> приходилось перебиваться с зерна на траву»[89]. Этот узнаваемый лейтмотив сокрытия доходов был харак-

[87] Estratto dell' Istruzione data agli Ambasciadori fiorentini, inviati a Sigismondo imperatore e a Pippo Spano nell'ottobre del 1424 // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV. P. 226—227.

[88] *Palmieri M.* Vita di Niccola Acciaioli. P. 168. Гуманист Пальмиери прославлял своего героя за основание этого монастыря «на расстоянии 1,5 миль к югу от Флоренции по римской дороге», имея в виду не только акт благочестия, но, прежде всего, попытку создания образовательного центра. Аччайуоли оставлено было щедрое содержание для 3 магистров, 50 «школяров свободных искусств», а кроме того основатель «распорядился закупить много томов книг для всех факультетов, и составить библиотеку».

[89] Lettera dell' Nicchola Acciaiuoli ad Angelo di 26 dicembre 1364 // *Tanfani L.* Niccola Acciaiuoli. Firenze, 1863. P. 231. Темы грозящего разорения составляют содержание очень многих писем Аччайуоли: 25 (I, 125), 1352 // Il Carteggio Acciaioli della biblioteca Medicea Laurenziana di Firenze. Roma, 1996. 30 (I, 140), 1352, в котором сенешал упорно добивался возвращения долга от своего друга Пьеро Гвиччардини, жалуясь на бесконечные издержки, подрывающие семейный бюджет, на крайнюю расточительность своих невесток, которой сыновья не могут поло-

терен для всех купцов и деловых людей Флоренции, как и вечная тема о том, как уменьшить, скостить, вообще не платить налоги и займы в коммунальную казну, в равной степени интересующая и великого сенешала Неаполитанского королевства[90]. Повадки «доброго купца», воспитанного во Флоренции, несмотря на «рыцарский дух», заметны и в попытках Аччайуоли реализовать свои склонности к меценатству. Как придворный, он мечтал устроить при неаполитанском дворе новый Парнас, пригласив туда поэтов Франческо Петрарку, Франческо Нелли и Дзаноби да Страда[91]. Но отношения Никколо Аччайуоли и Франческо Петрарки складывались неровно, поскольку великий сенешал в соответствии с «духом купеческим» не упускал того, что можно было присвоить даже в мелочи. При обмене земельных участков по договору с Петраркой, в котором канцлер видел одну из главных фигур задуманного им «Парнаса», он забрал подере Петрарки и не предоставил ему взамен своего, что привело к еще большему охлаждению отношений. Считающий себя другом великого канцлера с ранней юности, Джованни Боккаччо приехал по приглашению в его резиденцию[92], но недолго прогостил. В письмах он выказывал недовольство приемом, сетуя на неудобства апартаментов, в которые его поселили, распущенность слуг и плохо приготовленную пищу[93]: в «золотом

жить предел, что он не может из-за нехватки средств на «приличное приданое» выдать замуж младшую сестру Андреину; Lettera 40 (I, 117), 1354, в котором великий сенешал сетует, что он остался «без единого сольди»; Lettera 41 (I, 156), 1354, в котором заявляет, что не может купить новые земли, поскольку финансы его серьезно подорваны тратами, потребовавшимися для завоевания Сицилии и неумеренными расходами для поддержания семьи, и это при том, что в этом же 1354 году он вкладывает значительные наличные средства в покупку «домов Кавальканти» и мельницы во Флоренции (Lettera 47. (I. 129), 1354; 50 (I. 137), 1354), в котором снова жалуется на бесчисленные расходы и на то, что «уже не в состоянии их выдерживать». Он вел скрупулезный подсчет своих доходов и издержек по различным делам. См.: Ragione... 154 (IV, 6a), 1363 // Il Carteggio.

[90] Об отказе платить налоги в казну коммуны Флоренции свидетельствует ряд писем Великого Сенешала: 27 (I, 159) 1352; 29 (I, 135) 1352; 64 (I, 122), 1955 // Il Carteggio.

[91] Видимо, от поездки к Неаполитанскому двору Петрарку и других поэтов отвратило то, что мессер Никколо добился у императора Карла IV, чтобы тот возложил в 1355 г. лавровый венец на голову Дзаноби да Страда. Известно, что это вызвало негодование Франческо Петрарки.

[92] Но можно заметить, что Джованни Боккаччо часто испытывал разочарование из-за некоторой холодности и сдержанности, граничащих с пренебрежительностью, которые проявлял великий сенешал в ответ на излияния чувств с его стороны. Никколо Аччайуоли видел в Боккаччо только писателя второго плана, автора не очень пристойных историй.

[93] Lettera di messer Giovanni Boccaccio da Certaldo a Zanobi da Strada (1362?); Lettera di messer Giovanni Boccaccio a Messer Francesco, Priore di S. Apostolo, spenditore di Napoli del gran Siniscalco del Reame, chiamato Nichola Acciaioli (aprile, 1363) // Prose di Dante Alighieri e di messer Giovanni Boccaccio. Firenze, 1723. Это было не первое разочарование Джованни Боккаччо в друге своей молодости. В 1341 г. Никко-

и блистающем дворце» сенешала он пребывал в «жалкой и темной комнатенке, более похожей на мерзкую клоаку, чем на комнату, примыкающей к отхожему месту». При возвращении в Неаполь из места, где проводились празднества, о нем попросту забыли, бросив его там «одного на морском берегу, без лошадей, свиты, каких-либо средств, с тяжелыми ящиками моих книг»[94]. На следующее приглашение автор «Декамерона» ответил резким отказом, дав волю горькой досаде, которая обуревала его душу: «...Лучше пойду от ворот к воротам просить хлеба, чем вернусь к Аччайуоли <...>». Потомкам трудно судить, что было истинной причиной сложившейся ситуации: чрезмерная надменность и холодность мессера Никколо, происки уже утвердившегося при Неаполитанском дворе поэта Франческо Нелли, опасавшегося соперничества со стороны Боккаччо, или то, что последний оказался «человеком из стекла», как называл великий сенешал чересчур капризных и обидчивых людей искусства, но думается, что в любом случае дело не обошлось без значительной экономии на условиях содержания поэтов в процессе создания «Парнаса».

Как и Никколо Аччайуоли, Филиппо осуществлял меценатскую дейтельность, что особенно подчеркивал Франко Кардини: он оказывал в Венгрии покровительство флорентийскому художнику Мазолино, добился почетной должности приора для своего соотечественника Франческо Каппони, отстаивал льготы и привилегии флорентйских купцов, которые очень сильно пострадали в Венгрии от репрессий и конфискаций сразу после смерти Филиппо Сколари[95]. Покровительство землякам, оказываемое Сколари, заслужило благодарную память, след которой остался в ренессансной новеллистике. Об этом свидетельствует анонимная «Новелла о Грассо, инкрустаторе и резчике по дереву», посвященная рассказам о проказах и мистификациях архитекто-

ло Аччайуоли, вернувшись со славой и богатством после военной экспедиции в Грецию, отказал в помощи Боккаччо, разоренному вследствие краха фирм Барди и Перуцци (*Della Berardenga C.U.* Gli Acciaioli di Firenze nella luce dei loro tempi. P. 280—282). Отношение Аччайуоли к творчеству писателя невозможно оценить однозначно: на стремление Боккаччо продолжать дружбу великий сенешал отвечал холодным пренебрежением. Вместе с тем «Декамерон», видимо, был настольной книгой Никколо и пользовался немалой популярностью среди его близких родственников и друзей (Lettera di Francesco Buondelmonti a Giovanni di Jacopo Acciaioli, arcivescovo di Patrasso, in Firenze del 13 luglio 1360 // Il Carteggio... 129 (II, 182)). В письме Буондельмонти, близкий друг Никколо Аччайуоли, настоятельно просил вернуть ему «книгу новелл Джованни Боккаччо, каковая является моей, больше не одалживая ее никому, потому что многие не слишком-то учтивы, а особенно Мессеру (Никколо Аччайуоли), его сыну Нери, а также серу Никколо (Содерини), ибо каждый может оказаться вором». Автор письма также просил найти для него «прекрасную хронику Джованни Виллани».

[94] Lettera di messer Giovanni Boccaccio a Zanobi da Strada.

[95] *Canestrini G.* Discorso. P. 186—187.

ра и скульптора Филиппо Брунеллески, одной из жертв которых стал ремесленник Грассо, жестоко одураченный Брунеллески и компанией его веселых собутыльников. От позора Грассо решил уехать в Венгрию, куда звал его друг, чтобы перестать быть объектом насмешек своих сограждан. Этот друг «за несколько лет до этого уехал в Венгрию и очень хорошо устроил там свои дела благодаря помощи Филиппо Сколари, прозванного Спано, нашего согражданина <...>. Этот самый Спано пристраивал всех флорентийцев, оказавшихся в Венгрии, даже тех, кто не обладал талантом ни в свободных искусствах, ни в ремесле, ибо был он широкой души человеком и чрезвычайно любил свою родину, чем и она, премногим ему обязанная, должна была ему платить». В Венгрии история Грассо завершилась счастливым концом: «...За несколько лет они разбогатели благодаря покровительству вышеназванного Спано, который поручал Грассо строительные работы. <...> При удобном случае он осыпал его богатыми и роскошными подарками, ибо Спано был так великодушен и щедр, словно происходил из королевского рода. Он проявлял щедрость ко всем людям, в особенности же к флорентийцам <...>»[96]. В покровительстве соотечественникам находила выражение идентичность Сколари с родным городом, но неизвестный автор новеллы явно стремился выделить в портрете Сколари качества, присущие щедрым и великодушным вельможам и владетельным синьорам.

Особый интерес представляют реакции сограждан на появление Никколо Аччайуоли и Филиппо Сколари во Флоренции. Канцлер Апулийского королевства неоднократно бывал там, но его прибытие во Флоренцию в конце 1360 г. отмечалось особыми обстоятельствами. Он явился с целью ускорить выполнение ранее заключенного договора, согласно которому республика обязывалась предоставить в распоряжение неаполитанского короля 300 солдат для борьбы с немецким кондотьером Аникино ди Бонгардо. Маттео Виллани указывал, что пребывание в городе и поведение Никколо дельи Аччайуоли «характеризовалось честностью и прекрасными манерами, каждый день задавал он пир с учтивостью и без всякого чванства, призывая граждан, грандов и пополанов, в столовую залу, приветствуя их должным образом»[97]. Столь нерациональная щедрость могла внушить опасения, т.к. большинству городского социума трудно было представить себе, что можно позволить столь непроизводительные траты, не имея при этом никакой далеко идущей

[96] *Аноним.* Новелла о Грассо, инкрустаторе и резчике по дереву // Европейская новелла Возрождения. М., 1974. С. 84—85; 87. В уста Филиппо Брунеллески, который радовался фортуне Грассо в один его из приездов в родной город, автор новеллы вложил слова: «Ты ведь теперь разбогател и сделался приближенным императора всего света, Спано, а также многих других славных князей и баронов».

[97] *Villani M.* Cronica X. XXII—XXIII. P. 25—28.

цели. То, что Маттео Виллани считал проявлениями щедрости и благородства натуры, не соответствовало ментальной модели «доброго купца» с фиксированным набором качеств, среди которых немаловажное место занимали почти маниакальное сокрытие доходов, иногда доходящий до аскетизма режим экономии на средствах потребления и строгая рациональность повседневных расходов.

Такая же манера поведения отличала пребывание во Флоренции Филиппо Сколари (1410 г.), уже являвшегося советником короля Венгрии и Богемии, а также прославленным полководцем. Он поразил соотечественников, прибыв со свитой, состоящей из трехсот рыцарей, и прогостил на родине 40 дней, ежедневно задавая богатые пиры, на которые приглашались сотни флорентийцев, мужчин и женщин из наиболее уважаемых и влиятельных людей, «а также и простых людей, и всех он одаривал с редчайшей щедростью»[98]. Флорентийцы охотно пользовались его гостеприимством, но, видимо, также не без некоторой настороженности и подозрительности.

Пребывание Николо Аччайуоли в родном городе, по словам очевидца Маттео Виллани, вызвало волну смутных толков и опасений: «Слухи расходились в нашем городе, и все государство смутилось». Флорентийцы опасались, что Никколо Аччайуоли прибыл с намерением стать приором (бюллетень с его именем находился в соответствующей сумке[99]), и воспользоваться должностью для дальнейшего достижения единоличной власти. В городе был принят специальный закон для того, чтобы не допустить апулийского канцлера, как феодального владетеля, к высшим постам в республике[100]. В переписке дома Аччайуоли имеется упоминание о жалобах Никколо по поводу его пребывания во Флоренции, и даже говорится о недовольстве папы Иннокентия VI, тесно связанного с канцлером, ситуацией, сложившейся в городе на Арно в связи с пребыванием в нем Аччайуоли[101].

---

[98] *Bracciolini J.* La vita di Philippo Scholari. P. 180—181; *Luca della Robbia.* Vita di Bartolommeo Valori. P. 259.

[99] Выборная ситуация сложилась таким образом, что Никколо должен был занять пост приора: в прежних сумках оставались только жребии с его именем, а новые сумки нельзя было наполнять, пока совершенно не опустели старые. Имя Никколо Аччайуоли осталось в сумках, поскольку он годами отсутствовал во Флоренции, находясь при Неаполитанском дворе, поэтому вытянутые жребии с его именем по обычаю сбрасывались обратно в сумки. И этого оказалось уже достаточно, чтобы посланника апулийского двора сограждане стали подозревать в намерениях установить единоличную тиранию.

[100] «Ни одно лицо, которое держит синьорию или постоянное правление в какомлибо городе или крепости с правами юрисдикции, если его имя будет вытянуто из сумки, не может занять должность приора, гонфалоньера компании или одного из "12-и добрых людей", его извлечение из сумы должно быть аннулировано, а жребий разорван...» // *Tanfani L.* Niccola Acciaiuoli. P. 138.

[101] Lettera di Neri di Jacopo Acciaiuoli a Giovanni di Jacopo Acciaiuoli, arcivescovo di Patrasso, in Firenze del 1 settembre 1360 // Il Carteggio... 139 (I, 81)

«Благородного кавалера» постарались поскорей выпроводить из негостеприимного отечества, спешно предоставив ему обещанных 300 всадников, а он, «чтобы избавить родину от подозрений, а себя от позора» также поторопился отбыть в Сиену. Маттео Виллани горячо защищал своего кумира, причисляя самого себя к «мудрым и незлобивым», убежденным в великодушии сенешала, «выказавшего полное присутствие духа и снискавшего почет в любых городах, куда бы он ни прибывал». Что же касается заговора, в котором подозревали Никколо, то уже после отъезда подтвердилась его полная невиновность и чистота намерений. Маттео Виллани комментировал: «Человек из-за своего высокого положения показался подозрительным в городе, опасающемся тирании, заставив правителей города с явной уверенностью питать сильные подозрения, так что пошел ропот между ними». Хронист считал своим долгом защитить честь и чистоту помыслов своего героя: «Разве можем мы не выступить против того, чтобы он зубами завистливых горожан был искусан? Разве можем верную истину о его деяниях и результатах его удачливых действий оставить под угрозой забвения?»[102]. Маттео Виллани выразил непосредственную реакцию на происходящее, которое произвело на него сильное впечатление. Маттео Пальмиери почти через 70 лет уже не интересовался тревогами и подозрениями граждан, к тому же оказавшимися ложными. Биограф явно стремился представить гармоничными отношения флорентийских граждан и своего персонажа: вскользь упоминая о посещении канцлером Флоренции в 1360 г., Пальмиери замечал: «...он был приветливо принят флорентийцами» и позже, повествуя о личных качествах Никколо, заявлял: «Как случалось много раз, когда он возвращался посетить свое отечество, его всегда принимали с великим почетом, он же <...> устраивал балы, публичные празднества и разные другие развлечения»[103].

Столь же настороженно сограждане отнеслись к советнику венгерского короля, дав повод одному из авторов биографии обвинять их в завистливости и неблагодарности. «Он (Пиппо Спано. — *И.К.*) вынес от неблагодарного народа столько, сколько не вынес никто другой, ведь даже вымпелы и военные знамена коммуны, каковые кому уж только не жаловались, даже преступных и грязных закалывателей свиней ими награждали, он не смог как трофеи своего отечества увезти с собой в Венгрию»[104]. Лука делла Роббиа также осуждал своих сограждан, «славящихся во всем мире справедливостью», за то, что они столь сухо и холодно приняли великого соотечественника, и приводил их доводы, которыми они пытались оправдать свою неприветливость: «Такое мо-

[102] *Villani M.* Cronica. T. V. Libro terzo. Cap. IX. P. 20; X, 22—23. P. 25—28.
[103] *Palmieri M.* La vita di Niccola Acciaioli. P. 164, 167.
[104] *Bracciolini J.* La vita di Philippo Scholari. P. 180—181.

гущественное лицо, как Филиппо Сколари, никогда не оставит привычки командовать и не сможет жить частной жизнью, как это принято у нас в обществе». Влиятельный горожанин Бартоломео Валори, считая себя другом Филиппо Сколари, старался его защитить, но и он опасался, что тот начнет «командными методами воздействовать на наше общество, которое нетерпимо к этому более чем какое-либо иное». Все-таки мессер Валори полагал, что в данном случае следовало ограничиться лишь «учтивым предупреждением»[105]. Из этих высказываний можно предположить — царедворец венгерского короля также навлек на себя подозрения в поползновениях к единоличной власти, хотя, возможно, им двигало только желание компенсировать комплекс неполноценности в глазах бывших соотечественников, третировавших его род и вынудивших когда-то его самого покинуть Флоренцию и уйти на чужбину без гроша в кармане. Д. Меллини, в отличие от М. Пальмиери, отмечал подозрительность среди настроений общества, связанных с прибытием героя при всей безукоризненности его отношения к флорентийцам. Биограф объяснял это «враждебной завистью, которая застила глаза гражданам так, что они видели одну лишь кривизну», и очень сурово порицал своих соотечественников[106].

Что порождало настроения недоверия и подозрительности, в общем, безосновательные, к выдающимся согражданам? В этом случае стоит обратиться к одному документу, в котором отразился опыт самоидентификации канцлера Апулийского королевства. Это оправдательное письмо Никколо Аччайуоли от 26 декабря 1364 г., адресованное его другу Анджело Содерини, с текстом которого должны были ознакомить папу Урбана V (1362—1370)[107]. В папской курии по доносам неаполитанских придворных рассматривалось дело о неуплате сенешалом положенных аннатов и чиншей, и он был призван понтификом в Авиньон для разбирательства. Никколо не хотел идти[108],

[105] *Luca della Robbia.* Vita di messer di Bartolomeo di Niccolo di Taldo di Valore Rustichelli. P. 259.

[106] *Mellini D.* Vita di Filippo Scolari. P. 35—36.

[107] Lettera dell' Nicchola Acciaiuoli ad Angelo di 26 dicembre 1364. Ссылки даются по полному тексту этого пространного письма, опубликованному Л. Танфани в приложениях к биографии великого сенешала: *Tanfani L.* Niccola Acciaiuoli. P. 211—234. Текст письма опубликован также в издании Л. Муратори: Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L.A. Muratori. Bologna, 1934. T. XIII. Parte II. P. 39—53.

[108] Изъявления смирения и покорности понтифику следуют в начале письма, в середине содержатся очень явные намеки на то, что Урбан V неприязненно относится к неаполитанскому канцлеру, поскольку к нему очень благоволил его предшественник Иннокентий VI, «служение которого наш синьор Урбан представляет противным католическому духу», но «он был так почитаем и дорог». В конце письма он укоряет понтифика за то, что тот позволил его, Никколо Аччайуоли, «столь доверчивого в делах, прямодушного и невиновного сделать ви-

и в письме пытался доказать свою невиновность и предотвратить грозившее ему очередное судебное дело в папской курии. Он позиционировал себя верным вассалом своих королей, рыцарем, хранителем трона, воителем и полководцем. К этому времени он являлся могущественным феодальным властителем, собственником «многих добрых феодов, крепостей и городов в Апулийском королевстве и в Греции»[109], обладателем герцогского титула, возводившим своих сыновей в графское достоинство. Он признавал, что его вассальные отношения с монархами должны определяться «по долгу верности и законно принесенному оммажу». Казалось бы, комплекс вассально-сеньориальных установок налицо.

Однако содержание письма не свидетельствовало о том, что оно написано рукой преданного вассала и верноподданного. Людовика де Таранто великий сенешал не называл *inexperto giovinetto* — «неопытный юноша, поддерживаемый только мной, не имеющий ничего и никого, кроме меня» (Никколо был старше ко́роля на 10 лет). В следующий раз он указал на то, что король больной (*malato*), всю королевскую семью называл «мои бедные, обманутые и покинутые синьоры» (*sanza ordini e sanza ripari erano abandonati <...> mei signiori poveri et mendici <...>*)[110]. Не объяснялась ли его почти вошедшая в поговорку верность своему монарху просто выгодным вложением усилий и капиталов в короля-марионетку, который с детства привык слушаться своего наставника, обладающего твердой волей и изощренным умом — качествами, в меньшей степени присущими Людовику де Таранто?

Письмо являлось и своего рода автобиографией, автор которой осознавал, что согласно не только религиозным санкциям, но и нравственным предписаниям древних философов грешно посвящать панегирик себе самому, и, тем не менее, заявлял: «...Что я о самом себе думаю, то я и скажу». То, что он думал о самом себе, скорее относилось к разряду смертных грехов, нежели приписываемых ему современниками христианских добродетелей. Об этом свидетельствует по-

новатым и забросать камнями». Здесь намек на инспекторскую миссию папского легата в Неаполь, случившуюся за несколько месяцев до этого письма. Легат оказался на стороне противников великого сенешала, поддержав их обвинения, «уязвляюще говорил против меня». В этом контексте утверждения о непогрешимости папы звучат почти издевательски. (*Niccolo degli Acciaiuoli.* Lettera del 26 dicembre 1364. P. 212—213, 219—220, 225—226).

[109]Ibid. 364. P. 216—217, 219, 222—223, 227—228.

[110]Ibid. P. 215. Речь в данном случае идет о событиях 1348 г., когда Людовико де Таранто и Джованне I пришлось отправиться в изгнание из-за вторжения венгерского короля. На страницах (P. 220, 223) говорилось о событиях, относящихся к 1361 г., когда в королевство вторгся кондотьер Аникино де Бонгардо, а герцог Людовик де Дураццо, родственник и советник короля, пошел с ним на сговор.

стоянный рефрен *eo solo, mi solo* (только я) и декларации: «Я проявлял мудрость», «Я оставался стойким среди смертельных опасностей», «Я оставался честным с незамутненным католическим духом». Никколо Аччайуоли прославлял себя как великого завоевателя, вернувшего остров Сицилию снова во владения апулийских королей: «Сущей фантазией кажется, что среди таких бедствий я смог устоять и не потерять ни единой пальмы»[111], «мои доблестные деяния»[112], «среди смертельных опасностей и тягот на службе <...> тем более возрастала моя великая слава и честь, поскольку как бы тучи не загораживали солнце, оно все-таки не теряет своей ясности»[113], и другие заявления в том же роде никоим образом не могли быть согласованы с принципами коммунального общества. Они не соответствовали самому духу коллегиального управления с присущими ему тенденциями к политической мимикрии и соглашательству в условиях своеобразной свободы слова, сокрытию жажды управлять и господствовать над судьбами и обстоятельствами.

Письмо заканчивалось своеобразным манифестом, содержащим явный укор в адрес папы Урбана V: «Я не еретик, не схизматик, не патарен, не разбойник, не убийца, не предатель, не святотатец, против которого надо устроить процесс с персональным вызовом в суд; я — правоверный католик-христианин, хотя и грешник, но верный подданный Св. Матери Церкви и апостолической веры, как сам папа Иннокентий и папа Климент, непосредственные предшественники монсиньора папы Урбана»[114]. Он нарочно сравнивал себя с понтификами Климен-

[111]Ibid. P. 214—217. Речь идет об отвоевании Сицилии и приведении ее под власть неаполитанских монархов (1356 г.). Здесь можно снова обратиться к биографии Пальмиери, в которой тот указывал, что войска под руководством Аччайуоли сразу же захватили замок Мелаццо, Палермо, Сиракузы и Трапани, затем еще 112 крепостей, замков и городов, позже Мессину, но биограф комментировал эти успехи так: «Он смог все это сделать из-за разногласий жителей королевства Сицилии («итальянская партия» поддерживала правление Анжуйской династии, тогда как враждебная ей группировка оставалась на стороне Арагонской династии) (*Palmieri M.* Vita di Niccola Acciaioli. P. 158, 162). К тому же Аччайуоли недолго оставался с войсками на Сицилии, король и королева Неаполя потребовали его возвращения, поскольку в королевство вторгся кондотьер граф Линдо с 4000 германских всадников, и попытка дать им отпор под руководством Аччайуоли оказалась неудачной, его войска отступили (Ibid. P. 159—160).

[112]*Niccolo degli Acciaiuoli.* Lettera del 26 dicembre 1364. P. 220. Под «доблестными деяниями» имеется в виду восстановление Папского государства усилиями канцлера Николо Аччайуоли (весьма скромными) и кардинала Эджидио ди Спанья. В 1360 г. Аччайуоли пришлось оставить управление папскими землями и вернуться к своим королям, потому что вторгся Аникино ди Бонгардо.

[113]Ibid. P. 231—232.

[114]Ibid. P. 233.

том VI (1342—1352) и Иннокентием VI (1352—1362), а не с действующим главой апостолического престола, выражая тем самым негодование в его адрес.

Никколо Аччайуоли не мог изменить самому себе, притвориться смиренным и скрыть свое стремление к славе великих дел[115]. Своих детей великий сенешал воспитывал скорее в рыцарском духе, нежели в купеческом. Маттео Виллани утверждал, что его старший сын, «кавалер и большой барон, юноша, владеющий оружием», был похоронен, «как если бы он происходил из королевского рода, с почестями, превосходящими те, которые воздаются барону». Сам Никколо Аччайуоли замечал, что его сын носил титул графа Мальтийского и управлял крепостями[116].

Признание неординарности и величия выдающихся флорентийцев современниками заключалось в полярности оценок их личности, которая стала не только объектом восхвалений, но и злой сатиры. Аччайуоли оказался «жертвой» своего друга молодости Джованни Боккаччо, который не мог простить сенешалу холодности и пренебрежения в свой адрес. Письмо Боккаччо к Франческо Нелли, заурядному поэту, но льстивому угоднику, сумевшему выжать из Аччайуоли возможные блага при неаполитанском дворе, стало главным обвинительным актом в адрес великого сенешала. Боккаччо рисовал портрет черствого, сухого эгоиста, немилосердного и равнодушного к чужим несчастьям, бесчестно «присваивающего блага своих подданных, даже если завещание было составлено в пользу других». Но наибольшей издевке подверглась административная деятельность Аччайуоли по управлению королевством, описанная в форме гротеска. Под рабочим креслом Аччайуоли имелось особое отверстие: «Когда его донимало волнение ветров, а экскременты зловонной кучей из кишки великого советника извергались, тогда собственно дела королевства и решались <...>, а устами изрекались доводы и для мирских королей, и для Великого понтифика <...>, а при дворе думали, что он пребывает в Консистории Богов <...>»[117]. Вопрос о том, насколько объективным было это обвинение, и по сей день является предметом полемики историков и филологов, учитывая значительное число панегириков и апологетических жизнеописаний Никколо Аччайуоли[118].

Та же полярность оценок обнаруживается и в отношении Филиппо Сколари. Венецианский историк Маркантонио Сабеллико открыто обвинял Филиппо Сколари в коррупции и измене венгерскому королю Сигизмунду в ходе войны между Венгрией и Венецианской республи-

[115]Ibid. P. 231—232.

[116]*Villani M.* Cronaca. 3. LXIII. T. II. P. 81—83; *Niccolo Acciaiuoli.* Lettera. P. 222—223.

[117]Lettera di messer Giovanni Boccaccio a Messer Francesco, Priore di S. Apostolo, spenditore di Napoli del gran Siniscalco del Reame, chiamato Nichola Acciaioli.

[118]*Della Berardenga C.U.* Gli Acciaioli... P. 305—306, 311;

кой[119]. Сабеллико заявлял, что, подкупленный венецианским золотом Спано специально не воспользовался результатами побед, одержанных венгерскими войсками в начале кампании, свернув активные военные действия. Но Сабеллико являлся врагом Сколари, причем выполнял государственный заказ: он писал свои «Венецианские истории» по поручению дожа Барбариго. Суждения об этом венецианском хронисте в историографии вообще отличаются неоднозначностью. История о том, что король Сигизмунд в 1413 г. приказал казнить Сколари за измену, залив ему глотку расплавленным золотом, представляет фантастический эпизод, миф, видимо, целиком объясняемый политической конъюнктурой[120]. Д. Меллини, создав полностью оторванный от реальности образ Пиппо Спано, выступил как добросовестный историк, поставивший перед собой цель опровергнуть измышления Сабеллико и продолжавших его традицию итальянских хронистов. Он собрал и привел в своем жизнеописании целый ряд подлинных документов, свидетельствующих о том, что Сколари пребывал в почете и уважении при императоре Сигизмунде вплоть до своей кончины в конце ноября 1426 г.[121]

Прославленные флорентийцы, достигшие высот власти и влияния у престолов чужеземных монархов, двояким образом воспринимались в обществе города-республики. Интерес к их персонам, главным

[119]Причиной войны стал конфликт из-за территорий, которые подчиняла себе Венеция в процессе экспансии на севере Апеннинского п-ова, поэтому союзниками Венгрии выступили синьоры Падуи (Каррара) и Вероны (Делла Скала), которых Венеция фактически лишила автономии, а также патриарх Аквилейский, отстаивающий Фриуль. На первом этапе войны венгерские войска одерживали победы, захватив ряд венецианских крепостей, затем ситуация для них осложнилась.

[120]*Sagredo A.* Nota apologetica. P. 132—136. В частности, Агостино Сагредо обвинял Сабеллико в том, что он пропускал важные факты, игнорировал лучшие источники по истории Венеции, в частности, хронику дожа Андреа Дандоло, льстил знатным венецианцам, от которых получал вознаграждение. Сагредо указывал на то, что он даже ошибся в датировке военных действий, указав 1409—1410 гг., тогда как война Венеции с Венгерским королевством шла с 1411 по 1413 гг. «Венецианские истории» Сабеллико в XVI—XVII вв. копировали историки Джустиниани, А. Бонфинио. Другой венецианский историк Марино Санудо подробно описал историю этой войны, сурово упрекая «флорентийского капитана» за его жестокость, но не упоминал о подкупе и предательстве. В венецианском Генеральном архиве был найден документ от 29 апреля 1413 г., подтверждающий участие Сколари в переговорах с венецианскими послами о предстоящем перемирии, и свидетельствующий, что Филиппо пользовался милостью короля Сигизмунда и его полным доверием.

[121]*Mellini D.* Vita di Filippo Scolari. P. 41—59. Он приводил документы Констанцского собора, на котором присутствовал Сколари, сведения других хронистов, современников императора и его полководца, много писем родственников Спано, тексты папского бреве и имперских привилегий, дарованных Филиппо и его брату Маттео, завещания Сколари. Все они относились к периоду 1415—1426 гг.

стимулом которого, как можно предположить, являлось осознание их величия (*grandezza*), способности на «великие деяния» и открытую демонстрацию богатства и власти — явления, возносящиеся над нивелирующим уровнем коллегиальных форм правления и усредненностью лиц, составляющих многочисленные магистраты и советы — проявлялся в различного рода панегирических текстах. Тема незаурядной личности, отвергнутой или обиженной неблагодарным отечеством и завистливыми согражданами, представляла собой элемент своеобразного топоса, кочуя из хроники в хронику, а также встречаясь в других записках флорентийских граждан. Однако есть основания полагать, что вокруг этих фигур, когда они вступали в соприкосновение с городским социумом, концентрировались ментальные установки, выражающие настроения настороженности, подозрительности, потенциальной угрозы, как вокруг носителей чужеродных моделей власти. Бывшие соотечественники Никколо Аччайуоли и Филиппо Сколари в глазах большинства флорентийцев — другие, перерожденцы, которые изменили свою природу и уже не смогут вернуться назад, т.е. уравняться с согражданами торгового города, отличающегося республиканскими формами правления. Эти настроения усугублялись формами саморепрезентации выдающихся флорентийцев в повседневном обиходе, не всегда совместимыми с образом жизни и поведения благонамеренных граждан и добрых купцов, составляющих большинство городского сообщества.

Заключение

Говоря об антагонизмах и взаимовлияниях нобилей и пополанов — двух основных социальных слоев в городском обществе Флоренции до второй трети XV в., — следует обратить особое внимание на многоплановость углов зрения при рассмотрении этого феномена. Противостояние на основе борьбы за преобладание в коммунальных правящих структурах, коротко говоря, за власть, доходящее в 90-е гг. XIII в. и в 1343 г. до вооруженных столкновений и вспышек гражданской войны, существовало, о чем свидетельствуют исторические факты и соответствующие трансформации городского законодательства. Более того, это противоречие отчетливо осознавалось горожанами, что являлось предпосылкой создания устойчивых идеологических конструктов, придающих негативный смысл понятию «гранды»/«нобили» или наоборот закладывающих его в определение «пополаны». В осознании указанного социального контраста разграничивались системы ценностей двух социокультурных позиций, порождающих оценочные штампы и риторические формулы.

В то же время думается, Н. Оттокар прав в том, что контраст между знатью и народом нельзя рассматривать как некий застывший слепок общественных отношений. Он подлежал сложной эволюции, то отчетливо проявляясь в обществе, то уходя на второй план и уступая место партийно-фракционным противостояниям: в конце 50-х—60-х гг. XIII в., — борьбе между гвельфами и гибеллинами; на рубеже XIII—XIV в. — между фракциями черных и белых гвельфов; в 1358—1382 гг. — между большинством флорентийского общества и архигвельфами. Все упомянутые партийные группировки включали в себя как грандов, так и пополанов.

За рамками представленного труда остались многие другие социальные контрасты городского общества в рассматриваемый период, требующие специального исследования. Период 1343—1382 гг. характеризовался острыми межцеховыми и внутрицеховыми противоречиями, серьезной попыткой создания автономных ремесленных корпораций, а следовательно достижения политических прав со стороны низших слоев общества. Кульминацией их борьбы являлись события восстания чомпи и периода правления «тощего» народа (1378—1382). Постепенно

затухающие вспышки выступлений чомпи и других категорий городских низов подавлялись до 1400 г.

Отдельного рассмотрения требуют партийно-фракционные противостояния гвельфов и гибеллинов, черных и белых гвельфов, затем архигвельфов и большинства флорентийского общества, имеющие важнейшее значение в XIII—XIV вв. Борьба фракций оказывалась тесно опутанной межличностным соперничеством, особенно усилившимся в конце XIV—первой трети XV в. внутри формирующейся правящей олигархии. Она завершилась, наконец, в 1434 г. выделением одной «семьи, победившей коммунальное государство». Эти антагонизмы постоянно сопровождались межклановыми и межперсональными столкновениями: в борьбе черных и белых гвельфов противостояли друг другу фамилии Черки и Донати, затем Донати и Тозинги, в 60—70-е гг. XIV в. вражда между Риччи и Альбицци часто выливалась в вооруженные стычки за баррикадами, возводимыми на улицах и площадях города. В 80—90-е гг. продолжалось соперничество за влияние в управлении Флоренцией между Альбицци и Альберти, наконец, в первой трети XV в. становление флорентийской олигархии ознаменовалось враждой Альбицци и Медичи.

Социальные разделения были неотделимы от сложных политических процессов, сопровождаемых частой сменой режимов, что порождало вражду между победившими группировками и теми, которые потерпели поражение, но тем сильнее стремились одержать реванш. Эти темы невозможно оставить без внимания, поскольку современники — свидетели и участники — понимали их значение, судя по тому месту, которое им уделялось в нарративах, выходивших из-под пера флорентийцев.

Однако до конца XIV в. под слоем господствующих на данный момент контрастов нередко давало знать о себе противоречие между грандами и пополанами. Основным признаком его проявления являлся вопрос о главной флорентийской «конституции» — «Установлениях справедливости» 1293 г., которые не утрачивали своей актуальности, выступая своего рода гарантом относительно широкого народовластия, выражая волю большинства коммунального сообщества, которое выставляло указанное законодательство как преграду на пути уже не магнатов, но экстремистски настроенных партийных (1378 г.) или политических (1382 г.) группировок, проявляющих диктаторские тенденции в отношении большинства социума.

Наряду с противоречием между грандами и пополанами, сопровождающимся борьбой, то ослабевающей, то усиливающейся, шел неудержимый процесс социального синтеза, в котором сложно разграничить определенные этапы. Представители синьориальной знати, обосновавшись внутри городских стен, были прежде всего вынужде-

ны адаптироваться к новым источникам дохода, втягиваясь в торгово-банковскую деятельность, что обуславливало их вступление в старшие цехи, т.е. в корпорации Калимала и Камбио, а несколько позже в цехи Лана и Пор Санта Мария (Сета), объединяться в компании с пополанами для наиболее успешной предпринимательской деятельности или овладевать затребованными в городе профессиями, главным образом, связанными с юриспруденцией. Уже начиная с периода правления консулов (последние десятилетия XII в.—1211 г.) городские нобили становились своего рода «республиканцами», предпочитающими не отказываться от преимуществ выборности и коллегиальности в организации власти. Не удивительно, что правление консулов уже в начале XIII в. обнаруживало тенденцию к опоре на коллегии и советы специальных консулов, выборных от рыцарей (*milites*) и от купцов, а также приоров и уполномоченных цехов, что в то же время способствовало эскалации выходцев из народа, обычно стремящихся обозначить свой путь наверх с помощью символов, ритуалов и даже поведенческих стереотипов, свойственных грандам — представителям феодально-рыцарских слоев.

Образ синьора-врага персонифицировался в поколениях семьи Убальдини, оставшихся в своих замках и ведущих образ жизни, связанный с разбоем на торговых путях, грабительскими набегами на контадо Флоренции и других городов, насилием и «беззаконием» с точки зрения граждан, ибо действия представителей этой фамилии регулировались в лучшем случае только родовыми обычаями.

В конце XIII—XIV вв. в коммунальном сообществе для пополанов возникало множество разнообразных шансов социального возвышения. Первостепенное значение имел экономический ресурс, позволяющий приобрести «наше место» в городе, т.е. недвижимость внутри его стен и обзавестись множеством связей соседства, родства (посредством брачных союзов) и дружбы, увековечивая память о фамилии почетными захоронениями в патрональной церкви или монастыре. Как правило, любая благотворительная акция была отмечена знаком фамилии — именем или изображением герба, который предполагал наличие родовой группы-консортерии.

Пожалуй, первичное звено, выступавшее исходной предпосылкой социального синтеза — это сплочение пополанских семей в тесные родовые группы-консортерии, вызванное в XIII в., с одной стороны, слабостью и неустойчивостью городского законодательства, а с другой, — образованием семейных торгово-банковских компаний, в которых родственные отношения и владение общеродовой недвижимостью служили относительно надежной гарантией при отсутствии международного торгового права. Представителям пополанского рода также требовалось объединение, чтобы противостоять акциям насилия со стороны

членов знатных домов. Пополанские консортерии отчасти воспринимали и имитировали обычаи нобильских кланов: обзаводились башнями в городе, формировали вооруженные свиты — маснады, если средства позволяли им, участвовали в конном ополчении, что предполагало обретение статуса кавалеров и фамильного герба, наконец, жили по обычаям родового права, прежде всего, кровной мести. Примером могут служить пополанские консортерии Медичи и Веллути, Риччи и Альбицци.

Другими важными сферами, в которых появлялись тенденции к социальному синтезу, можно считать участие в управлении государством и дипломатическое поприще. Заседания в одних и тех же Советах, избрание в Приорат (в том случае, если нобили переходили в разряд пополанов ради получения политических прав), назначение в крепости и городки дистретто Подеста, комендантами и судьями для утверждения единой воли коммуны, способствовали стиранию социальных различий между должностными лицами, призванными служить общему делу. Переходом из одного состояния в другое являлся ритуал производства в рыцари, осуществляемый коммуной для укрепления авторитета назначаемых на внешние посты граждан-пополанов. Послов Флорентийской республики часто производили в рыцарское достоинство монархи или могущественные сюзерены, при дворах которых им приходилось исполнять свои миссии. Получение рыцарского звания могло явиться исходной предпосылкой для восприятия образа жизни и манер поведения, свойственных представителям феодальной знати.

Пожалуй, самым главным фактором социального синтеза являлось само общество города коммуны, стремление занять в нем достойное место, добиться признания и уважения со стороны сограждан, снискать дружбу и расположение наиболее видных и влиятельных из них. Высокий статус в городском социуме с середины XIII в. все менее определялся древностью рода, знатностью происхождения, владением замками, земельными комплексами и церковными бенефициями, хотя все эти условия вовсе не утрачивали своей притягательности для граждан. Но гораздо большую значимость приобретали качества, обозначаемые термином *fama* («молва»), как главным показателем высокой репутации. «Молва», рожденная и трансформирующаяся уже в городском социуме, предполагала множество составляющих: давность обитания внутри городских стен, высокую степень укорененности в городском пространстве — наличие мест, о которых члены семьи или рода могли сказать — «наше место»; соседские, дружеские и родственные связи с уважаемыми фамилиями, владение недвижимым имуществом за городом, экономическое благосостояние, предоставляемое торговлей или профессией, не связанной с ручным трудом, несомненность в принадлежности к рядам гвельфов, а также благочестие, подкрепленное часто

показной практикой милосердия. Всем этим далеко не исчерпывалось понятие «молва», являясь неопределенной и динамичной, но в то же время обязательной и неотъемлемой составляющей социального статуса каждого горожанина.

Синтез порождал множество причудливых, почти немыслимых конфигураций, — нобиль, зарабатывающий на жизнь адвокатской практикой и преподаванием права в университете, рыцарь с золотыми шпорами, занимающий должность консула цеховой корпорации Лана; нищий представитель очень знатного рода, 10 лет проведший в долговой тюрьме; простолюдин и ловкий мошенник, возводимый в звание рыцаря императором Священной Римской империи; представитель весьма знатной фамилии, родившийся в деревне в семье изгоев, но возвысившийся до советника Императора и стяжавший славу великого полководца. Думается, нет смысла дальше продолжать этот ряд, достаточно обратиться к новеллам флорентийца Ф. Саккетти. Чаще всего этот симбиоз разных социокультурных систем не осознавался ясно самими его носителями, отражая своего рода подспудный пласт ментальных представлений, отличающийся неотрефлектированностью установок и их амбивалентностью. Но можно предположить, что он заключал в себе созидательный потенциал, обогащая городскую среду бесконечным количеством вариантов выбора. Даже относясь к сословию грандов крайне отрицательно, горожане-пополаны могли полностью или частично неосознанно воспринимать и реализовывать те или иные элементы другой шкалы ценностей или образцов поведения, свойственных нобилям. Причисление себя к пополанскому сословию, например, вовсе не мешало пристрастиям к родословным, гербам и рыцарским званиям, равно как и принадлежность к очень знатному и древнему феодальному роду могла сочетаться с успешной торгово-банковской деятельностью, накоплением капитала и самоидентификацией с нравственно-этическим комплексом «доброго купца».

Что объединяло их всех? Пожалуй, более всего идентичность с коммунальным обществом своего города, осознание себя *fiorentini*. Вряд ли возможно отождествить этот вид самоидентификации с патриотизмом в современном понимании. Многие горожане вовсе не стремились жертвовать ради отечества ни жизнью, ни имуществом: отсюда тщательно разработанные стратегии укрывательства доходов от оценки (*estimo*) и способов ускользания от уплаты налогов и займов в коммунальную казну. Скорее резонно говорить о подобии постоянного внутреннего диалога, часто прорывающегося на страницах семейных книг, а иногда и хроник, гражданина со своим обществом: изъявления удовлетворения собственным статусом и признанием со стороны сограждан, гордость преимуществами республиканского устройства; сетова-

ния на «несправедливое отечество», не оценивающее по заслугам своих героев; наконец, одержимость возвращением во Флоренцию отторгнутых, изгнанных или вынужденных покинуть город в силу различных обстоятельств. Чтобы до конца понять эту самоидентификацию с городом, который считали «своим», следует глубоко и детально изучить феномен «изгнания», начиная от Фаринаты дельи Уберти и Данте Алигьери и заканчивая мифами, а также эпическими повествованиями второй половины XV в. о трагизме и величии тех, кому уже не суждено было вернуться во Флоренцию.

Город-государство способствовал созданию новых идентичностей, особенно заметных при столкновении с монархами, папским двором, феодальными сюзеренами и могущественными властителями за его пределами, перед лицом которых граждане Флоренции, будь то гранды или пополаны, ощущали себя неким целым, единым «мы» по отношению к чуждым, а иногда и явно враждебным «они». В этих случаях проявлялся комплекс превосходства над сильными мира сего, не напрасно в городе на Арно очень ценилась, как выдающееся качество флорентийских послов, особая дерзость духа перед властителями, включая королей, императоров и пап. В этом случае граждане утверждали себя в качестве полномочных представителей флорентийского республиканского сообщества, воплощая его могущество и уверенность в своих силах.

Пытаясь рассмотреть социальную структуру городского общества в Позднее Средневековье, необходимо принимать во внимание представление самих живущих в то время горожан о градациях и иерархии их коммуны. В этом случае в поле зрения неизбежно попадает разделение на «старых» и «новых» граждан, ставшее особенно значимым в середине и второй половине XIV в. после чумной эпидемии. Его следствием явилась актуализация доказательств давности времени обитания и присвоения определенного места внутри городских стен той или иной фамилией. По мере выделения правящей элиты в конце XIV—первой трети XV в. термин «новые люди» все больше стал обозначать тех, кто изначально не относился к складывающейся политической олигархии, но пускал в ход все средства, чтобы проникнуть в ее ряды.

Не менее важным представляется опыт социальных компромиссов, достигаемый различными путями. Он рождался из необходимости поддерживать единство социума для решения важнейших внешнеполитических задач — противостояния внешним угрозам и экспансии с целью расширения подвластной городу-коммуне территории. В политической сфере речь может идти о созывах общего собрания граждан (парламенто) и избрании комиссий (балии) с чрезвычайными полномочиями, в которых были представлены различные противоборствующие слои и группы населения. Балии обязывались реформировать

разделенный враждой город с целью примирения несогласных и восстановления гражданского единства. Кроме того, важным ресурсом достижения социального компромисса являлся контроль коммуны над постоянно изменяющимися реестрами, куда вписывались имена грандов и пополанов. Нобилям всегда предоставлялся шанс добровольно перейти в ряды пополанства путем подачи петиции в Синьорию, пополанский статус вместе со всей полнотой политических прав мог быть пожалован коммуной за особые заслуги на военном, политическом или дипломатическом поприще. В сфере правовой установлению компромиссов между разными слоями населения служила гибкость коммунального законодательства, что особенно заметно по колебаниям «Установлений справедливости» то в сторону ужесточения мер против грандов, то в сторону их смягчения. В области идеологии грандов и пополанов после 1267 г. объединяли идеи гвельфизма. Наконец, духовно-культурные установки, утверждавшие превосходство личной доблести над знатным происхождением и древностью рода, также являлись почвой для компромиссов, адаптируя нобилей к социальной толерантности, выражающейся в уважении даже своих бывших зависимых людей, которым удавалось достичь высокого статуса в коммунальном обществе благодаря их собственным усилиям и способностям.

Город-коммуна, являясь своего рода тиглем, в котором осуществлялась социокультурная «переплавка» разных слоев общества, сам по себе активно влиял на процессы социального взаимодействия, конвергенции или противостояния.

Библиография

Источники

Acciaioli A. Cronaca di Alamanno Acciaioli (1378) / Ed. a casa di G. Scaramella // Rerum Italicarum Scriptores. Bologna, 1917. Vol. XVIII. Parte. III. Il tumulto dei ciompi: Cronache e Memorie.

Acciaioli N. Lettera dell' Nicchola Acciaiuoli ad Angelo di 26 dicembre 1364 // *Tanfani L.* Niccola Acciaiuoli. Firenze, 1863 (см. также: Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L.A. Muratori. Bologna, 1934. Vol. XIII. Parte II).

[*Acciaioli*]. Il Carteggio Acciaioli della biblioteca Medicea Laurenziana di Firenze. Roma, 1996.

Anonimo. La vita di meser Philippo Scolari / A cura di F. Polidori // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. Vol. IV.

Baldovinetti F., Baldovinetti A. Le ricordanze trecentesche / A cura di G. Corti // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1954. Vol. I. № CXII.

Bisticci V. Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. Vol. IV.

Bisticci V. Vita di Agnolo Pandolfini // *Bisticci V.* Vite degli uomini illustri del secolo XV scritte da Vespasiano da Bisticci. Firenze, 1859.

Boccaccio G. Pistola di messer Giovanni Boccaccio a Messer Francesco, Priore di S. Apostolo, spenditore di Napoli del gran Siniscalco del Reame, chiamato Nichola Acciaioli (aprile, 1363) // Prose di Dante Alighieri e di messer Giovanni Boccaccio. Firenze, 1723.

Borghini V. Storia della nobiltà fiorentina: discorsi inediti o rari. Pisa, 1974.

Bracciolini Jacopo di Poggio. Vita di Filippo Scolari, cittadino fiorentino, per sopranome chiamato Spano, composta e fatta di Jacopo di messer Poggio e di latino in fiorentina tradotta da Bastiano Fortini / A cura di F. Polidori // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV.

Cambi G. Istorie di Giovanni Cambi cittadino fiorentino/ Pubbl. da fr. Ildefonso di San Luigi // Delizie degli eruditi toscani. Firenze, 1785. Vol. XX.

Capponi Gino di Neri. Ricordi // Miscellanea di studi offerta a Antonio Balduino e Bianca Bianchi. Presso di seminrio di filologia moderna dell' università Padova, 1962.

Castiglionchio L. da. Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccelentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753.

Castiglionchio B. da. Epistola di messer Bernardo da Castiglionchio a messer Lapo suo padre // Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccelentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753.

Castiglionchio F. da. Lettera mandata per messer Francesco da Castiglionchio ad Alberto suo padre sopra alla Coronazione del Re Carlo III, Re di Cicilia, e di Gerusalem // Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccelentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753.

Castiglionchio F. da. Copia d'una lettera scritta in Roma per messer Francesco d' Alberto da Castiglionchio // Epistola composta per lo Nobile Uomo e Dottore Eccelentissimo messer Lapo da Castiglionchio cittadino fiorentino a messer Bernardo suo figlio canonico della Chiesa Cattedrale di Firenze. Bologna, 1753.

[*Castiglionchio*] Libro memoriale de' figliuoli di messer Lapo da Castiglionchio (1382) / Ed. F. Novati. Bergamo, 1893.

Cavalcanti G. Istorie fiorentine / A cura di C.F. Polidori. Firenze, 1838. T. I.

Cavalcanti G. Nuova opera / Ed. A. Monti. P., 1989.

Cavalcanti G. Il Trattato politico-morale // *Grendler M.* The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.

Cecchi D. Riforma sancta et pretiosa // *Mazzone U.* "El buon governo". Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze, 1978.

Cecchi G. Il viaggio ambasciatori fiorentini al re di Francia nel MCCCCLXI descritto da Giovanni di Francesco di Neri Cecchi, loro cancelliere / Par C. Milanesi // Estrazione dall' Archivio storico italiano. Firenze, 1865. Seria III. T. I. Parte 1.

Cecco d' Ascoli. L' Acerba / A cura di A. Crespi. Cesari;Ascoli Piceno, 1927.

Ceffi F. Dicerie da imparare a dire a huomini giovani et rozzi / A cura di L. Biondi. Torino, 1825.

Cerretani Bartolomeo. Storia fiorentina / A cura di G. Berti. Firenze, 1994.

Certaldo Pace da. Storia della Guerra di Semifonte scritta da messer Pace da Certaldo e cronicchetta di Neri Strinati / Ed. R.A. Martini. Firenze, 1753.

Certaldo Paolo da. Il libro di buoni costumi. Documento di vita trecentesca fiorentina / A cura di A. Schiaffini. Roma, 1965.

Compagni D. Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi / Con prefazione di I. Del Lungo. Milano, 1913.

Compagni D. Amor mi sforza e mi sprona valere // Rimatori del Trecento / A cura di G. Corsi. Torino, 1969.

Corazza B. Diario Fiorentino di Bartolomeo di Michele del Corazza (1405—1438) / Ed. di G.O. Corazzini // Archivio Storico Italiano. 1894. S. V. Vol. XIV.

[*Corsini*]. Il libro di ricordanze dei Corsini (1362—1457) / A cura di A. Petrucci. Roma. 1965.

Credi Oderigo di. Ricordanze di Oderigo di Andrea di Credi, orafo, cittadino fiorentino dal 1405 al 1425 / A cura di F.L. Polidori // Achivio Storico Italiano. Firenze, 1843. T. IV.

Cronaca prima d'Anonimo (Squittinatore) // Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie / Ed. G. Scaramella // Rerum Italicarum Scriptores. Firenze, 1903—1913. Vol. XVIII.

Cronica fiorentina compilata nel secolo XIII // Testi fiorentini del Dugento e dei primi del Trecento / Ed. A. Schiaffini. Firenze, 1954.

Cronica volgare di anonimo fiorentino dell'anno 1358 al 1409, attribuita a Piero di Giovanni Minerbetti / A cura di E. Bellondi. Prefazione di D.M. Manni // Rerum Italicarum Scriptores. Cittá di Castello;Bologna, 1915—1917. S. 2a. Vol. XXVII. 2—3.

Cronicchetta d' incerto // Cronichette antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua toscana. Firenze, 1733.

Cronicchetta Strozziana // *Corazzini G.O.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887.

Dall' archivio di Francesco Datini mercante pratese / A cura di G. Livi. Firenze, 1910.

Dati G. Il libro segreto / A cura di C. Gargiolli. Bologna, 1869.

Dati G. Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405 / A cura di L. Pratesi. Norcia, 1904.

Datini M. Le lettere di Margherita Datini a Francesco di Marco (1384—1410) / A cura di V. Rosati. Prato, 1977.

Della Tosa S. Annali // Cronichette antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua Toscana. Firenze, 1733.

Diario d' anonimo fiorentino dall' anno 1358 al 1389 / Per cura di A. Gherardi // Cronache dei secoli XIII e XIV. Firenze, 1876.

Diario di anonimo fiorentino (1382—1401) / A cura di A. Molho e F. Sznura // Alle bocche della piazza. Firenze, 1986.

Diario Compagnano // *Corazzini G.O.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887.

Il discorso d'incerto, scritto nel 1377. Del principio e di alcuni fatti notabili del Priorato / Pubbl. da fr. Lldefonso di san Luigi, carmelitano scalzo // Delizie degli toscani eruditi. Firenze, 1777. Vol. IX.

Estratto dell' Istruzione data agli Ambasciadori fiorentini, inviati a Sigismondo imperatore e a Pippo Spano nell'ottobre del 1424 // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. Vol. IV.

Firidolfi L. Ricordanze di Luca di Totto Firidolfi da Panzano // *Carnesecchi C.* Un fiorentino del secolo XV e le sue ricordanze // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1889. Vol. IV.

Frescobaldi Matteo di Dino. Ballata del detto (XVI) // *Frescobaldi Matteo di Dino.* Rime / Ed. critica a cura di G.R. Ambrogio. Firenze, 1996.

Giamboni B. Il trattato di virtù e di vizi // *Giamboni B.* Il libro de' vizî e delle virtude e il trattato di virtù e di vizi / Ed. C. Segre. Torino, 1968.

Landucci L. Diario fiorentino dal 1450 al 1416 / Con annot. da I. del Badia. Firenze, 1883.

Latini Brunetto. Li livres dou Tresor de Brunetto Latini / Ed. by F. J. Carmody. Berkeley;Los Angeles, 1948.

Lenzi D. Il libro del Biadaiolo // *Pinto G.* Il libro del Biadaiolo: Carestie e annona a Firenze della metà dal' 200 al 1348. Firenze, 1978.

Libro di Monteaperti / A cura di C. Paoli // Documenti di storia italiana. Firenze, 1889. Vol. IX.

Il libro Fiesolano. Leggenda del buon secolo della lingua / Ed. per cura di G.T. Gargani. Firenze, 1855.

Macchiavelli B. Il libro di ricordi / A cura di C. Olschi. Firenze. 1954.

Macinghi Strozzi A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli / A cura di C. Guasti. Firenze, 1880. Vol. 1.

Malispini R., Malispini G. Storia fiorentina di Ricordano e Giacotto Malispini / Pref. di F. Costèro. Milano, 1880.

Manetti A. Uomini Singhularii in Firenze // Operette istoriche edite ed inedite di Antonio Manetti matematico ed architetto fiorentino del secolo XV / A cura di G. Milanesi. Firenze, 1887.

Mazzei L. Lettere di un notaro a un mercante dal sec. XIV / Per cura di C. Guasti. Firenze, 1880. Vol. I—II.

Mellini D. Vita di Filippo Scolari, volgarmente chiamato Pippo Spano, scritta da Domenico Mellini. Firenze, 1570.

Moregli Giovanni di Jacopo. Ricordi fatte in Firenze Giovanni di Iacopo Moregli, ciptadino di quella // Delizie degli Eruditi toscani. Firenze, 1785. Vol. XIX.

Morelli G. Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956.

Niccolini de' Sirigatti L. Il libro degli affari proprii di casa de Lapo di Giovanni Niccolini de' Sirigatti / Ed. Ch. Bec. P., 1969.

Ordinamenti di giustizia del comune e popolo di Firenze compilati nel 1293/ A cura di F. Bonaini // Archivio Storico Italiano. Nuova serie, I. P. 1a, 1855.

Ordinamenti di giustizia / Ed. G. Salvemini // *Salvemini G.* Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Firenze, 1899.

Ordinamenti di Giustizia, 1293—1993/ Introd. di F. Cardini. Firenze, 1993.

Palmieri M. Vita di Niccola Acciaioli Gran Siniscalco del Regno di Sicilia e di Gerusalemme. Descritta da Matteo Palmieri Cittadino Fiorentino e fatta volgare di m. Donato Acciaioli // Giovamdattista di Lorenzo Ubaldini. Storia della casa degli Ubaldini, e de fatti d'alcuni di quella Famiglia. Libro primo. Firenze, MDLXXXVIII (1588).

Panzano L. di T. da. Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano / Ed. di P. Berti // Giornale storico Archivi Toscani. Firenze, 1861. Vol. V.

Pieri P. Cronaca di Paolino Pieri fiorentino delle cose d'Italia dall'anno 1080 fino all'anno 1305/ A cura di A.F. Adami. Roma, 1755.

Razzi S. Vita di Gualtieri duca d' Athene // *Razzi S.* Vite di cinque uomini illustri. Firenze, 1602.

Razzi S. Vita di messer Salvestro de' Medici // *Razzi S.* Vite di cinque uomini illustri. Firenze, 1602.

Riformagione Nofri. Cronaca di ser Nofri // *Corazzini G.O.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887.

Robbia L. de. Vita di messer di Bartolommeo di Niccolo di Taldo de Valori // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV.

Rucellai G. Il Zibaldone quadragesimale // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone / A cura di A. Perosa. L., 1960.

Salviati J. Cronica o Memorie di Jacopo Salviati dal 1398 al 1411 / Pubbl. da fr. Ildefonso di San Luigi // Delizie degli eruditi Toscani. Firenze, 1784. Vol. XVIII.

Sanzanome iudicis. Gesta florentinorum ab anno 1125, ad annum 1231/ Avvertimento di G. Milanesi // Cronache dei secoli XIII e XIV secoli. Firenze, 1876.

Sassettti G. de. Libro del dare e dell' avere di Gentile de Sassetti e suoi figli // Nuovi testi fiorentini del Dugento con introduzione, trattazione linguista e glossario / A cura di Arrigo Castellani. Firenze, 1952. T. I.

Squittinatore. Diario dello Squittinatore // *Corazzini G.O.* I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887.

Stefani M. Cronaca fiorentina / A cura di N. Rodolico // Rerum Italicarum Scriptores. Città di Castello, 1903—1913. Vol. XXX.

Strinati N. Cronicchetta di Neri di Alfieri di Strinato di Ramingo degli Strinati / Ed. R.A. Martini // Storia della Guerra di Semifonte scritta da mess. Pace da Certaldo e cronicchetta di Neri degli Strinati. Firenze, 1753.

Strozzi L. Le vite degli uomini della casa Strozzi. Commentario di Lorenzo di Filippo Strozzi / Ragionam. di F. Zeffi. Firenze, 1892.

Strozzi P. Diario di Palla di Nofri Strozzi // Archivio Storico Italiano. 1883. Vol. XI; 1883. Vol. XII; 1884. Vol. XIII; 1884. Vol. XIV.

Ubaldini G. Storia della casa degli Ubaldini, e de fatti d'alcuni di quella Famiglia. Libro primo. Firenze, MDLXXXVIII (1588).

*Uzzano N da.*Versi fatti da Niccolò da Uzzano, predicendo la mutazione dello stato // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV.

Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1367 e 1370 / A cura di I Del Lungo, C. Volpi. Firenze, 1914.

Velluti A. Addizzioni // *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e 1370 / A cura di I Del Lungo, C. Volpi. Firenze, 1914.

Villani G. Nuova Cronica / Ed. critica a cura di G. Porta. Parma, 1991.

Villani M. Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior' lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredate da una prefazione del professore Michell Sartorio. Milano, 1848.

Villani F. Cronica di Filippo Villani // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste, 1857—1858.

Villani F. Le vite d' uomini illustri fiorentini scritte de Filippo Villani colle annotazioni del conte Giammaria Mazzuchelli. Firenze, 1826.

Viterbo G. da. Liber de regimine civitatum / A cura di G. Salvemini // Bibliotheca juridica medii aevi / A cura di A. Gaudenzi. Bologna. 1901. Vol. III.

Альберти Л.Б. Книги о семье / Пер., ст., прим. М.А. Юсима. М., 2008.

Аноним. Новелла о Грассо, инкрустаторе и резчике по дереву // Европейская новелла Возрождения. М., 1974.

Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции / Пер. с итал, ст. и прим. М.А. Юсима. М., 1997.
Данте. Божественная Комедия / Пер. с итал. М. Лозинского. М., 1982.
Данте. Пир // *Данте Алигьери.* Малые произведения / Изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. Отв. ред. М.П. Алексеев, И.Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968.
Компаньи Д. Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с итал., ст. и прим. М.А. Юсима. М., 2015.
Питти Б. Хроника / Пер. с итал. З.В. Гуковской. Под ред. М.А. Гуковского, В.И. Рутенбурга. Л., 1972.
Саккетти Ф. Новеллы / Пер. В.Ф. Шишмарева. Л., 1962.

Литература

Adriani M. Note sulla cultura proto-quattrocentesca fiorentina // Un' altra Firenze. L' epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze, 1971.
Ambrogio G.R. Nota biografica culturale // *Matteo di Dino Frescobaldi.* Rime / Ed. critica a cura di G.R. Ambrogio. Firenze, 1996.
Anselmi G.M. Contese politiche e sociale nelle "Prime Storie" del Cavalcanti: il ruolo di Giovanni de' Medici // Archivio Storico Italiano. 1976. Vol. CXXXIV.
Arnaldi G. Dino Compagni: cronista e militante "popolano" // La cultura. 1983. Vol. XXI. № 1.
Artifoni E. Tensioni sociali e istituzioni nel mondo comunale // La storia. I grandi problemi dal Medioevo all'età contemporanea / Dir. da N. Tanfaglia e M. Firpo. Torino, 1986. Vol. 2. Popoli e strutture politiche.
Artifoni E. L' estinzione dei quadri consolari e l' emergere dell' regime podestarile // Storia di Torino / A cura di G. Sergi. Torino, 1997. Vol. I. Dalla preistoria al comune medievale.
Balestracci D. Le armi, i cavalla, l' oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento. Roma;Bari, 2003.
Balzani U. Le cronache italiane nel Medio Evo. Milano, 1909.
Baron H. The Crisis of the Early Italien Renaissance. Civic Humanism and Republican Liberty in an Age of Classicism and Tyranny. Princeton, 1966.
Bartoli Langeli A. La scrittura dell' italiano (L' identità italiana). Bologna, 2000.
Bec Ch. Les marchands écrivains. Affaires et humanisme à Florence, 1375—1434. P., 1967.
Becker M. Gualtieri de Brienne e l'uso delle dispense giudiziarie // Archivio Storico Italiano. 1955. Vol. CXIII.
Becker M. A Study in Political Failure: The Florentine Magnates (1280—1343) // Medieval Studies. 1965. Vol. XXVII. № 1.
Becker M. Florence in Transition. Baltimore, 1967. Vol. I. The Decline of the Commune.
Becker M. La trasformazione della finanza e l'emergere dello stato territoriale a Firenze nel Trecento // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979.
Benvenuti A. "Secondo che raccontano le storie": il mito delle origini cittadine nella Firenze comunale // Il senso della storia nella cultura medievale italiana (1100—1350). Pistoia, 1995.
Bertelli S. Il potere oligarchico nello stato-città medievale. Firenze, 1978.
Bonanno C. Della Tosa, Simone // Dizionario Biografico degli Italiani. 1989. Vol. 37.
Branca V. Introduzione // Mercanti scrittori: Ricordi nella Firenze tra Medioevo e Rinascimento / A cura di V. Branca. Milano, 1986.
Brezzi P. Economia e società nel tardo medioevo. Roma, 1975.
Brezzi P. Roma, Firenze del sec. XII al XIV. Roma, 1976.
Brucker G.A. Florentine Politics and Society. 1343—1378. Princeton, 1962.

Brucker G.A. The Revolt of the Ciompi // Florentine Studies / Ed. N. Rubinstein. Evanston, 1968.

Brucker G.A. Renaissance Florence. N.Y., 1969.

Bruni F. La città divisa. Le parti e il bene comunale da Dante a Guicciardini. Bologna, 2003.

Cage J. Life in Italy at the Time of the Medici. L., 1968.

Caggese R. Classi e comuni rurali nel Medio Evo italiano: saggio di storia economica e giuridica. Firenze, 1906—1909. Vol. II.

Caggese R. Firenze dalla decadenza di Roma al Risorgimento d' Italia. Firenze, 1913. T. II. Dal priorato di Dante alla caduta della repubblica.

Cammarosano P. Aspetti delle strutture familiari nelle cittá dell' Italia comunale: secoli XII—XIV // Famiglia e parentela nell' Italia medievale / A cura di G. Duby, J. Le Goff. Bologna, 1984.

Cammarosano P. Il ricambio e l' evoluzione dei ceti dirigenti nel corso del XIII secolo // Magnati e popolani nel Italia comunale. Atti del quindicesimo convegno di studi del Centro italiano di studi di storia e d'arte. Pistoia, 1997.

Cammarosano P., Pinto G., Zorzi A. I primi secoli della storia di Firenze: a proposito dei volumi: Firenze nell' età romanica di E. Faini, Popolani e magnate di S. Diacciati, Il commune di Firenze tra Due e Trecento di P. Gualtieri // Annali di storia di Firenze. Firenze, 2011. Vol. VI.

Canestrini G. Discorso sopra alcune rélazioni della Republica Fiorentina col Re d' Ungheria e con Filippo Scolari // Archivio Storico Italiano. 1843. Vol. IV.

Capitani O. Città e comuni // Storia d'Italia / Dir. da G. Galasso. Torino, 1981. Vol. IV. Comuni e Signorie: istituzioni, società e lotte per l'egemonia / Di O. Capitani, R. Manselli, G. Cherubini, A. Pini, G. Chittolini.

Cardini F. Il vento della steppa e le leggende familiari. A proposito delle sepolture equestri dei Lamderti // Archeologia medioevale. 1981. Vol. VIII. Problemi di storia dell'alimentazione.

Cardini F. "Nobiltà" e cavalleria nei centri urbani: problemi e interpretazioni // Nobiltà e ceti dirigenti in Toscana nei secoli XI—XII: strutture e concetti. Firenze, 1982.

Cardini F. Concetto di cavalleria e mentalitá cavalleresca nei romanzi e nei cantari fiorentini // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983.

Cardini F. L' acciar de' cavalieri. Studi sulla cavalleria nel mondo toscano e italico (secc. XII—XV). Firenze, 1997.

Cardini F. L'autunno del medioevo fiorentino. Un "umanesimo cavalleresco"? // Mito e storia nella tradizione cavalleresca del Basso Medioevo. Spoleto. 2006.

Cardini F. I fiorentini alle crociate, I fiorentini e le crociate // I fiorentini alle crociate. Guerre, pellegrinaggi e immaginario "orientalistico" a Firenze tra Medioevo ed Età moderna / A cura di S. Agnoletti, L. Mantelli. Firenze, 2007.

Cardini F. Introduzione. Cavalieri e città nella società italica medievale // Cavalieri e città / A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegno internazionale di studi. Volterra, 19—21 giugno 2008. Pisa, 2009.

Carducci G. Delle rime e della varia fortuna di Dante / Ed. Di M. Pelaez. Bologna, 1913.

Carratori L. Cavalcanti, Amerigo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1979. Vol. 22.

Cassandro M. Per una tipologia della struttura familiare nelle aziende toscane, dei secoli XIV—XV // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983.

Catalano F. Stato e società nei secoli, pagine di critica storica. Messina;Firenze, 1967. Vol. I. L'età medievale.

Cavalca D. Il ceto magnato a Firenze dopo gli Ordinamenti di giustizia // Rivista di storia del diritto italiano. 1967—1968. Vol. XL—XLI.

Cazalé Bérard C., Klapisch-Zuber C. Mémoire de soi et des autres dans les livres de famille italiens // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. P., 2004. № 4.

Cesari A.M. Chronica de origine civitatis Florentie // Atti e memorie dell'Accademia Toscana di scienze e lettere "La Colombaria". Vol. 58, serie XI. Firenze, 1993. T. IV.
Ciabani R. Firenze. Di gonfalone in gonfalone. Firenze, 1998.
Ciappelli G. Libri e letture nel XV secolo. Le "ricordanze" e la ricostruzione delle biblioteche private // Rinascimento. Nuova serie. 1989. Vol. 29.
Ciappelli G. Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. Firenze, 1995.
Ciappelli G. Firidolfi da Panzano, Luca // Dizionario biografico degli Italiani. 1997. Vol. 48.
Ciappelli G. I libri di famiglia di Firenze. Stato delle ricerche e iniziative in corso // *Mordenti R.* I libri di famiglia in Italia. Roma, 2001. Vol. II. Geografia e storia.
Cicchetti A., Mordenti R. La scrittura dei libri di famiglia // Letteratura italiana / A cura di A. Asor Rosa. Torino, 1984. Vol. III. Le forme del testo. T. II. La prosa.
Cipolla C.M. Histoire économique de la population mondial. P., 1965.
Cipriani G. Il mito etrusco nel Rinascimento fiorentino. Firenze, 1980.
Cohn S.K. The Laboring Classes in Renaissance Florence. N.Y.;L., 1980.
Collavini S.M. I signori rurali in Italia centrale (secoli XII—metà XIV): profilo sociale e forme di interazione // Les pouvoirs territoriaux en Italie centrale et dans le sud de la France. Hiérarchies, institutions et langages (XIIe—XIVe siècle): études compares. Moyen Âge. Mélanges de l'École française de Rome. 2011.
Coluccia C. Per una nuova edizione delle Croniche di Paolino Pieri // Ex traditione innovatio. Miscellanea in honorem Max Pfister septuagenarii oblata. Darmstadt, 2002. Vol. III. Miscellanea sociorum operis in honorem magistri conscripta.
Corazzini G.O. I Ciompi. Cronache e documenti. Firenze, 1887.
Cortese M.E. Nella sfera dei Guidi: I "da Quona" ed altri gruppi familiari aristocratici della bassa Val di Sieve tra XI e XII secolo // Antica posessione con belli costumi. Due giornate di studio su Lapo da Castiglionchio "il Vecchio" / A cura di F. Sznura. Con la nuova edizione dell'Epistola al figlio Bernardo. Firenze, 2005.
Cortese M.E. Castelli e città. L' incastellamento nelle aree periurbane della Toscana (sec. X—XII) // Castelli. Storia e archeologia del potere nella Toscana medievale. Firenze, 2000. Vol. I / A cura di R. Francovich, M. Ginatempo.
Cortese M.E. Una potenza in ascesa. Formazione, geografia e struttura dei domini guidinghi in territorio fiorentino (secoli X—XII) // La lunga storia di una stirpe comitale. I conti Guidi tra Romagna e Toscana. Atti del convegno di studi organizzato dai Comuni di Modigliana e Poppi / A cura di F. Canaccini. Firenze, 2009.
Cristiani E. Sul valore politico del cavalierato nella Firenze dai secoli XIII e XIV // Studi Medievali. Ser. III. 3a. Spoleto, 1962.
Cristiani E. I fuorusciti di parte "bianca" tra il secolo XIII e il XIV // Exil et civilization en Italie (XII—XVI) / Ètud. rèunes par J. Heers et Chr. Bec. Paris, 1990.
D'Alessandro A. Vincenzio Borghini tra filologia e invenzione // Archivio Storico Italiano. 2003. Vol. 595.
Dameron G.W. Episcopal Power and Florentine Society, 1000—1320. Cambridge;London, 1991.
Dainelli A. Niccolo' da Uzzano nella vita politica dei suoi tempi // Archivio Storico Italiano. 1932. Vol. IX.
Davidson R. Storia di Firenze. 8 vols. Firenze, 1956—1968. Vol. I.
Davis C.T. The Malispine Question // Studi medievali. Serie 3. 1969. Vol. X. № III.
De Angelis L. La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. Istituzioni e lotte politiche nel nascente stato territoriale fiorentino. Firenze, 2009.
De Rosa D. Alle origini della repubblica fiorentina. Dai consoli al "Primo popolo" (1172—1260). Firenze, 1995.
De Vergottini G. Arti e Popolo nella prima metà del secolo XIII. Milano, 1943.

De Vicentiis A. Scrittura storica e politica cittadina: la "Cronaca fiorentina" di Marchionne di Coppo Stefani // Rivista storica italiana. 1996. Vol. 108. № 1.

De Vincentiis A. Politica, memoria e oblio a Firenze nel XIV secolo. La tradizione documentaria della signoria del duca d' Atene // Archivio Storico Italiano. 2003. Vol. 596. № II.

Diacciati S. Popolo e regimi politici a Firenze nella prima metà de Duecento // Annali di storia di Firenze. 2006. Vol. I.

Diacciati S. Popolani e magnati. Società e politica nella Firenze del Duecento. Spoleto, 2011.

Doren A. Le Arti fiorentine. Firenze, 1940. T. I.

Duby G. La diffusion du titre chevalresque sur le versant méditerranéen de la Chrétienté latine // La noblesse au Moyen Âge XI—XIV siècle (Essais à la memoire de Robert Boutruche). P., 1976.

Fabbri L. Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del' 400. Firenze, 1991.

Faini E. Il gruppo dirigente fiorentino dell' età consolare // Archivio Storico Italiano. 2004. Vol. CLXII.

Faini E. Il convito fiorentino del 1216. La vendetta all'origine del fazionalismo fiorentino // Annali di storia Firenze. 2006. Vol. I.

Faini E. Uomini e famiglie nella Firenze consolare // http//www.storia di Firenze.org, 2009.

Faini E. Firenze nell'età romanica (1000—1211). L' espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze, 2010.

Fanfani A. Le origini dello spirito capitalistico in Italia. Milano, 1933.

Fasoli G. Lineamenti di una storia della cavalleria //Studi di storia medievale e moderna in onore di Ettore Rota / A cura di P. Vaccari e P. F. Palumbo. Roma, 1958.

Fiumi E. Fioritura e decadenza dell' economia fiorentina // Archivio Storico Italiano. 1959. Vol. CXVII.

Flori J. Cavalieri e cavalleria nel medioevo. Torino, 1999.

Follini V. Notizie della famiglia Malispini e de' due storici Ricordano e Giacotto Malispini // Storia fiorentina di Ricordano Malispini col seguito di Giacotto Malispini della edificazione di Firenze sino al'anno 1286 / A cura di V. Follini. Firenze, 1816.

Eorti F. Cacciaguida // Enciclopedia Dantesca. 1970.

Fubini R. Prefazione // I Consigli della Repubblica fiorentina. Libri fabarum XVII (1338—1340)/ A cura di F. Klein. Roma, 1995.

Gagliardi I. Cavalieri in città: liturgia e rovesciamenti simbolici // Cavalieri e città / A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19—21 giugno 2008. Pisa, 2009.

Garin E. Storia della filosofia italiana. Torino, 1966. Vol. I.

Gasparri S. I milites cittadini: Studi sulla cavalleria in Italia. Roma, 1992.

Gervinus G.G. Geschichte der Florentinischen Historiographia bis zum sechzehnten jarhundert. Frankfurt-am-Mein, 1833.

Giannoti D. Della repubblica fiorentina di messer Donato Giannotti. Libri Quattro / Pref. di N. Ridolfi. Venezia, 1722. Vol. I.

Goldthwaite R.A. Private Wealthe in Renaissance Florence. A Study of Four Families. Princeton, 1968.

Grasso C. Un prelato fiorentino all' assedio di Acri: Monaco e il "Rithmus de expedition ierosolimitana" // I fiorentini alle crociate. Guerre, pellegrinaggi e immaginario "orientalistico" a Firenze tra Medioevo ed Età moderna / A cura di S. Agnoletti, L. Mantelli. Firenze, 2007.

Green L. Cronicle into History: An Essay on the Interpretation of History in Florentine Fourteenth-Century Cronicles. Cambridge, 1972.

Grendler M. The "Trattato politico-morale" of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.

Grillo P. Cavalieri e popoli in armi. Le istituzioni militari nell'Italia medievale. Roma;Bari, 2008.

Grillo P. Cavalieri e fanti negli eserciti comunali italiani // Cavalieri e città /A cura di F.

Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III Convegno internazionale di studi. Volterra 19—21 giugno 2008. Pisa, 2009.

Gualtieri P. Il Comune di Firenze tra due e trecento. Partecipazione politica e assetto istituzionale. Firenze, 2009.

Guidi G. I Sistemi elettorali agli uffici della città-repubblica di Firenze nella prima metà del Trecento (1329—1349) // Archivio Storico Italiano. 1977. Vol. 135.

Guidi G. Gli istituti "Di Dentro", che componevano il governo di Firenze nel 1415 // *Guidi G.* Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento. Firenze, 1981. Vol. II. Gli istituti "di dentro" che componevano il governo di Firenze nel 1415.

Heers J. L' Occident aux XIVe et XVe siècles. Aspects économiques et sociaux // P.U.F. "Nouvelle Clio"; l'histoire et ses problèmes, collection dirigéy par R. Boutruche et P. Limerle. P., 1963.

Heers J. Il clan familiare nel Medioevo. Studi sulle strutture politiche e sociali degli ambienti urbani. Napoli, 1976.

Heers J. Consorterie familiari alla fine del Medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979.

Herlihy D. The Problem of the "Return to the Land" in Tuscan Economic History of the Fourteenth and Fifteenth Centuries // Civiltà ed economia agricola in Toscana nei secc. XIII—XV. Pistoia, 1981.

Hurtubis P. Une famille-temoin. Les Salviati. Cittá di Vaticano, 1985.

Jones P.J. Florentine Families and Florentine Diaries in the Foorteenth Century // Papers of the British School at Rome. 1956. Vol. XXIV.

Jones P.J. Comuni e Signorie: la città-stato nell' Italia del tardo Medioevo // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979.

Jones P.J. Economia e societá nell' Italia medievale. Torino, 1980.

Jorcin A. Les Medicis. Lausanne, 1969.

Keller H. Signori e vassalli nell'Italia delle città (secoli IX—XII). Torino, 1995.

Kent D.V. The Florentine "Reggimento" in the Fifteenth Century // Renaissance Quarterly. 1975. Vol. XXVIII.

Kent D.V. The Rise of the Medici. Faction in Florence 1426—1434. Oxford, 1978.

Kent D.V., Kent F.W. Neighbours and Neighbourhoods in Renaissance Florence: the District of the Red Lion in the Fifteenth Century. N.Y., 1982.

Kent D.V. Dinamica del potere e patronato nella Firenze di Cosimo de Medici // I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987.

Kent F.W. Household and Lineage in Renaissance Florence. The Family Life of the Capponi, Ginori and Rucellai. Princeton, 1977.

Kent F.W. The Making of a Renaissance Patron of the Arts // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone. L., 1981. Vol. II. Florentine patrician and his Palace / Ed. by A. Perosa.

Klapisch-Zuber C. "Parenti, amici e vicini": il territorio urbano d' una famiglia mercantile nel XV secolo // Quaderni storici. 1976. Vol. XXXIII.

Klapisch-Zuber C., Herlihy D. Les Toscans et leurs familles. Une étude du catasto florentin de 1427. P., 1978.

Klapisch-Zuber C. La maison et le nom: stratégies et rituals dans l'Italie de la Renaissance. P., 1996.

Klein F. Ceti dirigemti e controllo dello spazio urbano a Firenze: i legami di vicinato // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983.

Kohl B.G. Donati, Manno // Dizionario Biografico degli Italiani. 1992. Vol. 41.

La Roncière C.M. de. Un changeur florentin du Trecento: Lippo di Fede del Sega (1285—1363). P., 1973.

La Roncière C.M. de. Una famiglia fiorentina nel XIV secolo: i Velluti //Famiglia e paren-

tela nell' Italia medievale / A cura di G. Duby, J. Le Goff. Bologna, 1981.
Lami V. Di un compendio inedito della Cronica di Giovanni Villani nelle sue relazioni con la storia fiorentina malispiniana // Archivio Storico Italiano. 1890. Serie 5. Vol. V. № 1.
Lansing C. The Florentine Magnates: Lineage and Faction in Medieval Commune. Princeton, 1991.
Larivaille P. La vie quotidienne en Italie au temps de Machiavel. Florence;Rome;Paris. 1979.
Larner J. L'Italia nell'età de Dante, Petrarca e Boccaccio. Bologna, 1982.
Le Goff J. Marchands et banquiers du Moyen Âge. P., 1972.
Le Goff J. Au Moyen Âge: Temps de l' Église et temps du marchand // *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Âge. Temps, travail, et culture en Occident. P., 1977.
Léonard É.G. Les Angevins de Naples. P., 1954.
Luzzati M. Firenze e la Toscana nel Medioevo: Seicento anni per la costruzione di uno Stato. Torino, 1986.
Luzzatto G. Per la storia dell' economia rurale in Italia nel secolo XIV // Hommage à Lucien Febvre. Éventail de l' histoire vivante offert par l' amitié d' Historiens, Linguistes, Géographes, Économistes, Sociologues, Ethnologues. P., 1953. II
Maire Vigueur J.-C. Il problema storiografico: Firenze come modello (e mito) di regime popolare // Magnati e popolani nell'Italia comunale. Atti del qiundicesimo Convegno di studi, Pistoia, 15—18 maggio 1995. Pistoia, 1997.
Maire Vigueur J.-C. Conclusione: Flussi, circuiti e profile // I podestà dell' Italia comunale. Roma, 2000. Parte I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec.—metà XIV sec.) / A cura di J.-C. Maire Vigueur.
Maire Vigueur J.-C. Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell' Italia comunale. Bologna, 2004.
Malanima P. I Riccardi di Firenze. Una famiglia e un patrimonio nella Toscana dei Medici. Firenze, 1977.
Mandrou R. Introduction à la France moderne (1500—1640). P., 1961.
Martines L. Social World of the Florentine Humanists, 1390—1460. Princeton, 1963.
Martines L. Firenze e Milano nel Quattrocento: il ruolo dei giuristi // La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento. Bologna, 1979.
Marzi D. La Cancelleria della repubblica fiorentina. Rocca di San Casciano, 1910.
Masi G. La struttura sociale delle fazioni politiche fiorentine ai tempi di Dante // Giornale dantesco. 1928. Vol. XXXI.
Masi G. I banchieri fiorentini nella vita politica della città sulla fine del Dugento // Archivio giuridico. 1931. Vol. CV.
Mastroddi L. Malispini, Ricordano // Dizionario Biografico degli Italiani. 2007. Vol. 68.
Mazzone U. "El buon governo". Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze, 1978.
Medici D. I primi dieci anni del priorato // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.
Melis F. Firenze // Città, mercanti, dottrine nell'economia europea dal IV al XVIII secolo. Saggi in memoria di Gino Luzzatto / Ed. A. Fanfani. Milano, 1964.
Miglio L. Cavalcanti, Mainardo // Dizionario Biografico degli Italiani. 1979. Vol. 22.
Monti A. Les chroniques Florentines de la première révolte populaire à la fin de la Commune (1345—1434). Lille, 1983.
Monti A. Introduction // *Cavalcanti G.* Nuova opera. P., 1989.
Mordenti R. Les livres de famille en Italie // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. 2004. № 4.
Morghen R. Dante profeta tra la storia e l'eterno. Milano, 1983.
Najemy J.M. Corporatism and Consensus in Florentine Electoral Poilitics, 1280—1400. Chapel Hill, 1982.

Najemy J.M. The Dialogue of Power in Florentine Politics // City-states in Classical Antiquity and Medieval Italy. Athens and Rome, Florence and Venice / Ed. by A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Stuttgard, 1991.

Najemy J.M. Storia di Firenze 1200—1575. Torino, 2014.

Napoli M.T. Cavalcanti, Giannozzo // Dizionario Biografico degli Italiani. Roma. 1979. Vol. 22.

Nemeth Papo G., Papo A. Pippo Spano. Un erroe antiturco antesignano del Rinascimento / Ed. della Laguna, Mariano del Friuli, 2006.

Origo I. La villa // Storia dell' economia italiana. Torino, 1959. Vol. I.

Origo I. Il mercante di Prato. La vita di Francesco Datini nel Nome di Dio e del guadagno. Alle origini del capitalismo italiano. Milano, 1979.

Ottokar N. A proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio del anno 1295 // Studi comunali e fiorentini. Firenze, 1948.

Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Torino, 1962.

Pampaloni G. Tornaquinci, poi Tornabuoni, fino ai primi de Cinquecento // Archivio Storico Italiano. 1968. Vol. 126.

Pampaloni G. I magnati in Firenze alla fine del Dugento // Archivio Storico Italiano. 1971. Vol. 129. № 4.

Pampaloni G. Firenze al tempo di Dante. Documenti sull' urbanistica fioretina. Roma, 1973.

Pandimiglio L. Giovanni di Pagolo Morelli e le strutture familiari // Archivio storico fiorentino. 1978. Vol. 136. № 4.

Pandimiglio L. Giovanni di Pagolo Morelli e la continuità familiare // Studi medievali. Ser. 3. 1981. Vol. XXIII.

Paoli C. Della Signoria di Gualtieri de Brienne duca d'Athene in Firenze. Memoria compilata sui documenti. Firenze, 1862.

Papa P. Due lettere di Corso Donati capitano a Bologna nel 1293 // Raccolta di studi critici dedicata ad Alessandro d' Ancona. Firenze, 1901.

Pardi G. La peste del 1348 e la popolazione del contado fiorentino // Bollettino dell' Unione statistica della Città italiane. 1921. Vol. 2—4.

Parenti P. Dagli Ordinamenti di Giustizia alle lotte tra Bianchi e Neri // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.

Partini A.M., Nestler V. Cecco d'Ascoli poeta occultista medievale. Roma, 2006.

Paschini P. Ubaldini // Enciclopedia Cattolica. Vol. XII. Città del Vaticano, 1954.

Passerini L. Genealogia e storia della famiglia Rucellai. Firenze, 1861.

Peterson D.S. The War of the Eight Saints in Florentine Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence / Ed. by W.J. Connell. Berkeley;Los Angeles;London. 2002.

Petrucci A. I Corsini tra XIV e XV secoli. Introduzione a Il libro di Ricordanze dei Corsini // Il libro di ricordanze dei Corsini (1362—1457) / A cura di A. Petrucci. Roma. 1965.

Petrucci A. Le bibioteche antiche // Letteratura italiana. Torino, 1983. Vol. II. Produzione e consumo.

Pieri P. L' evoluzione delle milizie comunale italiane // Scritti vari. Torino, 1966.

Pinto G. Ordinamento colturale e proprietà fondiaria cittadina nella Toscana del tardo Medioevo // Contadini e proprietari nella Toscana moderna. Firenze, 1979. Vol. I. Dall' Medioevo all' Età moderna.

Pinto G. Ceti dominanti, proprietà fondiaria e gestione della terra a Firenze nel Trecento // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983.

Pinto G. Premessa // La società del bisogno; Povertà e assistenza nella Toscana medievale / A cura di G. Pinto. Firenze, 1989.

Polidori F. Avvertimento. Due vite di Philippo Scholari // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. Vol. IV.

Ragone F. Giovanni Villani e i suoi continuatori. La scritta delle cronache a Firenze nel Trecento. Roma, 1998.
Raveggi S. Il regime ghibellino // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politico a Firenze. Firenze, 1978.
Raveggi S. Donati, Corso // Dizionario Biografico degli Italiani. 1992. Vol. 41.
Raveggi S. I rettori fiorentini // Il Podestà dell' Italia comunale. Roma, 2000. Parte I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec.—meta XIV sec.) / A cura di J.-C. Maire Vigueur. Vol. I.
Raveggi S. Storia di una leggenda: Pazzo de' Pazzi e le pietre del Santo Sepolcro // I fiorentini alle crociate. Guerre, pellegrinaggi e immaginario "orientalistico" a Firenze tra Medioevo ed Età moderna / A cura di S. Agnoletti, L. Mantelli. Firenze, 2007.
Renard G. Histoire du travail à Florence: ouvrage orne d' illustrations. P., 1913. Vol. I.
Renouard Y. Les homes d'affaires italiens du Moyen Âge. P., 1968.
Rodolico N. Il popolo minuto. Note di storia fiorentina (1343—1378). Bologna, 1899.
Rodolico N. La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378—1382). Bologna, 1905.
Rodolico N. I ciompi: una pagina di storia del proletariato operaio. Firenze, 1945.
Romano R., Tenenti A. Il Rinascimento e la Riforma (1378—1598). Torino, 1972.
Rossi S. Dalle botteghe alle Accademie. Realtà sociale e theorie artistiche a Firenze dal XIV al XVI secolo. Milano. 1980.
Rubinstein N. La lotta contro i magnati a Firenze. La prima legge sul "sodamento" e la pace del Cardinalo Latino // Archivio Storico Italiano. 1935. Vol. II. № 2.
Rubinstein N. Il regime politico di Firenze dopo il Tumulto dei ciompi // Il Tumulto dei ciompi. Un momento di storia fiorentina ed europea. Firenze, 1981.
Sagredo A. Nota apologetica // Archivio Storico Italiano. Firenze, 1843. IV.
Salvemini G. Gli ordini della Giustizia del 6 luglio 1295 // Archivio Storico Italiano. Ser. 5. 1892. Vol. X.
Salvemini G. La dignità cavallersca nel Comune di Firenze e altri scritti / A cura di E. Sestan. Milano, 1972.
Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Torino, 1974.
Santini P. Studi sull'antica costituzione del commune di Firenze // Archivio Storico Italiano. Ser. 5. 1900. Vol. XXV. № 217.
Santini P. Quesiti e ricerche di storiografia fiorentina. Firenze, 1903. Vol. II.
Sapegno M.S. Il trattato politico e utopico. Retorica e cronaca // Letteratura italiana / A cura di A. Rosa. Torino. 1984. Vol. III. Le forme del testo. Parte II. La prosa.
Sapori A. La crisi delle conpagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926.
Sapori A. Acciaioli // Enciclopedia Italiana. Milano;Roma, 1929. Vol. I.
Sapori A. La compagnia dei Frescobaldi in Inghilterra. Firenze, 1947.
Sapori A. Le marchand italien au Moyen Âge. P., 1952.
Sapori A. Studi di storia economica. Secoli XIII—XIV—XV. Firenze, 1955. Vol. I.
Sapori A. Divagazioni su tempo e spazio // Saggi di economia aziendale e sociale: in memoria di Gino Zappa. Milano, 1961.
Savorelli A. Un "mamelucco fiorentino" e la crociata sull'Arno // I fiorentini alle crociate. Guerre, pellegrinaggi e immaginario "orientalistico" a Firenze tra Medioevo ed Età moderna / A cura di S. Agnoletti, L. Mantelli. Firenze, 2007.
Scheffer-Boichorst P. Die florentinische Geschichte der Malispini, eine Fälschung // Historische Zeitschrift. 1870. Bd. XXIV.
Segre C. Bono Giamboni e la cultura fiorentina del Duecento // *Giamboni B.* Il trattato di virtù e di vizi // *Giamboni B.* Il libro de' vizî e delle virtudi e il trattato di virtù e di vizi / A cura di C. Segre. Torino, 1968.
Sestan E. Il Comune nel Trecento [Firenze]. Firenze, 1953.
Settia A.A. I mezzi della Guerra. Balestre, pavese e lance lunghe: la specializzatione delle

fanterie comunali nel secolo XIII // Pace e Guerra nel basso medioevo. Spoleto, 2004.
Settia A.A. De re militari. Pratica e teoria della Guerra medievale. Roma, 2008.
Sznura F. L'espansione urbana di Firenze nel Ducento. Firenze, 1975.
Tabacco G. Nobili e cavalieri a Bologna e a Firenze fra XII e XIII secolo // Studi medievali. Ser. 3. 1976. Vol. XVII.
Tabacco G. Egemonii sociali e strutture del potere nel medioevo italiano. Torino, 1979.
Tanfani L. Niccolo Acciaiuoli. Firenze, 1863.
Tangheroni M. L' esercizio delle armi nei diversi ceti sociali // I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale. Firenze, 1983.
Tarassi M. Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.
Tenenti A. Credenze, ideologie, libertinismi tra medioevo ed Età moderna. Bologna, 1978.
Tenenti A. Les dictatures dans les États urbains des XIII—XVI siècles italiens // Dictatures et Légitimité sous de M. Duverger. P., 1982.
Il Trecento. Dalla crisi dell' etá comunale all' umanesimo / Ed. C. Muschetta, A. Tartaro. Bari, 1972. Vol. II. T. 2.
Trexler R. Neighbours and Comrades: the Revolutionnaries of Florence. 1378 // Social Analysis. 1983. Vol. XIV.
Trexler R. Public Life in Renaissance Florence. N.Y., 1980.
Ugolini G. Moti popolari e potere nell' esperienze fiorentine del Trecento // Un altra Firenze. L' epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze, 1973.
Ugolini P. La politica fiorentina di Cosimo de' Medici // Un' altra Firenze. L' epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze, 1973.
Ugurgieri della Berardenga C. Gli Acciaiuoli di Firenze nella luce dei loro tempi. Firenze, 1961. T. I.
Valeri E. Palmieri, Matteo // Dizionario Biografico degli Italiani. 2014. Vol. 80.
Vannucci M.I. Medici. Una famiglia al potere. Roma. 1987.
Varese C. Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino, 1961.
Ventrone P. La festa di San Giovanni: costruzione di un' identità civica fra rituale e spettacolo// Annali di storia di Firenze. 2007. Vol. II.
Villari P. Le origini di Firenze // *Villari P.* I primi due secoli della storia di Firenze. Firenze, 1905.
Villari P. Niccolo Machiavelli e suoi tempi. Milano, 1914. Vol. I.
Witt R.G. Florentine Politics and the Ruling Class (1380—1407) // Journal of Medieval and Renaissance Studies. 1976. Vol. VI.
Zambrini F. Le opere volgari a stampa dei secoli XIII e XIV. Bologna, 1878.
Zorzi A. "Ius erat in armis". Faide e conflitti tra pratiche sociali e pratiche di governo // Origini dello stato. Processi di formazione statale in Italia fra Medioevo ed età moderna / A cura di G. Chittolini, A. Molho, P. Schiera. Bologna, 1994.
Zorzi A. Politica e giustizia a Firenze al tempo degli ordinamenti antimagnatizi // Ordinamenti di Giustizia fiorentini. Studi in occasione del VII centenario / A cura di V. Arrighi. Firenze, 1995.
Zorzi A. La trasformazione di uno quadro politico. Ricerche su politica e giustizia a Firenze dal comune allo stato territoriale. Firenze, 1995.
Zorzi A. Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale // In corso di stampa in Pratiques sociales et politiques judiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Âge (Actes du colloque international organisé par l'École française de Rome, l'Université d'Avignon et des Pays-de-Vaucluse, l'Università degli studi di Firenze et l'Institut universitaire de France, Avignon, 29 novembre—1 décembre 2001) / A cura di J. Chiffoleau, C. Gauvard, A. Zorzi. Roma, 2007.

Абрамсон М.Л. Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М., 2005.

Баткин Л.М. Флорентийские гранды и поправки 6 июля к «Установлениям справедливости» // Средние века. 1961. Вып. 20.

Баткин Л.М. Этюд о Джованни Морелли // Вопросы истории. М., 1962. № 12.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М., 1995.

Бернадская Е.В. К вопросу о социальных истоках Возрождения в локальных центрах Северной и Средней Италии // Культура Возрождения и Средние века. М., 1993.

Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. М., 1977.

Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.

Брагина Л.М. О некоторых спорных вопросах социальной психологии флорентийского купечества XV в. // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993.

Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.

Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей — 1990. Личность и общество. М., 1990;

Гусарова Т.П. Город и деревня в Италии на рубеже Позднего Средневековья. М., 1983.

Девятайкина Н.И. Круг интересов горожан по свидетельству Петрарки // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. III. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей.

Девятайкина Н.И. Латинский нарратив трактата Петрарки: источники, способы организации текста, авторское «Я» // *Петрарка Фр.* Диалоги на гендерные и эстетические темы (трактат «О средствах против превратностей судьбы, кн. 1). Саратов, 2008.

Зарецкий Ю.П. Автобиографии пополанов: флорентийцы XIV—XV вв. о себе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. III. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей.

Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв. Проблемы торговли. М., 1990.

Контлер Л. История Венгрии: Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.

Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в XIII—XV вв. М., 1987.

Краснова И.А. Казусы законотворчества в обществе Флоренции XIV—XV вв. // Historia animata. Сб. ст. М., 2004. Ч. 2.

Краснова И.А., Ануприенко И.А. Письма Маргариты Датини // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2006. № 12.

Краснова И.А. Дати // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2007. Т. I.

Краснова И.А. Флорентийцы у монарших престолов и «неблагодарное отечество» // Власть, индивид, общество в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008.

Краснова И.А. Пандольфини // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2011. Т. II. Кн. 1.

Краснова И.А. Восстание чомпи: традиции изучения и новые историографические версии // Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. СПб., 2014.

Краснова И.А. Собрание рукописей флорентийской семьи Кастильонкьо во второй половине XIV в. // Собирательство и меценатство в эпоху Возрождения. М., 2015.

Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И. Представления о фортуне в Средние века и в эпоху Возрождения // Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983.

Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV—первой половины XV в. М., 1977.

Ревякина Н.В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV—XV вв. Иваново, 1983.

Ролова А.Д. Флорентийские хроники и дневники второй половины XIV в. как исторический источник // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья. Л., 1979;

Ролова А.Д. Правящий слой Флоренции XV в.: нобилитет или ранняя буржуазия // Культура Возрождения и Средние века. М., 1993.

Рутенбург В.И. Народные движения в городах Италии XIV—начала XV в. М.;Л., 1958.

Селунская Н.А. Право, Власть, Свобода в «Папских землях» XIV—XV вв. Проблемы исследования социальной истории. М. 2003.

Срединская Н.Б. Истоки возвышения рода Сакрати в Ферраре (по актовым материалам XIII—XIV вв.) // Ренессансная Италия в России и Прибалтике / Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2016.

Степанова Л.Г. Боргини // Культура Возрождения. Энциклопедия. М, 2007. Т. I.

Юсим М.А. Джованни Виллани — первый историк Флоренции // *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции / Пер., ст., прим. М.А. Юсима. М., 1997.

Юсим М.А. Последовательность Макиавелли // *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002.

Юсим М.А. «Книги о семье» природа, виртý и примирение крайностей // *Альберти Л.Б.*. Книги о семье / Пер. М.А. Юсима. М., 2008.

Юсим М.А. Хроника гражданской смуты эпохи Данте // *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с итал., ст., прим. М.А. Юсима. М., 2015.

Указатель имен*

Абати (Аббати), нобильский род Флоренции – 11, 56, 59, 69, 98, 132, 181 (105), 188, 192, 193, 194 (23), 209, 210, 212, 323.
Абати, Бокка дельи – 198 (41), 265 (198).
Абати, Данте – 129.
Абати, Ламберто ди Аббате – 323 (176).
Абати, Симоне – 211 (85).
Август, римский император (27 до н.э.–14) – 36, 38.
Августин Аврелий (354–430), отец церкви, богослов – 102 (63), 253.
Авель, ветхозаветный – 89 (24).
Аверардо, германский граф – 141 (89).
Авиценна (Ибн Сина), арабский философ и врач (980–1037) – 79.
Авогади, нобильский род – 45, 47.
Аголанти, древний род нобилей – 34, 222.
Адам, ветхозаветный – 89 (24).
Адимари, нобильский род, возвысившийся в XIII в – 11, 37 (47), 45, 47, 55 (1), 66, 132, 133, 149, 156 (14), 177, 182, 184, 185, 188, 191, 193 (21), 203, 209, 210, 236, 237 (96), 275 (26), 278, 279, 184, 297 (95, 96).
Адимари Антонио дельи – 275 (26).
Адимари, Бальдиначчо дельи – 277.
Адимари, Бернардо ди Манфреди – 103 (69).
Адимари, Биндо ди Бонаккорсо – 211.
Адимари, Бонаккорсо дельи – 211, 233 (78).
Адимари, Джанни ди Бернардо – 49.
Адимари, Талано дельи – 203.
Адимари, Теггьяйо дельи – 204.
Адимари, Якопино дельи – 237 (96).
Азини, нобильский род – 291, 292.
Алепри, древний род нобилей – 38.
Алессандри, Алессандро ди Никколайо – 285, 293.
Алессандри, Бернардо ди Герарди – 261 (185).
Алигьеро ди Каччагвида, прадед Данте – 199 (42).
Альбериги, древний нобильский род – 32, 35.
Альбериги, Филиппо – 32 (27).
Альберти, графский род в контадо Флоренции – 16, 35, 45, 53, 56, 182 (108), 222.
Альберти (дель Джудиче), пополанский род Флоренции – 57, 66, 142, 147, 148, 149, 169, 177, 188, 211, 270 (9), 294, 354 (73), 380, 404 (57), 442.
Альберти, Бенедетто – 105 (73), 149, 263, 391.
Альберти, Бернардо – 364 (107).
Альберти, Донато – 171.
Альберти, Леон Баттиста, флорентийский гуманист – 367, 368 (119).
Альберти, Никколайо – 104.
Альберти, Чиприано – 149, 354 (73).
Альберти, Якопо ди Альберто – 309 (131).
Альберти, Якопо ди Кароччо, консорт Луки да Панцано – 303.
Альбицци, пополанский род, считавшийся знатным со второй половины XIII в. – 12 (17), 42, 66, 72, 104, 137, 142, 148, 177, 188, 226, 265, 270 (9), 285, 294, 299, 319, 342, 346, 347, 349, 355, 404 (55), 442, 444.
Альбицци, Альберто дельи – 109 (84), 110 (86).
Альбицци, Мазо ди Пьеро – 106 (77), 259 (174), 350, 352, 381 (180).
Альбицци, Пьеро ди Филиппо – 106 (77), 265 (198, 200), 291, 346, 364 (107), 381 (180).
Альбицци, Ринальдо ди Мазо – 147, 259 (174), 260 (179), 351, 352 (66).
Альборноц (Альборнос), Эджидио (Эгидий), кардинал (1350–1367), также называемый Эджидио ди Спанья – 242, 437 (112).
Альдобрандини Манджатройя, знатный род – 203, 275 (26), 364 (107).

[1] В указателе приведены имена исторических лиц и родов, упоминаемых в тексте книги и справочно-библиографическом аппарате (в последнем случае даются номера соответсвующих сносок в круглых скобках).

Альдобрандини, Луиджи ди Липпо – 309 (131).
Альби (Дельи Альби), пополанский род, считающийся знатным с рубежа XII и XIII вв. – 56, 70, 73 (78), 132, 189, 193, 313.
Альби, Альоне ди Уголотто – 193 (21).
Альби, Кантино – 313.
Альби, Лотто ди Квалла – 313, 314.
Альби, Уголотто – 133.
Альлиони, Джова – 171.
Альтафронте, знатный род Флоренции – 364 (107).
Альтафронте, Джузеппе – 364 (107).
Альтовити, род, считавшийся знатным во второй половине XIII в. – 17, 66, 71, 72, 169, 177, 178 (98), 188, 189.
Альтовити, Оддо дельи – 327 (190).
Альтовити, Стольдо ди Биндо – 105, 149 (107).
Альфонсо I Арагонский, король Неаполитанского королевства (1435–1458) – 258.
Амидеи, нобильский род Флоренции, возвысившийся в XIII в. – 56, 66 (50), 121, 122, 125, 126.
Амидеи, Ламбертуччо – 99, 121.
Амидеи, Одарриго, гонфалоньер флорентийской кавалерии – 202.
Амидеи, Оддо Арриги – 49.
Амиери, пополанский род, считавшийся знатным с XIII в. – 56, 71, 192
Амиери, Дзаноби ди Якопо – 98.
Андало, Лодеринго дельи (Ландоло, Лодеринго), член ордена Веселящихся братьев – 246 (118).
Анджелотти, Ванни – 323 (176).
Андреас Венгерский, герцог Калабрийский (убит в 1345 г.), первый супруг королевы Джованны I – 418.
Аникино ди Бонгардо (Ханнекен фон Баумгартен) – немецкий кондотьер в Италии – 432, 436 (110), 437 (112).
Ансельми, пополанский род – 177.
Антиградо, возможно, мифический персонаж – 36.
Антинори, пополанский род – 88, 321, 326 (187).
Ардингелли, знатный род – 12 (17), 188.
Ардингелли, Бернардо дельи – 309 (131).
Ардинги, нобильский род – 33.
Аринсакко, мифический соратник Уберта Цезаря – 38.
Аристотель – 82, 102 (63), 253.
Арко, соратник Уберта Цезаря – 37.
Арригуччи, нобильский род – 32, 35, 56, 5, 132, 274 (23).
Арригуччи, Нери – 203.
Астанколли – нобильский род, быстро пришедший в упадок – 68.
Аузани (Уццано) – мелкие синьоры контадо – 219.
Аттила, вождь гуннов – 31, 146.
Аттиланте, мифический соратник Уберта Цезаря – 39.
Аццолино ди сер Вивиано, флорентийский нотарий – 305 (124).
Аццуччо, Гвельфо – 314.
Ачерби, флорентийский род – 209.
Аччайуоли (Аччайоли), пополанский род Флоренции, считавшийся знатным с конца XIII в. – 12, 66, 72, 169, 171 (64), 188, 194, 270, 372, 379, 408, 417 (33), 419, 420.
Аччайуоли, Аламанно дельи – 141 (89), 291 (75).
Аччайуоли, Анджело дельи, епископ Флоренции (1342–1355) – 45, 276.
Аччайуоли, Андреина, сестра канцлера Никколо – 429 (89).
Аччайуоли, Аньоло дельи – 137.
Аччайуоли, Аччайуоло дельи, отец канцлера Никколо – 417.
Аччайуоли, Гвильярелло дельи, возможно, первый представитель фамилии, переселившийся во Флоренцию – 417 (33).
Аччайуоли, Гульельмина (урожд. Пацци), супруга Аччайуоло, мать канцлера Никколо – 418.
Аччайуоли, Джованни ди Якопо, архиепископ Патрасский (1338–1341) – 395 (35).
Аччайуоли, Донато ди Якопо – 141, 262 (190).
Аччайуоли, Леоне ди Рикоманно, основатель семейной торгово-банковской компании – 417 (33).
Аччайуоли, Никколо ди Аччайуоло, канцлер Неаполитанского королевства – 102, 103, 137, 177, 207, 249

(138), 257 (167), 311, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 440.
Аччайуоли, Нери ди Никколо, сын канцлера – 431 (93).
Аччайуоли, Якопо ди Донато – 270 (9).
Баккерелли, пополанский род – 57, 193 (19), 194.
Баккерелли, Россо – 168 (52), 171.
Бальдези, Андреа ди Сеньино – 106 (77).
Бальдовинетти, род, считавшийся знатным со второй половины XIII в. – 17, 66, 71, 178 (98), 366, 372, 382.
Бальдовинетти, Алессио, внук Пачино – 366, 372.
Бальдовинетти, Мариотто – 406 (65).
Бальдовинетти, Пачино, основатель могущества рода – 366, 372.
Бальдовинетти, Франческо, брат Алессио – 366, 372.
Бальдовини, фамилия флорентийских нотариев – 162 (30).
Бальдовини, Альбиццо – 162 (30).
Бальдовини, Даванцато – 162 (30).
Бальдовини, Келло д' Уберто – 162 (30).
Бальдовини, Уберто – 162 (30).
Бальдовини, Угуччо – 162 (30).
Бальдовини, Чоне – 162 (30).
Бальони, Бальоне деи – викарий герцога Афинского из Перуджи – 275.
Бандини, Ванни – 270 (9).
Баньези, нобильский род Флоренции – 56, 321.
Баньо (Баньи), графский род – 137, 138, 405.
Барбадори, Донато, флорентийский гражданин, дипломат – 412, 413, 414.
Барбариго, Марко, дож Венеции (1485–1486) – 439.
Барберино, Антонио ди Франческо да, судья и составитель плана города Флоренции – 360.
Барберино, Париджи да – 314.
Барди, пополанский род, считавшийся знатным со второй половины XIII в. – 12, 42, 66, 70, 71, 73 (78), 88, 132, 136, 142, 169, 181 (104), 184, 185, 188, 191, 192, 193 (21), 194, 195, 209, 212, 216, 269, 270, 271, 275 (26), 278, 279, 280 (40), 285, 302, 323, 329, 351, 388, 396 (37), 408, 417 (33), 431 (93).
Барди, Андреа ди Филиппо – 93.
Барди, Гвальтеротто (Тотто) ди Филиппо, брат Андреа – 93 (37), 327 (190).
Барди, Гвидо ди Аккольто – Подеста Прато, назначенный Карлом I Анжуйским – 71.
Барди, Нери ди Бардо – 210.
Барди, Пьеро – 269 (6), 276, 290.
Барди, Риккардо – 285, 293.
Барди, Якопо – 168 (52).
Барончелли, пополанский род – 42, 247.
Барончелли, Сальвестро – 270 (9).
Баруччи, древний род нобилей – 33, 34, 56, 192 (16).
Баттифолле, Симоне де, граф – 284 (55).
Баязид I Молниеносный, османский султан (1389–1402) – 426.
Бека, Липпо – 323 (176).
Бекканузжи, пополанский род – 12 (17), 158 (17), 169, 177, 188.
Бекканузжи, Буонинсенья – 171.
Беллинчони, знатный род – 37 (47).
Беллинчони, Пьеро – 202.
Бельфорти, флорентийский род, возможно, знатного происхождения – 321.
Бельфраделли, пополанский род, находящийся в родстве с Веллути – 321 (170, 171), 324, 326.
Бельфраделли, Томмазо ди Липаччо – 396, 397.
Бенедикт XII, папа римский (1334–1342) – 270.
Бенивьени, Уголино – 173 (71).
Бенини, пополанский род Флоренции – 149.
Берарденги, знатный род – 245 (116).
Бериньялли, пополанский род – 324, 325.
Бериньялли, Джунта ди Маццоне – 325.
Берлингьери, пополанский род Флоренции – 98.
Бернотти, пополанский род Флоренции – 98.
Бертальди (Бертельди), род нобилей контадо – 39 (52), 126, 128.
Билиджарди, фамилия, избранная ветвью Тозинги во главе с Симоне делла Тоза после перехода в пополанство – 302.

Билионе, спутник Уберта Цезаря – 37.
Бистиччи, Веспасиано, биограф – 137, 144, 145, 410, 415.
Боголези, нобильский род, ветвь от Фифанти – 126, 210.
Боккаччо, Джованни, писатель (1313–1375) – 84 (11), 89, 89 (25), 102 (63), 249 (137), 253 (153), 254 (159), 264, 290 (71), 418, 430, 431, 438.
Боккаччо, ветвь фамилии Росси-Якоппи – 196.
Бонавентура (Джованни Фиданца), теолог-схоласт (1221–1274) – 89 (24).
Бонагвизи, нобильский род – 33, 34, 38, 56, 98.
Бонагвизи, Бонагвиза, супруга Рикордано Малиспини – 38.
Бонагвизи, Бонагвиза, крестоносец – 200.
Бонайути, пополанский род – 323.
Бонайути, Лапо – 323 (176).
Бонаккорси (Буонаккорси), пополанский род – 122, 270 (9), 408.
Бонвертьери, Фолько, каменных дел мастер – 63 (38).
Бонифаций VIII, папа римский (1294–1303) – 186 (122), 191, 234, 237, 237 (97).
Бонифаччо, маркиз Туски – 45.
Бонифаччо, Джованни, тревизанский хронист – 427 (81).
Бонфинио, Антонио, итальянский гуманист и историк – 439 (120).
Бончани, пополанский род Флоренции – 194.
Бончани, Качча – 194 (25).
Боргини, Винченцо, эрудит XVI в. – 65, 66, 81, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 131, 134, 220.
Бордони, род, считавшийся знатным со второй половины XIII в. – 71, 188, 239, 275 (26).
Бордони, Герардо – 239.
Бордони, Паньо – 103 (69).
Босколи, малоизвестный нобильский род Флоренции – 62.
Бостики, знатный род, рано пришедший в упадок – 35 (38), 39, 56, 75 (87), 184, 201.
Бостики, Буко – 397 (39).
Бостики, Джованни Джакотти – 39 (55).
Бостики, Спада ди Пьетро – 203.
Боэций, Северин, римский философ (ок. 480–524) – 253.
Браччолини, Якопо ди Поджо, сын Поджо Браччолини, составитель биографий – 422 (53, 54), 423 (59).
Бруна, Тано ди Якопо делла – 323 (176).
Брунеллески, род, считающийся знатным в XIII в. – 66, 188, 193 (19), 279, 284.
Брунеллески, Аттавиано ди Боккаччо – 291.
Брунеллески, Бетто – 239.
Брунеллески, Таддео – 291.
Брунеллески, Филиппо, флорентийский архитектор и скульптор (1377–1446) – 431, 432.
Брунеллески, Франческо – 275, 291.
Бруни, Леонардо, канцлер Флоренции, историк (1370–1444) – 219, 313, 402, 407.
Брусколи, древний род знати контадо – 41 (62).
Брут, Луций Юний, легендарный основатель Римской республики – 83 (10).
Буонаджи, Филиппо ди Пьетро – консорт Лапо да Панцано Фиридольфи – 305.
Буонафеде, пополанский род – 158 (17).
Буондельмонти, древний род нобилей, принадлежащий к консульской знати – 34, 42, 44, 48, 56, 60, 66, 67, 70 (66), 73, 88, 93, 122, 126, 127, 132, 173, 184, 188, 191, 209, 210, 220, 248, 288 (64), 294, 297, 321, 421, 428.
Буондельмонти, Алессандро ди Франческо – 291.
Буондельмонти, Бенги – 106 (77), 287 288, 290, 317 (159).
Буондельмонти Буондельмонте деи – 121, 122, 123,126, 155 (7), 231 (70).
Буондельмонти, Лиза ди Монте, супруга Маттео Виллани – 122.
Буондельмонти, Лоренцо – флорентийский рыцарь, состоящий на службе в Венгрии, соратник Филиппо Сколари – 425.
Буондельмонти, Риньери Дзингани – 126, 127.
Буондельмонти, Теггьяйя деи – 190.
Буондельмонти, Угуччоне деи – 275.
Буонинсенья, пополанский род – 247.
Бучелли, пополанский род – 56.

Бьянка, Сальви д'Уберто делла – 323 (176).
Бьянка, Фиго ди Доно делла – 323 (176).
Валерий Максим, римский историк (14–37 н.э.) – 253, 254 (159), 263.
Валори, пополанский род – 66, 194, 297 (97).
Валори, Бартоломео, выдающийся гражданин Флоренции – 297 (97), 410, 414, 435.
Валори, Тальдо, Гонфалоньер справедливости – 269, 270 (9).
Веккьетти, знатный род Флоренции – 56.
Велизарий, византийский полководец (505–565) – 42.
Веллути, пополанский род Флоренции – 177, 282, 321, 322, 323, 324, 329, 330, 361, 363, 365, 368 (122), 444.
Веллути, Андреа, потомок Донато ди Ламберто, продолживший семейную книгу в XVI в. – 388.
Веллути, Антонио – 388 (12).
Веллути, Бальдо ди Джованни – 395 (36).
Веллути, Бернардо ди Джованни – племянник Донато Веллути – 327, 388.
Веллути, Бонаккорсо ди Пьеро, основатель семейной компании, прадед Донато ди Ламберто – 363, 385, 386 (3).
Веллути, Веллуто – 324, 326, 397.
Веллути, Герардино ди Донато – 322.
Веллути, Герардино ди Пьеро – 395.
Веллути, Герардуччо – 334.
Веллути, Гино ди Донато – 322.
Веллути, Джованни ди Томмазо, племянник Бальдо ди Джованни – 395 (36).
Веллути, Донато ди Ламберто, автор семейной книги – 56, 75, 162 (30), 188, 216, 226, 227, 276, 277, 281, 282, 283, 284, 286, 320, 321, 324, 325, 327, 328, 329, 338, 339, 345, 349, 361–363, 367, 368, 386 (5), 387, 388, 389, 394, 395, 398, 400, 408.
Веллути, Донато ди Мико – 216, 217, 329, 386 (4).
Веллути, Ламберто ди Филиппо, отец Донато – 283 (49), 322, 324, 325, 386, 397.
Веллути, Ламберто ди Донато, сын Донато ди Ламберто – 387, 389.
Веллути, Лапо ди Донато – 322, 396 (37)
Веллути, Пиччо ди Ламберто, младший брат Донато ди Ламберто – 325, 397.
Веллути, Пьеро – 327 (189).
Веллути, Сальвестро, купец и предприниматель – 388.
Веллути Томмазо ди Бальдо, сын Бальдо ди Джованни – 395 (36).
Веллути, Филиппо (Липпо) ди Бонаккорсо, дед Донато ди Ламберто – 217 (12), 327 (190).
Веллути, Филиппо ди Ламберто, старший брат Донато Веллути – 396.
Веллути, Якопо – 327.
Вергилий, римский поэт (70 до н.э.–19 до н.э.) – 83 (10).
Верчи да Бассано, Джамбаттиста, тревизанский хронист – 427 (81).
Веттори, пополанский род – 398.
Вивиано ди Нери, нотарий флорентийской Синьории – 138.
Виздомини, род консульской знати Флоренции – 11, 35, 38, 40, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 52, 56, 66, 67, 132, 156 (14), 169, 184, 188, 190 (5), 194, 209, 221 (35), 271 (15), 302, 314.
Виздомини, Бонаккорсо – 32 (27).
Виздомини, Давиццо – 55 (1).
Виздомини, Кантино – 182.
Виздомини, Тедичи – 202.
Виздомини, Черретино – 33 (29).
Виздомини Черретьери – 271.
Виллани, Джованни, хронист – 18, 27, 28, 29 (9), 30, 31, 33, 34 (35), 35, 37 (46), 39 (54), 40 (58), 41, 42 (65), 43, 46 (82), 49, 53 (105), 55, 57, 59, 60, 61, 63 65, 66, 67, 70, 71, 81 (1), 82, 89, 92, 103, 121 (29), 122, 123, 128 (51), 130 (55), 134, 144 (98), 155 (10), 156, 158, 159,160, 164, 167, 168, 169, 173, 174, 175, 179, (98), 181 (104, 105), 182, 183, 184, 187, 189 (3), 192 (16), 198, 200 (44), 201 (49), 203, 204, 207, 216 (11), 217, 219, 222, 225, 234, 235, 236, 239, 240, 245 (116), 246 (118), 247, 253, 260 (180), 265 (200), 267, 268, 269 (6), 271, 273, 275 (28), 277, 279, 280, 281, 297 (95), 328, 332, 333 (5), 334, 335, 341, 359, 360, 362 (100), 367 (115), 382, 402, 415 (27), 421 (50), 431 (993).
Виллани, Маттео, хронист, брат Джованни – 122, 225, 227, 228 (65), 242,

244 (113), 260 (180), 265 (200), 306, 310, 311, 336, 338, 341, 343, 345, 346, 417, 419, 432, 433, 434, 438.
Виллани, Филиппо ди Маттео, хронист, сын Маттео – 208, 242, 336–338, 343, 417, 418, 419.
Висконти, Бернабо, синьор Милана (1354–1385) – 134 (70), 226, 242, 243.
Висконти, Джан Галеаццо, синьор Милана (1385-1402), герцог Миланский (1395–1402) – 143, 227, 229, 263, 378, 384, 392, 393, 397, 403 (53), 409.
Висконти, Филиппо Мария, герцог, синьор Милана (1412–1447) – 257 (169), 407 (1), 409, 414 (26), 428.
Витербо, Джованни да, юрист и автор широко известного трактата "Liber de regimine civitatum" (XIII в.) – 208.
Владислав I Дураццо, король Неаполитанского королевства (1386–1414) – 138, 405, 410.
Волоньяно, знатный род контадо, ветвь рода да Квона – 35 (38), 91, 92, 93, 94, 95, 96 (45), 98, 99 (51), 381.
Волоньяно (Да Квона), Филиппо – 99.
Вольпе, Джованни дель, фактор на службе в компании Веллути – 386.
Габриэли да Губбио, Канте, Подеста Флоренции из Губбио (1298) – 238.
Габриэли да Губбио, Якопо, капитан гвардии Флоренции из Губбио (1340) – 269.
Галастроне, Симоне – 238.
Гален, греческий врач (129–199) –79.
Галиано, соратник Цезаря Уберта – 38.
Галигаи (Галигари), древний род нобилей – 33, 34, 38, 41 (62), 56, 173, 194.
Галигаи Алепро – 32 (27).
Галигаи, Альбиццо – 203.
Галигаи Гвидо – 32 (27).
Галигаи, Чоне – 33 (29).
Галли, древний род нобилей – 33, 34, 40, 56, 98, 173.
Галли Федериго – 32 (27).
Галли, Гвидо – 126.
Галлус Гайо, возможно, мифическая личность, зять Цезаря Уберто – 38.
Гангаланди – древний род нобилей, графы – 32, 35 (37–38), 45, 121, 126, 209.
Ганнибал, карфагенский полководец (246–183 до н.э.) – 425.
Гаэтани, Пьеро, гражданин Пизы – 142, 143.
Гваданьи, пополанский род – 188, 194.
Гваданьо ди Ландо из Губбио, занимал должность экзекутора во Флоренции – 308.
Гвальтеротти, род, считающийся знатным с XII в. – 67.
Готье VI (Гвальтьери) де Бриенн, герцог Афинский (1305–1356) – 76, 115, 241, 249, 255 (162), 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 279, 302, 327, 329, 332, 334, 340, 341, 342, 396.
Гваскони, Никколо – 143.
Гваццалотти (Гваццалотри), синьоры Прато – 239, 305, 306, 307, 310.
Гвернерио, капитан наемников в Неаполитанском королевстве – 426.
Гвецци Антонио ди Бонсиньоре, нотарий флорентийской Синьории – 162 (30).
Гвецци, Бонсиньоре, нотарий флорентийской Синьории, отец Антонио - 162 (30).
Гвецци, Фолько д' Антонио, сын Антонио – 162 (30).
Гвибелли, братья из флорентийской пополанской фамилии, осужденные за ересь – 160.
Гвиди, графы, древний род нобилей, принадлежащий к консульской знати – 13, 34, 35, 37, 38 (48), 44, 45, 47, 48, 51, 56, 67, 91, 129, 155 (7), 182 (108), 195, 206 (70), 222, 284, 297.
Гвиди, Гвидо Кровавый, отец Гвидо Старшего – 38 (48).
Гвиди, Гвидо Гверра IV Старший, граф, военачальник (ум. 1213 г.) – 37 (47), 38 (48), 91, 130 (55), 155 (7).
Гвиди, Гвидо Новелло, граф, военачальник (1227–1293) – 35 (40), 129, 130 (55), 155 (7), 223.
Гвиди, Гвидо Новелло да Полента (1275-1333), граф, правитель (Равенны), меценат Данте – 74 (80).
Гвиди, Симоне – 130 (55).
Гвидо ди Сан Крисогоно, папский легат – 199.
Гвиччардини, пополанский род Флоренции – 66, 137, 140, 323.
Гвиччардини, Джованни ди Луиджи - 139.

Гвиччардини, Луиджи – 141.
Гвиччардини, Пьеро – 429 (89).
Гвиччардини, Соццо – 323 (176).
Генрих Английский, принц – 144 (95).
Генрих I (II), герцог Баварский, император (1014–1024) – 33.
Генрих II (III), император (1039–1056) – 17 (41), 39 (52), 128.
Генрих V (VI) Швабский, король (1190–1197) – 51.
Генрих VI (VII) Люксембург, император (1308–1313) – 286 (60).
Герардини, с XIII в. считающийся знатным нобильский род Флоренции – 49 (88), 66, 73 (78), 132, 144 (98), 156 (14), 184, 187, 188, 303–305, 307–309.
Герардини, Андреа деи – 211.
Герардини, Бальдовинетто ди Пьовано – 304 (121).
Герардини, Гвельфо деи – 301 (110).
Герардини, Карло ди Бальдовинетто, сын Бальдовинетто ди Пьовано – 302, 303, 304, 305, 307, 308.
Герардини, Карсилио ди Бальдовинетто, младший брат Карло ди Бальдовинетто – 304, 307, 308, 309, 310 (136).
Герардини, Луллио деи – 307, 308.
Герардини, Пеголотто деи – 211 (85).
Герардини, Пьовано деи – 303, 304.
Герардини, Райнальдо ди Лоттеринго – 211.
Герардини, Чече деи – 202.
Геродот, древнегреческий историк (ок. 484–425 до н.э.) – 254 (159).
Гиберти, род, считавшийся знатным со второй половины XIII в. – 71.
Гиппократ, древнегреческий врач (ок. 460–ок. 370 до н.э.) – 79.
Гонорий III, папа римский (1216–1217) – 200.
Гораций Флакк, римский поэт (65–8 до н.э.) – 83 (10).
Готфрид Бульонский, герцог – 197.
Гоффредо (Готтифредо), епископ Флоренции (1114–1142) – 47, 48.
Грассо – персонаж новеллы, резчик по дереву, разбогатевшй в Венгрии благодаря Пиппо Спано – 431, 432.
Грациоло, нотарий Синьории – 162 (30).
Гречи, древний род нобилей – 32 (27), 33, 35 (38), 56.
Гречи, Моретто – 32 (27).
Григорий Великий, римский папа (590–604) - 346 (51).
Григорий X, папа римский (1271–1276) – 223 (44).
Григорий XI, папа римский (1370–1378) – 105, 410, 412, 413.
Гульальфиери, древний род нобилей – 38.
Д'Акваспарта, Маттео, кардинал (1289–1302) – 232.
Д'Асколи, Чекко (Франческо Стабили ди Симеоне), поэт нового сладостного стиля (1269–1327) – 74, 75, 82, 86, 253 (152), 427.
Да Верона, Пьетро, Подеста – 160.
Да Капрайя, графский род из Фьезоле – 35, 41 (63), 206 (70), 222.
Да Квона, древний род нобилей, в начале XIII в. разделившийся на две враждующие ветви – Волоньяно и Кастильонкьо – 35 (38), 46, 56, 82, 91, 92–99, 107, 108, 111, 360, 361.
Да Квона, Оттавиано ди Оттавиано – 91.
Да Квона, Руджьери Старший – 91, 360, 361.
Да Квона, Сколайо – 98.
Да Квона, Тортоведи – 91.
Да Квона, Трибальдо – 94.
Да Лучино, Джованни да Комо, Подеста Флоренции из Падуи (1295) – 180.
Да Монтеманно, нобильский род контадо – 35.
Да Монтефельтро, графский род – 129.
Да Мошано, род нобилей – 155.
Да Фьезоле, графский род – 37.
Да Чертальдо, графский род из Фьезоле – 35, 41 (62), 206 (70), 222, 362 (100).
Давид, ветхозаветный – 89 (24).
Дандоло, Андреа, дож Венеции и историк (1339-1354) – 439 (120).
Данте Алигьери (1285–1321) – 28, 30 (17), 67 (51), 74, 75, 76 (89), 77, 81, 82, 83, 84 (11), 86, 88, 89, 103, 111, 112, 122 (30), 123 (37), 133, 153 (1), 190, 191 (8), 198, 199, 220, 223 (44), 224, 237 (96), 246, 248 (133), 253, 263, 264, 265 (200), 334, 446.
Дати, Грегорио (Горо) ди Стаджо, купец и консул цеха Сета – 155 (9), 313, 372, 378, 392, 393, 394.
Дати, Симоне ди Стаджо, его брат – 392.
Датини, Маргарита (урожд. Бандини) –

супруга Франческо ди Марко – 375, 376.
Датини, Франческо ди Марко, крупный предприниматель и банкир из Прато – 375, 376, 380.
Делла Белла, нобильский род, утративший статус знатности к XIV в. – 17, 32, 56, 178 (98).
Делла Белла, Джано, инициатор принятия «Установлений справдливости» в 1293 г. – 130, 156, 171, 178 (98), 180, 181, 182, 183, 187, 194, 238, 327 (190), 334.
Делла Белла, Тальдо – 180 (101).
Делла Качча, пополанский род – 158 (17).
Делла Пера, древний род нобилей, рано пресекшийся – 33.
Делла Пресса, древний род нобилей – 33.
Делла Пресса, Бонагвизо, основатель рода Бонагвизи – 33.
Делла Скала (Скалигеры), Синьоры Вероны – 439 (119).
Делла Скала, Френьяно – 241.
Делла Саннелла – древний род знати – 35 (38).
Делла Тоза (Тозинги), нобильский род консульской знати, ветвь рода Виздомини – 35, 44, 45, 47, 48, 52, 56, 67, 132, 155, 156 (14), 182, 183 (111), 184, 185, 188, 189, 190 (5), 201, 206, 209, 210, 221 (35), 238, 279, 284, 314, 315, 442.
Делла Тоза, Бальдо – 179.
Делла Тоза, Бальдо ди Симоне, сын автора «Анналов» - 302.
Делла Тоза, Бартоло ди Чомпо – 313.
Делла Тоза, Баскьера – 211.
Делла Тоза, Биндо дель Баскьера – 129, 203, 233 (77).
Делла Тоза, Гульельмо ди Пино – 313.
Делла Тоза, Джованни – 277, 302.
Делла Тоза, Каталано – 49.
Делла Тоза, Куррадо ди Бальдо, брат Симоне ди Бальдо – 314.
Делла Тоза, Лоттьери, епископ Флоренции – 231.
Делла Тоза, Марсуппино – 202.
Делла Тоза, Непо ди Паоло – 313.
Делла Тоза, Неро – 314 (150).
Делла Тоза, Одальдо – 202, 315.
Делла Тоза, Пино – 301, 415 (27).
Делла Тоза, Розилино – 315.
Делла Тоза, Росселино – 211, 237 (96).
Делла Тоза, Россо – 210, 211 (84), 231, 233, 236 (94), 238, 239, 301, 315.
Делла Тоза, Симоне ди Бальдо, автор Анналов – 44, 50, 57, 59, 99, 176, 231, 238, 271, 296, 301, 302, 313, 314, 415 (27).
Делла Тоза, Симоне ди Ванни – 314.
Делла Тоза, Симоне ди Россо – 301.
Делла Тоза, Сколайо ди Бальдо, брат Симоне ди Бальдо – 314.
Делла Тоза, Тоза – супруга Давиццо Виздомини – 55 (1).
Делла Тоза, Фастелло – 315.
Делла Тоза, Филиппо ди Бальдо, брат Симоне ди Бальдо – 314.
Делла Тоза, Франческо ди Бальдо, брат Симоне ди Бальдо – 314.
Делла Тоза, Франческо ди Витале – 313.
Делла Тоза, Чамберпи – 314 (150).
Делла Тоза, Чампи ди Наполеоне – 203.
Делле Ботте, пополанский род – 12 (17).
Делль Аммирато, Бальдо, судья – 182.
Делль Антелла. род, утративший знатность – 270 (9), 272 (17).
Делль Антелла, Алессандро, правовед - 104, 105 (73).
Делль Антелла, Гвидо – 412.
Делль Антелла, Пьеро – 106 (77).
Делль Анчиза, пополанский род (в XIV в. – Кастеллани) – 364 (107).
Делль Анчиза, Андреа, поэт, служил синьору Лукки – 397.
Делль Анчиза, Паренцо, нотарий флорентийской Синьории, дед Франческо Петрарки – 162 (30).
Делль Анчиза, Пьетро (Петракко) ди Паренцо, нотарий флоренийской Синьории, отец Франческо Петрарки - 162 (30).
Делль Арка – древний род нобилей – 32 (27), 33, 35 (38), 38, 56, 201.
Делль Арка, Тано – 32 (27).
Делль Арка, Франко – 33 (29).
Дель Бене, пополанский род – 149, 323.
Дель Бене, Банко ди Гверньери – 323 (176).
Дель Бене, Сеннуччо, поэт – 74 (80).
Дель Мула, нобильский род, быстро пришедший в упадок – 68.
Дель Паладжо, пополанский род – 148.
Деметрий, епископ Эстергомский – 422.

Джамбони, пополанский род – 125 (43).
Джамбони, Боно, юрист и схоласт-моралист (ок. 1244–ум. после 1292) – 74, 125.
Джандонати, род консульской знати Флоренции – 32, 35 (38), 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 56, 59, 67, 132, 206, 209, 236.
Джандонати, Гверрьери – 202.
Джандонати, Джандонато, основатель рода Джандонати – 51.
Джандонати, Джанни – 206 (69).
Джандонати, Джаноццо – 203.
Джандонати, Донато ди Джанни, гастальд – 45, 206 (69).
Джанфильяцци, род консульской знати – 42, 66, 67, 132, 190.
Джерардо, архиепископ Равенны – 200.
Джиролами, пополанский род, считавшийся знатным во второй половине XIII в. – 17, 56, 60, 72, 169, 177, 188, 194.
Джиролами, Ремиджо, доминиканец, флорентийский проповедник (ум. 1319 или 1320) – 14, 131, 135, 171 (64), 427.
Джиролами, Сальвио ди Кьяро – 168 (52).
Джованна I, королева Неаполя (1348-1382) – 102, 255 (161), 256, 311, 418, 420 (43), 426, 436 (110).
Джованни Анжуйский, герцог Дураццо (1332-1336) – 144, 411.
Джованни ди Моне, флорентийский посол в Ареццо – 318.
Джотто ди Бондоне, художник (1266-1337) – 112, 136.
Джуньи, род, утративший статус знатности к XIV в. – 17, 47, 56, 178 (98).
Джуньи, Бернардо – 140.
Джуоки, древний род нобилей – 33, 47, 56.
Джустиниани, Бернар, венецианский историк – 439 (120).
Динго Армайуоло (возможно, Тозинги) – 314.
Дини, пополанский род – 149.
Дичето, Рудольф, английский магистр – 200 (46).
Дольчибене, шут, персонаж новелл Франко Саккетти – 136, 215 (5).
Донати, род консульской знати Флоренции – 35, 37 (47), 47, 56, 66, 67, 69, 70 (64), 73, 144 (98), 180, 184, 185, 186, 190 (5), 201, 205, 209, 210, 232, 233, 237 (96), 238, 275 (26), 278, 442.
Донати, Арпардо деи – 241.
Донати, Бальдо ди Борго – 180 (101).
Донати, Винчигверра деи – 69 (60).
Донати Гвальдрада, супруга Форезе Донати – 121.
Донати, Корсо ди Америго – 241.
Донати, Корсо ди Симоне – 115, 180, 186, 187, 188, 203, 210, 211 (84), 230, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 244, 248 (133), 267 (1).
Донати Манно д' Арпардо – 241, 242, 243, 244, 245, 275 (26).
Донати, Паццино, брат Манно Донати – 241, 242.
Донати, Пиккарда – 237 (96).
Донати, Равенна – 237 (96).
Донати, Руджьери – 33.
Донати, Симоне – 126, 233.
Донати, Синибальдо – 210, 211 (84).
Донати, Таддео – 241.
Донати, Форезе – 121, 124.
Донусдеи, Раньери ди Ренуччо – 91.
Дьетайути, Томмазо – 278.
Дьетисальви, Джино – 322, 323 (175).
Дьетифечи – пополанский род Флоренции – 98.
Евгений III, папа римский (1145–1153) – 199.
Екатерина де Валуа Куртэне, принцесса де Таранто (1307–1346) – 418.
Импортуни, род, утративший статус знатности к XIV в. – 17, 48, 178 (98).
Иннаморато, персонаж новелл Ф. Саккетти – 65 (44).
Иннокентий III, римский папа (1198–1216) – 89 (24), 200, 208 (76).
Иннокентий VI, римский папа (1352–1362) – 433, 435 (108), 437, 438.
Инфангати, древний род нобилей – 32, 35, 56, 59, 194 (22), 201, 224 (50).
Инфангати Альберто – 33.
Инфангати, Манджа – 32 (24), 164 (38).
Инфангати, Турно ди Чаньино – 33 (29).
Инфангати, Убальдино – 193, 335.
Инфангати, Уберто – 121, 125 (41).
Иоанн Креститель, святой покровитель Флоренции – 273, 322,
Иоанн, пресвитер, легендарный основатель христианского государства в Азии – 257.

Иов, ветхозаветный – 89 (24), 346 (51).
Кавалетто, Америго, кондотьер – 242 (110).
Кавальканти, с XII в. считающийся знатным род Флоренции – 42, 48, 66, 69 68, 76, 77 (92), 98, 132, 142, 156 (14), 184, 188, 192, 209, 210, 246 (121), 247, 248, 249, 250, 251 (144), 275, 278, 294, 297, 351.
Кавальканти, Алессандро ди Джованни – 250, 251
Кавальканти, Альдебрандино (Ильдебрандино) – 69, 246 (120).
Кавальканти, Америго ди Джаноццо – 249, 256, 257.
Кавальканти, Бартоломео ди Джованни – 250.
Кавальканти, Бернардо ди Филиппо – 98 (50), 135, 167, 181.
Кавальканти, Герардо, приор церкви Сан Фредиано – 110 (88).
Кавальканти, Гвидо, поэт (ок. 1259–1300) – 238, 248 (133).
Кавальканти, Давид ди Джованни – 250.
Кавальканти, Джаноццо – 249 (137), 255, 256, 265 (198), 275.
Кавальканти, Джиневра, супруга Лоренцо Медичи – 250.
Кавальканти, Джованни ди Филиппо, флорентийский историк – 41, 42, 70, 74, 81 (1), 165, 203, 204 (62), 219, 229, 236, 243, 244, 245, 246, 247, 250, 251, 252–255, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 296, 350, 352, 391, 400, 406 (65), 414 (23), 415, 417, 419, 420 (43), 426, 427.
Кавальканти, Кавальканте деи – 246 (120).
Кавальканти, Камилла ди Джованни, супруга Луки ди Паголо – 251 (141).
Кавальканти, Кантино ди Амадоре – 133, 248 (129).
Кавальканти, Луиджи ди Польтроне – 316 (155).
Кавальканти, Майнардо ди Джакинотто – 249.
Кавальканти, Раньери – 202.
Кавальканти, Сангалло – 203.
Кавальканти, Якопо ди Джаноццо – 255, 256.
Кавиччули, пополанский род, возвысившийся в XIV в. – 73 (78), 275 (26), 278, 294.
Кавиччули, Вьери – 294.
Кавиччули, Пепо ди Вьери – 294.
Кавиччули, Филиппо ди Аламанно – 105.
Казале, Франческо, синьор Кортоны (ум. 1375) – 142.
Казини, Казино – 323 (176).
Каин, ветхозаветный – 89 (24).
Камерино, Ридольфи ди – 133.
Камилл Марк Фурий, римский полководец, диктатор (ум. 364 до н.э.) – 256.
Канграндe II делла Скала, синьор Вероны (1352–1359) – 241.
Каниджани, видный пополанский род – 11, 12, 66, 72, 169, 177, 188, 193, 194.
Каниджани, Ристоро ди Пьеро – 291.
Канчелльери, влиятельный род Пистойи – 306.
Капонсакки, род консульской знати Флоренции – 35, 38, 39 (52), 46, 47, 48, 52, 53, 55 (1), 56, 59, 67, 126, 155, 190 (3), 206, 209, 210, 365.
Капонсакки, Джерардо, Подеста Флоренции – 52, 53.
Капочча, знатный римский род – 29, 38.
Капоччи Африко, римлянин – 29.
Капоччи Марко, предок Фьорелло, древний римлянин – 29.
Капоччи, Фьорелло ди Лиелло, римлянин, родственник Рикордано Малиспини – 29.
Каппони – влиятельный пополанский род Флоренции – 42, 66, 357.
Каппони, Гвидо – 162 (30).
Каппони, Джино ди Нери, дед – 213, 214, 255 (160), 259 (175), 326 (184), 350, 352.
Каппони, Джино ди Нери, внук Джино ди Нери – 255, 264.
Каппони, Нери ди Джино, сын Джино ди Нери – 255 (160).
Каппони, Франческо, делал карьеру в Венгрии с помощью Пиппо Спано – 431.
Каппони, Гвидо, нотарий Синьории из Модены – 162 (30).
Каппьетти, Альбертуччо ди Якопо – 323 (176).
Каппьярди, знатный род – 56.
Караччола (Караччоли) – знатный не-

аполитанский род – 420 (43).
Кардинале, пополанский род – 194.
Кардинале, Джерри – 194 (24).
Карл Великий, император (768–814) – 29, 32, 128, 146, 204 (64), 218, 246, 397, 402.
Карл Мартелл, правитель франков (714–741) – 42, 245, 247.
Карл I Анжуйский, король Сицилии и Апулии (1266-1285) – 71, 72, 194 (26), 199 (41), 203.
Карл IV Люксембург, император Священной Римской империи (1355–1378) – 412 (19), 430 (91).
Карл Валуа (Безземельный), граф Алансон, французский принц (1270–1325) – 72.
Карло ди Дураццо, герцог Апулии, затем король Неаполя Карл III (1382–1386), затем король Венгрии Карой II (1385–1386) – 105, 109, 148 (105), 255 (161), 405.
Карло ди Сполето, Капитан народа Флоренции – 182.
Карло Калабрийский, герцог, старший сын неаполитанского короля Роберто I (ум 1328 г.) – 257, 270, 272 (17).
Карнесекки – пополанский род Флоренции – 66.
Каррара, фамилия синьоров Падуи – 439 (119).
Кассиодор – римский писатель – 102 (63).
Кастаньо, Андреа дель, флорентийский художник (ок. 1421–1457) – 426.
Кастеллани, знатный род контадо – 41 (62).
Кастеллани, пополанский род Флоренции (до XIV в. – Дель Анчиза) – 140, 148, 364, 381, 382 (181), 403, 404.
Кастеллани Ванни ди Лотто, владелец замка, в честь которого была изменена фамилия – 364 (107), 403, 404 (54, 58).
Кастеллани, Ванни ди Микеле, внук Ванни ди Лотто, сын Микеле ди Ванни, капитан кавалерии коммуны Флоренции, сыгравший значительную роль при взятии Ареццо – 142, 149 (107), 227, 365, 364 (107), 381 (181), 382, 403 (53), 404, 405.
Кастеллани, Лотто ди Ванни (сын Ванни ди Лотто) – 138, 404 (54, 58).
Кастеллани, Маттео ди Микеле, комиссар коммуны Флоренции – 139, 403 (53).
Кастеллани, Микеле ди Ванни – 147, 382, 404, 405.
Кастеллани, Микеле ди Лотто – 382 (181).
Кастеллани, Никколо ди Микеле – 364 (107).
Кастеллани, Франческо ди Маттео – 139, 140.
Кастильонкьо, род нобилей Флоренции – 82, 91, 92, 93, 94, 95, 97–99, 102, 103, 104, 107, 108, 111, 189, 250.
Кастильонкьо, Альберто ди Лапо, брат Лапо – 98 (50), 104, 291.
Кастильонкьо, Альбертуччо ди Лапо, дед Лапо да Кастильонкьо – 99 (52), 361.
Кастильонкьо, Бернардо ди Лапо, сын Лапо – 81, 97, 100, 101, 102, 103, 104, 109 (84), 110, 111, 112, 370.
Кастильонкьо, Гвидо да - 91
Кастильонкьо, Лапо д'Альбертуччо, отец Лапо да Кастильонкьо – 103.
Кастильонкьо, Лапо ди Лапо да, флорентийский нобиль – 81–89, 91, 93, 95–102 (63), 103, 105–112, 131, 132, 263, 290, 291, 359, 360, 361, 363, 367, 370, 371, 381.
Кастильонкьо, Паоло ди Лапо – 101, 110.
Кастильонкьо, Руджьери – 103, 104.
Кастильонкьо, Сколайо – 98, 99.
Кастильонкьо, Тесса, супруга одного из Барди – 93 (37).
Кастильонкьо, Трибальдо – 360.
Кастильонкьо, Филиппа, супруга Гвальтеротто Барди – 93 (37).
Кастильонкьо, Франческо д' Альберто – 105, 109.
Кастракани, Каструччо дельи Интерминелли, тиран Лукки (1281–1328) – 203, 267, 268, 301, 396.
Каталани, Каталано (Малавольти) – член ордена Веселящихся братьев – 246 (118).
Кателлини, древний род нобилей – 33, 34.
Катилина Луций Сергий (108–62 до н.э.) – 31, 36, 37, 235, 253 (154).

Каттани да Барберино, древний род нобилей контадо – 32, 42 (65), 219.
Каччагвида, предок (прапрадед) Данте – 123 (37), 199.
Каччаторе, держатель земли у Джеремии Фиридольфи – 44 (71).
Кварата, Сандро да, Гонфалоньер справедливости – 278.
Кваратези, пополанский род – 316.
Клемент VI, папа римский (1342–1352) – 418, 437, 438.
Клеобия, римская героиня – 263.
Ковони – пополанский род Флоренции – 98, 149, 321, 321 (170).
Ковони, Беатриче (Биче), первая супруга Джованни Морелли – 389 (15).
Ковони, Беттино – 102 (63).
Ковони, Томмазо, племянник Беатриче – 389 (15).
Кодр, мифический царь Аттики – 254 (159).
Кози, род, считавшийся знатным в XIII в. – 71.
Компаньи, Дино, пополан и хронист – 18, 74, 77, 79, 81,103, 121 (29), 168, 169, 170, 171 (64, 66), 172, 173, 174, 175, 179, 180 (101), 181, 183, 186, 187, 195, 203, 205, 211 (84), 224, 231, 233, 235, 236, 238, 239, 248, 249, 265 (200), 296.
Конрад II (I) Свевский, император салической династии (1024–1039) – 33, 113, 128.
Конрад III (II) Гогенштауфен, император (1138–1152) – 199 (42).
Корбинелли – пополанский род Флоренции – 66.
Корбинелли, Альбиццо – 171.
Коррацца, Бартоломео ди Микеле – 142.
Корсини, пополанский род – 270 (9), 366, 368, 371, 372, 379.
Корсини, Андреа, епископ Фьезоле – 371.
Корсини, Джованни, основатель фамильной резиденции – 366, 371 (131).
Корсини, Джованни ди Никколо, брат Маттео – 382.
Корсини, Лоренца (урожд. Строцци), супруга Маттео ди Никколо – 368.
Корсини, Маттео ди Никколо – 368, 382.
Корсини, Филиппо – 149 (107).
Косса, Бальдассаре, антипапа Иоанн XXIII (1410–1415) – 410.
Креди, Одериго, ювелир – 372, 379.
Куокки, флорентийский род – 201.
Кьярмонтези (Кьермонтези), род, считавшийся знатным с рубежа XII–XIII вв. – 17, 33, 70.
Кьярмонтези, Джиральдо, брат Франческо – 70 (64).
Кьярмонтези, Кьярмонтезе ди Риналь-до – 70 (64).
Кьярмонтези, Франческо – 70 (64).
Лактанций (ум. после 317 г.), христианский богослов – 83 (10).
Ламберти, древний род флорентийской знати – 31, 34, 39 (52), 44, 45, 46, 48, 121, 125, 126, 128, 190 (3), 201, 209, 210.
Ламберти, Ламберто – 51.
Ламберти, Люстро ди Ламберто – 33 (29).
Ламберти, Моска – 31 (21), 122, 123, 124.
Ламберти, Москардо – 32.
Ландо Коррадо (Конрад Виртингер фон Ландау), граф, кондотьер – 242 (110), 257 (168), 437 (111).
Ландо, Микеле ди, предводитель восставших чомпи – 264.
Ландуччи, Лука, хронист – 374.
Ланселот – персонаж рыцарских романов – 146.
Латини, Брунетто (после 1210–1294), канцлер флорентийской республики – 14, 74, 120, 162 (30), 207, 208, 209, 427.
Латино да Малабранка Орсини, кардинал (1278–1294) – 89, 167, 168, 223 (44), 232.
Лацкфи, венгерский барон – 424 (63).
Лев X, (Джованни Медичи), папа римский (1513–1521) – 295 (93).
Ленци, Доменико, флорентийский гражданин, торговец зерном – 373.
Лизеи (Элизеи), древний род нобилей – 33, 35, 37, 190 (3), 199 (42).
Лизеи, Ансальдо – 33 (29).
Лизеи, Бонаккорсо, нотарий – 189 (3).
Лизеи, Лизео – 32 (27).
Ликург, древнегреческий законодатель (ок. 390–324) – 264.
Ломбардо, Филиппо дель – 323 (176).
Лотто Фьезоланский – возможно, хронист, но произведения его не найде-

ны – 402 (51).
Лука, апостол, евангелист – 89 (24).
Лукан, Анней, римский поэт (39–65 н.э.) – 253.
Лукардези – пополанский род – 321.
Луций Силла – 83 (10).
Людовик XI, король Франции (1461–1483) – 143, 411.
Людовик IV Баварский, император (1314–1347) – 301.
Людовик (Луиджи) де Таранто (Тарентский), принц, сын Екатерины де Валуа Куртэне, король Неаполя (1346–1362) – 418, 419, 420, 426, 436.
Людовик (Луиджи) ди Дураццо, герцог (1336–1362) – 436 (110).
Магалотти, пополанский род – 56, 66, 88, 169, 188.
Магалотти, Дуччо – 171.
Магалотти, Филиппо – 149, 309 (131).
Магалотти, Чоне – 171.
Мазолино да Паникале (Томмазо да Кристофоро Фини) (1383–ок. 1440), флорентийский художник – 365, 431.
Макиавелли, пополанский род – 142, 177, 194, 285, 323.
Макиавелли, Бернардо, отец Никколо Макиавелли, нотарий – 372, 379,
Макиавелли, Дуччо Анджолини – 323 (176).
Макиавелли, Никколо ди Бернардо (1469–1527), политический мыслитель, канцлер флорентийской республики – 260 (179), 265 (199), 379.
Макробий, Амвросий Феодосий, латинский писатель (род. ок. 400 г.) – 83 (10).
Малавольти, знатный род из Сиены – 245.
Малавольти, Федериго – 76, 77 (92), 406 (65).
Малатести, синьоры Римини и некоторых мест в Компанье – 242, 270.
Малатести, Галеотто, брат Пандольфо – 242.
Малатести, Пандольфо, капитан войны Флорентийской республики – 300.
Малатести, Сиджизмондо, герцог – 144 (95).
Малегонелла, Доффо – 257.
Малефичи, Дуччо ди Герардо – 217.
Малефичи, Фенчи ди Герардо – 217, 323 (175, 176).
Малиспини (Малеспини), нобильский род – 28, 35, 40, 56, 184, 201.
Малиспини, Джакотто, хронист, возможно, племянник Рикордано – 27, 28, 41.
Малиспини, Дино – 203.
Малиспини, Рикордано, хронист – 27, 29, 30–36, 37–40, 43, 46 (82), 55, 57, 61, 62 (34), 66, 67, 70, 71, 81 (1), 84, 89, 92, 97, 99, 128 (51), 194 (23), 198–201, 219, 222, 231, 245, 246 (121), 247, 400, 402.
Мальваджа, Лукерино, мелкий синьор из контадо Флоренции – 310 (137).
Мальваджа, Чико, мелкий синьор из контадо Флоренции – 310 (137).
Мальи, Аньоло – 323 (176).
Мангоне (Мангони), знатный род из Фьезоле – 41 (63), 206 (70).
Манделла, Рубаконте да, Подеста Флоренции из Милана (1237) – 159.
Манджадори, древний род нобилей контадо – 32.
Манджадори, Бароне – 203.
Манджадори, Джованни – 301 (110).
Манджони, Чиприано – 106 (77).
Манетти, Антонио, флорентийский писатель и биограф (1423–1497) – 245 (114).
Манетти, Джаноццо, флорентийский гуманист (1396–1459) – 137.
Маниери, пополанский род – 67, 184, 236.
Маннелли, знатный флорентийский род – 142, 149, 162 (30), 193 (19), 203, 278, 279, 282, 283, 284, 297, 321, 322, 323, 324, 325, 330.
Маннелли, Амио ди Дзаноби, сын Дзаноби – 284, 324 (179).
Маннелли, Бертоне – 283.
Маннелли, Дзаноби – 283, 284.
Маннелли, Коппо – 202.
Маннелли, Липпо ди Симонè – 217 (12), 322.
Маннелли, Мазино – 322.
Манелли, Якопо – 284.
Мантеллини, Нери ди Якопо – 323 (176).
Манфред Свевский, король Сицилии (1258–1266) – 28, 129 (55), 167, 199 (41).
Манчини, пополанский род Флоренции – 56, 169, 188.

Манчини, Бардо – 149.
Манчини, Козо – 171.
Маньери, род, считающийся знатным с XII в. – 57.
Маработтини, нобильский род Флоренции, родственники Стринати – 58, 61.
Маработтини, Убальдино – 58.
Маргоне, Джованни, консорт Фиридольфи да Панцано – 311.
Мариньолли, пополанский род Флоренции – 66, 177.
Марк, апостол, евангелист – 89 (24).
Мартире, Пьеро (Пьетро) да Верона (кон. XII–1252), св., Генеральный инквизитор Ломбардии, осудивший флорентийских патаренов – 386.
Мартини, пополанский род – 177.
Марчалла, Беллиокти Орландо да, нотарий – 321.
Мастино II делла Скала, синьор Вероны (1329–1351) – 243, 268, 301 (110), 396 (38), 415 (27).
Матильда, маркграфиня тосканская – 46.
Матфей, апостол, евангелист – 89 (24).
Маффеи, Орландо – 323 (176).
Маццеи, Лапо, флорентийский нотарий – 384 (188).
Маццинги, Мадзетто – 202.
Маццинги, Маццино Тегрими – 121.
Маццинги, Тегримо – 203.
Маццинги, Тотто да Кампи – 238.
Маццини, Джованни – 175 (82).
Мачинги, Алессандра (в замужестве Строцци) – См. Строцци, Алессандра.
Маччи, нобильский род Флоренции – 47, 194.
Медзабарба, Пьетро, епископ – 200 (31).
Медичи, влиятельный пополанский род Флоренции – 66, 77 (92), 88, 98, 142, 188, 211, 239, 255 (161), 260 (181), 270 (9), 271, 275 (26,), 278, 355, 358, 442, 444.
Медичи, Аверардо де – 98.
Медичи, Бартоломео ди Аламанно – 311 (139).
Медичи, Джованни ди Биччи, отец Козимо Старшего (1360–1429) – 352, 353, 354, 391.
Медичи, Джованни, капитан флорентийских войск – 274.
Медичи, Джованни ди Биччи, отец Козимо – 261.
Медичи, Козимо ди Джованни Старший (1389–1464) – 77 (92), 144 (97), 219, 250, 256, 261, 284 (54), 295, 313, 352.
Медичи, Лоренцо, брат Козимо Старшего (1395–1440) – 295 (93).
Медичи, Лоренцо II, герцог Урбинский, капитан-генерал Флорентийской республики (1492–1519) – 295 (93).
Медичи Сальвестро де – 109, 290, 294, 316.
Меллини, Доменико, флорентийский биограф и историк – 428, 435, 439.
Микеле (Микелаццо) ди Ванни, консорт Луки да Панцано – 305, 307, 311.
Мильоре, Ванни деи – 278.
Мильорати – Доминичи, флорентийский род – 56.
Мильорелли, нобильский род, рано пресекшийся – 33.
Минербетти, пополанский род Флоренции – 66.
Митридат, завоеватель и полководец древности (трудно сказать, о каком именно Митридате идет речь в тексте) – 425.
Монако, флорентийский каноник, канцлер при патриархе Иерусалима – 199 (43), 200, 201.
Мональдески, знатная фамилия – 246.
Мональди, род, считавшийся знатным с конца XII в. – 56, 70.
Монте Карелли, графы, древний род нобилей из Фьезоле – 41 (62, 63).
Монте Ринальди, Польтроне да Чаперелло, считающийся основателем рода – 219.
Монтефикалли, Тоццо да, консорт Луки да Панцано – 305, 307.
Монфьорито ди Годерта, Подеста Флоренции из Тревизо (1299) – 237, 238.
Морелли, пополанский род Флоренции – 100, 229.
Морелли, Бартоломео, дед Джованни ди Паголо, купец и банкир – 386 (5).
Морелли, Бернардо, дядя Джованни ди Паголо – 100.
Морелли, Бернардо ди Джованни, кузен Джованни ди Паголо – 82, 328.
Морелли, Гвальберто ди Джованни, кузен Джованни ди Паголо – 386 (5).

Морелли, Джованни ди Паголо, автор семейной книги – 100, 106, 224, 228, 229, 264 (194), 290 (73), 342, 384, 385, 386, 387, 388 (10), 389, 390, 397, 399.
Морелли, Джованни – дядя Джованни ди Паголо, отец Гвальберто – 386 (5).
Морелли (Морельи), Джованни ди Якопо, хронист – 425.
Морелли, Паголо ди Бартоломео, отец Джованни – 386, 388.
Мориале, фра, кондотьер – 426 (75).
Морозини, Паоло, венецианский историк – 427 (81).
Моцци, пополанский род, считавшийся знатным со второй половины XIII в. – 12, 66, 67 (52), 70, 71, 132, 181 (104), 184, 185, 188, 191, 192, 209.
Моцци, Джованни ди Луиджи – 105.
Нанни ди Чече, кровный враг семьи Фиридольфи да Панцано – 312, 313.
Наччо, башмачник – 63 (42).
Нелли, Франческо, приор церкви Св. Апостолов, поэт, друг Петрарки (1304–1363) – 430, 431, 438.
Нерли, древний нобильский род – 32, 35, 56, 59, 132, 188, 209, 279, 284.
Никколини деи Сиригатти, пополанский род Флоренции – 358, 367, 368 (122).
Никколини де Сиригатти, Лапо, автор семейной книги – 367, 372, 374.
Никколини де Сиригатти, Никколайо, брат Лапо – 374.
Никколо (Никколайо) да Прато, кардинал (1303–1321), папский легат – 188 (129), 239.
Никколо Пеше да Ченни, консорт Луки да Панцано – 305.
Нуто да Читта ди Кастелло, барджелло Флоренции (1350) – 308.
Овидий, Назон Публий, римский поэт (43 до н.э.–18 н.э.) – 253.
Озора, Барбара ди, венгерская графиня, суруга Филиппо Сколари – 424.
Орканья, Андреа ди Чоне, флорентийский скульптор, живописец и архитектор (ок. 1308–1368) – 429.
Орланди, знатный род – 245.
Орландо Россо, капитан щитоносцев в ополчении – 301.
Орманни (Форабоски) – древний род нобилей контадо – 29, 34, 35, 38, 39, 40, 43, 55, 201.
Орманни Орманно – 32.
Оттобони (Оттобуони), Альдобрандино – 153 (1), 164, 165, 265 (198).
Оттон I Великий, император (962–973) – 31 (21), 37 (48).
Оттон III Чудо Мира, император (983–1002) – 32.
Оттон IV Брауншвейгский, император (1209–1215) – 68, 222.
Оттон Фрейзингенский, хронист (1114–1158) – 64.
Павел, апостол – 89 (24).
Пагани – знатный род из контадо – 42 (65), 219.
Паладжо, Гвидо дель – 415.
Палермини, знатный род, быстро пресекшийся – 56.
Пальмиери, Маттео, писатель-гуманист (1406–1475) – 254 (159), 417, 418, 420, 425, 428, 429 (88), 434, 435, 437 (111).
Пандольфини, Аньоло, флорентийский гражданин, исполнял дипломатические миссии – 411.
Пандольфини, Карло – 140.
Паноккини, Никкола из Вольтерры, хранитель Прато – 305.
Паноккьески, Паноккино, граф – 127.
Панчатики, знатный род Пистойи – 142 (92).
Паренти Марко, зять Алессандры Строцци – 375.
Париджи, Нуччо – 323 (176).
Партуччи, Куррадо, экзекутор во Флоренции в 1329 г. – 314.
Пассаванти, пополанский род – 194.
Пацци да Вальдарно, нобильский род контадо – 34, 98.
Пацци да Вальдарно, Гульельмино – 129.
Пацци, пополанский род Флоренции, считающийся знатным с XIII в. – 34, 35, (35), 66, 132, 133, 137, 156 (14), 187, 188, 191, 194, 197, 198, 212, 232, 275 (26), 284, 285, 422 (54).
Пацци, Джерри деи – 277.
Пацци, Монна ди Франческо, супруга Джованни Виллани – 198 (39).
Пацци, Паццино ди Якопо, флорентийский гражданин, сторонник черных гвельфов – 34 (35), 199 (41), 211, 239.

Пацци, Паццо (Паццино), возможно мифический персонаж, легендарный участник Первого крестового похода – 197, 198.
Пацци, Пьеро, гражданин Флоренции, исполнявший дипломатические миссии – 137, 140, 143, 144, 145, 411,
Пацци, Якопо дель Накка (Неро), героически павший в битве при Монтаперти, (1260 г.) – 34 (35), 198 (41), 265 (198).
Пацци, Якопо ди Франческо – 290, 291.
Паццо (Пацци), Пьеро ди, мелкий синьор из контадо Флоренции – 310 (137).
Пеголотти, род, утративший знатность к XIV в. – 17, 178 (98).
Пеголотти, Франческо, магистр, автор учебников для счетной школы «абако» – 388.
Пезамигола, Паче, Подеста Флоренции из Бергамо (1239) – 160.
Пеккиа, Лука дель – флорентийский купец, ведущий дела в Венгии – 422 (56), 423 (59).
Пекора (прозв.), Дино ди Джованни, член цеха мясников – 103 (69), 171, 183,
Пела ди Доменико – 63 (39).
Перуцци, влиятельный пополанский род Флоренции – 56, 66, 70, 142, 188, 192, 193, 194, 198 (41), 211, 216, 269, 270, 280 (40), 294, 302, 309, 377, 383, 396, 408, 417 (33), 431 (93).
Перуцци, Пачино – 270 (9).
Перуцци, Симоне ди Риньери – 105 (73), 106 (77).
Перуцци, Филиппо, нотарий флорентийской Синьории – 407.
Петрарка, Франческо, поэт (1304–1374) – 84 (11), 91, 102 (63), 103, 110 (88), 162 (30), 243 (112), 253 (153), 430.
Петрибони, пополанский род – 321.
Пикколомини, Энеа Сильвио, итальянский гуманист, папа Пий II (1458–1462) – 220.
Пильи, нобильский род Флоренции – 11, 35 (38), 201, 210.
Пильи, Гвидо – 32 (27).
Питти, пополанский род Флоренции, возвысившийся в XV в. – 66, 137, 259, 372, 401, 410.
Питти, Бонаккорсо ди Нери, автор «Хроники» – 72, 143, 258, 259, 318, 350, 351, 354, 368, 398, 400, 409.
Питти Бонсиньоре, крестоносец, легендарный основатель фамилии – 401.
Питти, Лука ди Бонаккорсо, сын Бонаккорсо ди Нери – 140, 351.
Питти, Пьеро ди Чоре – 398.
Питти, Чоре, отец Пьеро ди Чоре, уничтоживший архивы семьи Питти – 400.
Пишанкато Дуранте ди Риньери – 314 (150).
Пишанкато, Риньери, отец Дуранте – 314 (150).
Платон, греческий философ (427–347 до н.э.) – 83 (10).
Поджибонси, Якопо да – 162 (30).
Пополески, род, отделившийся от Торнаквинчи – 196.
Портинари, пополанский род – 12 (17).
Порсенна, царь этрусков (VI в. до н.э.–V н.э.) – 263 (193).
Пульчи, род, считающийся знатным с XII в. – 12 (17), 32, 35 (38), 56, 67, 72, 73 (78), 132, 191, 209, 285, 321, 323.
Пульчи, Адоардо – 291.
Пульчи, Форнайо ди Фенчи – 323 (176).
Пьери, Паолино, флорентийский хронист – 49, 50 (94), 60, 118, 120, 123, 156, 164, 171, 175, 180, 181, 182, 183, 362 (100).
Пьетрамала, Пьеро да – 299 (105).
Равиньяни, древний род нобилей – 32 (27), 34, 37.
Равиньяни, Апардино де – 32 (27).
Равиньяни, Беллинчоне Берти – 37 (47), 232 (76).
Равиньяни Гвальдрада, графиня, дочь Беллинчоне Берти, прародительница рода графов Гвиди – 37 (47).
Рануччо да Фарнезе, капитан войны Флорентийской республики (1363) – 300.
Раффакани, пополанский род – 57.
Рацканти, древний род нобилей, рано пресекшийся – 35, 56.
Редузио, Андреа, фрульский историк – 427 (82).
Ридольфи, пополанский род Флоренции – 66, 137, 140, 193, 194 (23).
Ридольфи, Лоренцо – 137, 139.
Рикасоли, нобильский род – 35, 94, 294, 300, 372, 379.

Рикасоли, Беттино ди Альбертаччо – 290, 294, 364 (107).
Риккарди, пополанский род, потомки портного – выходца из Германии – 401.
Римбертини, пополанский род Флоренции – 57, 191.
Ринуччини, пополанский род – 149, 188.
Ринуччини, Франческо – 105.
Ристори, пополанский род – 169, 177.
Риформаджоне, Нофри ди Пьеро, флорентийский нотарий – 317.
Ричард Львиное Сердце, король Англии (1189–1199) – 201.
Риччи, пополанский род – 104, 226, 265, 270 (9), 299, 319, 342, 347, 349, 355, 442, 444.
Риччи, Джованни де – 149 (107).
Риччи, Угуччоне де – 265 (178, 200), 338.
Роббиа, Лука делла, биограф – 297 (97), 410, 414, 434.
Роберт I Анжуйский (Мудрый), король Неаполя (1309–1343) – 257 (167), 306, 418.
Роберто ди Таранто Анжуйский, принц Неаполитанского королевства, правитель Ахайи и Мореи – 255 (161), 395 (35), 419 (39).
Рокки, пополанский род – 12 (17).
Роланд, персонаж рыцарских романов – 146.
Рондинелли, малоизвестный нобильский род Флоренции – 60, 278.
Ронкофреддо, Джованни, Подеста Флоренции – 228 (66).
Росси, нобильский род Флоренции, отделившийся от Якоппи – 11, 69, 70, 71, 73 (78), 98, 132, 149, 156 (14), 177, 184, 188, 193 (21), 196, 206, 209, 210, 269, 275 (26), 278, 279, 284, 285, 294, 321.
Росси, Бернардо дель Россо – 323 (176).
Росси, Бонека – 294.
Росси, Гверрьери ди Трибальдо – 290, 291.
Росси, Джакопо – 265 (198).
Росси, Джованни ди Форнайо – 196.
Росси, Лапо Филигерне – 323 (175).
Росси, Монтиньозо – 294.
Росси, Нанни дель Бонека – 227.
Росси, Нофрио (Нофри) – 285, 293.
Росси, Орландо, капитан щитоносцев – 301.
Росси, Орманно – 294.
Росси, Россо ди Филигерна – 323 (176).
Росси, Стольдо ди Монтиньозо – 294.
Росси, Филиппо ди Форнайо – 291.
Росси, Филиппо ди Бернардо – 305 (124).
Росси (Якоппи), Форнайо ди Берлингьери, знаменосец флорентийского ополчения в 1260 г. – 203.
Росси, Форнайо, член комиссии XIV-ти для реформирования города в 1343 г – 327 (190).
Росси, Андреас из Пармы, Подеста Флоренции (1350 г.) – 308.
Росси, Бернардо ди Орландо, Подеста Флоренции из Пармы (1244 г.) – 159.
Росси, Орландо, Подеста Флоренции из Пармы (1237 г.) – 159.
Росси, Уберто Орланди, гражданин Лукки – 156 (13).
Рупрехт III Виттельсбах (Пфальцский), король Германии (1400–1410) – 143, 409, 410 (11), 411.
Руффоли, пополанский род – 169.
Руффоли, Бальдо, Гонфалоньер справедливости – 171, 173.
Ручеллаи (Оричеллаи), влиятельный пополанский род Флоренции – 66, 142, 211 271, 275 (26), 285, 319, 367, 401.
Ручеллаи, Аламанно – первый известный представитель фамилии – 401 (49).
Ручеллаи, Джованни, писатель – 214, 367, 380, 383, 387, 389, 390.
Ручеллаи, Меммо – 257, 265 (198).
Ручеллаи, Наддо (Нальдо) ди Ченни, комиссар флорентийских войск – 274.
Ручеллаи, Ферро, рыцарь – тамплиер, легендарный основатель фамилии – 401.
Сабеллико, Маркантонио, венецианский историк – 438, 439.
Савонарола, Джироламо, проповедник и реформатор Флоренции (1494–1498) – 355, 367, 394.
Сагредо, Агостино, венецианский историк – 427 (81), 439 (120).
Саккетти, нобильский род Флоренции – 56, 57, 66, 98, 155, 156 (14), 206, 215.
Саккетти, Галья – 203.

Саккетти, Томмазо – 138.
Саккетти, Франко, писатель, автор сборника новелл – 65 (44), 89, 132, 133, 134, 139 (85), 204, 264, 445.
Саккетти, Якопо – 106 (77), 316 (155).
Саллюстий, римский историк – 83 (10), 85 (14), 253.
Сальвиати, пополанский род – 142, 365.
Сальвиати, Аламанно ди Якопо, сын Якопо, автора «Мемуаров» – 138 (81), 405 (63).
Сальвиати, Андреа – 405.
Сальвиати, Гвильельмо, судья и нотариус – 365 (109).
Сальвиати, Готтфредо, основатель фамилии – 365.
Сальвиати, Камбио, внук Гвильельмо, медик – 365 (109).
Сальвиати, Лотто, внук Гвильельмо, законовед – 365 (109).
Сальвиати, Лотто дель Камбио, нотарий – 346 (51).
Сальвиати, Сальвестро, внук Гвильельмо, владелец сукнодельческих боттег – 365 (109).
Сальвиати, Форезе, влиятельный гражданин в середине XIV в. – 141 (88), 365, 405.
Сальвиати, Форезе ди Готтфредо, сын основателя фамилии – 365.
Сальвиати, Якопо, внук Гвильельмо, банкир – 365 (109).
Сальвиати, Якопо, автор «Мемуаров», капитан флорентийского войска – 137, 138, 139, 365, 405.
Сальвини, Андреа, гражданин Флоренции, исполняющий дипломатические миссии – 398.
Сальтарелли, Лапо – 211.
Салютати, Колюччо, гуманист, канцлер флорентийской Синьории (1331–1406) – 147, 315.
Сан Джиминьяно, Якопо да, нотарий Синьории – 162 (30).
Сандзаноме де Манджатройя, юрист и судья в XIII в. – 16, 17 (41), 47, 124 (40).
Санта Фьоре, знатный род из Фьезоле, графы – 41 (62–63).
Санудо, Марино, венецианский историк – 427, 439 (120).
Сассетти, пополанский род – 193.
Сассоферрато, Бартоло да, юрист и философ (ок. 1314–1357) – 74, 81, 82, 89, 110 (88), 218 (15), 263.
Светоний, римский писатель (сер. I в. н.э.) – 253.
Сенека, Луций Анней Младший, римский философ и писатель (ум. 65 г. н.э.) – 83 (10), 208 (76), 253.
Серральи, пополанский род – 291.
Серральи, Бонайуто – 291.
Сигизмунд, император Священной римской империи (1411–1437), он же венгерский король Жигмонт (1367–1437) – 422, 423 (59), 424, 425, 426, 428, 438, 439.
Симинетти, Бартоло – 106 (77), 346, 347.
Сици, нобильский род, пришедший в упадок к XIII в. – 67 (52).
Скали, род, считающийся нобильским с XII в. – 42 (65), 56, 67, 132, 142, 149, 185, 188, 191, 192, 209, 275 (26), 279, 284.
Скали, Джорджо ди Франческо – 289, 413 (22).
Скали, Манетто – 211.
Скварчалупи, нобильский род контадо – 35, 42 (65), 219.
Сколари, знатный род Флоренции – 44, 45, 56, 93, 99 (51), 210 (83), 220, 421, 422.
Сколари, Лоренцо, брат Пиппо Спано – 428.
Сколари, Маттео, брат Пиппо Спано – 422 (53), 439 (121).
Сколари, Раньери да Монтебуони – прародитель, от которого пошли ветви Буондельмонти и Сколари – 421 (48).
Сколари, Уголино дельи – 49.
Сколари, Филиппо (Пиппо Спано) (1369–1426), советник и полководец венгерского короля Жигмонта, затем Сигизмунда, императора Священной Римской империи – 207, 297, 416, 417, 421–429, 431, 432, 433, 435, 438–440.
Содерини, влиятельный пополанский род, возвысившийся в XV в. – 66, 285, 323.
Содерини, Анджело, служил при папском дворе, друг канцлера Аччайуоли – 435.
Содерини, Липпо (Филиппо) ди Гуччо – 323 (176).
Содерини, Никколо – 418, 431 (93).
Содерини, Томмазо – 149 (107).
Содики, Джованни – 165.

Солдани, Наччо ди Лапо да Панцано, консорт Луки да Панцано – 303.
Солданьери, знатный род Флоренции – 56, 60, 201.
Солданьери, Джануццо, капитан народа Флоренции (1266) – 164.
Соммайя, знатный род – 98.
Спедито, флорентийский пополан – 204.
Спинелло, флорентийский пополан – 265 (198).
Спини, флорентийский род, считающийся знатным с XIII в. – 12, 67 (52), 70, 71, 72, 185, 187, 188, 191, 192, 195, 209, 278, 279, 284.
Спини, Джери – 239.
Спини, Кристофано – 138, 143.
Спини, Лапо ди Уго – 192.
Спини, Руджеро – 192.
Спини, Уго – 202.
Спурий, Кассий Вецеллин, римский государственный деятель и военачальник – 241.
Стефани ди Бонайути, Маркьоне, хронист – 106, 109, 165, 175, 176, 187, 188 (129), 225 (52), 227 (64), 228, 240, 259, 265 (201), 268, 275 (28), 280, 282, 285, 286, 287, 289, 290, 291, 293, 316, 317, 342, 344, 346, 347, 349, 404 (55), 413.
Страда, Дзаноби да, поэт – 430.
Стринати (Альфиери), знатный род Флоренции – 58, 61, 314, 315.
Стринати, Бельфраделло – 314 (130).
Стринати, Даванцато ди Вилланууццо – 58.
Стринати, Дуччо – 314 (150).
Стринати Чекка ди Бефраделло – 314 (130).
Стринати, Нери Альфиери, автор семейной книги – 57, 61, 62, 129, 224 (47), 314, 421 (51).
Стринати, Чаберонто, основатель рода – 57.
Строцци – влиятельный пополанский род, возвысившийся в XIV в. – 66, 72, 137, 140, 142, 171 (64), 177, 188, 211, 240, 270 (9), 285, 319, 357, 381, 383, 389 (17), 401, 402.
Строцци, Алессандра, вдова (урожд. Мачинги) – 145, 251 (141), 375, 391 (25).
Строцци, Андреа дельи – 240, 241.
Строцци, Аннибальдо ди Якопо, брат Мецца – 291.
Строцци, Карло – 104, 106 (77), 204, 290 (71), 291.
Строцци, Карло, сенатор – 290 (71).
Строцци, Лоренцо ди Филиппо, составитель жизнеописаний членов фамилии Строцци – 240, 241, 401, 402, 410.
Строцци, Марчелло – 250.
Строцци, Мецца ди Якопо, брат Аннибальдо – 291.
Строцци, Нофри ди Палла – 250.
Строцци, Палла ди Нофри, крупный предприниматель и банкир – 137, 139, 377, 407 (1).
Строцци, Паццино ди Франческо, исполнял дипломатические миссии – 338, 410.
Строцци, Россо дельи – 241 (109).
Строцци, Тито Веспасиано – 402 (51).
Строцци, Томмазо ди Марко – один из глав режима младших цехов – 320, 413 (22).
Строцци, Филиппо дельи, сын Алессандры Строцци – 380.
Строцци, Эрколе дельи, поэт – 402 (51).
Сулла Луций Корнелий, римский полководец (138–78 до н.э.) – 41 (62), 247.
Сульпиций Север, христианский писатель (ок. 400 г.) – 83 (10).
Сфорца, Франческо, правитель Милана (1447–1466) – 415.
Сципион, Публий Корнелий (Африканский), полководец (235–183 до н.э.) – 83 (10), 261 (182).
Таленти, Лапо – 171.
Тарлато д' Ареццо, граф – 274 (24).
Тебальдуччи, древний род нобилей – 38, 56.
Тедальдини, древний род нобилей – 32 (27), 35, 45, 47, 56, 59, 209.
Тедальдини Раньери – 33.
Тедальдини Тедальдо – 32 (27).
Теодорих (Великий), король остготов (493–526) – 41, 219, 247.
Тамерлан (Тимур), завоеватель, монгольский хан (1370–1405) – 426.
Тифи, знатный род – 98.
Тит Ливий, римский историк (59 до н.э.–17 н.э.) – 83 (10), 265 (199).

Торнабуони, ветвь рода Торнаквинчи, отделившаяся в 1393 г – 68 (59), 196, 294.
Торнабуони, Симоне ди Руджеро, основатель фамилии – 196.
Торнаквинчи, род, считающийся знатным со второй половины XII в. – 11, 41 (62), 42, 48, 56, 58, 61, 66, 67, 68, 73 (78), 132, 142, 156 (14), 169, 184, 188, 196, 203, 210, 236, 285.
Торнаквинчи, Альберто ди Торнаквинчо – 68.
Торнаквинчи, Джованни – 202.
Торнаквинчи, Никколо ди Гино, основатель ветви Пополески – 105, 196.
Торнаквинчи, Симоне ди Руджьери, основатель фамилии Торнабуони – 68 (59).
Торнаквинчи, Торнаквинчо ди Бондо, основатель фамилии – 67, 68.
Торнаквинчи, Якопо ди Торнаквинчо – 68.
Транкедини, Никодемо, посол Милана в Венеции – 140.
Тринчавелли, род, утративший статус знатности к XIV в. – 17, 155, 189.
Тринчавелли, Альбиццо – 202.
Тристан, персонаж рыцарских романов – 146.
Убальдини, древний род нобилей – 13, 35, 42 (65), 44, 45, 46, 47, 56, 201, 213, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 273, 384, 421 (48), 443.
Убальдини да Гальяно, ветвь рода – 223 (44).
Убальдини да Колдина, ветвь рода – 223 (44).
Убальдини да Сенни, ветвь рода – 223 (44).
Убальдини делла Пила, ветвь рода – 221 (34), 223 (44), 224.
Убальдини, Альбиццо ди Аццо – 200 (31), 221, 222 (37), 227.
Убальдини, Аццо ди Альбиццо – 220 (31).
Убальдини, Гальяно – 224 (47).
Убальдини, Гульельмо ди Тедеско – 225 (52).
Убальдини, Джованни Баттиста ди Лоренцо, историк рода – 218, 220–222.
Убальдини, Джованни д'Аццо – 226, 227 (62), 403 (53).
Убальдини, Магинардо (Майнардо) Новелло да Сузинана (XIV в.) – 227, 228.
Убальдини, Оттавиано, кардинал (1244–1273) – 35, 223 (44), 224.
Убальдини, Паццино – 218 (16).
Убальдини Риньери ди Галья – 224 (47).
Убальдино, Руджьери, архиепископ Пизы (1278–1295) – 220, 223 (44).
Убальдини, Скьятта, архиепископ Болоньи (1295–1298) – 223 (44).
Убальдини, Тано – 218 (16).
Убальдини, Убальдино – 218.
Убальдини, Убальдино делла Пила – 220, 221 (35), 223.
Убальдини, Уголино – 218 (16), 222 (37), 223 (44).
Уберт Цезарь, легендарный сын Катилины – 31, 35, 36, 37, 38, 39, 128 (51).
Уберти, древний род консульской знати Флоренции – 31, 34 36, 37 (47), 39 (54), 41 (62–63), 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56 (5), 57, 60, 63 (40), 64 (43), 66, 67, 70 (64), 99 (51), 121, 126, 129, 155, 158, 164,190 (3), 194, 206, 209, 210, 224 (50).
Уберти, Джанни дельи, консул Флоренции (1183) – 52.
Уберти, Нери Пикколино – 126, 127, 129.
Уберти Неро Каини – 164.
Уберти, Скьятта, возможно, мифический предок рода Уберти – 32.
Уберти, Скьятта дельи, консул Флоренции (1191 г.) – 52, 59 124.
Уберти, Скьятуццо дельи – 164.
Уберти, Тиньозино, консул Флоренции (1189 г.) – 52.
Уберти, Уберто, рыцарь (XI в.) – 33.
Уберти, Уберто дельи, консул Флоренции (1180 г.) – 51, 52.
Уберти, Фаринаta дельи, вождь тосканских гибеллинов – 126, 153 (1), 168, 204, 229, 231, 254 (159), 334, 427, 446.
Уберти, Фацио дельи, поэт – 74 (80).
Уберти, Федериго де Фаринаta – 129.
Уберти, Фьорито – 33 (29).
Уберти, Чупо – 33 (29).
Уберти, Якопо делла Скьятта – 126.
Уберти да Фильине, Арриго, мелкий синьор из контадо Флоренции – 310 (137).
Уберти да Фильине, Пуччо, мелкий си-

ньор из контадо Флоренции – 310 (136).
Убертини, нобильский род – 35, 128, 137, 138, 226, 237 (96), 405.
Убертини, Гульельмо (Гульельмино), епископ Ареццо (1248–1289) – 128, 129.
Убертини, Джованна – 237.
Убертини, Донато – 67 (51).
Убриаки, древний нобильский род консульской знати – 35 (38), 45, 47, 67, 190.
Уги, древний нобильский род – 33, 38, 39 (52), 56, 128.
Уги, Уго дельи – 32 (27).
Уги, Уголино дельи – 17 (44), 39 (52), 128.
Уго, мифический соратник Уберта Цезаря (38).
Уго, наместник Оттона III – 32.
Уголино делла Герардеска, граф, синьор Пизы (1285–1289) – 220, 221 (33).
Улисс (Одиссей), древнегреческий герой – 418.
Урбан V, папа римский (1362–1370) – 104, 435, 437.
Уццано, Джованни – магистр, автор учебников для счетной школы «абако» – 388.
Уццано, Никколо д', видный представитель флорентийской олигархии – 259 (175), 350, 352, 353, 354, 355.
Фабий Максим (ум. ок. 203 г. до н.э.), римский патриций, диктатор и историк – 254 (159).
Фабриций, доблестный римлянин – 165.
Фаджола, Риньери – 223.
Фаджола, Угуччоне – 239.
Фаина, консорт Луки да Панцано – 302.
Фальконьери, видный пополанский род – 12, 169, 184, 188, 194, 203 (55)
Феи, Арриго – 274 (23).
Фердинанд I, король Неаполя (1458–1494, Арагонская династия) – 415.
Феррантини, род нобилей – 32, 34.
Феррантини, Белло – 237 (96).
Ферруччи, пополанский род – 321, 321 (170).
Ферруччи, Леонардо ди Биндо, кузен Донато Веллути по материнской линии – 388.
Ферруччи, Никколо ди Биндо, брат Леонардо ди Биндо – 388.
Ферруччи, Пьеро ди Чоре – 395 (36), 398, 399.
Ферруччи, Туччо – 327 (190).
Фигвинельди (Фигвинелли), древний род нобилей, угасший к XIV в. – 31, 33, 34, 44, 46, 56.
Фигвинельди Ансельмо – 32.
Фиджованни (Фильи Джованни), древний род нобилей, угасший к XIV в. – 31, 32, 34, 35, 56.
Фиджованни, Джованни – 33 (29).
Фиджованни, Отто – 32.
Фиджованни, Терцо – 33 (29).
Фиджованни, Убальдо – 33 (29)
Филипп, апостол – 200.
Филипп IV Красивый, король Франции (1285–1314) – 191.
Филипп V, король Франции (1316–1322) – 65 (44).
Филиппи, древний род нобилей – 32, 33, 35 (38), 56.
Филиппи, Брунелло – 32 (27).
Фино ди Тедальдо, живописец, мастер фресок – 63 (38).
Фиридольфи, древний род нобилей – 13, 31, 34, 43, 44, 46, 56, 292, 299, 300.
Фиридольфи, Джеремия – 44 (71).
Фиридольфи да Панцано, ветвь рода Фиридольфи, обосновавшаяся во Флоренции – 284, 305, 310 (136), 311, 312, 313, 317, 318, 320, 330.
Фиридольфи, Альберто – 304.
Фиридольфи, Антонио ди Лука, сын Луки ди Тотто – 300.
Фиридольфи, Антонио ди Тотто, брат Луки да Панцано – 304, 308, 311.
Фиридольфи, Бернаба ди Марко – 308.
Фиридольфи, Биндаччо – 308.
Фиридольфи, Гуччо – 307.
Фиридольфи, Джованни (Нанни) ди Лука, сын Луки ди Тотто – 298 (99), 311, 318, 319.
Фиридольфи, Джусто, консорт Луки ди Тотто – 311, 312.
Фиридольфи, Ланфранко ди Тотто, брат Луки ди Тотто – 317.
Фиридольфи, Лука ди Тотто да Панцано – 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 315, 316, 317, 318, 319.

Фиридольфи, Лука ди Маттео, внук Луки ди Тотто – 312, 313.
Фиридольфи, Маттео ди Тотто, брат Луки ди Тотто – 304.
Фиридольфи, Маттео ди Лука, сын Луки ди Тотто – 300, 317, 319.
Фиридольфи, Марчеллино – 308.
Фиридольфи, Панталеони, консорт Луки ди Тотто – 311.
Фиридольфи, Томмазино, племянник Луки ди Тотто – 298 (99), 315, 317, 318.
Фиридольфи, Тотто да Панцано, отец Луки ди Тотто – 307.
Фиридольфи, Уго ди Гуччо, консорт Луки ди Тотто – 304, 308.
Фиридольфи, Ченни, воспитанник Луки ди Тотто – 311.
Фифанти, древний род консульской знати – 48, 50, 51, 52, 56, 59, 70 (66), 99 (51), 125, 126, 209, 210.
Фифанти, Альдериго ди Луиджи – 33 (29).
Фифанти, Арнальдо –32.
Фифанти, Джанни дельи, консул Флоренции (1191, 1192) – 52.
Фичино, Марсилио – 220.
Фифанти, Оддо Арриги (Одарриго) – 121, 122, 123, 124, 126.
Фифанти, Уголино дельи, консул Флоренции (1186) – 52.
Фифанте, Чанте – 129.
Фольки, пополанский род Флоренции – 98.
Фольки, Бернардо ди Бенинказа – 98.
Фольки, Симоне – 323 (176).
Фольяно, Маттео да, Подеста Флоренции из Реджо (1286 г.) – 238.
Фома Аквинский, теолог (1225–1274) – 89 (24), 253.
Форабоски, нобильский род, гвельфская часть рода Орманни, пришедший в упадок к XIII в. – 67 (52), 73 (76), 98, 184, 278.
Форабоски, Раццанте, активно подвизался на должности иноземного должностного лица – 40 (57).
Форези, знатный род Флоренции – 56.
Форке, Раньери Винчи далла – 314 (150).
Форнаи (Форнайо), род, ветвь Якоппи-Росси – 196.
Франчези (Францези), нобильский род контадо – 35, 191, 194.
Франческо I Старший Каррара (Каррарези), синьор Падуи (1350–1388) – 241.
Фрескобальди, пополанский род, считающийся знатным со второй половины XIII в. – 12, 42, 70 (67), 71, 72, 75 (87), 88, 98, 132, 184, 185, 187, 188, 191, 192, 212, 269, 271, 275 (26), 279 (38), 285, 321, 323, 329, 351, 383, 386 (4), 397.
Фрескобальди, Америго, купец и банкир при королевском дворе Англии – 386 (4).
Фрескобальди, Бардо ди Ламберто – 323 (176).
Фрескобальди, Берто – 171, 179.
Фрескобальди, Гвидо – 72.
Фрескобальди, Джованни ди Ламбертуччо, поэт и музыкант – 398.
Фрескобальди, Дино ди Ламбертуччо, поэт – 74 (80).
Фрескобальди, Ламбертуччо ди Гино – 323 (176).
Фрескобальди, Лапо – 276.
Фрескобальди Маттео ди Дино, сын Дино ди Ламбертуччо, поэт – 74 (80), 75, 76.
Фрескобальди, Никколо ди Таддео, служил синьорам Вероны – 396 (38).
Фрескобальди, Пиджелло ди Джованни, сын Джованни ди Ламберто, наемник – 398.
Фрескобальди Тегтьо (Тегтья) – 328 (190).
Фрескобальди, Томмазо ди Леонардо – 257 (169).
Фрескобальди, Чоне ди Джованни, сын Джованни ди Ламберто – 398.
Фридрих I Барбаросса, император (1152–1190) – 53 (105), 199 (42), 201, 401.
Фридрих II Гогенштауфен, император (1220–1250) – 60, 118, 159, 160, 224.
Фридрих Антиохийский, генеральный викарий Тосканы, Подеста Флоренции (1246 г.) – 160.
Фруозино, бастард из фамилии Веллути – 290, 291.
Циллеи из Штирии, на службе у короля Жигмонта звался графом Загори – 424 (67).
Цицерон Марк Туллий, римский философ и оратор (106–43 до н.э.) – 74, 83

(10), 208 (76), 263.
Чекки, Джованни ди Франческо, нотарий – 144.
Чекки, Доменико, адепт движения Савонаролы, автор проекта реформ Флоренции – 394.
Чекки, Якопо, поэт – 74 (80).
Черки, пополанский род, считающийся знатным со второй половины XIII в. – 12, 57, 63 (59), 66, 70, 71, 98, 132, 171 (64), 180, 182 (108), 185, 186, 188, 192, 194 (26), 195, 205, 232, 237 (97), 238, 381 (180), 442.
Черки, Биндо ди Черкио – 195.
Черки, Вьери ди – 195, 203, 235, 254 (159), 257 (169), 334,
Черки, Герардино, пополан, гражданин Флоренции – 63 (39).
Черки, Оливьеро – 195.
Черретани, пополанский род, считающийся знатным со второй половины XIII в. – 66, 88, 169, 177, 188, 189, 321.
Черретани, Бартоломео, хронист – 284 (55), 349 (58).
Чертальдо, Паоло ди Паче да, сын Паче, писатель-моралист – 218, 326, 374, 399.
Чертальдо, Паче да, пополан, возможно, автор исторического произведения «Война за Семифонте» – 18, 53 (105), 361.
Чертальдо, Пьеро ди Паче да, сын Паче – 53 (105).
Чертальдо, Якопо да – 103 (69).
Чеффи, Филиппо, писатель-моралист – 125.
Чиприани, нобильский род – 38.
Черчине, нобильский род контадо – 219.
Чурианни, пополанский род Флоренции – 98.
Чурианни, Пополано – 227 (64).
Шалон, Жан де, французский рыцарь – 180, 183 (110).
Шелто ди Гвидотто – 323 (176).
Штибор, польский рыцарь на службе у венгерского короля Жигмонта – 424 (67).
Эберхард, епископ Загреба, канцлер короля Жигмонта – 424 (67).
Эджидио ди Спанья (см. Альборноц).
Эдуард II Плантагенет, король Англии (1307–1327) – 72, 417 (33).
Экклезиаст, проповедник – 89 (24).
Элизон, соратник Уберта Цезаря – 37.
Эней, древнеримский герой – 418.
Ювенал, римский поэт – 253.
Юлий Цезарь Гай (100–44 до н.э.) – 29 (11), 36, 155 (9), 218.
Юстиниан I, император Византии (527–565) – 89, 208 (76).
Якопо ди Джери, флорентийский нотарий – 175 (82).
Якоппи (Росси), нобильский род Флоренции, от которого отделилась ветвь Росси – 196, 323.
Якоппи, Форнайо, основатель ветви Форнаи – 161, 167.
Якоппи, Бернардо ди Уголино – 210.
Якоппи, Джованни – 323 (176).
Якоппи, Россо ди Форнайо – 196.
Якоппи, Пино ди Стольдо – 210, 323 (176).
Якоппи (Росси), Стольдо ди Берлингьери – 196, 202, 206, 210.
Якоппи, Томмазо ди Сальвестро – 295 (35).
Якоппи, Форнайо ди Форнайо – 196.

Summary

The monograph is devoted to the contradictory processes of social development in the commune society of Florence in the XIIIth—XIVth centuries: the confrontation of the nobility (*grandi*) and common people (*popolo*), and to the phenomena of synthesis and mutual acceptance of the way of life and mental attitudes. In the introduction, in addition to the analysis the source terminology, scientific discussions on the importance of the antagonism between nobles and commons in the Florentine society, initiated by G. Salvemini and N. Ottokar, are considered, together with new historiographic versions put forward by M. Tarassi, S. Raveggi, D. Medici, P. Parenti, then E. Faini, P. Gualtieri, D. De Rosa and S. Diacciati. New tendencies in the study of the main social contradiction are revealed: the division of the problem into separate blocks: the specifics of urban knights, the importance of the *vendetta* and *faida* institutions in the city, the question of changing political practices and the manner of power of the ruling elite after the adoption of the "Ordinances of Justice".

One of the main goals is an attempt to consider the Florentine society "from within", through the views of the citizens themselves. How much they realized the antagonism between the nobility and the people in their midst, and what were the practices of implementing social and cultural synthesis in the city?

The author, applying the prosopographic method, refers primarily to narrative sources: annals and chronicles, family books of Florentine citizens such as *Ricordi*, *Ricordanze*, *I libri di famiglia*, *Croniche domestiche*, *I libri segreti*, *Diarii*, involving, in addition, epistolary sources, biographies of prominent citizens, moral and ethical and political treatises, literary works written in the folk language and often intended for fellow citizens.

Part I of the monograph entitled "The nobility without common people: urbanization processes" reproduces the processes of urbanization of the Florentine nobles — the owners of castles and feuds in the city's district — and related myths. In the process of further dwelling of the nobility inside the city walls, the transformation of their social status and way of life is shown, as well as the beginning of the rotation of noble families: the decline of houses that failed to adapt to the city environment, and the rise of new families (Tornaquinci, Cavalcanti) from the *popolo* to receiving consular posts and knighthood. The material of moral and political treatises (B. Giamboni, B.

Latini), literary and poetic works (Dante, Cecco d'Ascoli, Dino Compagni) suggests that the social transformations in the city correlated in the spiritual sphere with arguments about nobility by birth and personal valour. The statements about the nobility of the individual, being of the urban society's interest in the second half of the XIIIth century, may have been a response to the cultural demands developed in the course of the escalation of *popolo* families.

As an experience of social self-identification, the correspondence of the noble family of Castiglionchio representatives is analysed. In the middle of the XIVth century, they tried to comprehend the uncertainty of boundaries between the nobility and common people in the city. Lapo and his sons positioned themselves as members of an ancient family, owners of castles, feuds, church beneficiaries, having various categories of persons dependent on them. At the same time, they demonstrated their identity with the commune society: they acquired city professions, were proud of the Guelph orientation, showed tolerance towards former dependent farmers, who achieved wealth in Florence and access to higher positions, and tragically experienced their exile.

The problem of knighthood in the society of Florence is considered in the context of modern historiographical versions of G. Tabacco, F. Cardini, S. Gasparri, J.-C. Maire Vigueur, P. Grillo, A. Settia. The values of the knightly view of life in the XIIIth century are revealed based on the anonymous chronicle (Pseudo Brunetto). From the author's annotations, three themes dedicated to knighthood came up: military valour or its lack, revenge as a virtue realized in a *vendetta*, and the interest in courteous morals. Estimates of knighthood in the Florentine society were ambivalent, as the knight title in the city often broke away from the military field as the city militia lost its influence. "People's knights" appeared from the *popolo*, receiving the corresponding attributes in the form of arms, banners, spurs from the commune. The lowering of the scale of knighthood ethical values, accompanied by the growth of the number of knights in the city, aroused the criticism of contemporaries, pointing out at the mixed features and the uncertainty of the boundaries between knights and commoners in the commune's society.

At the same time, in the process of socio-cultural synthesis, knight behavioural practices, rituals and ethical values permeated the environment of common people. In particular, the multi-sense significance of the knight initiation rite is studied, in which the expression of commune identity acquired great importance. Legends about the heroic feats of knights and the romance of courtouse love spread widely in public spectacles and manifestations of festive culture; lavish tournaments and horse rides were organized, often serving as a means of easing social tensions in the city. Knight rituals and festive ceremonies adapted to the needs of the urban society.

In the first chapters of Part II, entitled "Common people and nobles: confrontation or convergence?", the processes of formation and development of

the basic social contradiction between the *grandi* and *popolo* are revealed. They state that the 50—70s of the XIIIth century were a period of common people's consolidation at the level of autonomous political institutions when the cohesion on the territorial-administrative principle dominated. In the 1280—early 1290's, the tendency to achieve unity in the professional-corporate sphere on the guild principle came to the foreground. Nevertheless, the representatives of the emerging *popolo* elite who came to power showed a tendency to align with the *grandi*.

In line with the current discussions about the "Ordinances of Justice", the author analyses the importance of the legislation of 1293, which served to further blurring of lines between the estates, establishing control over the registers — the lists of *grandi* and *popolo*, in which, by the will of the commune authorities, a *popolo* could be declared a magnate and a noble could be transferred in the *popolo* category. Despite the decisiveness of the offensive on the dominant role of the *grandi*, the "Ordinances" had never been absolute in character, especially since the layer of the nobility had been modified from within. At the turn of the XIIIth—XIVth centuries, the contrasts between *grandi* and *popolo* took a back seat under the influence of inter-factional struggle and interpersonal rivalry. But stubborn resistance to the armed attempts of cancelling undertaken in 1323, 1340 and 1343 evidence of the significance of the establishment of the "Ordinances of Justice" throughout the XIVth century. The events of 1343 led to the establishment of a board governing with a predominance of middle and junior crafts controlling anti-magnate legislation, then softening it, then tightening again, pursuing a flexible course that did not allow the claims of nobles to gain ground, but enabling them to preserve and use a significant potential of their abilities as "masters of war" and leaders of the city militia, as well as "people of power", urged to rule in other cities of Italy, in the form of administrative activities and external policy for the benefit of the city. Although after 1293 the *popolo* were on the top of the social hierarchy, the nobles remained an integral part of the commune.

Preconditions for social synthesis arose on an economic basis: representatives of noble families and *popolo* became members of the senior crafts and founded joint trade and banking companies. The former attributes of the nobility were complemented by new ones — participation in the commune government, high authority and political influence in the society, which condemned and suppressed the aggressiveness of the *grandi* and their desire to rise above the commune legislation.

The interaction of the commune and the consortia of the nobility on the example of the family books of such nobles as Luca da Panzano Firidolfi and Simone della Tosa demonstrates the inconsistency of the ways of social synthesis. The commune subordinated the noble families to the city laws, clipping powers and controlling the sphere of private (family) law, but at the

same time, as the *vendetta* in the family of Firidolfi demonstrates, using the customs of blood feuds in carrying out policy of expansion in the contado, which confirms the theses of A. Zorzi on the close interaction of commune and clan jurisdiction. But in the XIVth century, the original *popolo* families Strozzi, Ricci, Albizzi, Rucellai and others were rallying together in consortia, because of the tension of socio-political contradictions leading to civil war outbreaks, state reorganization and regime change that called for armed protection of houses and escort of families and household. Practices of *popolo* consortia, including *vendetta* and the tendency to refuse blood feud, are explored by the example of the Velluti family.

At the same time, representatives of the ancient nobility and feudal lords in the eyes of the townspeople embodied the image of the "different", the bearer of customs and behavioural practices, different from those used by "good merchants", postulating in business relations the respect for the equality of the parties, eliminating arbitrariness and violence. Monarchs and feudal authorities were perceived as "strangers", "dangerous", "not like us", and their environment was seen as hostile to the merchant's precepts. The "blocks" that make up the image of the "different" in the person of the feudal lord, showed the otherness of his nature: he is unpredictable, inclined toward emotional impulses more than rational prudence; he acts by violence and arbitrariness with those whom he considers being lower than himself; he does not comply with the terms of contracts. The archetype of the enemy was the clan of the "accursed Ubaldini" — a noble and ancient Ghibellian family, not urbanized and having been enemies with the commune for centuries. The images of the city knights were ambivalent: the contemporaries admired the courage and ability for the great affairs of Corso Donati but condemned him as a "troublemaker" who did not take into account laws and asserted his will by violence. Another member of the same family, Manno Donati, appeared as a "good noble" — an amiable knight and commander, not opposing himself to the commune society. Marginals of noble families are represented by Giovanni di Filippo Cavalcanti, who, on the one hand, claimed himself to be a representative of an ancient and noble family, but on the other hand, due to his poverty, identified himself with the disadvantaged urban lower classes.

Along with the contrasts between the *grandi* and *popolo*, the contradiction between "old" and "new" citizens is considered from the middle of the XIVth century. The term *gente nuova* meant members of junior and middle crafts, even from families that had been living in the city for a long time, but also recent settlers (*forestieri, gente mista*), whose number had increased significantly since 1348. These categories had no generic family names and the social privileges of the ancient clan. Contemporaries evaluated the "new people" mainly negatively, emphasizing the features of barbarity and asociality. However, these characteristics contained not so many objective judgments as

a set of negative emotions (fear and suspicion) connected with the image of a "stranger", "non-citizen", with the frightening energy of pushing out "indigenous" citizens from electoral lists and from trade profits. At the turn of the XIIIth—XIVth centuries, the definition of "new people" included not only the recent migrants but in the context of the strengthening of oligarchic tendencies — those who were not previously part of the ever-narrowing group of the ruling elite. They were also assessed negatively, as using unworthy means of elevation.

A tendency to prove the long-term residence of the family in Florence and its rooting in the city space originated from the desire of new people to become "old citizens". Arguments of "primordiality" of residence in the city were attempts to construct genealogies, the establishment of family palaces, the appropriation of a certain urban space, the connection with the prestigious sacred places by building chapels and the founding of ancestral burial vaults, on which the family arms were placed to mark an "own place" in the city. *Podere* and country villas also had multisense significance, being, first of all, a resource for survival due to stocks of grain, wine, and oil in conditions of frequent food crises, a means of guaranteeing loans and credits, a place of rest from city occupations and a protective shelter during epidemics. In addition, suburban landed estates were often accompanied by buying a "patronal villa" or a sort of a castle in order to feel like a *signor* over the surrounding villagers and a patriarch who provides protection and claims for personal services in return. But the complex of the country land was also an important part of the construction of the family memory, acting as the place of the initial origin of the family name.

Moral and ethical values of traders and artisans found their expression in the settings of the "good merchant" (*buono mercante*) model. This "code" prescribed the prevalence of prudence and soberness over impulsive behaviour and emotional bursts, the ability to enter into a constructive dialogue with representatives of different social strata and nations in order to achieve the optimal compromise — the most profitable trade and banking transaction, which required the development of conformism and conflict-free behavioural strategies. The trade occupation was regarded as a starting point and a measure of moral virtues. The commercial and entrepreneurial basis of the Florentine Republic was the primary cause of all its success, consecrated by God's craft. On the contrary, the rejected representatives of the clan were those who did not correspond to the standard of the "good merchant". Their way of life was characterized by the term *curtuasia* and included behavioural stereotypes peculiar to knights and warriors: waste of money for horses, dogs, falcons, pretentious clothes, courtship for ladies, gambling, engaging in robbery. At the same time, the desire for social escalation was marked by the attributes of the way of life typical of feudal lords and knights: the establish-

ment of arms and knightly spurs, valiant pre-heroes — heroic warriors and crusaders, the pride of the military careers of the family representatives.

Social synthesis is noticeable in the perception of the images of such outstanding citizens as Niccolo degli Acciauoli, chancellor in the Neapolitan kingdom, and Filippo Scolari, counsellor of Emperor Sigismund in Hungary. The Florentines constructed their images according to a single code: they were able to achieve success due to the virtues of good merchants, but at the same time, they became knights, great warriors, loyal and valiant vassals of their suzerains. However, their stay in their native city was accompanied by sentiments of suspicion, a potential threat, as around the carriers of alien models of power. Former compatriots in the eyes of the majority of Florentines are already "different", social degenerates, unable to live in conditions of commune equality.

With all the diversity of bizarre configurations of various elements of social synthesis, which were borne by citizens, the single component was the identity with the commune society, the awareness of being *Fiorentini*.

Contents

Introduction 7
§ 1. Discussion on the main social contradiction of the commune society of Florence in XIII-th—XIV-th centuries 7
§ 2. Source Terminology 15

Part I. The nobility without common people: urbanization processes
Chapter I. Between castles and the city 27
§ 1. Myths about the origin of the most ancient nobility of Florence 27
§ 2. Famous families of Florence in the XIth—XIIth centuries: estates traits 43
§ 3. The urbanization of noble families 47
Chapter II. The nobility inside the city walls 55
§ 1. The city of towers 55
§ 2. Rotation of the Florentine nobles' names 64
§ 3. Cultural reflections on the nobility of the clan and the nobility of the individual in the second half of the XIIIth century 73
Chapter III. An Instance of social self-identity of the Castiglionchio family representatives 81
§ 1. Gentility criteria of the city nobles in the perception of Lapo da Castiglionchio and Vincenzo Borghini 81
§ 2. Lapo da Castiglionchio about the origins of his family 91
§ 3. Experiencing the transformation of social status in the Castiglionchio family 96
Chapter IV. The city society and knights 113
§ 1. Historiographic versions and terminology 113
§ 2. Values of the *milites* attitude in the anonymous chronicle of the XIIIth century 120
§ 3. The virtues and vices of knights in the perception of the citizens in XIIIth–XIVth centuries 130
§ 4. The significance of knightly rituals in the urban society of Florence 137

Part II. Common people and nobles: confrontation or convergence?
Chapter I. Development of the basic social contradiction in the XIIIth–the beginning of the XIVth centuries 153
§ 1. From the development of the *Primo Popolo* premises to the culmination of the open confrontation (1293) 153

§ 2. The ultimate victory of the people: The "Ordinances of justice" 170
§ 3. Social compromise and inter-party antagonism at the turn of the XIIIth—XIVth centuries 179
Chapter II. The place of the nobles in the commune society of the late XIIIth—first half of the XIVth century 189
§ 1. Economic ties between nobles and commons 189
§ 2. "Masters of War" 196
§ 3. *Grandi* as "people of power" 207
Chapter III. Enemies, rebels against the commune and marginals of noble births 213
§ 1. The "accursed Ubaldini": the image of the enemy 213
§ 2. Two city nobles from the Donati clan in the perception of their fellow citizens 230
§ 3. "Very noble, but very poor": the casus of Giovanni di Filippo Cavalcanti 245
Chapter IV. Common people representatives at the top of the social hierarchy 267
§ 1. Resistance to the attempts to abolish the "Ordinances of Justice" 267
§ 2. The coexistence of *popolo* and *grandi* in the middle—second half of the XIVth century 281
§ 3. A city-commune and consortia of nobles 296
§ 4. Self-identification with the *popolo* community: the casus of Donato Velluti 320
Chapter V. Criteria of social elevation in the city 331
§ 1. "New citizens" of Florence 331
§ 2. The habitat and the development of space within the city walls 356
§ 3. Citizens as owners of the land: the space outside the city walls 369
Chapter VI. Practices of socio-cultural synthesis: common people's aspiration to nobility 385
§ 1. The values of the trade and crafts environment: the "good merchant" ethos 385
§ 2. Attributes of nobility and knightly virtues as symbols of social escalation of common people 400
Chapter VII. Outstanding citizens in the commune society 407
§ 1. Why were diplomats appreciated in Florence? 407
§ 2. Florentines at the monarch's thrones: Niccolo degli Acciaiuoli and Filippo Scolari 416

Conclusion 441
Bibliography 448
Index of names 463
Summary 486

Научное издание

Ирина Александровна Краснова
Флорентийское общество во второй половине XIII—XIV в.:
гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 28.04.2018 Формат 70×100/16. Заказ № 1117.
Тираж 500 экз. 31,0 п.л. 34 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Mediae Valla

И.А. Краснова

Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари

В книге предпринята попытка рассмотреть трансформации социальной стратификации в коммунальном обществе Флоренции второй половины XIII—XIV в. Сложность динамики социальных отношений состояла в одновременном протекании двух процессов: противоречия между знатью и народом, сопровождавшегося вспышками гражданской войны, и явлениями синтеза в экономической, политической и социокультурной сферах общества. К исследованию привлекаются различные группы аутентичных источников, некоторые из которых впервые вводится в научный оборот: документы, хроники, жизнеописания, письма, дневники и т.н. «семейные книги» флорентийских граждан, дающие возможность использовать просопографический метод. Динамика социальных противоречий и изменения иерархической структуры коммунального общества прослеживается через судьбы, чаяния и переживания по поводу изменений социального статуса отдельных представителей как слоя нобилей — старой знати, владеющей замками и феодами, — так и пополанства, включавшего обитающих в городе и имеющих статус «граждан» купцов и ремесленников. Особое внимание уделяется разделению на «старых» и «новых» граждан, ставшее актуальным во второй половине XIV в. после чумных эпидемий.

9 785987 128725